This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Левъ Николаевичъ Толстой.

БІОГРАФІЯ.

Составилъ **П. Бирюковъ**

по неизданнымъ матеріаламъ (Воспоминанія и письма Л. Н. Толстого).

Изданіе книгоиздательства „Посредникъ“.

№ CXL.

ТОМЪ I.

Типографія торговаго дома А. П. Печковскій, П. А. Буланже и К°.
Москва, Пантелеевскій пер., соб. д., № 53. — 1906.

Digitized by Google

891.78
T650
B6
Q6

Digitized by Google

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Съ искренней благодарностью посвящаю эту книгу женѣ моей, Павлѣ Николаевнѣ, своимъ упорнымъ, неустаннымъ, такъ называемымъ чернымъ, а, на самомъ дѣлѣ, важнѣйшимъ, жизненнымъ трудомъ, освободившей меня и давшей мнѣ часы досуга, необходимаго для этой работы.

Безъ ея самоотверженнаго, добровольнаго участія въ моей жизни я бы не могъ написать этой книги.

Въ лицѣ ея посвящаю эту книгу и всѣмъ въ неизвѣстности трудившимся болѣе тяжелымъ трудомъ въ то время, когда я наслаждался этой работой.

П. Б.

Digitized by Google

204943

Digitized by Google

Введеніе.

Съ робостью и благоговѣніемъ, съ сознаніемъ своей слабости приступилъ я къ священному для меня дѣлу, изображенію жизни моего учителя, великаго старца Льва Николаевича Толстого.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ настолько далекъ отъ этого дѣла, что, живя большую часть времени въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ со Львомъ Николаевичемъ, проводя въ его домѣ часы и даже цѣлые дни, никогда не дѣлалъ никакихъ замѣтокъ, никакихъ записей того, что мнѣ приходилось слышать какъ отъ самого Льва Николаевича, такъ и отъ окружавшихъ его лицъ. Теперь, уже живя въ ссылкѣ*) за свои религіозныя убѣжденія внѣ Россіи и потому вдали отъ Льва Николаевича Толстого, я взялся за это важное дѣло.

Поводомъ къ этому было предпринятое парижскимъ издателемъ Стокомъ изданіе полнаго собранія сочиненій Льва Николаевича на французскомъ языкѣ, для котораго я получилъ предложеніе доставить проредактированный мною русскій оригиналъ и написать къ нему біографію.

Я зналъ хорошо, что писать біографію живого человѣка нельзя безъ согласія его самого и его семьи, и прежде,

*) См. P. S. къ этому введенію.

Digitized by Google

чѣмъ принять это предложеніе, я обратился къ графинѣ Софьѣ Андреевнѣ Толстой съ просьбой сообщить мнѣ, не будетъ ли она противъ того, чтобы я занялся составленіемъ біографіи Льва Николаевича, на что получилъ, ободрившій меня, добрый отвѣтъ ея; я выписываю здѣсь изъ ея письма то, что относится къ дѣлу:

„. . . Конечно, хорошо бы вамъ заняться біографіей; и самъ Левъ Николаевичъ могъ бы еще отвѣтить вамъ на многое, что вы запросите мнѣ; только надо спѣшить. Чуть-чуть не угасла всѣмъ намъ дорогая жизнь. Но теперь, слава Богу, Левъ Николаевичъ хорошо поправляется и опять работаетъ“.

Письмо это помѣчено 19 іюля 1901 года и написано тотчасъ послѣ перенесенной Львомъ Николаевичемъ тяжкой болѣзни.

Не желая безпокоить самого Льва Николаевича и будучи впередъ увѣренъ въ томъ, что онъ не окажетъ никакого препятствія моей работѣ, я послѣ вышеприведеннаго письма далъ согласіе на сдѣланное мнѣ предложеніе и принялся за работу.

Начавши знакомиться съ матеріаломъ и вдумываться въ сущность и программу предстоящей работы, я съ одной стороны не разъ ужасался громадности ея, а съ другой стороны все болѣе и болѣе увлекался ею, поглощался ея интересомъ и уже такъ сроднился съ нею, что считаю ее теперь дѣломъ своей жизни, независимо отъ какихъ бы то ни было издательскихъ соображеній.

Предварительная работа моя состояла въ собираніи матеріала для біографіи. Такіе матеріалы или источники для составленія біографіи Л. Н. Толстого я раздѣляю на четыре разряда по ихъ важности или достоинству.

Къ первому разряду я причисляю, во-первыхъ, личныя автобіографическія замѣтки самого Льва Николаевича, его письма къ разнымъ лицамъ и выписки изъ его дневниковъ. Автобіографическій матеріалъ представляетъ

Digitized by Google

особенную важность при жизни автора его, такъ какъ всякое противорѣчіе, встрѣчающееся въ немъ, по сравненію съ свидѣтельствами изъ другихъ источниковъ, можетъ быть разъяснено самимъ авторомъ и фактъ возстановленъ во всей его полнотѣ.

Ко второму разряду я причисляю различныя воспоминанія и біографическіе очерки лицъ, близко знавшихъ Льва Николаевича: его родственниковъ, друзей и знакомыхъ, бывшихъ въ непосредственномъ сношеніи съ нимъ. Къ этому второму разряду я отношу также различныя офиціальныя данныя и архивные матеріалы, какъ, напримѣръ: послужные списки, метрическія свидѣтельства, различные документы учебнаго начальства, копіи съ судебныхъ и административныхъ дѣлъ и т. д.

Къ третьему разряду я причисляю сочиненія о Львѣ Николаевичѣ, составленныя по другимъ источникамъ, а также тѣ сочиненія самого Льва Николаевича, къ которымъ надо относиться весьма осторожно въ смыслѣ біографическомъ, такъ какъ реальные факты переплетаются въ нихъ съ работой художественной фантазіи.

Наконецъ, къ четвертому разряду я причисляю различныя мелкія статьи, а также и цѣлыя книги, или плохо, безтолково составленныя, или такія, авторы которыхъ не заслуживаютъ довѣрія, но которыя все-таки могутъ имѣть нѣкоторую относительную цѣнность, заполняя иногда пробѣлы другихъ источниковъ. Перечислять ихъ я не считаю нужнымъ.

Иностранная литература крайне бѣдна біографическими свѣдѣніями о Львѣ Николаевичѣ, особенно по отношенію къ первому періоду его жизни. Поэтому я не выдѣляю списокъ иностранныхъ источниковъ въ особый отдѣлъ, а включаю ихъ въ общій алфавитъ.

Въ концѣ этого введенія приложенъ списокъ по разрядамъ всѣхъ использованныхъ мною источниковъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ первыхъ трехъ разрядовъ.

Digitized by Google

Сдѣлавъ первые шаги при разборкѣ полученнаго мною матеріала, я почувствовалъ потребность войти по этому дѣлу въ непосредственныя сношенія съ самимъ Львомъ Николаевичемъ, такъ какъ много неясныхъ сторонъ, открывшихся мнѣ, могъ разъяснить только онъ самъ. Я долго колебался, стоитъ ли изъ-за этого тревожить его, но наконецъ рѣшилъ написать ему, сказавъ, что рѣшаюсь безпокоить его разспросами, зная, что онъ не отказываетъ художникамъ лѣпить и писать съ него и фотографамъ-любителямъ дѣлать съ него снимки, хотя это и не можетъ доставить ему удовольствія, а потому и я прошу его попозировать для меня, для моего словеснаго изображенія его личности, которое я началъ писать, и я получилъ на это его доброе согласіе, которое онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ въ письмѣ ко мнѣ отъ 2 декабря 1901 г.:

„... очень радъ позировать вамъ и буду категорически отвѣчать на ваши вопросы“.

Другую важную поддержку оказалъ мнѣ другъ мой В. Г. Чертковъ, согласившійся открыть мнѣ для работы свой богатый архивъ частной корреспонденціи Льва Николаевича и выписокъ изъ его дневниковъ.

Неблагопріятныя условія моей работы состояли въ томъ, что я, отрѣзанный отъ Россіи какимъ-то нелѣпымъ административнымъ распоряженіемъ, лишенъ былъ возможности личнаго непосредственнаго общенія съ тѣмъ, жизнь кого я описываю, и лишенъ возможности работать въ русскихъ публичныхъ библіотекахъ и архивахъ; это обстоятельство значительно затрудняло мою работу по выборкамъ изъ старыхъ журналовъ и только благодаря любезности нѣкоторыхъ частныхъ владѣльцевъ русскихъ библіотекъ за границей и благодаря богатству русскаго отдѣла въ Британскомъ музеѣ, это препятствіе было обойдено мною отчасти, но далеко не вполнѣ. Я сдѣлалъ все, что могъ, по совѣсти и разуму, чтобы превозмочь эти препятствія, даже подавалъ прошеніе министру внутреннихъ дѣлъ о дозволеніи пріѣхать

Digitized by Google

мнѣ на два мѣсяца въ Россію—и получилъ категорическій отказъ. Поэтому, конечно, я не могу считать свою задачу исчерпанной до конца.

Что касается до выпускаемаго мною теперь перваго тома, я долженъ сказать, что читатели найдутъ въ немъ нѣчто безусловно новое — это воспоминанія Льва Николаевича о своемъ дѣтствѣ и о своихъ родныхъ, а также большое количество его частныхъ писемъ.

Чтобы показать читателю, какъ трудно было Льву Николаевичу взяться за писаніе своихъ воспоминаній, и чтобы показать, какъ слѣдуетъ относиться къ нимъ, я приведу нѣсколько выдержекъ изъ моей переписки съ нимъ по этому предмету.

Я нѣсколько разъ писалъ Льву Николаевичу и близко стоящимъ къ нему людямъ съ просьбой записать хотя словесные разсказы Льва Николаевича о своемъ дѣтствѣ, что можно было бы сдѣлать въ простой вечерней бесѣдѣ.

Наконецъ, я получилъ отъ Льва Николаевича слѣдующее сообщеніе:

„... Сначала я думалъ, что не буду въ состояніи помочь вамъ въ моей біографіи, несмотря на все мое желаніе сдѣлать это. Боялся неискренности, свойственной всякой автобіографіи, но теперь я какъ будто нашелъ форму, въ которой могу исполнить ваше желаніе, указавъ на главный характеръ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ періодовъ моей жизни въ дѣтствѣ, юности и возмужалости. Какъ только оправлюсь настолько, что буду въ состояніи писать, непремѣнно посвящу на это нѣсколько часовъ и постараюсь сдѣлать это“.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ онъ пишетъ мнѣ слѣдующее:

„... Боюсь, что я напрасно обнадежилъ васъ обѣщаніемъ писать свои воспоминанія. Я попробовалъ думать объ этомъ и увидалъ, какая страшная трудность избѣжать Харибды— самовосхваленія (посредствомъ умалчиванія всего дурного)

Digitized by Google

и Сциллы—цинической откровенности о всей мерзости своей жизни. Написать всю свою гадость, глупость, порочность, подлость—совсѣмъ правдиво, правдивѣе даже, чѣмъ Руссо,—это будетъ соблазнительная книга или статья. Люди скажутъ: вотъ человѣкъ, котораго многіе высоко ставятъ, а онъ вонъ какой былъ негодяй, такъ ужъ намъ-то, простымъ людямъ, и Богъ велѣлъ.

„Серьезно, когда я сталъ хорошенько вспоминать всю свою жизнь и увидалъ всю глупость (именно глупость) и мерзость ея, я подумалъ, что же другіе люди, если я, хваленый многими, такая глупая гадина? А между тѣмъ, вѣдь это объясняется еще тѣмъ, что я хитрѣе другихъ. Это все я вамъ говорю не для красоты слога, а совсѣмъ искренно. Я все это пережилъ“.

Видя колебанія Льва Николаевича и чувствуя всю важность этого дѣла, я продолжалъ настаивать и, чтобы дать, такъ сказать, канву, по которой онъ могъ бы начать вышивать, я послалъ ему набросанную мною программу его біографіи.

Въ этой программѣ я принялъ условную систему дѣленія жизни человѣческой на семилѣтніе періоды. Это дѣленіе я слышалъ отъ самого Льва Николаевича, который, когда-то въ разговорѣ при мнѣ высказалъ мысль, что ему кажется, что, соотвѣтственно семилѣтнимъ періодамъ физической жизни человѣка, признаваемымъ нѣкоторыми физіологами, можно установить и семилѣтніе періоды въ развитіи духовной жизни человѣка, такъ что выйдетъ, что каждому семилѣтнему періоду соотвѣтствуетъ особый духовный обликъ.

Резюмируя такимъ образомъ въ краткихъ словахъ перечень фактовъ изъ жизни Льва Николаевича и расположивъ его по этимъ періодамъ, мы получаемъ слѣдующую схему:

Digitized by Google

Года:	Лѣта Л. Н—ча:	Содержаніе періодовъ:
1) 1828—35 гг.	Отъ рожд. до 7 л.	Младенчество.
2) 1835—42 „	7—14 лѣтъ.	Отрочество.
3) 1842—49 „	14—21 „	Юность, ученье, университетъ, начало хозяйства въ деревнѣ.
4) 1849—56 гг.	21—28 лѣтъ.	Начало писательства, военная служба: Кавказъ, Севастополь, Петербургъ.
5) 1856—63 „	28—35 „	Отставка, путешествія, смерть брата, педагогическая дѣятельность, посредничество, женитьба
6) 1863—70 „	35—42 „	Семейная жизнь. „Война и Миръ“. Хозяйство.
7) 1870—77 „	42—49 „	Самарскій голодъ. „Анна Каренина“. Апогей литературной славы, семейнаго счастья и богатства.
8) 1877—84 „	49—56 „	Кризисъ. „Исповѣдь“. „Евангеліе“. „Въ чемъ моя вѣра?“
9) 1884—91 „	56—63 „	Москва. „Такъ что же намъ дѣлать?“ Народная литература. „Посредникъ“. Распространеніе идей въ обществѣ и народѣ. Критики.
10) 1891—98 „	63—70 „	Голодъ. „Царство Божіе внутри васъ“. Духоборы. Гоненіе на послѣдователей этихъ идей.
11) 1898—905 „	70—77 „	„Воскресеніе“. Отлученіе. Болѣзнь. Послѣдній періодъ. Обращеніе къ военнымъ, народу, духовенству и политическимъ дѣятелямъ. Война. Революціонное и реформаторское движеніе въ Россіи.

При самомъ бѣгломъ обзорѣ этой схемы читатель невольно замѣтитъ духовную особенность каждаго періода. И схема эта или канва не осталась безъ результата. Я получилъ вскорѣ отъ Льва Николаевича письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее:

„... Про свою біографію скажу, что очень хочется помочь вамъ и написать хоть самое главное. Рѣшилъ я, что могу написать, потому что понялъ, что интересно бы было

Digitized by Google

и полезно, можетъ-быть, людямъ показать всю мерзость моей жизни до моего пробужденія и, безъ ложной скромности говоря, всю доброту (хотя бы въ намѣреніяхъ, не всегда по слабости выполненныхъ) послѣ пробужденія. Въ этомъ смыслѣ мнѣ и хотѣлось бы написать вамъ. Ваша программа семилѣтняя мнѣ полезна и, дѣйствительно, наводитъ на мысли. Постараюсь заняться этимъ при первомъ окончаніи начатой работы".

Наконецъ, еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я получилъ драгоцѣнные листки съ воспоминаніями, набросанными начерно самимъ Львомъ Николаевичемъ. Я поспѣшилъ воспользоваться ими, замѣнивъ этими яркими красками блѣдныя мѣста уже начатой мною біографіи, и, при первомъ удобномъ случаѣ, переслалъ Льву Николаевичу начало моей работы съ просьбой высказать свое сужденіе о ней.

На это я получилъ письмо, въ которомъ Левъ Николаевичъ, между прочимъ, писалъ слѣдующее:

„... Общее мое впечатлѣніе то, что вы очень хорошо пользуетесь моими записками, но я избѣгаю вникать въ подробности, такъ какъ такое вниканіе можетъ завлечь меня въ работу исправленія, которой я не хочу. Такъ что представляю все вамъ, присовокупляя только то, что въ своей біографіи, цитируя мѣста изъ моихъ записокъ, прибавьте: изъ доставленныхъ мнѣ и отданныхъ въ мое распоряженіе черновыхъ неисправленныхъ записокъ".

Я разсказалъ всю эту исторію, чтобы оградить Льва Николаевича отъ всякой литературной отвѣтственности, и, исполняя его просьбу, привожу эту подчеркнутую фразу какъ въ введеніи, такъ и при каждой цитатѣ.

Вотъ при такихъ-то ободряющихъ обстоятельствахъ я продолжалъ свою работу.

Выпускаемый мною I томъ содержитъ въ себѣ описаніе происхожденія Льва Николаевича и первые періоды его жизни: дѣтской, юношеской и возмужалой холостой жизни, и заключается его женитьбой.

Digitized by Google

Остановка на этомъ времени удобна въ смыслѣ содержанія, такъ какъ самъ Левъ Николаевичъ считаетъ этотъ моментъ началомъ новой для него жизни. Остановка на этомъ мѣстѣ имѣетъ и практическое значеніе въ издательскомъ смыслѣ, такъ какъ содержаніе написаннаго по размѣру составляетъ обыкновенный томъ французскаго изданія.

Во второмъ періодѣ я надѣюсь разсказать о періодѣ наибольшей литературной славы, семейнаго счастья и богатства Льва Николаевича, пережитый имъ послѣ этого кризисъ и рожденіе его къ новой духовной жизни, т.-е. приблизительно года 1863—1884, соотвѣтствующіе въ жизни Льва Николаевича его лѣтамъ 35—56.

И, наконецъ, въ третьемъ томѣ ту часть жизни, которою живетъ теперь Левъ Николаевичъ и которая, надѣюсь, на радость намъ, не скоро еще кончится.

По справедливому замѣчанію одного біографа, жизнь Льва Николаевича подобна пирамидѣ, стоящей вершиной внизъ и основаніемъ кверху, продолжающей все расти и расширяться. Пропорціонально этому располагается и біографическій матеріалъ; ничтожное количество при его рожденіи, доходя до настоящаго времени, оно возрастаетъ до необъятности.

Имя Льва Николаевича Толстого избавляетъ меня отъ трудной и отвѣтственной обязанности дѣлать его общую характеристику, представлять его публикѣ. Близость къ натурѣ— вотъ моя единственная художественно-историческая задача.

П. И. Бирюковъ.

Villa Russe. Onex près Geneve. Suisse.
15 октября 1904 г.

P. S. Я уже закончилъ составленіе перваго тома, когда, вслѣдствіе временнаго ослабленія русскихъ репрессій, я получилъ разрѣшеніе вернуться въ Россію. Я воспользовался этимъ разрѣшеніемъ, съѣздилъ туда и пополнилъ значительно біографическій матеріалъ перваго тома, какъ посредствомъ

Digitized by Google

личнаго общенія со Львомъ Николаевичемъ, такъ и чтеніемъ его дневниковъ и переписки, за что приношу мою глубокую благодарность графинѣ Софьѣ Андреевнѣ Толстой, открывшей мнѣ доступъ къ цѣннымъ коллекціямъ біографическаго матеріала, собраннаго ею и сданнаго на храненіе въ московскій историческій музей, въ комнату имени Льва Толстого.

Весьма вѣроятно, что работа моя, начатая при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, приняла бы иныя, болѣе совершенныя формы. Но я не имѣю возможности вернуться назадъ и начать сначала и потому оставляю ее такою, какою она есть, сдѣлавъ только тѣ перемѣны, которыя требовалъ вновь собранный мною матеріалъ послѣ моей поѣздки въ Россію.

Оставляю также и мое введеніе въ прежнемъ видѣ, такъ какъ оно вѣрно изображаетъ обстоятельства моей работы.

Еще два слова. Надѣюсь, читатели поймутъ тѣ особенныя условія, въ которыхъ мнѣ приходилось и приходится работать. Я пишу біографію не только живого, но еще бодро и энергично живущаго человѣка, и потому я, какъ біографъ, не могу сказать послѣдняго слова, дать окончательной оцѣнки этому, столь сильно бьющему, жизненному потоку.

И потому я долженъ бы былъ скромно (и я дѣлаю это вполнѣ искренно) назвать свой трудъ лишь сборникомъ доступныхъ мнѣ матеріаловъ для біографіи Льва Николаевича Толстого.

Мнѣ не хотѣлось задерживать выхода этого перваго, болѣе или менѣе законченнаго тома, такъ какъ я полагаю, что выпускъ его въ свѣтъ можетъ указать обществу на тотъ центръ, куда могли бы стекаться свѣдѣнія, воспоминанія и другіе документы о жизни Льва Николаевича. Я буду искренно благодаренъ за всякую помощь и указанія.

23 августа 1905 г.

П. Б.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Списокъ использованныхъ матеріаловъ къ I тому.

I разрядъ.

1) Краткая біографія, составленная самимъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ по просьбѣ Н. Страхова для изданія Стасюлевича: „Русская библіотека", вып. IX. Гр. Л. Н. Толстой. Спб. 1879 г.

2) Исповѣдь Л. Н. Толстого. Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого, запрещенное въ Россіи. Т. I. Изданіе Свободнаго Слова. Christchurch. Hants. England.

3) Первыя воспоминанія. Отрывокъ. Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. Т. XIII, изд. 10-е. Москва. 1897 г. Впервые появились въ сборникѣ И. Горбунова-Посадова „Русскимъ матерямъ". Москва, 1892 г.

4) Доставленныя мнѣ и отданныя въ мое распоряженіе черновыя неисправленныя записки Л. Н. Толстого.

5) Частныя письма Л. Н. Толстого къ его родственникамъ и знакомымъ.

6) Дневникъ Л. Н. Толстого.

7) Матеріалы къ біографіи Л. Н. Толстого, записанные съ его словъ С. А. Толстой.

8) Автобіографическіе разсказы, помѣщенные въ IV томѣ полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. (Педагогическія статьи).

9) Мои воспоминанія 1848—1889 гг. А. Фета. Москва 1890 г. (Большое количество писемъ Л. Н. Толстого).

10) Нѣсколько словъ по поводу книги „Война и Миръ". Статья Л. Н. Толстого. Русскій Архивъ 1868 г. Вып. 3.

II разрядъ.

11) С. А. Берсъ. Воспоминанія о гр. Л. Н. Толстомъ. Смоленскъ. 1894 года.

12) Paul Boyer. Chez Tolstoï. Trois jours à lasnaïa Poliana. Le Temps 27—29 Août 1901.

13) А. Е. Головачева-Панаева. Русскіе писатели и артисты. Воспоминанія 1824—1870 гг. СПБ. 1890. Изд. Губинскаго.

14) Д. В. Григоровичъ. Литературныя воспоминанія. Полное собраніе сочиненій. Т. XII, стр. 326.

Digitized by Google

15) Г. П. Данилевскій. Поѣздка въ Ясную Поляну. Историческій Вѣстникъ. Мартъ 1886 г.

16) Изъ бумагъ А. В. Дружинина: „XXV лѣтъ". Сборникъ, изданный Обществомъ пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. СПБ. 1884 г.

17) Н. П. Загоскинъ. Гр. Л. Н. Толстой и его студенческіе годы. Историческій Вѣстникъ. Январь 1894 г.

18) Захарьинъ (Якунинъ) Ив. Графиня А. А. Толстая. Личныя впечатлѣнія и воспоминанія. Вѣстникъ Европы. Іюнь 1904 г.

19) Р. Löвенфельдъ. Гр. Л. Н. Толстой, его жизнь и сочиненія. Переводъ съ нѣмецкаго А. В. Перелыгиной (съ примѣчаніями гр. С. А. Толстой). Москва 1897 г.

20) R. Löwenfeld. Cesprächе mit und über Tolstoï. Leipzig.

21) Евг. Марковъ. Живая душа въ школѣ. Мысли и воспоминанія стараго педагога. Вѣстникъ Европы. Февраль 1900 г.

22) М. О. Меньшиковъ. Первое произведеніе Л. Н. Толстого. Книжки Недѣли 1892 г. Октябрь.

23) Н. К. Михайловскій. Литературныя воспоминанія и современная смута. Т. I. Изд. Русскаго Богатства. СПБ. 1900 г.

24) Мнѣніе 105 тульскихъ дворянъ о надѣлѣ крестьянъ землею. Современникъ 1858 г. Т. 72.

25) Н. А. Некрасовъ. Четыре письма къ гр. Л. Н. Толстому. Нива № 2, 1898 г.

26) Л. П. Никифоровъ. Біографическій очеркъ. Курьеръ. Сентябрь 1902 г.

27) Кн. Д. Д. Оболенскій. Наброски и воспоминанія. Русскій Архивъ. 1894 г.

28) Ив. Ив. Панаевъ. Литературныя воспоминанія, съ приложеніемъ писемъ. СПБ. 1888 г. Изд. Мартынова.

29) С. Плаксинъ. Гр. Л. Н. Толстой среди дѣтей. Москва. 1903 г.

30) В. А. Полторацкій. Воспоминанія. Историческій Вѣстникъ. Іюнь 1893 г.

31) А. Румянцевъ. Письмо къ Д. И. Титову. Полярная Звѣзда IV. Изд. Герцена. Лондонъ. 1857 г.

32) Севастопольская пѣсня. Сообщилъ одинъ изъ участниковъ въ составленіи Севастопольской пѣсни. Русская Старина. Февраль 1884 г.

33) П. А. Сергѣенко. Какъ живетъ и работаетъ Л. Н. Толстой. Москва. 1898 г.

34) Евг. Скайлеръ. Воспоминанія о гр. Л. Н. Толстомъ. Русская Старина. Октябрь 1890 г. Пер. съ англійскаго. (Scribner Magasine 1889).

35) И. С. Тургеневъ. Первое собраніе писемъ. 1840 — 1883 гг. Изд. Литературнаго фонда. СПБ. 1885 г.

Digitized by Google

36) Д. Успенскій. Архивные матеріалы для біографіи Л. Н. Толстого. Русская Мысль. Сентябрь 1903 г.

37) Частныя письма родственниковъ и знакомыхъ Л. Н. Толстого о немъ.

38) Н. К. Шильдеръ. Эпизодъ изъ Аустерлицкаго боя. Русская Старина. Т. LXVIII. 1890 г.

III разрядъ.

39) Евг. Богословскій. Тургеневъ о Львѣ Толстомъ. 75 отзывовъ. Тифлисъ. 1894 г.

40) Wilh. Bode. Tolstoï in Weimar. Der Säemann. Monathschrift. Sept. 1905. Leipzig.

41) М. И. Венюковъ. Пѣсня о Севастополѣ. Русская Старина. Февраль 1875 г.

42) Кн. Е. Г. Волконская. Родъ князей Волконскихъ. Матеріалы, собранные и обработанные кн. Е. Г. Волконской. СПБ. 1900 г.

43 Кн. С. Гр. Волконскій (декабристъ). Записки. Изд. кн. М. С. Волконскаго.

44) Евг. Гаршинъ. Воспоминанія объ Ив. Серг. Тургеневѣ. Историческій Вѣстникъ. Ноябрь 1883 г.

45) П. Д. Драгановъ. Гр. Л. Н. Толстой, какъ писатель всемірный и распространеніе его произведеній въ Россіи и заграницей.

46) А. Ф. Кони. Біографическій очеркъ: „И. Ф. Горбуновъ". (Предисловіе къ собранію сочиненій).

47) В. Н. Лясковскій. Ал. Степ. Хомяковъ. Его біографія и ученіе. Русскій Архивъ, II, 1896 г.

48) В. Н. Назарьевъ. Жизнь и люди былого времени. Историческій Вѣстникъ 1900 г. Ноябрь.

49) Евг. Соловьевъ. Л. Н. Толстой, его жизнь и литературная дѣятельность. Изд. Павленкова.

50) М. А. Янжулъ. Къ біографіи Л. Н. Толстого. Русская Старина. Февраль 1900 г.

А также многія газетныя замѣтки и статьи.

Справочныя книги.

51) Брокгаузъ и Ефронъ. Энциклопедическій словарь.

52) Юрій Битовтъ. Гр. Толстой въ литературѣ и искусствѣ. Библіографическій указатель. Изд. Сытина. Москва. 1903 г.

53) Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно. А. В. Мезьера.

54) В. Зелинскій. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Москва. 1896 г.

Digitized by Google

Введеніе Л. Н. Толстого къ своимъ воспоминаніямъ.

Другъ мой П. Б., взявшійся писать мою біографію для французскаго изданія полнаго сочиненія, — просилъ меня сообщить ему нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія.

Мнѣ очень хотѣлось исполнить его желаніе, и я сталъ въ воображеніи составлять свою біографію. Сначала я незамѣтно для себя самымъ естественнымъ образомъ сталъ вспоминать только одно хорошее моей жизни, только, какъ тѣни на картинѣ, присоединяя къ этому хорошему мрачныя, дурныя стороны, поступки моей жизни. Но, вдумываясь болѣе серьезно въ событія моей жизни, я увидалъ, что такая біографія была бы хотя и не прямая ложь, но ложь вслѣдствіе невѣрнаго освѣщенія и выставленія хорошаго, и умолчанія или сглаживанія всего дурного. Когда же я подумалъ о томъ, чтобы написать всю истинную правду, не скрывая ничего дурного моей жизни, я ужаснулся передъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое должна бы была произвести такая біографія. Въ это время я заболѣлъ. И во время невольной праздности— болѣзни мысль моя все время обращалась къ воспоминаніямъ, и эти воспоминанія были ужасны.

Я съ величайшей силой испыталъ то, что говоритъ Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи: „Воспоминаніе“.

„Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогна града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,—

Digitized by Google

Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья.
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю".

Въ послѣдней строкѣ я только измѣнилъ бы такъ,—вмѣсто „строкъ печальныхъ"... поставилъ бы: „строкъ постыдныхъ не смываю".

Подъ этимъ впечатлѣніемъ я написалъ у себя въ дневникѣ слѣдующее:

6 января 1903 г.

„Я теперь испытываю муки ада: вспоминаю всю мерзость своей прежней жизни, и воспоминанія эти не оставляютъ меня и отравляютъ жизнь. Обыкновенно жалѣютъ о томъ, что личность не удерживаетъ воспоминанія послѣ смерти. Какое счастіе, что этого нѣтъ! Какое бы было мученіе, если бы я въ этой жизни помнилъ все дурное, мучительное для совѣсти, что я совершилъ въ предшествующей жизни! А если помнить хорошее, то надо помнить и все дурное. Какое счастіе, что воспоминаніе исчезаетъ со смертью и остается одно сознаніе,—сознаніе, которое представляетъ какъ бы общій выводъ изъ хорошаго и дурного, какъ бы сложное уравненіе, сведенное къ самому простому его выраженію: x = положительной или отрицательной, большой или малой величинѣ!

„Да, великое счастіе—уничтоженіе воспоминанія, съ нимъ нельзя бы жить радостно. Теперь же, съ уничтоженіемъ вос-

Digitized by Google

поминанія, мы вступаемъ въ жизнь съ чистой, бѣлой страницей, на которой можно писать вновь хорошее и дурное".

Правда, что не вся моя жизнь была такъ ужасно дурна, — такимъ былъ только 20-лѣтній періодъ ея; правда и то, что и въ этотъ періодъ жизнь моя не была сплошнымъ зломъ, какимъ она представлялась мнѣ во время болѣзни, и что и въ этотъ періодъ во мнѣ пробуждались порывы къ добру, хотя и не долго продолжавшіеся и скоро заглушаемые ничѣмъ не сдерживаемыми страстями. Но все-таки эта моя работа мысли, особенно во время болѣзни, ясно показала мнѣ, что моя біографія, какъ пишутъ обыкновенно біографіи, съ умолчаніемъ о всей гадости и преступности моей жизни, была бы ложь, и что если писать біографію, то надо писать всю настоящую правду. Только такая біографія, какъ ни стыдно мнѣ будетъ писать ее, можетъ имѣть настоящій и плодотворный интересъ для читателей. Вспоминая такъ свою жизнь, т.-е. разсматривая ее съ точки зрѣнія добра и зла, которыя я дѣлалъ, я увидалъ, что вся моя длинная жизнь распадается на четыре періода: тотъ чудный, въ особенности въ сравненіи съ послѣдующимъ, невинный, радостный, поэтическій періодъ дѣтства до 14 лѣтъ, потомъ второй—ужасные 20 лѣтъ или періодъ грубой распущенности, служенія честолюбію, тщеславію и, главное, похоти, потомъ третій 18-лѣтній періодъ, отъ женитьбы и до моего духовнаго рожденія, который съ мірской точки зрѣнія можно бы назвать нравственнымъ, т.-е. въ эти 18 лѣтъ я жилъ правильной, честной, семейной жизнью, не предаваясь никакимъ осуждаемымъ общественнымъ мнѣніемъ порокамъ, но всѣ интересы котораго ограничивались эгоистическими заботами о семьѣ, объ увеличеніи состоянія, о пріобрѣтеніи литературнаго успѣха и всякаго рода удовольствіями.

И, наконецъ, четвертый 20-лѣтній періодъ, въ которомъ я живу теперь, и въ которомъ надѣюсь умереть, и съ

Digitized by Google

точки зрѣнія котораго я вижу все значеніе прошедшей жизни, и котораго я ни въ чемъ не желалъ бы измѣнить, кромѣ какъ въ тѣхъ привычкахъ зла, которыя усвоены мною въ прошедшіе періоды.

Такую исторію жизни всѣхъ этихъ четырехъ періодовъ, совсѣмъ правдивую, я хотѣлъ бы написать, если Богъ дастъ мнѣ силы и жизни. Я думаю, что такая написанная мною біографія, хотя бы и съ большими недостатками, будетъ полезнѣе для людей, чѣмъ вся та художественная болтовня, которой наполнены мои 12 томовъ сочиненій и которымъ люди нашего времени приписываютъ незаслуженное ими значеніе.

Теперь я и хочу сдѣлать это. Разскажу сначала первый радостный періодъ дѣтства, который особенно сильно манитъ меня; потомъ, какъ мнѣ ни стыдно это будетъ, разскажу, не утаивъ ничего, и ужасные 20 лѣтъ послѣдующаго періода. Потомъ и третій періодъ, который менѣе всѣхъ можетъ быть интересенъ, и, наконецъ, послѣдній періодъ моего пробужденія къ истинѣ, давшаго мнѣ высшее благо жизни и радостное спокойствіе въ виду приближающейся смерти.

Для того, чтобы не повторяться въ описаніи дѣтства, я перечелъ мое писаніе подъ этимъ заглавіемъ и пожалѣлъ о томъ, что написалъ это: такъ нехорошо, литературно неискренно написано. Оно и не могло быть иначе, во-первыхъ, потому, что замыселъ мой былъ описать исторію не свою, а моихъ пріятелей дѣтства, и оттого вышло нескладное смѣшеніе событій ихъ и моего дѣтства, а во-вторыхъ, потому, что во время писанія этого я былъ далеко не самостоятеленъ въ формахъ выраженія, а находился подъ вліяніемъ сильно подѣйствовавшихъ на меня тогда двухъ писателей: Stern'a (его Sentimental journey) и Töpfer'a (Bibliotèque de mon oncle).

Въ особенности же не понравились мнѣ теперь послѣд-

Digitized by Google

нія двѣ части: отрочество и юность, въ которыхъ, кромѣ нескладнаго смѣшенія правды съ выдумкой, есть и неискренность, желаніе выставить какъ хорошее и важное то, что я не считалъ тогда хорошимъ и важнымъ—мое демократическое направленіе. Надѣюсь, что то, что я напишу теперь, будетъ лучше, главное, полезнѣе другимъ людямъ *).

---

*) Изъ доставленныхъ мнѣ и отданныхъ въ мое распоряженіе черновыхъ неисправленныхъ записокъ Л. Н. Толстого.

Digitized by Google

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Происхожденіе Льва Николаевича Толстого.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПЕРВЫЙ ГРАФЪ ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ.
СОВРЕМЕННИКЪ ПЕТРА I.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА I.

Предки Л. Н. Толстого со стороны его отца *).

Графы Толстые — старинный дворянскій родъ, происходящій, по сказаніямъ родословцевъ, отъ мужа честна Индриса, выѣхавшаго „изъ нѣмецъ, изъ Цесарскія земли“ въ Черниговъ въ 1353 году, съ двумя сыновьями и съ дружиною изъ трехъ тысячъ человѣкъ; онъ крестился, получилъ имя Леонтія и былъ родоначальникомъ нѣсколькихъ дворянскихъ фамилій. Его правнукъ, Андрей Харитоновичъ, переселившійся изъ Чернигова въ Москву и получившій отъ вел. кн. Василія Темнаго прозвище Толстого, былъ родоначальникомъ Толстыхъ (въ графской отрасли рода Толстыхъ графъ Левъ Николаевичъ числится отъ родоначальника Индриса въ 20-мъ колѣнѣ **).

Одинъ изъ потомковъ Индриса, Петръ Андреевичъ Толстой, служилъ въ 1683 году при дворѣ стольникомъ и былъ

*) Вездѣ, гдѣ въ изложеніи я буду дословно приводить слова Льва Николаевича изъ его воспоминаній и писемъ, я буду оговаривать это и ставить кавычки.

**) Такъ какъ гербы русскихъ дворянъ пошли только съ Петра I, а всѣмъ хотѣлось имѣть гербы, то многіе — и вѣроятно, въ томъ числѣ Толстые, выдумывали, что они происходятъ отъ знатныхъ иностранныхъ родовъ, у которыхъ есть старинные гербы. Поэтому, весьма вѣроятно, что вся исторія съ Индрисомъ есть вымыселъ, сочиненный для того, чтобы Толстые и другіе потомки Индриса имѣли гербъ. Пишу это для того, чтобы разсѣять ту нелѣпость, что Левъ Николаевичъ нѣмецкаго происхожденія.

Примѣчаніе гр. С. Л. Толстого при просмотрѣ рукописи.

Digitized by Google

однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ стрѣлецкаго бунта. Паденіе царевны Софіи заставило П. А. Толстого рѣзко перемѣнить фронтъ и перейти на сторону царя Петра, но послѣдній долго относился къ Толстому очень сдержанно, и вообще Петръ Андреевичъ долго не пользовался довѣріемъ царя: разсказываютъ, что на веселыхъ пирахъ Петръ любилъ сдергивать большой парикъ съ головы Петра Толстого и, ударяя по плѣши, приговаривать: „Головушка, головушка, если бы ты не была такъ умна, то давно бы съ тѣломъ разлучена была“.

Недовѣрчивость царя не была поколеблена и военными заслугами П. А. Толстого во второмъ Азовскомъ походѣ (1696 г.).

Въ 1697 году царь посылалъ „волонтеровъ“ въ заграничное ученіе, и Толстой, будучи уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, самъ вызвался ѣхать туда, для изученія морского дѣла. Два года, проведенные въ Италіи, сблизили Толстого съ западно-европейской культурой. Въ концѣ 1701 года Толстой назначенъ былъ посланникомъ въ Константинополь—на постъ важный, но трудный; во время осложненій 1710—1713 гг. Толстой дважды сидѣлъ въ Семибашенномъ замкѣ,—поэтому въ гербѣ графовъ Толстыхъ изображенъ этотъ замокъ.

Въ 1717 году П. А. Толстой оказалъ царю важную услугу, навсегда упрочившую его положеніе: посланный въ Неаполь, близъ котораго въ Кастель Сентъ Эльмо въ то время скрывался царевичъ Алексѣй со своей подругой Евфросиньей, Толстой, при содѣйствіи Евфросиньи, ловко обошелъ царевича и путемъ застращиванія и ложныхъ обѣщаній склонилъ его къ возвращенію въ Россію. За дѣятельное участіе въ слѣдствіи, судѣ и тайной казни царевича, совершонной имъ по приказанію Петра въ соучастіи съ Румянцевымъ, Ушаковымъ и Бутурлинымъ *), Толстой былъ награжденъ

*) А. Румянцевъ. Письмо къ Д. И. Титову. Полярная звѣзда. IV, Изд. Герцена. Лондонъ 1857 г.

Digitized by Google

помѣстьями и поставленъ во главѣ Тайной Канцеляріи, у которой въ это время было особенно много работы вслѣдствіе толковъ и волненій, вызванныхъ въ народѣ судьбою царевича Алексѣя. Съ этихъ поръ Толстой становится однимъ изъ самыхъ близкихъ и довѣренныхъ лицъ государя. Дѣло царевича Алексѣя сблизило его съ императрицей Екатериной, въ день коронованія которой—7-го мая 1724 года—онъ получилъ титулъ графа. Послѣ смерти Петра I, П. А. Толстой вмѣстѣ съ Меньшиковымъ энергично содѣйствовалъ воцаренію Екатерины, а потому и пользовался у нея большими милостями. Но съ воцареніемъ Петра II, сына казненнаго царевича Алексѣя, паденіе его было неминуемо. Несмотря на свой преклонный возрастъ —82 года, Петръ Толстой былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ прожилъ не долго и умеръ въ 1729 году.

Сохранился дневникъ заграничнаго путешествія Толстого въ 1697—1699 году,—характерный образчикъ тѣхъ впечатлѣній, какія выносили русскіе люди Петровскаго времени изъ своего знакомства съ западной Европой. Кромѣ того, Толстой составилъ въ 1705 году обстоятельное описаніе Чернаго моря. Извѣстны также его два перевода: „Метаморфозы Овидія“ и „Управленіе Турецкимъ Государствомъ“.

У него былъ сынъ Иванъ Петровичъ, который въ одно время съ отцомъ былъ лишенъ занимаемой имъ должности (предсѣдателя суда) и сосланъ въ монастырь, гдѣ умеръ вскорѣ послѣ отца.

Только 26 мая 1760 года, уже при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, потомству Петра Андреевича было возвращено графское достоинство въ лицѣ внука его Андрея Ивановича, прадѣда Льва Николаевича.

„Про Андрея Ивановича, женившагося очень молодымъ на княжнѣ Щетининой. я слыхалъ отъ тетушки такой разсказъ. Жена его по какому-то случаю безъ мужа должна была ѣхать на какой-то балъ. Отъѣхавъ отъ дома, вѣроятно, въ возкѣ, изъ котораго вынуто было сидѣнье, для того,

Digitized by Google

чтобы крыша возка не повредила высокой прически, молодая графиня, вѣроятно, лѣтъ семнадцати, вспомнила дорогой, что она, уѣзжая, не простилась съ мужемъ и вернулась домой.

„Когда она вошла въ домъ, она застала его въ слезахъ. Онъ плакалъ о томъ, что жена передъ отъѣздомъ не зашла къ нему проститься“ *).

О дѣдѣ и бабушкѣ своей со стороны отца, Левъ Николаевичъ такъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Бабушка, Пелагея Николаевна, была дочь скопившаго себѣ большое состояніе слѣпого князя Николая Ивановича Горчакова. Сколько я могу составить себѣ понятіе о ея характерѣ, она была недалекая, мало образованная,—она, какъ всѣ тогда, знала по-французски лучше, чѣмъ по-русски (и этимъ ограничивалось ея образованіе), и очень избалованная—сначала отцомъ, потомъ мужемъ, а потомъ при мнѣ уже, сыномъ— женщина. Кромѣ того, какъ дочь старшаго въ родѣ, она пользовалась большимъ уваженіемъ всѣхъ Горчаковыхъ: бывшаго военнаго министра Николая Ивановича и Андрея Ивановича и сыновей вольнодумца Димитрія Петровича: Петра, Сергѣя, и Михаила Севастопольскаго.

„Дѣдъ мой, Илья Андреевичъ, ея мужъ, былъ тоже, какъ я его понималъ, человѣкъ ограниченный, очень мягкій, веселый и не только щедрый, но безтолково-мотоватый, а главное, довѣрчивый. Въ имѣніи его, Бѣлевскаго уѣзда, Полянахъ,—не Ясной Полянѣ, но Полянахъ,—шло долго не перестающее пиршество, театры, балы, обѣды, катанія, которыя, въ особенности при склонности дѣда играть по большой въ ломберъ и вистъ, не умѣя играть, и при готовности давать всѣмъ, кто просилъ и взаймы и безъ отдачи, а главное, затѣваемыми аферами, откупами, кончились тѣмъ, что большое имѣніе его жены все было такъ запутано въ долгахъ,

*) Вставка, сдѣланная Львомъ Николаевичемъ при просмотрѣ рукописи. *Прим. П. Б.*

Digitized by Google

ГР. ИЛЬЯ АНДРЕЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

ДѢДЪ Л. Н—ЧА СО СТОРОНЫ ОТЦА

Digitized by Google

Digitized by Google

что жить было нечѣмъ, и дѣдъ долженъ былъ выхлопотать и взять, что ему было легко при его связяхъ, мѣсто губернатора въ Казани.

„Дѣдъ, какъ мнѣ разсказывали, не бралъ взятокъ, кромѣ какъ съ откупщика, что было тогда общепринятымъ обычаемъ, и сердился, когда ихъ предлагали ему. Но бабушка, какъ мнѣ разсказывали, тайно отъ мужа брала приношенія.

„Въ Казани бабушка выдала меньшую дочь, Пелагею, за Юшкова. Старшая же, Александра, еще въ Петербургѣ была выдана за графа Остенъ-Сакенъ.

„Послѣ смерти мужа въ Казани и женитьбы отца, моя бабушка поселилась съ моимъ отцомъ въ Ясной Полянѣ, и тутъ я засталъ ее уже старухой и хорошо помню ее.

„Отца бабушка страстно любила и насъ внуковъ, забавляясь нами. Любила тетушекъ, но, мнѣ кажется, не совсѣмъ любила мою мать, считая ее недостойной моего отца и ревнуя его къ ней. Съ людьми, прислугой, она не могла быть требовательна, потому что всѣ знали, что она первое лицо въ домѣ и старались угождать ей, но со своей горничной Гашей она отдавалась своимъ капризамъ и мучила ее, называя: „вы, моя милая“,—и требуя отъ нея того, чего она не спрашивала, и всячески мучая ее. И странное дѣло, Гаша, Агафья Михайловна *), которую я зналъ хорошо, заразилась манерой бабушки капризничать: и съ своей дѣвочкой, и съ своей кошкой, и вообще съ существами, съ которыми могла быть требовательна, была такъ же капризна, какъ бабушка съ ней.

„Самыя раннія воспоминанія мои о бабушкѣ, до нашей поѣздки въ Москву и жизни тамъ, сводятся къ тремъ сильнымъ, связаннымъ съ нею, впечатлѣніямъ. Первое—это то, какъ бабушка умывалась и какимъ-то особеннымъ мыломъ пускала на рукахъ удивительные пузыри, которые, мнѣ ка-

*) Старушка Агафья Михайловна нѣсколько лѣтъ тому назадъ умерла въ Ясной Полянѣ, гдѣ она жила на покоѣ уже много лѣтъ. *Прим. П. Б*

Digitized by Google

залось, только она одна могла дѣлать. Насъ нарочно приводили къ ней,—вѣроятно, наше восхищеніе и удивленіе передъ ея мыльными пузырями забавляло ее,—чтобы видѣть, какъ она умывалась. Помню, бѣлая кофточка, юбка, бѣлыя старческія руки и огромные поднимающіеся на нихъ пузыри, и ея довольное, улыбающееся бѣлое лицо.

„Второе воспоминаніе—это было то, какъ ее безъ лошади на рукахъ вывезли камердинеры отца въ желтомъ кабріолетѣ съ рессорами, въ которомъ мы ѣздили кататься съ гувернеромъ! Ѳедоромъ Ивановичемъ—въ мелкій заказъ для сбора орѣховъ, которыхъ въ этомъ году было особенно много. Помню чащу частаго и густого орѣшника, въ глубь котораго, раздвигая и ломая вѣтки, Петруша и Матюша (дворовые камердинеры) ввозили желтый кабріолетъ съ бабушкой и какъ нагибали ей вѣтки съ гроздями спѣлыхъ, иногда высыпавшихся орѣховъ, и какъ бабушка сама рвала ихъ и клала въ мѣшокъ, и какъ мы гдѣ сами гнули вѣтки, гдѣ Ѳедоръ Ивановичъ, и удивлялъ насъ своей силой, нагибая намъ толстые орѣшники, а мы обирали со всѣхъ сторонъ и все-таки видѣли, что еще оставались незамѣченные нами орѣхи, когда Ѳедоръ Ивановичъ пускалъ ихъ, и кусты, медленно цѣпляясь, расправлялись. Помню, какъ жарко было на полянахъ, какъ пріятно прохладно въ тѣни, какъ дышалось терпкимъ запахомъ орѣховой листвы, какъ щелкали со всѣхъ сторонъ, разгрызаемые дѣвушками, которыя были съ нами, орѣхи, и какъ мы, не переставая, жевали свѣжія, полныя бѣлыя ядра.

„Мы собирали въ карманы, подолы и нашъ кабріолетъ, и бабушка принимала и хвалила насъ. Какъ мы пришли домой, что было послѣ, я ничего не помню, помню только, что бабушка, орѣшникъ, терпкій запахъ орѣховой листвы, камердинеры, желтый кабріолетъ, солнце — соединились въ одно радостное впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что какъ мыльные пузыри могли быть только у бабушки, такъ и лѣсъ, и орѣхи, и солнце, и тѣ могли быть только при бабушкѣ въ

Digitized by Google

желтомъ кабріолетѣ, который везутъ Петруша и Матюша.

„Самое же сильное, связанное съ бабушкой, воспоминаніе,—это ночь, проведенная въ спальнѣ бабушки, и Левъ Степанычъ. Левъ Степанычъ былъ слѣпой сказочникъ (онъ былъ уже старикомъ, когда я узналъ его),—остатокъ стариннаго барства, барства дѣда. Онъ былъ купленъ только для того, чтобы разсказывать сказки, которыя онъ, вслѣдствіе свойственной слѣпымъ необыкновенной памяти, могъ слово въ слово разсказывать послѣ того, какъ ихъ раза два прочитывали ему.

„Онъ жилъ гдѣ-то въ домѣ, и цѣлый день его было не видно. Но по вечерамъ онъ приходилъ на верхъ, въ спальню бабушки (спальня эта была въ низенькой комнаткѣ, въ которую входить надо было по двумъ ступенямъ), и садился на низенькій подоконникъ, куда ему приносили ужинъ съ господскаго стола. Тутъ онъ дожидался бабушку, которая безъ стыда могла дѣлать свой ночной туалетъ при слѣпомъ человѣкѣ. Въ тотъ день, когда былъ мой чередъ ночевать у бабушки, Левъ Степанычъ со своими бѣлыми глазами, въ синемъ длинномъ сюртукѣ съ буфами на плечахъ сидѣлъ уже на подоконникѣ и ужиналъ. Не помню, какъ раздѣвалась бабушка, въ этой ли комнатѣ или въ другой, и какъ меня уложили въ постель, помню только ту минуту, когда свѣчу потушили, осталась одна лампадка передъ золочеными иконами, бабушка, та самая удивительная бабушка, которая пускала эти необычайные мыльные пузыри, вся бѣлая, въ бѣломъ, на бѣломъ и покрытая бѣлымъ, въ своемъ бѣломъ чепцѣ, высоко лежала на подушкахъ, и съ подоконника послышался ровный, спокойный голосъ Льва Степановича: „Продолжать прикажете?“—Да, продолжайте.—„Любимая сестрица“, сказала она,—заговорилъ Левъ Степановичъ тихимъ, ровнымъ старческимъ голосомъ:—разскажите намъ одну изъ тѣхъ прелюбопытнѣйшихъ сказокъ, которыя вы такъ хорошо умѣете разсказывать“. — Охотно, отвѣчала Шахерезада, разсказала бы я замѣчательную исторію принца Камараль-

Digitized by Google

замана, если повелитель нашъ выразитъ на то свое согласіе. Получивъ согласіе султана, Шахерезада начала такъ: „У одного владѣтельнаго царя былъ единственный сынъ“.... и, очевидно, слово въ слово по книгѣ началъ Левъ Степановичъ исторію Камаральзамана. Я не слушалъ, не понималъ того, что онъ говорилъ, настолько былъ поглощенъ таинственнымъ видомъ бѣлой бабушки, ея колеблющейся тѣнью на стѣнѣ и видомъ старика съ бѣлыми глазами, котораго я не видалъ теперь, но котораго помнилъ неподвижно сидѣвшаго на подоконникѣ и медленнымъ голосомъ говорившаго какія-то странныя, мнѣ казавшіяся торжественными, слова, одиноко звучавшія среди темноты комнатки, освѣщенной дрожащимъ свѣтомъ лампадки. Должно быть, я тотчасъ же заснулъ, потому что дальше ничего не помню и только утромъ опять удивлялся и восхищался мыльными пузырями, которые, умываясь, дѣлала на своихъ рукахъ бабушка“ *).

По воспоминаніямъ сестры Льва Николаевича, Марьи Николаевны, у слѣпого Льва Степановича былъ такой тонкій слухъ, что онъ ясно слышалъ, какъ бѣгаютъ мыши, и зналъ, куда онѣ бѣгутъ. Однимъ изъ лакомствъ для мышей въ комнатѣ бабушки было лампадное масло, которое онѣ лизали. И вотъ ночью, во время равномѣрнаго разсказыванья сказки, Левъ Степановичъ вдругъ останавливался и такимъ же спокойнымъ голосомъ заявлялъ: „А вотъ, ваше сіятельство, мышка побѣжала къ лампадкѣ масло лизать“. И потомъ съ той же равномѣрностью продолжалъ свой разсказъ.

Нижеслѣдующая генеалогическая табличка даетъ читателю наглядное представленіе о ближайшихъ предкахъ и родствѣ Льва Николаевича Толстого.

*) Изъ доставленныхъ мнѣ и отданныхъ въ мое распоряженіе черновыхъ неисправленныхъ записокъ Л. Н. Толстого.

Digitized by Google

Счетъ поколѣній отъ Индриса.

Графы Толстые:

15... Петръ Андреевичъ, первый графъ Толстой († 1729 г.).

16... Иванъ Петровичъ († 1728 г.).

17... Андрей Ивановичъ († 1803 г.).

18... Илья Андреевичъ († 1820 г.). Казанскій губернаторъ.

19... Александра, въ супружествѣ съ графомъ Остенъ-Сакенъ. | Николай, († 1837 г.) | Пелагея, въ супружествѣ съ В. И. Юшковымъ. | Илья, умеръ бездѣтнымъ.

20... Николай, род. 1823 г., | Сергій, р. 1826 г., | Дмитрій, р. 1827 г., | Левъ, р. 1828 г., | Марія, р. 1830 г. *).

Графы Толстые извѣстны на многихъ отрасляхъ общественной дѣятельности; мы полагаемъ, что читателямъ интересно знать, въ какой степени родства находятся нѣкоторые изъ нихъ по отношенію къ Льву Николаевичу. Мы упомянемъ здѣсь о Ѳедорѣ Петровичѣ Толстомъ, извѣстномъ художникѣ, медальерѣ и вице-президентѣ Императорской Академіи Художествъ, приходившемся двоюроднымъ братомъ отцу поэта Алексѣя Константиновича Толстого, который въ свою очередь приходился троюроднымъ братомъ Льву Николаевичу. Бывшій министръ, Дмитрій Андреевичъ Толстой, извѣстный своими ретроградными реформами, принадлежалъ къ болѣе дальней роднѣ Льва Николаевича и происходилъ отъ ихъ общаго предка Ивана Петровича Толстого, сына перваго графа Толстого, Петра Андреевича, умершаго съ нимъ вмѣстѣ въ ссылкѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ **).

Надо упомянуть также объ интересномъ человѣкѣ Ѳе-

*) Графъ Л. Н. Толстой и его студенческіе годы. Н. П. Загоскина. Историческій Вѣстникъ. Январь 1894 года. Стр. 81.

**) Свѣдѣнія, доставленныя Л. Н. Толстымъ. (См. также Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIII, стр. 462.).

Digitized by Google

дорѣ Толстомъ, прозванномъ Американцемъ и извѣстнаго своими экцентрическими авантюрами. Въ комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“ есть намекъ на него въ словахъ: „въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ“. О немъ говоритъ и Левъ Николаевичъ въ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ. Личность его послужила Льву Николаевичу отчасти матеріаломъ для созданія въ „Войнѣ и мирѣ“ типа Долохова. Онъ приходился двоюроднымъ дядей Льву Николаевичу.

Digitized by Google

ГЛАВА II.

Предки Льва Николаевича со стороны его матери.

Князья Волконскіе ведутъ свой родъ отъ Рюрика.

Отъ временъ дѣда, князя Волконскаго, въ Ясной Полянѣ долго еще сохранялось генеалогическое дерево князей Волконскихъ, написанное на полотнѣ масляными красками. Родоначальникъ князей Волконскихъ, святой Михаилъ, князь Черниговскій, держитъ въ рукѣ дерево, развѣтвленія котораго содержатъ перечень его потомства *).

Князь Иванъ Юрьевичъ, въ XIII колѣнѣ отъ Рюрика, въ началѣ XIV столѣтія получилъ Волконскій удѣлъ (по рѣкѣ Волконѣ, протекающей въ теперешней Калужской и отчасти Тульской губ.), и оттого пошелъ родъ князей Волконскихъ **).

Сынъ его Ѳедоръ Ивановичъ былъ убитъ въ Мамаевомъ побоищѣ въ 1380 году.

Изъ дальнѣйшихъ предковъ Льва Николаевича назовемъ его прадѣда, князя Сергѣя Ѳедоровича Волконскаго, личность котораго окружена слѣдующей легендой.

Князь Сергѣй Ѳедоровичъ Волконскій участвовалъ въ семилѣтней войнѣ въ чинѣ ген.-майора. Во время похода женѣ его приснилось, что какой-то голосъ повелѣваетъ ей, написавши небольшую икону: съ одной стороны Живонос-

---

*) Къ сожалѣнію, по собраннымъ справкамъ, картина эта оказалась уничтоженною.

**) Родъ князей Волконскихъ. Стр. 7.

Digitized by Google

наго Источника, а съ другой Николая Чудотворца, послать мужу. Она для того избрала дощечку, приказала написать, и черезъ фельдмаршала Апраксина доставила князю Сергѣю. Въ тотъ же день курьеръ привезъ ему повелѣніе—итти для поиска непріятеля. Сергѣй Ѳедоровичъ, призвавъ Бога на помощь, возложилъ на себя полученный образъ. Въ кавалерійскомъ дѣлѣ непріятельская пуля попала ему въ грудь, но ударила въ самую икону и не причинила ему вреда; такимъ образомъ икона эта спасла ему жизнь; образъ этотъ хранился послѣ у младшаго сына его князя Николая Сергѣевича. Князь Сергѣй Ѳедоровичъ умеръ 10 марта 1784 г. *).

Левъ Николаевичъ, конечно, зналъ это преданіе и воспользовался имъ въ „Войнѣ и мирѣ“ для изображенія религіознаго настроенія княжны Маріи Волконской передъ отправленіемъ князя Андрея на войну. Читатели помнятъ, что княжна Марія упросила брата надѣть образокъ; подавая его князю Андрею, она проговорила: „Что хочешь думай, но для меня это сдѣлай. Сдѣлай, пожалуйста! Его еще отецъ моего отца, нашъ дѣдушка, носилъ во всѣхъ войнахъ...“ **).

Мы видимъ, какъ художественная правда переплетается здѣсь съ исторической, и если вторая даетъ первой характеръ достовѣрности, то первая влагаетъ во вторую тотъ духъ жизни, которымъ такъ живы всѣ дѣйствующія лица „Войны и Мира“, и который такъ неотразимо заражаетъ и насъ своей жизненностью.

Младшій сынъ Сергѣя Ѳедоровича, Николай Сергѣевичъ, былъ дѣдомъ Льва Николаевича со стороны матери. Вотъ, что извѣстно о немъ изъ родословной:

Николай Сергѣевичъ, генералъ отъ инфантеріи, младшій сынъ князя Сергѣя Ѳедоровича и княгини Маріи Дмитріевны, рожденной Чаадаевой, родился 1753 г. марта 30. Въ 1780 г. онъ находился въ свитѣ императрицы Екатерины II въ Моги-

---

*) Родъ князей Волконскихъ. Стр. 697.

**) Смотр. „Война и Миръ“. Т. I, стр. 167. Изд. десятое.

Digitized by Google

КН. НИК. СЕРГ. ВОЛКОНСКІЙ.
ДѢДЪ Л. Н—ЧА СО СТОРОНЫ МАТЕРИ

Digitized by Google

Digitized by Google

левѣ, гдѣ присутствовалъ при первомъ свиданіи ея съ императоромъ Іосифомъ II. Въ 1786 г. Николай Сергѣевичъ провожалъ императрицу въ Тавриду. Въ 1793 г. онъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Берлинъ по случаю бракосочетанія наслѣднаго принца, впослѣдствіи короля Фридриха Вильгельма III. Онъ умеръ въ 1821 г. февраля 3, въ имѣніи Ясная Поляна, гдѣ безвыѣздно прожилъ послѣдніе годы жизни, и которое внукъ его обезсмертилъ въ романѣ „Война и Миръ" подъ названіемъ „Лысыхъ Горъ". Тѣло его лежитъ въ Троицко-Сергіевской лаврѣ *).

Въ своихъ воспоминаніяхъ Левъ Николаевичъ разсказываетъ намъ о своемъ дѣдѣ со стороны матери слѣдующее:

„Про дѣда я знаю то, что, достигнувъ высокихъ чиновъ генералъ-аншефа при Екатеринѣ, онъ вдругъ потерялъ свое положеніе вслѣдствіе отказа жениться на племянницѣ и любовницѣ Потемкина, Варенькѣ Энгельгардтъ. На предложеніе Потемкина, онъ отвѣчалъ: „Съ чего онъ взялъ, чтобы я женился на его б...."

„За этотъ отвѣтъ онъ не только остановился въ своей служебной карьерѣ, но былъ назначенъ воеводой въ Архангельскъ **), гдѣ пробылъ, кажется, до воцаренія Павла, когда вышелъ въ отставку и, женившись на княжнѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Трубецкой, поселился въ полученномъ отъ своего отца Сергѣя Ѳедоровича имѣніи Ясной Полянѣ.

„Княгиня Екатерина Дмитріевна рано умерла, оставивъ моему дѣду единственную дочь Марію. Съ этой-то сильно любимой дочерью и ея компаньонкой француженкой и про-

*) Родъ князей Волконскихъ. Стр. 707.

**) О воеводствѣ князя Николая Сергѣевича Волконскаго въ Архангельскѣ свидѣтельствуетъ интересный документъ, хранящійся въ Московскомъ Историческомъ музеѣ и заключающійся въ приказѣ о принятіи мѣръ противъ ожидавшагося нападенія французовъ на г. Архангельскъ въ 1799 году. (Объ этомъ ожидавшемся нападеніи, повидимому, секретно доносилъ самъ князь Волконскій). Приказъ подписанъ собственноручно императоромъ Павломъ I. *П. Б.*

Digitized by Google

жилъ мой дѣдъ до своей смерти, около 1821 года. Дѣдъ мой считался очень строгимъ хозяиномъ, но я никогда не слыхалъ разсказовъ о его жестокостяхъ и наказаніяхъ, столь обычныхъ въ то время. Я думаю, что они были, но восторженное уваженіе къ его важности и разумности было такъ велико въ дворовыхъ и крестьянахъ его времени, которыхъ я часто разспрашивалъ про него, что хотя я и слышалъ осужденія моего отца, я слышалъ только похвалы уму, хозяйственности и заботѣ о крестьянахъ, и въ особенности огромной дворнѣ моего дѣда. Онъ построилъ прекрасныя помѣщенія для дворовыхъ и заботился о томъ, чтобы они были всегда не только сыты, но и хорошо одѣты и веселились бы. По праздникамъ онъ устраивалъ для нихъ увеселенія, качели, хороводы.

„Еще болѣе онъ заботился, какъ всякій умный помѣщикъ того времени, о благосостояніи крестьянъ, и они благоденствовали тѣмъ болѣе, что высокое положеніе дѣда, внушая уваженіе становымъ, исправникамъ и засѣдателю, избавляло ихъ отъ притѣсненія начальства.

„Вѣроятно, у него было очень тонкое эстетическое чувство. Всѣ его постройки не только прочны и удобны, но чрезвычайно изящны. Таковъ же разбитый имъ паркъ передъ домомъ. Вѣроятно, онъ также очень любилъ музыку, потому что только для себя и для матери держалъ свой хорошій небольшой оркестръ. Я еще засталъ огромный, въ три обхвата вязъ, росшій въ клину липовой аллеи, и вокругъ котораго были сдѣланы скамьи и пюпитры для музыкантовъ. По утрамъ онъ гулялъ по аллеѣ, слушая музыку. Охоты онъ терпѣть не могъ, а любилъ цвѣты и оранжерейныя растенія.

„Странная судьба и самымъ страннымъ образомъ свела его съ той самой Варенькой Энгельгардтъ, за отказъ отъ которой онъ пострадалъ во время своей службы. Варенька эта вышла за князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына, получившаго вслѣдствіе этого всякаго рода чины, ордена и

Digitized by Google

награды. Съ этимъ-то Сергѣемъ Ѳедоровичемъ и его семьей, слѣдовательно и съ Варварой Васильевной, сблизился мой дѣдъ до такой степени, что мать моя была съ дѣтства обручена одному изъ десяти сыновей Голицына, и что оба старые князя размѣнялись портретными галлереями (разумѣется, копіями, написанными крѣпостными живописцами). Всѣ эти портреты Голицыныхъ и теперь въ нашемъ домѣ, съ княземъ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ въ Андреевской лентѣ и рыжей, толстой Варварой Васильевной — кавалерственной дамой. Однако сближенію этому не суждено было совершиться: женихъ моей матери, Левъ Голицынъ *), умеръ отъ горячки передъ свадьбой" **).

Просматривая родословную князей Волконскихъ, я наткнулся еще на одну интересную личность, именно на двоюродную сестру матери Льва Николаевича, княжну Варвару Александровну Волконскую, свидѣтельницу многихъ событій, происходившихъ въ домѣ дѣда Льва Николаевича. Вотъ что говорится о ней въ родословной:

„Княжна Варвара Александровна Волконская (дочь князя Александра Сергѣевича, т.-е. племянница дѣда Льва Николаевича) со смерти матери часто живала подолгу съ отцомъ своимъ въ домѣ родного брата его Николая Сергѣевича. Тутъ она встрѣчалась съ лицами, о коихъ повѣствуетъ графъ Левъ Толстой въ своемъ романѣ „Война и Миръ". Подробности о нихъ и о современныхъ событіяхъ живо сохранились въ ея памяти до глубокой старости... Подъ конецъ жизни она переселилась въ находящееся по близости село

*) Тетушка разсказывала мнѣ, что Голицына этого звали Львомъ, но это, очевидно, ошибка, такъ какъ у Сергѣя Ѳедоровича Голицына не было сына Льва. И потому я думаю, что преданіе о томъ, что мать моя была обручена одному изъ Голицыныхъ, справедливо такъ же, какъ и то, что женихъ этотъ умеръ. То же, что мнѣ дано имя Левъ потому, что такъ звали жениха,—невѣрно. *Примѣчаніе Л. Н. Толстого.*

**) Изъ доставленныхъ мнѣ и отданныхъ въ мое распоряженіе черновыхъ неисправленныхъ записокъ Л. Н. Толстого.

Digitized by Google

Согалево, тоже бывшее вотчиной родителей ея, и тутъ построила себѣ домикъ около самой церкви, въ которомъ жила съ нѣсколькими дворовыми старушками, которыя не хотѣли разстаться съ ней, и съ которыми она жила воспоминаніями о прошломъ, читая и перечитывая „Войну и Миръ". Давно забытая всѣми, старая княжна осталась предметомъ уваженія и привязанности мѣстныхъ крестьянъ. Одному случайному заѣзжему къ ней въ 1876 году она съ любовью разсказывала, какъ крестьяне деревень, давно проданныхъ и уже перешедшихъ въ третьи руки, поднесли ей въ день, когда ей стало 90 лѣтъ, куль муки и рубль серебромъ, какъ бабы поднесли рубль, курицъ и холста. Она это разсказывала не только съ чувствомъ благодарности, но и гордости, какъ свидѣтельство о памяти, оставленной ея родителями среди населенія" *).

„Милую старушку, двоюродную сестру моей матери, я зналъ. Познакомился я съ ней, когда въ пятидесятыхъ годахъ жилъ въ Москвѣ. Уставъ отъ разсѣянной свѣтской жизни, которую я велъ тогда въ Москвѣ, я поѣхалъ къ ней. въ ея маленькое имѣньице Клинскаго уѣзда и провелъ у нея нѣсколько недѣль. Она шила въ пяльцахъ, хозяйничала въ своемъ маленькомъ хозяйствѣ, угощала меня кислой капустой, творогомъ, пастилой, какія только бываютъ у такихъ хозяекъ маленькихъ имѣній, и разсказывала мнѣ про старину, мою мать, дѣда, про четыре коронаціи, на которыхъ она присутствовала. Я же писалъ у нея „Три смерти".

„И это пребываніе у нея осталось для меня однимъ изъ чистыхъ и свѣтлыхъ воспоминаній моей жизни" **).

Наконецъ, назовемъ еще одно лицо изъ рода князей Волконскихъ, хотя и не предка Льва Николаевича по прямой линіи, но родственника его, князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго, декабриста. Князь Сергѣй Григорьевичъ при-

*) Родъ князей Волконскихъ. Стр. 720.

**) Вставка, сдѣланная Львомъ Николаевичемъ при просмотрѣ рукописи.

Digitized by Google

ходился троюроднымъ братомъ матери Льва Николаевича и внукомъ Семену Ѳедоровичу Волконскому, родному брату князя Сергѣя Ѳедоровича, о которомъ упоминали выше.

Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій родился въ 1788 году, участвовалъ въ кампаніи 12-го года и затѣмъ принадлежалъ къ южному тайному обществу; за участіе въ заговорѣ декабристовъ былъ сосланъ въ Восточную Сибирь, гдѣ и оставался 30 лѣтъ, пробывъ первые годы въ каторжныхъ работахъ, въ кандалахъ, а потомъ на поселеніи *). Путешествіе и прибытіе къ нему жены его, княгини Маріи Николаевны, описано въ извѣстной поэмѣ Некрасова.

Братъ его, Николай Григорьевичъ Волконскій, по указу императора Александра I, въ 1801 году принялъ фамилію Рѣпнина, своего дѣда со стороны матери, родъ котораго прекратился. „Да родъ князей Рѣпниныхъ, какъ сказано въ указѣ, столь славно отечеству послужившихъ, съ кончиною послѣдняго въ ономъ, не угаснетъ, но, обновясь, пребудетъ съ именемъ и примѣромъ его въ незабвенной памяти россійскаго дворянства“.

Князь Николай Григорьевичъ участвовалъ во всѣхъ походахъ противъ Бонапарта и въ Отечественной войнѣ. За битву подъ Аустерлицемъ награжденъ орденомъ св. Георгія четвертаго класса. Въ этомъ сраженіи, командуя эскадрономъ, онъ участвовалъ въ извѣстной атакѣ кавалергардскаго полка, описанной въ „Войнѣ и Мирѣ“, при чемъ былъ раненъ пулей въ голову и контуженъ. Французы подняли его съ поля сраженія и понесли на перевязочный пунктъ; узнавъ объ этомъ, Бонапартъ на другой день велѣлъ привести его въ свою ставку и тутъ же предложилъ ему изъ уваженія къ его храбрости освободить не только его, но и всѣхъ офицеровъ, бывшихъ подъ его командой, съ условіемъ не воевать въ теченіе двухъ лѣтъ. Николай Григорьевичъ, поблагодаривъ за вниманіе, отвѣтилъ, что „онъ присягнулъ

*) Записки С. Гр. Волконскаго (декабриста).

Digitized by Google

служить своему государю до послѣдней капли крови и потому предложенія принять не можетъ“ *).

Вскорѣ затѣмъ, по возвращеніи изъ плѣна, вслѣдствіе ранъ, князь былъ уволенъ въ отставку.

Въ „Русской Старинѣ“ 1890 года, т. 68, стр. 209, помѣщено письмо самого князя Рѣпнина къ Михайловскому-Данилевскому (историку Отечественной войны); въ этомъ письмѣ князь Рѣпнинъ подробно разсказываетъ эпизодъ, описанный въ „Войнѣ и Мирѣ“, и приводитъ подлинныя слова своего разговора съ Наполеономъ. Первая часть этого разговора съ точностью воспроизведена въ романѣ „Война и Миръ“.

*) Родъ князей Волконскихъ. Стр. 704. 714 и 715.

Digitized by Google

ГЛАВА III.

Родители Льва Николаевича.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Левъ Николаевичъ, описывая своихъ родителей, слѣдуетъ хронологическому порядку въ томъ смыслѣ, что сначала описываетъ смутныя черты своей матери, дополняя разсказами о ней другихъ, пережившихъ ея членовъ семьи, а затѣмъ уже приводитъ болѣе точныя позднѣйшія воспоминанія объ отцѣ и теткахъ. Мы оставляемъ этотъ порядокъ, чтобы возможно менѣе мѣнять порядокъ изложенія Льва Николаевича. Изо всего разсказа его о матери и отцѣ исключенъ нами только разсказъ о дѣдѣ Волконскомъ, который и вставленъ въ свое мѣсто, въ главѣ о предкахъ.

„Матери своей я совершенно не помню. Мнѣ было $1^1/_2$ года, когда она скончалась. По странной случайности, не осталось ни одного ея портрета; такъ что, какъ реальное физическое существо,—я не могу себѣ представить ее. Я отчасти радъ этому, потому что въ представленіи моемъ о ней есть только ея духовный обликъ, и все, что я зналъ о ней, все прекрасно, и я думаю не оттого только, что всѣ говорившіе мнѣ про мою мать старались говорить о ней только хорошее, но потому, что дѣйствительно въ ней было очень много этого хорошаго.

„Впрочемъ, не только моя мать, но и всѣ окружавшіе мое дѣтство лица, отъ отца до кучеровъ, представляются мнѣ исключительно хорошими людьми. Вѣроятно, мое чистое,

Digitized by Google

любовное чувство, какъ яркій лучъ, открывало мнѣ въ людяхъ (они всегда есть) лучшія ихъ свойства, и то, что всѣ люди эти казались мнѣ исключительно хорошими, было гораздо ближе къ правдѣ, чѣмъ то, когда я видѣлъ одни ихъ недостатки.

„Мать моя была нехороша собою, очень хорошо образована для своего времени. Она знала, кромѣ русскаго, на которомъ она, противно принятой тогда русской безграмотности, писала правильно, — четыре языка: французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій,—и должна была быть чутка къ художеству, она хорошо играла на фортепіано, и сверстницы ея разсказывали мнѣ, что она была большая мастерица разсказывать завлекательныя сказки, выдумывая ихъ по мѣрѣ разсказа. Самое же дорогое качество было то, что она, по разсказамъ прислуги, была, хотя и вспыльчива, но сдержана. „Вся покраснѣетъ, даже заплачетъ,—разсказывала мнѣ ея горничная,—но никогда не скажетъ грубаго слова“. Она и не знала ихъ.

„У меня осталось нѣсколько писемъ ея къ отцу и другимъ теткамъ и дневникъ поведенія Николеньки (старшаго брата), которому было 6 лѣтъ, когда она умерла, и который, я думаю, былъ болѣе другихъ похожъ на нее. У нихъ обоихъ было очень мнѣ милое свойство характера, которое я предполагаю по письмамъ матери, но которое я зналъ у брата: ихъ равнодушіе къ сужденіямъ людей и скромность, доходящая до того, что они старались скрыть тѣ умственныя, образовательныя и нравственныя преимущества, которыя они имѣли передъ другими людьми. Они какъ будто стыдились этихъ преимуществъ.

„Въ братѣ,—про котораго Тургеневъ очень вѣрно сказалъ, что у него не было тѣхъ недостатковъ, которые нужны для того, чтобы быть большимъ писателемъ,—я хорошо зналъ это.

„Помню разъ, какъ очень глупый и нехорошій человѣкъ, адъютантъ губернатора, охотившійся съ нимъ вмѣстѣ, при мнѣ подсмѣивался надъ нимъ, и какъ братъ, глядя на меня,

Digitized by Google

ЕДИНСТВЕННОЕ СОХРАНИВШЕЕСЯ
ИЗОБРАЖЕНІЕ МАТЕРИ Л. Н — ЧА

Digitized by Google

Digitized by Google

добродушно улыбался, очевидно, находя въ этомъ большое удовольствіе.

„Ту же черту я замѣчалъ въ письмахъ матери. Она, очевидно, духовно была выше отца и его семьи, за исключеніемъ развѣ Татьяны Александровны Ергольской, съ которой я прожилъ половину своей жизни, и которая была замѣчательная по нравственнымъ качествамъ женщина.

„Кромѣ того, у обоихъ была еще другая черта, обусловливающая, я думаю, и ихъ равнодушіе къ сужденію людей,— это то, что они никогда никого, это я уже вѣрно знаю про брата, съ которымъ прожилъ половину жизни, никогда никого не осуждали. Наиболѣе рѣзкое выраженіе отрицательнаго отношенія къ человѣку выражалось у брата тонкимъ, добродушнымъ юморомъ и такою же улыбкой. То же самое я вижу по письмамъ моей матери и слышалъ отъ тѣхъ, которые знали ее.

„Въ житіяхъ Дмитрія Ростовскаго есть одно, которое меня всегда очень трогало,—это коротенькое житіе одного монаха, имѣвшаго завѣдомо всей братіи много недостатковъ и, несмотря на то, явившагося въ сновидѣніи старцу среди святыхъ въ самомъ лучшемъ мѣстѣ рая. Удивленный старецъ спросилъ: чѣмъ заслужилъ этотъ невоздержанный во многомъ монахъ такую награду? Ему отвѣчали: онъ никогда не осудилъ никого.

„Если бы были такія награды, я думаю, что мой братъ и моя мать получили бы ихъ.

„Еще третья черта, выдѣлявшая мать изъ ея среды, была правдивость и простота ея тона въ письмахъ. Въ то время особенно были распространены въ письмахъ выраженія преувеличенныхъ чувствъ: „несравненная, обожаемая, радость моей жизни, неоцѣненная“ и т. д.—были самые распространенные эпитеты между близкими, и чѣмъ напыщеннѣе, тѣмъ были неискреннѣе.

„Эта черта, хотя и не въ сильной степени, видна въ письмахъ отца. Онъ пишетъ: „ma bien douce amie, je ne

Digitized by Google

pense qu'au bonheur d'être auprès de toi". Едва ли это было вполнѣ искренно. Она же пишетъ въ обращеніи всегда одинаково: „mon bon ami", и въ одномъ изъ писемъ прямо говоритъ: „le temps me parrait long sans toi quoiqu'a dire vrai, nous ne jouissons pas beaucoup de ta société quand tu es ici", и всегда подписывается одинаково: „ta devouée Marie".

„Дѣтство свое мать прожила частью въ Москвѣ, частью въ деревнѣ съ умнымъ, гордымъ и даровитымъ человѣкомъ, моимъ дѣдомъ Волконскимъ. Мнѣ говорили, что маменька очень любила меня и называла: „mon petit Benjamin".

„Думаю, что любовь къ умершему жениху, именно вслѣдствіе того, что она кончилась смертью, была той поэтической любовью, которую дѣвушки испытываютъ только одинъ разъ. Бракъ ея съ моимъ отцомъ былъ устроенъ родными ея и моего отца. Она была богатая, уже не первой молодости, сирота, отецъ же былъ веселый, блестящій молодой человѣкъ, съ именемъ и связями, но съ очень разстроеннымъ (до такой степени разстроеннымъ, что отецъ даже отказался отъ наслѣдства) моимъ дѣдомъ Толстымъ состояніемъ. Думаю, что мать любила моего отца, но больше какъ мужа и, главное, отца своихъ дѣтей, но не была влюблена въ него. Настоящей же ея любви, какъ я понимаю, были три или четыре: любовь къ умершему жениху, потомъ страстная дружба съ француженкой m-lle Enissienne, про которую я слышалъ отъ тетушекъ, и которая кончилась, какъ кажется, разочарованіемъ. M-lle Enissienne эта вышла замужъ за двоюроднаго брата матери, князя Михаила Александровича Волконскаго, дѣда теперешняго писателя Волконскаго. Вотъ что пишетъ моя мать про свою дружбу съ этой m-lle Enissienne.

„Пишетъ она про свою дружбу по случаю двухъ дѣвицъ, жившихъ у нея въ домѣ:

„Je m'arrange trés bien avec toutes les deux, je fais de la musique, je ris et je folâtre avec l'une et je parle sentiment, je médis du monde, frivole avec l'autre, je suis aimée à la folie

Digitized by Google

par toutes les deux, je suis la confidente de chacune, je les concilie, quand elles sont brouillées, car il n'y eut jamais d'amitié plus querelleuse et plus drôle à voir que la leure: ce sont des bouderies, des pleurs, des reconciliations, des injures et puis des transports d'amitié exalté et romanesque. Enfin j'y vois comme dans me miroir l'amitié qui a animé et troublé ma vie pendant quelques années. Je les regarde avec un sentiment indéfinissable, quelque fois j'envie leurs illusions, que je n'ai plus, mais dont je connais la douceur; disant le franchement, le bonheur solide et réel de l'age mûr vaut il les charmantes illusions de la jeunesse, où tout est embelli par la toute puissance de l'imagination? Et quelques fois je souris de leur enfantillage" *).

„Третье сильное, едва ли не самое страстное чувство, была ея любовь къ старшему моему брату Коко, журналъ поведенія котораго она вела по-русски, въ которомъ она записывала его проступки и читала ему. Изъ этого журнала видно страстное желаніе сдѣлать всевозможное для наилучшаго воспитанія Коко и вмѣстѣ съ тѣмъ очень неясное представленіе о томъ, что нужно для этого. Такъ, напримѣръ, она выговариваетъ ему за то, что онъ слишкомъ чувствителенъ и плачетъ при видѣ страданій животныхъ. Мужчинѣ, по ея понятіямъ, надо быть твердымъ. Другой

*) „Мнѣ хорошо съ обѣими, я занимаюсь музыкой, смѣюсь и дурю съ одной, говорю о чувствахъ, пересуживаю людей и вѣтренничаю съ другой, любима до безумія обѣими, исповѣдница каждой, я утѣшаю ихъ, когда онѣ дуются, такъ какъ трудно себѣ представить дружбу болѣе бурную, чѣмъ ихняя. Постоянныя неудовольствія, слезы, утѣшенія, брань и вдругъ порывы восторженной и романтической привязанности. Вижу какъ въ зеркалѣ привязанность, которая одушевляла меня и смущала мою жизнь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Я смотрю на нихъ съ невыразимымъ чувствомъ, иногда завидую ихъ иллюзіямъ, которыхъ у меня уже нѣтъ, но сладость которыхъ я знаю. Говоря откровенно, счастье прочное и дѣйствительное зрѣлаго возраста, стоитъ ли оно очаровательныхъ иллюзій юности, гдѣ все бываетъ украшено всесильнымъ воображеніемъ? И нерѣдко я улыбаюсь ихъ ребячеству".

Digitized by Google

недостатокъ, который она старается исправлять въ немъ, это то, что онъ задумывается и вмѣсто „bonsoir“ или „bonjour“ говоритъ бабушкѣ: „je vous remercie“.

„Четвертое сильное чувство, которое, можетъ-быть, было, какъ мнѣ говорили тетушки, и которое я такъ желалъ, что бы было, была любовь ко мнѣ, замѣнившая любовь ей къ Коко, во время моего рожденія уже отлѣпившагося отъ матери и поступившаго въ мужскія руки. Ей необходимо было любить не себя, и одна любовь смѣнялась другой.

„Таковъ былъ духовный обликъ моей матери въ моемъ представленіи.

„Она представлялась мнѣ такимъ высокимъ, чистымъ, духовнымъ существомъ, что часто въ средній періодъ моей жизни, во время борьбы съ одолѣвавшими меня искушеніями, я молился ея душѣ, прося ее помочь мнѣ, и эта молитва всегда помогала много.

„Жизнь моей матери въ семьѣ отца, какъ я могу заключить по письмамъ и разсказамъ, была очень счастливая и хорошая.

„Семья отца состояла изъ бабушки, старушки—его матери, ея дочери—моей тетки, графини Александры Ильинишны Остенъ-Сакенъ, и ея воспитанницы Пашеньки; другой тетушки, какъ мы называли ее, хотя она была намъ очень дальней родственницей, Татьяны Александровны Ергольской, воспитавшейся въ домѣ дѣдушки и прожившей всю жизнь въ нашемъ домѣ, моего отца, учителя Ѳедора Ивановича Ресселя, описаннаго мною довольно вѣрно въ „Дѣтствѣ“. Дѣтей насъ было пятеро: Николай, Сергѣй, Дмитрій, я, меньшой, и меньшая сестра Машенька, вслѣдствіе родовъ которой и умерла моя мать. Замужняя очень короткая жизнь моей матери—кажется, не больше 9-ти лѣтъ—была счастливая и хорошая. Жизнь эта была очень полна и украшена любовью всѣхъ къ ней и ея ко всѣмъ, жившимъ съ нею. Судя по письмамъ, я вижу, что жила она тогда очень уединенно. Никто почти, кромѣ близкихъ знакомыхъ Огаревыхъ и род-

Digitized by Google

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ИЛЬИЧЪ ТОЛСТОЙ.
ОТЕЦЪ Л. Н—ЧА.

Digitized by Google

Digitized by Google

ственниковъ, случайно проѣзжавшихъ по большой дорогѣ и заѣзжавшихъ къ намъ, не посѣщали Ясной Поляны.

„Жизнь моей матери проходила вся за занятіями съ дѣтьми, въ вечернихъ чтеніяхъ вслухъ романовъ для бабушки и серьезныхъ чтеніяхъ, какъ Эмиль Руссо, и разсужденіяхъ о читанномъ, въ игрѣ на фортепіано, въ преподаваніи итальянскаго языка одной изъ тетокъ, въ прогулкахъ и домашнемъ хозяйствѣ.

„Во всѣхъ семьяхъ бываютъ періоды, когда болѣзни и смерти еще отсутствуютъ и члены семьи живутъ спокойно. Такой періодъ, какъ мнѣ думается, переживала мать въ семьѣ мужа до своей смерти. Никто не умиралъ, никто серьезно не болѣлъ, разстроенныя дѣла отца поправлялись. Всѣ были здоровы, веселы и дружны. Отецъ веселилъ всѣхъ своими разсказами и шутками. Я не засталъ этого времени. Когда я сталъ помнить себя, уже смерть матери положила свою печать на жизнь нашей семьи.

„Все это я описываю по разсказамъ и письмамъ. Теперь же начинаю о томъ, что я пережилъ и помню. Не буду говорить о смутныхъ, младенческихъ неясныхъ воспоминаніяхъ, въ которыхъ не можешь еще отличить дѣйствительности отъ сновидѣній. Начну съ того, что я ясно помню: съ того мѣста и съ тѣхъ лицъ, которыя окружали меня съ первыхъ лѣтъ. Первое мѣсто среди этихъ лицъ занимаетъ, хотя и не по вліянію на меня, но по моему чувству къ нему, разумѣется, мой отецъ.

„Отецъ мой съ молодыхъ лѣтъ оставался единственнымъ сыномъ своихъ родителей. Младшій братъ его Иленька былъ ушибленъ въ дѣтствѣ, сталъ горбатый и умеръ въ дѣтствѣ. Въ 12-мъ году ему было 17 лѣтъ, и онъ, несмотря на ужасъ и страхъ и отговоры родителей, поступилъ въ военную службу. Въ то время князь Николай Ивановичъ Горчаковъ, близкій родственникъ моей бабушки, княгини Горчаковой, былъ военнымъ министромъ, а другой братъ, Андрей Ивановичъ, былъ генераломъ, командующимъ чѣмъ-то въ дѣйствую-

Digitized by Google

щей арміи, и отца зачислили къ нему въ адъютанты. Онъ продѣлалъ походы 13, 14 годовъ и въ 14 году, гдѣ-то въ Германіи, будучи посланъ курьеромъ, былъ французами взятъ въ плѣнъ, отъ котораго освободился только въ 15 году, когда наши войска вошли въ Парижъ.

„Отецъ въ 20 лѣтъ уже былъ не невиннымъ юношей, а еще до поступленія на военную службу, стало-быть лѣтъ 16-ти, былъ соединенъ родителями, какъ думали тогда, для его здоровья, съ дворовой дѣвушкой. Отъ этой связи былъ сынъ Мишенька, котораго опредѣлили въ почтальоны и который при жизни отца жилъ хорошо, но потомъ сбился съ пути и часто уже къ намъ, взрослымъ братьямъ, обращался за помощью. Помню то странное чувство недоумѣнія, которое я испытывалъ, когда этотъ, впавшій въ нищенство, братъ мой, очень похожій (болѣе всѣхъ насъ) на отца, просилъ насъ о помощи и былъ благодаренъ за 10, 15 рублей, которые давали ему.

„Послѣ кампаніи отецъ, разочаровавшись въ военной службѣ,—это видно по письмамъ,—вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ Казань, гдѣ, совсѣмъ уже разорившись, мой дѣдъ былъ губернаторомъ, и въ Казани же была сестра отца Пелагея Ильинишна за Юшковымъ. Дѣдъ скоро умеръ въ Казани же, и отецъ остался съ наслѣдствомъ, которое не стоило и всѣхъ долговъ, и съ старой, привыкшей къ роскоши, матерью, сестрой и кузиной на рукахъ. Въ это время ему устроили женитьбу на моей матери, и онъ переѣхалъ въ Ясную Поляну, гдѣ, проживъ 9 лѣтъ съ матерью, овдовѣлъ и гдѣ уже на моей памяти жилъ съ нами.

„Отецъ былъ средняго роста, хорошо сложенъ, живой сангвиникъ съ пріятнымъ лицомъ и съ всегда грустными глазами. Жизнь его проходила въ занятіяхъ хозяйствомъ, въ которомъ онъ, кажется, не былъ большой знатокъ, но въ которомъ онъ имѣлъ для того времени большое качество: онъ былъ не только не жестокъ, но скорѣе даже слабъ. Такъ что и за его время я никогда не слыхалъ о тѣлесныхъ

Digitized by Google

наказаніяхъ. Вѣроятно, эти наказанія производились. Въ то время трудно было себѣ представить управленіе безъ употребленія этихъ наказаній; но они, вѣроятно, были такъ рѣдки и отецъ такъ мало принималъ въ нихъ участія, что намъ, дѣтямъ, никогда не удавалось слышать про это. Уже только послѣ смерти отца я въ первый разъ узналъ, что такія наказанія совершались у насъ.

„Мы, дѣти, съ учителемъ возвращались съ прогулки и подлѣ гумна встрѣтили толстаго управляющаго Андрея Ильина и шедшаго за нимъ, съ поразившимъ насъ печальнымъ видомъ, помощника кучера Кривого Кузьму, человѣка женатаго и уже немолодого. Кто-то изъ насъ спросилъ Андрея Ильина, куда онъ идетъ, а онъ спокойно отвѣчалъ, что идетъ на гумно, гдѣ надо Кузьму наказать. Не могу описать ужаснаго чувства, которое произвели на меня эти слова и видъ добраго и унылаго Кузьмы. Вечеромъ я разсказалъ это тетушкѣ Татьянѣ Александровнѣ, воспитавшей насъ и ненавидѣвшей тѣлесныя наказанія, никогда недопускавшей ихъ для насъ, а также для крѣпостныхъ, тамъ, гдѣ она могла имѣть вліяніе. Она очень возмутилась тѣмъ, что я разсказалъ ей и съ упрекомъ сказала: „Какъ же вы не остановили его?“ Ея слова еще больше огорчили меня... Я никакъ не думалъ, чтобы мы могли вмѣшиваться въ такое дѣло, а между тѣмъ, оказывалось, что мы могли. Но уже было поздно, и ужасное дѣло было совершено.

„Возвращаюсь къ тому, что я зналъ про отца и какъ представляю себѣ его жизнь. Занятіе его составляло хозяйство и, главное, процессы, которыхъ тогда было очень много у всѣхъ и, кажется, особенно много у отца, которому надо было распутывать дѣла дѣда. Процессы эти заставляли отца часто уѣзжать изъ дома; кромѣ того, уѣзжалъ онъ часто и для охоты—и для ружейной и для псовой. Главнымъ товарищемъ его по охотѣ былъ его пріятель, старый холостякъ и богачъ, Киреевскій, и Языковъ, Глѣбовъ, Исленевъ. Отецъ раздѣлялъ общее тогда свойство помѣщи-

Digitized by Google

ковъ—пристрастіе къ нѣкоторымъ любимцамъ изъ дворовыхъ. Такими любимцами его были два брата: Петруша и Матюша, оба красивые, ловкіе ребята и они же охотники. Дома отецъ, кромѣ занятій хозяйствомъ и нами—дѣтьми, еще много читалъ. Онъ собиралъ библіотеку, состоявшую по тому времени въ французскихъ классикахъ, историческихъ сочиненіяхъ и естественно-историческихъ сочиненіяхъ — Бюфонъ, Кювье. Тетушка говорила мнѣ, что отецъ поставилъ себѣ за правило не покупать новыхъ книгъ, пока не прочтетъ прежнихъ. Но, хотя онъ и много читалъ, трудно вѣрить, чтобы онъ одолѣлъ всѣ эти „Histoires des Croisades“ и „Des Papes“, которыя онъ пріобрѣталъ въ библіотеку.

„Сколько я могу судить, онъ не имѣлъ склонности къ наукамъ, но былъ на уровнѣ образованныхъ людей своего времени. Какъ большая часть людей перваго Александровскаго времени и походовъ 13, 14, 15 годовъ, онъ былъ не то, что теперь называется либераломъ, а просто, по чувству собственнаго своего достоинства, не считалъ для себя возможнымъ служить ни при концѣ царствованія Александра I, ни при Николаѣ. Онъ не только не служилъ никогда, но даже всѣ друзья его были такіе же люди свободные, не служащіе и немного фрондирующіе правительство Николая Павловича.

„За все мое дѣтство и даже юность наше семейство не имѣло близкихъ сношеній ни съ однимъ чиновникомъ. Разумѣется, я ничего не понималъ этого въ дѣтствѣ, но я понималъ то, что отецъ никогда ни передъ кѣмъ не унижался, не измѣнялъ своего бойкаго, веселаго и часто насмѣшливаго тона. И это чувство собственнаго достоинства, которое я видѣлъ въ немъ, увеличивало мою любовь, мое восхищеніе передъ нимъ.

„Помню его въ его кабинетѣ, куда мы приходили къ нему прощаться, а иногда просто поиграть, гдѣ онъ съ трубкой сидѣлъ на кожаномъ диванѣ и ласкалъ насъ, а иногда къ величайшей радости нашей пускалъ къ себѣ за спину на кожаный диванъ и продолжалъ читать или разго-

Digitized by Google

варивать съ стоящимъ у притолки двери приказчикомъ или съ С. И. Языковымъ, моимъ крестнымъ отцомъ, часто гостившимъ у насъ. Помню, какъ онъ приходилъ къ намъ внизъ и рисовалъ намъ картинки, которыя казались намъ верхомъ совершенства. Помню, какъ онъ разъ заставилъ меня прочесть ему полюбившіеся мнѣ и выученные мною наизусть стихи Пушкина „Къ морю“: „Прощай, свободная стихія!“ и Наполеону: „Чудесный жребій совершился, угасъ великій человѣкъ“, и т. д. Его поразилъ, очевидно, тотъ пафосъ, съ которымъ я произносилъ эти стихи, и онъ, прослушавъ меня, какъ-то значительно переглянулся съ бывшимъ тутъ Языковымъ. Я понялъ, что онъ что-то хорошее видитъ въ этомъ моемъ чтеніи, и былъ очень счастливъ этимъ.

„Помню его веселые шутки и разсказы за обѣдомъ и ужиномъ, какъ и бабушка, и тетушка, и мы, дѣти, смѣялись, слушая его. Помню еще его поѣздки въ городъ и тотъ удивительно красивый видъ, который онъ имѣлъ, когда надѣвалъ сюртукъ и узкіе панталоны. Но болѣе всего я помню его въ связи съ псовой охотой. Помню его выѣзды на охоту. Мнѣ всегда потомъ казалось, что Пушкинъ списалъ съ него свой выѣздъ на охоту мужа въ графѣ Нулинѣ. Помню, какъ мы съ нимъ ходили гулять, и какъ, увязавшись за нимъ, молодыя борзыя, разрѣзвившись по нескошенному лугу, на которомъ высокая трава подстегивала ихъ и щекотала подъ брюхомъ, летали кругомъ съ загнутыми на бокъ хвостами и какъ онъ любовался ими. Помню, какъ въ день охотничьяго праздника 1-го сентября мы всѣ выѣхали въ линейкѣ къ отъемному лѣсу, въ который была посажена лисица, и какъ гоняли гончія ее и гдѣ-то—мы не видѣли—борзыя поймали ее. Помню особенно ясно садку волка. Это было около самаго дома. Мы всѣ пѣшкомъ вышли смотрѣть. На телѣгѣ вывезли большого сострунеинаго, со связанными ногами сѣраго волка. Онъ лежалъ смирно и только косился на подходившихъ къ нему. Пріѣхавъ на мѣсто за садомъ, волка вынули, прижали вилами къ землѣ и развязали ноги. Онъ сталъ рваться и

Digitized by Google

дергаться, злобно грызя струнку. Наконецъ развязали на затылкѣ и струнку и кто-то крикнулъ: „пущай!“ Вилы подняли, волкъ поднялся, постоялъ секундъ десять, но на него крикнули и пустили собакъ. Волкъ, собаки, конные, верховые полетѣли внизъ по полю. И волкъ ушелъ. Помню, отецъ что-то выговаривалъ и, сердито махая руками, возвращался домой.

„Самыя же пріятныя мои воспоминанія о немъ—это его сидѣніе съ бабушкой на диванѣ и помоганіе ей раскладыванія пасьянса. Отецъ со всѣми бывалъ учтивъ и ласковъ, но съ бабушкой онъ былъ всегда какъ-то особенно ласково подобострастенъ. Сидитъ, бывало, бабушка со своимъ длиннымъ подбородкомъ въ чепцѣ съ рюшемъ и бантомъ на диванѣ и раскладываетъ карты, понюхивая изрѣдка изъ золотой табакерки. Рядомъ съ диваномъ сидитъ на креслѣ тульская оружейница Петровна въ своей куртушкѣ съ патронами, прядетъ и стукаетъ клубкомъ изрѣдка по стѣнѣ, въ которой она, клубками этими, выбила уже ямку. Петровна эта—торговка, почему-то полюбилась бабушкѣ, и она гоститъ часто у насъ и всегда сидитъ рядомъ съ бабушкой въ гостиной на диванѣ. На креслѣ сидятъ тетушки, и одна изъ нихъ читаетъ вслухъ. На одномъ изъ креселъ, продавивъ въ немъ себѣ ямку, лежитъ чернопѣгая Милка, любимая рѣзвая собака отца, съ прекрасными черными глазами. Мы приходимъ прощаться, а иногда сидимъ тутъ же. Прощаемся всегда цѣлуясь съ бабушками и тетушками, цѣлуясь рука въ руку. Помню разъ, въ срединѣ пасьянса и чтенія, отецъ останавливаетъ читающую тетушку, указываетъ въ зеркало и шепчетъ что-то. Мы всѣ смотримъ туда же. Это офиціантъ Тихонъ, зная, что отецъ въ гостиной, идетъ къ нему въ кабинетъ брать его табакъ изъ большой складывающейся розанчикомъ кожаной табачницы. Отецъ видитъ его въ зеркало и смотритъ на его, на цыпочкахъ, осторожно шагающую, фигуру. Тетушки смѣются. Бабушка долго не понимаетъ, а когда понимаетъ, радостно улыбается. Я восхищаюсь

Digitized by Google

добротой отца и, прощаясь съ нимъ, съ особенной нѣжностью цѣлую его бѣлую жилистую руку. Я очень любилъ отца, но не зналъ еще, какъ сильна была эта моя любовь къ нему до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ“ *).

Эти свѣдѣнія о родителяхъ, сообщенныя самимъ Львомъ Николаевичемъ, мы дополнимъ только нѣкоторыми внѣшними фактами и историческими документами, которые намъ удалось собрать.

Графъ Николай Ильичъ Толстой, отецъ Льва Николаевича, родился въ 1797 году. Въ хранящемся въ архивѣ Казанскаго университета дѣлѣ о принятіи въ студенты Льва Толстого находится любопытный документъ: аттестатъ о службѣ его отца Николая Ильича.

Мы приведемъ здѣсь существенную часть этого акта, датированнаго 29-го января 1825 года **).

„Предъявитель сего подполковникъ, графъ Николай Ильичъ сынъ Толстой 3-й, который, какъ значится изъ формулярнаго его списка, 28 лѣтъ, имѣетъ орденъ св. Владиміра 4-й степени, изъ дворянъ; крестьянъ не имѣетъ, въ службу его Императорскаго Величества вступилъ изъ губернскихъ секретарей, корнетомъ, 1812 года іюня 11-го, въ 3-й Иркутскій казачій регулярный полкъ, изъ коего переведенъ въ иркутскій гусарскій полкъ 1812 года августа 18-го; произведенъ за отличіе въ поручики 1813 года апрѣля 27-го; въ томъ же полку штабъ-ротмистромъ 1813 года октября 7-го. Переведенъ за отличіе въ кавалергардскій полкъ тѣмъ же чиномъ 1814 года августа 8-го, изъ онаго въ гусарскій принца Оранскаго полкъ, маіоромъ, 1817 года декабря 11-го. Уволенъ по болѣзни въ отставку съ награжденіемъ подполковника 1819 года марта 14-го. Опредѣленъ въ Московское военно-сиротское отдѣленіе смотрительскимъ помощникомъ

*) Изъ доставленныхъ мнѣ и отданныхъ въ мое распоряженіе черновыхъ неисправленныхъ записокъ Л. Н. Толстого.

**) Гр. Л. Н. Толстой и его студенческіе годы. Н. П. Загоскинъ. Историческій Вѣстникъ. Январь 1894 г.

Digitized by Google

1821 года декабря 15-го. Во время которой службы былъ въ разныхъ походахъ 1813 года апрѣля 2-го и въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ неоднократно находился, былъ въ полону до взятія Парижа и за отличіе въ тѣхъ сраженіяхъ награжденъ чиномъ вышеописаннымъ поручикомъ, штабъ-ротмистромъ и орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ".

Изъ того же документа узнаемъ, что графъ Н. И. Толстой оставилъ службу въ военно-сиротскомъ отдѣленіи и вышелъ въ окончательную отставку „по домашнимъ обстоятельствамъ" 8-го января 1824 года.

Выйдя въ отставку, графъ Николай Ильичъ Толстой поселился въ Ясной Полянѣ. Въ ту пору у нихъ былъ лишь одинъ ребенокъ, годовой сынъ Николай, родившійся въ 1823 году. Въ деревнѣ приращеніе семьи пошло весьма быстро. Въ 1826 году (17-го февраля) родился у него сынъ Сергѣй, а въ 1827 году (23-го апрѣля) — Дмитрій, а 28-го августа 1828 года родился сынъ Левъ.

Непродолжительна была мирная и тихая сельская жизнь Толстыхъ. Въ 1830 году, произведя на свѣтъ дочь Марію (родилась 7-го марта), графиня Толстая скончалась, оставивъ мужа съ пятью дѣтьми.

По смерти матери воспитаніемъ дѣтей занялась дальняя родственница, вышеупомянутая дѣвица Татьяна Александровна Ергольская, выросшая и воспитанная въ домѣ дѣда его, графа Ильи Андреевича Толстого.

Въ семьѣ Толстыхъ сохранился интересный разсказъ изъ жизни отца Льва Николаевича.

Въ 1813 году послѣ блокады города Эрфурта, отецъ Льва Николаевича былъ посланъ съ депешами въ Петербургъ; на возвратномъ пути, при мѣстечкѣ Сентъ-Оби, онъ былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ своимъ крѣпостнымъ деньщикомъ, незамѣтно спрятавшимъ въ сапогъ все золото своего барина. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока они были въ плѣну, онъ ни разу не разувался, чтобы не выдать тайны.

Digitized by Google

Онъ натеръ себѣ ногу до раны, но все время и вида не показывалъ, что ему больно. За то по пріѣздѣ въ Парижъ Николай Ильичъ могъ жить ни въ чемъ не нуждаясь. Онъ сохранилъ надолго добрую память о преданномъ деньщикѣ *).

Прочитавши личныя воспоминанія Льва Николаевича, читатели поймутъ, что въ повѣсти „Дѣтство“ изображены родители не Льва Николаевича.

Дѣйствительно, насколько намъ извѣстно, въ отцѣ онъ изобразилъ Алексѣя Михайловича Исленева, сосѣда по имѣнію и пріятеля своего дѣйствительнаго отца. Мать — лицо вымышленное.

Зато въ „Войнѣ и Мирѣ“ не трудно угадать полное художественное изображеніе его родителей въ лицѣ графа Николая Ильича Ростова и княжны Маріи Волконской.

Начиная со стараго графа Ильи Андреевича и кончая воспитанницей Соней, почти у каждаго члена семьи Ростовыхъ есть соотвѣтствующій дѣйствительности типъ въ семейной хроникѣ Толстыхъ. Точно такъ же ясны и обитатели „Лысыхъ Горъ“. И потому чтеніе этого романа можетъ дополнить свѣдѣнія о бытѣ и характерѣ предковъ и родителей Льва Николаевича.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

---

*) Сергѣенко: „Какъ живетъ и работаетъ Л. Н. Толстой“. Москва, 1898 г. стр. 40.

Digitized by Google

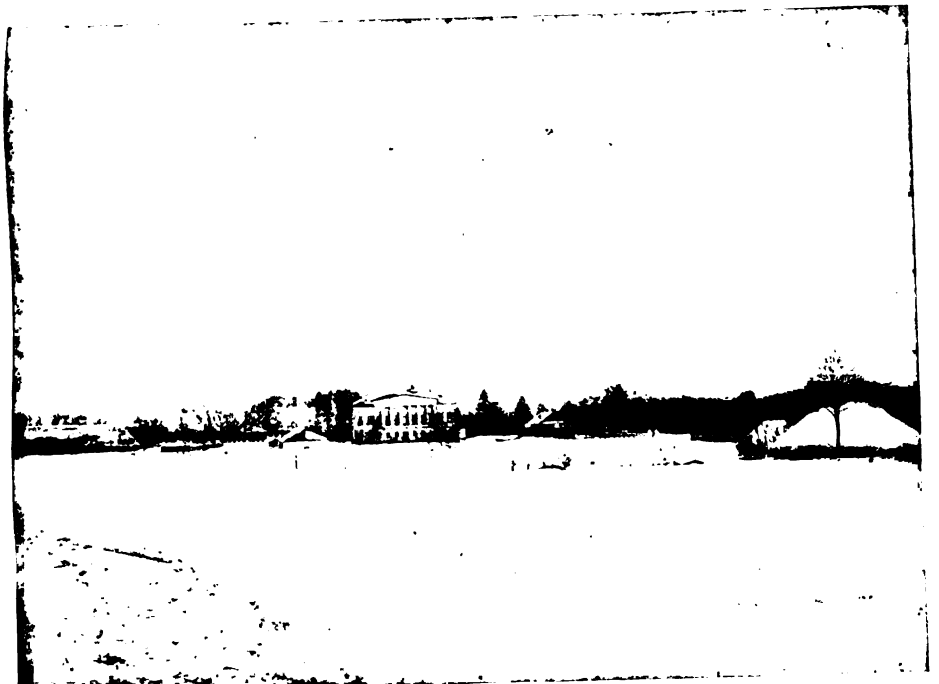
Digitized by Google

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЮНЫЕ ГОДЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google



СЕЛО ДОЛГОЕ КРАПИВЕНСКАГО УѢЗДА,
ГДѢ НАХОДИТСЯ ДОМЪ, ВЪ КОТОРОМЪ РОДИЛСЯ Л. Н.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА IV.

Дѣтство.

„Родился я и провелъ первое дѣтство въ деревнѣ „Ясной Полянѣ“.

Этими словами начинаетъ Левъ Николаевичъ свои воспоминанія, и мы считаемъ должнымъ, приступая къ описанію дѣтства, сказать нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ уголкѣ земного шара, которому суждено было пріобрѣсти всемірную извѣстность. Какихъ только гостей не видала у себя „Ясная Поляна“! Жители Малайскаго архипелага, австралійцы, японцы и американцы, сибирскіе бѣгуны, и представители всѣхъ европейскихъ націй посѣщали ее и разносили по всему свѣту описаніе ея и слова и мысли великаго старца, ея обитателя.

„Ясная Поляна“, родовое имѣніе князей Волконскихъ, находится въ Крапивенскомъ уѣздѣ, Тульской губ., почти на границѣ Тульскаго уѣзда, въ 15 верстахъ къ югу отъ Тулы. Близъ нея переплетаются между собой три большія дороги трехъ разныхъ эпохъ: заросшая травой старая Кіевская дорога, новое Кіевское шоссе и Московско-Курская желѣзная дорога, ближайшая станція которой, Козловка-Засѣка, находится отъ дома Льва Николаевича въ $3^1/_2$ верстахъ.

Красивая, холмистая мѣстность, окружающая „Ясную Поляну“, перерѣзана съ востока на западъ длинной лентой казеннаго лѣса, носящаго названіе „Засѣки“; названіе это

Digitized by Google

указываетъ на отдаленныя времена, когда въ этомъ мѣстѣ славянскимъ племенамъ приходилось отражать нападенія крымскихъ татаръ и другихъ монгольскихъ племенъ и „засѣкать“, т.-е. рубить лѣсъ и дѣлать лѣсные завалы, естественное и непроходимое препятствіе для вражескихъ ордъ.

Дома, въ которомъ родился Левъ Николаевичъ, въ „Ясной Полянѣ“ уже нѣтъ. Начатый еще дѣдомъ, княземъ Волконскимъ, и достроенный отцомъ Льва Николаевича, онъ былъ проданъ на свозъ сосѣднему помѣщику Горохову и находится въ селѣ Долгомъ, верстахъ въ 30-ти отъ „Ясной Поляны“. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Левъ Николаевичъ сильно нуждался въ деньгахъ и поручилъ одному изъ своихъ родственниковъ продать этотъ домъ. Огромный барскій домъ съ колоннами и балконами былъ проданъ за сравнительно ничтожную сумму, около 5000 рублей ассигнаціями. По письму Льва Николаевича къ его брату видно, что ему было очень трудно рѣшиться на это, и онъ сдѣлалъ это скрѣпя сердце, по необходимости. Въ настоящее время въ домѣ этомъ никто не живетъ. Онъ стоитъ запущенный, съ заколоченными окнами. Теперешніе два яснополянскіе дома преобразованы изъ двухъ прежнихъ флигелей, стоявшихъ по обѣ стороны проданнаго большого дома. Мѣсто, гдѣ стоялъ большой старый домъ, частью засажено деревьями, частью расчищено подъ крокетъ-граундъ и площадку, замѣняющую въ хорошую погоду столовую.

Передъ домами теперь цвѣтникъ и за нимъ раскинулся старинный садъ съ прудами и вѣковыми липовыми аллеями. Весь садъ окруженъ канавой и валомъ. При въѣздѣ въ этотъ садъ стоятъ двѣ круглыя выбѣленныя кирпичныя башни. Около нихъ, по разсказамъ стариковъ, во времена дѣда, князя Волконскаго, стоялъ часовой.

Отъ этихъ башенъ къ дому ведетъ березовая аллея, такъ называемый проспектъ.

Къ старинному саду примыкаютъ болѣе молодые фруктовые сады, саженые уже подъ руководствомъ самого

Digitized by Google

Льва Николаевича. И вся усадьба, расположенная на холмѣ, тонетъ въ густой роскошной зелени.

О рожденіи Льва Николаевича, къ сожалѣнію, неизвѣстно никакихъ интересныхъ подробностей, кромѣ слѣдующей выписки изъ метрическихъ книгъ, приводимой въ воспоминаніяхъ Загоскина:

„1828 года, августа 28 дня, сельца „Ясной Поляны", у графа Николая Ильича Толстого родился сынъ Левъ, крещенъ двадцать девятаго числа, священникомъ Василіемъ Можайскимъ съ діакономъ Архипомъ Ивановымъ, дьячкомъ Александромъ Федоровымъ и пономаремъ Федоромъ Григорьевымъ. При крещеніи воспріемниками были: Бѣлевскаго уѣзда помѣщикъ Семенъ Ивановъ Языковъ и графиня Пелагея Толстова" *).

Эта графиня „Пелагея Толстова" была никто иной, какъ бабушка Льва Николаевича по отцу, Пелагея Николаевна Толстая.

Таковы скудныя свѣдѣнія, дошедшія до насъ о рожденіи Льва Николаевича. О первомъ же дѣтствѣ его мы знаемъ уже много интереснаго.

Рѣдко приходится біографу пользоваться столь ранними автобіографическими свѣдѣніями, какъ пишущему эти строки. Въ своихъ „Первыхъ воспоминаніяхъ" Левъ Николаевичъ приводитъ смутныя ощущенія пеленанія, т.-е. ощущенія перваго года жизни.

Мы приводимъ здѣсь эти воспоминанія цѣликомъ:

„Вотъ первыя мои воспоминанія (которыя я не умѣю поставить по порядку, не зная, что было прежде, что послѣ; о нѣкоторыхъ даже не знаю, было ли то во снѣ или наяву). Вотъ они: я связанъ; мнѣ хочется выпростать руки, и я не могу этого сдѣлать, и я кричу и плачу, и мнѣ самому непріятенъ мой крикъ; но я не могу остановиться. Надо мной

*) Н. П. Загоскинъ. Гр. Л. Н. Толстой и его студенческіе годы. Историческій Вѣстникъ. Январь 1894 г., стр. 87.

Digitized by Google

стоитъ нагнувшись кто-то, я не помню кто. И все это въ полутьмѣ. Но я помню, что двое. Крикъ мой дѣйствуетъ на нихъ; они тревожатся отъ моего крика, но не развязываютъ меня, чего я хочу, и я кричу еще громче. Имъ кажется, что это нужно (т.-е., чтобъ я былъ связанъ), тогда какъ я знаю, что это не нужно, и хочу доказать имъ это, и я заливаюсь крикомъ, противнымъ для самого себя, но неудержимымъ. Я чувствую несправедливость и жестокость не людей, потому что они жалѣютъ меня, но судьбы, и жалость надъ самимъ собой. Я не знаю и никогда не узнаю, что это такое было: пеленали ли меня, когда я былъ грудной, и я выдиралъ руку, или это пеленали меня уже, когда мнѣ было больше года, чтобы я не расчесывалъ лишаи; собралъ ли я въ одно это воспоминаніе, какъ то бываетъ во снѣ, много впечатлѣній, но вѣрно то, что это было первое и самое сильное мое впечатлѣніе жизни. И памятны мнѣ не крикъ мой, не страданія, но сложность, противорѣчивость впечатлѣнія. Мнѣ хочется свободы, она никому не мѣшаетъ, и я, кому сила нужна, я слабъ, а они сильны.

„Другое впечатлѣніе — радостное. Я сижу въ корытѣ, и меня окружаетъ новый не непріятный запахъ какого-то вещества, которымъ трутъ мое маленькое тѣльце. Вѣроятно, это были отруби, и вѣроятно, въ водѣ и корытѣ, но новизна впечатлѣній отрубей разбудила меня, и я въ первый разъ замѣтилъ и полюбилъ свое тѣльце, съ видными мнѣ ребрами на груди, и гладкое темное корыто, засученныя руки няни, и теплую, парную, страшенную воду, и звукъ ея, и въ особенности ощущеніе гладкости мокрыхъ краевъ корыта, когда я водилъ по нимъ ручонками.

„Странно и страшно подумать, что отъ рожденія моего и до трехъ лѣтъ, въ то время, когда я кормился грудью, когда меня отняли отъ груди, когда я сталъ ползать, ходить, говорить, сколько бы я ни искалъ въ своей памяти, я не могу найти ни одного впечатлѣнія, кромѣ этихъ двухъ. Когда же я начался? Когда началъ жить? И почему мнѣ ра-

Digitized by Google

СТАРИННЫЯ БАШНИ ПРИ ВЪѢЗДѢ ВЪ ЯСНОПОЛЯНСКУЮ УСАДЬБУ

Digitized by Google

Digitized by Google

достно представлять себя тогда, а бывало страшно, какъ и теперь страшно многимъ, представлять себя тогда, когда я опять вступлю въ то состояніе смерти, отъ котораго не будетъ воспоминаній, выразимыхъ словами? Развѣ я не жилъ тогда, когда учился смотрѣть, слушать, понимать, говорить, когда спалъ, сосалъ грудь и цѣловалъ грудь и смѣялся и радовалъ мою мать? Я жилъ и блаженно жилъ! Развѣ не тогда я пріобрѣталъ все то, чѣмъ я теперь живу, и пріобрѣталъ такъ много, такъ быстро, что во всю остальную жизнь я не пріобрѣлъ и одной сотой того? Отъ пятилѣтняго ребенка до меня — только шагъ. Отъ новорожденнаго до пятилѣтняго — страшное разстояніе. Отъ зародыша до новорожденнаго — пучина. А отъ несуществованія до зародыша отдѣляетъ уже не пучина, а непостижимость. Мало того, что пространство, и время, и причина суть формы мышленія, и что сущность жизни внѣ этихъ формъ, но вся жизнь наша есть большее и большее подчиненіе себя этимъ формамъ и потомъ опять освобожденіе отъ нихъ.

„Слѣдующія воспоминанія мои относятся уже къ четыремъ-пяти годамъ, но и тѣхъ очень немного, и ни одно изъ нихъ не относится къ жизни внѣ стѣнъ дома. Природа до пяти лѣтъ не существуетъ для меня. Все, что я помню, все происходитъ въ постелькѣ, горницѣ. Ни травы, ни листьевъ, ни неба, ни солнца не существуетъ для меня. Не можетъ быть, чтобы не давали мнѣ играть цвѣтами, листьями, чтобъ я не видалъ травы, чтобъ не защищали меня отъ солнца, но лѣтъ до пяти, до шести нѣтъ ни одного воспоминанія изъ того, что мы называемъ природой. Вѣроятно, надо уйти отъ нея, чтобы видѣть ее, а я былъ природа.

„Слѣдующее за корытцемъ воспоминаніе есть воспоминаніе „Еремѣевны“. „Еремѣевна“ было слово, которымъ насъ, дѣтей, пугали, но мое воспоминаніе о ней такое: я — въ постелькѣ и мнѣ весело и хорошо, какъ и всегда, и я бы не помнилъ этого, но вдругъ няня или кто-то изъ того, что составляетъ мою жизнь, что-то говоритъ новымъ для меня

Digitized by Google

голосомъ и уходитъ, и мнѣ дѣлается, кромѣ того, что весело, еще и страшно. И я вспоминаю, что я не одинъ, а кто-то еще такой же, какъ я. (Это, вѣроятно, моя годомъ младшая сестра Машенька, съ которой наши кровати стояли въ одной комнатѣ). И вспоминаю, что есть положекъ у моей кровати, и мы вмѣстѣ съ сестрою радуемся и пугаемся тому необыкновенному, что случилось съ нами, и я прячусь въ подушку, и прячусь и выглядываю въ дверь, изъ которой жду чего-то новаго и веселаго. И мы смѣемся, и прячемся, и ждемъ. И вотъ является кто-то въ платьѣ и чепцѣ, все такъ, какъ я никогда не видалъ, но я узнаю, что это та самая, кто всегда со мной (няня или тетка — я не знаю), и эта кто-то говоритъ грубымъ голосомъ, который я знаю, что-то страшное про дурныхъ дѣтей и про Еремѣевну. Я визжу отъ страха и радости и точно ужасаюсь и вмѣстѣ радуюсь, что мнѣ страшно, и хочу, чтобы тотъ, кто меня пугаетъ, не зналъ, что я узналъ ее.

„Мы затихаемъ, но потомъ опять нарочно начинаемъ перешептываться, чтобы вызвать опять Еремѣевну.

„Подобное воспоминанію Еремѣевны есть у меня другое, вѣроятно позднѣйшее по времени, потому что болѣе ясное, но всегда оставшееся для меня непонятнымъ. Въ воспоминаніи этомъ играетъ главную роль нѣмецъ Ѳедоръ Ивановичъ, нашъ учитель, но я знаю навѣрное, что еще я не нахожусь подъ его надзоромъ, слѣдовательно, это происходитъ до пяти лѣтъ. И это первое мое впечатлѣніе Ѳедора Ивановича. И происходитъ это такъ рано, что я еще никого,— ни братьевъ, ни отца, — никого не помню. Если и есть у меня представленіе о какомъ-нибудь отдѣльномъ лицѣ, то только о сестрѣ, и то только потому, что она одинаково со мною боялась Еремѣевны. Съ этимъ воспоминаніемъ соединяется у меня тоже первое представленіе о томъ, что въ домѣ у насъ есть верхній этажъ. Какъ я забрался туда,— самъ ли зашелъ или кто меня занесъ, — я ничего не помню, но помню то, что насъ много, мы всѣ хороводимъ, дер-

Digitized by Google

жимся рука за руку, въ числѣ держащихся есть чужія женщины (почему-то мнѣ памятно, что это прачки), и мы всѣ начинаемъ вертѣться и прыгать, и Ѳедоръ Ивановичъ прыгаетъ, слишкомъ высоко поднимая ноги и слишкомъ шумно и громко, и я въ одно и то же мгновеніе чувствую, что это не хорошо, развратно, и замѣчаю его, и, кажется, начинаю плакать, и все кончается".

Къ этому времени слѣдуетъ еще отнести разсказъ сестры Льва Николаевича, Марьи Николаевны, о ихъ дѣтскихъ играхъ:

„Мы спали втроемъ, въ одной комнатѣ: я, Лёвочка и Дунечка *), и часто играли между собой, составляя особую, меньшую партію, отдѣльную отъ старшихъ братьевъ, жившихъ внизу съ гувернеромъ.

„Одной изъ любимѣйшихъ игръ нашихъ была игра въ „Милашки". Одинъ или одна изъ насъ изображала „Милашку", т.-е. ребенка, котораго другіе особенно ласкали, укладывали спать, кормили, лѣчили, и вообще всячески возились съ нимъ. И этотъ Милашка долженъ былъ по условіямъ игры подчиняться охотно всѣмъ продѣлкамъ надъ нимъ и безпрекословно исполнять свою роль.

„Помню разъ во время игры наше огорченіе и досаду, когда нашъ Милашка, которымъ былъ большею частью Левъ Николаевичъ, послѣ усиленныхъ баюканій его дѣйствительно заснулъ. А по расписанію игры онъ долженъ былъ плакать и затѣмъ нужно было лѣчить его, давать лѣкарства, растирать и т. д.; а между тѣмъ сонъ его прекратилъ нашу игру, вызвавъ насъ отъ иллюзіи къ дѣйствительности".

„Вотъ все,—продолжаетъ Левъ Николаевичъ, что я помню до пятилѣтняго возраста. Ни своихъ нянь, тетокъ, братьевъ, сестеръ, ни отца, ни комнатъ, ни игрушекъ, — я ничего не помню. Воспоминанія болѣе опредѣленныя начинаются у ме-

*) Воспитанница, см. о ней дальше, стр. 76.

Digitized by Google

ня съ того времени, какъ меня перевели внизъ къ Ѳедору Ивановичу и къ старшимъ мальчикамъ.

„При переводѣ меня внизъ къ Ѳедору Ивановичу и мальчикамъ я испыталъ въ первый разъ и потому сильнѣе, чѣмъ когда-либо послѣ, — то чувство, которое называютъ чувствомъ долга, называютъ чувствомъ креста, который призванъ нести каждый человѣкъ. Мнѣ было жалко покидать привычное (привычное отъ вѣчности), грустно было, поэтически грустно разставаться не столько съ людьми, съ сестрой, съ няней, съ теткой, сколько съ кроваткой, съ положкомъ, съ подушкой, и страшна была та новая жизнь, въ которую я вступалъ. Я старался находить веселое въ той новой жизни, которая предстояла мнѣ; я старался вѣрить ласковымъ рѣчамъ, которыми заманивалъ меня къ себѣ Ѳедоръ Ивановичъ; старался не видѣть того презрѣнія, съ которымъ мальчики принимали меня, меньшого, къ себѣ; старался думать, что стыдно было жить большому мальчику съ дѣвочками, и что ничего хорошаго не было въ этой жизни наверху съ няней; но на душѣ было страшно грустно, и я зналъ, что я безвозвратно терялъ невинность и счастье, и только чувство собственнаго достоинства, сознаніе того, что я исполняю свой долгъ, поддерживало меня. Много разъ потомъ въ жизни мнѣ приходилось переживать такія минуты на распутьяхъ жизни, вступая на новыя дороги. Я испытывалъ тихое горе о безвозвратности утраченнаго. Я все не вѣрилъ, что это будетъ. Хотя мнѣ и говорили про то, что меня переведутъ къ мальчикамъ, но помню халатъ съ подтяжкой, пришитой къ спинѣ, который на меня надѣли, какъ будто отрѣзалъ меня навсегда отъ верха, и я тутъ въ первый разъ замѣтилъ не всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ я жилъ наверху, но главное лицо, съ которымъ я жилъ и которое я не понималъ прежде. Это была тетушка Татьяна Александровна. Помню невысокую, плотную, черноволосую, добрую, нѣжную, жалостливую. Она надѣвала на меня халатъ, обнимая подпоясывала и цѣловала, и я видѣлъ, что она чувствовала то самое, что

Digitized by Google

ВИДЪ ИЗДАЛИ ЯСНОПОЛЯНСКАГО ПАРКА ВЪ ЕГО ТЕПЕРЕШНЕМЪ ВИДѢ

Digitized by Google

Digitized by Google

и я, что жалко, ужасно жалко, но должно. Въ первый разъ я почувствовалъ, что жизнь не игрушка, а трудное дѣло. Не то ли я почувствую, когда буду умирать: я пойму, что смерть или будущая жизнь не игрушка, а трудное дѣло?"

Объ этой тетушкѣ, Татьянѣ Александровнѣ, Левъ Николаевичъ даетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія въ своихъ воспоминаніяхъ *).

„Третье, послѣ отца и матери, самое важное въ смыслѣ вліянія на мою жизнь была тетенька, какъ мы называли ее, Татьяна Александровна Ергольская. Она была очень дальняя по Горчаковымъ родственница бабушки. Она и сестра ея Лиза, вышедшая потомъ за графа Петра Ивановича Толстого, остались маленькими дѣвочками, бѣдными сиротками отъ умершихъ родителей. Было еще нѣсколько братьевъ, которыхъ родные кое-какъ пристроили. Дѣвочекъ же порѣшили взять на воспитаніе знаменитая въ своемъ кругу въ Чернскомъ уѣздѣ и въ свое время властная и важная Тат. Сем. Скуратова и моя бабушка; — свернули билетики, и положили подъ образа, помолившись вынули, и Лизанька досталась Тат. Сем., а черненькая бабушкѣ. Таничка, какъ ее звали у насъ, была однихъ лѣтъ съ отцомъ, родилась въ 1795 году и воспитывалась совершенно наравнѣ съ моими тетками и была всѣми нѣжно любима, какъ и нельзя было не любить ее за ея твердый, рѣшительный, энергичный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самоотверженный характеръ. Очень рисуетъ ея характеръ событіе съ линейкой, про которую она разсказывала намъ, показывая большой, чуть не въ ладонь, слѣдъ обжога на рукѣ между локтемъ и кистью. Они дѣтьми читали исторію Муція Сцеволы и заспорили о томъ, что никто изъ нихъ не рѣшился бы сдѣлать то же. „Я сдѣлаю", сказала она.—„Не сдѣлаешь", сказалъ Языковъ, мой крестный отецъ, и, тоже характерно для него, разжегъ на свѣчкѣ ли-

*) „Первыя воспоминанія" (Изъ неизданныхъ автобіографическихъ записокъ). Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого, изд. 10-е, т. XIII, стр. 515.

Digitized by Google

нейку такъ, что она обуглилась и вся дымилась. „Вотъ приложи это къ рукѣ“, сказалъ онъ. Она вытянула голую руку, тогда дѣвочки ходили всегда декольте, и Языковъ приложилъ обугленную линейку. Она нахмурилась, но не отдернула руки, застонала она только тогда, когда линейка съ кожей отодралась отъ руки. Когда же большіе увидали ея рану и стали спрашивать, какъ это сдѣлалось, она сказала, что сама сдѣлала это, хотѣла испытать то, что испыталъ Муцій Сцевола.

„Такая она была во всемъ рѣшительная и самоотверженная.

„Должно быть, она была очень привлекательная съ своей жесткой черной, курчавой, огромной косой и агатово-черными глазами и оживленнымъ, энергическимъ выраженіемъ. В. И. Юшковъ, мужъ тетки Пелагеи Ильинишны, большой волокита, часто уже старикомъ, съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ говорятъ влюбленные про прежній предметъ любви, вспоминалъ про нее: Toinette, oh, elle était charmante! *)

„Когда я сталъ помнить ее, ей было уже за сорокъ, и я никогда не думалъ о томъ, красива или некрасива она. Я просто любилъ ее, любилъ ея глаза, улыбку, смуглую, широкую, маленькую руку съ энергической поперечной жилкой.

„Должно быть, она любила отца и отецъ любилъ ее, но она не пошла за него въ молодости для того, чтобы онъ могъ жениться на богатой моей матери, впослѣдствіи же она не пошла за него потому, что не хотѣла портить своихъ чистыхъ, поэтическихъ отношеній съ нимъ и съ нами. Въ ея бумагахъ, въ бисерномъ портфельчикѣ, лежитъ слѣдующая написанная въ 1836 году, 6 лѣтъ послѣ смерти моей матери, записка:

16 août 1836. Nicolas m'a fait aujourd'hui une étrange proposition, — celle de l'épouser, de servir de mère à ses enfants

*) Туанетъ, о она была очаровательна!

Digitized by Google

et de ne jamais les quitter. J'ai refusè la première proposition, j'ai promis de remplir l'autre tant que je vivrai *).

„Такъ она записала; но никогда ни намъ, ни кому не говорила объ этомъ. Послѣ смерти отца она исполнила второе его желаніе: у насъ были двѣ родныя тетки и бабушка, всѣ онѣ имѣли на насъ больше правъ, чѣмъ Татьяна Александровна, которую мы называли тетушкой только по привычкѣ, такъ какъ родство наше было такъ далеко, что я никогда не могъ запомнить его, но она, по праву любви къ намъ, какъ Будда съ раненымъ лебедемъ, заняла въ нашемъ воспитаніи первое мѣсто. И мы чувствовали это.

„У меня были вспышки восторженно умиленной любви къ ней. Помню, какъ разъ на диванѣ въ гостиной, мнѣ было лѣтъ пять, я завалился за нее, она, лаская, тронула меня рукой. Я ухватилъ эту руку и сталъ цѣловать ее и плакать отъ умиленной любви къ ней.

„Она была воспитана барышней богатаго дома, говорила и писала по-французски лучше, чѣмъ по-русски, прекрасно играла на фортепьяно, но лѣтъ 30 не дотрогивалась до него. Она стала играть только уже тогда, когда я взрослымъ учился играть, и иногда, играя въ четыре руки, удивляла меня правильностью и изяществомъ своей игры. Къ прислугѣ она была добра, никогда сердито не говорила съ нею, не могла переносить мысли о побояхъ или розгахъ, но считала, что крѣпостные — крѣпостные и обращалась съ ними, какъ барыня. Но, несмотря на то, ее отличали отъ другихъ, любили всѣ люди. Когда она скончалась и ее несли по деревнѣ, изъ всѣхъ домовъ выходили крестьяне и заказывали панихиду. Главная черта ея была любовь, но какъ бы я не хотѣлъ, чтобы это такъ было — любовь къ одному

*) 16 августа 1836. Николай сдѣлалъ мнѣ сегодня странное предложеніе,—выйти за него замужъ, замѣнить мать его дѣтямъ и никогда ихъ болѣе не оставлять. Я отказала первое предложеніе, я обѣщалась исполнить второе, пока я буду жива.

Digitized by Google

человѣку — къ моему отцу! Только уже исходя изъ этого центра, любовь ея разливалась на всѣхъ людей. Чувствовалось, что она и насъ любила за него, черезъ него и всѣхъ любила, потому что вся жизнь ея была любовь.

„Она имѣла по своей любви къ намъ наибольшее право на насъ, но родныя тетушки, особенно Пелагея Ильинишна, когда она насъ увезла въ Казань, имѣла внѣшнія права, и она покорялась имъ, но любовь отъ этого не ослабѣвала. Она жила у сестры, гр. Л. А. Толстой, но жила душою съ нами, и, какъ только можно было, возвращалась къ намъ. То, что она послѣдніе годы своей жизни, около 20 лѣтъ, прожила со мной въ Ясной Полянѣ, было для меня большимъ счастьемъ. Но какъ мы не умѣли цѣнить нашего счастья, тѣмъ болѣе, что истинное счастье всегда негромко и незамѣтно! Я цѣнилъ, но далеко недостаточно. Она любила у себя въ комнатѣ въ разныхъ посудинкахъ держать сладенькое: винныя ягоды, пряники, финики и любила покупать и угощать этимъ перваго меня. Не могу забыть и безъ жестокаго укора совѣсти вспомнить, какъ я нѣсколько разъ отказывалъ ей въ деньгахъ на эти сласти, и какъ она, грустно вздыхая, умолкала. Правда, я былъ стѣсненъ въ деньгахъ, но теперь не могу вспомнить безъ ужаса, какъ я отказывалъ ей.

„Уже, когда я былъ женатъ и она начала слабѣть, она разъ, выждавъ время, когда я былъ въ ея комнатѣ, отвернувшись (я видѣлъ, что она готова заплакать), сказала мнѣ: „Вотъ что, mes chers amis, комната моя очень хорошая и вамъ понадобится. А если я умру въ ней, сказала она дрожащимъ голосомъ, вамъ будетъ непріятно воспоминаніе, такъ вы меня переведите, чтобы я умерла не здѣсь“. Такая она была вся съ первыхъ временъ моего дѣтства, когда я еще не могъ понимать...

„Комната ея была такая: въ лѣвомъ углу стояла шифоньерка съ безчисленными вещицами, цѣнными только для нея, въ правомъ кіотъ съ иконами и большимъ, въ серебряной

Digitized by Google

БЕРЕЗОВАЯ АЛЛЕЯ, ВЕДУЩАЯ ОТЪ ВЪѢЗДА КЪ ДОМУ Л. Н—ЧА
ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЙ „ПРОСПЕКТЪ“

Digitized by Google

Digitized by Google

ризѣ, Спасителемъ, посрединѣ диванъ, на которомъ она спала, передъ нимъ столъ. Направо дверь къ ея горничной.

„Я сказалъ, что тетенька Татьяна Александровна имѣла самое большое вліяніе на мою жизнь. Вліяніе это было, во-первыхъ, въ томъ, что еще въ дѣтствѣ она научила меня духовному наслажденію любви. Она не словами учила меня этому, а всѣмъ своимъ существомъ заражала меня любовью.

„Я видѣлъ, чувствовалъ, какъ хорошо ей было любить, и понялъ счастье любви. Это первое. Второе то, что она научила меня прелести неторопливой, одинокой жизни“ *).

Объ этомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Мы уже упоминали въ главѣ о родителяхъ, что повѣсти Льва Николаевича „Дѣтство, отрочество и юность“ нельзя считать автобіографическими. Но это замѣчаніе касается больше внѣшнихъ фактовъ и образовъ, созданныхъ авторомъ для полноты написанной имъ картины.

Что же касается до изображенія внутренняго состоянія души ребенка — героя повѣсти, то мы смѣло можемъ сказать, что въ той или иной формѣ эти состоянія души были пережиты самимъ авторомъ, и потому мы считаемъ себя въ правѣ пополнить ими нашу біографію.

Кромѣ того, мы знаемъ, что нѣкоторые типы, выведенные въ этомъ произведеніи, списаны съ натуры, и мы упомянемъ здѣсь о нихъ, чтобы пополнить группу лицъ, окружавшихъ Льва Николаевича въ его раннемъ дѣтствѣ.

Такъ, нѣмецъ Карлъ Ивановичъ Мауэръ никто иной, какъ Ѳедоръ Ивановичъ Рессель, дѣйствительный учитель нѣмецъ, жившій въ домѣ Толстыхъ. О немъ же говоритъ самъ Левъ Николаевичъ въ своихъ „Первыхъ воспоминаніяхъ“. Эта личность должна была несомнѣнно вліять на развитіе души ребенка, и надо думать, что вліяніе это было хорошее, такъ какъ авторъ „Дѣтства“ съ особенною лю-

*) Изъ доставленныхъ мнѣ и отданныхъ въ мое распоряженіе черновыхъ неисправленныхъ записокъ Л. Н. Толстого.

Digitized by Google

бовью говоритъ о немъ, изображая его честную, прямую, добродушную и любящую натуру.

Не даромъ Левъ Николаевичъ начинаетъ исторію своего дѣтства съ изображенія именно этого лица. Ѳедоръ Ивановичъ и умеръ въ Ясной Полянѣ и похороненъ на кладбищѣ приходской церкви.

Другое лицо,—описанное въ „Дѣтствѣ"—юродивый Гриша, хотя и не дѣйствительное лицо, но несомнѣнно, что многія черты его взяты изъ жизни; повидимому, онъ оставилъ глубокій слѣдъ въ дѣтской душѣ. Ему Левъ Николаевичъ посвящаетъ слѣдующія трогательныя слова, разсказывая о подслушанной вечерней молитвѣ юродиваго:

„Слова его были нескладны, но трогательны. Онъ молился о всѣхъ благодѣтеляхъ своихъ (такъ онъ называлъ тѣхъ, которые принимали его), въ томъ числѣ о матушкѣ, о насъ; молился о себѣ; просилъ, чтобы Богъ простилъ ему его тяжкіе грѣхи, и твердилъ: „Боже, прости врагамъ моимъ!"

„Кряхтя, поднимался и, повторяя еще и еще тѣ же слова, припадалъ къ землѣ и опять [поднимался, несмотря на тяжесть веригъ, которыя издавали сухой, рѣзкій звукъ, ударяясь о землю...

„ . . . Долго еще находился Гриша въ этомъ положеніи религіознаго восторга и импровизировалъ молитвы. То твердилъ онъ нѣсколько разъ сряду: „Господи помилуй", но каждый разъ съ новою силой и выраженіемъ; то говорилъ онъ: прости мя, Господи, научи мя, что творити. . . . . научи мя, что творити, Господи", съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ожидалъ сейчасъ же отвѣта на свои слова; то слышны были одни жалобныя рыданія... Онъ приподнялся на колѣни, сложилъ руки на груди и замолкъ.

„— Да будетъ воля Твоя!" — вскричалъ онъ вдругъ съ неподражаемымъ выраженіемъ, упалъ лбомъ на землю и зарыдалъ какъ ребенокъ.

„Много воды утекло съ тѣхъ поръ, много воспоминаній о

Digitized by Google

быломъ потеряли для меня значеніе и стали смутными мечтами, даже и странникъ Гриша давно окончилъ свое послѣднее странствованіе, но впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, и чувство, которое возбудилъ, никогда не умрутъ въ моей памяти.

„О, великій христіанинъ Гриша! Твоя вѣра была такъ сильна, что ты чувствовалъ близость Бога; твоя любовь такъ велика, что слова сами собою лились съ устъ твоихъ, — ты ихъ не повѣрялъ разсудкомъ... И какую высокую хвалу ты принесъ Его величію, когда, не находя словъ, въ слезахъ повалился на землю!“ *)

Не имѣемъ ли мы права назвать этого человѣка первымъ учителемъ народной вѣры, которая овладѣла душой Толстого послѣ безплодныхъ скитаній ея по дебрямъ теологіи, философіи и положительной науки и которую онъ, въ свою очередь, просвѣтилъ свѣтомъ своего разумѣнія, очищеннаго и закаленнаго въ борьбѣ и страданіяхъ, неизбѣжно сопровождающихъ всякое исканіе истины.

Нѣкоторое указаніе на это мы находимъ въ его воспоминаніяхъ.

„Юродивый Гриша,—говоритъ Левъ Николаевичъ,—лицо вымышленное. Юродивыхъ много разныхъ бывало въ нашемъ домѣ, и я — за что глубоко благодаренъ моимъ воспитателямъ—привыкъ съ великимъ уваженіемъ смотрѣть на нихъ. Если и были среди нихъ неискренніе, были въ ихъ жизни времена слабости, неискренности, самая задача ихъ жизни была, хотя и практически нелѣпая, такая высокая, что я радъ, что съ дѣтства безсознательно научился понимать высоту ихъ подвига. Они дѣлали то, про что говоритъ Маркъ Аврелій: „Нѣтъ ничего выше того, какъ то, чтобы сносить презрѣніе за свою добрую жизнь“. Такъ вреденъ, такъ неустранимъ соблазнъ славы людской, примѣшивающійся всегда къ

*) Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. Т. I. стр. 50. Изд. 10-е. Москва 1897 г.

Digitized by Google

добрымъ дѣламъ, что нельзя не сочувствовать попыткамъ не только избавиться отъ похвалы, но вызвать презрѣніе людей. Такой юродивой была и крестная мать сестры, Марья Герасимовна, и полудурачокъ Евдокимушка и еще нѣкоторые, бывшіе въ нашемъ домѣ.

„Подслушивали же мы, дѣти, молитву не юродиваго, а дурачка, помощника садовника, Акима, дѣйствительно, молившагося въ большой залѣ лѣтняго дома между двухъ оранжерей и, дѣйствительно, поразившаго и глубоко тронувшаго меня своей молитвой, въ которой онъ говорилъ съ Богомъ, какъ съ живымъ лицомъ.

„Ты мой лѣкарь; Ты мой аптекарь“, говорилъ онъ съ внушительной довѣрчивостью. И потомъ пѣлъ стихъ о Страшномъ судѣ, какъ Богъ отдѣлилъ праведниковъ отъ грѣшниковъ и грѣшникамъ засыпалъ глаза желтымъ пескомъ...“

Изъ другихъ второстепенныхъ лицъ повѣсти упомянемъ Мими и дочь ея Катеньку, „что-то въ родѣ первой любви“. Подъ именемъ Мими описана гувернантка сосѣдей; а подъ именемъ Катеньки — воспитанница, жившая въ семьѣ Льва Николаевича, Дунечка Темяшева. Объ этой Дунечкѣ Левъ Николаевичъ такъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Кромѣ братьевъ и сестры съ пятилѣтняго возраста съ нами росла ровесница мнѣ Дунечка Темяшева, и мнѣ надо разсказать, кто она была и какъ попала къ намъ. Въ числѣ нашихъ посѣтителей, памятныхъ мнѣ въ дѣтствѣ, мужа тетки Юшкова, страннаго для дѣтей вида съ черными усами, бакенбардами и въ очкахъ (о немъ придется много говорить), и моего крестнаго отца С. И. Языкова, замѣчательно безобразнаго, пропахшаго курительнымъ табакомъ, съ лишней кожей на большомъ лицѣ, которую онъ передергивалъ въ самыя странныя, безпрестанныя гримасы, кромѣ этихъ и двухъ сосѣдей, Огарева и Исленева, посѣщалъ насъ еще дальній родственникъ по Горчаковымъ, богачъ холостякъ Темяшевъ, называвшій отца братомъ и питавшій къ нему какую-то восторженную любовь. Онъ жилъ въ сорока верстахъ отъ

Digitized by Google

ПЕЙЗАЖЪ ИЗЪ ЯСНОПОЛЯНСКАГО ПАРКА

Digitized by Google

Digitized by Google

Ясной Поляны, въ селѣ Пироговѣ, и привезъ разъ оттуда поросятъ съ закорюченными колечками хвостами, которыхъ на большомъ подносѣ раскладывали на столѣ въ оффиціантской. Темяшевъ, Пирогово и поросята соединялись у меня въ воображеніи въ одно.

„Кромѣ того, Темяшевъ былъ намъ дѣтямъ памятенъ еще тѣмъ, что игралъ въ залѣ на фортепьяно какой-то плясовой мотивъ (онъ только это и умѣлъ играть) и заставлялъ насъ плясать подъ эту музыку; когда же мы спрашивали его, какой танецъ надо танцовать, онъ говорилъ, что можно всѣ танцы танцовать подъ эту музыку. И мы любили пользоваться этимъ.

„Былъ зимній вечеръ, чай отпили, насъ скоро должны были вести спать и у меня уже глаза слипались, когда вдругъ изъ оффиціантской въ гостиную, гдѣ всѣ сидѣли и горѣли только двѣ свѣчи и было полутемно, въ открытую большую дверь скорымъ шагомъ мягкихъ сапогъ вошелъ человѣкъ и, выйдя на середину гостиной, хлопнулся на колѣни. Зажженная трубка на длинномъ чубукѣ, которую онъ держалъ въ рукѣ, ударилась объ полъ и искры разсыпались, освѣщая лицо стоявшаго на колѣняхъ, — это былъ Темяшевъ. Что сказалъ Темяшевъ отцу, упавъ передъ нимъ на колѣни, я не помню, да и не слышалъ, а только потомъ узналъ, что это онъ упалъ на колѣни передъ отцомъ потому, что привезъ съ собою свою незаконную дочь Дунечку, про которую уже прежде говорилъ съ отцомъ съ тѣмъ, чтобы отецъ принялъ ее на воспитаніе съ своими дѣтьми. Съ тѣхъ поръ у насъ появилась широколицая дѣвочка, моя ровесница, Дунечка, съ своей няней Евпраксіей, высокой, сморщенной старухой, съ висячимъ у подбородка, какъ у индюка, кадыкомъ, въ которомъ былъ шарикъ, который она намъ давала ощупывать.

„Появленіе въ нашемъ домѣ Дунечки связывалось съ сложной имущественной сдѣлкой между отцомъ и Темяшевымъ. Сдѣлка эта была вотъ какая:

Digitized by Google

„Темяшевъ былъ очень богатъ. Законныхъ дѣтей у него не было. А было только двѣ дѣвочки: Дунечка и Вѣрочка, горбатая дѣвочка, отъ бывшей крѣпостной, отпущенной на волю дѣвушки Марѳуши. Наслѣдницы Темяшева были его сестры. Онъ предоставлялъ имъ всѣ остальныя свои имѣнія, а Пирогово, въ которомъ онъ жилъ, желалъ передать отцу съ тѣмъ, чтобы цѣнность имѣнія 300,000 (про Пирогово всегда говорили, что это было золотое дно, и оно стоило гораздо больше) отецъ передалъ двумъ дѣвочкамъ. Для того, чтобы устроить это дѣло, было придумано слѣдующее: Темяшевъ дѣлалъ запродажную запись, по которой онъ продавалъ отцу Пирогово за 300,000, отецъ же давалъ вексель тремъ постороннимъ лицамъ: Исленеву, Языкову и Глѣбову по 100 тысячъ каждый. Въ случаѣ смерти Темяшева, отецъ получалъ имѣніе и, объяснивъ Глѣбову, Исленеву и Языкову, съ какою цѣлью даны были на ихъ имя векселя, выплачивалъ 300,000, которыя должны были итти двумъ дѣвочкамъ.

„Можетъ-быть, я ошибаюсь въ описаніи всего плана, но знаю я несомнѣнно то, что имѣніе Пирогово перешло къ намъ послѣ смерти отца и что были три векселя на имена Исленева, Глѣбова и Языкова и опека выплатила эти векселя и первые два передали по 100 тысячъ дѣвочкамъ. Языковъ же присвоилъ себѣ эти, не принадлежащія ему деньги, но объ этомъ послѣ.

„Дунечка жила у насъ и была милая, простая, спокойная, но не умная дѣвочка и большая плакса. Помню, какъ меня, обученнаго уже французской грамотѣ, заставили учить ее буквы. Сначала у насъ дѣло шло хорошо (мнѣ и ей было по пяти лѣтъ), но потомъ, вѣроятно, она устала и перестала называть правильно ту букву, которую я ей показывалъ. Я настаивалъ. Она заплакала. Я тоже. И когда къ намъ пришли, мы ничего не могли выговорить отъ отчаянныхъ слезъ. Другое помню о ней, что когда оказалась похищенной одна слива съ тарелки и не могли найти виновнаго, Ѳедоръ Ива-

Digitized by Google

новичъ съ серьезнымъ видомъ, не глядя на насъ, сказалъ, что съѣлъ это ничего, а если косточку проглотилъ, то можетъ умереть. Дунечка не вытерпѣла этого страха и сказала, что косточку она выплюнула. Еще помню ея отчаянныя слезы, когда они съ братомъ Митенькой затѣяли игру, состоящую въ томъ, чтобы плевать другъ другу въ ротъ маленькую мѣдную цѣпочку, и она такъ сильно плюнула, а Митенька такъ широко раскрылъ ротъ, что проглотилъ цѣпочку. Она плакала безутѣшно, пока не пріѣхалъ докторъ и не успокоилъ всѣхъ.

„Она была не умная, но хорошая, простая дѣвочка, а главное, до такой степени цѣломудренная, что между нами, мальчиками, и ею никогда не было никакихъ, кромѣ братскихъ отношеній“.

Чрезвычайно интересны тѣ свѣдѣнія, которыя даетъ Левъ Николаевичъ о прислугѣ, окружавшей его во время дѣтства. Эти свѣдѣнія служатъ дополненіемъ того, что описано въ повѣсти „Дѣтство“. Мы заимствуемъ эти свѣдѣнія также изъ его воспоминаній:

„Прасковью Исаевну я довольно вѣрно описалъ въ „Дѣтствѣ“ (подъ именемъ Натальи Савишны). Все, что я о ней писалъ, было дѣйствительно. Прасковья Исаевна была почтенная особа — экономка, а между тѣмъ у нея, въ ея маленькой комнаткѣ, стояло наше дѣтское суднушко. Помню, одно изъ самыхъ пріятныхъ впечатлѣній было послѣ урока или въ срединѣ урока сѣсть въ ея комнаткѣ и разговаривать съ ней и слушать. Вѣроятно, она любила видѣть насъ въ эти времена особенно счастливой и умиленной откровенности:. „Прасковья Исаевна, дѣдушка какъ воевалъ? Верхомъ?“ кряхтя спросишь ее, чтобы только поговорить и послушать.

„— Онъ всячески воевалъ, и на конѣ и пѣшій. За то генералъ-аншефъ былъ, — отвѣтитъ она и, открывая шкафъ, достаетъ смолку, которую она называла „очаковскимъ куреньемъ“. По ея словамъ выходило, что эту смолку дѣдушка

Digitized by Google

привезъ изъ-подъ Очакова. Зажжетъ бумажку изъ лампадки у иконы и зажжетъ смолку, и она дымитъ пріятнымъ запахомъ.

„Кромѣ той обиды, которую она мнѣ нанесла, побивъ меня мокрой скатертью, какъ я описалъ это въ „Дѣтствѣ“, она еще другой разъ обидѣла меня: въ числѣ ея обязанностей было еще и то, чтобы, когда это нужно было, ставить намъ клистиры. Разъ утромъ, уже не въ женской половинѣ, а внизу, на половинѣ Ѳедора Ивановича, мы только-что встали и старшіе братья уже одѣлись, а я замѣшкался и только-что собирался снимать свой халатикъ и одѣваться, какъ быстрыми старушечьими шагами вошла Прасковья Исаевна со своими инструментами. Инструменты состояли изъ трубки, завернутой почему-то въ салфетку такъ, что только желтоватая костяная трубочка виднѣлась изъ нея, и еще блюдечко съ деревяннымъ масломъ, въ которое обмакивалась костяная трубочка. Увидя меня, Прасковья Исаевна рѣшила, что тотъ, надъ кѣмъ тетенька велѣла сдѣлать операцію, былъ я. Въ сущности, это былъ Митенька, но случайно или изъ хитрости, зная, что ему угрожаетъ операція, которую мы всѣ очень не любили, онъ поспѣшно одѣлся и ушелъ изъ спальни. И, несмотря на мои клятвенныя увѣренія, что не мнѣ назначена операція, она исполнила ее надо мной.

„Кромѣ той преданности и честности ея, я особенно любилъ ее потому, что она со старушкой Анной Ивановной казалась мнѣ представительницей таинственной стороны жизни дѣдушки съ „Очаковскимъ куреньемъ“.

„Анна Ивановна жила на покоѣ и раза два она была въ домѣ, и я видѣлъ ее. Ей, говорили, что было 100 лѣтъ и она помнила Пугачева. У нея были очень черные глаза и одинъ зубъ. Она была той старости, которая страшна дѣтямъ.

„Няня Татьяна Филипповна, маленькая, смуглая, съ пухлыми маленькими руками, была молодая няня, помощница старой няни Аннушки, которую я почти не помню, именно потому,

Digitized by Google

ДЕРЕВНЯ „ЯСНАЯ ПОЛЯНА“

Digitized by Google

Digitized by Google

что я сознавалъ себя не иначе, какъ съ Аннушкой, и какъ я на себя не смотрѣлъ и не помнилъ себя, какой я былъ, такъ не помню и Аннушку.

„Такъ вновь прибывшую няню Дунечки, Евпраксею, съ ея шарикомъ на шеѣ, я помню прекрасно. Помню, какъ мы чередовались щупать ея шарикъ; какъ я, какъ нѣчто новое, понялъ то, что няня Аннушка не есть всеобщая принадлежность людей. А что вотъ у Дунечки совсѣмъ особенная своя няня изъ Пирогова.

„Няню Татьяну Филипповну я помню потому, что она потомъ была няней моихъ племянницъ и моего старшаго сына. Это было одно изъ тѣхъ трогательныхъ существъ изъ народа, которыя такъ сживаются съ семьями своихъ питомцевъ, что всѣ свои интересы переносятъ въ нихъ и для своихъ семейныхъ представляютъ только возможность выпрашиванія и наслѣдованія нажитыхъ денегъ. Всегда у нихъ моты братья, мужья, сыновья. И такіе же были, сколько помню, мужъ и сынъ Татьяны Филипповны. Помню, она тяжело, тихо и кротко умирала въ нашемъ домѣ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ я теперь сижу и пишу эти воспоминанія.

„Братъ ея, Николай Филипповичъ, былъ кучеръ, котораго мы не только любили, но къ которому, какъ большею частью господскія дѣти, питали великое уваженіе. У него были особенно толстые сапоги, пахло отъ него всегда пріятно навозомъ, и голосъ у него былъ ласковый и звучный...

„Надо упомянуть и о буфетчикѣ Васильѣ Трубецкомъ. Это былъ милый, ласковый человѣкъ, очевидно любившій дѣтей и потому любившій насъ, особенно Сережу, того самаго, у котораго онъ потомъ и служилъ и померъ. Помню добрую, кривую улыбку его бритаго лица, которое съ морщинами и шеей было близко видно, и тоже особенный запахъ, когда онъ бралъ насъ на руки и сажалъ на подносъ (это было однимъ изъ большихъ удовольствій: „и меня! теперь меня!“) и носилъ по буфету, таинственному для насъ мѣсту, съ какимъ-то подземнымъ ходомъ. Одно изъ силь-

Digitized by Google

ныхъ воспоминаній, связанныхъ съ нимъ, былъ его отъѣздъ въ Щербачевку, Курское имѣніе, полученное отцомъ въ наслѣдство отъ Перовской. Это было (отъѣздъ Василья Трубецкого) на святкахъ, въ то время какъ мы, дѣти, и нѣсколько дворовыхъ въ залѣ играли въ „пошелъ рубликъ“.

„Про эти святочныя увеселенія надо тоже разсказать. Святочныя увеселенія происходили такъ: дворовые всѣ, очень много, человѣкъ 30, наряжались, приходили въ домъ и играли въ разныя игры и плясали подъ игру старика Григорья, который только въ эти времена и появлялся въ домѣ. Это было очень весело. Ряженые были, какъ всегда, медвѣдь съ поводыремъ и козой, турки и турчанки, разбойники, крестьянки — мужчины и мужики — бабы. Помню, какъ казались мнѣ красивы нѣкоторые ряженые и какъ хороша была особенно Маша-турчанка. Иногда тетенька наряжала и насъ. Былъ особенно желателенъ какой-то поясъ съ каменьями и кисейное полотенце, вышитое серебромъ и золотомъ, и очень я себѣ казался хорошъ съ усами, наведенными жженной пробкой. Помню, какъ, глядя въ зеркало на свое съ черными усами и бровями лицо, я не могъ удержать улыбки удовольствія, а надо было дѣлать величественное лицо турки. Ходили по всѣмъ комнатамъ и угощались разными лакомствами.

„Въ одни изъ святокъ, въ моемъ первомъ дѣтствѣ, пріѣхали къ намъ всѣ Исленевы ряженые: отецъ, дѣдъ моей жены, три его сына и три дочери. На всѣхъ были удивительные для насъ костюмы: былъ туалетъ, былъ сапогъ, картонный паяцъ и еще что-то. Исленевы, пріѣхавъ за 40 верстъ, переодѣлись на деревнѣ, и, войдя въ залу, Исленевъ сѣлъ за фортепіано и пропѣлъ сочиненные имъ стихи на голосъ, который я и теперь помню. Стихи были такіе:

„Съ новымъ годомъ васъ поздравить
Мы пріѣхали сюда;
Коль удастся позабавить,
Будемъ счастливы тогда!“

Digitized by Google

„Это было все очень удивительно и, вѣроятно, хорошо для большихъ, но для насъ, дѣтей, самое лучшее были дворовые.

„Такія увеселенія происходили первые дни Рождества и подъ Новый годъ, иногда и послѣ, до Крещенья. Но послѣ Новаго года уже приходило мало народа, и увеселенія шли вяло. Такъ это было въ тотъ день, когда Василій уѣзжалъ въ Щербачевку. Помню, въ углу почти неосвѣщенной залы мы сидѣли кружкомъ на домодѣльныхъ, подъ красное дерево, съ кожаными подушками деревянныхъ стульяхъ и играли въ рубликъ. Одинъ ходилъ и долженъ былъ найти рубль, а мы перепускали его изъ рукъ въ руки, напѣвая: „пошелъ рубликъ, пошелъ рубликъ!“ Помню, одна дворовая особенно пріятнымъ и вѣрнымъ голосомъ выводила все тѣ же слова. Вдругъ дверь буфета отворилась, и Василій, какъ-то особенно застегнутый, безъ подноса и посуды прошелъ черезъ край залы въ кабинетъ. Тутъ только я узналъ, что Василій уѣзжаетъ приказчикомъ въ Щербачевку. Я помню, что это было повышеніемъ, и радъ былъ за Василія, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ не только жаль было разстаться съ нимъ, знать, что его не будетъ въ буфетѣ, не будетъ ужъ онъ насъ носить на подносѣ, но я даже не понималъ, не вѣрилъ, чтобы могло совершиться такое измѣненіе. Мнѣ стало ужасно таинственно-грустно, и напѣвы: „пошелъ рубликъ“, сдѣлались умильно-трогательны. Когда же Василій вернулся отъ тетеньки и съ своей милой кривой улыбкой подошелъ къ намъ, цѣлуя насъ въ плечи, я испыталъ въ первый разъ ужасъ и страхъ передъ непостоянствомъ жизни и жалость и любовь къ милому Василію.

„Когда я послѣ встрѣчалъ Василья и видѣлъ въ немъ уже хорошаго или дурного приказчика брата, человѣка, котораго я подозрѣвалъ, и слѣда уже не было прежняго, святого, братскаго, человѣчнаго чувства“ *).

*) Изъ доставленныхъ мнѣ и отданныхъ въ мое распоряженіе черновыхъ неисправленныхъ записокъ Л. Н. Толстого.

Digitized by Google

Какими-то таинственными, непостижимыми для человѣческаго разума путями сохраняются впечатлѣнія ранняго дѣтства и не только сохраняются, но, подобно сѣмени, брошенному на благодатную почву, растутъ гдѣ-то тамъ, въ таинственной глубинѣ душевныхъ нѣдръ, и вдругъ черезъ много лѣтъ выбрасываютъ на свѣтъ Божій ярко зеленый ростокъ.

Такимъ посѣвомъ въ раннемъ дѣтствѣ были игры съ младшими братьями старшаго брата Николеньки, о сильномъ вліяніи котораго на свою жизнь не разъ вспоминаетъ Левъ Николаевичъ. Мы знаемъ объ этихъ играхъ изъ его воспоминаній о Фанфароновой горѣ, о муравейныхъ братьяхъ и о зеленой палочкѣ.

„Да, Фанфаронова гора,—говоритъ Левъ Николаевичъ.— это одно изъ самыхъ далекихъ, и милыхъ и важныхъ воспоминаній. Старшій братъ Николенька былъ на 6 лѣтъ старше меня. Ему было стало-быть 10—11, когда мнѣ было 4 или 5, именно когда онъ водилъ насъ на Фанфаронову гору. Мы въ первой молодости, не знаю, какъ это случилось, говорили ему „вы“. Онъ былъ удивительный мальчикъ и потомъ удивительный человѣкъ. Тургеневъ говорилъ про него очень вѣрно, что онъ не имѣлъ только тѣхъ недостатковъ, которые нужны для того, чтобы быть писателемъ. Онъ не имѣлъ главнаго, нужнаго для этого недостатка: у него не было тщеславія, ему совершенно не интересно было, что о немъ думаютъ люди. Качества же писателя, которыя у него были, были прежде всего тонкое, художественное чутье, крайнее чувство мѣры, добродушный, веселый юморъ, необыкновенное, неистощимое воображеніе и правдивое, высоко нравственное міровоззрѣніе, и все это безъ малѣйшаго самодовольства. Воображеніе у него было такое, что онъ могъ разсказывать сказки или исторіи съ привидѣніями или юмористическія исторіи въ духѣ мадамъ Рэдклифъ безъ остановки цѣлыми часами и съ такой увѣренностью въ дѣйствительность разсказываемаго, что забывалось, что это выдумка.

Digitized by Google

„Когда онъ не разсказывалъ и не читалъ (онъ читалъ очень много), онъ рисовалъ. Рисовалъ онъ почти всегда чертей съ рогами, закрученными усами, сцѣпляющихся въ самыхъ разнообразныхъ позахъ между собою и занятыхъ самыми разнообразными дѣлами. Рисунки эти тоже были полны воображенія и юмора.

„Такъ вотъ онъ-то, когда намъ съ братьями было мнѣ 5, Митенькѣ 6, Сережѣ 7 лѣтъ, объявилъ намъ, что у него есть тайна, посредствомъ которой, когда она откроется, всѣ люди сдѣлаются счастливыми, не будетъ ни болѣзни, никакихъ непріятностей, никто ни на кого не будетъ сердиться, и всѣ будутъ любить другъ друга, всѣ сдѣлаются *муравейными* братьями (вѣроятно, это были моравскіе братья, о которыхъ онъ слышалъ или читалъ, но на нашемъ языкѣ это были муравейные братья). И я помню, что слово „муравейные“ особенно нравилось, напоминая муравьевъ въ кочкѣ. Мы даже устроили игру въ муравейные братья, которая состояла въ томъ, что садились подъ стулья, загораживая ихъ ящиками, завѣшивали платками и сидѣли тамъ въ темнотѣ, прижимаясь другъ къ другу. Я, помню, испытывалъ особенное чувство любви и умиленія и очень любилъ эту игру.

„Муравейные братья“ были открыты намъ, но главная тайна о томъ, какъ сдѣлать, чтобы всѣ люди не знали никакихъ несчастій, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, какъ онъ намъ говорилъ, написана имъ на зеленой палочкѣ и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага стараго Заказа, въ томъ мѣстѣ, въ которомъ я, такъ какъ надо же гдѣ-нибудь зарыть мой трупъ, просилъ въ память Николеньки закопать меня.

„Кромѣ этой палочки, была еще какая-то Фанфаронова гора, на которую, онъ говорилъ, можетъ ввести насъ, если только мы исполнимъ всѣ положенныя для того условія. Условія были, во-первыхъ: стать въ уголъ и не думать о бѣломъ медвѣдѣ. Помню, какъ я становился въ уголъ и ста-

Digitized by Google

рался, но никакъ не могъ не думать о бѣломъ медвѣдѣ. Второе условіе: пройти, не оступившись, по щелкѣ между половицами, и третье, легкое: въ продолженіе года не видать зайца, все равно живого или мертваго или жаренаго. Потомъ надо поклясться никому не открывать этихъ тайнъ.

„Тотъ, кто исполнитъ эти условія и еще другія, болѣе трудныя, которыя онъ откроетъ послѣ, того одно желаніе, какое бы то ни было, будетъ исполнено. Мы должны были сказать наши желанія. Сережа пожелалъ умѣть лѣпить лошадей и куръ изъ воска, Митенька пожелалъ умѣть рисовать всякія вещи, какъ живописецъ, въ большомъ видѣ. Я же ничего не могъ придумать, кромѣ того, чтобы умѣть рисовать въ маломъ видѣ. Все это, какъ это бываетъ у дѣтей, очень скоро забылось, и никто не вошелъ на Фанфаронову гору, но помню ту таинственную важность, съ которой Николенька посвящалъ насъ въ эти тайны, и наше уваженіе и трепетъ передъ тѣми удивительными вещами, которыя намъ открывались.

„Въ особенности же оставило во мнѣ сильное впечатлѣніе муравейное братство и таинственная зеленая палочка, связывавшаяся съ нимъ и долженствующая осчастливить всѣхъ людей.

„Какъ теперь я думаю, Николенька, вѣроятно, прочелъ или наслушался о массонахъ, объ ихъ стремленіи къ осчастливленію человѣчества, о таинственныхъ обрядахъ пріема въ ихъ орденъ, вѣрно слышалъ о моравскихъ братьяхъ и соединилъ все это въ одно въ своемъ живомъ воображеніи и любви къ людямъ, къ добротѣ, придумалъ всѣ эти исторіи и самъ радовался имъ и морочилъ ими насъ.

„Идеалъ муравейныхъ братьевъ, льнущихъ любовно другъ къ другу, только не подъ двумя креслами, завѣшанными платками, а подъ всѣмъ небеснымъ сводомъ всѣхъ людей міра, остался для меня тотъ же. И какъ я тогда вѣрилъ, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло въ людяхъ и дать имъ великое

Digitized by Google

благо, такъ я вѣрю и теперь, что есть эта истина и что будетъ она открыта людямъ и дастъ имъ то, что она обѣщаетъ“ *).

Воспоминанія о братѣ Дмитріи мы относимъ къ юности, а здѣсь приведемъ еще отрывокъ неоконченныхъ воспоминаній о братѣ Сергѣѣ, относящихся также къ раннему дѣтству.

„Съ Митенькой я былъ товарищемъ, Николеньку я уважалъ, но Сережей я восхищался и подражалъ ему, любилъ его, хотѣлъ быть имъ. Я восхищался его красивой наружностью, его пѣніемъ, онъ всегда пѣлъ, его рисованіемъ, его веселіемъ и въ особенности, какъ ни странно это сказать, непосредственностью его эгоизма. Я всегда себя помнилъ, себя сознавалъ, всегда чуялъ, ошибочно или нѣтъ то, что думаютъ обо мнѣ и чувствуютъ ко мнѣ другіе, и это портило мнѣ радости жизни. Отъ этого, вѣроятно, я особенно любилъ въ другихъ противоположное этому, непосредственность эгоизма. И за это любилъ особенно Сережу— слово любилъ невѣрно. Николеньку я любилъ, а Сережей восхищался, какъ чѣмъ-то совсѣмъ мнѣ чуждымъ, непонятнымъ. Это была жизнь человѣческая, очень красивая, но совершенно непонятная для меня, таинственная и потому особенно привлекательная.

„На-дняхъ онъ умеръ, и въ предсмертной болѣзни и умирая онъ былъ такъ же непостижимъ мнѣ и такъ же дорогъ, какъ и въ давнишнія времена дѣтства. Въ старости, въ послѣднее время, онъ больше любилъ меня, дорожилъ моей привязанностью, гордился мной, желалъ быть со мной согласенъ, но не могъ, и оставался такимъ, какимъ былъ: совсѣмъ особеннымъ, самимъ собою, красивымъ, породистымъ, гордымъ, и главное, до такой степени правдивымъ и искреннимъ человѣкомъ, какого я никогда не встрѣчалъ. Онъ былъ, что былъ, ничего не скрывалъ и ничѣмъ не хотѣлъ казаться.

*) Ibid.

Digitized by Google

„Съ Николенькой мнѣ хотѣлось быть, говорить, думать; съ Сережей мнѣ хотѣлось только подражать ему. Съ перваго дѣтства началось это подражаніе. Онъ завелъ куръ, цыплятъ своихъ, и я завелъ такихъ же. Едва ли это было не первое мое вникновеніе въ жизнь животныхъ. Помню разной породы цыплятъ: сѣренькіе, крапчатые, съ хохолками, какъ они бѣгали на нашъ зовъ, какъ мы кормили ихъ и ненавидѣли большого голландскаго пѣтуха, который обижалъ ихъ. Сережа и завелъ этихъ цыплятъ, выпросивъ ихъ себѣ; тоже сдѣлалъ и я, подражая ему. Сережа на длинной бумажкѣ рисовалъ и красками расписывалъ (мнѣ казалось, удивительно хорошо) подъ рядъ разныхъ цвѣтовъ куръ и пѣтушковъ, и я дѣлалъ то же, но хуже. (Въ этомъ-то я надѣялся усовершенствоваться посредствомъ Фанфароновой горы). Сережа выдумалъ, когда вставлены были окна, кормить куръ черезъ ключевую дыру въ двери посредствомъ длинныхъ сосисокъ изъ чернаго и бѣлаго хлѣба — и я дѣлалъ то же“ *).

Прибавимъ еще сюда нѣсколько отрывочныхъ воспоминаній, переданныхъ намъ Львомъ Николаевичемъ, и которыя, какъ и большую часть разсказовъ изъ его ранняго дѣтства, нѣтъ возможности поставить въ хронологическій порядокъ. Тѣмъ не менѣе, было бы жаль упустить ихъ, такъ какъ они даютъ еще нѣсколько драгоцѣнныхъ бытовыхъ чертъ для характеристики его дѣтской жизни.

„Одно дѣтское воспоминаніе о ничтожномъ событіи оставило во мнѣ сильное впечатлѣніе, это,—какъ теперь помню, на нашемъ дѣтскомъ верху сидѣлъ Темяшовъ и разговаривалъ съ Ѳедоромъ Ивановичемъ. Не помню, почему разговоръ зашелъ о соблюденіи постовъ, и Темяшовъ, добродушный Темяшовъ, очень просто сказалъ: „у меня поваръ (или лакей, не помню) вздумалъ ѣсть скоромное постомъ. Я отдалъ его въ солдаты“. Потому и помню это теперь, что

*) Ibid.

Digitized by Google

Л. Н. И ЕГО БРАТЪ ГР. СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ
НЕЗАДОЛГО ПЕРЕДЪ СМЕРТЬЮ ПОСЛѢДНЯГО

Digitized by Google

Digitized by Google

это тогда показалось мнѣ чѣмъ-то страннымъ для меня, непонятнымъ.

„Еще событіе было — Перовское наслѣдство. Памятенъ обозъ съ лошадьми и высоко наложенными возами, который пріѣхалъ изъ Неруча*), когда процессъ о наслѣдствѣ, благодаря Ильѣ Митрофанычу, былъ выигранъ. Илья Митрофанычъ былъ пьющій запоемъ, высокій съ бѣлыми волосами старикъ, бывшій крѣпостной Перовской, великій знатокъ, какіе бывали въ старину, всякихъ кляузъ. Онъ руководилъ дѣломъ этого наслѣдства и за это онъ до своей смерти жилъ и содержался въ Ясной Полянѣ.

„Еще памятныя впечатлѣнія: пріѣздъ Петра Ивановича Толстого, отца Валеріана, мужа моей сестры, который входилъ въ гостиную въ халатѣ, мы не понимали, почему это, но потомъ узнали, что это было потому, что онъ былъ въ послѣдней степени чахотки. Другое — пріѣздъ его брата — знаменитаго американца Ѳедора Толстого. Помню, онъ подъѣхалъ на почтовыхъ въ коляскѣ, вошелъ къ отцу въ кабинетъ и потребовалъ, чтобы ему принесли его особенный сухой французскій хлѣбъ. Онъ другого не ѣлъ. Въ это время у брата Сергѣя сильно болѣли зубы. Онъ спросилъ, что у него, и узнавъ, сказалъ, что онъ можетъ прекратить боль магнетизмомъ. Онъ вошелъ въ кабинетъ и заперъ за собою дверь. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ оттуда съ двумя батистовыми платками. Помню, на нихъ была лиловая кайма узоровъ, далъ тетушкѣ платки и сказалъ: „Этотъ, когда онъ надѣнетъ, пройдетъ боль, а этотъ, чтобы онъ спалъ“. Платки взяли, надѣли Сережѣ, и у насъ осталось впечатлѣніе, что все совершилось, какъ онъ сказалъ:

„Помню его прекрасное лицо: бронзовое, бритое, съ густыми бѣлыми бакенбардами до угловъ рта и такіе же бѣ-

*) Имѣнье это въ 300 десятинъ, доставшееся намъ по наслѣдству отъ Перовской, было продано для прокормленія голодающихъ мужиковъ во время большого голода 40-го года.

Digitized by Google

лые курчавые волосы. Много бы хотѣлось разсказать про этого необыкновеннаго, преступнаго и привлекательнаго, человѣка.

„Третье впечатлѣніе—это было посѣщеніе какого-то, не знаю, двоюроднаго брата матери, гусара князя Волконскаго. Онъ хотѣлъ приласкать меня и посадилъ на колѣни, и какъ часто это бываетъ, продолжая разговаривать со старшими, держалъ меня. Я рвался, но онъ только крѣпче придерживалъ меня. Это продолжалось минуты двѣ. Но это чувство плѣненія, несвободы, насилія до такой степени возмутило меня, что я вдругъ началъ рваться, плакать и биться“.

Заключимъ эту главу „дѣтства“ поэтическимъ воспоминаніемъ Льва Николаевича изъ его повѣсти:

„Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства! Какъ не любить, не лелѣять воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій...

... Послѣ молитвы завернешься, бывало, въ одѣяльце, на душѣ легко, свѣтло и отрадно; однѣ мечты гонятъ другія—но о чемъ онѣ? Онѣ неуловимы, но исполнены чистой любви и надеждъ на чистое счастіе. Вспомнишь, бывало, о Карлѣ Ивановичѣ и его горькой участи—единственномъ человѣкѣ, котораго я зналъ несчастнымъ, и такъ жалко станетъ, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ, и думаешь: дай Богъ ему счастья; дай мнѣ возможность помочь ему, облегчить его горе; я всѣмъ готовъ для него пожертвовать. Потомъ любимую фарфоровую игрушку—зайчика или собачку—уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любуешься, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы Богъ далъ счастье всѣмъ, чтобы всѣ были довольны, и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бокъ, мысли и мечты перепутаются, смѣшаются, и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.

Digitized by Google

Вернутся ли когда-нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ? Какое время можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели,—невинная веселость и безпредѣльная потребность любви,—были единственными побужденіями къ жизни?

Гдѣ тѣ горячія молитвы? гдѣ лучшій даръ — тѣ чистыя слезы умиленія? Прилеталъ ангелъ-утѣшитель, съ улыбкой утиралъ слезы эти и навѣвалъ сладкія грезы неиспорченному дѣтскому воображенію.

Неужели жизнь оставила такіе тяжелые слѣды въ моемъ сердцѣ, что навѣки отошли отъ меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминанія?" *)

---

*) Полн. собр. сочиненій Л. Н. Толстого. Т. I, стр. 62.

Digitized by Google

ГЛАВА V.

Отрочество.

Къ началу отрочества Льва Николаевича пришло время болѣе серьезнаго ученія старшихъ братьевъ его, Николая и Сергѣя, и съ этою цѣлью семья Толстыхъ осенью 1836 года переѣхала въ Москву и поселилась на Плющихѣ, въ домѣ Щербачева. Этотъ домъ еще существуетъ и теперь и находится противъ церкви Смоленской Божьей Матери; онъ стоитъ во дворѣ, и фасадъ его составляетъ острый уголъ съ направленіемъ улицы.

Въ этомъ домѣ они прожили зиму 36 и 37 годовъ и остались тамъ жить и лѣтомъ, послѣ смерти отца.

Какъ-то разъ лѣтомъ, 1837 года, отецъ Льва Николаевича уѣхалъ по дѣламъ въ Тулу, и, идя по улицѣ къ пріятелю своему Темяшеву, онъ вдругъ зашатался, упалъ и умеръ ударомъ; другіе предполагаютъ, что его отравилъ камердинеръ, такъ какъ деньги у него пропали, а именные билеты принесла уже въ Москвѣ къ Толстымъ какая-то таинственная нищая.

Когда умеръ Николай Ильичъ, тѣло его изъ Тулы привезли въ Ясную Поляну, и хоронила его сестра Александра Ильинишна и старшій сынъ его Николай.

Смерть отца была однимъ изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній дѣтства Льва Николаевича. Левъ Николаевичъ говорилъ, что смерть эта въ первый разъ вызвала въ немъ чувство религіознаго ужаса передъ вопросами жизни и смерти. Такъ какъ отецъ умеръ не при немъ, онъ долго не могъ

Digitized by Google

вѣрить тому, что его уже нѣтъ. Долго послѣ этого, глядя на незнакомыхъ людей на улицахъ Москвы, ему не только казалось, но онъ почти былъ увѣренъ, что вотъ-вотъ онъ встрѣтитъ живого отца. И это чувство надежды и невѣрія въ смерть вызывало въ немъ особенное чувство умиленія. Послѣ смерти отца Толстые оставались лѣто въ Москвѣ, и здѣсь Левъ Николаевичъ въ первый разъ, да едва ли и не въ послѣдній, жилъ лѣто въ городѣ. Сильное впечатлѣніе оставили въ немъ ихъ поѣздки за городъ на четвернѣ гнѣдыхъ, запрягавшихся для этихъ поѣздокъ въ рядъ безъ форейтора, красота окрестностей Кунцева, Нескучнаго и вмѣстѣ съ этимъ отвратительные запахи отъ фабричныхъ производствъ, которые еще тогда портили окрестности Москвы.

Смерть сына совсѣмъ убила бабушку, Пелагею Николаевну; она все плакала, всегда по вечерамъ велѣла отворять дверь въ сосѣднюю комнату и говорила, что видитъ тамъ сына и разговариваетъ съ нимъ. А иногда спрашивала съ ужасомъ дочерей: „Неужели, неужели это правда, и его нѣтъ?“ Она умерла тоже черезъ 9 мѣсяцевъ отъ тоски и горя.

Смерть бабушки была для Льва Николаевича новымъ напоминаніемъ о религіозномъ значеніи жизни и смерти. Разумѣется, безсознательно, но вліяніе это было и очень сильное. Бабушка страдала, подъ конецъ у нея сдѣлалась водяная, и Левъ Николаевичъ помнитъ тотъ ужасъ, который онъ испыталъ, когда его ввели къ ней, чтобы прощаться, и она, лежа на высокой бѣлой постели, вся въ бѣломъ, съ трудомъ оглянулась на вошедшихъ внуковъ и неподвижно предоставила имъ цѣловать свою бѣлую, какъ подушка распухшую, руку. Но какъ всегда у дѣтей, чувство страха и жалости передъ смертью смѣнялось дѣтскими рѣзвостью, глупостью и шалостями.

Въ одинъ праздникъ пришелъ, какъ всегда, къ Толстымъ пріятель ихъ и сверстникъ маленькій Милютинъ, Владиміръ, тотъ самый, который открылъ Толстымъ, будучи въ гимна-

Digitized by Google

зіи, ту необыкновенную новость, что Бога нѣтъ (новость, не произведшую большого впечатлѣнія). Передъ обѣдомъ въ дѣтской шло веселье, самое дикое и странное, въ которомъ принимали участіе Сергѣй, Дмитрій и Левъ. Милютинъ и Николай, какъ болѣе разумные, не участвовали. Веселье состояло въ томъ, чтобы за перегородкой, гдѣ стояла ночная посуда, зажигать бумагу въ горшкахъ. Трудно себѣ представить, почему это было весело, но несомнѣнно было чрезвычайно весело. И вдругъ среди этого веселья быстрыми шагами входитъ энергичный и бѣлокурый, мускулистый, маленькій гувернеръ St.Thomas (описанный въ „Отрочествѣ" подъ именемъ St. Jérom'a) и, не обращая вниманія на наше занятіе, не браня насъ за него, съ дрожащей нижней челюстью блѣднаго лица говоритъ намъ: „Votre grand mère est morte!"

„Помню потомъ,—разсказывалъ Левъ Николаевичъ,—какъ всѣмъ намъ сшили новыя курточки чернаго казинета, обшитыя бѣлыми тесемками плерезъ. Страшно было видѣть и гробовщиковъ, сновавшихъ около дома, и потомъ принесенный гробъ съ глазетовой крышкой, и строгое лицо бабушки съ горбатымъ носомъ въ бѣломъ чепцѣ и бѣлой косынкой на шеѣ, высоко лежащей въ гробу на столѣ, и жалко было видѣть слезы тетушекъ и Пашеньки, но вмѣстѣ съ этимъ и радовали новыя казинетовыя курточки съ плерезами и соболѣзнующее отношеніе къ намъ окружающихъ. Не помню почему, насъ перевели во флигель во время похоронъ, и помню, какъ мнѣ пріятно было подслушать разговоры какихъ-то чужихъ кумушекъ о насъ, говорившихъ: „Круглыя сироты, только отецъ умеръ, а теперь и бабушка".

О гувернерѣ французѣ Prosper St. Thomas, о которомъ мы только-что упомянули, у Льва Николаевича сохранилось какое-то смѣшанное воспоминаніе добраго и дурного.

„Не помню уже за что,—говоритъ Левъ Николаевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—но за что-то самое незаслуживающее наказанія, St. Thomas, во-первыхъ, заперъ меня въ ком-

Digitized by Google

натѣ, а потомъ угрожалъ розгой. И я испыталъ ужасное чувство негодованія и возмущенія и отвращенія не только къ Thomas, но и къ тому насилію, которое онъ хотѣлъ употребить надо мной. Едва ли этотъ случай не былъ причиною того ужаса и отвращенія передъ всякаго рода насиліемъ, которое испытываю всю свою жизнь“ *).

Тѣмъ не менѣе, гувернеръ St. Thomas относился внимательно къ проявленію способностей своего маленькаго питомца. Онъ, вѣроятно, замѣчалъ въ немъ что-нибудь особенное, потому что онъ говорилъ про него: „Ce petit a une tête, c'est un petit Molière“ **).

Послѣ смерти бабушки, вслѣдствіе запутанности дѣлъ по опекѣ и потому необходимости уменьшить расходы, часть семейства переѣхала опять въ деревню, а именно меньшіе: Дмитрій, Левъ и Марія съ теткой Татьяной Александровной Ергольской, гдѣ учителями дѣтей были перемѣнявшіеся нѣмцы гувернеры и русскіе семинаристы. Опекуншей же надъ дѣтьми была графиня Александра Ильинишна Остенъ-Сакенъ.

Объ этой замѣчательной личности Левъ Николаевичъ такъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Тетушка Александра Ильинишна очень рано въ Петербургѣ была выдана за остзейскаго богатаго графа Остенъ-Сакенъ. Партія казалась очень блестящая, но кончившаяся въ смыслѣ супружества очень печально для тетушки, хотя, можетъ-быть, послѣдствія этого брака были благотворны для ея души. Тетушка Aline, какъ ее звали въ семьѣ, была, должно быть, очень привлекательна съ своими большими голубыми глазами и кроткимъ выраженіемъ бѣлаго лица, какою она 16-лѣтней дѣвушкой изображена на очень хорошемъ портретѣ. Вскорѣ послѣ свадьбы Остенъ-Сакенъ уѣхалъ съ молодой женой въ свое большое остзейское имѣніе, и тамъ все больше и больше стала проявляться его душевная болѣзнь,

*) Вставка, сдѣланная Львомъ Николаевичемъ при просмотрѣ рукописи.

**) Изъ записокъ гр. С. А. Толстой.

Digitized by Google

выражавшаяся сначала только очень замѣтной безпричинной ревностью. На первомъ же году своей женитьбы, когда тетушка была уже на сносяхъ беременна, болѣзнь эта такъ усилилась, что на него стали находить минуты полнаго сумасшествія, во время котораго ему казалось, что враги его, желающіе отнять у него его, жену, окружили его, и единственное спасеніе для него состоитъ въ томъ, чтобы бѣжать отъ нихъ. Это было лѣтомъ. Вставши рано утромъ, онъ объявилъ женѣ, что единственное средство спасенія состоитъ въ томъ, чтобы бѣжать, что онъ велѣлъ закладывать коляску и они сейчасъ ѣдутъ, чтобы она готовилась. Дѣйствительно, подали коляску, онъ посадилъ въ нее тетушку и велѣлъ ѣхать какъ можно скорѣе. На пути онъ досталъ изъ ящика два пистолета, взвелъ курокъ и, давъ одинъ тетушкѣ, сказалъ ей, что если только враги узнаютъ про его побѣгъ, они догонятъ его, и тогда они погибли, и единственное, что имъ остается сдѣлать, это убить другъ друга. Испуганная, ошеломленная тетушка взяла пистолетъ и хотѣла уговорить мужа, но онъ не слушалъ ее и только поворачивался назадъ, ожидая погоню, и гналъ кучера. На бѣду, по проселочной дорогѣ, выходившей на большую, показался экипажъ, онъ вскрикнулъ, что все погибло, и велѣлъ ей стрѣлять въ себя, а самъ выстрѣлилъ въ упоръ въ грудь тетушки. Должно быть, увидавъ, что онъ сдѣлалъ, и то, что напугавшій его экипажъ проѣхалъ въ другую сторону, онъ остановился, вынесъ раненую, окровавленную тетушку изъ экипажа, положилъ на дорогу и ускакалъ. На счастье тетушки, скоро на нее наѣхали крестьяне, подняли ее и свезли къ пастору, который, какъ умѣлъ, перевязалъ ей рану и послалъ за докторомъ. Рана была въ правой сторонѣ груди на вылетъ (тетушка показывала мнѣ оставшійся слѣдъ) и была нетяжелая *).

*) Покушеніе на жизнь гр. Остенъ-Сакенъ ея мужа произошло по словамъ сестры Льва Николаевича, Маріи Николаевны, слышавшей раз-

Digitized by Google

„Въ то время, какъ она выздоравливала, все еще беременная, лежа у пастора, мужъ ея, опомнившійся, прибѣжалъ къ ней и, разсказавъ пастору исторію о томъ, какъ она несчастно была ранена, попросилъ свиданія съ ней. Свиданіе это было ужасно, онъ—хитрый, какъ всѣ душевнобольные, притворился раскаивающимся въ своемъ поступкѣ и только озабоченнымъ ея здоровьемъ. Посидѣвъ съ ней довольно долго, совершенно разумно обо всемъ разговаривая, онъ воспользовался той минутой, когда они остались одни, чтобы попытаться исполнить свое намѣреніе. Какъ бы заботясь объ ея здоровьи, онъ попросилъ ее показать ему языкъ и, когда она высунула его, схватился одной рукой за языкъ, а другой выхватилъ приготовленную бритву съ намѣреніемъ отрѣзать его. Произошла борьба; она вырвалась у него, закричала, вбѣжали люди, остановили и увели его.

„Съ тѣхъ поръ сумасшествіе его совершенно опредѣлилось, и онъ долго жилъ въ какомъ-то заведеніи для душевнобольныхъ, не имѣя никакихъ сношеній съ тетушкой. Вскорѣ

сказъ отъ самой Александры Ильинишны, нѣсколько иначе, чѣмъ разсказываетъ объ этомъ Левъ Николаевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

Разъ вечеромъ, когда взошла луна (они жили въ своемъ замкѣ въ Прибалтійскомъ краѣ), графъ предложилъ Александрѣ Ильинишнѣ сдѣлать ночную прогулку по лѣсу, въ экипажѣ. Александра Ильинишна сперва отказалась отъ такого страннаго предложенія, но мужъ, въ своей болѣзненной нервности, былъ такъ настойчивъ, прельщая ее красотою ночи и наконецъ тѣмъ, что онъ уже распорядился и лошади поданы, что она должна была согласиться.

Ночь была, дѣйствительно, чудная. Они въѣхали въ лѣсъ; графъ велѣлъ остановиться и предложилъ Александрѣ Ильинишнѣ пройтись съ нимъ по лѣсу пѣшкомъ. Она повиновалась, не видя возможности сопротивляться, и они пошли вглубь лѣса. Когда не стало видно экипажа и кучера, графъ вынулъ револьверъ и выстрѣлилъ въ упоръ въ жену. Совершивъ это преступленіе, графъ побѣжалъ за кучеромъ и вмѣстѣ съ нимъ перенесъ раненую въ экипажъ. Они доѣхали до дома ближайшаго пастора и тамъ положили ее и подали первую помощь.

Остальной разсказъ тотъ же, какъ и у Льва Николаевича.

Digitized by Google

послѣ этого тетушку перевезли въ родительскій домъ въ Петербургъ, и тамъ она родила уже мертваго ребенка. Боясь послѣдствій огорченій отъ смерти ребенка, ей сказали, что ребенокъ ея живъ, и взяли родившуюся въ то же время у знакомой прислуги, жены придворнаго повара, дѣвочку. Эта дѣвочка Пашенька, которая жила у насъ, была уже взрослой дѣвушкой, когда я сталъ помнить себя. Не знаю, когда была открыта Пашенькѣ исторія ея рожденія, но, когда я зналъ ее, она уже знала, что она не была дочь тетушки. Тетушка Александра Ильинишна, послѣ случившагося съ нею, жила у своихъ родителей, потомъ у моего отца и потомъ, послѣ смерти отца, была нашей опекуншей, а когда мнѣ было 12 лѣтъ, умерла въ Оптиной пустынѣ.

„Тетушка эта была истинно религіозная женщина. Любимыя ея занятія были чтенія житія святыхъ, бесѣда съ странниками, юродивыми, монахами, монашенками, изъ которыхъ нѣкоторыя всегда жили въ нашемъ домѣ, а нѣкоторыя только посѣщали тетушку. Въ числѣ почти постоянно жившихъ у насъ была монахиня Марія Герасимовна, крестная мать моей сестры, ходившая въ молодости странствовать подъ видомъ юродиваго Иванушки. Крестною матерью сестры Марія Герасимовна была потому, что мать обѣщала взять ее кумою, если она вымолитъ у Бога дочь, которую матери очень хотѣлось имѣть послѣ четырехъ сыновей. Дочь родилась, и Марія Герасимовна была ея крестною матерью и жила частью въ Тульскомъ женскомъ монастырѣ, частью у насъ въ домѣ.

„Тетушка Александра Ильинишна не только была внѣшне религіозна, соблюдала посты, много молилась, общалась съ людьми святой жизни, каковъ былъ въ ея время старецъ Леонидъ въ Оптиной пустынѣ, но сама жила истинно христіанской жизнью, стараясь не только избѣгать всякой роскоши и услугъ, но стараясь, сколько возможно, служить другимъ. Денегъ у нея никогда не было, потому что она раздавала просящимъ все, что у нея было.

Горничная Гаша, послѣ смерти бабушки перешедшая къ

Digitized by Google

ней, разсказывала мнѣ, какъ она во время московской жизни, шедши къ заутренѣ, старательно на цыпочкахъ проходила мимо спящей горничной и сама дѣлала все то, что по принятому обычаю дѣлалось горничной. Въ пищѣ, въ одеждѣ она была такъ проста и не требовательна, какъ только можно себѣ представить. Какъ мнѣ ни непріятно это сказать, я съ дѣтства помню особенно кислый запахъ тетушки Александры Ильинишны, вѣроятно происходившій отъ неряшества въ ея туалетѣ. И это была та граціозная, съ прекрасными голубыми глазами поэтическая Aline, любившая читать и списывать французскіе стихи, игравшая на арфѣ и всегда имѣвшая большой успѣхъ на самыхъ большихъ балахъ! Помню, какъ она была всегда одинаково ласкова и добра точно такъ же со всѣми важными мужчинами и дамами, какъ и съ монахинями, странниками и странницами. Помню, какъ зять ея Юшковъ любилъ шутить надъ ней и какъ разъ изъ Казани прислалъ большой ящикъ, посылку на ея имя. Въ ящикѣ оказался другой ящикъ, въ томъ еще третій и т. д. до маленькой коробочки, въ которой въ ватѣ лежалъ фарфоровый монахъ. Помню, какъ отецъ добродушно смѣялся, показывая тетушкѣ эту посылку. Помню еще, какъ за обѣдомъ отецъ разсказывалъ, какъ она, будто, вмѣстѣ съ своей кузиной Молчановой, ловила въ церкви уважаемаго ими священника, чтобы получить отъ него благословеніе.

„Отецъ разсказывалъ это въ видѣ травли, какъ будто бы Молчанова отхватила священника отъ царскихъ дверей, онъ бросился въ сѣверныя. Молчанова дала угонку, пронеслась, и тутъ-то Aline захватила его. Помню ея милый, добродушный смѣхъ и сіяющее удовольствіемъ лицо. То религіозное чувство, которое наполняло ея душу, очевидно, было такъ важно для нея, было до такой степени выше всего остального, что она не могла сердиться, огорчаться чѣмъ-нибудь, не могла приписывать мірскимъ дѣламъ ту важность, которая имъ обыкновенно приписывается. Она заботилась о насъ, когда была нашей опекуншей, но все, что

Digitized by Google

она дѣлала, не поглощало ея душу, все было подчинено служенію Богу, какъ она понимала это служеніе“ *).

Какъ сказано было выше, меньшіе, т.-е. Дмитрій, Марія и Левъ, съ тетушкой Татьяной Александровной жили послѣ смерти бабушки въ деревнѣ, а старшіе, Николай и Сергѣй, съ опекуншей Александрой Ильинишной оставались въ Москвѣ. На лѣто вся семья соединялась въ Ясной. Такъ прошли 38 и 39 года и наступилъ 40-й голодный годъ; урожай былъ такъ плохъ, что Толстымъ пришлось покупать хлѣбъ для прокормленія своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, и средства на это были взяты отъ продажи имѣнія Неручъ, доставшагося имъ по наслѣдству.

Лошадямъ былъ уменьшенъ кормъ и прекращена выдача овса. Левъ Николаевичъ помнитъ, какъ имъ, дѣтямъ, было жалко своихъ любимыхъ лошадокъ, и какъ они бѣгали потихоньку въ крестьянское овсяное поле и, совершенно не сознавая совершаемаго ими преступленія, обшмыгивали стебли овса, набирали полные подолы зеренъ и скармливали ихъ своимъ лошадкамъ.

Осенью 40-го года вся семья перебралась въ Москву, гдѣ и провела зиму 40—41 года, на лѣто же снова вернулась въ Ясную. Осенью этого года скончалась и ихъ опекунша, гр. А. И. Остенъ-Сакенъ.

Александра Ильинишна умерла въ Оптиной пустыни. Въ то время, какъ она была тамъ, дѣти оставались въ Ясной съ Т. А. Ергольской. Но когда пришло извѣстіе, что Александра Ильинишна умираетъ, Татьяна Александровна уѣхала туда же. Это время особенно памятно было почти всѣмъ дѣтямъ. Они остались съ учителемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ и со странницей Марьей Герасимовной, полу-юродивой. Была у нихъ тогда собака, черная моська, съ которой они играли. Сдѣлали ей тронъ и сажали ее на этотъ высокій

*) Изъ доставленныхъ мнѣ и отданныхъ въ мое распоряженіе черновыхъ неисправленныхъ записокъ Л. Н. Толстого.

Digitized by Google

тронъ, съ котораго она все прыгала. Но разъ прыгнула и вдругъ завизжала и поползла подъ стулъ. Ее осмотрѣли, и оказалось, что у ней сломана лапа. Отчаяніе было ужасно, всѣ плакали навзрыдъ. Впослѣдствіи это впечатлѣніе слилось съ воспоминаніемъ объ уединеніи, съ монотоннымъ чтеніемъ какихъ-то псалмовъ Марьи Герасимовны и съ извѣстіемъ о смерти любимой тетеньки Александры Ильинишны.

По смерти Александры Ильинишны, ея сестра Пелагея Ильинишна, бывшая замужемъ за казанскимъ помѣщикомъ В. И. Юшковымъ, пріѣхала изъ Казани въ Москву. Туда же осенью переѣхали и всѣ дѣти съ тетушкой Татьяной Александровной. Старшій братъ Льва Николаевича, Николай Николаевичъ, который уже былъ въ это время студентомъ 1-го курса, обратился къ тетенькѣ со словами: „ne nous abandonnez pas, chère tante, il ne nous reste que vous au monde“. Она прослезилась и задалась мыслью „se sacrifier“. Что она подъ этимъ подразумѣвала—неизвѣстно, только она сейчасъ же стала собираться въ Казань и для этого впередъ заказала барки, которыя нагрузили всѣмъ, что только можно было вывести изъ Ясной Поляны. Дворню тоже всю повезли: столяровъ, портныхъ, слесарей, поваровъ, обойщиковъ и проч. Кромѣ того, къ каждому изъ братьевъ Толстыхъ былъ приставленъ крѣпостной человѣкъ въ видѣ слуги почти одного возраста съ ними. Одинъ изъ этихъ былъ Ванюша, сопровождавшій потомъ Льва Николаевича на Кавказъ и теперь еще доживающій свой вѣкъ на покоѣ у своей дочери въ Тулѣ.

Льву Николаевичу въ это время было 13 лѣтъ. Господа съ прислугой двинулись въ многочисленныхъ каретахъ и другихъ экипажахъ и потянулись осенью изъ Тулы въ Казань. Дорогой шла цѣлая жизнь. Останавливались иногда въ полѣ, въ лѣсу, собирали грибы, купались, гуляли. Большое горе было при разставаніи съ тетенькой Татьяной Александровной, которая была въ недружелюбныхъ отношеніяхъ съ тетушкой Пелагеей Ильинишной и уѣхала послѣ смерти

Digitized by Google

Александры Ильинишны къ своей сестрѣ Еленѣ Александровнѣ Толстой, въ село Покровское. Непріятности между Татьяной Александровной и Пелагеей Ильинишной происходили отъ того, что мужъ Пелагеи Ильинишны въ молодости былъ влюбленъ въ Татьяну Александровну и дѣлалъ ей предложеніе, но она ему отказала. Пелагея Ильинишна никогда не простила любовь ея мужа къ ней и за это ее ненавидѣла, хотя на видъ у нихъ были самыя внѣшне-дружественныя отношенія.

Отставной гусарскій полковникъ В. И. Юшковъ оставилъ по себѣ въ Казани память образованнаго, остроумнаго и добродушнаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ большой руки шутника и балагура, какимъ онъ и остался до самой своей смерти.

Пелагея Ильинишна также оставила по себѣ въ Казани память крайне доброй, хотя и небольшого ума женщины. Она была очень набожна и послѣ кончины въ 1869 году своего мужа удалилась въ монастырь Оптину пустынь. Затѣмъ жила въ Тульскомъ женскомъ монастырѣ, потомъ совсѣмъ переѣхала въ Ясную Поляну, гдѣ заболѣла и умерла.

Въ продолженіе всей своей долгой жизни она строго соблюдала обряды православной церкви; но на восьмидесятомъ году, передъ смертью, боясь ея, она не хотѣла причаститься и сердилась на всѣхъ за свои страданія, доставляемыя ей предчувствіемъ кончины.

Американскій писатель Евгеній Скайлеръ, путешествовавшій по Россіи въ 1868 году и посѣтившій Льва Николаевича, такъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о своемъ знакомствѣ съ семьею Юшковыхъ. Мы приводимъ эти воспоминанія здѣсь, чтобы потомъ уже не возвращаться болѣе къ этимъ лицамъ.

Съ самимъ Юшковымъ онъ познакомился въ Казани.

„Я былъ принятъ,—говоритъ Скайлеръ,—въ весьма хорошемъ и зажиточномъ домѣ, и подалъ мою визитную карточку и рекомендательное письмо слугѣ, который, возвратившись,

Digitized by Google

просилъ меня немного подождать. Пока я ждалъ, я замѣтилъ, что письмо, еще не распечатанное, положено на стулъ. Наконецъ, вошелъ генералъ, старый, но крѣпкаго сложенія и съ выраженіемъ большой доброты и симпатіи. Онъ просилъ меня сѣсть, самъ сѣлъ, и послѣ нѣсколькихъ словъ сказалъ:

— „Вы привезли мнѣ, я полагаю, письмо отъ моего племянника Льва? Гдѣ оно?“

— „Я думаю, что вы на немъ сидите“. Онъ всталъ, нашелъ письмо и, протягивая его мнѣ, сказалъ:

— „Будьте такъ добры прочесть мнѣ его. Я совершенно слѣпъ“.

Положеніе было неловкое, но этому нельзя было помочь; хотя письмо было весьма лестно и благосклонно ко мнѣ, я счелъ долгомъ пропустить цѣлый параграфъ. Теперь я сожалѣю, что вмѣсто того, чтобы отдать его старику, я не положилъ въ карманъ и не сохранилъ на память. Въ другой комнатѣ было два фортепіано, и, въ отвѣтъ на нѣкоторые вопросы, генералъ сказалъ мнѣ, что онъ всегда былъ страстный любитель музыки, но что теперь онъ старъ и слѣпъ. Я уговорилъ его сыграть что-нибудь на память изъ Бетховена и Моцарта; потомъ мы пошли въ садъ и сидѣли на солнцѣ, и, въ теченіе двухъ часовъ, проведенныхъ мною у него, онъ разсказалъ мнѣ много интереснаго, но не то, что мнѣ было нужно“.

Возвратившись изъ своей поѣздки по Россіи, Скайлеръ въ Ясной Полянѣ познакомился и съ самой Пелагеей Ильинишной Юшковой. Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ:

„На слѣдующее утро, въ 4 часа, послѣ передачи мною Толстому разсказа о знакомствѣ съ Юшковымъ, я былъ разбуженъ какимъ-то шумомъ въ коридорѣ, когда внезапно дверь моей спальни отворилась, и полагая, что по какой-то необъяснимой причинѣ слуга вошелъ, чтобы разбудить меня, я крикнулъ: „Что такое?“ Дверь заперлась, и я услышалъ голосъ по-французски: „Въ кровати моей человѣкъ“. Дверь

Digitized by Google

вновь отворилась, и какой-то господинъ появился со свѣчой въ рукѣ и спросилъ: „Сережа, это ты?“ — „Нѣтъ,— отвѣчалъ я, — я — гость въ этомъ домѣ“. Онъ засмѣялся, извинился и ушелъ; чуткость моя тогда была такъ сильна, что я слышалъ распоряженіе, что „она не пойдетъ въ гостиную и будетъ спать на диванѣ, покуда семейство наверху; она пока можетъ лечь на диванѣ въ кабинетѣ графа“. Я немедленно сообразилъ, въ чемъ вся сущность. Я занималъ комнату г-жи Юшковой, тетки графа, и былъ приглашенъ оставаться тамъ около недѣли, до ея возвращенія. Она вернулась нечаянно, не предваривъ о томъ, и привезла съ собою подругу. Такъ какъ двери въ русскихъ деревенскихъ домахъ рѣдко запираются на ночь, онѣ пріѣхали, не подозрѣвая, что разбудятъ кого-либо другого.

„Я узналъ истину, когда Иванъ принесъ мнѣ утренній чай, и я тотчасъ же уложилъ свои вещи, чтобы быть готовымъ уѣхать въ тотъ же день. Когда я сошелъ внизъ въ 11 часовъ къ утреннему кофе, я нашелъ въ гостиной г-жу Юшкову одну и долженъ былъ представиться самъ. Очевидно, ей разсказали, — можетъ-быть, для объясненія случившагося, — мою исторію прошедшей ночи, потому что она улыбнулась и сказала:

— „Такъ вы были въ Казани прошедшей весною и видѣли моего мужа, который вамъ говорилъ, что онъ совсѣмъ слѣпъ. Увѣряю васъ, что въ этомъ нѣтъ ни слова правды. Онъ видитъ такъ же хорошо, какъ вы и я. Это только одна изъ его привычекъ казаться интереснымъ“.

Я утверждалъ, что, по моему мнѣнію, онъ дѣйствительно слѣпъ, но не могъ убѣдить ее. Гр. Толстой впослѣдствіи говорилъ мнѣ, что хотя она давно уже въ разлукѣ съ мужемъ и не видала его нѣсколько лѣтъ, но находится съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ*).

---

* Евгеній Скайлеръ. „Воспоминанія о гр. Львѣ Николаевичѣ Толстомъ“. Русская Старина. Октябрь 1890 г. Пер. съ англ.

Digitized by Google

В. И. ЮШКОВЪ.
ДЯДЯ Л. Н—ЧА

Digitized by Google

Digitized by Google

Укажемъ теперь на нѣкоторые моменты душевнаго развитія ребенка, которые мы находимъ въ повѣстяхъ Льва Николаевича, посвященныхъ этому періоду, и которые, по нашему мнѣнію, носятъ несомнѣнный автобіографическій характеръ.

Одно изъ свойствъ ребенка, такъ часто встрѣчающееся, а можетъ-быть, особенно развитое во Львѣ Николаевичѣ, была самолюбивая застѣнчивость.

Часто люди раздѣляютъ эти два свойства: самолюбіе и застѣнчивость, порицаютъ одно и хвалятъ другое и наоборотъ, а между тѣмъ это лишь оборотныя стороны одной и той же медали; эти два свойства взаимно поддерживаютъ другъ друга и относятся другъ къ другу, какъ причина къ слѣдствію. Человѣкъ бываетъ застѣнчивъ оттого, что онъ самолюбивъ, и застѣнчивость увеличиваетъ и укрѣпляетъ въ немъ самолюбіе. И это проявляется сначала по самому ничтожному поводу, напримѣръ, при воспоминаніи о недостаткахъ своей наружности.

Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Левъ Николаевичъ про себя—„Николеньку“:

„Я имѣлъ странныя понятія о красотѣ,—даже Карла Ивановича считалъ первымъ красавцемъ въ мірѣ; но очень хорошо зналъ, что я нехорошъ собою, и въ этомъ нисколько не ошибался; поэтому каждый намекъ на мою наружность больно оскорблялъ меня.

„. . . На меня часто находили минуты отчаянія: я воображалъ, что нѣтъ счастья на землѣ для человѣка съ такимъ широкимъ носомъ, толстыми губами и маленькими сѣрыми глазами, какъ я; я просилъ Бога сдѣлать чудо—превратить меня въ красавца, и все, что имѣлъ въ настоящемъ, все, что могъ имѣть въ будущемъ, я все отдалъ бы за красивое лицо“ *).

*) Полное собраніе сочиненій Льва Николаевича Толстого. Изд. 10. Т. 1, стр. 76. Москва 1897 г.

Digitized by Google

Какъ только человѣкъ обратитъ взоры на самого себя, въ немъ поднимается борьба самыхъ разнородныхъ чувствъ. Если онъ человѣкъ разумный и нравственный, онъ долженъ почувствовать неудовлетвореніе; это чувство должно вызвать стремленіе къ совершенствованію какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны. Такъ какъ первое не въ нашей власти (напримѣръ, сдѣлать носъ тоньше), то, обращая на это свое вниманіе, человѣкъ чувствуетъ невыразимыя страданія. Но если его разумъ силенъ, онъ выведетъ его на путь совершенствованія внутренняго и откроетъ ему путь безконечнаго блага.

Вотъ именно эту борьбу чувствъ и мыслей мы и можемъ прослѣдить въ ребенкѣ, отрокѣ и юношѣ, которыхъ изображаетъ Левъ Николаевичъ подъ видомъ Николеньки Иртенева, въ котораго онъ вкладываетъ свой богатый и глубокій внутренній міръ, рисуя намъ его развитіе.

Первые годы юности Льва Николаевича проходили подъ вліяніемъ и въ попыткахъ подражать брату Сережѣ, котораго онъ особенно любилъ и восхищался. Слѣдующая же, болѣе зрѣлая часть юности прошла подъ вліяніемъ брата Николая, котораго онъ очень любилъ, хотя и не такъ страстно, какъ брата Сергѣя, но болѣе уважалъ.

Просматривая повѣсть „Дѣтство“, мы находимъ изображеніе подобнаго чувства въ описаніи любви Николеньки Иртенева къ Сережѣ Ивину. Вотъ въ какихъ яркихъ краскахъ Левъ Николаевичъ изображаетъ эту любовь:

„Я почувствовалъ къ нему непреодолимое влеченіе. Видѣть его было достаточно для моего счастья; и одно время всѣ силы души моей были сосредоточены въ этомъ желаніи: когда мнѣ случалось провести дня три или четыре, не видавъ его, я начиналъ скучать и мнѣ становилось грустно до слезъ. Всѣ мечты мои во снѣ и наяву были о немъ; ложась спать, я желалъ, чтобы онъ мнѣ приснился; закрывая глаза, я видѣлъ его передъ собою и лелѣялъ этотъ призракъ, какъ лучшее наслажденіе. Никому въ мірѣ я не рѣшился бы по-

Digitized by Google

вѣрить этого чувства, такъ много я дорожилъ имъ. Можетъ-быть, потому, что ему надоѣло чувствовать безпрестанно устремленные на него мои безпокойные глаза, или, просто, не чувствуя ко мнѣ никакой симпатіи, онъ замѣтно больше любилъ играть и говорить съ Володей, чѣмъ со мною; но я все-таки былъ доволенъ, ничего не желалъ, ничего не требовалъ и всѣмъ готовъ былъ для него пожертвовать" *).

Подъ фамиліей Ивиныхъ, по утвержденію Льва Николаевича, онъ описывалъ мальчиковъ графовъ Пушкиныхъ, изъ которыхъ на-дняхъ умеръ Александръ, тотъ самый, который такъ нравился ему мальчикомъ въ дѣтствѣ. Любимая игра у нихъ была игра въ солдаты.

Вотъ какъ изображаетъ Левъ Николаевичъ поворотный пунктъ въ своемъ развитіи, переходъ отъ дѣтства къ отрочеству:

„Случалось ли вамъ, читатель, въ извѣстную пору жизни, вдругъ замѣчать, что вашъ взглядъ на вещи совершенно измѣняется, какъ будто всѣ предметы, которые вы видѣли до тѣхъ поръ, вдругъ повернулись къ вамъ другою, неизвѣстною еще стороною? Такого рода моральная перемѣна произошла во мнѣ въ первый разъ во время нашего путешествія, съ котораго я считаю начало моего отрочества.

„Мнѣ въ первый разъ пришла въ голову ясная мысль о томъ, что не мы одни, то-есть наше семейство, живемъ на свѣтѣ, что не всѣ интересы вертятся около насъ, а что существуетъ другая жизнь людей, ничего неимѣющихъ общаго съ нами, не заботящихся о насъ и даже неимѣющихъ понятія о нашемъ существованіи. Безъ сомнѣнія, я и прежде зналъ все это, но зналъ не такъ, какъ я это узналъ теперь, не сознавалъ, не чувствовалъ..." **)

Рано являются въ ребенкѣ философскія разсужденія, уже

*) Полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого. Т. I. стр. 83. Изд. 10-е. Москва 1897 г.

Тамъ же, стр. 158.

Digitized by Google

въ отрочествѣ намѣчающія путь, по которому впослѣдствіи разовьется этотъ огромный умъ и увлечетъ за собой многихъ людей:

„Едва ли мнѣ повѣрятъ, — говоритъ Левъ Николаевичъ отъ имени Николеньки, — какіе были любимѣйшіе и постояннѣйшіе предметы моихъ размышленій во время моего отрочества, — такъ они были несообразны съ моимъ возрастомъ и положеніемъ. Но, по моему мнѣнію, несообразность между положеніемъ человѣка и его моральной дѣятельностью есть вѣрнѣйшій признакъ истины.

„Разъ мнѣ пришла мысль, что счастіе не зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ, а отъ нашего отношенія къ нимъ, что человѣкъ, привыкшій переносить страданія, не можетъ быть несчастливъ, и, чтобы пріучить себя къ труду, я, несмотря на страшную боль, держалъ по пяти минутъ въ вытянутыхъ рукахъ лексиконы Татищева или уходилъ въ чуланъ и веревкой стегалъ себя по голой спинѣ такъ больно, что слезы невольно выступали на глазахъ.

„Другой разъ, вспомнивъ вдругъ, что смерть ожидаетъ меня каждый часъ, каждую минуту, я рѣшилъ, не понимая, какъ не поняли того до сихъ поръ люди, что человѣкъ не можетъ быть иначе счастливъ, какъ пользуясь настоящимъ и не помышляя о будущемъ, — и я три дня, подъ вліяніемъ этой мысли, бросилъ уроки и занимался только тѣмъ, что, лежа на постели, наслаждался чтеніемъ какого-нибудь романа и ѣдою пряниковъ съ кроновскимъ медомъ, которые я покупалъ на послѣднія деньги.

„То разъ, стоя передъ черною доской и рисуя на ней мѣломъ разныя фигуры, я вдругъ былъ пораженъ мыслью: почему симметрія пріятна для глазъ? Что такое симметрія? Это врожденное чувство, — отвѣчалъ я самъ себѣ. На чемъ же оно основано? Развѣ во всемъ въ жизни симметрія? Напротивъ, вотъ жизнь, — и я нарисовалъ на доскѣ овальную фигуру. Послѣ жизни душа переходитъ въ вѣчность; вотъ вѣчность — и я провелъ съ одной стороны овальной фигуры

Digitized by Google

черту до самаго края доски. Отчего же съ другой стороны нѣту такой же черты? Да и въ самомъ дѣлѣ, какая же можетъ быть вѣчность съ одной стороны? Мы, вѣрно, существовали прежде этой жизни, хотя и потеряли о томъ воспоминаніе.

„Но ни однимъ изъ всѣхъ философскихъ направленій,— продолжаетъ свой разсказъ Левъ Николаевичъ,—я не увлекался такъ, какъ скептицизмомъ, который одно время довелъ меня до состоянія, близкаго къ сумасшествію. Я воображалъ, что, кромѣ меня, никого и ничего не существуетъ во всемъ мірѣ, что предметы—не предметы, а образы, являющіеся только тогда, когда я на нихъ обращаю вниманіе, и что, какъ скоро я перестану думать о нихъ, образы эти тотчасъ же исчезаютъ. Однимъ словомъ, я сошелся съ Шеллингомъ въ убѣжденіи, что существуютъ не предметы, а мое отношеніе къ нимъ. Были минуты, что я подъ вліяніемъ этой постоянной идеи доходилъ до такой степени сумасбродства, что иногда быстро оглядывался въ противоположную сторону, надѣясь врасплохъ застать пустоту (néant) тамъ, гдѣ меня не было“ *).

„Отрочество“ кончается изображеніемъ дружбы Николеньки Иртенева съ Нехлюдовымъ **).

И самое заключеніе этой повѣсти въ нѣсколькихъ словахъ выражаетъ тотъ идеалъ человѣка, которому Левъ Николаевичъ, не переставая, служилъ въ теченіе всей своей жизни и служитъ теперь, на закатѣ дней своихъ:

„Само собой разумѣется, что подъ вліяніемъ Нехлюдова я невольно усвоилъ и его направленіе, сущность котораго составляло восторженное обожаніе идеала добродѣтели и убѣжденіе въ назначеніи человѣка постоянно совершенствоваться. Тогда исправлять все человѣчество, уничтожить всѣ

*) Полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого. Т. I, стр. 216.

**) „Матеріалъ для этого описанія дружбы дала мнѣ позднѣйшая дружба съ Дьяковымъ въ первый годъ моего студенчества въ Казани“.

Примѣч. Л. Н. Толстого.

Digitized by Google

пороки и несчастія людскіе казалось удобоисполнимою вещью,—очень легко и просто казалось исправить самого себя, усвоить всѣ добродѣтели и быть счастливымъ"... *)

Несомнѣнно, что эта наклонность къ отвлеченнымъ сужденіямъ, эта робость и застѣнчивость, это стремленіе къ идеалу,—всѣ эти качества, проявлявшіяся въ ребенкѣ, были только простыми элементами, изъ которыхъ постепенно слагалась гармоническая душа художника-мыслителя. И мы видимъ теперь лишь полный расцвѣтъ этихъ духовныхъ ростковъ, заложенныхъ въ Львѣ Николаевичѣ еще во времена его отрочества.

Воспитанный въ патріархально-аристократической и по-своему религіозной средѣ, Левъ Николаевичъ въ дѣтствѣ своемъ воспринялъ своей отзывчивой душой все, что могъ лучшаго, изъ окружающей его среды и былъ искренно религіозенъ. Намеки на это мы видимъ въ „Дѣтствѣ". Но эта „привычная" религіозность слетѣла съ него при первомъ дуновеніи раціонализма.

Въ своей „Исповѣди" онъ такъ разсказываетъ о своемъ религіозномъ воспитаніи, соотвѣтствующемъ этому времени:

„Я былъ крещенъ и воспитанъ въ православной христіанской вѣрѣ. Меня учили ей съ дѣтства и во все время моего отрочества и юности.

Но когда въ 18 лѣтъ я вышелъ со второго курса университета, я не вѣрилъ уже ни во что изъ того, чему меня учили.

Судя по нѣкоторымъ воспоминаніямъ, я никогда не вѣрилъ серьезно, а имѣлъ только довѣріе къ тому, что исповѣдывали передо мной большіе, но довѣріе это было очень шатко.

Помню, что когда мнѣ было лѣтъ одиннадцать, одинъ мальчикъ, давно умершій, Володенька М., учившійся въ гимназіи, придя къ намъ на воскресенье, какъ послѣднюю

*) Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. Т. I. стр. 244.

Digitized by Google

новинку, объявилъ намъ открытіе, сдѣланное въ гимназіи. Открытіе состояло въ томъ, что Бога нѣтъ, и что все, чему насъ учатъ, однѣ выдумки (это было въ 1838 году). Помню, какъ старшіе братья заинтересовались новостью, позвали и меня на совѣтъ, и мы всѣ, помню, очень оживились и приняли это извѣстіе, какъ что-то очень занимательное и весьма возможное" *).

Но, конечно, эта раціоналистическая критика не могла тронуть основъ души его. Эти основы выдержали страшныя житейскія бури и вывели его на истинный путь.

Интересно свидѣтельство самого Льва Николаевича о тѣхъ литературныхъ произведеніяхъ, которыя, насколько онъ помнитъ, оказали большое вліяніе на его духовное развитіе въ періодъ его дѣтства и отрочества, т.-е. до 14 лѣтъ приблизительно. Вотъ списокъ этихъ произведеній:

Названіе литературнаго произведенія:	Степень ихъ вліянія:
Исторія Іосифа изъ Библіи.	Огромное.
Сказки 1001 ночи: 40 разбойниковъ, Принцъ Камаральзаманъ.	Большое.
„Черная курица" Погорѣльскаго.	Очень большое.
Русскія былины: Добрыня Никитичъ, Илья Муромецъ, Алеша Поповичъ.	Огромное.
Народныя сказки.	Огромное.
Стихи Пушкина: Наполеонъ.	Большое.

Приведемъ теперь нѣсколько эпизодовъ изъ отроческой жизни Льва Николаевича, частью записанныхъ нами съ его словъ, частью слышанныхъ отъ его родственниковъ и, наконецъ, заимствованныхъ изъ другихъ источниковъ, уже появлявшихся въ печати, и къ которымъ мы отнеслись критически, сдѣлавъ выборъ, соотвѣтствующій имѣвшимся въ нашихъ рукахъ достовѣрнымъ указаніямъ. Разсказы эти нѣтъ возможности поставить въ хронологическій порядокъ.

*) „Исповѣдь". Л. Н. Толстого. Изд. Своб. Слова. Стр. 1.

Digitized by Google

„Еще въ началѣ московской жизни при отцѣ,—вспоминалъ разъ Левъ Николаевичъ,—у насъ была пара своего завода вороныхъ очень горячихъ лошадей. Кучеромъ у отца былъ Митька Копыловъ. Онъ же былъ стремяннымъ отца, ловкій ѣздокъ, охотникъ и прекрасный кучеръ и, главное, неоцѣненный форейторъ. Неоцѣнимый форейторъ потому, что, при горячихъ лошадяхъ, мальчикъ не могъ бы управляться съ ними, старый же человѣкъ былъ тяжелъ и неприличенъ для форейтора, такъ что Митька соединялъ рѣдкія качества, нужныя для форейтора. Качества эти были: малый ростъ, легкость, сила и ловкость. Помню, разъ отцу подали фаэтонъ, и лошади подхватили, пронесясь изъ воротъ. Кто-то крикнулъ: „понесли графскія лошади!“ Съ Пашенькой сдѣлалась дурнота, тетушки бросились къ бабушкѣ успокаивать ее, но оказалось, что отецъ еще не садился, и Митька ловко удержалъ лошадей и вернулся во дворъ.

„Вотъ этотъ самый Митька, послѣ уменьшенія расходовъ, былъ отпущенъ на оброкъ. Богатые купцы наперебой приглашали его къ себѣ и взяли бы на большое жалованье, такъ какъ Дмитрій уже щеголялъ въ шелковыхъ рубашкахъ и бархатныхъ поддевкахъ. Случилось, что братъ его по очереди долженъ былъ быть отданъ въ солдаты, а отецъ его, уже старый, вызвалъ его къ себѣ на барщинскую работу. И этотъ маленькій ростомъ, щеголь Дмитрій черезъ мѣсяцъ преобразился въ сѣраго мужика въ лаптяхъ, правящаго барщину и обрабатывающаго свои два надѣла, косящаго, пашущаго и вообще несущаго все тяжелое тягло тогдашняго времени. И все это безъ малѣйшаго ропота, съ сознаніемъ, что это такъ должно быть и не можетъ быть иначе“.

Это было одно изъ событій, которое много способствовало тому уваженію и любви къ народу, которое смолоду началъ испытывать Левъ Николаевичъ.

Вотъ два эпизода, разсказанные мнѣ Львомъ Николаевичемъ, которые, по его словамъ, бросили въ его молодую

Digitized by Google

душу сѣмена сомнѣнія, неудовлетворенности, недоумѣнія передъ несправедливостью и жестокостью людей, тогда еще для него бывшихъ „старшими“, „большими“ и потому неизбѣжно служившими извѣстнаго рода авторитетами. И эти авторитеты уже тогда были поколеблены.

Еще будучи ребенкомъ, онъ испыталъ на себѣ то неравенство, поклоненіе внѣшности и презрѣніе ко всему скромному и невидимому, которое бываетъ такъ чувствительно въ дѣтствѣ и особенно тогда наводитъ на серьезныя мысли и даетъ толчокъ душевному развитію.

Однимъ изъ такихъ случаевъ была елка у Шиповыхъ, куда дѣти Толстые были приглашены по какимъ-то отдаленнымъ родственнымъ связямъ. Они только-что лишились отца и бабушки и были сиротами на попеченіи тетки въ довольно трудномъ матеріальномъ положеніи, и потому представляли мало привлекательнаго и значительнаго для свѣтскаго общества.

На ту же елку были приглашены племянники кн. Горчакова, тогдашняго военнаго-министра, и Толстые съ горечью должны были замѣтить ту разницу, которая была сдѣлана въ выборѣ подарковъ для нихъ и для тѣхъ, болѣе почетныхъ гостей. Толстымъ были подарены дрянныя дешевыя вещички, а тѣмъ—роскошныя дорогія игрушки.

Другой случай произошелъ также въ Москвѣ.

Разъ они пошли гулять по Москвѣ съ гувернеромъ нѣмцемъ. Изъ дѣтей были онъ, Левъ Николаевичъ (9—10 лѣтъ), его братья и дѣвочка Юзенька, дочь гувернантки француженки, жившей у ихъ сосѣдей Исленевыхъ. Дѣвочка эта была очень красивой, привлекательной наружности. Идя по Большой Бронной, они подошли къ калиткѣ сада, прилегающаго къ дому Полякова. Калитка не была заперта, и они вошли, сами робѣя и не зная, что изъ этого выйдетъ. Садъ показался имъ необыкновенной красоты. Тамъ былъ прудъ съ лодками, флагами, цвѣты, мостики, дорожки, бесѣдки и т. д.; они шли, какъ очарованные, по этому саду. Ихъ встрѣтилъ ка-

Digitized by Google

кой-то господинъ, оказавшійся владѣльцемъ этого сада, Асташевымъ. Онъ любезно поздоровался съ ними и пригласилъ ихъ гулять, каталъ ихъ на лодкѣ и былъ такъ любезенъ, что имъ показалось, что они доставляютъ хозяину сада большое удовольствіе своимъ присутствіемъ. Ободренные этимъ успѣхомъ, они рѣшились черезъ нѣсколько дней опять посѣтить этотъ садъ. Когда они вошли въ калитку, ихъ остановилъ старикъ и спросилъ, кого имъ угодно. Они назвали свою фамилію и просили доложить хозяину. Юзеньки съ ними не было. Старикъ принесъ отвѣтъ, что это садъ частнаго лица и посторонней публикѣ входъ запрещенъ. Они удалились съ грустью и зародившимся въ ихъ душахъ недоумѣніемъ, почему хорошенькое личико ихъ подруги можетъ имѣть такое сильное вліяніе на отношеніе къ нимъ постороннихъ людей.

А вотъ нѣсколько разсказовъ, указывающихъ на оригинальность, даже эксцентричность его отроческаго характера.

„Мы собрались разъ къ обѣду,—разсказывала мнѣ сестра Льва Николаевича, Марія Николаевна,—это было въ Москвѣ, еще при жизни бабушки, когда соблюдался этикетъ и всѣ должны были являться во-время, еще до прихода бабушки, и дожидаться ее. И потому всѣ были удивлены, что Левочки не было. Когда сѣли за столъ, бабушка, замѣтившая отсутствіе его, спросила гувернера St. Thomas, что это значитъ, не наказанъ ли Léon; но тотъ смущенно заявилъ, что онъ не знаетъ, но что увѣренъ, что Léon сію минуту явится, что онъ, вѣроятно, задержался въ своей комнатѣ, приготовляясь къ обѣду. Бабушка успокоилась, но во время обѣда подошелъ нашъ дядька, шепнулъ что-то St. Thomas, и тотъ сейчасъ же вскочилъ и выбѣжалъ изъ-за стола. Это было столь необычно при соблюдаемомъ этикетѣ обѣда, что всѣ поняли, что случилось какое-нибудь большое несчастье, и такъ какъ Левочка отсутствовалъ, то всѣ были увѣрены, что несчастье случилось съ нимъ, и съ замираніемъ сердца ждали развязки.

Digitized by Google

„Вскорѣ дѣло разъяснилось, и мы узнали слѣдующее:

„Левочка, неизвѣстно по какой причинѣ (какъ онъ самъ теперь говоритъ, только для того, чтобы сдѣлать что-нибудь необыкновенное и удивить другихъ), задумалъ выпрыгнуть въ окошко изъ второго этажа, съ высоты нѣсколькихъ саженъ. И нарочно для этого, чтобы никто не помѣшалъ, остался одинъ въ комнатѣ, когда всѣ пошли обѣдать. Влѣзъ на отворенное окно мезонина и выпрыгнулъ во дворъ. Въ нижнемъ подвальномъ этажѣ была кухня, и кухарка какъ разъ стояла у окна, когда Левочка шлепнулся на землю. Не понявъ сразу въ чемъ дѣло, она сообщила дворецкому, и когда вышли на дворъ, то нашли Левочку лежащимъ на дворѣ и потерявшимъ сознаніе. Къ счастью, онъ ничего себѣ не сломалъ, и все ограничилось только легкимъ сотрясеніемъ мозга; безсознательное состояніе перешло въ сонъ, онъ проспалъ подъ рядъ 18 часовъ и проснулся совсѣмъ здоровымъ. Можно себѣ представить безпокойство и страхъ, въ которые повергъ всѣхъ домашнихъ этотъ необдуманный поступокъ маленькаго чудака.

„Разъ ему пришла фантазія остричь себѣ брови, что онъ и исполнилъ, обезобразивъ этимъ свое лицо, никогда не отличавшееся особой красотой, что не мало сокрушало самого юношу.

„Другой разъ, — разсказывала Марія Николаевна, — ѣхали мы на тройкѣ изъ Пирогова въ Ясную. Во время одной изъ остановокъ экипажа Левочка слѣзъ и пошелъ пѣшкомъ. Когда экипажъ тронулся, его хватились, но его нигдѣ не было. Кучеръ съ козелъ увидалъ впереди на дорогѣ его удаляющуюся фигуру; поѣхали, полагая, что онъ пошелъ впередъ, чтобы сѣсть, когда тройка его догонитъ, но не тутъ-то было. Съ приближеніемъ тройки онъ ускорилъ шагъ, и когда тройка пошла рысью, онъ пустился бѣгомъ, видимо, не желая садиться. Тройка поѣхала очень быстро и онъ побѣжалъ во всю мочь, пробѣжавъ такъ около трехъ верстъ, пока, наконецъ, не обезсилѣлъ и не сдался. Его посадили

Digitized by Google

въ карету; онъ задыхался, былъ весь въ поту и изнемогалъ отъ усталости".

Супруга Льва Николаевича, графиня Софья Андреевна, не разъ принималась записывать матеріалы о жизни Льва Николаевича, разспрашивая его о его дѣтствѣ и слушая разсказы его родственниковъ, которыхъ она застала еще въ живыхъ. Къ сожалѣнію, записки эти неполны и неокончены, но, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно цѣнны. Мы дѣлаемъ изъ нихъ нѣсколько выписокъ, пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ ихъ автора.

„Судя по разсказамъ старыхъ тетушекъ, которыя мнѣ разсказывали кое-что о дѣтствѣ моего мужа, и также по словамъ моего дѣда Исленева, который былъ очень друженъ съ Николаемъ Ильичемъ, отцомъ Льва Николаевича, маленькій Левочка былъ очень оригинальный ребенокъ и чудакъ. Онъ, напримѣръ, входилъ въ залу и кланялся всѣмъ задомъ, откидывая голову назадъ и шаркая.

„Когда я спрашивала другихъ и самого Льва Николаевича, хорошо ли онъ учился, то всегда получала отвѣтъ, что „нѣтъ".

Шуринъ Льва Николаевича, С. А. Берсъ, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее:

„По свидѣтельству покойной тетушки Льва Николаевича, Пелагеи Ильинишны Юшковой, въ дѣтствѣ онъ былъ очень шаловливъ, а отрокомъ отличался странностью, а иногда и неожиданностью поступковъ, живостью характера и прекраснымъ сердцемъ.

„Моя покойная матушка разсказывала мнѣ, что, описывая свою первую любовь въ произведеніи „Дѣтство", онъ умолчалъ о томъ, какъ изъ ревности столкнулъ съ балкона предметъ своей любви, которая и была моя матушка девяти лѣтъ отъ роду и которая послѣ этого долго хромала. Онъ сдѣлалъ это за то, что она разговаривала не съ нимъ, а съ другимъ, Впослѣдствіи она, смѣясь, говорила ему: „Видно, ты меня для

Digitized by Google

того въ дѣтствѣ столкнулъ съ террасы, чтобы потомъ жениться на моей дочери“ *).

Самъ Левъ Николаевичъ разсказывалъ при мнѣ въ семейномъ кругу, что въ дѣтствѣ, лѣтъ 7 или 8, онъ имѣлъ страшное желаніе полетать въ воздухѣ. Онъ вообразилъ, что это вполнѣ возможно, если сѣсть на корточки и обнять руками свои колѣни, при этомъ, чѣмъ сильнѣе сжимать колѣни, тѣмъ выше можно полетѣть.

Нѣсколько автобіографическихъ разсказовъ Льва Николаевича можно найти въ его „книжкахъ для чтенія“; мы заимствуемъ изъ нихъ нѣкоторыя характерныя черты.

Въ разсказѣ „Старая лошадь“ Левъ Николаевичъ говоритъ о томъ, какъ разъ имъ четыремъ братьямъ позволили покататься верхомъ. Имъ давали кататься только на одной смирной старой лошади, которую звали Воронкомъ. Трое старшихъ братьевъ вдоволь натѣшившись ѣздой, измучили лошадь, и въ такомъ видѣ она досталась ему.

„Когда пришелъ мой чередъ,—разсказываетъ Левъ Николаевичъ,—я хотѣлъ удивить братьевъ и показать имъ, какъ я хорошо ѣзжу,—сталъ погонять Воронка изо всѣхъ силъ, но Воронокъ не хотѣлъ итти отъ конюшни. И сколько я ни колотилъ его, онъ не хотѣлъ скакать, а только трусилъ и заворачивалъ все назадъ. Я злился на лошадь, изо всѣхъ силъ билъ ее хлыстомъ и ногами. Я старался бить ее въ тѣ мѣста, гдѣ ей больнѣе, сломалъ хлыстъ и остаткомъ хлыста сталъ бить по головѣ. Но Воронокъ все не хотѣлъ скакать. Тогда я поворотилъ назадъ, подъѣхалъ къ дядькѣ и попросилъ хлыстика покрѣпче. Но дядька сказалъ мнѣ:

— Будетъ вамъ ѣздить, сударь, слѣзайте. Что лошадь мучить.

Я обидѣлся и сказалъ:

— Какъ же, я совсѣмъ не ѣздилъ. Посмотри, какъ я

*) С. А. Берсъ. „Воспоминанія о гр. Львѣ Николаевичѣ Толстомъ“.

Digitized by Google

сейчасъ проскачу. Дай, пожалуйста, мнѣ хлыстъ покрѣпче. Я его разожгу.

Тогда дядька покачалъ головой и сказалъ:

— Ахъ, сударь, жалости въ васъ нѣтъ: что его разжигать? Вѣдь ему 20 лѣтъ. Лошадь измучена, насилу дышитъ, да и стара. Вѣдь она такая старая, все равно, какъ Пименъ Тимоѳеичъ *). Вы бы сѣли на Тимоѳеича, да такъ-то черезъ силу погоняли его хлыстомъ,—что же, вамъ не жалко бы было?

Я вспомнилъ про Пимена и послушалъ дядьки. Я слѣзъ съ лошади, и когда я посмотрѣлъ, какъ она носила потными боками, тяжело дышала ноздрями и помахивала облѣзшимъ хвостикомъ, я понялъ, что лошади было трудно. Мнѣ такъ жалко стало Воронка, что я сталъ цѣловать его въ потную шею и просить у него прощенія за то, что я его билъ".

Въ разсказѣ: „Какъ я выучился ѣздить верхомъ", Левъ Николаевичъ вспоминаетъ, какъ онъ отправился съ братьями учиться верховой ѣздѣ, въ Москвѣ.

Берейторъ былъ очень удивленъ его малымъ ростомъ, но видя его рѣшимость, согласился его учить: „Привели маленькую лошадку. Она была рыжая, и хвостъ у нея былъ обрѣзанъ. Ее звали Червончикъ. Берейторъ засмѣялся и сказалъ мнѣ: „Ну, кавалеръ, садитесь". Я и радовался, и боялся, старался такъ сдѣлать, чтобы никто этого не замѣтилъ. Я долго старался попасть ногою въ стремя, но никакъ не могъ, потому что я былъ слишкомъ малъ. Тогда берейторъ поднялъ меня на руки и посадилъ. Онъ сказалъ: „Не тяжелъ баринъ— фунта два, больше не будетъ".

Онъ сначала держалъ меня за руку, но я видѣлъ, что братьевъ не держали, и просилъ, чтобы меня пустили. Онъ сказалъ: „А, не боитесь". Я очень боялся, но сказалъ, что не боюсь. Боялся я больше оттого, что Червончикъ все поджималъ уши. Я думалъ, что онъ на меня сердится. Бе-

*) 90 лѣтній, сгорбленный старецъ, жившій на дворнѣ.

Digitized by Google

рейторъ сказалъ: „Ну, смотрите жъ, не падайте“, и пустилъ меня. Сначала Червончикъ ходилъ шагомъ, и я держался прямо. Но сѣдло было скользкое, и я боялся свернуться. Берейторъ меня спросилъ: „Ну, что, утвердились?“ Я ему сказалъ: „Утвердился“.—„Ну, теперь рысцой“,—и берейторъ защелкалъ языкомъ.

Червончикъ побѣжалъ маленькой рысью, и меня стало подкидывать. Но я все молчалъ и старался не свернуться на бокъ. Берейторъ меня похвалилъ: „Ай да кавалеръ, хорошо!“ Я былъ очень этому радъ.

Въ это время къ берейтору подошелъ его товарищъ и сталъ съ нимъ разговаривать, и берейторъ пересталъ смотрѣть на меня.

Только вдругъ я почувствовалъ, что я свернулся немножко на бокъ сѣдла. Я хотѣлъ поправиться, но никакъ не могъ. Я хотѣлъ закричать берейтору, чтобъ онъ остановилъ, но думалъ, что будетъ стыдно, если я это сдѣлаю, и молчалъ. Берейторъ не смотрѣлъ на меня, Червончикъ все бѣжалъ рысью, и я еще больше сбился на бокъ. Я посмотрѣлъ на берейтора и думалъ, что онъ поможетъ мнѣ; а онъ все разговаривалъ съ своимъ товарищемъ и, не глядя на меня, приговаривалъ: „Молодецъ кавалеръ“. Я уже совсѣмъ былъ на боку и очень испугался. Я думалъ, что я пропалъ. Но кричать мнѣ было стыдно. Червончикъ тряхнулъ меня еще разъ, я совсѣмъ соскользнулъ и упалъ на землю. Тогда Червончикъ остановился, берейторъ оглянулся и увидалъ, что на Червончикѣ меня нѣтъ. Онъ сказалъ: „Вотъ-те на, свалился кавалеръ мой!“ и подошелъ ко мнѣ. Когда я ему сказалъ, что не ушибся, онъ засмѣялся и сказалъ: „Дѣтское тѣло мягкое“. А мнѣ хотѣлось плакать. Я попросилъ, чтобы меня опять посадили, и меня посадили. И я ужъ больше не падалъ“ *).

---

*) Полное собраніе сочиненій Льва Николаевича Толстого. Изданіе 10-е, Москва 1897 г. Т. IV, стр. 498.

Digitized by Google

Такимъ-то образомъ росъ этотъ замѣчательный ребенокъ, вдумчивый, впечатлительный, застѣнчивый, дѣтски влюбчивый и, въ сущности, одинокій по той огромной силѣ внутренняго анализа, которая таилась въ немъ и не находила отклика въ окружавшей его средѣ.

ГЛАВА VI.

Юность.

Пять лѣтъ прожили Толстые въ Казани. Каждое лѣто все семейство, сопровождаемое Пелагеей Ильинишной, отправлялось въ Ясную Поляну, каждую осень возвращалось въ Казань.

Въ домѣ Юшковой протекла большая половина юности Льва Николаевича.

Братья Толстые переѣхали въ Казань въ 1841 году. Старшій братъ Николай, перешедшій изъ Московскаго университета въ Казанскій, уже въ 1841—42 учебномъ году слушалъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ и былъ уже на второмъ курсѣ второго отдѣленія философскаго факультета; по этому факультету онъ благополучно и окончилъ курсъ въ 1844 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Двое слѣдующихъ братьевъ, Сергѣй и Дмитрій, избрали тотъ же факультетъ и то же его отдѣленіе, соотвѣтствующее современному намъ математическому факультету.

Оба брата были приняты въ студенты въ 1843 году и весною 1847 года одновременно окончили дѣйствительными студентами.

Левъ Николаевичъ избралъ факультетъ восточныхъ языковъ, имѣя, какъ кажется, въ виду дипломатическую карьеру, и къ поступленію на этотъ факультетъ усиленно готовился въ теченіе 1842—44 г.г. Занятія были не легкія, такъ какъ для вступительнаго экзамена нужно было имѣть подготовку въ арабскомъ и турецко-татарскомъ языкахъ, преподававшихся

Digitized by Google

КАЗАНСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ, ВЪ ЭПОХУ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ НЕМЪ Л. Н—ЧА

Digitized by Google

Digitized by Google

въ то время въ первой Казанской гимназіи. Трудности эти были Львомъ Николаевичемъ благополучно превзойдены.

Въ архивахъ Казанскаго университета сохранились всѣ документы, свидѣтельствующіе о поступленіи, пребываніи и выходѣ Льва Николаевича изъ Казанскаго университета.

Всѣ эти документы тщательно собраны и напечатаны въ воспоминаніяхъ Загоскина *). Мы приводимъ наиболѣе интересные изъ нихъ.

Левъ Николаевичъ подалъ прошеніе о поступленіи въ университетъ. Вслѣдствіе этого прошенія онъ былъ допущенъ къ пріемному экзамену, который прошелъ для него не совсѣмъ благополучно, какъ это видно изъ приводимой ниже экзаменаціонной вѣдомости.

Вотъ отмѣтки, полученныя графомъ Львомъ Толстымъ на вступительномъ экзаменѣ:

Законъ Божій	4	
Исторія общая и русская .	1	(„Ничего не зналъ"). Прим. Л. Н. Толстого.
Статистика и географія . .	1	(„Еще меньше. Помню вопросъ былъ: Франція. Присутствовалъ Пушкинъ, попечитель, и спрашивалъ меня. Онъ былъ знакомый нашего дома и, очевидно, хотѣлъ выручить: „Ну, скажите, какіе приморскіе города во Франціи?" Я ни одного не могъ назвать"). Прим. Л. Н. Толстого.
Математика	4	
Русская словесность . . .	4	
Логика	4	
Латинскій языкъ	2	
Французскій языкъ	5+	
Нѣмецкій языкъ	5	
Арабскій	5	
Турецко-татарскій	5	
Англійскій языкъ	4	

*) Графъ Левъ Николаевичъ Толстой и его студенческіе годы. Н. П. Загоскина. Историческій Вѣстникъ. Январь 1894 г.

Digitized by Google

А въ дѣлѣ о пріемѣ Льва Николаевича въ студенты сдѣлана заключительная резолюція въ видѣ журнальнаго постановленія о томъ, что графъ Левъ Толстой „экзаменованъ по отдѣленію восточной словесности, но принятія въ университетъ не удостоенъ". Тутъ же приписано опредѣленіе: „Акты возвратить".

Это происходило весной 1844 года. Левъ Николаевичъ рѣшилъ просить осенью переэкзаменовки по предметамъ, отмѣтки за которые были неудовлетворительны.

И вотъ, въ началѣ августа того же года снова поступаетъ на имя ректора университета слѣдующее прошеніе, писанное Львомъ Николаевичемъ собственноручно:

„Его Превосходительству господину ректору Императорскаго Казанскаго университета, заслуженному профессору, дѣйствительному статскому совѣтнику Николаю Ивановичу Лобачевскому отъ Льва Николаевича графа Толстого

Прошеніе.

Въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года я вмѣстѣ съ учениками первой и второй казанской гимназіи подвергался испытанію, съ цѣлью поступить въ число студентовъ Казанскаго университета, разряда арабско-турецкой словесности. Но какъ на этомъ испытаніи не оказалъ надлежащихъ свѣдѣній въ исторіи, статистикѣ, то и прошу покорнѣйше, Ваше Превосходительство, дозволить мнѣ нынѣ снова экзаменоваться въ этихъ предметахъ. При семъ имѣю честь представить слѣдующіе документы: 1) метрическое свидѣтельство изъ тульской консисторіи, 2) копіи съ постановленія тульскаго дворянскаго депутатскаго собранія. Августа 3-го дня 1844 года. Къ сему прошенію означенный выше проситель графъ Левъ Николаевичъ руку приложилъ".

На прошеніи отмѣтка:

„Под. 4 авг. 1844 г. Допустить къ дополнительному испытанію. 4 августа 1844 года. Ректоръ Лобачевскій".

Когда именно и съ какимъ успѣхомъ держалъ Левъ Николаевичъ этотъ дополнительный экзаменъ, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, на этотъ разъ дѣло обошлось благополучно, такъ какъ внизу прошенія Льва Николаевича подписано опредѣленіе:

Digitized by Google

„Толстого принять въ университетъ студентомъ своекоштнаго содержанія, по разряду арабско-турецкой словесности“.

Итакъ Левъ Николаевичъ въ университетѣ. Но тамъ проводитъ онъ лишь учебное время, живетъ же онъ въ домѣ своей тетки Юшковой и вращается въ кругу ея знакомыхъ. Что же это была за среда и какъ могла она вліять на юношу?

Въ воспоминаніяхъ Загоскина о студенческой жизни Льва Николаевича Толстого говорится, что среда, въ которой вращался въ Казани Левъ Николаевичъ, была средой развращающей, и что Левъ Николаевичъ долженъ былъ инстинктивно чувствовать протестъ, но по замѣчанію, сдѣланному Львомъ Николаевичемъ при просмотрѣ этой рукописи, дѣло было не такъ:

„Никакого протеста,—говоритъ онъ,—я не чувствовалъ, а очень любилъ веселиться въ казанскомъ, тогда очень хорошемъ, обществѣ“ *).

Перечисляя далѣе въ своей статьѣ различныя неблагопріятныя обстоятельства жизни Льва Николаевича, Загоскинъ выражаетъ удивленіе нравственной силѣ Льва Николаевича, сумѣвшей устоять противъ всѣхъ этихъ соблазновъ. На это Левъ Николаевичъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе:

„Напротивъ, очень благодаренъ судьбѣ за то, что первую молодость провелъ въ средѣ, гдѣ можно было смолоду быть молодымъ, не затрогивая непосильныхъ вопросовъ и живя хоть и праздной, роскошной, но не злой жизнью“ **).

Вотъ характеристика перваго учебнаго сезона, дѣлаемая Загоскинымъ:

Зимній сезонъ 1844—45 г.г., когда Левъ Николаевичъ Толстой въ качествѣ „молодого человѣка“ сталъ уже выѣзжать въ свѣтъ, былъ еще болѣе шуменъ. Балы то

*) Замѣчаніе Льва Николаевича, сдѣланное имъ при просмотрѣ рукописи.

**) То же.

Digitized by Google

у губернатора, то у предводителя, то въ женскомъ Родіоновскомъ институтѣ, гдѣ съ особенною любовью культивировала ихъ начальница, Е. Д. Загоскина, частные танцовальные вечера, маскарады въ дворянскомъ собраніи, спектакли, живыя картины, концерты безпрерывною цѣпью слѣдовали одни за другими. Въ качествѣ родовитаго, титулованнаго молодого человѣка, съ хорошими мѣстными связями, внука бывшаго губернатора и выгоднаго жениха въ ближайшемъ будущемъ, Левъ Николаевичъ былъ вездѣ желаннымъ гостемъ. Казанскіе старожилы помнятъ его на всѣхъ балахъ, вечерахъ и великосвѣтскихъ собраніяхъ, всюду приглашаемымъ, всегда танцующимъ, но далеко не свѣтскимъ дамскимъ угодникомъ, какими были другіе его сверстники „студенты-аристократы"; въ немъ всегда наблюдали какую-то странную угловатость, застѣнчивость; онъ, видимо, стѣснялся тою ролью, которую его заставляли играть и къ которой volens-nolens обязывала его пошлая обстановка его казанской жизни. Все это, конечно, дурно вліяло на учебныя занятія, и первыя полугодичныя испытанія оказались не вполнѣ удачными, какъ о томъ свидѣтельствуетъ экзаменаціонная вѣдомость, приводимая Загоскинымъ:

	Успѣхи.	Прилежаніе.
Церковная библейская исторія . . .	3	2
Исторія общей литературы	не явился	
Арабскій языкъ	2	2
Французскій языкъ	5	3

Эта неудача не измѣнила образа жизни Льва Николаевича, и онъ, продолжая веселую свѣтскую жизнь, участвуетъ на масленицѣ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Сергѣемъ въ двухъ любительскихъ спектакляхъ съ благотворительной цѣлью, и исполняетъ свою роль съ большимъ успѣхомъ.

Въ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" 1845 года есть замѣтка о томъ, что упомянутый спектакль „прошелъ такъ отчетисто, такъ прелестно, что во многихъ мѣстахъ

Digitized by Google

зрители забывали, что передъ ними искусство сценическое, а не сама жизнь".

Результатомъ всего этого было то, что Левъ Николаевичъ не выдержалъ переходнаго экзамена, и ему пришлось бы остаться на второй годъ на томъ же курсѣ. Самъ онъ такъ разсказываетъ объ этомъ несчастномъ экзаменѣ:

„Первый годъ я былъ не перепущенъ изъ перваго на второй курсъ профессоромъ русской исторіи Ивановымъ, поссорившимся передъ тѣмъ съ моими домашними, несмотря на то, что я не пропустилъ ни одной лекціи и зналъ русскую исторію; кромѣ того, за единицу въ нѣмецкомъ языкѣ, поставленную тѣмъ же профессоромъ, несмотря на то, что я зналъ нѣмецкій языкъ несравненно лучше всѣхъ студентовъ нашего курса" *).

Но Левъ Николаевичъ не захотѣлъ остаться на второй годъ на томъ же курсѣ и подалъ прошеніе о переводѣ его на другой факультетъ, а именно на юридическій, что и было исполнено.

Зимній сезонъ 1845—46 годовъ открылся празднествомъ по случаю двухдневнаго (14—16 октября) пребыванія въ Казани герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, которому устроенъ здѣсь былъ восторженный пріемъ.

Несмотря на это, Львомъ Николаевичемъ сдѣлана такая замѣтка: „Въ концѣ этого года я въ первый разъ сталъ серьезно заниматься и нашелъ въ этомъ даже нѣкоторое удовольствіе. Сверхъ факультетскихъ предметовъ, изъ которыхъ энциклопедія права и уголовное право заинтересовали меня (нѣмецъ профессоръ Фогель на лекціяхъ устраивалъ собесѣдованія, и, помню, очень заинтересовавшее меня, о смертной казни); сверхъ факультетскихъ предметовъ Мееръ, профессоръ гражданскаго права, задалъ мнѣ работу: сравнить „Esprit des lois" Montesquieux съ „Наказомъ" Екатерины, и эта работа очень заняла меня" **).

*) Полн. собр. соч. Т. IV, стр. 14. Изд. 10-е. Москва 1897 г.

**) Вставка, сдѣланная Львомъ Николаевичемъ при просмотрѣ рукописи.

Digitized by Google

Переходные майскіе экзамены 1846 г. сданы были Львомъ Николаевичемъ удовлетворительно. Онъ получилъ на этихъ экзаменахъ одну пятерку изъ логики и психологіи, три четверки: изъ энциклопедіи права, исторіи римскаго права и латинскаго языка, и четыре тройки: изъ всеобщей и русской исторіи, теоріи краснорѣчія и нѣмецкаго языка, три пятерки за поведеніе. Средній выводъ получился три, и Левъ Николаевичъ былъ удостоенъ перевода на второй курсъ.

Въ этомъ же году Льва Николаевича постигла административная кара. Онъ былъ посаженъ въ карцеръ за непосѣщеніе лекцій исторіи. Эпизодъ этотъ описанъ въ воспоминаніяхъ Назарьева, его товарища по университету, но весьма не точно, хотя разговоръ, описанный Назарьевымъ, и соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Пользуясь замѣчаніями Льва Николаевича, возстановляемъ этотъ эпизодъ въ болѣе правдивомъ видѣ.

Левъ Николаевичъ былъ посаженъ въ карцеръ и сидѣлъ не въ аудиторіи, какъ пишетъ Назарьевъ, а въ карцерѣ со сводами и желѣзными рѣшетками. Вмѣстѣ со Львомъ Николаевичемъ сидѣлъ его товарищъ. Левъ Николаевичъ принесъ съ собой въ карцеръ спрятанную въ голенищѣ сапога свѣчку и подсвѣчникъ, и они провели очень пріятно день или два.

Кучеръ, рысакъ, лакей и т. д.—все это надо отнести къ воображенію Назарьева. Разговоръ же, переданный имъ, правдоподобенъ, и мы приводимъ его изъ статьи Назарьева.

„Помню,—говоритъ Назарьевъ,—замѣтивъ, что я читаю „Демона“ Лермонтова, Толстой иронически отнесся къ стихамъ вообще, а потомъ, обратившись къ лежавшей возлѣ меня исторіи Карамзина, напустился на исторію, какъ на самый скучный и чуть ли не безполезный предметъ.

— Исторія,—рубилъ онъ съ плеча,—это не что иное,какъ собраніе басенъ и безполезныхъ мелочей, пересыпанныхъ массой ненужныхъ цифръ и собственныхъ именъ. Смерть Игоря, змѣя, ужалившая Олега, что же это, какъ не сказки, и кому нужно знать, что второй бракъ Іоанна на доче-

Digitized by Google

ри Темрюка совершился 21 августа 1562 года, а четвертый на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской въ 1572 году, а вѣдь отъ меня требуютъ, чтобы я задолбилъ все это, а не знаю, такъ ставятъ единицу. А какъ пишется исторія? все пригоняется къ извѣстной мѣркѣ, измышленной историкомъ. Грозный царь, о которомъ въ настоящее время читаетъ профессоръ Ивановъ, вдругъ съ 1560 года изъ добродѣтельнаго и мудраго превращается въ безсмысленнаго, свирѣпаго тирана. Какъ и почему, объ этомъ уже не спрашивайте...— приблизительно въ такомъ родѣ разсуждалъ мой собесѣдникъ. Меня сильно озадачила такая рѣзкость сужденій, тѣмъ болѣе, что я считалъ исторію своимъ любимымъ предметомъ.

Затѣмъ вся неотразимая для меня сила сомнѣній Толстого обрушилась на университетъ и университетскую науку вообще. „Храмъ наукъ“ уже не сходилъ съ его языка. Оставаясь неизмѣнно серьезнымъ, онъ въ такомъ смѣшномъ видѣ рисовалъ портреты нашихъ профессоровъ, что при всемъ желаніи остаться равнодушнымъ я хохоталъ, какъ помѣшанный.

— А между тѣмъ, — заключилъ Толстой, — мы съ вами въ правѣ ожидать, что выйдемъ изъ этого храма полезными, знающими людьми. А что вынесемъ мы изъ университета? Подумайте и отвѣчайте по-совѣсти. Что вынесемъ мы изъ этого святилища, возвратившись во-свояси, въ деревню? на что будемъ пригодны, кому нужны?—настойчиво допрашивалъ Толстой.

Въ этихъ разговорахъ провели всю ночь.

Едва забрезжилось утро, какъ дверь отворилась,—вошелъ вахмистръ и, раскланявшись, объявилъ, что мы свободны и можемъ расходиться по домамъ.

Толстой нахлобучилъ фуражку на глаза, завернулся въ шинель съ бобрами, слегка кивнулъ мнѣ головой, еще разъ ругнулъ храмъ и скрылся въ сопровожденіи своего слуги и вахмистра. Я тоже поспѣшилъ выбраться и вздохнулъ во всю грудь, отдѣлавшись отъ своего собесѣдника и очутив-

Digitized by Google

шись на морозѣ, среди безлюдной, только-что просыпавшейся улицы.

Отяжелѣвшая, точно послѣ угара, голова была переполнена никогда еще не забиравшимися въ нее сомнѣніями и вопросами, навѣянными страннымъ, рѣшительно непонятнымъ для меня, товарищемъ по заключенію“ *).

Начало 1846/47 учебнаго года внесло измѣненія въ условія внѣшней жизни братьевъ Сергѣя, Дмитрія и Льва Толстыхъ. Оставивъ домъ своей тетушки Пелагеи Ильинишны Юшковой, они стали жить на частной квартирѣ, въ домѣ, бывшемъ тогда Петонди, а нынѣ принадлежащемъ Ложкинской городской общественной богадѣльнѣ. Здѣсь они занимали пять комнатъ въ верхнемъ этажѣ каменнаго флигеля, до сихъ поръ находящагося во дворѣ этого дома и въ настоящее время занимаемаго однимъ изъ отдѣленій богадѣльни.

Въ январѣ 1847 года Левъ Николаевичъ еще разъ явился на полугодичные экзамены, но не держалъ всѣхъ и видимо относился къ нимъ, какъ къ пустой формальности. Вѣроятно, въ головѣ его уже создался планъ оставленія университета. И вскорѣ, тотчасъ послѣ пасхальныхъ каникулъ, онъ подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ университета.

Вотъ содержаніе этого прошенія, приводимаго въ воспоминаніяхъ Загоскина:

Его Превосходительству г. ректору Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Ивану Михайловичу Симонову

своекоштнаго студента 2-го курса юридическаго факультета, графа Льва Николаевича Толстого

Прошеніе.

По разстроенному здоровью и домашнимъ обстоятельствамъ, не желая болѣе продолжать курса наукъ въ университетѣ, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство сдѣлать зависящее отъ васъ распоряженіе объ

) В. И. Назарьевъ: „Жизнь и люди былого времени. Историч. Вѣстн. 1890 г. Ноябрь.

Digitized by Google

исключеніи меня изъ числа студентовъ и о выдачѣ мнѣ всѣхъ моихъ документовъ. Къ сему прошенію руку приложилъ студентъ графъ Левъ Толстой. Апрѣля 12-го дня 1847 года.

Вслѣдъ за этимъ состоялось опредѣленіе правленія: „Толстого изъ списковъ студентовъ исключить и составить о бытности въ университетѣ свидѣтельство“.

Въ дѣлахъ университетскаго архива сохранился и дубликатъ самого свидѣтельства, выданнаго графу Льву Николаевичу Толстому. Это свидѣтельство любопытно въ томъ отношеніи, что въ немъ тонко обойдены университетскія неудачи Льва Николаевича, и совершенно замолчены причины, вслѣдствіе которыхъ онъ былъ оставленъ на первомъ курсѣ восточнаго отдѣленія. Вотъ что гласитъ это свидѣтельство:

„Объявитель сего, графъ Левъ Николаевичъ сынъ Толстой, получивъ первоначально домашнее образованіе и выдержавъ въ предметахъ полнаго гимназическаго курса подлежащій экзаменъ, принятъ былъ въ студенты Казанскаго университета по разряду арабско-турецкой словесности, въ первый курсъ, но съ какими успѣхами въ ономъ курсѣ обучался — неизвѣстно, потому что на годичныя испытанія не явился, почему и оставленъ былъ въ томъ же курсѣ, и на основаніи разрѣшенія г. управляющаго казанскимъ учебнымъ округомъ отъ 13-го сентября 1845 года, № 3919, изъ разряда арабско-турецкой словесности перемѣщенъ въ первый курсъ юридическаго факультета, въ коемъ обучался съ успѣхами: по логикѣ и психологіи—отличными; энциклопедіи права, исторіи римскаго права и латинскаго языка—хорошими, всеобщей и русской исторіи, теоріи краснорѣчія и нѣмецкаго языка—достаточными; переведенъ былъ во второй курсъ, но съ какими успѣхами обучался въ ономъ курсѣ — неизвѣстно, потому что годичныхъ испытаній еще не было. Поведенія онъ, Толстой, во время бытности въ университетѣ, былъ отличнаго. Нынѣ же, согласно прошенію, поданному 12-го текущаго апрѣля, по разстроенному здоровью и текущимъ обстоятельствамъ, изъ университета уволенъ, почему онъ, г. Толстой, какъ не окончившій полнаго курса университетскихъ наукъ, не можетъ пользоваться правами, присвоенными дѣйствительнымъ студентамъ, а на основаніи 590 ст. III тома Свода Законовъ (изд. 1842 года) при поступленіи въ гражданскую службу, сравнивается въ преимуществахъ по чинопроизводству съ лицами, получившими образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и принадлежитъ ко второму

Digitized by Google

разряду гражданскихъ чиновниковъ. Въ удостовѣреніе чего и дано ему, графу Льву Толстому, сіе свидѣтельство изъ правленія Казанскаго университета, за надлежащимъ подписаніемъ и приложеніемъ казенной печати, на основаніи высочайше дарованной Казанскому университету грамоты на простой бумагѣ".

„Левъ Николаевичъ спѣшилъ выѣздомъ изъ Казани,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Загоскинъ,—и не сталъ даже дожидаться окончанія его братьями Сергѣемъ и Дмитріемъ выпускныхъ университетскихъ экзаменовъ. Наступилъ день отъѣзда Льва Николаевича въ Москву, черезъ которую онъ долженъ былъ ѣхать въ свою Ясную Поляну. Въ квартиру графовъ Толстыхъ, во флигелѣ дома Петонди, собралась небольшая кучка студентовъ, желавшихъ проводить Льва Николаевича въ далекій и трудный, по условіямъ сообщенія того времени, путь; одинъ изъ провожавшихъ, разсказывавшій мнѣ объ этомъ, до сихъ поръ здравствуетъ въ Казани. Какъ водится, за отъѣзжающаго выпили, насказавъ ему всякаго рода пожеланій. Товарищи проводили Льва Николаевича до перевоза черезъ Казанку, которая находилась въ полномъ разливѣ, и здѣсь въ послѣдній разъ отдали ему прощальное цѣлованіе" *).

Мало осталось слѣда въ Казанскомъ университетѣ о пребываніи тамъ Льва Николаевича Толстого.

Недавно посѣтившій этотъ университетъ князь Дм. Дм. Оболенскій сообщилъ мнѣ, что въ аудиторіи, гдѣ Левъ Николаевичъ слушалъ лекціи, на желѣзной доскѣ осталась надпись: „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой", несомнѣнно нацарапанная самимъ Львомъ Николаевичемъ, во время слушанія лекцій на мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ всегда. Нацарапана или гвоздемъ или ножомъ. Кажется, это единственный памятникъ о Львѣ Николаевичѣ въ Казанскомъ университетѣ.

Нѣмецкій біографъ Льва Николаевича, Лёвенфельдъ, спросилъ у него, будучи въ Ясной Полянѣ, почему онъ, при

*) Н. П. Загоскинъ. „Гр. Л. Н. Толстой и его студенческіе годы". Историч. Вѣстникъ. Январь 1894 г., стр. 123.

Digitized by Google

его всегда присущей ему неутомимой жаждѣ знанія, оставилъ университетъ.

— Да въ этомъ-то,—отвѣчалъ графъ,—можетъ-быть и заключается самая главная причина моего выхода изъ университета. Меня мало интересовало, что читали наши учителя въ Казани. Сначала я съ годъ занимался восточными языками, но очень мало успѣлъ. Я горячо отдавался всему, читалъ безконечное количество книгъ, но все въ одномъ и томъ же направленіи. Когда меня заинтересовывалъ какой-нибудь вопросъ, то я не уклонялся отъ него ни вправо, ни влѣво и старался познакомиться со всѣмъ, что могло бросить свѣтъ именно на этотъ одинъ вопросъ. Такъ было со мной и въ Казани" *).

То же высказалъ Левъ Николаевичъ и въ слѣдующемъ замѣчаніи:

„Причинъ выхода моего изъ университета было двѣ: 1) что братъ кончилъ курсъ и уѣзжалъ, 2) какъ это ни странно сказать, работа съ „Наказомъ" и „Esprit des lois" (она и теперь есть у меня) открыла мнѣ новую область умственнаго самостоятельнаго труда, а университетъ съ своими требованіями не только не содѣйствовалъ такой работѣ, но мѣшалъ ей" **).

Какъ выше было сказано, одновременно со Львомъ Николаевичемъ слушали университетскій курсъ и старшіе его братья: Николай, Сергѣй и Дмитрій. О первыхъ двухъ Левъ Николаевичъ вспоминаетъ, разсказывая событія изъ своей дѣтской жизни, помѣщенныя нами въ своемъ мѣстѣ. Воспоминанія же о братѣ Дмитріи, характеръ котораго болѣе рѣзко проявился въ пору его студенчества, мы помѣщаемъ здѣсь, такъ какъ въ нихъ Левъ Николаевичъ даетъ намъ нѣсколько драгоцѣнныхъ чертъ того времени.

*) R. Lövenfeld. Gespräche mit und über Tolstoy. Leipzig.

**) Вставка, сдѣланная Л. Н. Толстымъ при просмотрѣ рукописи.

Digitized by Google

„Митенька—годомъ старше меня. Большіе черные, строгіе глаза. Почти не помню его маленькимъ. Знаю только по разсказамъ, что онъ въ дѣтствѣ былъ очень капризенъ; разсказывали, что на него находили такіе капризы, что онъ сердился и плакалъ за то, что няня не смотритъ на него; потомъ такъ же злился и кричалъ, что няня смотритъ на него. Знаю по разсказамъ, что маменька очень мучилась съ нимъ. Онъ былъ ближе мнѣ по возрасту и мы больше играли съ нимъ, но я не такъ любилъ его, какъ любилъ Сережу и какъ любилъ и уважалъ Николеньку. Мы жили съ нимъ дружно, не помню, чтобы ссорились. Вѣроятно, ссорились и даже дрались, но, какъ это бываетъ у дѣтей, эти драки не оставили ни малѣйшаго слѣда, и я любилъ его простой, ровной, естественной любовью и потому не замѣчалъ ее и не помню ее. Я думаю, даже знаю, потому что испыталъ это, особенно въ дѣтствѣ, что любовь къ людямъ есть естественное состояніе души или, скорѣе, естественное отношеніе ко всѣмъ людямъ, и когда оно такое, его не замѣчаешь. Оно замѣчается только тогда, когда не любишь (не не любишь, а боишься кого-нибудь. Такъ я боялся нищихъ, боялся одного Волконскаго, который щипалъ меня; больше, кажется, никого), и тогда, когда особенно любишь, какъ я любилъ тетеньку Татьяну Александровну, брата Сережу, Николеньку, Василія, няню Исаевну, Пашеньку. Ребенкомъ я ничего особеннаго, кромѣ дѣтскаго веселья, не помню о немъ. Особенности его проявились и памятны мнѣ уже въ Казани, куда мы переѣхали въ 40-мъ году, и ему было 13 лѣтъ. До этого въ Москвѣ, я помню, что онъ не влюблялся, какъ я и Сережа, не любилъ особенно ни танцевъ, ни военныхъ зрѣлищъ, о которыхъ разскажу я послѣ, и учился хорошо, усердно. Помню, учитель, студентъ Поплонскій, дававшій намъ уроки, опредѣлялъ по отношенію къ ученію насъ трехъ братьевъ такъ: Сергѣй—и хочетъ и можетъ, Дмитрій—хочетъ, но не можетъ (это была неправда) и Левъ — и не хочетъ и не можетъ. Я думаю, что это была совершенная правда.

Digitized by Google

„Такъ что настоящія воспоминанія мои о Митенькѣ начинаются съ Казани. Въ Казани я, подражавшій всегда Сережѣ, началъ развращаться (то же послѣ разскажу). Не только съ Казани, но еще прежде я занимался своей наружностью: старался быть свѣтскимъ, comme il faut. Ничего этого не было и слѣда въ Митенькѣ; кажется, онъ никогда не страдалъ обычными отроческими пороками. Онъ всегда былъ серьезенъ, вдумчивъ, чистъ, рѣшителенъ, вспыльчивъ, и то, что дѣлалъ, доводилъ до предѣловъ своихъ силъ. Когда съ нимъ случилось, что онъ проглотилъ цѣпочку, онъ, сколько помню, не особенно безпокоился о послѣдствіяхъ этого, тогда какъ про себя помню, какой я испыталъ ужасъ, когда проглотилъ косточку французскаго чернослива, который дала мнѣ тетенька, и какъ я торжественно, какъ бы передъ смертью, объявилъ ей объ этомъ несчастьи. Помню еще, какъ мы катались маленькими на салазкахъ съ крутой горы мимо закутъ (какъ весело было!) и какой-то проѣзжій, вмѣсто того, чтобы ѣхать по дорогѣ, поѣхалъ на своей тройкѣ на эту гору. Кажется, Сережа съ деревенскимъ мальчикомъ раскатился и, не удержавъ салазки, попалъ подъ лошадей. Ребята выкарабкались безъ ушибовъ. Тройка въѣхала на гору. Мы всѣ были заняты происшествіемъ: какъ вылѣзъ изъ-подъ пристяжной, какъ коренная испугалась и т. п. Митенька же (мальчикъ лѣтъ 9) подошелъ къ проѣзжему и началъ бранить его. Я помню, какъ меня удивило и не понравилось то, что онъ сказалъ, что за это, чтобы не смѣли ѣздить, гдѣ нѣтъ дороги, стоитъ на конюшню отправить; на языкѣ того времени значило—высѣчь.

„Въ Казани начались его особенности. Учился онъ хорошо, ровно, писалъ стихи очень легко; помню, прекрасно перевелъ Шиллера Der Jüngling am Bache, но не предавался этому занятію. Мало общался съ нами, всегда былъ спокоенъ, серьезенъ и задумчивъ. Помню, какъ онъ разъ расшалился и какъ дѣвочки пришли въ восторгъ отъ этого, и мнѣ стало завидно, и я подумалъ, что это отъ того, что онъ всегда серьезенъ.

Digitized by Google

И я тоже хотѣлъ въ этомъ подражать ему. Очень глупая была мысль у опекунши тетушки дать намъ каждому по мальчику съ тѣмъ, чтобы потомъ это былъ нашъ преданный слуга. Митенькѣ данъ былъ Ванюша. (Ванюша этотъ и теперь живъ). Митенька часто дурно обращался съ нимъ, кажется, даже билъ. Я говорю: кажется, потому что не помню этого, а помню только его покаянія за что-то передъ Ванюшей и униженныя просьбы о прощеніи.

„Такъ онъ росъ незамѣтно, мало общаясь съ людьми, всегда, кромѣ какъ въ минуты гнѣва, тихій, серьезный, съ задумчивыми, строгими, большими карими глазами. Онъ былъ великъ ростомъ, худъ довольно, силенъ не очень, съ длинными и большими руками и сутуловатой спиной. Особенности его начались со времени вступленія въ университетъ. Онъ былъ годомъ моложе Сергѣя, но поступилъ въ университетъ съ нимъ вмѣстѣ на математическій факультетъ только потому, что старшій братъ былъ математикомъ. Не знаю, какъ и что навело его такъ рано на религіозную жизнь, но съ перваго же года университетской жизни это началось. Религіозныя стремленія, естественно, направили его на церковную жизнь, и онъ предался ей, какъ онъ все дѣлалъ, до конца. Онъ сталъ ѣсть постное, ходить на всѣ церковныя службы и еще строже сталъ къ себѣ въ жизни.

„Въ Митенькѣ должно быть была та драгоцѣнная черта характера, которую я предполагалъ въ матери и которую зналъ въ Николенькѣ и которой я былъ совершенно лишенъ,—черта совершеннаго равнодушія къ мнѣнію о себѣ людей. Я всегда до самаго послѣдняго времени не могъ отдѣлаться отъ заботы о мнѣніи людскомъ, у Митеньки же этого совсѣмъ не было. Никогда не помню на его лицѣ той сдерживаемой улыбки, которая невольно выступаетъ, когда васъ хвалятъ. Всегда помню его серьезные, спокойные, грустные, иногда недобрые, миндалеобразные, большіе каріе глаза. Съ Казани только мы стали обращать на него вниманіе и то только потому, что, тогда какъ мы съ Сережей приписывали боль-

Digitized by Google

шое значеніе comme il faut, внѣшности, онъ же былъ неряшливъ и грязенъ, и мы осуждали его за это. Онъ не танцовалъ и не хотѣлъ этому учиться, студентомъ не ѣздилъ въ свѣтъ, носилъ одинъ студенческій сюртукъ съ узкимъ галстукомъ, и смолоду уже у него появился тикъ: онъ подергивалъ головой, какъ бы освобождаясь отъ узости галстука.

„Особенность его первая проявилась во время перваго говѣнія. Онъ говѣлъ не въ модной университетской церкви, а въ казематской церкви. Мы жили въ домѣ Горталова, противъ острога. Въ острогѣ тогда былъ особенно набожный и строгій священникъ, который, какъ нѣчто непривычное, дѣлалъ то, что на Страстной недѣли вычитывалъ всѣ евангелія, какъ это полагалось, и службы отъ этого продолжались особенно долго. Митенька выстаивалъ ихъ и свелъ знакомство со священникомъ. Церковь острожная была такъ устроена, что отдѣлялась только стеклянной перегородкой съ дверью отъ мѣста, гдѣ стояли колодники. Одинъ разъ одинъ изъ колодниковъ что-то хотѣлъ передать причетникамъ: свѣчу или деньги на свѣчи, никто изъ бывшихъ въ церкви не захотѣлъ взять на себя это порученіе, но Митенька тотчасъ съ своимъ серьезнымъ лицомъ взялъ и передалъ. Оказалось, что это было запрещено, и ему сдѣлали выговоръ; но онъ, считая, что такъ надобно, продолжалъ дѣлать то же самое.

„Мы, главное Сережа, водили знакомство съ аристократическими товарищами и молодыми людьми; Митенька, напротивъ, изъ всѣхъ товарищей выбралъ жалкаго, бѣднаго, оборваннаго студента, Полубояринова (котораго нашъ пріятель шутникъ называлъ Полубезобѣдовымъ, и мы, жалкіе ребята, находили это забавнымъ и смѣялись надъ Митенькой). Онъ только съ Полубояриновымъ дружилъ и съ нимъ готовился къ экзаменамъ.

„Помню одинъ такой случай. Жили мы тогда уже на другой квартирѣ, на углу Арскаго поля, въ домѣ Киселевскаго,

Digitized by Google

на верху. Верхъ раздѣлялся хорами надъ заломъ. Въ первой части верха, до хоръ, жилъ Митенька, въ комнатѣ за хорами жили Сережа и я. Мы, я и Сережа, любили вещицы, убирали свои столики, какъ у большихъ, и намъ давали и дарили для этого вещицы. Митенька никакихъ вещей не имѣлъ. Одну онъ взялъ изъ отцовскихъ вещей, это минералы. Онъ распредѣлилъ ихъ, надписалъ и разложилъ ихъ подъ стеклами въ ящикъ. Такъ какъ мы, братья, да и тетушка съ нѣкоторымъ презрѣніемъ смотрѣли на Митеньку за его низкіе вкусы и знакомства, то этотъ взглядъ усвоили себѣ и наши легкомысленные пріятели. Одинъ изъ такихъ, очень недалекій человѣкъ (инженеръ Ес., не столько по нашему выбору нашъ пріятель, но потому, что онъ липъ къ намъ) разъ, проходя черезъ комнату Митеньки, обратилъ вниманіе на минералы и спросилъ Митеньку; Ес. былъ не симпатиченъ, не натураленъ. Митенька отвѣтилъ неохотно. Ес. двинулъ ящикъ и потрясъ ихъ; Митенька сказалъ: „Оставьте!“ Ес. не послушался и что-то подшутилъ; кажется, назвалъ его Ноемъ. Митенька взбѣсился и своей огромной рукой ударилъ по лицу Ес. Ес. бросился бѣжать, Митенька за нимъ; когда они прибѣжали въ наши владѣнія, мы заперли двери. Но Митенька объявилъ намъ, что онъ исколотитъ его, когда онъ пойдетъ назадъ. Сережа и, кажется, Шуваловъ пошли усовѣщивать Митеньку, чтобы пропустилъ Ес. Но онъ взялъ половую щетку и объявилъ, что непремѣнно исколотитъ его. Не знаю, что бы было, если бы Ес. пошелъ черезъ его комнату, но онъ самъ просилъ какъ-нибудь провести его, и мы провели его, кое-гдѣ почти ползкомъ, черезъ пыльный чердакъ.

„Таковъ былъ Митенька въ свои минуты злобы. Но вотъ какимъ онъ былъ, когда ничто не выводило его изъ себя. Къ нашему семейству какъ-то пристроилась, взята была изъ жалости, самое странное и жалкое существо, нѣкто Любовь Сергѣевна, дѣвушка; не знаю, какую ей дали фамилію. Любовь Сергѣевна была плодъ кровосмѣшенія Протасова (изъ тѣхъ Протасовыхъ, отъ которыхъ Жуков-

Digitized by Google

скій). Какъ она попала къ намъ, не знаю. Слышалъ, что ее жалѣли, ласкали, хотѣли пристроить даже: выдать замужъ за Ѳедора Ивановича, но все это не удалось. Она жила сначала у насъ, я этого не помню; а потомъ ее взяла тетенька Пелагея Ильинишна въ Казань, и она жила у нея. Такъ что узналъ я ее въ Казани. Это было жалкое, кроткое, забитое существо. У нея была комнатка, и дѣвочка ей прислуживала. Когда я узналъ ее, она была не только жалка, но отвратительна. Не знаю, какая была у нея болѣзнь, но лицо ея было все распухлое такъ, какъ бываютъ запухлыя лица, искусанныя пчелами. Глаза виднѣлись въ узенькихъ щелкахъ между двумя запухшими, глянцевитыми, безъ бровей подушками. Также распухшіе, глянцевитые, желтые были щеки, носъ, губы, ротъ. И говорила она съ трудомъ, такъ какъ и во рту, вѣроятно, была та же опухоль. Лѣтомъ на лицо ея садились мухи, и она не чувствовала ихъ, и это было особенно непріятно видѣть. Волоса у ней были еще черные, но рѣдкіе, не скрывавшіе голый черепъ. Василій Ивановичъ Юшковъ, мужъ тетеньки, не добрый шутникъ, не скрывалъ своего отвращенія къ ней. Отъ нея всегда дурно пахло. А въ комнатѣ ея, гдѣ никогда не открывались окна и форточки, былъ удушливый запахъ. Вотъ эта-то Любовь Сергѣевна сдѣлалась другомъ Митеньки. Онъ сталъ ходить къ ней, слушать ее, говорить съ ней, читать ей. И, удивительное дѣло, мы такъ были нравственно тупы, что только смѣялись надъ этимъ; Митенька же былъ такъ нравственно высокъ, такъ независимъ отъ заботы о людскомъ мнѣніи, что никогда ни словомъ, ни намекомъ не показалъ, что онъ считаетъ хорошимъ то, что дѣлаетъ. Онъ только дѣлалъ. И это былъ не порывъ, а это продолжалось все время, пока мы жили въ Казани.

„Какъ мнѣ ясно теперь, что смерть Митеньки не уничтожила его, что онъ былъ прежде, чѣмъ я узналъ его, прежде, чѣмъ родился, и есть теперь, послѣ того какъ умеръ!“

Digitized by Google

Взглянемъ теперь на внутренній міръ Льва Николаевича того времени, насколько онъ намъ доступенъ.

Критическій возрастъ человѣка — юность — вводитъ его въ пучину страстей. Для обыкновеннаго человѣка это періодъ увлеченія всевозможными чувствами и страстями, исканія идеала, періодъ мечтаній и ожиданій и большею частью несбыточныхъ надеждъ. Можно себѣ представить тѣ внутреннія волненія, которыя переживала такая сильная во всѣхъ отношеніяхъ натура, какимъ и былъ и есть Толстой. Въ какихъ противорѣчіяхъ металась его душа! Къ какимъ недосягаемымъ высотамъ мысли возносила его крылатая мечта и съ какой стремительностью могъ онъ падать, срываясь съ этой высоты, увлеченный страстями своей сильной животной природы!

Указанія на эту бурную внутреннюю жизнь юношескаго періода мы встрѣчаемъ въ двухъ сочиненіяхъ Льва Николаевича: въ „Юности" и въ „Исповѣди". Въ первомъ произведеніи среди размышленій Николеньки Иртенева мы несомнѣнно встрѣчаемъ автобіографическія черты. Мысли, заимствуемыя нами изъ „Юности", большею частью идеальнаго характера и выражены въ прекрасной поэтической формѣ. Мы приводимъ здѣсь только важнѣйшія:

„Я сказалъ, что дружба моя съ Дмитріемъ открыла мнѣ новый взглядъ на жизнь, ея цѣль и отношенія. Сущность этого взгляда состояла въ убѣжденіи, что назначеніе человѣка есть стремленіе къ нравственному совершенствованію, и что усовершенствованіе это легко, возможно и вѣчно...

„Пришло время, когда эти мысли съ такою свѣжею силой моральнаго открытія пришли мнѣ въ голову, что я испугался, подумавъ о томъ, сколько времени я потерялъ даромъ, и тотчасъ же, ту же секунду, захотѣлъ прилагать эти мысли къ жизни, съ твердымъ намѣреніемъ никогда уже не измѣнять имъ. И съ этого времени я считаю начало юности.

„Мнѣ было въ то время шестнадцатый годъ въ исходѣ.

Digitized by Google

Учителя продолжали ходить ко мнѣ, и я поневолѣ и неохотно готовился къ университету".

Въ этотъ періодъ времени, который я считаю предѣломъ отрочества и началомъ юности, основой моихъ мечтаній были четыре чувства: любовь къ „ней", къ воображаемой женщинѣ, о которой я всегда мечталъ въ одномъ и томъ же смыслѣ и которую всякую минуту ожидалъ гдѣ-нибудь встрѣтить. Второе чувство было любовь любви. Мнѣ хотѣлось, чтобы меня всѣ знали и любили. Мнѣ хотѣлось сказать свое имя... и чтобы всѣ были поражены этимъ извѣстіемъ, обступили меня и благодарили бы за что-нибудь.

„Третье чувство была надежда на необыкновенное тщеславное счастіе,—такая сильная и твердая, что она переходила въ сумасшествіе. Четвертое и главное чувство было отвращеніе къ самому себѣ и раскаяніе, но раскаяніе до такой степени слитое съ надеждой на счастіе, что оно не имѣло въ себѣ ничего печальнаго. Я даже наслаждался въ отвращеніи къ прошедшему и старался видѣть его мрачнѣе, чѣмъ оно было. Чѣмъ чернѣе былъ кругъ воспоминаній прошедшаго, тѣмъ чище и свѣтлѣе выдавалась изъ него свѣтлая, чистая точка настоящаго и разливались радужные цвѣта будущаго. Этотъ-то голосъ раскаянія и страстнаго желанія совершенства и былъ главнымъ новымъ душевнымъ ощущеніемъ въ ту эпоху моего развитія, и онъ-то положилъ новыя начала моему взгляду на себя, на людей и на міръ Божій. Благой, отрадный голосъ, столько разъ съ тѣхъ поръ, въ тѣ грустныя времена, когда душа молча покорялась власти жизненной лжи и разврата, вдругъ смѣло возстававшій противъ всякой неправды, злостно обличавшій прошедшее, указывавшій, заставляя любить ее, ясную точку настоящаго и обѣщавшій добро и счастіе въ будущемъ,—благой, отрадный голосъ! Неужели ты перестанешь звучать когда-нибудь?" *).

*) Полн. собр. соч. Т. I, стр. 247.

Digitized by Google

Мы знаемъ, что, къ счастью для самого Льва Николаевича и для всѣхъ насъ, голосъ этотъ въ немъ не замолкалъ ни на минуту, и до сихъ поръ этотъ благой голосъ зоветъ его и насъ и движетъ нами, направляя насъ къ свѣтлому, безконечному идеалу.

Временами мечты эти ярко выражали начала того идеалистическаго натурализма, который легъ едва ли не въ основу большей части произведеній Толстого.

„Но луна все выше и выше, свѣтлѣе и свѣтлѣе стояла на небѣ, пышный блескъ пруда, равномѣрно усиливающійся, какъ звукъ, становился яснѣе и яснѣе, тѣни становились чернѣе и чернѣе, свѣтъ прозрачнѣе и прозрачнѣе, и, вглядываясь и вслушиваясь во все это, что-то говорило мнѣ, что „она“, съ обнаженными руками и пылкими объятіями, еще далеко - далеко не все счастіе, что и любовь къ ней далеко - далеко еще не все благо, и чѣмъ больше я смотрѣлъ на высокій, полный мѣсяцъ, тѣмъ истинная красота и благо казались выше и выше, чище и чище, и ближе и ближе къ Нему, къ источнику всего прекраснаго и благого, и слезы какой-то неудовлетворенной, но волнующей радости навертывались мнѣ на глаза.

„И все я былъ одинъ, и все казалось, что таинственно-величавая природа, притягивавшій къ себѣ свѣтлый кругъ мѣсяца, остановившійся зачѣмъ-то на одномъ высокомъ неопредѣленномъ мѣстѣ блѣдно-голубого неба и вмѣстѣ стоящій вездѣ и какъ будто наполняющій собой все необъятное пространство, и я, ничтожный червякъ, уже оскверненный всѣми мелкими бѣдными людскими страстями, но со всею необъятною могучею силой любви,—мнѣ все казалось въ эти минуты, что какъ будто природа, и луна, и я,—мы были одно и то же“ *).

Интересно взглянуть на списокъ литературныхъ произведеній, имѣвшихъ вліяніе на Льва Николаевича за періодъ

---

*) Полн. собр. соч. Т. I, стр. 391.

Digitized by Google

его юности, т.-е. приблизительно отъ 14—21 года, и способствовавшихъ выработкѣ подобнаго міросозерцанія.

Вотъ этотъ списокъ, служащій продолженіемъ уже приведеннаго въ главѣ „Отрочество“:

Названія произведеній:	Степень вліянія:
Евангеліе Матѳея. Нагорная проповѣдь.	Огромное.
Stern'a. Sentimental Journey.	Очень большое.
Rousseau: Confession.	Огромное.
„ Emil.	Огромное.
„ Nouvelle Héloise.	Очень большое.
Пушкинъ. Евгеній Онѣгинъ.	Очень большое.
Шиллеръ. Разбойники.	Очень большое.
Гоголь. Шинель, Ив. Ив. и Ив. Ник., Невскій проспектъ, Вій.	Большое.
Мертвыя души.	Очень большое.
Тургеневъ. Записки охотника.	Очень большое.
Дружининъ. Полинька Саксъ.	Очень большое.
Григоровичъ. Антонъ Горемыка.	Очень большое.
Диккенсъ. Давидъ Копперфильдъ.	Огромное.
Лермонтовъ. Герой нашего времени. Тамань.	Очень большое.
Прескоттъ. Завоеваніе Мексики.	Большое.

Рядомъ съ этимъ Левъ Николаевичъ испытывалъ на себѣ и тяжелое вліяніе тѣхъ условностей, которымъ подчинена была его барская жизнь. Однимъ изъ такихъ вліяній было такъ называемое „comme il faut“. Онъ посвящаетъ описанію этого вліянія цѣлую главу своей „Юности“. Мы беремъ изъ нея только самое существенное.

„Чувствую необходимость, — говоритъ Левъ Николаевичъ,—посвятить цѣлую главу этому понятію, которое въ моей жизни было однимъ изъ самыхъ пагубныхъ, ложныхъ понятій, привитыхъ мнѣ воспитаніемъ и обществомъ.

„Мое любимое и главное подраздѣленіе людей въ то время, о которомъ я пишу, было на людей comme il faut и на comme il ne faut pas. Второй родъ подраздѣляется еще на людей собственно не comme il faut и простой народъ. Людей comme il faut я уважалъ и считалъ достойными имѣть

Digitized by Google

со мной равныя отношенія; вторыхъ—притворялся, что презираю, но, въ сущности, ненавидѣлъ ихъ, питая къ нимъ какое-то оскорбленное чувство личности; третьи для меня не существовали—я ихъ презиралъ совершенно. Мое comme il faut состояло, первое и главное, въ отличномъ французскомъ языкѣ и особенно въ выговорѣ. Человѣкъ, дурно выговаривавшій по-французски, тотчасъ же возбуждалъ во мнѣ чувство ненависти. „Для чего же ты хочешь говорить какъ мы, когда не умѣешь?“ съ ядовитою насмѣшкой спрашивалъ я его мысленно.

„Второе условіе comme il faut были ногти длинные, отчищенные и чистые; третье было умѣнье кланяться, танцовать и разговаривать; четвертое, и очень важное, было равнодушіе ко всему и постоянное выраженіе нѣкоторой изящной, презрительной скуки.

„Страшно вспомнить, сколько безцѣннаго, лучшаго въ жизни шестнадцатилѣтняго времени я потратилъ на пріобрѣтеніе этого качества. Но ни потеря золотого времени, употребленнаго на постоянную заботу о соблюденіи всѣхъ трудныхъ для меня условій comme il faut, исключающихъ всякое серьезное увлеченіе, ни ненависть и презрѣніе къ девяти десятымъ рода человѣческаго, ни отсутствіе вниманія ко всему прекрасному, совершающемуся внѣ круга comme il faut,—все это еще было не главное зло, которое мнѣ причиняло это понятіе. Главное зло состояло въ томъ убѣжденіи, что comme il faut есть самостоятельное положеніе въ обществѣ, что человѣку не нужно стараться быть ни чиновникомъ, ни каретникомъ, ни солдатомъ, ни ученымъ, когда онъ comme il faut: что, достигнувъ этого положенія, онъ уже исполняетъ свое назначеніе и даже становится выше большей части людей.

„Въ извѣстную пору молодости, послѣ многихъ ошибокъ и увлеченій, каждый человѣкъ обыкновенно становится въ необходимость дѣятельнаго участія въ общественной жизни, избираетъ какую-нибудь отрасль труда и посвящаетъ себя

Digitized by Google

ей; но съ человѣкомъ comme il faut это рѣдко случается. Я зналъ и знаю очень, очень много людей старыхъ, гордыхъ, самоувѣренныхъ, рѣзкихъ въ сужденіяхъ, которые на вопросъ, если такой задастся имъ на томъ свѣтѣ: кто ты такой? и что ты тамъ дѣлалъ? — не будетъ въ состояніи отвѣтить иначе, какъ: „je fus un homme trés comme il faut“ „Эта участь ожидала меня“*).

Какъ сказалъ Левъ Николаевичъ въ разговорѣ съ нѣмецкимъ біографомъ Лёвенфельдомъ, рядомъ съ учебными университетскими занятіями, вообще мало интересовавшими его, въ немъ развился интересъ къ самостоятельной умственной работѣ, вызванной данной ему темой сравненія „Esprit des lois“ Montesquieux и „Наказомъ“ Екатерины.

Дневники Льва Николаевича того времени полны мыслями, замѣтками и комментаріями къ этой работѣ и рядомъ съ этой работой толпится цѣлый рой мыслей, какъ будто разсудокъ, прежде спавшій и вдругъ пробужденный, принялся за дѣятельную работу во всѣхъ областяхъ своихъ.

Въ мартѣ 1847 года Левъ Николаевичъ лежалъ въ казанской клиникѣ по какому-то нездоровью. Досугъ болѣзни и больничное одиночество наводили его на размышленія о значеніи Разума.

„Общество есть часть міра. Надо Разумъ согласовать съ міромъ, съ цѣлымъ, познавая законы его, и тогда можно стать независимымъ отъ части, отъ общества“.

Мы видимъ изъ этой замѣтки, что 18-лѣтній юноша уже носилъ въ себѣ зачатки будущаго анархизма.

Замѣчая въ себѣ проявленіе страсти къ знанію, Левъ Николаевичъ сейчасъ же спохватывается и, опасаясь уйти въ теорію, задаетъ себѣ вопросы о приложеніи знанія къ практикѣ, а главное, къ выработкѣ въ себѣ нравственнаго идеала и нравственнаго поведенія.

---

*) Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. Т. I. Изд. 10-е. Стр. 381. Москва.

Digitized by Google

Такъ онъ записываетъ между прочимъ въ своемъ дневникѣ того времени (мартъ 1847 г.):

„Я много перемѣнился, но все еще не достигъ той степени совершенства (въ занятіяхъ), котораго бы мнѣ хотѣлось достигнуть. Я не исполняю того, что себѣ предписываю; что исполняю, то исполняю не хорошо, не изощряю памяти. Для этого пишу здѣсь нѣкоторыя правила, которыя, какъ мнѣ кажется, много мнѣ помогутъ, ежели я буду имъ слѣдовать:

1) Что назначено непремѣнно исполнить, то исполняй, несмотря ни на что.

2) Что исполняешь, исполняй хорошо.

3) Никогда не справляйся въ книгѣ, что забылъ, а постарайся самъ припомнить.

4) Заставляй постоянно умъ твой дѣйствовать со всею ему возможною силою.

5) Читай и думай всегда громко.

6) Не стыдись говорить людямъ, которые тебѣ мѣшаютъ, что они мѣшаютъ; сначала дай почувствовать, а ежели они не понимаютъ (что они мѣшаютъ), то извинись и скажи имъ это“.

По поводу своей университетской работы, онъ приходитъ къ тому заключенію, что въ „Наказѣ“ Екатерины проявляются два начала: революціонныя идеи современной Европы и деспотизмъ самой Екатерины и тщеславіе ея; послѣднее начало преобладаетъ. Республиканскія идеи заимствованы ею изъ Монтескье. Въ заключеніе Левъ Николаевичъ приходитъ къ тому выводу, что „Наказъ“ принесъ больше славы Екатеринѣ, чѣмъ пользы Россіи.

Рѣшившись оставить университетъ и переѣхать въ деревню, Левъ Николаевичъ даетъ себѣ обѣщаніе заниматься англійскимъ и латинскимъ языкомъ и римскимъ правомъ, вѣроятно чувствуя по этимъ предметамъ пробѣлы въ своемъ знаніи.

Но по мѣрѣ того, какъ приближалось время отъѣзда,

Digitized by Google

планы и мечты о новой жизни расширялись и, наконецъ, 17-го апрѣля 1847 года онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ:

„Перемѣна въ образѣ жизни должна произойти; но нужно, чтобы эта перемѣна не была произведеніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, но произведеніемъ души“, и далѣе:

„Цѣль жизни есть сознательное стремленіе къ всестороннему развитію всего существующаго“.

Цѣль жизни въ деревнѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ:

1) Изучить весь курсъ юридическихъ наукъ, нужныхъ для окончательнаго экзамена въ университетъ. 2) Изучить практическую медицину и часть теоретической. 3) Изучить языки: французскій, русскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій и латинскій. 4) Изучить сельское хозяйство, какъ теоретически, такъ и практически. 5) Изучить исторію, географію и статистику. 6) Изучить математику—гимназическій курсъ. 7) Написать диссертацію. 8) Достигнуть высшей степени совершенства въ музыкѣ и живописи. 9) Написать правила и 10) получить нѣкоторыя познанія въ естественныхъ наукахъ. 11) Составить сочиненія изъ всѣхъ предметовъ, которые буду изучать“.

Вся послѣдующая жизнь Льва Николаевича въ деревнѣ исполнена такихъ мечтаній, благихъ начинаній и серьезной искренней борьбой надъ самимъ собой въ стремленіи къ совершенствованію.

Съ неподражаемою искренностью записываетъ онъ всякое уклоненіе отъ постановленнаго правила, всякое паденіе и снова собирается съ силами на новую борьбу.

Отношеніе къ женщинамъ уже тогда безпокоитъ его, и вотъ какой интересный совѣтъ даетъ онъ себѣ:

„Смотри на общество женщинъ какъ на необходимую непріятность жизни общественной и, сколько можно, удаляйся отъ нихъ.

„Въ самомъ дѣлѣ: отъ кого получаемъ мы сластолюбіе, изнѣженность, легкомысліе во всемъ и множество другихъ пороковъ, какъ не отъ женщинъ? Кто виноватъ въ томъ,

Digitized by Google

что мы лишаемся врожденныхъ въ насъ чувствъ: смѣлости, твердости, разсудительности, справедливости и другихъ— какъ не женщины. Женщина воспріимчивѣе мужчины, поэтому въ вѣка добродѣтели женщины были лучше насъ; въ теперешній же развратный, порочный вѣкъ — онѣ хуже насъ".

Опять мы видимъ зачатки позднѣйшихъ взглядовъ на жизнь.

Къ этому же періоду относятся также и первые философскіе опыты Льва Николаевича.

Читая Руссо, Левъ Николаевичъ пишетъ комментаріи къ его „Discours".

Затѣмъ сохранилась его самостоятельная философская статья, написанная въ 1846—47 году, т.-е. когда ему было 18 лѣтъ. Статья эта носитъ названіе: „О цѣли философіи". При чемъ философіи дается такое опредѣленіе:

„Человѣкъ стремится, т.-е. человѣкъ дѣятеленъ. Куда направлена его дѣятельность? Какимъ образомъ сдѣлать эту дѣятельность свободной? Въ этомъ заключается цѣль философіи въ ея истинномъ значеніи. Другими словами: философія есть наука жизни".

Кромѣ того, есть наброски на разныя темы, какъ, напримѣръ: „О разсужденіи касательно будущей жизни", „Опредѣленіе времени, пространства и числа", „Методы", „Раздѣленіе философіи" и т. д.

Къ этому времени относится также слѣдующій эпизодъ, записанный графиней Толстой:

„Во время студенчества, Левъ Николаевичъ разъ задумался о томъ, что такое симметрія, и написалъ самъ на это философскую статью въ видѣ разсужденія. Статья эта лежала на столѣ въ его комнатѣ, когда въ комнату вошелъ товарищъ братьевъ Толстыхъ Шуваловъ съ бутылками во всѣхъ карманахъ, собираясь пить. Онъ случайно увидалъ на столѣ эту статью и прочелъ ее. Его заинтересовала эта статья, и онъ спросилъ, откуда Левъ Николаевичъ списалъ

Digitized by Google

ее. Левъ Николаевичъ робко отвѣтилъ, что онъ ее самъ сочинилъ. Шуваловъ засмѣялся и сказалъ, что это онъ вретъ, что не можетъ этого быть: слишкомъ показалось глубоко и умно для такого юноши. Такъ и не повѣрилъ, съ тѣмъ и ушелъ" *).

Уже этотъ небольшой разсказъ показываетъ намъ, насколько уровень развитія Льва Николаевича не соотвѣтствовалъ окружающей его средѣ и превышалъ ее.

„Исповѣдь" Льва Николаевича раскрываетъ намъ его внутренній міръ того времени еще съ другой стороны—религіозной.

„Помню,—говоритъ Левъ Николаевичъ,—что, когда старшій братъ мой Дмитрій, будучи въ университетѣ, вдругъ со свойственной его натурѣ страстностью предался вѣрѣ и сталъ ходить ко всѣмъ службамъ, поститься, вести чистую, нравственную жизнь, то мы всѣ и даже старшіе, не переставая, поднимали его на смѣхъ и прозвали почему-то Ноемъ. Помню, Мусинъ-Пушкинъ, бывшій тогда попечителемъ Казанскаго университета, звавшій насъ къ себѣ танцовать, насмѣшливо уговаривалъ отказывающагося брата тѣмъ, что и Давидъ плясалъ передъ ковчегомъ. Я сочувствовалъ тогда этимъ шуткамъ старшихъ и выводилъ изъ нихъ заключеніе о томъ, что учить катехизисъ надо, ходить въ церковь надо, но слишкомъ серьезно всего этого не надо принимать. Помню еще, что я очень молодымъ читалъ Вольтера, и насмѣшки его не только не возмущали, но очень веселили меня.

„Отпаденіе мое отъ вѣры произошло во мнѣ такъ же, какъ оно происходило и происходитъ теперь въ людяхъ нашего склада образованія. Оно, какъ мнѣ кажется, происходитъ въ большинствѣ случаевъ такъ: люди живутъ такъ, какъ всѣ живутъ, а всѣ живутъ на основаніи началъ, не только не имѣющихъ ничего общаго съ вѣроученіемъ, но

*) Записки гр. С. А. Толстой.

Digitized by Google

большею частью противоположныхъ ему; вѣроученіе не участвуетъ въ жизни, а въ сношеніяхъ съ другими людьми никогда не приходится сталкиваться съ нимъ и самому въ собственной жизни никогда не приходится справляться съ нимъ; вѣроученіе это исповѣдуется гдѣ-то тамъ, вдали отъ жизни и независимо отъ нея; если сталкиваешься съ нимъ, то только какъ съ внѣшнимъ, не связаннымъ съ жизнью явленіемъ.

„Сообщенное мнѣ съ дѣтства вѣроученіе исчезло во мнѣ такъ же, какъ и въ другихъ, съ той только разницей, что такъ какъ я съ 15-ти лѣтъ сталъ читать философскія сочиненія, то мое отреченіе отъ вѣроученія очень рано стало сознательнымъ. Я съ 16-ти лѣтъ пересталъ становиться на молитву и пересталъ по собственному побужденію ходить въ церковь и говѣть. Я не вѣрилъ въ то, что мнѣ было сообщено съ дѣтства, но я вѣрилъ во что-то. Во что я вѣрилъ, я никакъ бы не могъ сказать. Вѣрилъ я и въ Бога, или, скорѣе, я не отрицалъ Бога, но какого Бога, я бы не могъ сказать. Не отрицалъ я и Христа и Его ученіе, но въ чемъ было Его ученіе, я тоже не могъ бы сказать.

„Теперь, вспоминая то время, я вижу ясно, что вѣра моя— то, что, кромѣ животныхъ инстинктовъ, двигало моею жизнью,—единственная истинная вѣра моя въ то время была вѣра въ совершенствованіе. Но въ чемъ было совершенствованіе и какая была цѣль его, я бы не могъ сказать. Я старался совершенствовать свою волю, — составлялъ себѣ правила, которымъ старался слѣдовать; совершенствовалъ себя физически, всякими упражненіями изощряя силу и ловкость и всякими лишеніями пріучая себя къ выносливости и терпѣнію. И все это я считалъ совершенствованіемъ. Началомъ всего было, разумѣется, нравственное совершенствованіе, но скоро оно подмѣнилось совершенствованіемъ вообще, т.-е. желаніемъ быть лучше не передъ самимъ собой или передъ Богомъ, а желаніемъ быть лучше передъ другими людьми. И очень скоро это стремленіе быть лучше

Digitized by Google

передъ людьми подмѣнилось желаніемъ быть сильнѣе другихъ людей, т.-е. славнѣе, важнѣе, богаче другихъ".

И далѣе начинается то страшное покаяніе, которое, обличая грѣхи Льва Николаевича, въ то же время обличаетъ и нашу душу, въ большинствѣ случаевъ прошедшую черезъ эти дебри разврата, быть-можетъ, совершавшагося нами не съ такими исполинскими размахами и не со столь искреннимъ сознаніемъ своей неправоты.

„Когда-нибудь я разскажу исторію моей жизни—и трогательную и поучительную въ эти десять лѣтъ моей молодости. Думаю, что многіе и многіе испытали то же. Я всей душой желалъ быть хорошимъ; но я былъ молодъ, у меня были страсти, я былъ одинъ, совершенно одинъ, когда искалъ хорошаго. Всякій разъ, когда я пытался высказывать то, что составляло самыя задушевныя мои желанія, то, что я хочу быть нравственно хорошимъ, я встрѣчалъ презрѣніе и насмѣшки; а какъ только я предавался гадкимъ страстямъ, меня хвалили и поощряли.

„Честолюбіе, властолюбіе, корыстолюбіе, любострастіе, гордость, гнѣвъ, месть—все это уважалось. Отдаваясь этимъ страстямъ, я становился похожъ на большого, и я чувствовалъ, что мною довольны. Добрая тетушка моя, чистѣйшее существо, съ которой я жилъ, всегда говорила мнѣ, что она ничего не желала бы такъ для меня, какъ того, чтобы я имѣлъ связь съ замужнею женщиной: rien ne forme un jeune homme, comme une liaison avec une femme comme il faut; еще другого счастія она желала мнѣ, того, чтобы я былъ адъютантомъ, и лучше всего у государя; и самаго большаго счастія—того, чтобъ я женился на очень богатой дѣвушкѣ и чтобъ у меня, вслѣдствіе этой женитьбы, было какъ можно больше рабовъ.

„Безъ ужаса, омерзенія и боли сердечной не могу вспомнить объ этихъ годахъ. Я убивалъ людей на войнѣ, вызывалъ на дуэли, чтобы убить, проигрывалъ въ карты, проѣдалъ труды мужиковъ, казнилъ ихъ, блудилъ, обманывалъ.

Digitized by Google

Ложь, воровство, любодѣяніе всѣхъ родовъ, пьянство, насиліе, убійство... Не было преступленія, котораго бы я не совершалъ, и за все это меня хвалили, считали и считаютъ мои сверстники сравнительно нравственнымъ человѣкомъ.

„Такъ я жилъ десять лѣтъ“ *).

Начало этого бурнаго десятилѣтняго періода застаетъ Льва Николаевича въ деревнѣ.

Къ этому времени слѣдуетъ отнести попытки Льва Николаевича хозяйствовать на новыхъ началахъ, а главное — попытки установленія правильныхъ разумно-дружелюбныхъ отношеній съ крестьянами, которыя окончились такъ неудачно и неудача которыхъ такъ ярко изображена въ разсказѣ: „Утро помѣщика“. Въ этомъ разсказѣ такъ много, если не фактически, то психологически автобіографическаго матеріала, что его можно поставить намъ, какъ главу біографіи.

Заимствуемъ оттуда письмо кн. Нехлюдова къ своей тетушкѣ:

„Милая тетушка!

„Я принялъ рѣшеніе, отъ котораго должна зависѣть участь всей моей жизни. Я выхожу изъ университета, чтобы посвятить себя жизни въ деревнѣ, потому что чувствую, что рожденъ для нея. Ради Бога, милая тетушка, не смѣйтесь надо мной. Вы скажете, что я молодъ; можетъ-быть, точно, я еще ребенокъ, но это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать мое призваніе, желать дѣлать добро и любить его.

„Какъ я вамъ писалъ уже, я нашелъ дѣла въ неописанномъ разстройствѣ. Желая ихъ привести въ порядокъ и вникнувъ въ нихъ, я открылъ, что главное зло заключается въ самомъ жалкомъ, бѣдственномъ положеніи мужиковъ, и зло такое, которое можно исправить только трудомъ и терпѣніемъ. Если бы вы только могли видѣть двухъ моихъ мужиковъ,

---

*) „Исповѣдь“. Изд. Своб. Слова. Стр. 2 и слѣд.

Digitized by Google

Давыда и Ивана, и жизнь, которую они ведутъ съ своими семействами, я увѣренъ, что одинъ видъ этихъ двухъ несчастныхъ убѣдилъ бы васъ больше, чѣмъ все то, что я могу сказать вамъ, чтобы объяснить мое намѣреніе. Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться о счастіи этихъ семисотъ человѣкъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣчать Богу? Не грѣхъ ли покидать ихъ на произволъ грубыхъ старостъ и управляющихъ, изъ-за плановъ наслажденія или честолюбія? И зачѣмъ искать въ другой сферѣ случаевъ быть полезнымъ и дѣлать добро, когда мнѣ открывается такая благородная, блестящая и ближайшая обязанность? Я чувствую себя способнымъ быть хорошимъ хозяиномъ; а для того, чтобы быть имъ, какъ я разумѣю это слово, не нужно ни кандидатскаго диплома, ни чиновъ, которыхъ вы такъ желаете для меня. Милая тетушка, не дѣлайте за меня честолюбивыхъ плановъ, привыкните къ мысли, что я пошелъ по совершенно особенной дорогѣ, но которая хороша и, я чувствую, приведетъ меня къ счастью. Я много и много передумалъ о своей будущей обязанности, написалъ себѣ правила дѣйствій, и если только Богъ дастъ мнѣ жизни и силъ, я успѣю въ своемъ предпріятіи...“ *)

Если Левъ Николаевичъ и не писалъ въ дѣйствительности этого письма, то, несомнѣнно, подобныя мысли и желанія обуревали его молодую душу и давали направленіе его жизни.

Какъ мы знаемъ изъ этого разсказа, попытка Льва Николаевича кончилась неудачей. И оно не могло быть иначе. Искренность Льва Николаевича не могла вынести положенія благотворителя своихъ рабовъ, т.-е. людей, уязвленныхъ въ самомъ цѣнномъ для этихъ людей—ихъ духовномъ достоинствѣ.

Левъ Николаевичъ не вынесъ этого противорѣчія (а быть „холоднымъ и строгимъ человѣкомъ“, какъ совѣтовала те-

*) Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. Т. 2-й, стр. 5—6.

Digitized by Google

тушка въ своемъ отвѣтномъ письмѣ, онъ не могъ) и, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, онъ круто измѣнилъ свою жизнь.

Проживъ лѣто въ Ясной Полянѣ, Левъ Николаевичъ осенью того же 47-го года отправился въ Петербургъ, гдѣ въ началѣ 48-го года началъ держать кандидатскій экзаменъ.

„Въ 48-мъ году,—говоритъ онъ въ своей статьѣ о воспитаніи и образованіи,—я держалъ экзаменъ на кандидата въ Петербургскомъ университетѣ и буквально ничего не зналъ и буквально началъ готовиться за недѣлю до экзамена. Я не спалъ ночи и получилъ кандидатскіе баллы изъ гражданскаго и уголовнаго права, готовясь изъ каждаго предмета не болѣе недѣли“ *).

Лёвенфельду Левъ Николаевичъ такъ разсказывалъ объ этомъ времени:

„Мнѣ очень было пріятно жить въ деревнѣ съ тетушкой Ергольской, но неопредѣленная жажда знанія снова увлекла меня вдаль. Это было въ 1848 году, я все еще не зналъ, что мнѣ предпринять. Въ Петербургѣ мнѣ открывались двѣ дороги. Я могъ вступить въ армію, чтобы принять участіе въ венгерскомъ походѣ, и могъ закончить мои университетскія занятія, чтобы получить себѣ потомъ мѣсто чиновника. Но моя жажда знанія побѣдила мое честолюбіе, и я снова принялся за занятія. Я выдержалъ даже два экзамена по уголовному праву, но затѣмъ всѣ мои благія намѣренія рухнули. Наступила весна, и прелесть деревенской жизни снова потянула меня въ имѣніе“ **).

Этотъ періодъ петербургской жизни мы можемъ болѣе подробно прослѣдить по письмамъ Льва Николаевича къ своему брату Сергѣю, изъ которыхъ мы приводимъ выдержки, имѣющія общій интересъ:

---

*) Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. Изд. 10-е. Москва. 1897 г. Т. IV, стр. 143.

**) R. Löwenfeld. Gespräche mit und über Tolstoy. S. 87.

Digitized by Google

Л. Н. ТОЛСТОЙ ПО ВЫХОДѢ ИЗЪ УНИВЕРСИТЕТА
въ 1848 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

13 февраля 1848 года онъ писалъ брату:

„Я пишу тебѣ это письмо изъ Петербурга, гдѣ я и намѣренъ остаться навѣки... Я рѣшился здѣсь остаться держать экзаменъ и потомъ служить; ежели же не выдержу (все можетъ случиться), то и съ 14-го класса начну служить, я много знаю чиновниковъ 2-го разряда, которые не хуже и васъ, перворазрядныхъ, служатъ. Короче тебѣ скажу, что петербургская жизнь на меня имѣетъ большое и доброе вліяніе: она меня пріучаетъ къ дѣятельности и замѣняетъ для меня невольно расписаніе; какъ-то нельзя ничего не дѣлать, всѣ заняты, всѣ хлопочутъ, да и не найдешь человѣка, съ которымъ бы можно было вести безпутную жизнь—одному нельзя же.

„Я знаю, что ты никакъ не повѣришь, чтобы я перемѣнился, скажешь: „это ужъ въ 20-ый разъ и все изъ тебя пути нѣтъ“,„самый пустяшный малый“,—нѣтъ, я теперь совсѣмъ иначе перемѣнился, чѣмъ прежде мѣнялся; прежде я скажу себѣ: „дай-ка я перемѣнюсь“, а теперь я вижу, что я перемѣнился, и говорю: „я перемѣнился“.

„Главное то, что я вполнѣ убѣжденъ теперь, что умозрѣніемъ и философіей жить нельзя, а надо—жить положительно, т.-е. быть практическимъ человѣкомъ. Это большой шагъ и большая перемѣна, еще этого со мной ни разу не было. Ежели же кто хочетъ жить и молодъ, то въ Россіи нѣтъ другого мѣста, какъ Петербургъ; какое бы направленіе кто ни имѣлъ, всему можно удовлетворить, все можно развить, и легко, безъ всякаго труда. Что же касается до средствъ къ жизни, то для холостого жизнь здѣсь вовсе не дорогая и, напротивъ, дешевле и лучше московской, исключая квартиръ.

„Всѣмъ нашимъ передай, что я всѣхъ цѣлую и кланяюсь, и что лѣтомъ въ деревнѣ, можетъ, буду, можетъ, нѣтъ: мнѣ хочется лѣтомъ взять отпускъ и поѣздить по окрестностямъ Петербурга, въ Гельсингфорсъ и въ Ревель тоже хочу съѣздить. Напиши мнѣ, ради Бога, хоть разъ въ

Digitized by Google

жизни; мнѣ хочется знать, какъ ты и всѣ наши эту новость примутъ; проси и ихъ отъ меня писать, я же писать къ нимъ боюсь, такъ давно не писалъ я къ нимъ, что они, вѣрно, сердятся, особенно передъ тетенькой Татьяной Александровной мнѣ совѣстно, попроси у нея отъ меня прощенія".

Увы! этимъ благимъ намѣреніямъ не сразу суждено было осуществиться. Какъ ни странно писать это теперь про Льва Николаевича, но тогда братъ его съ нѣкоторымъ правомъ называлъ его „пустяшный малый", въ чемъ Левъ Николаевичъ и самъ ему признавался.

Такъ въ письмѣ отъ 1-го мая 1848 года онъ пишетъ брату:

„Сережа! ты, я думаю, уже говоришь, что я „самый пустяшный малый", и говоришь правду. Богъ знаетъ, что я надѣлалъ? Поѣхалъ безъ всякой причины въ Петербургъ, ничего тамъ нужнаго не сдѣлалъ, только прожилъ пропасть денегъ и задолжалъ. Глупо! Невыносимо глупо! Ты не повѣришь, какъ это меня мучаетъ. Главное, долги, которые мнѣ нужно заплатить и какъ можно скорѣе; потому что, ежели я ихъ заплачу не скоро, то я сверхъ денегъ потеряю и репутацію. Мнѣ до новаго дохода необходимо 3500 руб. сер.: 1200 въ Опекунскій Совѣтъ, 1600 заплатить долги, 700 руб. на прожитокъ. Я знаю, ты будешь ахать, но что же дѣлать? глупость дѣлаютъ разъ въ жизни. Надо мнѣ было поплатиться за свою свободу (Некому было сѣчь. Это главное несчастіе) и философію, вотъ я и поплатился. Сдѣлай милость, похлопочи, чтобы вывести меня изъ фальшиваго и гадкаго положенія, въ которомъ я теперь—безъ гроша денегъ и кругомъ долженъ.

„Ты знаешь, вѣрно, что наши войска всѣ идутъ въ походъ, и что часть (2 корпуса) перешли границу и, говорятъ, уже въ Вѣнѣ.

„Я началъ было держать экзаменъ на кандидата и выдержалъ два хорошо, но теперь перемѣнилъ намѣреніе и хочу

Digitized by Google

вступить юнкеромъ въ конно-гвардейскій полкъ. Мнѣ совѣстно писать это тебѣ, потому что я знаю, что ты меня любишь, и тебя огорчатъ всѣ мои глупости и безосновательность. Я даже нѣсколько разъ вставалъ и краснѣлъ отъ этого письма, что и ты будешь дѣлать, читая его, но что дѣлать, прошедшаго не перемѣнишь, а будущее зависитъ отъ меня.

„Богъ дастъ и я исправлюсь и сдѣлаюсь когда-нибудь порядочнымъ человѣкомъ; больше всего я надѣюсь на юнкерскую службу, она меня пріучитъ къ практической жизни и volens-nolens мнѣ надо будетъ служить до офицерскаго чина. Съ счастьемъ, т.-е. ежели гвардія будетъ въ дѣлѣ, я могу быть произведенъ и прежде 2-лѣтняго срока. Гвардія идетъ въ походъ въ концѣ мая. Я теперь ничего не могу дѣлать, потому что, во-первыхъ, нѣтъ денегъ, которыхъ мнѣ нужно немного (все, кажется), а во-вторыхъ, два метрическія свидѣтельства въ Ясной; вели ихъ прислать какъ можно скорѣе. Не сердись на меня, пожалуйста, а то я теперь слишкомъ чувствую свое ничтожество, и исполни поскорѣй мои порученія. Прощай, не показывай письма этого тетенькѣ, я не хочу ее огорчать“.

Вскорѣ и эти планы были оставлены. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ къ брату Левъ Николаевичъ пишетъ:

„Въ послѣднемъ письмѣ моемъ писалъ тебѣ разныя глупости, изъ которыхъ главная та, что я былъ намѣренъ вступить въ конно-гвардію; теперь же я этотъ планъ оставляю только въ томъ случаѣ, ежели экзамена не выдержу и война будетъ серьезная“.

Вѣроятно, онъ не нашелъ войну достаточно „серьезною“, потому что въ военную службу не поступилъ.

Весною онъ возвращается въ Ясную Поляну и везетъ съ собою изъ Петербурга пьющаго талантливаго нѣмца-музыканта, съ которымъ онъ познакомился у друзей своихъ Перфильевыхъ, и страстно отдается музыкѣ. Этого нѣмца звали Рудольфомъ.

Digitized by Google

Затѣмъ, до своего отъѣзда на Кавказъ въ 1851 году, Левъ Николаевичъ проводитъ время частью въ Москвѣ, частью въ Ясной Полянѣ. Вотъ тутъ-то періодъ аскетизма, а потомъ кутежей, охоты, картъ, цыганъ.

За эти три года жизни Левъ Николаевичъ дѣйствительно перепробовалъ все, что можетъ быть доступно сильной, страстной, даровитой молодой натурѣ.

За это время онъ не писалъ дневника. Ему было некогда. Только съ половины 1850 года онъ снова берется за него, и начинаетъ онъ его, конечно, покаяніемъ и самообличеніемъ и выражаетъ желаніе откровенно записать свои воспоминанія объ этихъ „безпутно проведенныхъ 3-хъ годахъ своей жизни“.

Желая начать правильную жизнь, онъ составляетъ себѣ распредѣленіе дня съ утра до вечера: хозяйство, купанье, дневникъ, музыка, ѣда, отдыхъ, чтеніе, купанье, хозяйство.

Но, разумѣется, эти расписанія и правила не выполняются, и въ дневникѣ снова отмѣчается недовольство собой.

Этотъ періодъ борьбы съ самимъ собой продолжается цѣлые мѣсяцы, и вдругъ прорывается волна бурной страсти, сламывающей всѣ внѣшнія преграды.

Какъ утопающій хватается за соломинку, такъ и онъ, увлекаемый страстями, хватался за разныя чувства, которыя могли бы его удержать отъ гибели. Однимъ изъ такихъ чувствъ было самолюбіе.

„Люди, которыхъ я считаю нравственно ниже себя, дѣлаютъ дурныя дѣла лучше меня“, писалъ онъ въ своемъ дневникѣ, и потому эти дурныя дѣла становились ему противны, и онъ бросалъ ихъ.

Спокойная жизнь въ деревнѣ часто помогала ему, утишая его страсти.

Замѣчательно, что нравственная, благородная струнка звучала въ немъ даже въ такихъ пошлыхъ занятіяхъ, какъ въ картежной игрѣ. Это была едва ли не одна изъ самыхъ сильныхъ страстей его. Но и тутъ онъ сдерживаетъ себя

Digitized by Google

правиломъ чести: „играть только съ богатыми“, т.-е., чтобы выигрышъ не могъ нанести матеріальнаго ущерба, унизить, разорить игрока.

Часто, не въ силахъ будучи совладать съ собой, онъ приходилъ въ отчаяніе, но потомъ снова ободрялся и записывалъ въ дневникѣ:

„Живу совершенно скотски, хотя и не совсѣмъ безпутно, занятія свои почти всѣ оставилъ, и духомъ очень упалъ“.

Будучи стѣсненнымъ въ деньгахъ, онъ замышлялъ даже торговое предпріятіе: хотѣлъ снять почтовую станцію въ Тулѣ. Это было въ концѣ 1850 года. Къ счастью, дѣло это не состоялось, и онъ избѣжалъ такимъ образомъ много бѣдствій, которыя причинило бы ему столь не свойственное ему занятіе. Размышляя о своихъ неудачахъ, онъ разъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

Вотъ причины многихъ ошибокъ:

1) Нерѣшительность, т.-е. недостатокъ энергіи, 2) обманываніе самого себя, 3) торопливость, 4) fausse honte, 5) дурное расположеніе духа, 6) сбивчивость, 7) подражаніе, 8) непостоянство, 9) необдуманность.

Зиму 1850—51 года онъ проводитъ большую часть въ Москвѣ, откуда часто пишетъ своей теткѣ въ Ясную, разсказывая различныя подробности своей жизни. Въ одномъ письмѣ онъ такъ описываетъ свою квартиру и вообще внѣшнюю обстановку жизни:

„Il se compose de 4 chambres—une salle à manger, où j'ai déjà un royalino, que j'ai loué, un salon meublé de divans, chaises et tables en bois de noyer et couverts de drap rouge et orné de trois grandes glaces, un cabinet où j'ai ma table à écrire, mon bureau et mon divan qui me rappelle toujours nos disputes au sujet de ce meuble et une chambre assez grande pour être chambre à coucher et cabinet de toilette et par dessus tout cela une petite anti-chambre.

Je dîne à la maison avec des щи et du каша, dont je me con-

Digitized by Google

tente parfaitement. Je n'attends que les confitures et la наливка pour avoir tout selon mes habitudes de la campagne.

J'ai un traineau pour 40 r. arg., c'est un пошевни, une espèce de traineau très à la mode. Serge doit savoir ce que c'est; j'ai acheté tout l'attirail pour l'attelage que j'ai pour ce moment très élégant" *).

Повидимому, тетушка его очень опасается за его поведеніе въ Москвѣ, даетъ ему совѣты и старается оградить отъ дурного знакомства, такъ какъ въ слѣдующемъ письмѣ онъ ей пишетъ:

„Pourquoi ètes-vous tellement monté contre Islénieff — si c'est pour m'en détourner — c'est inutil puisqu'il n'est pas à Moscou. Tout ce que vous dites au sujet de la perversité du jeu est très vrai et me revient souvent à l'esprit, c'est pourquoi je crois que je ne jouerai plus. „Je crois", mais j'espère bientôt vous dire pour sûr.

Tout ce que vous dites de la société est vrai, aussi comme tout ce que vous dites surtout dans vos lettres — primo parce que vous écrivez comme M-me de Sévigné et secondo — parce que je ne puis, selon mes habitudes, disputer. Vous dites aussi beaucoup de bon sur ma personne. Je suis convaincu que les louages font autant de bien que de mal. Elles font du bien parce qu'elles maintiennent dans les bonnes qualités, qu'on loue,

*) Она состоитъ изъ 4-хъ комнатъ—столовой, гдѣ у меня уже есть роялино, которое я взялъ на прокатъ, гостиная съ диваномъ, стульями и столами, орѣховаго дерева, покрытыми краснымъ сукномъ, и украшенная тремя большими зеркалами; кабинетъ, гдѣ стоитъ мой письменный столъ, бюро и диванъ, который напоминаетъ мнѣ всѣ наши споры объ этой мебели, и еще комната, довольно большая, чтобы служить спальной и уборной и, сверхъ того, маленькая передняя.

Я обѣдаю дома щами и кашей, чѣмъ я вполнѣ довольствуюсь. Жду только варенье и наливку, чтобы имѣть все, къ чему я привыкъ въ деревнѣ.

У меня есть сани, за сорокъ рублей, это пошевни, родъ саней, теперь въ модѣ. Сережа долженъ знать, что это такое. Я купилъ всю упряжь, и она у меня теперь очень изящна.

Digitized by Google

et du mal parce qu'elles augmentent l'amour propre. Je suis sûr que les vôtres ne peuvent que me faire du bien pour la raison qu'elles sont dictées par une amitié sincère — cela va sans dire, autant que je le meriterai.

Je crois les avoir méritées, pendant tout le temps de mon séjour à Moscou, je suis content de moi" *).

Онъ наѣзжаетъ и въ Ясную, откуда снова въ мартѣ 1851 года онъ ѣдетъ въ Москву; вернувшись изъ этой поѣздки, онъ писалъ въ дневникѣ, что цѣль пріѣзда въ Москву была троякая: игра, женитьба и полученіе мѣста. И ни одна изъ этихъ цѣлей не была достигнута. Къ игрѣ онъ тогда почувствовалъ отвращеніе, сознавая всю низость этого занятія; женитьбу отложилъ, потому что на-лицо не было ни одного изъ трехъ извѣстныхъ ему основаній женитьбы: любви, разсудка, судьбы. Мѣста онъ не могъ получить за неимѣніемъ какихъ-то нужныхъ для этого бумагъ.

Въ это свое пребываніе въ Москвѣ онъ пишетъ своей теткѣ Татьянѣ Александровнѣ, отъ 8-го марта:

„Dernièrement dans un ouvrage que je lisais, l'auteur disait que les premières indices du printemps agissent ordinere-

*) Зачѣмъ вы такъ возмущены Исленевымъ, если это для того, чтобы меня отъ него отвратить,—это безполезно, потому что его нѣтъ въ Москвѣ. Все, что вы говорите о развращающемъ вліяніи игры—вѣрно и часто мнѣ приходитъ на умъ, вотъ почему я думаю, что я больше играть не буду. „Я думаю", но надѣюсь скоро сказать это навѣрно.

Все, что вы говорите объ обществѣ, вѣрно, такъ же, какъ и все, что вы говорите, особенно въ письмахъ: во-первыхъ, потому, что вы пишите какъ м-мъ де-Севиньи, и, во-вторыхъ, потому, что я не могу, по моимъ привычкамъ, спорить. Вы также говорите много хорошаго обо мнѣ. Я убѣжденъ, что похвалы приносятъ столько же пользы, сколько и вреда. Онѣ полезны, потому что онѣ удерживаютъ человѣка въ тѣхъ хорошихъ качествахъ, которыя хвалятъ, и вредны, потому что увеличиваютъ самолюбіе. Я увѣренъ, что ваши похвалы принесутъ мнѣ только пользу, потому что онѣ продиктованы искреннимъ дружескимъ чувствомъ, но, конечно, настолько, насколько я ихъ заслуживаю.

Мнѣ кажется, что я ихъ заслужилъ; во все время моего пребыванія въ Москвѣ я доволенъ собой.

Digitized by Google

ment sur le moral des hommes. Avec la nature qui renaît on voudrait se sentir renaître aussi, on regrette le passé, le temps mal employé, on se repent de sa faiblesse, et l'avenir nous paraît comme un point lumineux devant nous, on devient meilleur, moralement meilleur. Ceci quant à moi est parfaitement vrai, depuis que j'ai commencé à vivre indépendement, le printemps me mettait toujours dans les bonnes dispositions, dans lesquelles je persévérai plus ou moins longtemps, mais c'est toujour l'hiver qui est une pierre d'achoppement pour moi— всегда собьюсь.

Au reste en récapitulant les hivers passés, celui-là est sans doute le plus agréable et le plus raisonable que j'ai passé. Je me suis amusé, je suis allé dans le monde, j'ai gardé des souvenirs agréables et avec cela je n'ai pas dérangé mes finances, ni arrangé—c'est vrai" *).

Слѣдующее его письмо написано уже по пріѣздѣ съ Кавказа брата Николая; онъ пишетъ между прочимъ:

„L'arrivée de Nicolas a été pour moi une surprise agréable, puisque j'avais presque perdu l'espoir de le voir arriver chez moi. J'ai été si content de le voir que même j'ai négligé un peu mes dévoirs ou plustôt mes habitudes.

A présent je suis de nouveau seul et seul au pied de la

*) Въ одномъ сочиненіи, которое я читалъ на-дняхъ, авторъ говоритъ, что первые признаки весны дѣйствуютъ обыкновенно на человѣческую душу. Съ возрождающейся природой хочется чувствовать и свое возрожденіе, жалѣть о прошломъ, дурно потраченномъ времени, каяться въ слабости, и будущее представляется какъ свѣтлая точка впереди насъ, и становишься лучше, нравственно лучше. Что касается меня, это совершенно вѣрно; съ тѣхъ поръ, какъ я началъ жить самостоятельно, весна всегда приводила меня въ хорошее настроеніе, въ которомъ я держался болѣе или менѣе долго; но вотъ зима всегда была для меня камнемъ преткновенія—всегда собьюсь.

Впрочемъ, сопоставляя съ прошлыми зимами, эта несомнѣнно самая пріятная и самая разумная изъ всѣхъ проведенныхъ мною. Я веселился, я ѣздилъ въ свѣтъ, остались воспоминанія, и при всемъ томъ я не разстроилъ свои финансы—и не устроилъ, правда.

Digitized by Google

lettre: je ne vai nulle par, ni ne reçois personne. Je fais des plans pour le printemps et l'été, les approuvez-vous? Vers la fin du mois de mai je viendrai à Ясная, j'y passerai un mois ou deux et tâcherai d'y retenir Nicolas aussi longtemps que possible et puis d'aller avec lui faire une tournée au Caucase" *).

И вотъ среди всей этой бурной смѣны свѣтскихъ удовольствій, игры, припадковъ чувственности, увлеченій цыганами, охотой, вдругъ наступали періоды религіозности и смиренія. Такъ съ усердіемъ исполняя обрядъ говѣнія, онъ сочиняетъ даже проповѣдь, конечно, оставшуюся не прочитанной.

И тутъ же замѣчаются порывы серьезнаго, художественнаго писательства.

Онъ замышлялъ еще въ 50 году написать повѣсть изъ цыганскаго быта. Другой замыселъ того же времени былъ вызванъ подражаніемъ Стэрну, его „Sentimental journey".

„Сидѣлъ онъ разъ у окна задумавшись и смотрѣлъ на все происходившее на улицѣ: вотъ ходитъ будочникъ, кто онъ такой, какая его жизнь? А вотъ карета проѣхала, кто тамъ и куда ѣдетъ и о чемъ думаетъ и кто живетъ въ этомъ домѣ, какая внутренняя жизнь ихъ?.. Какъ интересно бы было все это описать, какую можно бы было изъ этого сочинить интересную книгу!" **).

Весь этотъ перемѣнчивый, опасный періодъ жизни былъ оборванъ внезапнымъ отъѣздомъ на Кавказъ.

---

*) Пріѣздъ Николеньки былъ для меня пріятнымъ сюрпризомъ, потому что я уже почти потерялъ надежду увидѣть его у себя. Я былъ такъ радъ увидать его, что я даже пренебрегъ моими обязанностями или, вѣрнѣе, привычками.

Теперь я снова одинъ и буквально одинъ: я никуда не хожу, никого не принимаю. Дѣлаю планы на весну и лѣто. Одобрите ли вы ихъ? Въ концѣ мая я пріѣду въ Ясную, проведу тамъ мѣсяцъ или два и постараюсь удержать Николеньку какъ можно дольше и потому поѣду съ нимъ совершить прогулку по Кавказу.

**) Изъ записокъ гр. С. А. Толстой.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА.

1851 — 1856.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА VII.

Кавказъ.

Неудачная попытка хозяйничать, невозможность установить желательныя отношенія съ крестьянами и та страстная, опасная жизнь, полная всякаго рода излишествъ, о которой упоминалось въ концѣ предыдущей главы, побудили Льва Николаевича искать случая измѣнить свой образъ жизни.

Жизнь его была такая безалаберная, распущенная, по его собственному свидѣтельству, что онъ былъ готовъ на всякое измѣненіе ея. Такъ зять его (мужъ сестры) Валерьянъ Петровичъ Толстой, будучи женихомъ, ѣхалъ назадъ въ Сибирь окончить тамъ свои дѣла передъ женитьбой и когда отъѣзжалъ отъ дому, Левъ Николаевичъ вскочилъ къ нему въ тарантасъ безъ шапки, въ блузѣ и не уѣхалъ въ Сибирь, кажется, только отъ того, что у него не было на головѣ шапки.

Серьезный случай къ перемѣнѣ жизни, наконецъ, представился. Въ апрѣлѣ 1851 года съ Кавказа пріѣхалъ старшій братъ Льва Николаевича, Николай; онъ служилъ офицеромъ въ кавказской арміи, пріѣхалъ въ отпускъ и долженъ былъ вскорѣ возвратиться назадъ. Левъ Николаевичъ ухватился за этотъ случай и весной 1851 года отправился вмѣстѣ съ нимъ на Кавказъ.

Они выѣхали изъ Ясной Поляны 20-го апрѣля и пробыли недѣли двѣ въ Москвѣ, откуда Левъ Николаевичъ писалъ своей теткѣ Татьянѣ Александровнѣ въ Ясную:

Digitized by Google

„J'ai été à la promenade de Sokolniki par un temps détestable c'est pourquoi je n'ai rencontré personne des dames de la société, que j'avais envie de voir. Comme vous prétendez que je suis un homme à épreuves, je suis allé parmi les plébs, dans les tentes bohémiennes. Vous pouvez aisement vous figurer le combat interieur qui s'engagea là bas pour et contre. Au reste j'en sortis victorieux, c. a d. n'ayant rien donné que ma bénédiction aux joyeux descendants des illustres Pharaons. Nicolas trouve que je suis un compagnon de voyage très agréable, si ce n'était ma propreté. Il se fâche de ce que, comme il le dit, je change de ligne 12 fois par jour. Moi je le trouve aussi compagnon très agréable, si ce n'était sa salete. Je ne sais lequel de nous a raison*).

Изъ Москвы они поѣхали черезъ Казань, гдѣ посѣтили В. И. Юшкова, мужа ихъ тетки-опекунши, съ которой они жили въ Казани, а также друга этой тетки, оригинальную, умную женщину, директрису казанскаго института, г-жу Загоскину.

Тамъ, у Загоскиной, Левъ Николаевичъ встрѣтилъ З. М., бывшую воспитанницу института, и Левъ Николаевичъ испыталъ къ ней поэтическое чувство влюбленія, которое онъ, какъ всегда, по своей застѣнчивости, не рѣшился выразить, и которое онъ увезъ съ собой на Кавказъ.

Тамъ же, у Загоскиной, всегда привлекавшей къ себѣ наиболѣе комильфотныхъ молодыхъ людей, онъ встрѣтилъ и

*) Я былъ на гуляньи въ Сокольникахъ въ отвратительную погоду и потому не встрѣтилъ ни одну изъ дамъ, которыхъ я хотѣлъ видѣть. Такъ какъ, по-вашему, я человѣкъ испытывающій себя, я пошелъ въ народъ, въ цыганскій таборъ. Вы легко можете себѣ представить, какая поднялась тамъ во мнѣ внутренняя борьба за и противъ. Впрочемъ, я вышелъ побѣдителемъ, то-есть ничего не далъ этимъ веселымъ потомкамъ знаменитыхъ фараоновъ, кромѣ моего благословенія. Николай находитъ, что я очень пріятный спутникъ, если бы не моя опрятность. Онъ сердится на то, что, какъ онъ говоритъ, я 12 разъ въ день мѣняю бѣлье. Я нахожу, что онъ тоже очень пріятный спутникъ, если бы не его неопрятность. Не знаю, кто изъ насъ правъ.

Digitized by Google

почти подружился съ молодымъ правовѣдомъ, прокуроромъ Оголинымъ, и съ нимъ ѣздилъ въ деревню къ В. И. Юшкову. Оголинъ былъ типъ новаго тогдашняго чиновника.

Левъ Николаевичъ разсказывалъ, какъ былъ пораженъ В. И. Юшковъ, привыкшій видѣть прокурора важнымъ, почтеннымъ, сѣдымъ, въ мундирѣ съ крестомъ на шеѣ и звѣздой, когда онъ увидалъ Оголина и познакомился съ нимъ въ самыхъ странныхъ условіяхъ.

„Когда мы пріѣхали съ Оголинымъ и подошли къ дому, противъ котораго была группа молодыхъ березъ, я предложилъ Оголину, пока слуга докладывалъ о пріѣздѣ, поспорить, кто лучше и выше влѣзетъ на эти березы. Когда В. И. вышелъ и увидалъ прокурора, лѣзущаго на дерево, онъ долго не могъ опомниться“.

Настроеніе Льва Николаевича во время этой поѣздки, какъ онъ разсказывалъ мнѣ, продолжало быть самое глупое, свѣтское. Онъ разсказывалъ, какъ именно въ Казани братъ его заставилъ его почувствовать его глупость. Они шли по городу, когда мимо нихъ проѣхалъ какой-то господинъ на долгушѣ, опершись руками безъ перчатокъ на палку, упертую въ подножку.

„— Какъ видно, что какая-то дрянь этотъ господинъ“, сказалъ Левъ Николаевичъ, обращаясь къ брату.

„— Отчего? спросилъ Николай Николаевичъ.

„— А безъ перчатокъ.

„— Такъ отчего же дрянь, если безъ перчатокъ? съ своей чуть замѣтной, ласковой, умной, насмѣшливой улыбкой спросилъ Николай Николаевичъ“.

Николай Николаевичъ всегда думалъ и дѣлалъ все не потому, что такъ думаютъ другіе, а всегда самъ думалъ и дѣлалъ то, что считалъ хорошимъ. Такъ онъ выдумалъ поѣхать на Кавказъ не какъ обыкновенно черезъ Воронежъ и Землю Войска Донского, а на лошадяхъ до Саратова, а отъ Саратова по Волгѣ на лодкѣ до Астрахани, и отъ Астрахани на почтовыхъ въ станицу. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Digitized by Google

Въ Саратовѣ взяли косовушку, уставили въ нее тарантасъ и съ помощью лоцмана и двухъ гребцовъ поплыли, гдѣ парусомъ, гдѣ на веслахъ, гдѣ по теченію рѣки. Путешествіе длилось около трехъ недѣль, пока пріѣхали въ Астрахань. Оттуда Левъ Николаевичъ писалъ своей теткѣ:

„Nous sommes à Astracan et sur notre départ, pour ce qui fait, que nous avons encore un voyage de 400 k. à faire. J'ai passé à Kasan une semaine des plus agréables. Mon voyage jusqu'à Saratoff a été désagréable, mais, en revanche, de là le trajet en petit bateau jusqu'à Astracan—très poétique et plein de charmes par la nouveauté des lieux et par la manière même de voyager pour moi. J'ai écrit hier une longue lettre à Marie où je lui parle de mon sejour à Kasan. Je ne vous en dis rien de crainte de me répéter, quoique je suis sûr que vous ne confondrez pas les deux lettres. Je me trouve très content jusqu'à présent de mon voyage. J'ai beaucoup de choses qui me font penser et puis le changement même des lieux est agréable. En passant par Moscou je me suis abonné, de sorte que j'ai beaucoup de lectures que je fais même en тарантасъ. Puis comme vous le pensez bien la société de Nicolas contribue beaucoup à mon contentement. Je ne cesse de penser à vous et à tous les miens; je me reproche même quelquefois d'avoir quitté cette vie que me rendait si douce votre affection, mais ce n'est qu'un retard et je n'aurai que plus de plaisir à vous revoir. Si je n'étais pressé, j'aurais écrit à Serge, mais je remets cela au moment où je serai casé et plus tranquil. Embrassez-le de ma part et dites lui que je me repens beaucoup de la froideur qu'il y a eu entre nous avant mon départ et de laquelle je n'accuse que moi“ *).

---

*) Мы въ Астрахани и уже на отъѣздѣ, такъ что намъ еще остается сдѣлать 400 верстъ. Въ Казани я провелъ очень пріятно недѣлю. Путешествіе до Саратова было непріятно, но зато оттуда путешествіе въ небольшой лодкѣ до Астрахани было очень поэтично и полно очарованія для меня, по новизнѣ мѣстъ и по самому способу путешествія. Вчера я написалъ Машѣ длинное письмо, въ которомъ я ей разсказываю о моемъ

Digitized by Google

Л. Н. ТОЛСТОЙ ПЕРЕДЪ ОТЪѢЗДОМЪ НА КАВКАЗЪ
ВЪ 1851 Г.

Digitized by Google

Digitized by Google

Чтобы были читателю понятны факты кавказской жизни, входящіе въ біографію Льва Николаевича, а также въ его кавказскіе разсказы, мы считаемъ нужнымъ въ краткихъ словахъ разсказать о томъ, что надо разумѣть подъ словомъ „Кавказъ“.

Московское царство, усилившись настолько, чтобы быть въ состояніи бороться съ татарскими племенами, стало понемногу оттѣснять ихъ на юго-востокъ, и покоривъ царства Казанское и Астраханское, пришло въ столкновеніе съ дикими горскими племенами, населявшими сѣверные склоны Кавказскихъ горъ. И для борьбы съ ними къ началу 19-го столѣтія образовало цѣлую линію казацкихъ станицъ по лѣвому берегу Терека и по правому берегу Кубани.

Съ другой стороны Грузинское царство, находившееся по южную сторону Кавказскихъ горъ и до тѣхъ поръ независимое, съ царемъ своимъ Гераклiемъ II, въ началѣ 19-го столѣтія, перешло въ подданство Россіи. По политическимъ соображеніямъ покореніе горскихъ племенъ, лежавшихъ между Грузіей и Россіей, стало неизбѣжнымъ, и покореніе это длилось болѣе полустолѣтія.

Отъ линіи береговыхъ казачьихъ станицъ по Тереку и Кубани русскіе стали понемногу подвигаться и далѣе, въ

пребываніи въ Казани. Я ничего вамъ не говорю объ этомъ, изъ опасенія повториться, хотя я и увѣренъ, что вы не смѣшали бы оба письма. Пока я очень доволенъ моей поѣздкой. У меня много предметовъ для размышленія и потомъ самая перемѣна мѣста мнѣ пріятна. Проѣздомъ черезъ Москву я абонировался, такъ что у меня много чтенія, которымъ я занимаюсь даже въ тарантасѣ. Затѣмъ, какъ вы понимаете, общество Николая содѣйствуетъ моему довольству. Я не перестаю думать о васъ и о всѣхъ моихъ. Я даже иногда упрекаю себя за то, что оставилъ эту жизнь, которую такъ смягчала ваша любовь ко мнѣ; но это только отсрочка, и я еще съ большею радостью увижу васъ. Если бы я не спѣшилъ, я бы написалъ Сережѣ, но я откладываю это до того, когда я устроюсь и буду спокойнѣе. Поцѣлуйте же его отъ меня и скажите ему, что я очень раскаиваюсь въ той холодности, которая была между нами передъ отъѣздомъ и въ которой я обвиняю только себя.

Digitized by Google

предгорья. Но большею частью ограничивались одними лишь набѣгами: нападали военными отрядами на горскіе аулы, уничтожали пастьбы, угоняли скотъ, забирали, насколько удавалось, плѣнныхъ и съ этою добычею уходили назадъ къ своимъ линіямъ. Горцы съ своей стороны также не оставались въ долгу: они провожали отступавшіе послѣ такихъ набѣговъ отряды и заставляли ихъ нести большія потери отъ мѣткаго огня своихъ винтовокъ; они укрывались завалами, въ лѣсахъ и узкихъ ущельяхъ, а иногда появлялись внезапно и въ самыхъ станицахъ, производили жестокую рѣзню и уводили въ плѣнъ къ себѣ въ горы мужчинъ и женщинъ. Борьба эта иногда временно затихала, и напротивъ, принимала болѣе кровавый характеръ, когда на сторонѣ нашего противника появлялись личности, успѣвавшія объединить подъ своимъ началомъ наиболѣе сильныя и воинственныя племена, возбудивъ ихъ фанатизмъ проповѣдью священной войны противъ невѣрныхъ. Наиболѣе затрудненій принесло русскимъ и наиболѣе потерь заставило ихъ понести самое воинственное изъ кавказскихъ племенъ—чеченское, живущее на лѣсистыхъ равнинахъ праваго берега Терека, по теченію притоковъ его: Сунжи, Аргуни и другихъ, и выше, въ горныхъ ущельяхъ Ичкеріи. Съ нашей стороны предпріимчивость также усиливалась или ослабѣвала въ зависимости отъ таланта и энергіи личности, получавшей главное начальство надъ военными дѣйствіями.

Дѣло приняло рѣшительный оборотъ съ назначеніемъ въ 1856 году кавказскимъ намѣстникомъ князя Барятинскаго. Пользуясь личнымъ вліяніемъ на императора Александра II, онъ собралъ на Кавказѣ, до тѣхъ поръ небывалой численности, двухсотъ тысячное войско и значительную долю этихъ силъ направилъ противъ Чечни, Ичкеріи и Дагестана, объединенныхъ въ это время подъ начальствомъ хорошо извѣстнаго Шамиля.

Талантъ, энергія этого вождя, фанатизмъ, отвага, признававшихъ его своимъ имамомъ горцевъ,—все было слом-

Digitized by Google

лено подъ давленіемъ навалившейся на нихъ громадной силы, руководимой ни передъ чѣмъ не останавливавшимся Евдокимовымъ: въ 1857 году пала передъ нимъ резиденція Шамиля въ центрѣ Ичкеріи, аулъ Ведено, а въ 1859 году сдался князю Барятинскому и самъ Шамиль въ своей новой дагестанской твердынѣ—Гунибѣ.

Князь Барятинскій до назначенія своего кавказскимъ намѣстникомъ является въ началѣ 60-хъ годовъ на Сѣверномъ Кавказѣ, какъ начальникъ лѣваго фланга кавказской арміи.

Вотъ къ этому-то времени относится и появленіе на Кавказѣ Льва Николаевича Толстого, и къ этому времени и къ этой мѣстности относятся событія, описанныя Львомъ Николаевичемъ въ его кавказскихъ разсказахъ: „Набѣгъ“, „Казаки“, „Рубка лѣса“, „Встрѣча въ отрядѣ“.

Изъ Астрахани оба брата поѣхали на почтовыхъ черезъ Кизляръ въ станицу Старогладовскую, къ мѣсту служенія Николая Николаевича. Левъ Николаевичъ явился на Кавказъ частнымъ лицомъ и поселился вмѣстѣ со своимъ братомъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на него Кавказомъ, не было ошеломляющимъ. Онъ такъ описываетъ его въ письмѣ къ своей теткѣ, вскорѣ по пріѣздѣ на Кавказъ:

„Je suis arrivé sain et sauf, mais un peu triste vers la fin du mois de mai dans la Старогладовская. J'y ai vu de près le genre de vie que mène Nicolas, et j'y ai fait la connaissance des officiers qui font la société. Le genre de vie n'est pas très attrayant, à ce qu'il m'a paru d'abord puisque le pays, que je m'attendais à trouver fort beau ne l'est pas du tout. Comme la станица est situèe sur un terrain bas, il n'y a pas de point de vue et puis le logement est mauvais de même que tout ce qui fait le comfort de la vie. Pour ce qui est des officiers, ce sont, comme vous pouvez vous figurer des gens sans éducation mais avec cela de très braves gens et surtout aimant beaucoup Nicolas.

Digitized by Google

Алексѣевъ son chef est un petit bonhomme бѣлокуренькій tirant sur le roux съ усиками и бакенбардами, говорящій пронзительнымъ голосомъ, mais excellant chrétien, rappelant un peu А. С. Волковъ, mais pas cafard comme lui. Puis Б... un jeune officier — enfant et bon enfant, rappelant Петруша. Puis un vieux capitaine Билковскій des kosaks de l'Oural— un vieux soldat simple, mais noble, brave et bon. Je vous avouerai qu'au commencement beaucoup de choses me choquaient dans cette société, mais je me suis habitué, sans toutefois me lier avec ces messieurs. J'ai trouvé un heureux moyen dans lequel il n'y a ni fierté ni familiarité. Au reste en ceci je n'avais qu'à suivre l'exemple de Nicolas" *).

Но въ Старогладовской имъ пришлось пробыть не долго.

Н. Н. Толстой тотчасъ по прибытіи былъ посланъ на очередную службу въ укрѣпленный лагерь Старый Юртъ, устроенный для прикрытія больныхъ въ Горячеводскѣ, на

*) Я пріѣхалъ живъ и здоровъ, но немного грустный, къ концу мѣсяца въ Старогладовскую. Я увидалъ вблизи образъ жизни, который ведетъ Николай, и познакомился съ офицерами, которые составляютъ общество. Образъ жизни не очень привлекателенъ, какъ мнѣ показалось сперва, потому что и самый край, который я предполагалъ очень красивымъ, вовсе не таковъ. Такъ какъ станица расположена въ низинѣ,— нѣтъ красиваго вида; квартира плохая, а также и все, что составляетъ удобство жизни. Насчетъ офицеровъ, какъ вы сами можете себѣ представить, это люди безъ образованія, но люди славные и очень любящіе Николеньку.

Алексѣевъ, его начальникъ, это маленькій бѣлокуренькій рыжеватый человѣчекъ съ усиками и бакенбардами, говорящій пронзительнымъ голосомъ, но добрый христіанинъ, напоминающій немного А. С. Волкова, но не такой ханжа, какъ онъ. Потомъ Д., молодой офицеръ, ребенокъ и bon enfant, напоминающій Петрушу. Потомъ старый капитанъ Билковскій, изъ уральскихъ казаковъ — старый простой солдатъ, но благородный, храбрый и добрый. Признаюсь, сначала многое въ этомъ обществѣ коробило меня, но я привыкъ, хотя и не сдружился съ этими господами. Я нашелъ счастливое средство общенія, въ которомъ нѣтъ ни гордости, ни запанибратства. Впрочемъ, въ этомъ мнѣ оставалось только слѣдовать примѣру Николеньки.

Digitized by Google

только-что открытыхъ тогда горячихъ источникахъ съ очень сильными цѣлебными свойствами. Левъ Николаевичъ послѣдовалъ за нимъ. Мы заимствуемъ описаніе этого мѣста снова изъ письма Льва Николаевича къ его теткѣ, написанномъ имъ по пріѣздѣ туда, въ іюлѣ 1851 года:

„Nicolas est parti dans une semaine après son arrivée et moi je l'y suivis de sorte que nous sommes presque depuis trois semaines ici où nous logeons dans une tente. Mais comme le temps est beau et que je me fais un peu à ce genre de vie, je me trouve très bien. Ici il y a des coups d'œil magnifiques à commencer par l'endroit où sont les sources. C'est une énorme montagne de pierres l'une sur l'autre dont les unes se sont détachées et forment des espèces de grottes, les autres restent souspendues à une grande hauteur. Elles sont toutes coupées par les torrents d'eau chaude, qui tombent avec bruit dans quelques endroits et couvrent surtout le matin toute la partie élevée de la montagne d'une vapeur blanche qui se détache continuellement de cette eau bouillante. L'eau est tellement chaude qu'on cuit dedans les oeufs вкрутую en trois minutes. Au milieu de ce ravin sur le torrent principal il y a trois moulins, l'un au dessus de l'autre, qui sont construits d'une manière toute particulière et très pittoresque. Toute la journée les femmes tartares ne cessent de venir au dessus et au dessous de ces moulins pour laver leur linge. Il faut vous dire qu'elles lavent avec les pieds. C'est comme une fourmillière toujours remuante. Les femmes sont pour la plupart belles et bien faites. Les costumes des femmes orientales malgré leur pauvreté, sont gracieux. Les grouppes pittoresques que forment les femmes, joint à la beauté sauvage de l'endroit fait un coup d'œil veritablement admirable. Je reste très souvent des heures à admirer ce paysage. Puis le coup d'œil du haut de la montagne est encore plus beau et tout à fait dans un autre genre. Mais je crains de vous ennuyer avec mes déscriptions.

Je suis très content d'être aux eaux puisque j'en profite.

Digitized by Google

Je prends des bains ferrugineux et je ne sens plus de douleur aux pieds. J'avais toujours des rhumatismes mais pendant notre voyage sur l'eau, je crois que je me suis encore refroidi. Je me suis rarement aussi bien porté qu'à présent et malgré les grandes chaleurs je fais beaucoup de mouvements.

Ici le genre des officiers est le même que celui dont je vous ai parlé; il y en a beaucoup. Je les connais tous et mes relations avec eux sont les mêmes" *).

Старый Юртъ былъ большой аулъ въ 1500 душъ населенія, дѣйствительно замѣчательный по своему красивому

*) Николенька уѣхалъ черезъ недѣлю послѣ своего пріѣзда, и я послѣдовалъ за нимъ, такъ что мы почти три недѣли здѣсь живемъ въ палаткѣ. Погода хорошая, и такъ какъ я привыкъ немного къ такому образу жизни, то мнѣ очень хорошо. Здѣсь чудные виды. Начну съ того мѣста, гдѣ источники. Это большая гора изъ нагроможденныхъ другъ на друга камней. Одни изъ нихъ оборвались и, упавъ, образовали нѣчто въ родѣ гротовъ, другіе нависли на страшной высотѣ. Всѣ они перерѣзаны потоками горячей воды, которые падаютъ съ шумомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и закрываютъ, особенно по утрамъ, верхнюю часть скалы бѣлымъ паромъ, который поднимается отъ этой кипящей воды. Вода такъ горяча, что въ ней можно сварить яйцо вкрутую въ три минуты. Въ этомъ оврагѣ, на потокахъ, есть три мельницы, одна надъ другой, построенныя совсѣмъ особеннымъ образомъ и очень красиво. Весь день татарскія женщины то и дѣло приходятъ выше и ниже мельницъ, чтобы мыть бѣлье. Нужно вамъ сказать, что онѣ моютъ ногами. Это какъ муравейникъ, вѣчно кишащій. Женщины большею частью красивы и хорошо сложены. Одежды восточныхъ женщинъ, несмотря на ихъ бѣдность, изящны. Красивыя группы женщинъ, дикая красота мѣстности— все это представляетъ очаровательную картину. Я часто часами стою и любуюсь пейзажемъ. Затѣмъ видъ съ вершины горы еще лучше и совершенно въ другомъ родѣ. Но я боюсь надоѣсть вамъ своими описаніями.

Я очень радъ быть на водахъ, я пользуюсь этимъ. Я беру желѣзистыя ванны и болѣе не чувствую боли въ ногахъ. У меня всегда были ревматизмы, но во время нашего путешествія по водѣ, я думаю, я еще простудился. Рѣдко я такъ хорошо себя чувствовалъ, какъ теперь, и несмотря на сильныя жары, я много двигаюсь.

Офицеры здѣсь такіе же, какъ и тѣ, о которыхъ я вамъ писалъ. Ихъ тутъ много. Я всѣхъ ихъ знаю и отношенія съ ними тѣ же.

Digitized by Google

горному положенію. Выше аула въ горѣ билъ горячій сѣрный ключъ. Температура его была настолько высока, что, по разсказу Льва Николаевича, собака его брата, упавши въ ручей, обварилась и околѣла. Качества этого ключа несравненно выше пятигорскихъ.

Изъ этого аула Левъ Николаевичъ ѣздилъ въ набѣгъ въ качествѣ волонтера. Въ немъ онъ пережилъ чудныя минуты молодого, поэтическаго восторга.

Особенно памятна была ему одна ночь, которую онъ описалъ въ своемъ дневникѣ съ такой неподражаемой духовной красотой:

11 іюня 1851 года. Старый Юртъ.

„Вчера я почти всю ночь не спалъ; пописавши дневникъ, я сталъ молиться Богу. Сладость чувства, которую я испыталъ на молитвѣ, передать невозможно. Я прочелъ молитвы, которыя обыкновенно творю: Отче, Богородицу, Троицу, Милосердія двери, Воззваніе къ Ангелу Хранителю и потомъ остался еще на молитвѣ. Ежели опредѣлять молитву просьбою или благодарностью, то я не молился. Я желалъ чего-то высочайшаго и хорошаго; но чего,—я передать не могу, хотя и ясно сознавалъ, чего я желаю. Мнѣ хотѣлось слиться съ существомъ всеобъемлющимъ, я просилъ Его простить преступленія мои; но нѣтъ, я не просилъ этого, ибо я чувствовалъ, что ежели Оно дало мнѣ эту блаженную минуту, то Оно простило меня. Я просилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что мнѣ нечего просить, и что я не могу и не умѣю просить. Я благодарилъ Его, но не словами, не мыслями. Я въ одномъ чувствѣ соединялъ все, и мольбу и благодарность. Чувство страха совершенно исчезло. Ни одного изъ чувствъ—вѣры, надежды и любви я не могъ бы отдѣлить отъ общаго чувства. Нѣтъ, вотъ оно чувство, которое я испыталъ вчера — это любовь къ Богу, — любовь высокую, соединяющую въ себѣ все хорошее, отрицающую все дурное. Какъ страшно мнѣ было смотрѣть на всю мелоч-

Digitized by Google

ную, порочную сторону жизни! Я не могъ постигнуть, какъ онѣ могли завлекать меня. Какъ отъ чистаго сердца просилъ я Бога принять меня въ лоно Свое! Я не чувствовалъ плоти, я былъ... но нѣтъ, плотская, мелочная сторона опять взяла свое, и не прошло часу, я почти сознательно слышалъ голосъ порока, тщеславія, пустую сторону жизни; зналъ, откуда этотъ голосъ, зналъ, что онъ погубилъ мое блаженство, боролся и поддался ему. Я заснулъ, мечтая о славѣ, о женщинахъ; но я не виноватъ, я не могъ.

„Вѣчное блаженство здѣсь невозможно. Страданія необходимы. Зачѣмъ? Не знаю. И какъ я смѣю говорить: не знаю! Какъ смѣлъ я думать, что можно знать пути Провидѣнія! Оно источникъ разума, и разумъ хочетъ постигнуть...

„Умъ теряется въ этихъ безднахъ премудрости, а чувство боится оскорбить его. Благодарю Его за минуту блаженства, которая показала мнѣ и ничтожность и величіе мое. Хочу молиться, но не умѣю. Хочу постигнуть, но не смѣю— предаюсь въ волю Твою.

„Зачѣмъ писалъ я все это? Какъ плоско, вяло, даже безсмысленно выразились чувства мои; а были такъ высоки!“

Эти порывы религіознаго восторга смѣнялись часто временами тоски и апатіи; такъ 2-го іюля, живя въ томъ же Старомъ Юртѣ, онъ записываетъ такія мысли:

„Сейчасъ я думаю, вспоминая о всѣхъ непріятныхъ минутахъ моей жизни, которыя въ тоску однѣ лѣзутъ въ голову...—нѣтъ, слишкомъ мало наслажденій, слишкомъ способенъ человѣкъ представлять себѣ счастье, и слишкомъ часто, такъ, ни за что, судьба бьетъ насъ, больно, больно задѣваетъ за нѣжныя струны, чтобы любить жизнь, и потомъ, что-то особенно сладкое и великое есть въ равнодушіи къ жизни, и я наслаждаюсь этимъ чувствомъ. Какъ силенъ кажусь я себѣ противъ всего съ твердымъ убѣжденіемъ, что ждать нечего здѣсь, кромѣ смерти; и сейчасъ же я думаю съ наслажденіемъ о томъ, что у меня заказано сѣдло, на которомъ я буду ѣздить въ черкескѣ, и какъ я буду воло-

Digitized by Google

ИМѢНІЕ, ВЪ КОТОРОМЪ ЖИЛЪ Л. Н. ВЪ СТУДЕНЧЕСКІЕ ГОДЫ У СВОЕЙ ТЕТКИ ЮШКОВОЙ.

Digitized by Google

Digitized by Google

читься за казачками и приходить въ отчаяніе, что у меня лѣвый усъ выше праваго, и я два часа расправляю его передъ зеркаломъ".

Такимъ образомъ, Льву Николаевичу приходилось часто мѣнять свое мѣсто жительства. Главная квартира и штабъ батареи, гдѣ служилъ его братъ, были въ Старогладовской, но часто его высылали въ Старый Юртъ на передовую позицію, и Левъ Николаевичъ сопровождалъ его.

Вотъ этимъ-то дикимъ станицамъ и ауламъ и суждено было стать историческимъ мѣстомъ. Здѣсь выношены были художественные образы первыхъ произведеній Толстого и рождены первые плоды его творчества.

Чудная природа Сѣвернаго Кавказа, и горы, и Терекъ, и казацкая удаль, и почти первобытная простота жизни—все это въ своемъ гармоническомъ цѣломъ послужило колыбелью этимъ первымъ плодамъ и указало путь всемірному генію, вышедшему на борьбу за идеалъ, на исканіе истины, смысла человѣческой жизни.

Именно приближеніе къ Старому Юрту Левъ Николаевичъ изобразилъ въ повѣсти „Казаки", такъ ярко рисуя впечатлѣніе, произведенное на него величественной горной кавказской природой:

„Утро было совершенно ясное. Вдругъ онъ увидалъ шагахъ въ двадцати отъ себя, какъ ему показалось въ первую минуту, чисто-бѣлыя громады съ ихъ нѣжными очертаніями и причудливую, отчетливую воздушную линію ихъ вершинъ и далекаго неба. И когда онъ понялъ всю даль между нимъ и горами, и небомъ, всю громадность горъ, и когда почувствовалась ему вся безконечность этой красоты, онъ испугался, что это призракъ, сонъ. Онъ встряхнулся, чтобы проснуться. Горы были все тѣ же.

„— Что это? Что это такое?—спросилъ онъ у ямщика.

„— А горы,—отвѣчалъ равнодушно ногаецъ.

„— И я тоже давно на нихъ смотрю,—сказалъ Ванюша.— Вотъ хорошо-то! Дома не повѣрятъ.

Digitized by Google

„На быстромъ движеніи тройки по ровной дорогѣ, горы, казалось, бѣжали по горизонту, блестя на восходящемъ солнцѣ своими розоватыми вершинами. Сначала горы только удивили Оленина, потомъ обрадовали; но потомъ, больше и больше вглядываясь въ эту, не изъ другихъ черныхъ горъ, но прямо изъ степи выростающую и убѣгающую цѣпь снѣговыхъ горъ, онъ мало-по-малу началъ вникать въ эту красоту и почувствовалъ горы. Съ этой минуты все, что только онъ видѣлъ, все, что онъ думалъ, все, что онъ чувствовалъ, получало для него новый, строго величавый характеръ горъ. Всѣ московскія воспоминанія, стыдъ и раскаяніе, всѣ пошлыя мечты о Кавказѣ, всѣ исчезли и не возвращались болѣе. „Теперь началось",—какъ будто сказалъ ему какой-то торжественный голосъ. И дорога, и вдали виднѣвшаяся черта Терека, и станицы, и народъ,—все это ему казалось теперь уже не шуткой. Взглянетъ на небо и вспомнитъ горы. Взглянетъ на себя, на Ванюшу, и опять горы. Вотъ ѣдутъ два казака верхомъ, и ружья въ чехлахъ равномѣрно поматываются у нихъ за спинами, и лошади ихъ перемѣшиваются гнѣдыми и сѣрыми ногами; а горы... За Терекомъ виденъ дымъ въ аулѣ; а горы... Солнце всходитъ и блещетъ на виднѣющемся изъ-за камыша Терекѣ; а горы... Изъ станицы ѣдетъ арба, женщины ходятъ, красивыя женщины, молодыя; а горы... Абреки рыскаютъ въ степи, и я ѣду, ихъ не боюсь, у меня ружье и сила и молодость; а горы..." *).

Въ августѣ онъ снова въ Старогладовской.

Изъ повѣсти „Казаки", носящей на себѣ автобіографическій характеръ, мы можемъ себѣ составить приблизительное понятіе о томъ, какъ проводилъ Левъ Николаевичъ время въ станицѣ. Попытки сближенія съ народомъ-казаками, охота, созерцаніе красотъ природы и непрерывная, никогда

*) Полн. собр. сочиненій Л. Н. Толстого. Т. II, стр. 130. Изд. 10-е. Москва, 1897 г.

Digitized by Google

не покидавшая этого человѣка, внутренняя борьба, ярко изображенная имъ въ его произведеніяхъ,—вотъ жизнь Льва Николаевича, соотвѣтствующая этому періоду.

„Отчего я счастливъ и зачѣмъ я жилъ прежде?“ говорилъ себѣ Оленинъ, сидя въ зелени первобытнаго кавказскаго лѣса.

„Какъ я былъ требователенъ для себя, какъ придумывалъ и ничего не сдѣлалъ себѣ, кромѣ стыда и горя! А вотъ какъ мнѣ ничего не нужно для счастья!“

„И вдругъ ему какъ будто открылся новый свѣтъ. „Счастье вотъ что,—сказалъ онъ самъ себѣ:—счастье въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣкѣ вложена потребность счастья; стало-быть, она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, т.-е. отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви - - можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастья незаконна. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе...“

„Онъ такъ обрадовался и взволновался, открывъ эту, какъ ему казалось, новую истину, что вскочилъ и въ нетерпѣніи сталъ искать, для кого бы ему поскорѣе пожертвовать собой, кому бы сдѣлать добро, кого бы любить. „Вѣдь ничего для себя не нужно,—все думалъ онъ,—отчего же не жить для другихъ?“ *).

Голосъ любви и тогда уже звучалъ могучимъ аккордомъ въ душѣ молодого человѣка, едва вошедшаго въ общественную жизнь.

Но внѣшнія событія шли сами собой, увлекая сильную животную природу человѣка по привычной для нея дорогѣ.

Станичная жизнь для молодого, страстнаго человѣка не

*) Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. Изд. 10-е. Т. II. Стр. 222.

Digitized by Google

обходится безъ романической любви. Левъ Николаевичъ влюбляется въ казачку. Исторія этой любви изображена въ его повѣсти „Казаки“.

Въ этой повѣсти ярко обрисованы всѣ стадіи этой неудовлетворенной любви, но лучше всего передаетъ о ней самъ авторъ въ своемъ письмѣ къ московскимъ знакомымъ. Въ этомъ письмѣ ярко выступаютъ и любовь автора къ дикой природѣ и страстное желаніе слиться съ ней и страданія отъ невозможности этого, потому что авторъ, по своимъ культурнымъ привычкамъ, уже отошелъ отъ нея, и между нимъ и ею образовалась ничѣмъ не заполнимая пропасть. Вотъ самая яркая, существенная часть этого письма:

„Какъ вы мнѣ всѣ гадки и жалки! Вы не знаете, что такое счастье и что такое жизнь! Надо разъ испытать жизнь во всей ея безыскусственной красотѣ. Надо видѣть и понимать, что я каждый день вижу передъ собой: вѣчные, неприступные снѣга горъ и величавую женщину въ той первобытной красотѣ, въ которой должна была выйти первая женщина изъ рукъ своего Творца, и тогда ясно станетъ, кто себя губитъ, кто живетъ въ правдѣ или во лжи, вы или я. Коли бы вы знали, какъ мнѣ мерзки и жалки вы въ вашемъ обольщеніи! Какъ только представится мнѣ, вмѣсто моей хаты, моего лѣса и моей любви, эти гостиныя, эти женщины съ припомаженными волосами, надъ подсунутыми чужими буклями, эти неестественно шевелящіяся губки, эти спрятанные и изуродованные слабые члены и этотъ лепетъ гостиныхъ, обязанный быть разговоромъ и не имѣющій никакихъ правъ на это,—мнѣ становится невыносимо гадко. Представляются мнѣ эти тупыя лица, эти богатыя невѣсты съ выраженіемъ лица, говорящимъ: „ничего, можно, подходи, хоть я и богатая невѣста“; эти усаживанія и пересаживанія, это наглое сводничанье паръ, и эта вѣчная сплетня, притворство; эти правила—кому руку, кому кивокъ, кому разговоръ, и, наконецъ, эта вѣчная скука въ крови, переходящая отъ поколѣнія къ поколѣнію (и все сознательно,

Digitized by Google

съ убѣжденіемъ въ необходимости). Поймите одно и повѣрьте одному. Надо видѣть и понять, что такое правда и красота, и впрахъ разлетится все, что вы говорите и думаете, всѣ ваши желанія счастья и за меня и за себя. Счастье — это быть съ природой, видѣть ее, говорить съ ней. „Еще онъ, избави Боже, женится на простой казачкѣ и совсѣмъ пропадетъ для свѣта!“ воображаю, говорятъ они обо мнѣ съ истиннымъ состраданіемъ. А я только одного и желаю, совсѣмъ пропасть въ вашемъ смыслѣ, желаю жениться на простой казачкѣ и не смѣю этого потому, что это было бы верхъ счастья, котораго я недостоинъ.

„Три мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ увидалъ казачку Марьяну. Понятія и предразсудки того міра, изъ котораго я вышелъ, еще были свѣжи во мнѣ. Я тогда не вѣрилъ, что могу полюбить эту женщину. Я любовался ею, какъ красотою горъ и неба, и не могъ не любоваться ею, потому что она прекрасна, какъ и онѣ. Потомъ я почувствовалъ, что созерцаніе этой красоты сдѣлалось необходимостью въ моей жизни, и я сталъ спрашивать себя: не люблю ли я ее; но ничего похожаго на то, какъ я воображалъ это чувство, я не нашелъ въ себѣ. Это было чувство, не похожее ни на тоску одиночества и желаніе супружества, ни на платоническую, ни еще менѣе на плотскую любовь, которую я испытывалъ. Мнѣ нужно было видѣть, слышать ее, знать, что она близко, и я бывалъ не то что счастливъ, а спокоенъ. Послѣ вечеринки, на которой я былъ вмѣстѣ съ нею и прикоснулся къ ней, я почувствовалъ, что между мной и этой женщиной существуетъ неразрывная, хотя не признанная связь, противъ которой нельзя бороться. Но я еще боролся; я говорилъ себѣ: неужели можно любить женщину, которая никогда не пойметъ задушевныхъ интересовъ моей жизни. Неужели можно любить женщину за одну красоту, любить женщину-статую?—спрашивалъ я себя, а уже любилъ ее, хотя еще не вѣрилъ своему чувству.

Digitized by Google

„Послѣ вечеринки, на которой я въ первый разъ говорилъ съ ней, наши отношенія измѣнились. Прежде она была для меня чуждымъ, но величавымъ предметомъ внѣшней природы; послѣ вечеринки она стала для меня человѣкомъ. Я сталъ встрѣчать ее, говорить съ нею, ходить иногда на работы къ ея отцу и по цѣлымъ вечерамъ просиживать у нихъ. И въ этихъ близкихъ отношеніяхъ она осталась въ моихъ глазахъ все столь же чистою, неприступною и величавою. Она на все и всегда отвѣчала одинаково спокойно, гордо и весело-равнодушно. Иногда она была ласкова, но большею частью каждый взглядъ, каждое слово, каждое движеніе ея выражали это равнодушіе, не презрительное, но подавляющее и чарующее. Каждый день, съ притворною улыбкой на губахъ, я старался поддѣлаться подъ что-то и съ мукой страсти и желаній въ сердцѣ шуточно заговаривалъ съ ней. Она видѣла, что я притворяюсь, но прямо. весело и просто смотрѣла на меня. Мнѣ стало невыносимо это положеніе. Я хотѣлъ не лгать передъ ней и хотѣлъ сказать все, что я думаю, что я чувствую. Я былъ особенно раздраженъ; это было въ садахъ. Я сталъ говорить ей о своей любви такими словами, которыя мнѣ стыдно вспомнить. Стыдно вспомнить потому, что я не долженъ былъ смѣть говорить ей этого, потому что она неизмѣримо выше стояла этихъ словъ и того чувства, которое я хотѣлъ ими выразить. Я замолчалъ, и съ этого дня мое положеніе сдѣлалось невыносимо. Я не хотѣлъ унижаться, оставаясь въ прежнихъ шуточныхъ отношеніяхъ, и чувствовалъ, что я не доросъ до прямыхъ и простыхъ отношеній къ ней. Я съ отчаяніемъ спрашивалъ себя: что же мнѣ дѣлать? Въ нелѣпыхъ мечтахъ я воображалъ ее то своею любовницею, то своею женой, и съ отвращеніемъ отталкивалъ и ту и другую мысль. Сдѣлать ее дѣвкой было бы ужасно. Это было бы убійство. Сдѣлать ее барыней, женою Дмитрія Андреевича Оленина, какъ одну изъ здѣшнихъ казачекъ, на которой женился нашъ офицеръ, было бы еще хуже. Вотъ

Digitized by Google

ежели бы я могъ сдѣлаться казакомъ, Лукашкой, красть табуны, напиваться чихирю, заливаться пѣснями, убивать людей и пьянымъ влѣзать къ ней въ окно на ночку, безъ мысли о томъ, кто я? и зачѣмъ я?—тогда бы другое дѣло, тогда бы мы могли понять другъ друга, тогда бы я могъ быть счастливъ" *).

Но Лукашкой онъ стать не могъ, а потому и не могъ обрѣсти счастья на этомъ пути.

Въ сентябрѣ онъ пишетъ своей теткѣ письмо, въ которомъ уже ясно проглядываетъ будущій писатель. Что особенно поражаетъ—это его серьезное отношеніе къ выраженію своей мысли; вѣроятно, уже тогда въ головѣ его толпились рои мыслей и образовъ, и онъ выбиралъ тѣ, которые могъ изложить на бумагѣ. Вотъ какъ онъ выражаетъ это чувство:

Vous m'avez dit plusieurs fois que vous n'avez pas l'habitude d'écrire des brouillons pour vos lettres; je suis votre exemple, mais je ne m'en trouve pas aussi bien que vous, car il m'arrive fort souvent de déchirer mes lettres après les avoir relues. Ce n'est pas par fausse honte que je le fais. Une faute d'orthographe, un paté, une phrase mal tournée ne me gènent pas, mais c'est que je ne puis pas parvenir à savoir diriger ma plume et mes idées. Je viens de déchirer une lettre que j'avais achevée pour vous, parce que j'y avais dit beaucoup de choses que je ne voulais pas vous dire et rien de ce que je voulais vous dire. Vous croyez peut-être, que c'est dissimulation et vous direz, qu'il est mal de dissimuler avec les personnes qu'on aime et dont on se sent aimé. Je conviens, mais convenez aussi qu'on dit tout à un indifferent, et que

*) Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. Т. II. Стр. 283. Изд. 10-е. Москва, 1897 г.

Digitized by Google

plus une personne vous est chère, plus il y a de choses qu'on voudrait lui cacher *).

Чувствуя приливъ молодой энергіи и не зная, куда дѣвать ее, Левъ Николаевичъ часто рисковалъ своей жизнью и отправлялся въ опасныя экскурсіи.

Такъ разъ онъ отправился въ сопровожденіи своего друга, казака Епишки (въ повѣсти „Казаки" описаннаго подъ именемъ Ерошки) въ аулъ Хасафъ-Юртъ, въ горы; эта поѣздка считалась очень опасною, такъ какъ по дорогѣ случались нападенія горцевъ.

Благополучно возвращаясь оттуда, Левъ Николаевичъ встрѣтилъ своего родственника, Илью Толстого; родственникъ пригласилъ Льва Николаевича присоединиться къ нему и повезъ его въ квартиру своего пріятеля, главнокомандующаго кн. Барятинскаго; такимъ образомъ Льву Николаевичу представился случай познакомиться довольно близко съ главнокомандующимъ. Тотъ выразилъ ему свое удовольствіе и похвалу за веселый и бодрый видъ, который главнокомандующій замѣтилъ въ немъ, видя его разъ въ набѣгѣ. При этомъ онъ посовѣтовалъ ему поскорѣе подавать прошеніе о поступленіи на службу, такъ какъ Левъ Николаевичъ все еще былъ частнымъ лицомъ и участвовалъ въ дѣлахъ добро-

*) Вы мнѣ много разъ говорили, что у васъ нѣтъ привычки писать черновики для вашихъ писемъ; я слѣдую вашему примѣру, но у меня это не выходитъ такъ хорошо, какъ у васъ, такъ какъ мнѣ часто приходится рвать письма послѣ того, какъ я ихъ перечитаю. И это не изъ ложнаго стыда я такъ дѣлаю. Орѳографическая ошибка, неловкое выраженіе,— не стѣсняютъ меня; но это оттого, что мнѣ не удается хорошо управлять своимъ перомъ и мыслями. Я только-что разорвалъ письмо, которое написалъ вамъ, потому что я наговорилъ тамъ много такого, чего я не хотѣлъ вамъ говорить, и не сказалъ того, что хотѣлъ. Быть-можетъ, вы думаете, что это скрытность, и скажете, что не хорошо скрывать отъ людей, которыхъ любишь и которыми чувствуешь себя любимымъ. Я согласенъ. Но согласитесь и вы, что безразличному человѣку можно все сказать, но чѣмъ ближе вамъ человѣкъ, тѣмъ больше есть вещей, которыя хотѣлось бы скрыть отъ него.

Digitized by Google

вольно. Лестный отзывъ главнокомандующаго и совѣты родственника, побудили наконецъ Льва Николаевича ускорить свое намѣреніе, и онъ подалъ прошеніе о принятіи его на службу.

Августъ и сентябрь онъ пробылъ еще въ Старогладовской, а въ октябрѣ вмѣстѣ съ братомъ, Николаемъ, отправился въ Тифлисъ. Братъ его скоро вернулся, а Левъ Николаевичъ остался въ Тифлисѣ для сдачи экзамена и опредѣленія на службу.

Оттуда онъ пишетъ теткѣ Татьянѣ Александровнѣ:

Nous sommes partis effectivement le 25 et après 7 jours de voyage fort ennuyeux, à cause du manque de chevaux presque à chaque relais et fort agréable à cause de la beauté du pays qu'on passe. Le 1-er de ce mois nous étions arrivés.

Tifliss est une ville très civilisée qui singe beaucoup Pétersbourg et réussit beaucoup à l'imiter, la société y est choisie et assez nombreuse, il y a un théâtre russe et un opéra italien, dont je profite autant que me le permettent mes pauvres moyens. Je loge à la colonie allemande—c'est un faubourg, mais qui a pour moi 2 grands avantages, celui d'être un fort joli endroit entouré de jardins et de vignes, ce qui fait qu'on s'y croit plutôt à la campagne qu'en ville (il fait encore très chaud et très beau, il n'y a eu ni neige, ni gelée jusqu'à présent) le 2-ème avantage est celui que je paye pour 2 chambres assez propres ici 5 rbs. arg. par mois, tandis qu'en ville on ne pourrait avoir un logement pareil moins de 40 rbs. arg. par mois. Par dessus tout j'ai gratis la pratique de la langue allemande, j'ai des livres, des occupations et du loisir, puisque personne ne vient me déranger, de sorte qu'en somme je ne m'ennuie pas.

Vous rappelez-vous, bonne tante, un conseil que vous m'avez donné jadis—celui de faire des romans, et bien! je suis votre conseil et les occupations dont je vous parle consistent à faire de la littérature. Je ne sais si ce que j'écris paraîtra jamais dans

Digitized by Google

le monde, mais c'est un travail qui m'amuse et dans lequel je persévère depuis trop longtemps pour l'abandonner *).

Интересно письмо это тѣмъ, что изображаетъ намъ, съ какою скромностью зарождался этотъ великій талантъ, не знавшій еще себѣ цѣны.

Около двухъ мѣсяцевъ Левъ Николаевичъ хворалъ и лѣчился и, пользуясь свободнымъ, уединеннымъ временемъ, писалъ свою первую повѣсть. Кромѣ того, часть времени его уходила на хлопоты по опредѣленію его на службу, что было довольно трудно за неимѣніемъ нужныхъ бумагъ.

23 декабря 1851 года онъ пишетъ брату Сергѣю слѣдующее письмо съ характерными подробностями тифлисской и станичной жизни.

„На-дняхъ давно желанный мною приказъ о зачисленіи

*) Мы въ дѣйствительности выѣхали 25-го и послѣ семи дней путешествія, очень скучнаго по недостатку лошадей на каждой станціи и очень пріятнаго вслѣдствіе красоты мѣстъ, по которымъ проѣзжаешь. 1-го числа этого мѣсяца мы пріѣхали.

Тифлисъ очень цивилизованный городъ, очень подражающій Петербургу, и это ему удается. Избранное многолюдное общество. Есть русскій театръ и итальянская опера, которыми я пользуюсь на столько, на сколько мнѣ позволяютъ мои маленькія средства. Я живу въ нѣмецкой колоніи, это предмѣстье, но оно представляетъ для меня двѣ большія выгоды. Во-первыхъ, это прелестное мѣстечко, окруженное садами и виноградниками, такъ что здѣсь чувствуешь себя болѣе въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ. (Здѣсь еще очень жарко и ясно, не было ни снѣга, ни мороза до сихъ поръ). Второе преимущество это то, что я плачу здѣсь за двѣ довольно чистыя комнаты пять рублей серебромъ въ мѣсяцъ, тогда какъ въ городѣ нельзя бы было нанять такую квартиру меньше, чѣмъ за 40 рублей въ мѣсяцъ. Сверхъ того, у меня безплатная практика нѣмецкаго языка, у меня есть книги, занятія и досугъ, потому что никто не приходитъ безпокоить меня, такъ что, въ общемъ, я не скучаю.

Помните, добрая тетенька, совѣтъ, который вы разъ мнѣ дали—писать романы. Такъ вотъ, я слѣдую вашему совѣту, и занятія, о которыхъ я вамъ писалъ, состоятъ въ литературѣ. Я еще не знаю, появится ли когда-нибудь въ свѣтъ то, что я пишу; но это работа, которая меня занимаетъ, и въ которой я уже слишкомъ далеко зашелъ, чтобы ее оставить.

Digitized by Google

меня фейерверкеромъ въ 4-ую батарею долженъ состояться, и я буду имѣть удовольствіе дѣлать фрунтъ и провожать глазами мимо ѣдущихъ офицеровъ и генераловъ. Даже теперь, когда я прогуливаюсь по улицамъ въ своемъ шармеровскомъ пальто и въ складной шляпѣ, за которую я заплатилъ здѣсь 10 рублей, несмотря на всю свою величавость въ этой одеждѣ, я такъ привыкъ къ мысли скоро одѣть сѣрую шинель, что невольно правая рука хочетъ схватить за пружины складную шляпу и опустить ее внизъ. Впрочемъ, ежели мое желаніе исполнится, то я въ день же своего опредѣленія уѣзжаю въ Старогладовскую, а оттуда тотчасъ же въ походъ, гдѣ буду ходить и ѣздить въ тулупѣ или черкескѣ, и тоже по мѣрѣ силъ моихъ буду способствовать съ помощью пушки къ истребленію хищниковъ и непокорныхъ азіатовъ.

„Сережа, ты видишь по письму моему, что я въ Тифлисѣ, куда пріѣхалъ еще 1 ноября, такъ что немного успѣлъ поохотиться съ собаками, которыхъ тамъ купилъ (въ Старогладовской), а присланныхъ собакъ вовсе не видалъ. Охота здѣсь (т.-е. въ станицѣ)—чудо! Чистыя поля, болотца, набитыя русаками, и острова не изъ лѣса, а изъ камыша, въ которомъ держутся лисицы. Я всего девять разъ былъ въ полѣ, отъ станицы въ 10 и 15 верстахъ, и съ двумя собаками, изъ которыхъ одна отличная, а другая дрянь; затравилъ двухъ лисицъ и русаковъ съ 60. Какъ пріѣду, такъ попробую травить козъ.

„На охотахъ съ ружьями на кабановъ, оленей я присутствовалъ неоднократно, но ничего самъ не убилъ. Охота эта тоже очень пріятна, но, привыкнувъ охотиться съ борзыми, нельзя полюбить эту. Такъ же, какъ ежели кто привыкнулъ курить турецкій табакъ, нельзя полюбить Жуковъ, хотя и можно спорить, что этотъ лучше.

„Я знаю твою слабость: ты, вѣрно, пожелаешь знать, кто здѣсь были и есть мои знакомые, и въ какихъ я съ ними отношеніяхъ. Долженъ тебѣ сказать, что этотъ пунктъ ни-

Digitized by Google

сколько меня здѣсь не занимаетъ, но спѣшу удовлетворить тебя. Въ батареѣ офицеровъ немного; поэтому я со всѣми знакомъ, но очень поверхностно; хотя и пользуюсь общимъ расположеніемъ, потому что у насъ съ Николенькой всегда есть для посѣтителей водка, вино и закуска; на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ составилось и поддерживается мое знакомство съ другими полковыми офицерами, съ которыми я имѣлъ случай познакомиться въ Старомъ Юртѣ (на водахъ, гдѣ я жилъ лѣто) и въ набѣгѣ, въ которомъ я былъ. Хотя есть болѣе или менѣе порядочные люди, но такъ какъ я и безъ офицерскихъ бесѣдъ всегда имѣю болѣе интересныя занятія, я остаюсь со всѣми въ одинаковыхъ отношеніяхъ. Подполковникъ Алексѣевъ, командиръ батареи, въ которую я поступаю, человѣкъ очень добрый и тщеславный. Послѣднимъ его недостаткомъ я, признаюсь, пользовался и пускалъ ему нѣкоторую пыль въ глаза,—онъ мнѣ нуженъ. Но и это я дѣлаю невольно, въ чемъ и раскаиваюсь. Съ людьми тщеславными самъ дѣлаешься тщеславенъ.

„Здѣсь, въ Тифлисѣ, у меня 3 человѣка знакомыхъ. Больше я не пріобрѣлъ знакомствъ, во-первыхъ, потому, что не желалъ, а во-вторыхъ, потому, что не имѣлъ къ тому случая,—я почти все время былъ боленъ и недѣлю только, что выхожу. Первый знакомый мой—Багратіонъ, петербургскій (товарищъ Ферзена). Второй—князь Барятинскій. Я познакомился съ нимъ въ набѣгѣ, въ которомъ подъ его командой участвовалъ, и потомъ провелъ съ нимъ одинъ день въ одномъ укрѣпленіи вмѣстѣ съ Ильей Толстымъ, котораго я здѣсь встрѣтилъ. Знакомство это, безъ сомнѣнія, не доставляетъ мнѣ большого развлеченія, потому что ты понимаешь, на какой ногѣ можетъ быть знакомъ юнкеръ съ генераломъ. Третій знакомый мой—помощникъ аптекаря, разжалованный полякъ, презабавное созданіе. Я увѣренъ, что князь Барятинскій никогда не воображалъ, въ какомъ бы то ни было спискѣ, стоять рядомъ съ помощникомъ аптекаря, но вотъ же случилось. Николенька здѣсь на отличной ногѣ;

Digitized by Google

какъ начальники, такъ и офицеры товарищи, всѣ его любятъ и уважаютъ. Онъ пользуется сверхъ того репутаціей храбраго офицера. Я его люблю больше, чѣмъ когда-либо, и когда съ нимъ, то совершенно счастливъ, а безъ него скучно.

„Ежели хочешь щегольнуть извѣстіями съ Кавказа, то можешь разсказывать, что второе лицо послѣ Шамиля, нѣкто Хаджи-Муратъ, на-дняхъ передался русскому правительству. Это былъ первый лихачъ (джигитъ) и молодецъ во всей Чечнѣ, а сдѣлалъ подлость. Еще можешь съ прискорбіемъ разсказывать о томъ, что на-дняхъ убитъ извѣстный храбрый и умный генералъ Слѣпцовъ. Ежели ты захочешь знать, больно ли ему было, то этого не могу сказать“.

6-го января 1852 года изъ Тифлиса же, Левъ Николаевичъ пишетъ замѣчательное письмо своей теткѣ, изливая въ этомъ письмѣ всю нѣжность и любовь къ своей воспитательницѣ:

Je viens de recevoir votre lettre du 24 Novembre et je vous y réponds le moment même (comme j'en ai pris l'habitude). Dernièrement je vous écrivais que votre lettre m'a fait pleurer et j'accusais ma maladie de cette faiblesse. J'ai eu tort. Toutes vos lettres me font depuis quelque temps le même effet. J'ai toujours été Лёва-рёва. Avant cette faiblesse me faisait honte, mais les larmes que je verse en pensant à vous et à votre amour pour nous, sont tellement douces que je les laisse couler, sans aucune fausse-honte. Votre lettre est trop pleine de tristesse pour qu'elle ne produise pas sur moi le même effet. C'est vous qui toujours m'avez donné des conseils et quoique malheureusement je ne les aie pas suivis quelquefois, je voudrais toute ma vie n'agir que d'après vos avis. Permettez-moi pour le moment de vous dire l'effet qu'a produit sur moi votre lettre et les idées qui me sont venues en la lisant. Si je vous parle trop franchement je sais que vous me

Digitized by Google

le pardonnerez en faveur de l'amour que j'ai pour vous. En disant que c'est votre tour de nous quitter pour aller rejoindre ceux qui ne sont plus et que vous avez tant aimés, en disant que vous demandez à Dieu de mettre un terme à votre existence qui vous semble si insupportable et isolée, — pardon, chère tante, mais il me paraît qu'en disant cela vous offensez Dieu et moi et nous tous qui vous aimons tant. Vous demandez à Dieu la mort, c. à. dire le plus grand malheur qui puisse m'arriver (ce n'est pas une phrase, mais Dieu m'est témoin que les deux plus grands malheurs qui puissent m'arriver ce serait votre mort ou celle de Nicolas—les deux personnes que j'aime plus que moi-même). Que resterait-il pour moi si Dieu exauçait votre prière. Pour faire plaisir à qui, voudrais—je devenir meilleur, avoir de bonnes qualités, avoir une bonne réputation dans le monde? Quand je fais des plans de bonheur pour moi, l'idée que vous partagerez et jouirez de mon bonheur m'est toujours présente. Quand je fais quelque chose de bon, je suis content de moi-même, parce que je sais que vous serez contente de moi. Quand j'agis mal, ce que je crains le plus—c'est de vous faire du chagrin. Votre amour est tout pour moi, et vous demandez à Dieu qu'il nous sépare! Je ne puis vous dire le sentiment que j'ai pour vous, la parole ne suffit pas pour vous l'exprimer et je crains que vous ne pensiez que j'exagère et cependant je pleurs à chaudes larmes en vous écrivant. C'est à cette pénible séparation que je dois de savoir quelle amie j'ai en vous et combien je vous aime. Mais est-ce que je suis le seul à avoir un sentiment pour vous et vous demandez à Dieu de mourir! Vous dites que vous êtes isolée, quoique je sois séparé de vous, mais si vous croyez à mon amour, cette idée aurait pu faire contrepoids à votre douleur, pour moi je ne me sentirai isolé nulle part jusqu'à ce que je me sache aimé par vous comme je le suis.

Je sens cependant que c'est un mauvais sentiment qui me dicte mes paroles, je suis jaloux de votre chagrin.

Digitized by Google

Дальше, въ томъ же письмѣ, онъ разсказываетъ случай, интересный какъ съ бытовой, такъ и съ психологической стороны.

Aujourd'hui il m'est arrivé une des ces choses qui m'auraient fait croire en Dieu, si je n'y croyais déjà fermement depuis quelque temps.

L'été à Старый Юртъ tous les officiers qui y étaient ne faisaient que jouer et assez gros jeu. Comme en vivant au camp il est impossible de ne pas se voir souvent, j'ai très souvent assisté au jeu et malgré les instances qu'on me faisait j'ai tenu bon pendant un mois, mais un beau jour en plaisantant, j'ai mis un petit enjeu, j'ai perdu, j'ai recommencé, j'ai encore perdu, la chance en était mauvaise, la passion du jeu s'est réveillée et en 2 jours j'ai perdu tout ce que j'avais d'argent et celui que Nicolas m'a donné (á peu près 250 r. arg.) et par dessus cela encore 500 r. arg. pour lequel j'ai donné une lettre de change payable au mois de Janvier 1852.

Il faut vous dire que près du camp il y a un аулъ qu'habitent les чеченцы. Un jeune garçon (чеченецъ) Sado venait au camp et jouait, mais comme il ne savait pas compter et inscrire il y avait des chenapans qui le trichaient. Je n'ai jamais voulu jouer pour cette raison contre Sado et même je lui ai dit qu-il ne fallait pas qu'il jouât, parce qu'on le trompait et je me suis proposé de jouer pour lui par procuration. Il m'a été très reconnaissant pour ceci et m'a fait cadeau d'une bourse, comme c'est l'usage de cette nation de se faire des cadeaux mutuels, je lui ai donné un misérable fusil que j'avais acheté pour 8 rb. Il faut vous dire que pour devenir кунакъ ce qui veut dire a m i il est d'usage de se faire des cadeaux, et puis de manger dans la maison du кунакъ. Après cela, d'après l'ancien usage de ces peuples (qui n'existe presque plus que par tradition) on devient ami á la vie et á la mort c. à. d. que si je lui demande tout son argent, ou sa femme, ou ses armes, ou tout ce qu'il a de plus précieux, il doit me les donner, et moi aussi je ne dois rien lui refuser. Sado m'a

Digitized by Google

engagé de venir chez lui et d'être кунакъ. J'y suis allé. Après m'avoir régalé á leur manière, il m'a proposé de choisir dans sa maison tout ce que je voudrais—ses armes, son cheval... tout. J'ai voulu choisir ce qu'il y avait de moins cher et j'ai pris une bride de cheval montée en argent, mais il m'a dit que je l'offensais et m'a obligé de prendre une шашка qui vaut au moins 100 r. arg.

Son père est un homme assez riche, mais qui a son argent enterré et ne donne pas le sou á son fils. Le fils pour avoir de l'argent va voler chez l'ennemi des chevaux, des vaches; quelquefois il expose 20 fois sa vie pour voler une chose qui ne vaut pas 10 r., mais ce n'est pas par cupidité qu'il le fait, mais par genre. Le plus grand voleur est très estimé et on l'appelle джигитъ, молодецъ. Tantôt Sado a 1000 r. arg. tantôt pas le sou. Après une visite chez lui je lui ai fait cadeau de la montre d'argent de Nicolas et nous sommes devenus les plus grands amis du monde. Plusieurs fois il m'a prouvé son dévouement en s'exposant á des dangers pour moi, mais ceci pour lui n'est rien—c'est devenu une habitude et un plaisir.

Quand je suis parti de Старый Юртъ et que Nicolas y est resté, Sado venait chez lui tous les jours et disait qu'il ne savait que devenir sans moi et qu'il s'ennuyait terriblement. Par une lettre je faisais connaître á Nicolas, que mon cheval étant malade je le priais de m'en trouver un á Старый Юртъ, Sado ayant appris cela n'eût rien de plus pressé que de venir chez moi et de me donner son cheval, malgré tout ce que j'ai pu faire pour refuser.

Après la bêtise que j'ai fait de jouer á Старый Юртъ, je n'ai plus repris les cartes en mains, et je faisais continuellement la morale á Sado qui a la passion du jeu et quoiqu'il ne connaisse pas le jeu, a toujours un bonheur étonnant. Hier soir je me suis occupé à penser á mes affaires pécuniaires, á mes dettes, je pensais comment je ferais pour les payer. Ayant longtemps pensé á ces choses, j'ai vu que si je ne dépense pas trop d'argent, toutes mes dettes ne m'embarrasseront pas

Digitized by Google

et pourront petit à petit être payées dans 2 ou 3 ans; mais les 500 rbs., que je devais payer ce mois, me mettaient au désespoir. Cette bêtise d'avoir fait les dettes que j'avais en Russie et de venir en faire de nouvelles ici me mettent au désespoir. Le soir en faisant ma prière, j'ai prié Dieu qu'il me tire de cette désagréable position et avec beaucoup de ferveur.— „Mais comment est—ce que je puis me tirer de cette affaire?“ pensai—je en me couchant. Il ne peut rien arriver qui me donne la possibilité d'acquitter cette dette. Je me représentais déjà tous les désagréments que j'avais à essuyer à cause de cela.

Какъ онъ подастъ ко взысканію, какъ по начальству отъ меня будутъ требовать отзыва, почему я не плачу и т. д. Помоги мнѣ, Господи, сказалъ я и заснулъ.

Le lendemain je reçois une lettre de Nicolas à laquelle était jointe la vôtre et plusieurs autres—il m'écrit:

На дняхъ былъ у меня Садо, онъ выигралъ у Кнорринга твои векселя и привезъ ихъ мнѣ. Онъ такъ былъ доволенъ этому выигрышу, такъ счастливъ и такъ много меня спрашивалъ: „какъ думаешь, братъ радъ будетъ, что я это сдѣлалъ?“ что я его очень за это полюбилъ. Этотъ человѣкъ дѣйствительно къ тебѣ привязанъ.

N'est ce pas étonnant que de voir son voeux aussi exaucé le lendemain même. C. à. d. qu'il n'y a rien d'aussi étonnant que la bonté divine pour un être qui la mérite si peu que moi. Et n'est ce pas que le trait de dévouement de Sado est admirable. Il sait que j'ai un frère Serge, qui aime les chevaux et comme je lui ai promis de le prendre en Russie quand j'y irai, il m'a dit, que dût—il lui en coûter 100 fois la vie, il volera le meilleur cheval qu'il y ait dans les montagnes, et qu'il le lui amènera.

Faites, je vous prie acheter à Toula un шестиствольный пистолетъ et de me l'envoyer et une коробочка съ музыкой, si cela ne coûte pas trop cher. Ce sont des choses qui lui feront beaucoup de plaisir *).

*) Я только что получилъ ваше письмо отъ 24-го ноября и тотчасъ же отвѣчаю (я установилъ такой обычай). Послѣдній разъ я вамъ писалъ

Digitized by Google

Интересенъ этотъ разсказъ особенно тѣмъ, что показываетъ, какой путь пройденъ Л. Н-чемъ въ своемъ духовномъ развитіи. Отъ наивной мистической вѣры въ вмѣшательство божества въ свои картежныя и денежныя дѣла и до полной религіозной свободы, исповѣдуемой имъ теперь.

Наконецъ, черезъ нѣсколько дней послѣ этого письма, устроивъ свои служебныя дѣла, Л. Н. возвращается въ станицу Старогладовскую. Съ дороги, со станціи Моздокъ, вѣ-

---

что ваше письмо заставило меня плакать и я полагалъ, что причиной этой слабости была моя болѣзнь. Я былъ не правъ. Всѣ ваши письма съ нѣкотораго времени дѣйствуютъ на меня также. Я всегда былъ Лёва-рёва. Сначала я стыдился этой слабости, но слезы, которыя я проливаю, думая о васъ и о вашей любви къ намъ, такъ радостны, что я имъ позволяю течь безъ всякаго ложнаго стыда. Ваше письмо слишкомъ полно грусти и потому не могло не произвести подобнаго же дѣйствія. Вы мнѣ всегда давали совѣты и хотя я, къ сожалѣнію, не всегда слѣдовалъ имъ, я хотѣлъ бы всю мою жизнь лишь слѣдовать вашимъ указаніямъ. Позвольте мнѣ теперь сказать вамъ о томъ дѣйствіи, которое произвело на меня ваше письмо и о мысляхъ, которыя возникли во мнѣ за чтеніемъ его. Если я говорю вамъ слишкомъ откровенно, вы простите меня, ради моей любви къ вамъ. Говоря, что теперь ваша очередь оставить насъ и соединиться съ тѣми, которыхъ уже нѣтъ и которыхъ вы такъ любили, говоря, что вы просите Бога положить предѣлъ вашему существованію, которое кажется вамъ столь невыносимымъ и одинокимъ,—извините, дорогая тетенька, но мнѣ кажется что говоря это, вы ропщете на Бога и обижаете меня и всѣхъ насъ, которые такъ васъ любятъ. Вы просите у Бога смерти, т. е. самаго большого несчастья, которое могло бы произойти для меня (это не фраза, но Богъ свидѣтель, что два самыя большія несчастія, которыя могутъ произойти для меня, это смерть ваша и Николеньки, двухъ людей, которыхъ я люблю больше самаго себя). Что осталось бы для меня, еслибы Богъ услышалъ вашу молитву? Ради кого старался бы я стать лучше, имѣть хорошія качества, составить о себѣ хорошее мнѣніе въ свѣтѣ? Когда я строю планы личнаго счастья, мысль о томъ, что вы раздѣлите его со мною и будете пользоваться имъ, никогда не покидаетъ меня. Когда я дѣлаю что-нибудь хорошее, я доволенъ собой потому, что знаю, что вы будете довольны мной. Когда я поступаю дурно —чего я всего больше опасаюсь, это вамъ причинитъ огорченіе. Ваша любовь для меня все, а вы просите Бога, чтобы онъ насъ разлучилъ! Я не могу вамъ, выразить того чувства, которое я питаю къ вамъ, словъ

Digitized by Google

роятно, долго ожидая лошадей, онъ пишетъ своей теткѣ длинное письмо, какъ всегда полное самыхъ глубокихъ, религіозныхъ мыслей, преисполненное нѣжности къ любимому существу и съ мечтами и планами о будущемъ, скромномъ семейномъ счастьи.

„Voilà les idées qui me sont venues. Je tâcherai de vous les rendre parce que je pensais à vous. Je me trouve bien changé au moral et cela m'est arrivé tant de fois. Au reste je

---

не достаточно для этого и я боюсь, чтобы вы не подумали, что я преувеличиваю, а между тѣмъ я плачу горючими слезами, пока пишу вамъ. Этой тяжелой разлукѣ я обязанъ сознаніемъ того, какой вы для меня другъ и какъ я васъ люблю. Но я развѣ одинъ, питающій къ вамъ эти чувства—а вы просите у Бога смерти. Вы говорите, что вы одиноки; хотя я и отдѣленъ отъ васъ, но если вы вѣрите моей любви и еслибы такая мысль могла послужить противовѣсомъ вашему горю, что касается до меня, я никогда не чувствую себя одинокимъ, пока я знаю, что я любимъ вами такъ, какъ оно есть.

Чувствую тѣмъ не менѣе, что дурное чувство диктуетъ эти слова,—я ревную васъ къ вашему горю.

. . . . . .

Сегодня произошелъ случай, который могъ бы меня заставить повѣрить въ Бога, если бъ я уже не вѣрилъ въ него съ нѣкоторыхъ поръ.

Лѣтомъ, въ Старомъ Юртѣ, всѣ офицеры были исключительно заняты игрой и довольно большой. Такъ какъ, живя въ лагерѣ, нельзя не видѣться часто, я нерѣдко присутствовалъ при игрѣ и, несмотря на упрашиванія, которыя мнѣ дѣлали, я держался съ мѣсяцъ. Но въ одинъ прекрасный день, шутя я поставилъ немного, проигралъ, снова поставилъ, опять проигралъ, мнѣ не повезло, игорная страсть поднялась во мнѣ и въ два дня я проигралъ все, что у меня было деньгами, что мнѣ далъ Николенка (около 250 рублей) и сверхъ того еще 500 рублей серебромъ, на которыя я далъ вексель срокомъ по январь 1852 года.

Надо вамъ сказать, что подлѣ лагеря есть аулъ, въ которомъ живутъ чеченцы. Одинъ молодой чеченецъ, Садо, пріѣзжалъ въ лагерь и игралъ; но такъ какъ онъ не умѣлъ считать и записывать, то были такіе негодяи, которые его обманывали. Поэтому самому я никогда не хотѣлъ играть противъ Садо и ему даже говорилъ, чтобы онъ не игралъ, потому что его надуваютъ и предложилъ ему играть за него по довѣренности. Онъ былъ мнѣ очень благодаренъ за это и подарилъ кошелекъ, а такъ какъ въ обычаѣ этого народа дарить другъ друга, то я ему подарилъ плохень-

Digitized by Google

crois que c'est le sort de tous. Plus on vit plus on change, vous, qui avez de l'expérience, dites moi, n'est—ce pas que c'est vrai? Je pense que les défauts et les qualités—le fond du caractère resteront toujours les mêmes, mais la manière d'envisager la vie, le bonheur,—doivent changer avec l'âge. Il y a un an je croyais trouver le bonheur dans le plaisir dans le mouvement, à présent, au contraire, le repos au physique comme au moral est un état que je désire. Mais je me figure l'état de

---

кое ружье, которое купилъ за 8 рублей. Надо вамъ сказать, что для того, чтобы стать кунакомъ, т. е. другомъ, нужно дѣлать подарки и потомъ обѣдать въ домѣ кунака. Послѣ этого, по старинному обычаю этого народа, (который сохраняется едва ли только не въ преданіи) становятся друзьями на жизнь и на смерть, т. е. что если я у него спрошу всѣ деньги, его жену, его оружіе и все, что у него есть самаго драгоцѣннаго, онъ долженъ мнѣ отдать и я тоже ни въ чемъ не долженъ ему отказывать. Садо пригласилъ меня къ себѣ въ домъ, предложивъ быть его кунакомъ. Я пошелъ къ нему. Угостивъ меня по своему, онъ предложилъ мнѣ выбрать, что я хочу въ его домѣ оружіе, лошадь... все. Я хотѣлъ выбрать самое дешевое и взялъ уздечку, отдѣланную въ серебро; но онъ сказалъ мнѣ, что я его этимъ обижу и заставилъ меня взять шашку, стоящую по меньшей мѣрѣ сто рублей серебромъ.

Отецъ его человѣкъ богатый, но у него деньги закопаны въ землѣ и онъ не даетъ сыну ни копѣйки. Сынъ, чтобы выручить денегъ, ѣздитъ къ непріятелю красть лошадей, коровъ. Иной разъ онъ подвергаетъ 20 разъ опасности свою жизнь изъ за вещи стоющей не болѣе 10 рублей; но это онъ дѣлаетъ не изъ за жадности, а по натурѣ. Самый ловкій воръ очень уважаемъ и его называютъ „джигитъ", молодецъ. У Садо то бываетъ 1000 рублей, то ни копѣйки. Послѣ одного изъ моихъ посѣщеній его дома, я подарилъ ему Николенькины серебряные часы и мы стали самыми большими друзьями. Много разъ онъ доказалъ мнѣ свою преданность, подвергая изъ за меня свою жизнь опасности,—но это для него ничего не значитъ, это для него обычай и удовольствіе.

Когда я уѣхалъ изъ Стараго Юрта, а Николенька остался тамъ, Садо каждый день приходилъ къ нему и говорилъ, что онъ не знаетъ, что ему безъ меня дѣлать и что онъ страшно скучаетъ. Я писалъ Николенькѣ, что такъ какъ моя лошадь заболѣла, то я прошу его найти мнѣ какую нибудь въ Старомъ Юртѣ. Садо, узнавъ объ этомъ, ничего не нашелъ лучшаго, какъ явиться ко мнѣ въ станицу и подарить мнѣ свою лошадь, не смотря на всѣ мои усилія отказать ему.

Digitized by Google

repos sans ennuis et avec les tranquilles jouissances de l'amour et de l'amitié,—c'est le comble du bonheur pour moi! Au reste on ne ressent le charme du repos, qu'après les fatigues et des jouissances de l'amour qu'après les privations. Me voilà privé depuis quelque temps de l'un comme de l'autre, c'est pour cela que j'y aspire si vivement. Il faut m'en priver encore—pour combien de temps? Dieu le sait. Je ne saurais dire pourquoi, mais je sens qu'il le faut. La religion et l'expérience que j'ai de la vie (quelque petite qu'elle soit) m'ont appris que la vie

---

Послѣ глупости, которую я сдѣлалъ, проигравъ въ Старомъ Юртѣ, я больше не бралъ въ руки картъ и читалъ наставленія Садо, который страстный игрокъ и хотя не знаетъ игры, всегда бываетъ очень счастливъ въ игрѣ.

Вчера вечеромъ я былъ занятъ мыслями о моихъ денежныхъ дѣлахъ и моихъ долгахъ. Я думаю о томъ, какъ я расплачусь. Долго размышляя объ этомъ, я увидалъ, что если я не буду много тратить, долги не будутъ мнѣ обременительны и я смогу расплатиться въ 2 или 3 года; но 500 рублей, которыя я долженъ былъ заплатить въ этомъ мѣсяцѣ, приводили меня въ отчаяніе. Я былъ въ отчаяніи отъ этой глупости, что дѣлавши долги въ Россіи, пріѣхалъ ихъ снова дѣлать сюда. Вечеромъ молясь, я просилъ Бога, чтобы онъ избавилъ меня отъ этого тяжелаго положенія и я молился очень горячо.—„Но какже я могу выпутаться изъ этого дѣла?“ думалъ я, ложась спать. Ничего не можетъ случиться такого, что бы дало мнѣ возможность расплатиться съ этимъ долгомъ. Я уже представлялъ себѣ всѣ непріятности, которыя мнѣ пришлось бы перенести изъ за этого.

На другой день я получилъ письмо отъ Николеньки съ приложеніемъ вашего и многихъ другихъ писемъ. Онъ мнѣ пишетъ:

Неправда ли, удивительно видѣть свою просьбу услышанной на другой же день, т. е. удивительна больше всего милость Божія къ существу, столь мало заслужившему ее, какимъ былъ я. И неправда ли, эта черта преданности въ Садо прелестна. Онъ знаетъ, что у меня есть братъ Сергѣй, который любитъ лошадей и такъ какъ я обѣщалъ Садо взять его съ собой въ Россію, когда я туда поѣду, онъ сказалъ мнѣ, что хоть бы это ему стоило 100 жизней, онъ украдетъ самую лучшую лошадь, какая есть въ горахъ и приведетъ ему.

Пожалуйста, прикажите купить въ Тулѣ шестиствольный пистолетъ и послать его мнѣ и коробочку съ музыкой, если это не слишкомъ дорого стоитъ. Это вещи, которыя ему очень понравятся.

Digitized by Google

est une épreuve. Dans moi elle est plus qu'une épreuve, c'est encore l'expiation de mes fautes.

J'ai dans l'idée que l'idée si frivole que j'ai eu d'aller faire un voyage au Caucase—est une idée qui m'a été inspirée d'en haut. C'est la main de Dieu qui m'a guidé—je ne cesse de l'en remercier. Je sens que je suis devenu meilleur ici (et ce n'est pas beaucoup dire puisque j'ai été très mauvais) et je suis fermement persuadé que tout ce qui peut m'arriver ici ne sera que pour mon bien, puisque c'est Dieu lui-même qui l'a voulu ainsi. Peut-être que c'est une idée bien hardie, néanmoint j'ai cette conviction.—C'est pour cela que je supporte les fatigues et les privations—physiques dont je parle (ce ne sont pas des privations physiques—il n'y en a pas pour un garçon de 23 ans qui se porte bien) sans les ressentir, même avec une espèce de plaisir en pensant au bonheur qui m'attend.

Voilà comment je le représente.—

Après un nombre indèterminé d'années, ni jeune, ni vieux je suis à Ясная mes affaires sont en ordres, je n'ai pas d'inquiétudes, ni de tracasseries. Vous habitez Ясная aussi. Vous avez un peu vieilli, mais êtes encore fraîche et bien portante. Nous menons la vie que nous avons menée,—je travaille le matin, mais nous nous voyons presque toute la journée. Nous dînons. Le soir je vous fais une lecture qui ne vous ennuie pas, puis nous causons—moi je vous raconte ma vie au Caucase, vous me parlez de vos souvenirs—de mon père, de ma mère, vous me contez des страшныя que jadis nous écoutions les yeux effrayés et la bouche béante. Nous nous rappelons les personnes qui nous ont été chères et qui ne sont plus; vous pleurerez, j'en ferai de même, mais ces larmes seront douces; nous causerons des frères qui viendront nous voir de temps en temps, de la chère Marie qui passera aussi quelques mois de l'année à Ясная qu'elle aime tant, avec tous ses enfants. Nous n'aurons point de connaissances—personne ne viendra nous ennuyer et faire des commérages. C'est un beau rêve, mais ce n'est pas encore tout ce que je me permets de rêver.—Je suis marié—ma femme est

Digitized by Google

une personne douce, bonne, aimante; elle a pour vous le même amour que moi; nous avons des enfants qui vous appellent grand-maman; vous habitez la grande maison en haut, la même chambre que jadis habitait grand—maman. Toute la maison est dans le même ordre qu'elle a été du temps de papa et nous recommençons la même vie, seulement en changeant de rôle; vous prenez le rôle de grand'maman, mais vous êtes encore meilleure, moi le rôle de papa, mais je désespère de jamais le mériter; ma femme celui de maman, les enfants le nôtre; Marie le rôle des deux tantes, leurs malheurs excepté, même Гаша prend le rôle de Прасковья Ильинишна. Mais il manquera un personnage pour prendre le rôle que vous avez joué dans notre famille jamais il ne se trouvera une âme aussi belle, aussi aimante que la vôtre. Vous n'avez pas de successeur. Il y aura trois nouveaux personnages, qui paraîtront de temps en temps sur la scène—les frères, surtout l'un qui sera souvent avec vous. Nicolas—vieux garçon, chauve, retiré du service, toujours aussi bon, aussi noble.

Я воображаю, какъ онъ будетъ, какъ въ старину, разсказывать дѣтямъ своего сочиненія сказки, какъ дѣти будутъ у него цѣловать сальныя руки (но которыя стоятъ того), какъ онъ будетъ съ ними играть, какъ жена моя будетъ хлопотать, чтобы сдѣлать ему любимое кушанье, какъ мы съ нимъ будемъ перебирать общія воспоминанія о давно прошедшемъ времени, какъ Вы будете сидѣть на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ и съ удовольствіемъ слушать насъ; какъ Вы насъ—старыхъ будете называть по прежнему Левочка, Николенька и будете бранить меня за то, что я руками ѣмъ, а его за то, что у него руки не чисты.

Si on me faisait empereur de Russie, si on me donnait le Pérou, en un mot si une fée venait avec sa baguette me demander ce que je désire—la main sur la conscience, je répondrais que je désire seulement que ce rêve puisse devenir une réalité.

Знаю—вы не любите загадывать, mais quel mal y a-t-il? et cela fait tant de plaisir. Je crains d'avoir été égoiste et

Digitized by Google

d'avoir fait trop petite votre part de bonheùr. Je crains que les malheurs passés, mais qui ont laissé des traces trop sensibles dans votre coeur ne vous empêchent de jouir de cet avenir qui aurait fait mon bonheur. Chère tante, dites moi, seriez-vous heureuse? Tout cela peut arriver et l'espérance est une si douce chose.

De nouveau je pleure. Pourquoi est-ce que je pleure quand je pense à vous? Ce sont des larmes de bonheur—je suis heureux de savoir vous aimer. Si tous les malheurs pouvaient m'arriver, je ne me dirais jamais tout à fait malheureux tant que vous existez. Vous vous rappelez notre séparation a la chapelle d'Iverskaïa quand nous partions pour Cazan. Alors comme par inspiration, au moment de vous quitter, je compris tout ce que vous étiez pour moi et, quoique encore enfant, par mes larmes et quelques mots décousus, j'ai su vous faire comprendre ce que je sentais. Je n'ai jamais cessé de vous aimer, mais le sentiment que j'ai éprouvé à la capelle d'Jverskaïa, et celui que j'ai à présent pour vous est tout autre—beaucoup plus fort, plus élevé que je n'ai eu dans tout autre temps.

Je vais vous avouer une chose qui me fait honte, mais qu'il faut que je vous dise pour décharger ma conscience. Auparavant en lisant vos lettres, dans lesqulles vous me parliez des sentiments que vous aviez pour nous, j'ai cru voir de l'exagération, mais seulement à présent, en les relisant, je vous comprends, votre amour sans bornes pour nous et votre âme élevée. Je suis sûr que tout autre, excepté vous, en lisant cette lettre et la dernière m'aurait fait le même reproche; mais je ne crains pas cela de vous, vous me connaissez trop bien, et vous savez que peut être ma seule bonne qualité—c'est la sensibilité. C'est à cette qualité que je suis redevable des moments les plus heureux de ma vie. Dans tous les cas—c'est la dernière dans laquelle je me permets d'exprimer mes sentiments aussi exaltés—exaltés pour les indifferents, mais vous saurez les apprecier. *)

*) Вотъ мысли, которыя пришли мнѣ на умъ. Я постараюсь передать ихъ вамъ, потому что я думалъ о васъ. Я очень перемѣнился

Digitized by Google

Возвратившись въ Старогладовскую уже юнкеромъ и въ февралѣ идетъ въ походъ въ качествѣ „уноснаго фейерверкера“.

Въ мартѣ онъ опять въ Старогладовской. Интересны нѣсколько мыслей того времени, записанныя имъ въ дневникѣ.

Левъ Николаевичъ замѣчалъ въ себѣ три главныя страсти, мѣшавшія ему на пути къ поставленному имъ себѣ нравственному идеалу. Эти страсти были: игра, чувственность или сладострастіе и тщеславіе. Онъ такъ опредѣлялъ и характеризовалъ каждую изъ этихъ страстей:

1) Страсть къ игрѣ есть страсть корыстная, понемногу переходящая въ привычку къ сильнымъ ощущеніямъ. Съ этой страстью возможна борьба.

нравственно и это со мной уже было столько разъ. Впрочемъ, я думаю, что это со всѣми такъ бываетъ. Чѣмъ болѣе живешь, тѣмъ болѣе мѣняешься; вы человѣкъ опытный, скажите, вѣдь это правда? Я думаю, что недостатки и качества, основы характера, остаются тѣ же, но взгляды на жизнь, на счастіе должны измѣняться съ годами. Годъ тому назадъ я думалъ найти счастіе въ удовольствіяхъ, въ движеніяхъ; теперь же, напротивъ, отдыхъ физическій и моральный это то, чего я желаю. Но я представляю себѣ состояніе покоя безъ скуки, съ тихой радостью любви и дружбы—это для меня верхъ счастья. Впрочемъ, очарованіе покоя чувствуешь только послѣ усталости и радости любви только послѣ ея лишенія. И вотъ я лишенъ теперь и того и другого и потому то я такъ стремлюсь къ нимъ. Мнѣ нужно быть лишеннымъ ихъ еще на сколько времени? Богъ знаетъ. Не знаю почему, но я чувствую, что это нужно. Религія и опытъ жизни, какъ бы малъ онъ ни былъ, научили меня, что жизнь есть испытаніе. Для меня она больше, чѣмъ испытаніе, она есть искупленіе моихъ грѣховъ.

Мнѣ кажется, что мысль поѣхать на Кавказъ внушена мнѣ свыше. Это рука Божія ведетъ меня и я непрестанно благодарю Его. Я чувствую, что здѣсь я сталъ лучше (это еще не много, потому что я былъ очень дуренъ) и я твердо увѣренъ, что все, что можетъ со мной случиться здѣсь, будетъ мнѣ на пользу, потому что самъ Богъ этого хочетъ. Быть можетъ это слишкомъ смѣлая мысль, но я въ этомъ убѣжденъ. Поэтому то я переношу невзгоды и лишенія физическія, о которыхъ я говорю (какія могутъ быть физическія лишенія для здороваго малаго 23

Digitized by Google

2) Сладострастіе есть потребность физическая, потребность тѣла, разжигаемая воображеніемъ, съ воздержаніемъ она усиливается и потому борьба съ ней очень трудна. Лучшее средство—трудъ и занятія.

3) Тщеславіе—это страсть наименѣе вредная для другихъ и наиболѣе вредная для себя.

Затѣмъ встрѣчается такое разсужденіе:

„Съ нѣкотораго времени меня сильно начинаетъ мучить раскаяніе въ утратѣ лучшихъ годовъ въ жизни. И это съ тѣхъ поръ, какъ я началъ чувствовать, что я бы могъ сдѣлать что-нибудь хорошее. Интересно бы было описать ходъ своего моральнаго развитія; но не только слова, но и мысль даже недостаточна для этого.

лѣтъ) какъ бы не чувствуя ихъ, даже съ нѣкоторымъ наслажденіемъ, думая о счастіи, которое меня ожидаетъ.

Вотъ какъ я его себѣ представляю:

Послѣ нѣкотораго количества лѣтъ,—ни молодой, ни старый я въ Ясной Полянѣ, дѣла мои въ порядкѣ, у меня нѣтъ ни безпокойства, ни непріятностей. Вы также живете въ Ясной. Вы немного постарѣли, но еще свѣжи и здоровы. Мы ведемъ жизнь, которую вели раньше,—я работаю по утрамъ, но мы видимся почти цѣлый день. Мы обѣдаемъ. Вечеромъ я вамъ читаю что-нибудь интересное для васъ, потомъ мы бесѣдуемъ, я разсказываю вамъ про кавказскую жизнь, вы мнѣ разсказываете ваши воспоминанія о моемъ отцѣ, матери; вы мнѣ разсказываете „страшныя“, которыя мы прежде слушали съ испуганными глазами и разинутыми ртами. Мы вспоминаемъ людей, которыя намъ дороги и которыхъ больше нѣтъ. Вы станете плакать и я тоже, но эти слезы будутъ успокоительны; мы будемъ говорить о братьяхъ, которые будутъ къ намъ пріѣзжать время отъ времени, о дорогой Машѣ, которая также будетъ проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ году въ Ясной, которую она такъ любитъ, со всѣми своими дѣтьми. У насъ не будетъ знакомыхъ, никто не придетъ намъ надоѣдать и сплетничать. Это чудный сонъ. Но это еще не все, о чемъ я себѣ позволяю мечтать. Я женатъ, моя жена тихая, добрая, любящая; васъ она любитъ такъ же, какъ и я; у насъ дѣти, которыя васъ зовутъ бабушкой; вы живете въ большомъ домѣ наверху, въ той же комнатѣ, которую прежде занимала бабушка. Весь домъ содержится въ томъ же порядкѣ, какой былъ при отцѣ и мы начи-

Digitized by Google

Нѣтъ границъ великой мысли, но уже давно писатели дошли до неприступной границы ея выраженія.

„Есть во мнѣ что-то, что заставляетъ меня вѣрить, что я рожденъ не для того, чтобы быть такимъ какъ всѣ“.

Эти послѣднія слова суть первое смутное сознаніе своего призванія. Надо замѣтить, что эти слова были написаны еще до окончанія „Дѣтства“ и стало быть до полученія похвалъ и поздравленій съ успѣшнымъ началомъ. Это было внутреннее, независимое сознаніе въ себѣ той таинственной силы, которая потомъ выдвинула его, какъ одного изъ высшихъ представителей моральнаго сознанія всего человѣчества.

Въ маѣ мѣсяцѣ онъ беретъ отпускъ и ѣдетъ въ Пятигорскъ пить воды и лѣчиться отъ преслѣдовавшаго его ревматизма.

наемъ ту же жизнь, только перемѣнившись ролями. Вы замѣняете бабушку, но вы еще лучше ея, я замѣняю отца, хотя я не надѣюсь никогда заслужить эту честь. Жена моя замѣняетъ мать, дѣти—насъ. Маша беретъ на себя роль двухъ тетокъ, исключая ихъ горя; даже Гаша замѣняетъ Прасковью Ильинишну. Не будетъ хватать только лица, которое взяло бы на себя вашу роль въ жизни нашей семьи. Никогда не найдется столь прекрасная душа, столь любящая, какъ ваша. У васъ нѣтъ преемниковъ. Будетъ три новыхъ лица, которыя будутъ иногда появляться среди насъ—это братья, особенно одинъ, который часто будетъ съ нами, Николенька, старый холостякъ, лысый, въ отставкѣ, всегда такой же добрый, благородный.

Еслибы меня сдѣлали русскимъ императоромъ, еслибы мнѣ дали Перу, однимъ словомъ, еслибы волшебница пришла ко мнѣ съ своей палочкой и спросила бы меня, чего я желаю, я, положа руку на сердце, отвѣтилъ бы, что желаю, чтобы эти мечты могли стать дѣйствительностью.

Знаю, вы не любите загадывать, но что же тутъ дурного? а это такъ пріятно. Я боюсь, что это слишкомъ эгоистично и что я вамъ удѣлилъ мало мѣста въ этомъ счастьи. Я опасаюсь, что прошлыя горя оставили слишкомъ чувствительный слѣдъ въ вашемъ сердцѣ и это помѣшаетъ вамъ отдаться этому будущему, которое составило бы мое счастье. Дорогая тетенька, скажите, были бы вы счастливы? Все это можетъ случиться и надежда такъ утѣшительна!

Опять я плачу. Зачѣмъ я плачу, думая о васъ? Это слезы радости;

Digitized by Google

Оттуда онъ пишетъ своей теткѣ письмо, рисующее картину его душевной жизни и указывающее на неперестающую внутреннюю работу его духовнаго существа.

Depuis mon voyage et séjour à Tifliss, mon genre de vie n'a pas changé, je tâche de faire le moins de connaissances possibles et de m'abstenir de l'intimité, de celles que j'ai. On est habitué à ma manière, on ne m'importune plus et je suis sûr, qu'on dit, que je suis un чудакъ et un гордецъ.

Ce n'est pas par fierté que je me conduis ainsi, mais cela s'est fait de soi-même; il y a une trop grande différence dans l'éducation, les sentiments et la manière de voir de ceux que je rencontre ici pour que je trouve quelque plaisir avec eux. Il n'y a que Nicolas qui a le talent malgré l'énorme différence qu'il y a entre lui et tous ces messieurs à s'amuser avec eux et à être aimè de tous. Je lui envie ce talent, mais je sens que je ne puis en faire autant. Il est vrai que ce genre de vie

---

я счастливъ отъ сознанія моей любви къ вамъ. Какія бы несчастья не случились, я не сочту себя вполнѣ несчастнымъ, пока вы живы. Помните ли вы нашу разлуку у Иверской часовни, когда мы уѣзжали въ Казань. Тогда, какъ бы по вдохновенію, въ самую минуту разлуки я понялъ, кѣмъ вы были для меня и хотя еще ребенокъ, слезами и нѣсколькими отрывочными словами я сумѣлъ дать вамъ понять, что я чувствовалъ. Я никогда не переставалъ васъ любить; но чувство, которое я испыталъ у Иверской и теперешнее совсѣмъ иныя, теперешнее гораздо сильнѣе, болѣе возвышенное, чѣмъ въ какое либо другое время.

Сознаюсь вамъ въ одномъ, чего стыжусь, но долженъ сказать вамъ это, чтобы освободить мою совѣсть. Раньше, читая ваши письма, въ которыхъ вы говорили о вашихъ чувствахъ ко мнѣ, мнѣ казалось, что вы преувеличиваете. Но только теперь перечитывая ихъ, я понимаю васъ, вашу безграничную любовь къ намъ и вашу возвышенную душу. Я увѣренъ, что всякій другой, читая это письмо и предыдущее, сдѣлалъ бы мнѣ тотъ же упрекъ. Но я не опасаюсь этого отъ васъ, вы меня слишкомъ хорошо знаете и вы знаете, что быть можетъ единственное мое доброе качество—это чувствительность. Этому качеству я обязанъ счастливѣйшими минутами моей жизни. Во всякомъ случаѣ, это послѣднее письмо, въ которомъ я позволяю себѣ выразить столь наполненныя чувства; наполненныя для равнодушныхъ, но вы сумѣете ихъ оцѣнить.

Digitized by Google

n'est pas fait pour s'amuser, aussi il y a bien longtemps que je ne pense plus aux plaisirs, je pense à être tranquille et content. Depuis quelque temps je commence à prendre goût pour les lectures historiques, (c'était un point de dispute entre nous et un sur lequel à présent je suis tout à fait de votre avis); mes occupations littéraires vont aussi leur petit train, quoique je ne pense pas encore à rien imprimer. J'ai trois fois refait un ouvrage que j'ai commencé il y a bien longtemps et je compte le refaire encore une fois pour en être content. Peut-être que ce sera comme le travail de Pénélope, mais cela ne me dégoûte pas, je ne compose pas par ambition, mais par goût, je trouve mon plaisir et mon utilité à travailler et je travaille. Quoique je sois bien loin de m'amuser comme je vous l'ai dit je suis aussi bien loin de m'ennuyer, parce que je suis occupé, mais excepté cela, je goûte un plaisir plus doux et plus élevé, que celui—qu'aurait pu me donner la société—celui de sentir le repos de ma conscience, de se connaître et de se savoir mieux apprécié que je ne l'avais fait et de sentir remuer en moi des sentiments bons et généreux.

Il y a eu un temps, ou j'étais vain de mon esprit et de ma position dans ce monde, de mon nom, mais à présent, je sais et je sens que s'il y a en moi quelque chose de bon et que si j'ai à en rendre grâce à la Providence c'est pour un coeur bon, sensible et capable d'amour qu'il lui a plu de me donner et de me conserver.

C'est à lui seul que je suis redevable des moments les plus doux que je passe et de ce que malgré l'absence des plaisirs et de société, je suis non seulement content mais souvent heureux". *)

---

*) Со времени моего путешествія и пребыванія въ Тифлисѣ, мой образъ жизни не измѣнился, я стараюсь заводить какъ можно меньше знакомыхъ и воздерживаться отъ интимности въ тѣхъ знакомствахъ, которыя я уже сдѣлалъ. Къ этому уже привыкли, меня не безпокоятъ и я увѣренъ, что про меня говорятъ, что я гордецъ и чудакъ.

Не изъ гордости я такъ веду себя, это вышло само собой; слиш-

Digitized by Google

Въ маѣ мѣсяцѣ онъ беретъ отпускъ и ѣдетъ въ Пятигорскъ.

Въ письмѣ къ брату Сергѣю отъ 24 іюня 1852 года онъ сообщаетъ характерныя подробности Пятигорской жизни.

„Что сказать тебѣ о своемъ житьѣ? Я писалъ три письма и въ каждомъ описывалъ то же самое. Желалъ бы я тебѣ описать духъ Пятигорскій, да это также трудно, какъ разсказать новому человѣку, въ чемъ состоитъ Тула, а мы это, къ несчастію, отлично понимаемъ. Пятигорскъ тоже немножко Тула, но особеннаго рода—Кавказская. Напримѣръ, здѣсь главную роль играютъ семейные дома и

комъ велика разница въ воспитаніи, въ чувствахъ, во взглядахъ у тѣхъ кого я встрѣчаю здѣсь, чтобы я могъ находить какое нибудь удовлетвореніе съ ними. Только Николенька имѣетъ способность, несмотря на огромную разницу, какая есть между нимъ и этими господами, проводить съ ними пріятно время и быть любимымъ всѣми. Я завидую ему, но чувствую, что не могу такъ поступать.

Правда и то, что такой образъ жизни не влечетъ за собой удовольствій; но я уже давно не думаю объ удовольствіяхъ, я думаю о томъ, чтобы быть спокойнымъ и удовлетвореннымъ. Съ нѣкоторыхъ поръ я вошелъ во вкусъ историческаго чтенія (это было предметомъ нашего спора и на счетъ этого теперь я вполнѣ съ вами согласенъ). Мои литературныя работы также подвигаются понемногу, хотя я еще не думаю ничего печатать. Я три раза передѣлалъ работу, которую началъ уже давно и я разсчитываю еще разъ передѣлать ее, чтобы быть довольнымъ. Быть можетъ это будетъ работой Пенелопы, но это не отталкиваетъ меня; я пишу не изъ тщеславія, но по влеченію, мнѣ пріятно и полезно работать и я работаю. Хотя я не веселюсь, какъ я вамъ писалъ, но и не скучаю, потому что я занятъ; но кромѣ того я вкушаю еще болѣе высокое, болѣе сильное удовольствіе, чѣмъ то, которое могло бы мнѣ дать общество—это сознаніе спокойной совѣсти, сознаніе высшей оцѣнки самого себя, сознаніе движенія во мнѣ добрыхъ, великодушныхъ чувствъ.

Было время, когда я тщеславился моимъ умомъ, моимъ положеніемъ въ свѣтѣ , моимъ именемъ, но теперь я знаю, я чувствую, что если есть во мнѣ что нибудь хорошаго, и что если есть за что благодарить Провидѣніе—это за доброе сердце, чувствительное и способное любить, которое оно даровало и сохранило мнѣ. Ему одному я обязанъ лучшими пережитыми минутами и тѣмъ, что хотя у меня и нѣтъ удовольствій и общества, я не только доволенъ, но часто бываю счастливъ.

Digitized by Google

публичныя мѣста. Общество состоитъ изъ помѣщиковъ (такъ технически называются всѣ пріѣзжіе), которые смотрятъ на здѣшнюю цивилизацію презрительно, и господъ офицеровъ, которые смотрятъ на здѣшнія увеселенія, какъ на верхъ блаженства. Со мною изъ штаба пріѣхалъ офицеръ нашей батареи. Надо было видѣть его восторгъ и безпокойство, когда мы въѣзжали въ городъ! Еще прежде онъ мнѣ много говорилъ о томъ, какъ весело бываетъ на водахъ, о томъ, какъ подъ музыку ходятъ по бульвару и потомъ будто всѣ идутъ въ кондитерскую и тамъ знакомятся—даже съ семейными домами. Театръ, собраніе, всякій годъ бываютъ свадьбы, дуэли... ну, однимъ словомъ, чисто парижская жисть. Какъ только мы вышли изъ тарантаса, мой офицеръ надѣлъ голубые панталоны съ ужасно натянутыми штрипками, сапоги съ огромными шпорами, эполеты,—обчистился и пошелъ подъ музыку ходить по бульвару, потомъ въ кондитерскую, въ театръ и въ собраніе. Но сколько мнѣ извѣстно, вмѣсто знакомства съ семейными домами и невѣсты-помѣщицы съ 1000 душами, онъ въ цѣлый мѣсяцъ познакомился только съ тремя оборванными офицерами, которые обыграли его до тла, и съ однимъ семейнымъ домомъ, но въ которомъ два семейства живутъ въ одной комнатѣ и подаютъ чай въ прикуску. Кромѣ того, офицеръ этотъ въ мѣсяцъ издержалъ рублей 20 на портеръ и на конфекты и купилъ себѣ бронзовое зоркало для настольнаго прибора. Теперь онъ ходитъ въ старомъ сюртукѣ безъ эполетъ, пьетъ сѣрную воду изо всѣхъ силъ, какъ будто серьезно лѣчится, и удивляется, что никакъ не могъ познакомиться, не смотря на то, что всякій день ходилъ по бульвару и въ кондитерскую и не жалѣлъ денегъ на театръ, извозчиковъ и перчатки,—съ аристократіей (здѣсь во всякой маленькой крѣпостенкѣ есть аристократія), а аристократія, какъ на зло, устраиваетъ кавалькады, пикники, а его никуда не пускаютъ. Почти всѣхъ офицеровъ

Digitized by Google

которые пріѣзжаютъ сюда, постигаетъ та же участь, и они притворяются, будто только пріѣхали лѣчиться, хромаютъ съ костылями, носятъ повязки, перевязки, пьянствуютъ и разсказываютъ страшныя исторіи про черкесовъ. Между тѣмъ въ Штабѣ они опять будутъ разсказывать, что были знакомы съ семейными домами и веселились на славу; и всякій курсъ со всѣхъ сторонъ кучами ѣдутъ на воды повеселиться.

Какъ видно изъ письма къ теткѣ, въ Пятигорскѣ Левъ Николаевичъ продолжаетъ писать „Дѣтство". Кромѣ того постоянная внутренняя работа надъ самимъ собой не покидаетъ его.

29 іюня онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ мысль, которая можетъ служить краткимъ выраженіемъ всего его теперешняго міровоззрѣнія.

„Совѣсть есть лучшій и вѣрнѣйшій нашъ путеводитель, но гдѣ признаки, отличающіе этотъ голосъ отъ другихъ голосовъ?.. Голосъ тщеславія говоритъ также сильно. Примѣръ—неотмщенная обида.

Тотъ человѣкъ, котораго цѣль есть собственное счастье—дуренъ; тотъ, котораго цѣль есть мнѣніе другихъ — слабъ; тотъ, котораго цѣль есть счастье другихъ—добродѣтеленъ; тотъ, котораго цѣль Богъ—великъ."

Далѣе встрѣчается такая мысль, развитіе которой мы также находимъ въ теперешнихъ произведеніяхъ.

„Справедливость есть крайняя мѣра добродѣтели, къ которой обязанъ всякій. Выше ея—стремленіе къ совершенству, ниже—порокъ.".

2-го іюля Левъ Николаевичъ окончилъ „Дѣтство" и черезъ нѣсколько дней отправилъ рукопись въ Петербургъ, въ редакцію „Современника".

Первоначальное заглавіе этого перваго литературнаго произведенія было: „Исторія моего дѣтства". Оно было подписано тремя буквами Л. Н. Т. и редакція долго не знала имени автора.

Digitized by Google

Въ Пятигорскѣ Л. Н. видѣлся съ своей сестрой М. Н—ой и ея мужемъ, М. Н. лѣчилась на водахъ отъ ревматизма, по ея разсказамъ Л. Н. иногда увлекался спиритическими сеансами и верченіемъ столовъ, и занимался этимъ даже на бульварѣ, таская туда столы изъ кофейной.

5-го августа Левъ Николаевичъ покидаетъ Пятигорскъ и возвращается въ свою станицу.

Дорогой онъ записываетъ такую интересную мысль, составляющую одну изъ главныхъ основъ его настоящаго міровоззрѣнія:

„Будущность занимаетъ насъ болѣе дѣйствительности. Эта наклонность хороша, ежели мы думаемъ о будущности того міра. Жить въ настоящемъ, т.-е. поступать наилучшимъ образомъ въ настоящемъ—вотъ мудрость“.

7-го августа онъ пріѣхалъ въ Старогладовскую и, охваченный привычной и любимой имъ патріархальной простотой казачьей жизни, онъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

„Простота, вотъ качество, которое я желаю пріобрѣсти больше всѣхъ другихъ“.

28-го августа онъ получаетъ, наконецъ, давно жданное письмо отъ редактора „Современника“. „Оно обрадовало меня до глупости“, замѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ.

Вотъ это знаменитое письмо Некрасова, бывшаго воспріемникомъ новорожденнаго таланта:

Милостивый Государь!

Я прочелъ вашу рукопись (Дѣтство). Она имѣетъ въ себѣ настолько интереса, что я ее напечатаю. Не зная продолженія, не могу сказать рѣшительно, но мнѣ кажется, что въ авторѣ ея есть талантъ. Во всякомъ случаѣ направленіе автора, простота и дѣйствительность содержанія составляютъ неотъемлимыя достоинства этого произведенія. Если въ дальнѣйшихъ частяхъ (какъ и слѣдуетъ ожидать) будетъ побольше живости и движенія, то это будетъ хо-

Digitized by Google

рошій романъ. Прошу васъ прислать мнѣ продолженіе. И романъ вашъ и талантъ меня заинтересовали. Еще я совѣтовалъ бы вамъ не прикрываться буквами, а начать печататься прямо со своей фамиліей, если только вы не случайный гость въ литературѣ. Жду вашего отвѣта.

Примите увѣреніе въ истинномъ моемъ уваженіи

Н. Некрасовъ *).

За этимъ письмомъ черезъ мѣсяцъ слѣдовало второе отъ 5-го сентября 1852 года.

Милостивый Государь!

Я писалъ вамъ о вашей повѣсти; но теперь считаю своимъ долгомъ еще сказать вамъ о ней нѣсколько словъ. Я далъ ее въ наборъ на IX книжку „Современника", и прочитавъ внимательно въ корректурѣ, а не въ слѣпо написанной рукописи, нашелъ, что эта повѣсть гораздо лучше, чѣмъ показалась мнѣ съ перваго раза. Могу сказать положительно, что у автора есть талантъ. Убѣжденіе въ этомъ для васъ, какъ для начинающаго, думаю всего важнѣе въ настоящее время. Книжка „Современника", съ вашей повѣстью завтра выйдетъ въ Петербургѣ, а къ вамъ (я пошлю ее по вашему адресу), вѣроятно, попадетъ еще не ранѣе, какъ недѣли черезъ три. Изъ нея кое-что исключено (немного, впрочемъ)... Не прибавлено ничего. Скоро напишу вамъ подробнѣе, а теперь некогда. Жду вашего отвѣта и прошу васъ, если у васъ есть продолженіе, — прислать мнѣ его.

Н. Некрасовъ.

P. S. Хотя я и догадываюсь, однако жъ прошу васъ

*) Литературныя приложенія къ журналу „Нива" 1898 г. Февраль. Стр. 337.

Digitized by Google

сказать мнѣ положительно имя автора повѣсти. Это мнѣ нужно знать и по правиламъ нашей цензуры *).

Объ этомъ письмѣ Левъ Николаевичъ такъ отзывается въ своемъ дневникѣ: „30-го сентября. Получилъ письмо отъ Некрасова, похвалы, но не деньги“.

А въ деньгахъ онъ очень нуждался и ждалъ гонорара за свое первое произведеніе и, вѣроятно, писалъ объ этомъ Некрасову, такъ какъ онъ получилъ третье письмо отъ Некрасова слѣдующаго содержанія:

30-го октября 1852 г. С.П.Б.

Милостивый Государь!

Прошу извинить меня, что я замедлилъ отвѣтомъ на послѣднее ваше письмо—я былъ очень занятъ. Что касается вопроса о деньгахъ, то я умолчалъ объ этомъ въ прежнихъ моихъ письмахъ по слѣдующей причинѣ: въ лучшихъ нашихъ журналахъ издавна существуетъ обычай не платить за первую повѣсть начинающему автору, котораго журналъ впервые рекомендуетъ публикѣ. Этому обычаю подверглись всѣ доселѣ начавшіе въ „Современникѣ“ свое литературное поприще, какъ-то: Гончаровъ, Дружининъ, Авдѣевъ и др. Этому же обычаю подверглись въ свое время, какъ мои, такъ и Панаева первыя произведенія. Я предлагаю вамъ то же, съ условіемъ, что за дальнѣйшія ваши произведенія прямо назначу вамъ лучшую плату, какую получаютъ наши извѣстнѣйшіе (весьма немногіе) беллетристы, т.-е. 50 р. сер. съ печатнаго листа. Я промѣшкалъ писать вамъ еще и потому, что не могъ сдѣлать вамъ этого предложенія ранѣе, не провѣривъ моего впечатлѣнія судомъ публики: этотъ судъ оказался какъ нельзя болѣе въ вашу пользу, и я очень радъ, что не ошибся въ мнѣніи своемъ о вашемъ первомъ произведеніи, и съ удовольствіемъ предлагаю вамъ теперь вышеписанныя условія.

*) Тамъ же.

Digitized by Google

Напишите мнѣ объ этомъ. Во всякомъ случаѣ могу вамъ ручаться, что въ этомъ отношеніи мы сойдемся. Такъ какъ ваша повѣсть имѣла успѣхъ, то намъ очень было бы пріятно имѣть поскорѣе второе ваше произведеніе. Сдѣлайте одолженіе, вышлите намъ, что у васъ готово. Я хотѣлъ выслать вамъ IX № „Совр.“, но, къ сожалѣнію, забылъ распорядиться, чтобы отпечатали лишній, а у насъ весь журналъ за этотъ годъ въ расходѣ. Впрочемъ, если вамъ нужно, я могу выслать вамъ одинъ или два оттиска одной вашей повѣсти, набравъ изъ дефектовъ.

Повторяю мою покорнѣйшую просьбу выслать намъ повѣсть или что-нибудь вродѣ повѣсти, романа или разсказа, и остаюсь въ ожиданіи вашего отвѣта.

Готовый къ услугамъ Н. Некрасовъ.

P. S. Мы обязаны знать имя каждаго автора, котораго сочиненія печатаемъ, и потому дайте мнѣ положительныя извѣстія на этотъ счетъ. Если вы хотите, то никто кромѣ насъ этого знать не будетъ.

Объ этомъ событіи Л. Н. съ обычной скромностью упоминаетъ и въ письмѣ къ своей теткѣ Т. А. отъ 28 октября 1852 г.

„Arrivé des eaux j'ai passé un mois assez désagréablement, à cause de la revue que devait faire le général.

Маршированья и разныя стрѣлянья изъ пушекъ не очень пріятны, особенно потому, что это разстраивало регулярность моей жизни.

Heureusement cela n'a pas duré longtemps et j'ai de nouveau repris mon genre de vie qui consiste dans la chasse, l'écriture, la lecture et les conversations avec Nicolas. J'ai pris du goût à la chasse au fusil et comme il s'est trouvé que je tire passablement, cette occupation me prend 2 ou 3 heures par jour. On n'a pas d'idée en Russie, combien et quel excellent gibier on trouve ici. A 100 pas de chez moi je trouve des faisans et dans l'espace d'une demi heure j'en tue 2, 3, 4.

Digitized by Google

Excepté le plaisir, cet exercise est excellent pour ma santé qui malgré les eaux n'est pas en très bon état. Je ne suis pas malade, mais je souffre trés souvent de refroidissements, tantôt des maux de gorge, tantôt des maux des dents qui durent tojours, tantôt de rhumatismes de sorte qu'au moins deux jours la semaine je garde la chambre. Ne pensez pas que je vous cache quelque chose,—je suis comme j'ai toujours été d'une complexion forte mais d'une santé faible. Jê compte passer l'été suivant encore aux eaux. Si elles ne m'ont pas rétabli, elles m'ont fait du bien—Нѣтъ худа безъ добра. Quand je suis indisposé je m'occupe avec moins de distraction, à écrire un autre roman que j'ai commencé. Celui que j'ai envoyé à P..... g est imprimé dans le livre du mois de Septembre Современника 1852 sous le titre Дѣтство. Je l'ai signé Л. Н. et personne excepté Nicolas n'en conaît l'auteur. Je ne voudrais pas aussi qu'on le sache" *).

---

*) Возвратившись съ водъ, я провелъ мѣсяцъ довольно непріятно, по причинѣ смотра, который долженъ былъ дѣлать генералъ.

Къ счастью, это продолжалась не долго и я снова началъ свой образъ жизни, который состоитъ въ охотѣ, писаніи, чтеніи и бесѣдахъ съ Николенькой. Я полюбилъ ружейную охоту и такъ какъ оказалось, что я стрѣляю порядочно, то это занятіе беретъ у меня 2, 3 часа въ день. Въ Россіи не знаютъ, сколько и какая великолѣпная дичь здѣсь. Въ ста шагахъ отъ моего дома я нахожу фазановъ и за какіе нибудь полчаса я убиваю 2, 3, 4. Кромѣ удовольствія, это упражненіе прекрасно для моего здоровья, которое, несмотря на воды, не въ очень хорошемъ состояніи. Я не болѣнъ, но я часто страдаю простудой, то болью въ горлѣ, то зубами, которые все не проходятъ, то ревматизмомъ, такъ что, по крайней мѣрѣ, два дня въ недѣлю я не выхожу. Не думайте, что я отъ васъ скрываю что нибудь. Я какъ всегда былъ сильнаго сложенія, но слабаго здоровья. Я думаю слѣдующее лѣто опять провести на водахъ. Если онѣ не поправили меня совсѣмъ, то все таки мнѣ помогли. Нѣтъ худа безъ добра: когда я нездоровъ, я болѣе усидчиво занимаюсь писаніемъ другого романа, который я началъ. Тотъ который я отослалъ въ Петербургъ, напечатанъ въ сентябрской книжкѣ Современника 1852 года подъ названіемъ „Дѣтство". Я подписалъ его Л. Н. и никто, кромѣ Николеньки, не знаетъ, кто авторъ. И я не хотѣлъ бы, чтобы это узнали.

Digitized by Google

Сестра Л. Н., Марья Николаевна, разсказывала мнѣ о томъ впечатлѣніи, которое произведено было этой вещью въ ихъ семейномъ кругу. Они жили въ своемъ имѣніи, недалеко отъ Спасскаго Тургенева, который у нихъ бывалъ. И вотъ разъ Тургеневъ пріѣхалъ къ нимъ, привезъ новую книжку Современника и, съ восторгомъ отзываясь о новой повѣсти неизвѣстнаго автора, прочелъ ее вслухъ. Марья Николаевна съ удивленіемъ слушала разсказъ о своихъ семейныхъ событіяхъ и удивлялась, кто бы могъ знать эти интимныя подробности ихъ жизни. Они настолько были далеки отъ мысли, что ихъ „Левочка" могъ быть авторомъ этой повѣсти, что заподозрили въ этомъ старшаго Николая Николаевича, который обнаруживалъ нѣкоторыя литературныя свойства съ дѣтства и былъ прекраснымъ разсказчикомъ. Какъ видно, преданная ему тетенька Т. А., сумѣла сохранить повѣренную ей тайну, которая была обнаружена, кажется, только по возвращеніи Л. Н. съ Кавказа.

И такъ, судя по второму письму Некрасова, 6-го сентября 1852 года совершилось знаменательное въ исторіи русской литературы событіе: вышло въ свѣтъ первое произведеніе Л. Н. Толстого.

О впечатлѣніи, произведенномъ въ обществѣ писателей и читателей этой первой вещью Толстого, вотъ что разсказываетъ Головачева-Панаева въ своихъ воспоминаніяхъ.

„Со всѣхъ сторонъ отъ публики сыпались похвалы новому автору и всѣ интересовались узнать его фамилію. Въ кружкѣ же литераторовъ относились какъ-то равнодушно къ возникавшему таланту, только одинъ Панаевъ былъ въ такомъ восхищеніи отъ „Исторіи моего дѣтства" что каждый вечеръ читалъ ее у кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ. Тургеневъ трунилъ надъ Панаевымъ, увѣряя, что всѣ его знакомые прячутся отъ него на Невскомъ, боясь, чтобы онъ имъ и тамъ не сталъ читать выдержки изъ этого сочиненія, такъ-какъ Панаевъ успѣлъ наизусть выучить произведеніе новаго автора.

Digitized by Google

Критика не скоро занялась Толстымъ. По крайней мѣрѣ въ сборникѣ критической литературы о Толстомъ Зелинскаго, составленномъ очень тщательно, первая критическая статья помѣчена 1854 годомъ. Она была напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ ноябрской книжкѣ, т.-е. черезъ два слишкомъ года послѣ появленія „Дѣтства“; статья эта написана по поводу выхода „Отрочества“ и въ ней говорится объ этихъ двухъ повѣстяхъ.

Приводимъ здѣсь краткую но мѣткую характеристику перваго произведенія Л. Н-ча.

„Дѣтство, какъ обширная цѣпь разнородныхъ поэтическихъ и безотчетныхъ нашихъ представленій объ окружающемъ, дало автору возможность взглянуть на всю деревенскую жизнь въ такихъ же поэтическихъ чертахъ. Онъ выбиралъ изъ этой жизни все, что поражаетъ дѣтское воображеніе и умъ, а талантъ автора былъ такъ силенъ, что представилъ эту жизнь именно такою, какъ ее видитъ ребенокъ. Все окружающее его входитъ въ его повѣсть настолько, насколько оно поражаетъ воображеніе дитяти, и потому всѣ главы повѣсти, повидимому, совершено разрозненныя, соединяются въ одно: всѣ онѣ показываютъ взглядъ ребенка на міръ. Но большой талантъ автора виденъ еще вотъ въ чемъ. Казалось бы, при такой манерѣ изображать дѣйствительную жизнь подъ вліяніемъ дѣтскихъ впечатлѣній, трудно дать мѣсто взгляду не дѣтскому и вполнѣ обрисовать характеры: подивитесь же, когда, по прочтеніи этихъ разсказовъ, ваше воображеніе живо нарисуетъ вамъ и мать, и отца, и няню, и гувернера, и все семейство, и нарисуетъ красками поэтическими“ **).

По мѣрѣ того, какъ расходились книжки „Современника“, распространялся среди читающей публики интересъ ко вновь возникающему таланту.

---

*) Русскіе писатели и артисты. Воспом. Головачеевой-Панаевой. Стр. 228.

**) „Отечественныя Записки“ 1854 г., № 11 (Журналистика).

Digitized by Google

Когда книжки „Современника“ съ разсказами: „Дѣтство“ и „Отрочество“ дошли до Достоевскаго въ Сибирь, они и на него произвели сильное впечатлѣніе; Достоевскій, въ письмѣ къ одному знакомому изъ Семипалатинска, просилъ непремѣнно сообщить, кто этотъ таинственный Л. Н. Т. *).

А этотъ таинственный Л. Н. Т., какъ нарочно, не хотѣлъ открываться и со стороны смотрѣлъ на производимый имъ эффектъ.

Въ октябрѣ Левъ Николаевичъ, живя въ станицѣ Старогладовской, набрасываетъ планъ „Романа русскаго помѣщика“; вотъ главная, основная мысль его: „герой ищетъ осуществленія идеала счастія и справедливости въ деревенскомъ быту. Не находя его, онъ разочарованный хочетъ искать его въ семейномъ. Другъ его наводитъ его на мысль, что счастье состоитъ не въ идеалѣ, а въ постоянномъ, жизненномъ трудѣ, имѣющемъ цѣлью—счастье другихъ“.

Къ сожалѣнію, этотъ планъ не былъ выполненъ, но мы находимъ выраженіе этихъ мыслей во многихъ послѣдующихъ произведеніяхъ Льва Николаевича.

Военная карьера, несмотря на его видное положеніе, не улыбалась Льву Николаевичу. Онъ, видимо, тяготился ею и ждалъ только производства въ офицеры, чтобы выйти въ отставку. И производство это, какъ нарочно, не приходило. Поступивъ на службу онъ надѣялся черезъ полтора года быть офицеромъ, но вотъ прослуживъ почти годъ, въ концѣ октября приходитъ бумага, изъ которой онъ узнаетъ, что ему нужно служить еще три года.

Причиной этой задержки, какъ оказалось, была неисправность его документовъ.

Графиня С. А. Толстая разсказываетъ въ своихъ запискахъ слѣдующее:

„Производство Льва Николаевича въ офицеры, какъ и вся служба, была сопряжена съ большими затрудненіями и

*) „Первое произведеніе Л. Н. Толстого“. М. М. Книжки Недѣли, октябрь 1892 г.

Digitized by Google

неудачами. Передъ отѣздомъ на Кавказъ, Левъ Николаевичъ жилъ въ Ясной Полянѣ съ тетенькой Т. А. Онъ часто видался съ братомъ Сергѣемъ, который въ то время былъ увлеченъ цыганами и ихъ пѣніемъ. Цыгане пріѣзжали въ Ясную, пѣли, сводили съ ума обоихъ братьевъ. Когда Левъ Николаевичъ почувствовалъ, что увлеченіе можетъ довести его до неблагоразумныхъ поступковъ, онъ вдругъ, не говоря никому ни слова, уѣхалъ на Кавказъ, не взявши и не озаботясь никакими нужными бумагами".

Эта небрежность или, лучше сказать, ненависть къ бумагамъ не разъ доставляла много хлопотъ Льву Николаевичу.

Потерявъ терпѣніе, онъ написалъ своей теткѣ Юшковой жалобу и той, посредствомъ письма къ какому-то сановнику, удалось ускорить дѣло о производствѣ Льва Николаевича въ офицеры.

24-го декабря того же года Левъ Николаевичъ кончаетъ разсказъ „Набѣгъ" и черезъ два дня отсылаетъ его въ редакцію „Современника".

Въ январѣ 1853 года батарея, въ которой служилъ Левъ Николаевичъ, выступила въ походъ противъ Шамиля.

Въ исторіи 20-й артиллерійской бригады говорится при описаніи этого похода:

„Въ одномъ изъ орудій главнаго отряда батарейной № 4 батареи уноснымъ фейерверкеромъ былъ гр. Л. Толстой, впослѣдствіи авторъ безсмертныхъ произведеній: „Рубка лѣса", „Казаки", „Война и миръ" и др.".

Отрядъ собрался въ крѣпости Грозной, гдѣ, по записи Льва Николаевича, происходили кутежи и картежная игра.

„18-го января, говорится въ исторіи бригады, отрядъ возвратился въ Куринское. Въ теченіи послѣднихъ трехъ дней изъ 7 орудій, входившихъ въ составъ колонны, было выпущено до 800 зарядовъ и изъ нихъ около 600 изъ 5 орудій батарейной № 4 батареи 20-й бригады, бывшихъ подъ

Digitized by Google

командой поручика Макалинскаго и подпоручиковъ Сулимовскаго и Лодыженскаго, подъ начальствомъ которыхъ состоялъ между прочимъ фейерверкеръ 4-го класса гр. Л. Толстой. 19-го числа онъ былъ командированъ съ однимъ единорогомъ въ укрѣпленіе Герзель—аулъ" *). Кромѣ того, Льву Николаевичу пришлось быть въ дѣлѣ и 18-го февраля и тогда онъ подвергался серьезной опасности и былъ на волосокъ отъ смерти. Когда онъ наводилъ пушку, непріятельская граната разбила лафетъ этой пушки, разорвавшись у его ногъ. Къ счастью, Льву Николаевичу она не причинила никакого вреда.

Къ 1-му апрѣля Левъ Николаевичъ съ отрядомъ вернулся въ Старогладовскую.

Съ первыхъ шаговъ своей литературной дѣятельности Льву Николаевичу пришлось столкнуться съ тѣмъ нелѣпымъ, жестоко-стихійнымъ препятствіемъ, которое вотъ уже второй вѣкъ тормозитъ свободное развитіе русской мысли и русскаго художественнаго дарованія и которое называется цензурой.

Въ письмѣ къ брату Сергѣю, въ маѣ 1853 года, Левъ Николаевичъ пишетъ:

„Пишу второпяхъ, поэтому извини за то, что письмо будетъ коротко и безтолково. Дѣтство было испорчено, а набѣгъ такъ и пропалъ отъ цензуры. Все, что было хорошаго, все выкинуто или изуродовано. Я подалъ въ отставку, и на дняхъ, т. е. мѣсяца черезъ полтора, надѣюсь, свободнымъ человѣкомъ ѣхать въ Пятигорскъ, а оттуда въ Россію".

Но въ отставку выйти было не такъ то легко и въ томъ же 1853 году лѣтомъ Левъ Николаевичъ снова подвергся большой опасности и едва избѣгъ плѣна.

Заимствуемъ разсказъ объ этомъ событіи изъ воспоминаній Полторацкаго.

---

*) Янжулъ, Исторія 20-й Артиллерійской бригады.

Digitized by Google

„13-го іюня 1853 года съ 5-ой и 6-ой ротой Куринскаго и одной ротой линейнаго батальона, при двухъ орудіяхъ, я отправился въ сквозную оказію *) до Грозной. Послѣ привала у Ермоловскаго кургана, когда колонны двинулись въ путь, я, поровнявшись съ срединой вытянутой по дорогѣ колонны, вдругъ увидѣлъ недалеко отъ авангарда, налѣво отъ верхней плоскости между Ханъ-Кале и Грозненской башней, конную партію въ 20—25 человѣкъ чеченцевъ, стремительно несущихся съ уступа на перерезъ пути колонны. Стремглавъ бросился я къ авангарду и на скаку слышалъ залпъ ружейныхъ выстрѣловъ, но, еще не достигнувъ пятой роты, за сотню шаговъ, увидѣлъ уже снятое съ передковъ орудіе и поднятый надъ нимъ пальникъ.

„Отставь, отставь, тамъ наши!“ кричалъ я, что есть мочи, и къ счастью успѣлъ остановить выстрѣлъ, уже направленный въ горсть толпившихся на дорогѣ всадниковъ, между которыми очевидно попались и наши. Не успѣлъ 3-й взводъ по приказанію моему броситься впередъ и пробѣжать нѣсколько шаговъ, какъ чеченцы пошли на утекъ степью къ Аргуну и тогда по нимъ въ доронку были пущены двѣ гранаты. Въ ту же минуту отъ мѣста схватки прискакалъ въ колонну растерянный, блѣдный, какъ смерть, баронъ Розенъ, и почти вслѣдъ за нимъ прибѣжала безъ сѣдла гнѣдая лошадь, по форменному сѣдлу которой артиллеристы признали ее лошадью взводнаго офицера. Въ это время изъ-за мелкихъ по дорогѣ кустовъ показался и самъ артиллерійскій прапорщикъ Щербачевъ. Молодой и краснощекій 19-ти лѣтній юноша Щербачевъ, за нѣсколько передъ тѣмъ мѣсяцевъ оставившій скамью артиллерійскаго училища, удивлявшій всѣхъ своимъ здоровьемъ, необыкновеннымъ тѣлосложеніемъ

*) Такъ какъ во время войны съ горцами передвиженіе безъ сильнаго конвоя считалось очень опаснымъ, то время отъ времени такія передвиженія совершались подъ усиленной охраной войска и къ этому передвиженію пріурочивались различныя порученія и вообще всякаго рода поѣздки—и такія передвиженія назывались „оказіей“.

Digitized by Google

и силой, въ эту минуту поразилъ насъ. Онъ шелъ медленными, но твердыми шагами, не хромая, не охая и только, когда спокойно подошелъ къ намъ, мы увидали какъ онъ дорого поплатился чеченцамъ. Кровь буквально ключемъ била изъ ранъ его въ грудь и обѣ ноги пулями, въ животъ ружейною картечью и по шеѣ шашечнымъ ударомъ. Въ колоннѣ не было ни доктора, ни фельдшера, пришлось работать ротнымъ цирульникамъ, и одинъ изъ нихъ довольно быстро и ловко принялся за перевязку раненнаго. Между тѣмъ Розенъ, нѣсколько оправившійся отъ перваго испуга, сумѣлъ объяснить, что они впятеромъ поѣхали отъ оказіи впередъ, и что въ минуту нападенія горцевъ, графъ Левъ Толстой, Павелъ Полторацкій и татаринъ Садо, вѣроятно, ускакали въ Грозную, тогда какъ Щербачевъ и онъ повернули лошадей навстрѣчу идущей колоннѣ.—„Ваше благородіе,—прервалъ артиллерійскій солдатъ, лежавшій на высокомъ возу сѣна,—тамъ еще на дорогѣ кто-то лежитъ и сдается мнѣ, что онъ шевелится“. Я крикнулъ третьему взводу: „впередъ, бѣгомъ“, и самъ бросился по дорогѣ. Въ пятистахъ шагахъ отъ авангарднаго орудія лежалъ убитый знакомый намъ вороной конь, а изъ подъ него торчало изуродованное тѣло Павла *). Громко стоналъ онъ и отчаяннымъ голосомъ просилъ освободить его отъ невыносимой тяжести трупа. Соскочивъ съ лошади и бросивъ поводья казаку, я съ необычайной силой, однимъ удачнымъ взмахомъ, опрокинулъ трупъ безжизненной лошади и освободилъ страдальца, исходящаго кровью. Всѣ раны были нанесены ему холоднымъ оружіемъ, тремя ударами по головѣ и четырьмя по плечу. Послѣднія были такъ жестоко сильны, что буквально разворотили на двое правое плечо, раскрывъ всю внутренность... Я послалъ казака съ приказаніемъ всей колоннѣ подвинуться сюда, и здѣсь уже начались перевязки и приготовленіе носилокъ.

*) Павелъ Полторацкій племянникъ разсказщика.

Digitized by Google

Все описанное произошло втеченіе нѣсколькихъ минутъ, давшихъ, однако, возможность намъ оказать первую помощь раненымъ, а Грозненской каваллеріи выскочить по тревогѣ изъ Грозной. Начальникъ гарнизона, разсмотрѣвъ съ кургана спокойное положеніе колонны и уже скрывающихся на горизонтѣ чеченцовъ, счелъ излишнимъ за ними гнаться и вернулъ войска въ крѣпость, но отъ нихъ отдѣлилось нѣсколько всадниковъ, которые понеслись къ намъ въ колонну, стоявшую отъ Грозной не болѣе четырехъ верстъ. Прискакавшіе къ намъ были Пистолькорсъ и нѣсколько кунаковъ его, мирныхъ чеченцевъ грозненскихъ ауловъ. Общими силами соорудивъ для раненыхъ изъ солдатскихъ шинелей носилки, мы уложили обоихъ и тронулись впередъ. Пистолькорсъ сообщилъ намъ, что графъ Левъ Толстой съ татариномъ Садой, хотя и были очень ретиво преслѣдуемы семью чеченцами, но, благодаря быстротѣ коней своихъ, оставивъ имъ въ трофей одну сѣдельную подушку, сами цѣлы и невредимы достигли воротъ крѣпости.

Всѣ пятеро хотѣли поскорѣе пріѣхать въ Грозную и отдѣлились еще у Ермоловскаго кургана. Маневръ этотъ, увы, слишкомъ извѣстенъ на Кавказѣ! Кто изъ насъ, обреченный на лихомъ конѣ двигаться шагъ за шагомъ, въ оказіи съ пѣхотною частью, не уѣзжалъ впередъ? Это такой соблазнъ, что молодой и старый, вопреки строгому запрещенію и преслѣдованію начальствомъ, частенько ему поддавался. И наши пять молодцовъ поступили также. Отъѣхавъ отъ колонны на сотню шаговъ, они условились между собой, чтобы двое изъ нихъ для освѣщенія мѣстности ѣхали бы по верхнему уступу, а остальные нижнею дорогою. Только что поднялись Толстой и Садо на гребень, какъ увидѣли отъ Ханъ-Кальскаго лѣса несущуюся прямо на нихъ толпу конныхъ чеченцевъ. Не успѣвъ, по расчету времени, безнаказанно спуститься обратно, Толстой сверху закричалъ товарищамъ о появленіи непріятеля, а самъ съ Садо бросился въ карьеръ по гребню уступа къ крѣпости. Остальные внизу,

Digitized by Google

не сразу повѣривъ извѣстію, и, конечно, не имѣя возможности сами увидѣть горцевъ, нѣсколько минутъ провели въ бездѣйствіи, а когда уже чеченцы (изъ которыхъ человѣкъ семь отдѣлилось въ погоню за Толстымъ и Садою) показались на уступѣ и ринулись внизъ, то Розенъ, повернувъ лошадь, помчался назадъ къ колоннѣ и счастливо достигъ ея. За нимъ бросился и Щербачевъ, но казенная лошадь его скакала плохо, и чеченцы, нагнавъ его, ранили его и выбили изъ сѣдла, послѣ чего онъ пѣшкомъ добрался до колонны. Хуже-же всѣхъ оказалось положеніе Павла. Увидѣвъ чеченцевъ онъ инстинктивно бросился впередъ по направленію къ Грозной, но, тотчасъ-же сообразивъ, что молодая, изнѣженная и черезчуръ раскормленная лошадь не выскочитъ въ жаркій день до пяти верстъ, отдѣляющихъ его отъ крѣпости, — онъ круто повернулъ ее назадъ въ ту самую минуту, когда толпа непріятеля уже спустилась съ уступа на дорогу, и, онъ, выхвативъ шашку на голо, очертя голову (какъ выразился самъ), хотѣлъ напроломъ прорваться въ колонну. Но одинъ изъ горцевъ вѣрно направилъ винтовку, и выждавъ приближеніе Павла, почти въ упоръ всадилъ пулю въ лобъ его вороному; онъ со всѣхъ ногъ повалился и прикрылъ его собою. Чеченецъ съ коня нагнулся къ Павлу и, выхвативъ у него изъ рукъ въ серебро оправленную шашку, сталъ тащить съ него ножны, но при видѣ бѣжавшаго на выручку 3-го взвода, онъ полоснулъ лежащаго по головѣ шашкой и поскакалъ самъ на утекъ. Его примѣру одинъ за другимъ послѣдовали еще шесть горцевъ, нанесшіе на всемъ скаку жестокіе удары шашками по головѣ и открытому плечу Павла, который въ недвижимомъ положеніи, подъ тяжестью трупа убитой лошади, истекалъ кровью до самой минуты моего появленія *).

Изъ воспоминаній Берса мы узнаемъ еще одну подробность этого дѣла, характеризующую Льва Николаевича.

*) Воспоминанія В. А. Полторацкаго. Историч. Вѣстн., іюнь 1893 г. стр. 672.

Digitized by Google

„Мирный чеченецъ Садо, съ которымъ ѣхалъ Л. Н-чъ, былъ его большимъ другомъ. И не задолго передъ тѣмъ они помѣнялись лошадьми. Садо купилъ молодую лошадь. Испытавъ ее, онъ предоставилъ ее своему другу Л. Н—чу, а самъ пересѣлъ на его иноходца, который, какъ извѣстно, не умѣетъ скакать. Въ такомъ видѣ ихъ и настигли чеченцы. Л. Н., имѣя возможность ускакать на рѣзвой лошади своего друга, не покинулъ его. Садо, подобно всѣмъ горцамъ, никогда не разставался съ ружьемъ, но какъ на бѣду оно не было заряжено. Тѣмъ не менѣе онъ нацѣлилъ имъ на преслѣдователей и угрожая покрикивалъ на нихъ. Судя по дѣйствіямъ преслѣдовавшихъ, они намѣревались взять въ плѣнъ обоихъ, особенно Садо для мести, а потому не стрѣляли. Обстоятельство это спасло ихъ. Они успѣли приблизиться къ Грозной, гдѣ зоркій часовой издали замѣтилъ погоню и сдѣлалъ тревогу. Выѣхавшіе навстрѣчу казаки принудили чеченцевъ прекратить преслѣдованіе *).

Этотъ эпизодъ послужилъ Льву Николаевичу основаніемъ для его разсказа „Кавказскій плѣнникъ“.

Ни опасности боевой жизни, ни припадки кутежей и игры, врывавшіяся, какъ ураганы, въ мирную жизнь Льва Николаевича, не останавливаютъ его внутренняго развитія, и вскорѣ послѣ только что описаннаго случая, онъ записываетъ такія мысли—правила.

„Будь прямъ, хотя и рѣзокъ, но откровененъ со всѣми, но не дѣтски откровененъ безъ необходимости“. „Воздерживайся отъ вина и женщинъ“.

„Наслажденія такъ мало, не ясно, а раскаяніе такъ велико“.

„Каждому дѣлу, которое дѣлаешь, предавайся вполнѣ. При каждомъ сильномъ ощущеніи воздерживайся отъ дви-

---

*) С. А. Берсъ. Воспоминанія о гр. Л. Н. Толстомъ, стр. 9.

Digitized by Google

женія, а обдумавъ разъ, хотя бы и ошибочно, дѣйствуй рѣшительно".

Въ половинѣ іюля 1853 года Левъ Николаевичъ поѣхалъ въ Пятигорскъ и пробылъ тамъ до октября, опять возвратившись въ Старогладовскую.

Очевидно, однообразная служба начала ему сильно надоѣдать, и онъ съ томленіемъ ждалъ перемѣны въ своемъ образѣ жизни.

Такъ онъ, между прочимъ, писалъ брату изъ Пятигорска 20 іюля 1853 года:

„Я уже писалъ тебѣ, кажется, что я подалъ въ отставку. Богъ знаетъ однако, выйдетъ ли, и когда она выйдетъ теперь, по случаю войны съ Турціей. Это очень безпокоитъ меня, потому что я теперь уже такъ привыкъ къ счастливой мысли поселиться скоро въ деревнѣ, что вернуться опять въ Старогладовскую и ожидать до безконечности— такъ, какъ я ожидаю всего, касающагося моей службы,— очень непріятно".

Такое же настроеніе проглядываетъ и въ его письмѣ изъ Старогладовской, написанномъ въ декабрѣ 1853 года:

„Пожалуйста, о бумагахъ моихъ напиши поскорѣе. Это нужно. Когда я пріѣду? Знаетъ одинъ Богъ, потому что вотъ уже годъ скоро, какъ я только о томъ и думаю, какъ бы положить въ ножны свой мечъ, и не могу. Но такъ какъ я принужденъ воевать гдѣ бы то ни было, то нахожу болѣе пріятнымъ воевать въ Турціи, чѣмъ здѣсь, о чемъ и просилъ князя Сергѣя Дмитріевича, который писалъ мнѣ, что онъ уже писалъ своему брату, но, что будетъ, не знаетъ.

Во всякомъ случаѣ къ Новому году я ожидаю перемѣны въ своемъ образѣ жизни, который, признаюсь, невыносимо надоѣлъ мнѣ. Глупые офицеры, глупые разговоры, больше ничего. Хоть бы былъ одинъ человѣкъ, съ которымъ бы можно было поговорить отъ души. Тургеневъ правъ, „что за иронія въ одиночку",—самъ становишься ощутительно

Digitized by Google

глупъ. Не смотря на то, что Николенька увезъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, гончихъ собакъ, (мы съ Епишкой часто называемъ его „швиньей“ за это), я по цѣлымъ днямъ, съ утра до вечера, хожу на охоту одинъ съ лягавой собакой. И это одно удовольствіе, и не удовольствіе, а одурманивающее средство.. Измучаешься, проголодаешься и уснешь, какъ убитый, и день прошелъ. Если будетъ случай, или самъ будешь въ Москвѣ, то купи мнѣ Диккенса (Давидъ Копперфильдъ) на англійскомъ языкѣ и лексиконъ англійскій Саддлера, который есть въ моихъ книгахъ“.

За это время Левъ Николаевичъ пишетъ „Отрочество“ и заканчиваетъ разсказъ „Записки маркера“, который и отсылаетъ въ редакцію „Современника“ съ сознаніемъ недовольства поспѣшности въ работѣ.

Одно изъ занятій его того времени было чтеніе біографіи Шиллера.

Возвратившись изъ недолгой поѣздки въ аулъ Хасафъ-Юртъ, Левъ Николаевичъ записываетъ въ своемъ дневникѣ:

„Всѣ молитвы, придуманныя мною, я замѣняю однимъ „Отче нашъ“. Всѣ просьбы, которыя я могу дѣлать Богу, гораздо выше и достойнѣе Его выражаются словами: „Да будетъ воля Твоя, яко же на небеси и на земли“.

Мы уже видѣли раньше, какія непріятности причиняла Льву Николаевичу неисправность его документовъ. Отмѣтимъ еще одну неудачу, постигшую его на Кавказѣ, изъ за этихъ бумагъ.

Вотъ что онъ пишетъ тетушкѣ Т. А—ѣ изъ Пятигорска, въ іюнѣ 1852 года: «Je ne vous parlais pas de cela dans mon avant dernière lettre pour ne pas répèter une chose également désagréable à vous et à moi: c'est que j'ai un gignon constant dans tout ce que j'entreprends. Pendant cette expédition, j'ai eu l'occasion d'être 2 fois prèsenté à la croix de st. Georges et je n'ai pas pu la recevoir à cause du retard de quelques jours de ce maudit papier. J'ai été presenté pour la journée du 17 Fevrier (ma fête) mais on a étè obligé de refuser

Digitized by Google

à cause du manque de ce papier. La liste des présentations, partie le 19, le 20 le papier était arrivé. Je vous avoue franchement que de tous les honneurs militaires c'est cette seule petite croix que j'ai eu la vanité d'ambitionner, et que contretemps m'a causé un violent dépit, d'autant plus qu'il n'ya qu'une époque pour la recevor et qu'à présent, pour moi elle est passeé».

Еще два случая представились ему для полученія Георгіевскаго креста и оба были не удачны.

Заимствую описаніе этихъ случаевъ изъ недавняго письма Л. Н—ча ко мнѣ, въ отвѣтъ на мой запросъ ему по этому поводу.

„Второй случай былъ когда послѣ движенія 18 февраля въ нашу батарею были присланы два креста и я съ удовольствіемъ вспоминаю что я—не самъ, а по намеку милаго Алексѣева—согласился уступить крестъ ящичному рядовому Андрееву, старому добродушному солдату. Третій случай былъ когда Левинъ, нашъ бригадный командиръ, посадилъ меня подъ арестъ за то, что я не былъ въ караулѣ и отказалъ Алексѣеву дать мнѣ крестъ. Я былъ очень огорченъ".

Такъ и не удалось Льву Николаевичу получить этого креста.

Въ заключеніе нашего описанія кавказской жизни Льва Николаевича приведемъ страничку изъ воспоминаній одного военнаго, Мих. Алекс. Янжула, служившаго въ 70-хъ годахъ въ станицѣ Старогладовской и заставшаго еще тамъ свѣжіе слѣды пребыванія Толстого:

„Въ 1871 году я былъ выпущенъ въ офицеры въ 20-ую артиллерійскую бригаду, въ ту же батарею и станицу Старогладовскую, въ которой 17 лѣтъ тому назадъ служилъ и жилъ графъ Л. Н. Толстой. Станица Старогладовская съ ея типичными миловидными мамучками и удалыми гребенскими казаками и съ „командирскимъ домомъ, окруженнымъ высокими старыми тополями", описанные графомъ Толстымъ въ его извѣстной повѣсти „Казаки", знакомы были мнѣ въ

Digitized by Google

теченіе болѣе двухъ десятковъ лѣтъ. Въ мое время въ станицѣ еще свѣжа была память о Львѣ Николаевичѣ (тамъ всѣ его такъ называли); тамъ же указывали и старушку Маріану (героиню повѣсти) и нѣсколько стариковъ казаковъ—охотниковъ, которые лично знали Льва Николаевича и вмѣстѣ съ нимъ охотились на фазановъ и кабановъ, и одинъ изъ нихъ, какъ извѣстно, въ 1880-хъ годахъ ѣздилъ верхомъ изъ станицы въ Ясную Поляну, чтобы повидать Льва Николаевича. Въ батареѣ я засталъ капитана Фролова (нынѣ умершаго), который зналъ Льва Николаевича еще ферйерверкеромъ и говорилъ между прочимъ, что уже тогда графъ обладалъ замѣчательной способностью разсказчика, увлекавшаго всѣхъ своими разговорами"*).

Тамъ же Янжулъ приводитъ краткую характеристику ближайшаго начальника Льва Николаевича, его батарейнаго командира.

„Никита Петровичъ Алексѣевъ, батарейный командиръ графа Льва Николаевича, былъ всѣми любимъ и уважаемъ за свое добродушіе. Онъ слылъ ученымъ артиллеристомъ, универсантомъ, отличался крайней религіозностью, особенно любилъ бывать въ церкви, гдѣ по цѣлымъ часамъ простаивалъ на колѣняхъ, кладя земные поклоны. Къ этому нужно еще прибавить, что у Никиты Петровича не доставало одного уха, которое откусила ему однажды лошадь. Къ странностямъ Никиты Петровича нужно отнести и то еще, что онъ не могъ спокойно видѣть, когда офицеры пили водку, въ особенности же, когда это дѣлала молодежь. Между тѣмъ, по обычаю того добраго стараго времени, всѣ офицеры ежедневно обѣдали у батарейнаго командира. И тутъ Левъ Николаевичъ нерѣдко школьничалъ дѣлая видъ, что онъ собирается пить водку. Тогда Никита Петровичъ серьезнѣйшимъ образомъ начиналъ убѣждать его не дѣлать этого

*) „Къ біографіи Л. Н. Толстого". М. А. Янжулъ. Русская Старина. Февраль 1900 г. Стр. 335.

Digitized by Google

и, по своему обыкновенію, предлагалъ вмѣсто водки конфекты".

Описаніе кавказской жизни Льва Николаевича было бы не полно, если бы мы не упомянули о его двухъ товарищахъ, Булькѣ и Мильтонѣ, двухъ собакахъ, исторію которыхъ онъ самъ разсказалъ въ своихъ „Книжкахъ для чтенія", изложивъ ее въ цѣломъ рядѣ прелестныхъ идиллическихъ картинъ кавказской жизни, знакомыхъ едва ли не каждому русскому школьнику.

Наконецъ пришелъ давно жданный приказъ о производствѣ Льва Николаевича въ офицеры.

13-го января 1854 года онъ сдалъ въ станицѣ офицерскій экзаменъ, бывшій въ то время пустой формальностью, и сталъ собираться въ отъѣздъ.

10-го января онъ выѣхалъ въ Россію; 2-го февраля пріѣхалъ въ Ясную Поляну; на пути, длившемся по тогдашнему времени около двухъ недѣль, ему пришлось испытать сильную снѣжную метель, давшую ему по всей вѣроятности сюжетъ для его разсказа. Короткое время своего пребыванія въ Россіи онъ провелъ въ кругу своихъ братьевъ, тетки и друга Перфильева.

Его уже ждало назначеніе въ Дунайскую армію, куда онъ вскорѣ и выѣхалъ, прибывъ въ Бухарестъ 14 марта 1854 года.

Закончивъ описаніе кавказскаго періода жизни Л. Н., мы считаемъ нужнымъ привести его теперешнее мнѣніе о ней. Л. Н. съ радостью вспоминаетъ это время, считая его однимъ изъ лучшихъ періодовъ его жизни, несмотря на всѣ уклоненія отъ смутно сознаваемаго имъ идеала. По мнѣнію Л. Н-ча, послѣдующая военная служба его, а особенно литературная дѣятельность была постепеннымъ нравственнымъ паденіемъ, и только возвратясь въ деревню и отдавшись всецѣло школьнымъ занятіямъ съ крестьянскими дѣтьми, онъ снова почувствовалъ возрожденіе и подъемъ духа.

Digitized by Google

1

2

3

4

1. СЕРГѢЙ 2. ДМИТРІЙ 3. НИКОЛАЙ 4. ЛЕВЪ

Л. Н. ТОЛСТОЙ СЪ БРАТЬЯМИ ПО ВОЗВРАЩЕНІИ СЪ КАВКАЗА И ПЕРЕДЪ ОТЪѢЗДОМЪ ВЪ ДУНАЙСКУЮ АРМІЮ ВЪ 1854 Г.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА VIII.

Дунай и Севастополь.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію этого періода я считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о ходѣ политическихъ событій, въ связи съ которыми происходили перемѣны и въ жизни Л. Н-ча.

Шли послѣдніе годы царствованія Николая. Напряженіе власти достигло высшей степени и угнетеніе народа и высшаго общества уже вызывало глухой протестъ и въ томъ и въ другомъ. Какъ всегда бываетъ, правительство, инстинктивно чувствуя грозящую ему опасность, бросается полусознательно во внѣшнія предпріятія, разряжая потенціально накопленную энергію насилія въ кровавой бойнѣ послушнаго имъ стада солдатъ, все воспитаніе которыхъ и заключается въ томъ, чтобы умѣть и хотѣть стать поддержкой власти въ трудныя минуты ея преступной жизни. Народъ и общество также полусознательно бросается на такія бойни, какъ тоскующій человѣкъ ищетъ во всемъ безобразіи опьяненія утоленія грызущей его тоски.

И вотъ Россія разоренная и развращенная тиранствомъ Николая I объявляетъ войну Турціи 4 ноября 1853 года. Первое время русскія войска дѣйствуютъ успѣшно, они вступаютъ въ предѣлы Турціи, занимаютъ Молдавію, а черноморскій флотъ подъ начальствомъ славнаго Нахимова уничтожаетъ турецкій флотъ при Синопѣ.

Тогда въ эту войну вмѣшиваются европейскія державы— Англія, Франція и начинается знаменитая Крымская кампанія, завершившаяся безпримѣрной въ исторіи геройской защитой Севастополя. И какъ всегда въ такихъ случаяхъ на ряду съ шумными проявленіями внѣшней жизни, идетъ внутренняя работа въ душевныхъ нѣдрахъ лучшихъ людей, какъ среди народа такъ и высшаго общества и проявляется въ выработкѣ новыхъ идеаловъ и неизбѣжно, хотя и слабо, выра-

Digitized by Google

жается въ либеральныхъ общественныхъ реформахъ. Вотъ эти два явленія: разряженіе народной энергіи въ геройскихъ военныхъ подвигахъ и подъемъ народнаго духа въ раскрытіи новыхъ идеаловъ и наложили своей отпечатокъ на современную этимъ явленіямъ творческую дѣятельность Толстого.

И такъ какъ эти два огромныя явленія тотчасъ же вступили въ противорѣчіе другъ съ другомъ, то эта творческая дѣятельность приняла форму высокой трагической поэзіи, чѣмъ и отличаются его Севастопольскіе разсказы.

Л. Н., какъ сказано было выше, повидавшись съ своими родными, отправился сначала въ Дунайскую армію.

По прибытіи въ Бухарестъ онъ пишетъ свой теткѣ Т. А. письмо, въ видѣ дневника, въ три пріема, описывая кратко путешествіе и первое впечатлѣніе пріѣзда.

13 Mars de Koursk j'ai fait près de 2000 verstes aulieu de 1000 que je croy aiset je suis allé par Poltawa, Balta, Kishineff et non pas Kieff ce qui aurait éte un détour. Jusqu'au gouvernement de Cherson, j'ai eu un excellént traînage, mais la j'ai été obligé de jeter mon traînage et de faire 1000 verstes en перекладная par un chemin affreux jusqu'à la frontière et de la frontière jusqu'à Boukarest—c'est un chemin impossible à décrire, il faut en avoir goûté pour comprendre le plaisir de faire 1000 verstes au chariot plus petit et plus mauvais que ceux dans lesquels on transporte le fumier chez nous. Ne comprenant pas un mot du Moldavan et ne trouvant personne qui comprenne le russe et avec cela payant pour 8 chévaux au lieu de 2. Quoique mon voyage n'ait duré que 9 jours j'ai dépensé plus de 200 r. arg. et je suis arrivé presque malade de fatigue.

17 Mars Le prince *) n'était pas ici. Hier il vient d'arriver et je viens de chez lui. Il m'a reçu mieux que je ne croyais—en vrai parent. Il m'a embrassé, il m'a engagé de venir dîner tous les jours chez lui et il veut me garder auprés de lui, mais ce n'est pas encore décidé.

*) Князь Горчаковъ, командующій Дунайской арміей.

Digitized by Google

Pardon chère tante, que je vous écris peu—je n'ai pas encore la tête à moi,—cette grande et belle, ville, toutes ces présentations, l'opéra italien, le théâtre français, les 2 jeunes Gortchakoff qui sont de très braves garçons..... de sorte que je ne suis pas resté 2 heures chez moi et je n'ai pas pensé à mes occupations.

22 Mars. Hier j'ai appris que je ne reste pas auprès du prince, mais je vais à Oltenitza rejoindre ma batterie. *)

Черезъ два мѣсяца онъ пишетъ снова уже подъ другимъ настроеніемъ:

Tandis que vous me croyez exposé à tous les dangers de la guerre je n'ai pas encore senti la poudre turque, el je suis très tranquillement à Boucarest à me promener, à faire de la musique et à manger des glaces. En effet tout ce temps, excepté 2 semaines que j'ai passé à Oltenitza, où j'ai été attaché à une

---

*) 13 марта. Изъ Курска сдѣлалъ 3000 верстъ вмѣсто 1000, какъ я думалъ; я поѣхалъ черезъ Полтаву, Балту, Кишиневъ, а не черезъ Кіевъ, что было бы крюкомъ. До Херсонской губерніи былъ хорошій санный путь, но тамъ я долженъ былъ бросить сани и сдѣлать 1000 верстъ на перекладныхъ по ужасной дарогѣ до границы и отъ границы до Бухареста. Это дорога, не поддающаяся описанію; надо ее попробовать, чтобы понять удовольствіе сдѣлать 1000 верстъ въ телѣжкѣ меньше нашей навозной. Не понимая ни слова по молдавски и не находя никого, кто бы понималъ по русски, при этомъ платя за 8 лошадей, вмѣсто двухъ! Хотя мое путешествіе длилось только 9 дней, я истратилъ больше 200 рублей и пріѣхалъ почти больной отъ усталости.

17 марта. Князя не было здѣсь. Вчера онъ только что пріѣхалъ и я сейчасъ былъ у него. Онъ принялъ меня лучше, чѣмъ я думалъ, совсѣмъ по родственному. Онъ обнялъ меня, приглашалъ меня каждый день приходить обѣдать къ нему и хочетъ оставить меня при себѣ; хотя это еще не рѣшено.

Простите, дорогая тетенька, я вамъ пишу мало, у меня еще голова не на мѣстѣ. Этотъ большой, красивый городъ, всѣ эти представленія по начальству, итальянская опера, французскій театръ, два молодые Горчакова, славные ребята..... однимъ словомъ, я 2-хъ часовъ не сидѣлъ дома и не думалъ о своихъ занятіяхъ.

22 марта. Вчера я узналъ, что я не остаюсь при князѣ, но отправляюсь въ Ольтеницу къ своей батареѣ.

Digitized by Google

batterie et une semaine que j'ai passé en courses par la Moldavie, Valachie et Bessarabie par ordre du gen. Serjpoutovsky auprès duquel je suis à présent по особымъ порученіямъ, je suis resté à Boukarest et à vous avouer franchement, ce genre de vie un peu dissipé, tout à fait oisif et très couteux que je mène ici me déplait infiniment. Auparavant c'ètait le service qui m'y retenait, mais à présent j'y suis resté pendant près de 3 semaines à cause d'une fièvre que j'ai attrappée pendant mon voyage, mais dont Dieu merci je suis pour le moment assez rétabli pour rejoindre dans 2 ou 3 jours mon général qui est au camp prés de Silistrie. A propos de mon général, il a l'air d'être un très brave homme et paraît quoique nous nous connaissons fort peu, être bien disposé à mon egard. Ce qui est encore agréable est que son état—major est composé pour la plupart de gens comme il faut. Les 2 fils du pr. Serge, que j'ai trouvé ici sont de braves garçons, surtout le cadet, qui quoique n'ayant pas a lui seul inventé la poudre a beaucoup de noblesse dans le caractère et un très bon coeur, je l'aime beaucoup. *)

---

*) Вы думаете, что испытываю всѣ опасности войны, а я еще не нюхалъ пороху и спокойно гуляю по Букаресту, занимаюсь музыкой и ѣмъ мороженое. Въ самомъ дѣлѣ, все это время, за исключеніемъ двухъ недѣль, которыя я провелъ въ Ольтеницѣ, гдѣ я былъ прикамандированъ къ батареѣ и одной недѣли, которую я провелъ въ разъѣздахъ по Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, по приказанію генерала Сержпутовскаго, при которомъ я состою теперь по особымъ порученіямъ, остальное время я оставался въ Букарестѣ, и долженъ вамъ откровенно сознаться, этотъ разсѣянный образъ жизни, совершенно праздный, очень дорого стоющій, который я веду здѣсь, мнѣ очень не нравится. Сначала меня задерживала здѣсь служба, а теперь я остался на три недѣли изъ за лихорадки, которую я схватилъ въ дорогѣ, но отъ которой, благодаря Бога, я достаточно освободился, чтобы дня черезъ 2 или 3 явиться къ своему генералу, который въ лагерѣ подъ Силистріей. О моемъ генералѣ скажу, что онъ хорошій человѣкъ и, кажется, хотя мы и мало знакомы, хорошо расположенъ ко мнѣ. Что еще пріятно, это то, что его штабъ состоитъ большею частью изъ людей comme il faut: два сына князя Сергѣя (Горчаковы), которыхъ я здѣсь встрѣтилъ, славные ребята,

Digitized by Google

Затѣмъ мы приводимъ письмо, которое, хотя написано уже изъ Севастополя, но относится до Дунайскихъ событій. Какъ увидитъ читатель, письмо это адресовано Львомъ Н-чемъ сначала къ тетушкѣ Т. А., а потомъ къ брату Николаю. По нашему мнѣнію, письмо это должно составить страницу въ исторіи Россіи.

Je vais vous parler donc du passé, de mes souvenirs de Silistria. J' aiy vu tant de choses intéressantes, poétiques et touchantes que le temps que j'y ai passé ne s'effaçera jamais de ma mémoire. Notre camp était disposé de l'autre coté du Danube c. a. d. sur la rive droite sur un terrin très élevé au milieu de superbes jardins, appartenant à Mustafa Pasha—le gouverneur de Silistria. La vue de cet endroit est non seulement magnifique, mais pour nous tous de plus grand intérêt. Sans parler du Danube, de ses îles et de ses rivages, les uns occupés par nous, les autres par les Turcs, on voyait la ville, la forteresse, les petits forts de Silistria comme sur la main. On entendait les coups de canon, de fusils qui ne cessaient ni jour, ni nuit, et avec une lunette d'approche on pouvait distinguer les soldats turcs. Il est vrai que c'est un drôle de plaisir que de voir de gens d'entretuer et cependant tous les soirs et matins je me mettais sur ma повозка et je restais des heures entiérs à regarder et ce n'était pas moi le seul qui le faisait. Le spectacle était vraiment beau, surtout la nuit. Les nuits ordinairement mes soldats se mettent aux travaux des tranchées, et les Turcs se jettent sur eux pour les en empêcher, alors il fallait voir et entendre cette fusillade. La premiére nuit que j'ai passée au camp ce bruit terrible m'a réveillé et effrayé, je croyais qu'on est allé à l'assaut et j'ai bien vite fait aller mon cheval, mais ceux qui avait déjà passé quelque temps au camp me dirent que je n'avais qu'à me tenir tranquille, que cette canonade et fusillade était une chose ordinaire et

---

особенно младшій, у котораго, хотя онъ и не выдумалъ пороха, много благородства въ характерѣ и прекрасное сердце. Я его очень люблю.

Digitized by Google

qu'on appela en plaisantant „Allah". Alors je me suis recouché, mais ne pouvant m'endormir je me suis amusé une montre à la main à compter les coups de canons que j'entendais et j'ai compté 110 explosions dans l'espace d'une minute. Et cependant tout ceci n'a eu de près l'air aussi effrayant que cela le paraît. La nuit quand on n'y voyait rien c'était à qui brûlerait le plus de poudre et avec ces millier de coups de canons on tuait tout au plus une trentaine d'hommes de part et d'autre.

Vous me permettez chère tante de m'adresser dans cette lettre à Nicolas, car une fois que je me suis mis à donner des détails de la guerre, je voudrais continuer et m'adresser à un homme qui me comprenne, et vous puisse donner des explications sur ce qui vous paraît obscur.

Ceci donc est un spectacle ordinaire que nous avions tous les jours et dans lesquels, quand on m'envoyait avec des ordres dans les tranchées, je prenais aussi ma part, mais nous avions aussi des spectacles extraordinaires, comme celui de la veille de l'assaut quand on a fait sauter une mine de 240 pouds de poudre sous l'un des bastions de l'ennemi. Le matin de cette journée le prince avait été aux tranchées avec tout son état major (comme le général auprès duquel j'étais en fait partie, j'y ai aussi été) pour faire les dispositions définies—vu pour l'assaut du lendemain—le plan trop long pour que je puisse l'expliquer ici, était si bien fait, tout était si bien prévu que personne ne doutait de la réussite. A propos de cela il faut que je vous dise encore que je commence à avoir de l'admiration pour le prince (au reste il faut en entendre parler, parmi les officiers et les soldats, non seulement je n'ai jamais entendu dire du mal de lui, mais il est géneralement adoré).

Je l'ai vu au feu pour la première fois pendant cette matinée. Il faut voir cette figure un peu ridicule avec sa grande taille, ses mains derrière le dos, sa casquette en arrière, ses lunettes et sa manière de parler comme un dindon. On voit qu'il était tellement occupé de la marche générale des affaires que les balles et les boulets n'existaient pas pour lui; il s'ex-

Digitized by Google

pose au danger avec tant de simplicité, qu'on dirait qu'il n'en a pas l'idée et qu'involontairement qu'on n'a plus peur de lui que pour soi même; et puis donnant ses ordres avec tant de clarté et de précision et avec cela toujours affable avec chacun. C'est un grand c. a. d. un homme capable et honnête, comme je comprends ce mot, un homme qui s'est voué toute sa vie au service de sa patrie et pas par l'ambition, mais par le devoir. Je vais vous raconter un trait de lui qui se lie à l'histoire de cet assaut que j'ai commencé à raconter. L'après dîner du même jour on a fait sauter la mine et près de 600 pièces d'artillerie ont fait feu sur le fort, qu'on voulait prendre, et on continuait ce feu pendant toute la nuit, c'était un de ces coups d'oeil et une de ces émotions qu'on n'oublie jamais. Le soir de nouveau, le prince avec tout le tremblement est allé coucher aux tranchées pour diriger soi-même l'assaut qui devait commencer à 3 heures de la nuit même.

Nous étions tous là et comme toujours à la veille d'une bataille nous faisions tous semblant de ne pas plus penser de la journée de demain qu'à une journée ordinaire et tous, j'en suis sûr au fond du coeur ressentaient un petit serrement de coeur et pas même un petit mais un grand, à l'idée de l'assaut. Comme tu sais Nicolas que le temps qui précède une affaire est le temps le plus désagréable—c'est le seul où on a le temps d'avoir peur et la peur est un sentiment des plus désagréables. Vers le matin, plus le moment approchait, plus le sentiment diminuait et vers 3 heures quand nous attendions tous à voir partir le bouquet de fusées qui était le signal de l'attaque—j'étais si bien disposé que si l'on était venu me dire que l'assaut n'aurait pas lieu, cela m'aurait fait beaucoup de peine. Et voilà que juste une heure avant le moment de l'assaut arrive un aide de camp du maréchal avec l'ordre d'ôter le siège de Silistrie. Je puis dire sans craindre de me tromper que cette nouvelle a été reçue par tous—soldats, officiers et généraux—comme un vrai malheur, d'autant plus qu'on savait par les espions, qui nous venaient très souvent de Silistrie, et avec

Digitized by Google

lesquels j'avais très souvent l'occasion de causer moi-même, on savait que ce fort pris,—chose dont personne ne doutait—Silistrie ne pouvait tenir plus de 2 ou 3 jours. N'est-ce pas que si cette nouvelle devait faire de la peine à quelqu'un ce devait être au prince qui pendant toute cette campagne ayant fait toute chose pour le mieux, au beau milieu de l'action vit venir le maréchal sur son dos pour gâter les affaires et puis ayant la seule chance de réparer nos revers par cet assaut, il reçoit le contre ordre du maréchal au moment de le commencer. Eh bien le prince n'a pas eu un moment de mauvaise humeur, lui, qui est si impressionnable, au contraire il a été content de pouvoir éviter cette boucherie, dont il devait porter la responsabilité et tout le temps de la retraite qu'il a dirigé lui-même, ne voulant passer qu'avec le dernier des soldats, qui s'est faite avec un ordre et une exactitude remarquables, il a été plus gai qu'il n'a jamais été. Ce qui contribuait beaucoup à sa bonne humeur, c'était l'émigration de près de 7000 familles bulgares, que nous prenons avec pour le souvenir de la férocité des Turcs—férocité à laquelle malgré mon incrédulité, j'ai été obligé de croire. Dès que nous avons quitté des différents villages bulgares que nous occupions, les Turcs y sont revenus et excepté les femmes assez jeunes pour un harem, ils ont fait main basse sur tout ce qu'il y avait. Il y a un village dans lequel je suis allé du camp pour y prendre du lait et des fruits qui a été exterminé de la sorte. Alors dès que le Prince avait fait savoir aux Bulgares que ceux qui voulaient pouvaient avec l'armée passer le Danube et devenir sujets russes, tout le pays se souléve et tous avec leurs femmes, enfants, chevaux, bétails arrivent au pont,—mais comme il était impossible de les prendre tous, le prince a été obligé de refuser à ceux qui sont venus les derniers et il fallait voir comme cela le chagrinait. Il recevait toutes les députations qui venaient de ces pauvres gens, il causait avec chacun d'eux, tâchait de leur expliquer l'impossibilité de la chose, leur proposait de passer sans leurs chariots et leur bétail et en se char-

Digitized by Google

geant de leurs moyen de subsistance jusqu'à ce qu'ils arrivassent en Russie, payant de sa propre bourse des vaisseaux particulièrs pour les transporter, en un mot faisant tout son possible pour faire de bien à ces gens.

Oui, chère tante, je voudrais bien que votre prophetie se réalise. La chose que j'ambitionne le plus, est d'être l'aide de camp d'un homme comme lui que j'aime et que j'estime du plus profond de mon coeur. Adieu chère et bonne tante je baise vos mains *).

---

*) И такъ я буду вамъ говорить о прошломъ, о моихъ воспоминаніяхъ о Силистріи. Я видѣлъ тамъ столько интереснаго, поэтическаго и трогательнаго, что время, проведенное мною тамъ, никогда не изгладится изъ моей памяти. Нашъ лагерь былъ расположенъ по ту сторону Дуная, т. е. на правомъ берегу, на возвышенномъ мѣстѣ, среди превосходныхъ садовъ, принадлежащихъ Мустафѣ пашѣ, губернатору Силистріи. Видъ съ этого мѣста не только великолѣпенъ, но для всѣхъ насъ большой важности. Не говоря уже о Дунаѣ, объ его островахъ и берегахъ, изъ которыхъ одни заняты нами, другіе турками, съ этой высоты былъ виденъ городъ, крѣпость, мелкіе форты Силистріи какъ на ладони. Слышны были пушечные и ружейные выстрѣлы, не перестававшіе ни днемъ, ни ночью; съ помощью зрительной трубы можно было различать турецкихъ солдатъ. Правда, что это странное удовольствіе—смотрѣть, какъ люди убиваютъ другъ друга, но тѣмъ не менѣе всякій вечеръ и всякое утро я садился на свою повозку и цѣлыми часами смотрѣлъ, и это дѣлалъ не я одинъ. Зрѣлище было поистинѣ великолѣпно, особенно ночью. По ночамъ обыкновенно мои солдаты принимаются за траншейныя работы и турки бросаются на нихъ, чтобы помѣшать имъ и тогда надо видѣть и слышать эту пальбу. Первую ночь, которую я провелъ въ лагерѣ, этотъ ужасный шумъ разбудилъ и напугалъ меня,я думалъ, что пошли на приступъ и я поскорѣе велѣлъ осѣдлать мою лошадь, но тѣ, кто провели въ лагерѣ уже нѣсколько времени, сказали мнѣ, чтобы я былъ спокоенъ, что эта канонада и ружейная пальба вещь обыкновенная и это шутя называется „Аллахъ". Тогда я снова легъ спать, но, не будучи въ состояніи заснуть, я забавлялся, съ часами въ рукахъ, считая пушечные удары и я насчиталъ 110 ударовъ въ минуту. А между тѣмъ вблизи все это не было такъ страшно, какъ казалось. Ночью, когда ничего не видно, это былъ переводъ пороха и тысячами выстрѣловъ убивали десятка три съ каждой стороны.

Позвольте мнѣ, дорогая тетенька, дальше въ этомъ письмѣ обра-

Digitized by Google

Среди этихъ сильныхъ и новыхъ ощущеній, Л. Н. не покидаетъ и его постоянное занятіе, внутренняя работа надъ самимъ собой; работа эта отражается въ записяхъ его дневника.

7-го іюля: „Скромности у меня нѣтъ. Вотъ мой большой недостатокъ. Что я такое? Одинъ изъ четырехъ сыновей отставного подполковника, оставшійся съ 7-лѣтняго возраста безъ родителей подъ опекой женщинъ и постороннихъ, не получившій ни свѣтскаго, ни ученаго образованія и вышедшій на волю 17-ти лѣтъ; безъ большого состоянія, безъ вся-

---

щаться къ Николенькѣ, такъ какъ я заговорилъ о подробностяхъ войны, я хотѣлъ бы продолжать это, обращаясь къ человѣку, который бы меня понималъ и могъ объяснить вамъ то, что для васъ будетъ не ясно.

И такъ это было обыкновеннымъ представленіемъ, которое мы видѣли каждый день и въ которомъ я принималъ иногда участіе, когда меня посылали съ приказаніями въ траншеи. Но бывали также и необыкновенныя представленія, какъ то, которое было наканунѣ приступа, когда была взорвана мина въ 240 пудовъ пороха подъ однимъ изъ непріятельскихъ бастіоновъ. Утромъ этого дня князь былъ на траншеяхъ со всѣмъ своимъ штабомъ (такъ какъ генералъ, при которомъ я состою, находился въ его штабѣ, то и я тамъ былъ), чтобы дѣлать окончательныя распоряженія въ виду штурма слѣдующаго дня. Планъ штурма, слишкомъ длинный, чтобы я могъ здѣсь его объяснить, былъ такъ хорошо сдѣланъ, все было такъ хорошо предвидѣно, что никто не сомнѣвался въ успѣхѣ. По поводу этого я долженъ вамъ сказать, я начинаю восхищаться княземъ (впрочемъ стоитъ только послушать, что говорятъ о немъ офицеры и солдаты, я не только никогда не слыхалъ дурного про него, но онъ большею частью обожаемъ).

Я видѣлъ его подъ огнемъ въ первый разъ въ это утро. Надо было видѣть эту немного комичную фигуру высокаго роста, руки за спиной, фуражка на затылкѣ, въ очкахъ, съ говоромъ, напоминающимъ индюка. Видно, что онъ такъ занятъ общимъ ходомъ дѣлъ, что пули и ядра не существуютъ для него; онъ выставляетъ себя на опасность съ такой простотой, что можно подумать, что онъ и не знаетъ о ней и невольно боишься только за себя. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ приказанія съ ясностью и точностью и въ то же время внимателенъ со всякимъ. Это великій человѣкъ, т. е. человѣкъ способный и честный, какъ я понимаю это слово, человѣкъ, который всю жизнь отдалъ на служеніе родинѣ

Digitized by Google

каго общественнаго положенія и, главное, безъ правилъ, человѣкъ, разстроившій свои дѣла до послѣдней крайности, безъ цѣли и наслажденія проведшій лучшіе годы своей жизни; наконецъ, изгнавшій себя на Кавказъ, чтобы бѣжать отъ долговъ, а, главное, привычекъ, а оттуда, придравшійся къ какимъ то связямъ, существовавшимъ между его отцомъ и командующимъ арміей, перешедшій въ дунайскую армію 26 лѣтъ прапорщикомъ почти безъ средствъ, кромѣ жалованія, (потому что тѣ средства, которыя у него есть, онъ долженъ

и не ради тщеславія, а ради долга. Я вамъ разскажу одну черту его характера, которая связана съ исторіей штурма, о которомъ я началъ разсказывать. Послѣ обѣда того же дня взорвали мину и около 600 орудій открыли огонь противъ форта, который хотѣли взять и этотъ огонь продолжался всю ночь. Это было зрѣлище и ощущеніе, которое никогда не забудешь. Вечеромъ, при всемъ этомъ громѣ князь снова пришелъ, чтобы залечь въ траншеи и самому руководить штурмомъ, который долженъ былъ начаться въ три часа ночи.

Мы были всѣ тамъ же и, какъ всегда наканунѣ сраженія, всѣ мы дѣлали видъ, что о слѣдующемъ днѣ мы не думаемъ больше, чѣмъ о самомъ обыкновенномъ, и у всѣхъ, я въ этомъ увѣренъ, въ глубинѣ души немного сжималось сердце, а можетъ быть даже очень, при мысли о штурмѣ. Какъ ты знаешь, Николенька, время, предшествующее дѣлу,— самое непріятное, единственное, когдѣ есть время бояться, а боязнь— одно изъ самыхъ непріятныхъ чувствъ. Къ утру, чѣмъ ближе рѣшительный моментъ, тѣмъ меньше становилось чувство страха и около 3-хъ часовъ, когда мы всѣ ожидали увидѣть букетъ пущенныхъ ракетъ, что было сигналомъ атаки, я пришелъ въ такое хорошее настроеніе, что если бы пришли и сказали мнѣ, что штурма не будетъ, мнѣ было бы жалко. И вотъ ровно за часъ до начала штурма пріѣзжаетъ адъютантъ фельдмаршала съ приказаніемъ снять осаду Силистріи. Я могу, не боясь обмануться, сказать, что это извѣстіе было принято всѣми: солдатами, офицерами и генералами, какъ истинное несчастіе, тѣмъ болѣе, что знали черезъ лазутчиковъ, которые часто приходили изъ Силистріи и съ которыми мнѣ часто приходилось самому разговаривать, знали, что когда будетъ взятъ этотъ фортъ, въ чемъ никто не сомнѣвался, Силистрія не могла бы держаться болѣе 2-хъ, 3-хъ дней. Не правда ли, что если кому нибудь это извѣстіе могло доставить горе, такъ это князю, который во всю эту кампанію, стараясь все дѣлать къ лучшему, въ срединѣ своей дѣятельности видитъ, что фельдмаршалъ вмѣшивается въ его

Digitized by Google

употреблять на уплату оставшихся долговъ), безъ покровителей, безъ умѣнья жить въ свѣтѣ, безъ знанія службы, безъ практическихъ способностей, но съ огромнымъ самолюбіемъ. Да, вотъ мое общественное положеніе. Посмотримъ, что такое моя личность.

Я дуренъ собой, неловокъ, нечистоплотенъ и свѣтски необразованъ. Я раздражителенъ, скученъ для другихъ, не-

---

дѣла, чтобы все испортить. Имѣя единственную возможность загладить этимъ штурмомъ прежнія неудачи, онъ получаетъ отмѣну въ моментъ начала этого дѣла. И вотъ князь ни на минуту не смутился, онъ, такой впечатлительный, былъ доволенъ, что могъ избѣжать эту рѣзню, которая лежала бы на его отвѣтственности и во все время отступленія, которымъ онъ руководилъ самъ, желая уйти съ послѣднимъ солдатомъ, и которое было произведено въ замѣчательномъ порядкѣ и точности—въ этомъ отступленіи онъ былъ веселѣе, чѣмъ когда либо. Что много содѣйствовало его хорошему расположенію духа — это эмиграція около семи тысячъ семействъ болгаръ, которыхъ мы взяли съ собой въ память звѣрства турокъ, звѣрства, которому я, не смотря на свою недовѣрчивость, долженъ былъ повѣрить. Какъ только мы оставили нѣсколько болгарскихъ деревень, которыя занимали раньше, турки пришли туда и, исключая молодыхъ женщинъ, годныхъ для гарема, уничтожили все, что тамъ было. Я знаю деревню, въ которую я ходилъ изъ лагеря за молокомъ и фруктами, которая была такимъ образомъ разорена. Такъ что, какъ только князь далъ знать болгарамъ, что кто желаетъ можетъ перейти съ арміей черезъ Дунай и стать русскими подданными, весь край поднимается и всѣ съ женами, дѣтьми, лошадьми, скотиной подъѣжаютъ къ мосту. Но такъ какъ было невозможно взять ихъ всѣхъ, князь былъ принужденъ отказать пришедшимъ послѣдними и надо было видѣть, какъ это было ему тяжело. Онъ принималъ всѣ депутаціи, которыя приходили отъ этихъ несчастныхъ, разговаривалъ съ каждымъ, старался объяснить имъ невозможность этого, предлагалъ переправиться безъ повозокъ и скотины, беря на себя заботу о ихъ пропитаніи, пока они не пріѣдутъ въ Россію, платилъ изъ собственныхъ средствъ за частныя суда для ихъ перевоза, однимъ словомъ, дѣлалъ все, что возможно, для блага этихъ людей.

Да, дорогая тетенька, я желалъ бы очень, чтобы ваше пророчество сбылось. О чемъ я больше всего мечтаю, это быть адъютантомъ такого человѣка, какъ онъ, котораго я люблю и уважаю отъ всей глубины моего сердца. Прощайте, дорогая и добрая тетенька, цѣлую ваши ручки.

Digitized by Google

скроменъ, нетерпимъ (intolérent) и стыдливъ какъ ребенокъ. Я почти невѣжда. Что я знаю, тому я выучился кое-какъ, самъ, урывками, безъ связи, безъ толку и то такъ мало. Я не воздержанъ, нерѣшителенъ, непостояненъ, глупо тщеславенъ и пылокъ, какъ всѣ безхарактерные люди. Я не храбръ. Я не аккуратенъ въ жизни и такъ лѣнивъ, что праздность сдѣлалась для меня почти неодолимой привычкой.

Я уменъ, но умъ мой еще ни на чемъ не былъ основательно испытанъ. У меня нѣтъ ни ума практическаго, ни ума свѣтскаго, ни ума дѣлового.

Я честенъ, то есть я люблю добро, сдѣлалъ привычку любить его; и когда отклоняюсь отъ него, бываю недоволенъ собой и возвращаюсь къ нему съ удовольствіемъ, но есть вещи, которыя я люблю больше добра—славу. Я такъ честолюбивъ и такъ мало чувство это было удовлетворено, что часто, боюсь, я могу выбрать между славой и добродѣтелью—первую, ежели бы мнѣ пришлось выбирать изъ нихъ.

Да, я не скроменъ, оттого то я гордъ въ самомъ себѣ, а стыдливъ и робокъ въ свѣтѣ".

Порой его охватывало поэтическое настроеніе и онъ набрасывалъ художественныя картинки.

Онъ остановился по дѣлу службы въ одномъ маленькомъ румынскомъ городкѣ и тамъ вечеромъ онъ испыталъ чудное настроеніе, вылившееся у него въ такой формѣ:

„Послѣ обѣда я облокотился на балконъ и глядѣлъ на свой любимый фонарь, который такъ славно свѣтитъ сквозь дерево. Притомъ же, послѣ нѣсколькихъ грозовыхъ тучъ, которыя проходили и мочили нынѣ землю, осталась одна большая, закрывавшая всю южную часть неба и какая то пріятная легкость и влажность въ воздухѣ. Хозяйская хорошенькая дочка, такъ же, какъ я, лежала въ своемъ окнѣ, облокотившись на локти. По улицѣ прошла шарманка, и когда звуки добраго стариннаго вальса, удаляясь все больше и больше, стихли совершенно, дѣвочка до глубины души вздохнула, приподнялась и быстро отошла отъ окошка. Мнѣ стало

Digitized by Google

такъ грустно—хорошо, что я невольно улыбнулся и долго еще смотрѣлъ на свой фонарь, свѣтъ котораго заслоняли иногда качаемыя вѣтромъ вѣтви дерева, на дерево, на заборъ, на небо и все это мнѣ казалось еще лучше, чѣмъ прежде".

Неудачный дунайскій походъ, отступленіе войска, скучная штабная жизнь все это далеко не удовлетворяло Льва Николаевича, онъ искалъ болѣе сильной дѣятельности, болѣе сильныхъ ощущеній и перепросился въ Крымскую армію.

20-го іюля, послѣ отступленія изъ подъ Силлистріи, онъ уѣзжаетъ въ Крымъ. Дорога его пролегаетъ черезъ города Текучи, Берладдъ, Яссы, Херсонъ, Одесса, Севастополь, куда онъ прибываетъ 7-го ноября 1854 года. По дорогѣ онъ хвораетъ и лежитъ въ больницѣ, чѣмъ и объясняется такой долгій путь.

По прибытіи въ Севастополь, онъ былъ прикомандированъ къ 3 легкой батареѣ 14-ой артиллерійской бригады.

Здѣсь его охватываетъ такая масса новыхъ впечатлѣній, что онъ самъ не скоро можетъ справиться съ ними и, наконецъ, черезъ двѣ недѣли, 20-го ноября, пишетъ брату Сергѣю:

„Любезный другъ Сережа, я, Богъ знаетъ, какъ виноватъ передъ всѣми вами съ самого начала своего отъѣзда, и отчего это случилось, самъ не знаю; то разсѣянная жизнь, то скучное положеніе и расположеніе, то война, то кто-нибудь помѣшаетъ и т. д. и т. д. Главная же причина—разсѣянная и обильная впечатлѣніями жизнь. Столько я перечувствовалъ, переиспыталъ, перечувствовалъ въ этотъ годъ, что рѣшительно не знаешь, съ чего начать описывать, да и сумѣешь ли описать, какъ хочется. Вѣдь, я тетенькѣ написалъ про Силистрію, а тебѣ и Николенькѣ я не напишу такъ,— я бы хотѣлъ вамъ передать такъ, чтобы вы меня поняли, какъ я хочу. Теперь Силистрія—старая пѣснь, теперь Севастополь, про который, я думаю, и вы читаете съ замираніемъ сердца, и въ которомъ я былъ 4 дня тому назадъ. Ну, какъ тебѣ разсказать все, что я тамъ видѣлъ, и гдѣ я былъ

Digitized by Google

и что дѣлалъ, и что говорятъ плѣнные и раненые французы и англичане, и больно ли имъ и очень ли больно, и какіе герои наши враги, особенно англичане. Разсказывать это все будемъ въ Ясной послѣ или въ Пироговѣ; а про многое ты отъ меня же узнаешь въ печати. Какимъ это образомъ, разскажу послѣ, теперь же дамъ тебѣ понятіе о томъ, въ какомъ положеніи наши дѣла въ Севастополѣ. Городъ осажденъ съ одной стороны, съ южной, на которой у насъ не было никакихъ укрѣпленій, когда непріятель подошелъ къ нему. Теперь у насъ на этой сторонѣ болѣе 500 орудій огромнаго калибра и нѣсколько рядовъ земляныхъ укрѣпленій, рѣшительно неприступныхъ. Я провелъ недѣлю въ крѣпости и до послѣдняго дня блудилъ, какъ въ лѣсу, между этими лабиринтами батарей. Непріятель уже болѣе трехъ недѣль подошелъ въ одномъ мѣстѣ на 80 саженъ и не идетъ впередъ; при малѣйшемъ движеніи его впередъ, его засыпаютъ градомъ снарядовъ.

Духъ въ войскахъ выше всякаго описанія. Во времена древней Греціи не было столько геройства. Корниловъ объѣзжая войска, вмѣсто: „здорово ребята!“ говорилъ: „нужно умирать, ребята, умрете?“ и войска кричали: „умремъ Ваше Превосходительство, ура!“ И это былъ не эффектъ, а на лицѣ каждаго видно было, что не шутя, а взаправду, и ужъ 22000 исполнили это обѣщаніе.

Раненый солдатъ, почти умирающій, разсказывалъ мнѣ, какъ они брали 24-го французскую батарею и ихъ не подкрѣпили; онъ плакалъ навзрыдъ. Рота моряковъ чуть не взбунтовалась за то, что ихъ хотѣли смѣнить съ батареи, на которой они простояли 30 дней подъ бомбами. Солдаты вырываютъ трубки изъ бомбъ. Женщины носятъ воду на бастіоны для солдатъ. Многія убиты и ранены. Священники съ крестами ходятъ на бастіоны и подъ огнемъ читаютъ молитвы. Въ одной бригадѣ, 24-го, было 160 человѣкъ, которые раненые не вышли изъ фронта. Чудное время! Теперь впрочемъ, послѣ 24-го, мы поуспокоились,—въ Севастополѣ

Digitized by Google

стало прекрасно. Непріятель почти не стрѣляетъ, и всѣ убѣждены, что онъ не возьметъ города, и это, дѣйствительно, невозможно. Есть три предположенія: или онъ пойдетъ на приступъ, или занимаетъ насъ фальшивыми работами, или укрѣпляется, чтобы зимовать. Первое менѣе, а второе болѣе всего вѣроятно. Мнѣ не удалось ни одного раза быть въ дѣлѣ; но я благодарю Бога за то, что я видѣлъ этихъ людей и живу въ это славное время. Бомбардированіе 5-го числа останется самымъ блестящимъ, славнымъ подвигомъ не только въ русской, но и во всемірной исторіи. Болѣе 1500 орудій два дня дѣйствовали по городу и не только не дали сдаться ему, но не заставили замолчать и $^{1}/_{200}$ нашихъ батарей. Ежели, какъ мнѣ кажется, въ Россіи невыгодно смотрятъ на эту кампанію, то потомство поставитъ ее выше всѣхъ другихъ; не забудь, что мы съ равными, даже меньшими силами, съ одними штыками и съ худшими войсками въ русской арміи (какъ 6-ой корпусъ) деремся съ непріятелемъ многочисленнѣйшимъ и имѣющимъ флотъ, вооруженнымъ 3000 орудіями, отлично вооруженнымъ штуцерами и съ лучшими его войсками. Ужъ я не говорю о преимуществѣ его генераловъ.

Только наше войско можетъ стоять и побѣждать (мы еще побѣдимъ, въ этомъ я убѣжденъ) при такихъ условіяхъ. Надо видѣть плѣнныхъ французовъ и англичанъ (особенно послѣднихъ): это молодецъ къ молодцу, именно морально и физически, народъ бравый. Казаки говорятъ, что даже рубить жалко, и рядомъ съ ними надо видѣть нашего какого-нибудь егеря: маленькій, вшивый, сморщенный какой-то.

Теперь разскажу, какимъ образомъ ты въ печати будешь отъ меня же узнавать о подвигахъ этихъ вшивыхъ и сморщенныхъ героевъ. Въ нашемъ артиллерійскомъ штабѣ, состоящемъ, какъ, кажется, я писалъ вамъ, изъ людей очень хорошихъ и порядочныхъ, родилась мысль издавать военный журналъ, съ цѣлью поддерживать хорошій духъ въ войскѣ, журналъ дешевый (по 3 р.) и популярный, чтобы его чи-

Digitized by Google

Л. Н. ТОЛСТОЙ ВЪ 1854 Г.

Digitized by Google

Digitized by Google

тали солдаты. Мы написали проектъ журнала и представили его князю. Ему очень понравилась эта мысль, и онъ представилъ проектъ и пробный листокъ, который мы тоже составили, на разрѣшеніе Государя. Деньги на изданіе авансируемъ я и Столыпинъ. Я избранъ редакторомъ вмѣстѣ съ однимъ господиномъ Константиновымъ, который издавалъ „Кавказъ“ и человѣкъ опытный въ этомъ дѣлѣ. Въ журналѣ будутъ помѣщаться описанія сраженій, не такія сухія и лживыя, какъ въ другихъ журналахъ. Подвиги храбрости, біографіи и некрологи хорошихъ людей и преимущественно изъ темненькихъ; военные разсказы, солдатскія пѣсни, популярныя статьи объ инженерномъ и артиллерійскомъ искусствѣ и т. д. Штука эта мнѣ очень нравится: во-первыхъ, я люблю это занятіе, а во-вторыхъ, надѣюсь, что журналъ будетъ полезный и не совсѣмъ скверный.—Все это еще предположенія до тѣхъ поръ, пока не узнаемъ отвѣта Государя, а я, признаюсь, боюсь за него: въ пробномъ листкѣ, который посланъ въ Петербургъ, мы неосторожно помѣстили двѣ статьи, одна моя, другая Ростовцева, не совсѣмъ православныя. Для этой же штуки мнѣ нужно 1500 р., которые лежатъ въ приказѣ и которые я просилъ Валерьяна прислать мнѣ. Такъ какъ я уже проболтался тебѣ объ этомъ, то передай и ему.

Я, слава Богу, здоровъ, живу весело и пріятно съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ пришелъ изъ-за границы. Вообще все мое пребываніе въ арміи раздѣляется на два періода, за границей скверный,—я былъ и боленъ, и бѣденъ, и одинокъ,—въ границахъ пріятный: я здоровъ, имѣю хорошихъ пріятелей, но все-таки бѣденъ, деньги такъ и лѣзутъ.

Писать не пишу, но за то испытываю, какъ меня дразнитъ тетенька. Одно безпокоитъ меня: я четвертый годъ живу безъ женскаго общества, я могу совсѣмъ загрубѣть и не быть способнымъ къ семейной жизни, которую я такъ люблю.

Прощай же, Богъ знаетъ, когда мы увидимся, ежели вы съ Николенькой не вздумаете отъѣзжимъ полемъ завернуть какъ-нибудь изъ Тамбова въ главную квартиру“.

Digitized by Google

Я привелъ цѣликомъ это замѣчательное письмо, показывающее, какъ молодъ душою былъ въ то время Л. Н—ч-какъ онъ былъ способенъ увлекаться и какъ это увлеченіе затемняло ему ясное представленіе о всемъ совершавшемся вокругъ него. Тѣмъ съ большей силой выступаютъ на этомъ фонѣ проблески яснаго сознанія и пророческаго вдохновенія.

Очевидно, что несмотря на силу внѣшнихъ впечатлѣній, они не заполняли собою всей души Льва Николаевича и въ уединеніи, за писаніемъ своего дневника, быть можетъ въ блиндажѣ 4-го батальона, онъ оставался тѣмъ же ищущимъ и стремящимся къ идеалу, какимъ былъ всегда и есть теперь.

Тогдашнее душевное настроеніе его вылилось въ такую поэтическую форму.

„Когда же, когда, наконецъ, перестану
Безъ цѣли и страсти свой вѣкъ проводить,
И въ сердцѣ глубокую чувствовать рану
И средства не знать, какъ ее заживить?
Кто сдѣлалъ ту рану? лишь вѣдаетъ Богъ,
Но мучитъ меня отъ рожденья
Грядущей ничтожности горькій залогъ,
Томящая грусть и сомнѣнья“.

23-го ноября онъ переѣзжаетъ въ Симферополь.

6-го января 1855 года онъ пишетъ тетушкѣ Т. А. успокоительное письмо:

Je n'ai pas pris part aux deux sanglantes batailles qui ont eu lieu en Crimée, mais j'ai été à Sebastopol tout de suite après celle du 24 et j'y ai passé un mois. On ne se bat plus, en rase campagne à cause de l'hiver qui est extraordinairement rigoureux, surtout à présent; mais le siège dure toujours. Quelle sera l'issue de cette campagne, Dieu seul le sait; mais dans tous les cas la campagne de Crimée de manière ou d'autre doit finir dans 3 ou 4 mois. Mais hélas! la fin de la campagne de Crimée ne veut pas dire la fin de la guerre, il parait au con-

Digitized by Google

traire qu'elle durera bien longtemps. J'avais parlé dans mes lettres à Serge et à Valérien je crois, d'une occupation que j'avais en vue et qui me souriait béaucoup, à présent que la chose est décidée, je puis le dire. J'avais l'idée de fonder un journal militaire. Ce projet auquel j'ai travaillé avec le concours de beaucoup de gens très distingués fut approuvé par le prince et envoyé à la décision de sa Majesté, mais comme chez nous on intrigue contre tout, il s'est trouvé des gens qui craignaient la concurrence de ce journal et puis peut-être que l'idée de ce journal n'était pas dans les vues du gouvernement—l'empereur a refusé.

Cette déconfiture, je vous l'avoue, m'a fait une peine infinie et a beaucoup changé mes planes. Si Dieu veut que la campagne de Crimée finisse bien et si je ne reçois pas une place, dont je sois content et qu'il n'y ait pas de guerre en Russie, je quitterai l'armée pour aller à Petersbourg à l'académie militaire. Ce plan m'est venu 1° parce que je voudrais ne pas abandonner la littérature dont il m'est impossible de m'occuper dans cette vie de camp, et 2° parce qu'il me paraît que je commence à devenir ambitieux, pas ambitieux, mais je voudrais faire du bien et pour le faire il faut être plus qu'un подпоручикъ, 3° parce que je vous verrai tous et tous mes amis. Nicolas m'écrit que Tougenieff a fait la connaissance de Marie; je suis enchanté de cela, si vous le voyez chez eux, dites à Varinka que je la charge d'embrasser de ma part et de lui dire que quoique je ne le connaisse que par écrit; j'aurais eu une quantité de choses à lui dire *).

---

*) Я не принималъ участія въ двухъ кровавыхъ сраженіяхъ, бывшихъ въ Крыму, но я былъ въ Севастополѣ тотчасъ послѣ сраженія 24 и провелъ тамъ мѣсяцъ. Больше не дерутся въ открытомъ полѣ по причинѣ зимы, которая очень сурова, особенно теперь, но осада продолжается. Каковъ будетъ исходъ этой войны, Богъ знаетъ, но, во всякомъ случаѣ, Крымская кампанія должна кончиться черезъ 3 или 4 мѣсяца. Но увы! конецъ Крымской кампаніи не означаетъ конца войны; напротивъ, кажется, что она затянется на долго.

Digitized by Google

Послѣдующая жизнь прекрасно передана Львомъ Николаевичемъ въ письмѣ къ брату, написанному уже въ маѣ 1855 года, гдѣ онъ даетъ хронологическій перечень фактовъ своей военной жизни за послѣднюю зиму 54—55 года.

„Хотя ты, вѣрно, знаешь черезъ нашихъ, гдѣ и что я дѣлалъ, повторяю тебѣ свои похожденія съ Кишинева, тѣмъ болѣе, что, можетъ быть, для тебя будетъ интересно же, какъ я ихъ разсказываю, и поэтому ты узнаешь, въ какой я фазѣ нахожусь—такъ какъ ужъ видно моя судьба всегда находиться въ какой-нибудь фазѣ. Изъ Кишинева 1-го ноября я просился въ Крымъ отчасти для того, чтобы видѣть эту войну, отчасти для того, чтобы вырваться изъ штаба Сержпутовскаго, который мнѣ не нравился, а больше всего изъ патріотизма, который въ то время, признаюсь, сильно напалъ

Я, кажется, говорилъ въ моихъ письмахъ къ Сережѣ и Валерьяну объ одномъ занятіи, которое у меня было въ виду и которое мнѣ очень улыбалось; теперь, когда это уже дѣло рѣшеное, я могу сказать. У меня была мысль создать военный журналъ. Этотъ проектъ, надъ которымъ я работалъ въ сотрудничествѣ со многими выдающимися людьми, былъ одобренъ княземъ и былъ посланъ на усмотрѣніе Его Величества; но такъ какъ у насъ противъ всего интригуютъ, нашлись люди, которые побоялись конкурренціи этого журнала и затѣмъ, быть можетъ, идея этого журнала не была въ видахъ правительства и государь отказалъ.

Эта неудача, признаюсь вамъ, мнѣ доставила большое горе и много измѣнила мои планы. Если, Богъ дастъ, Крымская кампанія хорошо окончится и если я не получу мѣста, которымъ бы я былъ доволенъ, и если не будетъ войны въ Россіи, я оставляю военную службу и ѣду въ Петербургъ въ военную академію. Этотъ планъ пришелъ мнѣ въ голову, во 1-хъ, потому, что я не хотѣлъ бы бросать литературныя занятія, которыми мнѣ невозможно заниматься въ этой лагерной жизни, во-вторыхъ потому, что мнѣ кажется, что я становлюсь тщеславенъ, не то что тщеславенъ, но мнѣ хочется дѣлать хорошее, а для этого мало быть подпоручикомъ. Въ-третьихъ потому, что тогда я увижу всѣхъ васъ и всѣхъ моихъ друзей. Николенька пишетъ мнѣ, что Тургеневъ познакомился съ Машенькой, я отъ этого въ восторгѣ, если вы его увидите у нихъ, скажите Варенькѣ, что поручаю ей обнять его отъ меня и сказать ему, что хотя я его знаю только по писаньямъ, у меня многое есть, что ему сказать.

Digitized by Google

на меня. Я никуда не просился, а предоставилъ начальству распоряжаться моей судьбой. Въ Крыму прикомандировали къ батареѣ въ самый Севастополь, гдѣ я пробылъ мѣсяцъ весьма пріятно, въ кругу простыхъ, добрыхъ товарищей, которые бываютъ особенно хороши во время настоящей войны и опасности. Въ декабрѣ нашу батарею отвели къ Симферополю, и тамъ я прожилъ $1^1/_2$ мѣсяца въ удобномъ помѣщичьемъ домѣ, ѣздилъ въ Симферополь танцовать и играть на фортепіано съ барышнями и охотиться на Чатырдагѣ съ чиновниками за дикими козами. Въ январѣ опять была тасовка офицеровъ и меня перевели въ батарею, которая стояла лагеремъ въ 10 верстахъ отъ Севастополя на Бельбекѣ. Тамъ j'ai fait la connaissance de la mère de Кузьма—самый гадкій кружокъ офицеровъ въ батареѣ, командиръ, хотя и доброе, но сильное и грубое созданіе, никакихъ удобствъ, холодъ въ землянкахъ. Ни одной книги, ни одного человѣка, съ которымъ бы можно поговорить. И тутъ то я получилъ 1500 рублей на журналъ, который уже былъ отказанъ, и тутъ то я проигралъ 2500 рублей и тѣмъ доказалъ всему міру, что я все-таки пустяшный малый, хотя предыдущія обстоятельства и могутъ быть приняты comme circonstances atténuantes, все-таки очень, очень скверно. Въ мартѣ стало теплѣе и пріѣхалъ въ батарею милый, отличнѣйшій человѣкъ Бреневскій; я сталъ опоминаться, а 1-го апрѣля батарея во время самаго бомбардированія пошла въ Севастополь, и я совсѣмъ опомнился. Тамъ до 15 мая, хотя и въ серьезной опасности, т. е. по 4 дня черезъ 8 дежурнымъ на батареѣ 4-го бастіона, но весна и погода отличныя; впечатлѣній и народа пропасть, всѣ удобства жизни, и насъ собрался прекрасный кружокъ порядочныхъ людей, такъ что эти полтора мѣсяца останутся однимъ изъ самыхъ моихъ пріятныхъ воспоминаній. 15-го мая Горчакову или начальнику артиллеріи вздумалось поручить мнѣ сформировать и командовать горнымъ взводомъ въ Бельбекѣ—20 верстъ отъ Севастополя, чѣмъ я чрезвычайно до сихъ поръ доволенъ

Digitized by Google

во многихъ отношеніяхъ *). Вотъ тебѣ общее описаніе, въ слѣдующемъ письмѣ напишу подробнѣе о настоящемъ".

Къ этому краткому описанію мы можемъ прибавить, что шуточный тонъ письма не соотвѣтствуетъ тѣмъ серьезнымъ мыслямъ и чувствамъ, которыя волновали Льва Николаевича за это время.

Въ его дневникѣ отъ 5-го марта 1855 года записано слѣдующее пророчество о самомъ себѣ:

„Разговоръ о божествѣ и вѣрѣ навелъ меня на великую, громадную мысль, осуществленію которой я чувствую себя способнымъ посвятить жизнь. Мысль эта — основаніе новой религіи, соотвѣтствующей развитію человѣчества, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи практической, не обѣщающей будущее блаженство, но дающей блаженство на землѣ. Привести эту мысль въ исполненіе, я понимаю, что могутъ только поколѣнія, сознательно работающія къ этой цѣли. Одно поколѣніе будетъ завѣщать мысль эту слѣдующему и когда нибудь фанатизмъ или разумъ приведутъ ее въ исполненіе. Дѣйствовать сознательно къ соединенію людей религіей, вотъ основаніе мысли, которая, надѣюсь, увлечетъ меня".

Конечно, человѣку, написавшему эти строки пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и впослѣдствіи съ такою силою и твердостью положившему основаніе для осуществленія этой идеи, такому человѣку было мѣсто не въ артиллеріи.

Онъ это смутно чувствовалъ и въ его запискахъ время отъ времени прорывается сознаніе того, что онъ созданъ не для военной, а для литературной карьеры.

---

*) Этотъ переводъ Л. Н—ча на Бельбекъ былъ произведенъ по распоряженію Государя Александра II, прочитавшаго въ корректурѣ разсказъ Л. Н—ча „Севастополь въ Декабрѣ 1854 г." Разсказъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Государя и онъ приказалъ беречъ молодаго офицера и удалить его изъ опаснаго мѣста.

Примѣчаніе П. Б.

Digitized by Google

И онъ все это время не оставляетъ своей литературной дѣятельности.

Еще по дорогѣ изъ Румыніи въ Севастополь онъ кончаетъ „Рубку лѣса“, затѣмъ еще въ Севастополѣ начинаетъ писать „Юность“ и пишетъ Севастопольскіе разсказы.

Съ 11 по 14 апрѣля онъ проводитъ на 4-омъ бастіонѣ. Сознаніе опасности вызываетъ въ немъ подъемъ духа и онъ обращается къ Богу съ такой молитвой: „Боже, благодарю тебя за твое постоянное покровительство мнѣ. Какъ вѣрно ведешь ты меня къ добру. И какимъ бы я былъ ничтожнымъ созданіемъ, ежели бы ты оставилъ меня. Не остави меня, Боже, напутствуй меня и не для удовлетворенія моихъ ничтожныхъ стремленій, а для достиженія вѣчной и великой, невѣдомой, не сознаваемой мною цѣли бытія“.

4-го августа 1855 года Левъ Николаевичъ принималъ, хотя и косвенное, участіе въ сраженіи при Черной рѣчкѣ. Онъ спѣшитъ успокоить своихъ родныхъ и въ письмѣ къ брату отъ 7-го августа 1855 года, между прочимъ, пишетъ:

„Пишу тебѣ нѣсколько строкъ, чтобы успокоить за себя по случаю сраженія 4-го, въ которомъ я былъ и остался цѣлъ; впрочемъ, я ничего не дѣлалъ, потому что моей горной артиллеріи не пришлось стрѣлять“.

Въ то-же время, какъ видно изъ переписки Л. Н—ча съ Некрасовымъ, онъ слѣдилъ за русской литературой и дѣятельно поддерживалъ редакцію Современника, собирая въ Севастополѣ кружокъ сотрудниковъ. Вотъ что онъ пишетъ Некрасову 30 апрѣля 1855 г. изъ Севастополя.

„Милостивый государь, Николай Алексѣевичъ!

Вы уже должны были получить статью мою: „Севастополь въ декабрѣ“ и обѣщаніе статьи Столыпина. Вотъ она. Несмотря на дикую орфографію этой рукописи, которую вы уже сами распорядитесь исправить, ежели она будетъ напечатана безъ цензурныхъ вырѣзокъ, чего старался всѣми силами избѣжать авторъ. Вы согласитесь, я надѣюсь, что статей та-

Digitized by Google

кихъ военныхъ или очень мало или вовсе не печатается у насъ къ несчастью. Можетъ быть съ этимъ же курьеромъ пошлется статья Сакена, о которой ничего не говорю, и которую, надѣюсь, вы не напечатаете. Поправки въ статьѣ Столыпина сдѣланы черными чернилами Хрулевымъ лѣвой рукой, потому что правая ранена. Столыпинъ проситъ помѣстить ихъ въ выноскахъ. Пожалуйста, ежели можно, помѣстите какъ мою, такъ и Столыпинскую въ іюльской книжкѣ. Теперь мы всѣ собрались и литературное общество падшаго журнала начинаетъ организоваться и, какъ я вамъ писалъ, ежемѣсячно вы будете получать отъ меня 2, 3 или 4 статьи современнаго военнаго содержанія. Лучшіе два сотрудника, Бакунинъ и Ростовцевъ, еще не успѣли кончить своихъ статей. Будьте такъ добры, отвѣчайте мнѣ и пишите вообще съ этимъ курьеромъ, адъютантомъ Горчакова, и съ будущими, которые безпрестанно снуютъ отъ васъ и сюда" *).

15-го іюня онъ получилъ въ Бахчисараѣ письмо отъ Панаева и книжку „Современника" съ напечатаннымъ разсказомъ: „Севастополь въ декабрѣ". Изъ письма онъ узналъ, что его разсказъ читалъ государь.

Очевидно, разсказъ этотъ произвелъ на государя сильное впечатлѣніе, такъ какъ онъ приказалъ перевести его на французскій языкъ. Въ іюнѣ же онъ кончилъ разсказъ „Рубка лѣса" и отослалъ его въ „Современникъ".

Въ іюлѣ заканчиваетъ новый разсказъ „Севастополь въ маѣ" и отсылаетъ въ редакцію.

Съ этимъ разсказомъ произошло слѣдующее, о чемъ пишетъ Панаевъ Толстому изъ Петербурга.

Въ письмѣ моемъ къ вамъ, черезъ Столыпина доставленномъ, я писалъ къ вамъ, что статья ваша пропущена цензурой съ незначительными измѣненіями и просилъ васъ не

*) Литературныя воспоминанія Ив. Ив. Панаева и прилож. писемъ. Письма Л. Н. Толстого къ Н. А. Некрасову. Стр. 414.

Digitized by Google

сердиться на меня за то, что надо было прибавить нѣсколько словъ въ концѣ для смягченія выраженія... Статья Ночь въ Севастополѣ была уже совсѣмъ отпечатана въ 3,000 экземпляровъ, какъ вдругъ цензоръ потребовалъ ее изъ типографіи, остановивъ выходъ номера (августовская книжка явилась поэтому въ Петербургѣ 18 авг.) и въ отсутствіе мое изъ Петербурга (я на нѣсколько дней ѣздилъ въ Москву) предоставилъ ее на прочтеніе предсѣдателя цензурнаго комитета—извѣстному вамъ по Казани—Пушкину. Если вы знаете Пушкина, вы можете отчасти вообразить, что послѣдовало. Пушкинъ пришелъ въ ярость, напалъ на цензора и на меня за то, что представляю въ цензуру такія статьи и собственноручно передѣлалъ ее. Я между тѣмъ вернулся въ Петербургъ и, увидавъ эту передѣлку, пришелъ въ ужасъ—и статью вовсе хотѣлъ не печатать, но Пушкинъ въ объясненіи со мною сказалъ, что я обязанъ напечатать такъ, какъ она передѣлана. Дѣлать было нечего—и статья ваша изуродованная появится въ сентябрской книжкѣ, но безъ буквъ Л. Н. Т., которыя я уже не могъ видѣть подъ ней послѣ этого. Но статья же была такъ хороша, что даже послѣ совершеннаго уничтоженія ея цензурою, я давалъ ее читать Милюкову, Краснокутскому и др. Всѣмъ она нравится очень, и Милютинъ писалъ мнѣ, что грѣхъ, если я лишу читателей этой статьи и не напечатаю ее даже въ такомъ видѣ.

Не вините же меня во всякомъ случаѣ за то, что статья ваша напечатана въ такомъ видѣ. Я вынужденъ былъ это сдѣлать. Если Богъ приведетъ намъ когда-нибудь свидѣться (чего я очень желаю), я объясню вамъ эту исторію яснѣе. Теперь я скажу вамъ два слова о впечатлѣніи, которое вашъ разсказъ („Ночь“ *) производитъ вообще въ его первобытномъ видѣ на насъ, на всѣхъ, которымъ я читалъ его... О цензурѣ тутъ рѣчи нѣтъ.

---

*) Такъ назывался тогда разсказъ „Севастополь въ маѣ“.

Digitized by Google

Всѣ находятъ этотъ разсказъ сильнѣе перваго по тонкому и глубокому анализу внутреннихъ движеній и ощущеній въ людяхъ, у которыхъ безпрестанно смерть на носу; по той вѣрности, съ которою схвачены типы армейскихъ офицеровъ, столкновенія ихъ съ аристократами и взаимныя ихъ отношенія другъ къ другу, словомъ, все превосходно, все очерчено мастерски; но все до такой степени облито горечью, все такъ рѣзко и ядовито, безпощадно и безотрадно, что въ настоящую минуту, когда мѣсто дѣйствія разсказа—чуть не святыня, больно для людей, которые въ отдаленіи отъ этого, разсказъ могъ бы произвести даже весьма непріятное впечатлѣніе.

Рубка лѣса съ посвященіемъ Тургеневу появится также въ сентябрѣ (Тургеневъ просилъ меня очень, очень благодарить васъ за память о немъ и вниманіе къ нему)... И въ этомъ разсказѣ, прошедшемъ сквозь три цензуры: кавказскую (цензоръ статсъ-секретарь Бутковъ), военную (генералъ-майоръ Стефенъ) и гражданскую нашу (мой цензоръ и Пушкинъ) тронуты типы офицеровъ и кое-что повыкинуто, къ сожалѣнію.

Въ сентябрѣ Некрасовъ писалъ Толстому:

„Милостивый государь Левъ Николаевичъ!

Я прибылъ въ Петербургъ въ половинѣ августа, на самыя плачевныя для „Современника“ обстоятельства. Возмутительное безобразіе, въ которое приведена ваша статья *), испортило во мнѣ послѣднюю кровь. До сей поры не могу думать объ этомъ безъ тоски и бѣшенства. Трудъ-то вашъ, конечно, не пропадетъ... Онъ всегда будетъ свидѣтельствовать о силѣ, сохранившей способность къ такой глубокой и трезвой правдѣ, среди обстоятельствъ, въ которыхъ не всякій бы сохранилъ ее. Не хочу говорить, какъ высоко я

*) Очевидно тутъ идетъ рѣчь о разсказѣ Л. Н—ча. „Севастополь въ маѣ 1885 г.“.

Digitized by Google

ставлю эту статью и вообще направленіе вашего таланта и то, чѣмъ онъ вообще силенъ и новъ. Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда—правда, которой со смертью Гоголя такъ мало осталось въ русской литературѣ. Вы правы, дорожа всего болѣе этою стороной въ вашемъ дарованіи. Эта правда въ томъ видѣ, въ какомъ вносите вы ее въ нашу литературу, есть нѣчто у насъ совершенно новое. Я не знаю писателя теперь, который бы такъ заставлялъ любить себя и такъ горячо себѣ сочувствовать, какъ тотъ, къ которому пишу, и боюсь одного, чтобы время и гадость дѣйствительности, глухота и нѣмота окружающаго не сдѣлали съ вами того, что съ большею частью изъ насъ: не убили въ васъ энергіи, безъ которой нѣтъ писателя, по крайней мѣрѣ такого, какіе теперь нужны Россіи. Вы молоды; идутъ какія-то перемѣны, которыя—будемъ надѣяться—кончатся добромъ, и можетъ быть вамъ предстоитъ широкое поприще. Вы начинаете такъ, что заставляете самыхъ осмотрительныхъ людей заноситься въ надеждахъ очень далеко. Однако я отвлекся отъ цѣли письма. Не буду васъ утѣшать тѣмъ, что и напечатанные обрывки вашей статьи многіе находятъ превосходными; для людей, знающихъ статью въ настоящемъ видѣ,—это не болѣе, какъ наборъ словъ безъ смысла и внутренняго значенія. Но нечего дѣлать! Скажу одно, что статья не была бы напечатана, если бы это не было необходимо. Но имени вашего подъ нею нѣтъ. „Рубка лѣса“ прошла порядочно, хотя и изъ нея вылетѣло нѣсколько драгоцѣнныхъ чертъ. Мое мнѣніе объ этой вещи такое: формою она точно напоминаетъ Тургенева, но этимъ и оканчивается сходство: все остальное принадлежитъ вамъ и никѣмъ кромѣ васъ не могло бы быть написано. Въ этомъ очеркѣ множество удивительно мѣткихъ замѣтокъ, и весь онъ новъ, интересенъ и дѣленъ. Не пренебрегайте подобными очерками: о солдатѣ вѣдь наша литература донынѣ ничего не сказала, кромѣ пошлости. Вы только начинаете, и въ какой бы формѣ не высказали

Digitized by Google

вы все, что знаете объ этомъ предметѣ,—все это будетъ въ высшей степени интересно и полезно. Панаевъ передалъ мнѣ ваше письмо, гдѣ вы обѣщаете намъ скоро прислать „Юность“. Пожалуйста, присылайте. Независимо отъ журнала, я лично интересуюсь продолженіемъ вашего перваго труда. Мы приготовимъ для „Юности“ мѣсто въ X или XI кн., смотря по времени, какъ она получится.

Деньги вамъ будутъ на дняхъ посланы. Я поселился на зиму въ Петербургѣ и буду радъ, если вы напишите мнѣ нѣсколько строкъ при случаѣ.

Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи

Н. Некрасовъ“*).

Но, разумѣется, литературныя занятія были не главнымъ времяпрепровожденіемъ Толстого. Онъ велъ обычную жизнь офицера и былъ хорошимъ товарищемъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его современники и сослуживцы.

Въ воспоминаніяхъ Назарьева, приводился разсказъ бывшаго товарища Толстого по Севастополю, съ видимымъ удовольствіемъ вспоминавшаго о немъ и о времени, проведенномъ съ нимъ въ одной батареѣ. Онъ даже узнавалъ себя въ одномъ изъ героевъ севастопольскихъ разсказовъ. „Такъ скажу,—съ блаженной улыбкой повѣствовалъ старикъ,—Толстой своими разсказами и наскоро набросанными куплетами одушевлялъ всѣхъ и каждаго въ трудныя минуты боевой жизни. Онъ былъ, въ полномъ смыслѣ, душой батареи. Толстой съ нами и мы не видимъ какъ летитъ время и нѣтъ конца общему веселью... нѣтъ графа, укатилъ въ Симферополь,—и всѣ носы повѣсили. Пропадаетъ день, другой, третій... Наконецъ возвращается... ну точь въ точь блудный сынъ, мрачный, исхудалый, недовольный собой... Отведетъ меня въ сторону, подальше, и начнетъ покаяніе. Все разскажетъ, какъ кутилъ, игралъ, гдѣ проводилъ дни и ночи,

*) Четыре письма Н. А. Некрасова къ Л. Н. Толстому „Нива“, Ежен. Литер. прил. № 2. 1898 г.

Digitized by Google

и при этомъ, вѣрите ли, казнится и мучится какъ настоящій преступникъ. Даже жалко смотрѣть на него — такъ убивается... Вотъ это какой былъ человѣкъ. Однимъ словомъ странный и, говоря правду, не совсѣмъ для меня понятный, а съ другой стороны это былъ рѣдкій товарищъ, честнѣйшая душа, и забыть его рѣшительно невозможно *).

Поведеніе Льва Николаевича, какъ храбраго офицера, и связи въ высшихъ сферахъ могли обезпечить ему выгодную военную карьеру. Этому способствовало также появленіе въ печати его „Севастопольскихъ очерковъ", обратившихъ на себя вниманіе Николая и императрицы Александры Ѳеодоровны, которая, какъ разсказываютъ, плакала, читая первый разсказъ; но тотъ же даръ творчества и положилъ предѣлъ этому успѣху. Препятствіемъ къ блестящей карьерѣ явились „Севастопольскія пѣсни".

Исторія этихъ двухъ пѣсенъ такая:

Въ приводимомъ нами наиболѣе полномъ варіантѣ первая изъ нихъ была напечатана въ „Русской Старинѣ" **), по сообщенію извѣстнаго писателя и ученаго М. И. Венюкова. Текстъ пѣсни снабженъ слѣдующимъ его примѣчаніемъ:

„Въ 1854—56 годахъ я находился въ Академіи Генеральнаго Штаба для слушанія военныхъ наукъ и здѣсь получилъ изъ Крыма, съ театра военныхъ дѣйствій, отъ одного изъ моихъ прежнихъ товарищей по батареѣ Ив. Вас. Аносова, офицера 14-ой артиллерійской бригады, списокъ приводимой мною слѣдующей пѣсни:

*) В. Н. Назарьевъ. Жизнь и люди былого времени. Истор. Вѣстн. 1900 г. ноябрь.

**) Кромѣ того, мы исправили этотъ текстъ еще по списку, доставленному намъ Львомъ Николаевичемъ.

Digitized by Google

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ПѢСНЯ.

Какъ четвертаго числа *)
Насъ нелегкая несла
Горы отбирать. (bis).
Баронъ Вревскій генералъ **)
Къ Горчакову приставалъ
Когда подъ-шафе: (bis).
„Князь, возьми ты эти горы,
„Не входи со мною въ ссору
„Не то донесу". (bis).
Собирались на совѣты
Всѣ большіе эполеты.
Даже плацъ-Бекокъ. (bis).
Полицмейстеръ плацъ-Бекокъ
Никакъ выдумать не могъ.
Что ему сказать; (bis).
Долго думали, гадали,
Топографы все писали
На большомъ листу. (bis).
Чисто вписано въ бумаги,
Да забыли про овраги,
Какъ по нимъ ходить. (bis).
Выѣзжали князья-графы,
А за ними топографы
На большой редутъ. (bis).
Князь сказалъ: „ступай, Липранди",
А Липранди: „нѣтъ-съ, атанде,
Нѣтъ, молъ, не пойду". (bis).
„Туда умнаго не надо,
„Ты пошли туда Реада,
„А я посмотрю". (bis).
Вдругъ Реадъ возьми, да спросту.
И повелъ насъ прямо къ мосту:
„Ну-ка, на уру". (bis).
Мартекау умолялъ,

*) 4-го августа 1855 года сраженіе при Черной рѣчкѣ.

**) Баронъ П. А. Вревскій, бывшій директоръ канцеляріи военнаго министра, находясь въ Крыму, побуждалъ кн. Горчакова дать рѣшительную битву союзникамъ.

Digitized by Google

Чтобъ резервовъ обождалъ,—
„Нѣтъ, ужъ пусть идутъ“. (bis).
На уру мы зашумѣли,
Да лезерты не поспѣли,
Кто-то перевралъ. bis).
На Федюхины высоты
Насъ пришло всего три роты,
А пошли полки. (bis).
Наше войско небольшое,
А француза было втрое
И секурсу тьма. (bis).
Ждали—выйдетъ съ гарнизона
Намъ на выручку колонна,
Подали сигналъ; (bis).
А тамъ Сакенъ-генералъ
Все акафисты читалъ
Богородицѣ. (bis).
Тетеревкинъ-генералъ,
Онъ все знамя потрясалъ,
Вовсе не къ лицу. (bis).
И пришлось намъ отступать
. . . . . .
Кто туда водилъ *). (bis).

„Объ авторѣ этой остроумной шутки-пѣсни Аносовъ мнѣ писалъ,—продолжаетъ Венюковъ,—что общій голосъ арміи приписываетъ ее нашему талантливому писателю, графу Л. Н. Толстому: „Но ты понимаешь,—писалъ Аносовъ,—что объ этомъ предметѣ говорить съ точностью невозможно, хотя бы для того, чтобы не надѣлать бѣды Толстому, если сочинитель, дѣйствительно, онъ“ **).

Позднѣе, также въ „Русской Старинѣ“, снова напечатана эта пѣсня въ приведенномъ нами варіантѣ, за подписью „одного изъ участниковъ въ составленіи Севастопольской пѣсни“.

---

*) Здѣсь, вѣроятно, русское народное ругательство, такъ какъ эта строчка замѣнена точками даже въ изданіи Герцена.

**) Пѣсня о Севастополѣ 1855 года. Сообщ. И. Венюкова. Русская Старина, февраль 1885 года. Стр. 440.

Digitized by Google

Вотъ какъ этотъ участникъ разсказываетъ ея исторію:

„Графъ Л. Н. Толстой былъ, дѣйствительно, однимъ изъ участниковъ въ составленіи этой пѣсни, но не авторомъ всѣхъ куплетовъ, въ нее вошедшихъ. Такимъ образомъ не совсѣмъ справедливо приписывать ему все это остроумное произведеніе.

Поэтому, въ видахъ исторической правды сообщу вамъ исторію происхожденія этой пѣсни, какъ очевидецъ.

Во время Крымской войны, часто, почти ежедневно, по вечерамъ собирались у начальника штаба артиллеріи, Крыжановскаго, чины его штаба и нѣкоторые другіе офицеры. Списокъ ихъ помѣщенъ далѣе.

Обыкновенно подполковникъ Балюзекъ садился за фортепіано, прочіе становились кругомъ и куплеты импровизировались. Каждый вносилъ свою мысль и слово. Графъ Л. Н. Толстой также вносилъ свое, но не все. Поэтому можно сказать, что эта импровизація была дѣло общее, выражавшее настроеніе военныхъ кружковъ.

Вотъ участники въ составленіи Севастопольской пѣсни: подполковникъ Балюзекъ, былъ послѣ Тургайскимъ губернаторомъ, нынѣ умеръ, садился обыкновенно за фортепіано: капитанъ А. Я. Фриде, нынѣ начальникъ кавказской артиллеріи; штабсъ-капитанъ графъ Л. Н. Толстой; поручикъ Вл. Лугининъ; поручикъ Шубинъ; штабсъ-капитанъ Сержпутовскій, поручикъ Шклярскій, офицеръ уланскаго полка Н. Ф. Козляниковъ 2-й и гусарскаго полка Н. С. Мусинъ-Пушкинъ“ *).

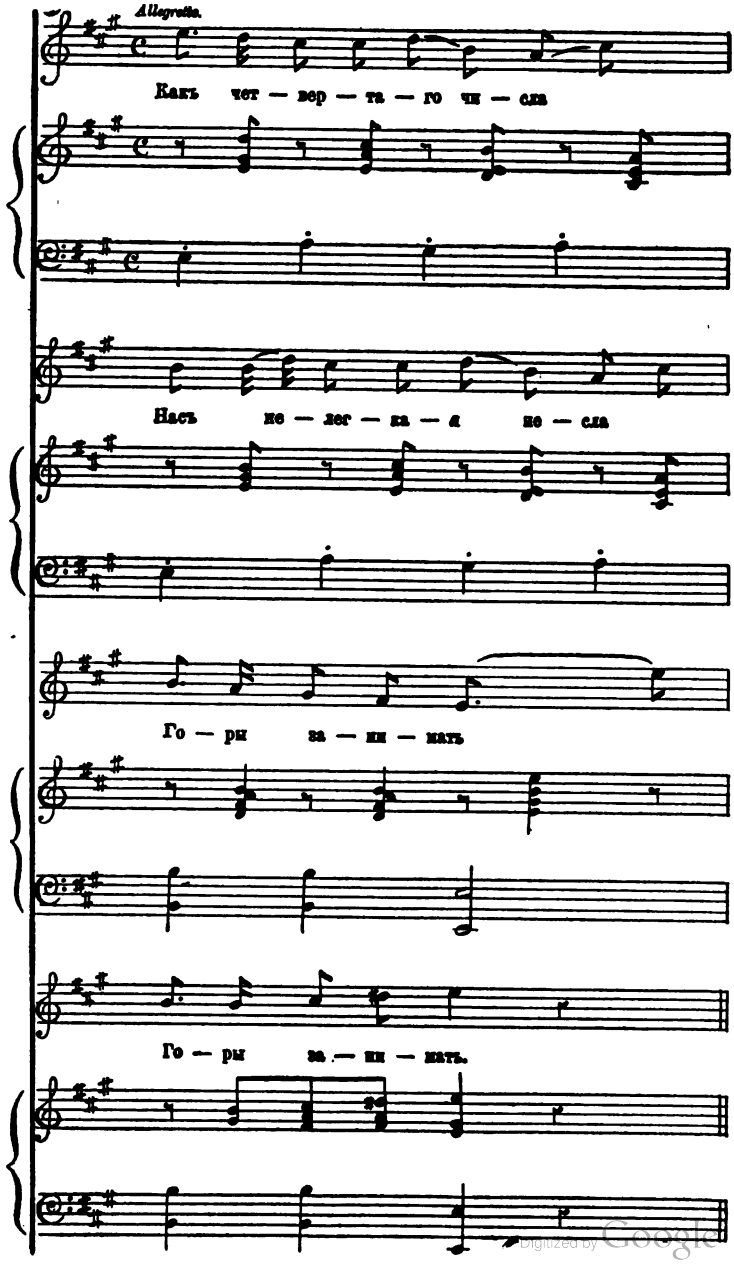
Намъ доставленъ еще текстъ другой подобной пѣсни, сложившейся, вѣроятно, при всѣхъ тѣхъ же обстоятельствахъ, хотя немного позднѣе. Тутъ же прилагаются и ноты, записанныя по памяти Сергѣемъ Львовичемъ Толстымъ. Въ этой пѣснѣ есть нѣсколько непечатныхъ народныхъ выраженій.

---

*) Севастопольская пѣсня 1855 года. Русская Старина, февраль 1884 года. Стр. 455.

Digitized by Google

НОТЫ КЪ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ПѢСНѢ.



Digitized by Google

Digitized by Google

Гдѣ было можно, не измѣняя смысла и размѣра, мы замѣнили ихъ равнозначущими печатными выраженіями, а гдѣ нельзя было, поставили точки.

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ПѢСНЯ *).

На восьмое сентября 1855 года.

Какъ восьмого сентября
Мы за вѣру и царя
    Отъ французъ ушли. (bis).
Князь Александръ адмиралъ
Суденышки затоплялъ
    Въ морѣ пучинѣ. (bis).
Молвилъ—счастія желаю
Самъ ушелъ къ Бахчисараю
    Ну васъ всѣхъ... (bis).
Сентъ-Арно позакопался,
Онъ учтиво обращался,
    Съ заду обошелъ. (bis).
И когда бы намъ во вторникъ
Не помогъ святой угодникъ,
    Всѣхъ бы насъ забралъ. (bis).
А Липранди-енаралъ
Много шанцевъ позабралъ—
    Все не помогло. (bis).
Изъ-подъ града Кишинева
Ждали войска пребольшова,
    Войско подошло. (bis).
Данненбергу поручили,
Его очинно просили
    Войска не жалѣть. (bis).
Павловъ, Соймоновъ ходили,
Круты горы обходили,
    Вмѣстѣ не сошлись. (bis).
А Липранди хоть видалъ,
Какъ французъ одолѣвалъ,
    Руку не подалъ. (bis).

---

*) Сочинена нѣсколькими лицами, но главнымъ образомъ графомъ Л. Н. Толстымъ.

Digitized by Google

А князьки хоть пріѣзжали,
Да французъ не испужали,—
Все палятъ съ маркелъ [1]) (bis).
Тысячъ десять положили,
Отъ царя не заслужили
Милости большой. (bis).
Князь изволилъ разсердиться,
Нашъ солдатъ де не годится,
Спину показалъ. (bis).
И въ сраженіе большое
Было только два героя—
Ихъ высочества. (bis).
Имъ повѣсили Егорья,
Повезли назадъ со взморья
Въ Питеръ показать. (bis).
Духовенство все просило,
Чтобъ французъ позатопило,
Бурю Богъ послалъ. (bis).
Была сиверка большая,
Но французъ не унывая,
На морѣ стоялъ. (bis).
Зимой вылазки чинили,
Много войска положили,
Все изъ-за туровъ [2]). (bis).
Посылай хоть намъ Хрулева
Выжить Турка изъ Козлова,
Наша не взяла. (bis).
Проситъ Меньщикъ [3]) подкрѣпленья,
Царь ему во утѣшенье
Сакена [4]) прислалъ. (bis).
Меньщикъ—умный адмиралъ.
Царю прямо отписалъ:
Батюшка—нашъ царь. (bis).
Ерофеичъ [5]) твой не крѣпокъ,
Отъ твоихъ же малолѣтокъ
Проку ничего. (bis).

---

[1]) Маркелы—мортиры.
[2]) Мѣшки съ пескомъ.
[3]) Князь Меньшиковъ.
[4]) Баронъ (Остенъ?) Сакенъ.
[5]) Отчество барона Сакена.

Digitized by Google

Царь на Меньщика серчаетъ,
Какъ въ ту пору захвораетъ
На одномъ смотру. (bis).
И отправился на небо,
Вѣрно, въ немъ была потреба,
Хоть давно пора. (bis).
А когда онъ умиралъ,
Свому сыну наказалъ:
Ты теперь смотри. (bis).
Сынъ же Меньщику писалъ:
Мой любезный адмиралъ,
Къ чорту, братъ, тебя. (bis).
Назначаю я иного—
Того князя Горчакова,
Къ туркѣ что ходилъ. (bis).
Много войскъ ему не надо,
Будетъ пусть ему награда—
Красные штаны. (bis).

Если вспомнить тѣ обстоятельства, при которыхъ слагались эти пѣсни, всѣ эти ужасы смерти, стоны раненыхъ, кровь, пожары, убійства, наполнявшіе собою атмосферу Севастополя, невольно проходишь въ удивленіе передъ той силой духа, которая оставляла мѣсто для добродушныхъ шутокъ надъ самими собой подъ постоянной угрозой страданій и смерти.

Между тѣмъ въ кружкѣ петербургскихъ литераторовъ Толстой пріобрѣталъ все больше и больше извѣстности. Одного изъ первыхъ строгихъ критиковъ своихъ онъ покорилъ Тургенева. Читатели помнятъ разсказъ Головачевой-Панаевой, приведенный въ предыдущей главѣ о томъ, какъ Тургеневъ подтрунивалъ надъ Панаевымъ за его восторги.

Въ 54-мъ году онъ между прочимъ пишетъ изъ Спасскаго Е. Я. Колбасину, одному изъ сотрудниковъ „Современника“.

„... Очень радъ я успѣху „Отрочества“. Дай только Богъ Толстому пожить, а онъ, надѣюсь, еще удивитъ насъ всѣхъ— это талантъ первостепенный. Я здѣсь познакомился съ его

Digitized by Google

сестрой (она тоже за графомъ Толстымъ)—премилая, симпатичная женщина“ *)...

Когда уже появились „Севастопольскіе разсказы“, то и самъ Тургеневъ приходитъ въ восторгъ и такъ выражаетъ его въ письмѣ къ Панаеву:

Спасское. 10 іюля 1855 г. **).

„Статья Толстого о Севастополѣ—чудо! Я прослезился, читая ее, и кричалъ: ура! Мнѣ очень лестно желаніе его посвятить мнѣ свой новый разсказъ. Объявленіе о „Современникѣ“ я прочелъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Хорошо, дай Богъ, чтобы вы могли сдержать ваши обѣщанія, т.-е. чтобы проходили статьи, чтобы Толстого не убили и т. д. Это вамъ поможетъ сильно. Статья Толстого произвела здѣсь фуроръ всеобщій“...

Вообще, послѣ появленія „Севастопольскихъ разсказовъ“ Левъ Николаевичъ становится уже на высоту первоклассныхъ писателей. Интересный отзывъ Писемскаго объ этихъ разсказахъ приводитъ А. Ф. Кони въ біографіи И. Ф. Горбунова.

„Около этого же времени, говоритъ онъ, Писемскій, писавшій тогда такую замѣчательную вещь, какъ „Тысяча душъ“, угрюмо сказалъ Горбунову о начинающемъ „великомъ писателѣ земли русской“ по поводу „Севастопольскихъ разсказовъ“, отрывки изъ которыхъ онъ только что прослушалъ: „этотъ офицеришка всѣхъ насъ заклюетъ, хоть бросай перо“ ***)...

Послѣ сдачи Севастополя Л. Н. былъ посланъ курьеромъ въ Петербургъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Севастополя Льву Николаевичу пришлось приложить свои литературныя силы къ составле-

*) Первое Собраніе писемъ И. С. Тургенева. Изд. Общ. для пособія литераторамъ и ученымъ. СПБ. 1885 г., стр. 9.

**) Литературныя воспоминанія И. И. Панаева. 1888 г.

***) Біографическій очеркъ: И. Ф. Горбуновъ. А. Ф. Кони (Предисловіе къ Собранію Сочиненій), стр. 115.

Digitized by Google

нію отчета о послѣднемъ сраженіи. Самъ Левъ Николаевичъ такъ разсказываетъ объ этомъ отчетѣ съ своей статьѣ: Нѣсколько словъ по поводу „Войны и Мира“:

„Послѣ потери Севастополя начальникъ артиллеріи Крыжановскій прислалъ мнѣ донесеніе артиллерійскихъ офицеровъ со всѣхъ бастіоновъ и просилъ, чтобы я составилъ изъ этихъ болѣе, чѣмъ 20-ти донесеній—одно. Я жалѣю, что не списалъ этихъ донесеній. Это былъ лучшій образецъ той наивной, необходимой военной лжи, изъ которой составляются описанія. Я полагаю, что многіе изъ тѣхъ товарищей моихъ, которые составляли тогда эти донесенія, прочтя эти строки, посмѣются воспоминанію о томъ, какъ они, по приказанію начальства, писали то, чего не могли знать“ *).

Бывали во время военной службы у Толстого и столкновенія съ начальствомъ и съ сослуживцами изъ-за его любви къ справедливости.

По обычаю тогдашняго времени, командиры частей, и въ томъ числѣ командиръ батареи, получая казенныя деньги на содержаніе батареи, могли оставлять себѣ все, что они съэкономятъ. Это составляло для большинства командировъ порядочный доходъ и, разумѣется, вело ко многимъ злоупотребленіямъ.

Толстой, замѣтивъ остатокъ казенныхъ денегъ, при сведеніи счетовъ, записалъ его на приходъ, т.-е. отказался отъ него. Этотъ поступокъ вызвалъ, конечно, неудовольствіе другихъ командировъ. Генералъ Крыжановскій вызвалъ его и сдѣлалъ ему замѣчаніе.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Н. А. Крыловъ, переведенный въ 1856 году въ 14-ю батарею, изъ которой только что выбылъ Л. Н. Толстой. Въ бригадѣ онъ оставилъ по себѣ память, какъ ѣздокъ, весельчакъ и силачъ. Такъ онъ ложился на полъ, на руки ему

---

*) Нѣсколько словъ по поводу книги: „Война и Миръ“. Рускій Архивъ 1868 г. Выпускъ 3-й, стр. 515, статья Л. Н. Толстого.

Digitized by Google

ставился въ пять пудовъ мужчина и онъ, вытягивая руки, подымалъ его вверхъ; на палкѣ никто не могъ его перетянуть. Онъ же оставилъ много остроумныхъ анекдотовъ, которые разсказывалъ мастерски... Графа обвиняли въ томъ что онъ проповѣдывалъ офицерамъ возвращать въ казну даже тѣ остатки фуражныхъ денегъ, когда офицерская лошадь не съѣстъ положеннаго ей по штату *).

Въ Петербургѣ Льва Николаевича ждала совершенно иная жизнь, которой онъ и отдается со всею, присущей ему, молодой энергіей.

ГЛАВА IX.

Петербургъ.

Присланный курьеромъ въ Петербургъ, Левъ Николаевичъ былъ зачисленъ въ ракетную батарею подъ начальство генерала Константинова и больше уже не возвращался къ арміи.

Прибывъ въ Петербургъ 21-го ноября 1855 г. онъ сразу попалъ въ кружокъ „Современника“ и былъ принятъ тамъ съ распростертыми объятіями.

Вотъ какъ разсказываетъ Левъ Николаевичъ объ этомъ времени въ своей „Исповѣди“:

„Въ это время я сталъ писать изъ тщеславія, корыстолюбія и гордости. Въ писаніяхъ своихъ я дѣлалъ то же самое, что и въ жизни. Для того, чтобы имѣть славу и деньги, для которыхъ я писалъ, надо было скрывать хорошее и высказывать дурное,—я такъ и дѣлалъ. Сколько разъ я ухитрялся скрывать въ писаніяхъ своихъ подъ видомъ равнодушія и даже легкой насмѣшливости, тѣ мои стремленія къ добру, которыя составляли смыслъ моей жизни. И я достигъ этого: меня хвалили.

*) Русскія Вѣдомости. 1900 г. ном. 136.

Digitized by Google

Двадцати шести лѣтъ я пріѣхалъ послѣ войны въ Петербургъ и сошелся съ писателями. Меня приняли, какъ своего, льстили мнѣ“ *).

Конечно, за 20 лѣтъ до написанія этихъ строкъ Левъ Николаевичъ былъ обуреваемъ другими чувствами, хотя зачатки этого скептицизма, этого безпощаднаго самоанализа и тогда уже проявлялись и удивляли его товарищей.

„Современникъ“ былъ журналъ, основанный А. С. Пушкинымъ и Плетневымъ. Первый № его вышелъ въ 1836 году; по смерти Пушкина, съ 1838—46 г., его издавалъ Плетневъ, и журналъ совершенно заглохъ. Въ 1847 году право на его изданіе было пріобрѣтено И. И. Панаевымъ и Н. А. Некрасовымъ, которые въ сотрудничествѣ съ извѣстнымъ критикомъ Бѣлинскимъ быстро сумѣли привлечь къ участію въ журналѣ лучшія литературныя силы, и до своего прекращенія, по распоряженію властей, въ 1866 году, журналъ этотъ представлялъ собою главный прогрессивный органъ русской художественной, критической и публицистической литературы.

Ко времени появленія въ Петербургѣ Льва Николаевича Толстого, болѣе интимный кружокъ „Современника“ составляли литераторы, изображенные на двухъ извѣстныхъ группахъ, т.-е. Панаевъ, Некрасовъ, Тургеневъ, Толстой, Дружининъ, Островскій, Гончаровъ, Григоровичъ и Соллогубъ. Можно назвать еще изъ неизображенныхъ на группахъ В. П. Боткина, Фета и др.

Главные сотрудники „Современника“ связаны были нѣкоторыми артельными обязательствами по отношенію къ участію въ журналѣ и къ дѣлежу гонорара. Эти обязательства часто тяготили участниковъ и служили причиной различныхъ непріятныхъ столкновеній въ литературной средѣ. Издатели и редакторы другихъ журналовъ выпрашивали у знаменитыхъ писателей литературныя милостыни, на что

*) „Исповѣдь“. Изд. Черткова. Стр. 6.

Digitized by Google

обижалась администрація „Современника“ и наоборотъ. Объ одномъ изъ такихъ столкновеній разсказываетъ нѣмецкій біографъ Лёвенфельдъ:

„Между Тургеневымъ и Катковымъ возникла ссора, въ которую былъ запутанъ и Толстой, хотя отчасти и по своей винѣ. Тургеневъ былъ прежде прилежнымъ сотрудникомъ Каткова, и послѣднему, конечно, было непріятно потерять такого выдающагося писателя. Онъ поручилъ своему брату ежедневно посѣщать обоихъ молодыхъ писателей и просить у нихъ статей для своего журнала. Тургеневъ, утомленный этимъ вѣчнымъ напоминаніемъ, какъ-то разъ обѣщалъ дать что-нибудь для Каткова, но не могъ исполнить этого обѣщанія. Катковъ страшно разсердился и сталъ публично оскорблять Тургенева, доказывая, что разъ Тургеневъ обязался сотрудничать въ его журналѣ, то онъ не имѣлъ права труды пера своего отдавать „исключительно“ „Современнику“. Но какъ членъ артели „Современника“, онъ также не имѣлъ права давать обѣщанія работать для Катковскаго журнала. Его мягкая, уступчивая натура и въ этотъ разъ сослужила ему недобрую службу.

Толстой вступился за своего друга. Онъ написалъ Каткову длинное письмо въ оправданіе Тургенева. „Кротость характера Тургенева, его любезность, писалъ Толстой въ письмѣ, заставили его дать обѣщаніе обѣимъ сторонамъ“. Онъ просилъ Каткова опубликовать это оправдательное письмо. Катковъ соглашался, но съ условіемъ опубликовать также и свой на него отвѣтъ, и прислалъ Толстому планъ своего письма. Но содержаніе этого отвѣта было такого рода, что Толстой предпочелъ устранить себя отъ вмѣшательства“ *).

Артель „Современника“ просуществовала не долго и перешла въ обычную журнальную организацію.

Бѣлинскаго Толстой не засталъ въ „Современникѣ“; какъ

*) Р. Лёвенфельдъ. Гр. Л. Н. Толстой. Москва. Стр. 125.

Digitized by Google

Л. Н. ТОЛСТОЙ Д. В. ГРИГОРОВИЧЪ
И. А. ГОНЧАРОВЪ И. С. ТУРГЕНЕВЪ А. В. ДРУЖИНИНЪ А. Н. ОСТРОВСКІЙ

ПЕРВАЯ ГРУППА ПИСАТЕЛЕЙ ИЗЪ КРУЖКА „СОВРЕМЕННИКА“ ВЪ 1856 Г.

Digitized by Google

Digitized by Google

извѣстно, Бѣлинскій умеръ въ 48-мъ году, много потрудившись надъ постановкой журнальнаго дѣла. Его энтузіазмъ вдохнулъ душу въ этотъ умиравшій журналъ и надолго упрочилъ его существованіе. Но на Львѣ Николаевичѣ прямого вліянія Бѣлинскаго не замѣтно.

Съ одной стороны, причиною тому простая разность эпохъ; Бѣлинскій былъ человѣкомъ 40-хъ годовъ въ полномъ смыслѣ этого слова, а Левъ Николаевичъ выступилъ на литературную дѣятельность въ 50-хъ годахъ и засталъ только продолжателей Бѣлинскаго, уже не имѣвшихъ его привлекательной силы. Съ другой стороны, та среда, въ которой воспитался Толстой, не способствовала его сближенію съ литературными „разночинцами", какъ они сами себя называли. Онъ держался своего кружка болѣе близкихъ ему по воспитанію людей и даже среди нихъ былъ всегда замкнутымъ, независимымъ, большею часть протестующимъ и, конечно, вліяющимъ, но мало воспринимающимъ вліянія извнѣ. Можно указать и на болѣе глубокую причину, принципіальную. Хотя въ 50-хъ годахъ у Л. Н-ча еще не сложилось никакого опредѣленнаго міровоззрѣнія, но направленіе „Современника" никогда не привлекало его.

Наконецъ, по собственному признанію Льва Николаевича, на его литературную дѣятельность оказывали вліяніе всегда болѣе художественные таланты, а не публицистическіе.

Наибольшее философское вліяніе еще въ юности онъ испыталъ со стороны Руссо.

Говоря о французской литературѣ съ посѣтившимъ его весною 1901 года парижскимъ профессоромъ Буайэ, Левъ Николаевичъ выразился такъ о своихъ двухъ учителяхъ: Руссо и Стендалѣ:

„Къ Руссо были несправедливы, величіе его мысли не было признано, на него всячески клеветали. Я прочелъ всего Руссо, всѣ двадцать томовъ, включая „Словарь музыки". Я болѣе, чѣмъ восхищался имъ, я боготворилъ его. Въ 15 лѣтъ я носилъ на шеѣ медальонъ съ его портретомъ

Digitized by Google

вмѣсто натѣльнаго креста. Многія страницы его такъ близки мнѣ, что мнѣ кажется, я ихъ написалъ самъ.

„Что касается Стендаля, продолженія, то я буду говорить о немъ только, какъ объ авторѣ „Chartreuse de Parme“ и „Rouge et noir“. Это два великія, неподражаемыя произведенія искусства. Я больше, чѣмъ кто-либо другой, многимъ обязанъ Стендалю. Онъ научилъ меня понимать войну. Перечтите въ „Chartreuse de Parme“ разсказъ о битвѣ при Ватерлоо. Кто до него описалъ войну такою, т.-е. такою, какова она есть на самомъ дѣлѣ? Помните Фабриція, переѣзжающаго поле сраженія и „ничего“ не понимающаго. И какъ гусары съ легкостью перекидываютъ его черезъ крупъ лошади, его прекрасной, генеральской лошади? Потомъ братъ мой, служившій на Кавказѣ раньше меня, подтвердилъ мнѣ правдивость Стендалевскихъ описаній. Онъ очень любилъ войну, но не принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто вѣритъ въ Аркольскій мостъ. Все это прикрасы, говорилъ онъ мнѣ, а на войнѣ нѣтъ прикрасъ. Вскорѣ послѣ этого въ Крыму мнѣ уже легко было все это видѣть собственными глазами. Но, повторяю вамъ, все, что я знаю о войнѣ, я прежде всего узналъ отъ Стендаля“ *).

Укажемъ еще названія тѣхъ произведеній литературы, которыя находятся въ спискѣ, уже отчасти цитированномъ нами въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ біографіи и соотвѣтствующихъ описываемой эпохѣ.

Въ періодъ отъ 20 до 35 лѣтъ на Льва Николаевича произвели наибольшее вліяніе слѣдующія произведенія:

Названія произведеній.	Степень вліянія.
Гете. Германъ и Доротея.	Очень большое.
В. Гюго. Notre Dame de Paris.	Очень большое.
Тютчева. Стихотворенія.	Большое.
Кольцова. Стихотворенія.	Большое.
Фета. Стихотворенія.	Большое.
Платонъ (въ переводѣ Cousin) Федонъ и Пиръ.	Очень большое.
Одиссея и Иліада, читанныя по-русски.	Очень большое.

*) Paul Boyer. Le Temps 28 Aout 1901.

Digitized by Google

Такимъ образомъ мы получаемъ болѣе или менѣе полную картину литературнаго воспитанія Толстого.

Въ кружокъ петербургскихъ литераторовъ Левъ Николаевичъ принесъ свою сильную, художественную, впечатлительную натуру и свой непреклонный, часто задорный характеръ, и произвелъ бурю въ этой спокойной, умѣренной средѣ.

Вотъ какъ разсказываетъ о появленіи Льва Николаевича въ Петербургѣ Фетъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Тургеневъ вставалъ и пилъ чай (по-петербургски) весьма рано, и въ короткій мой пріѣздъ я ежедневно приходилъ къ нему къ десяти часамъ потолковать на просторѣ. На другой день, когда Захаръ отворилъ мнѣ переднюю, я въ углу замѣтилъ полусаблю съ анненской лентой.

— „Что это за полусабля?“ спросилъ я, направляясь въ дверь гостиной.

— „Сюда пожалуйте“, вполголоса сказалъ Захаръ, указывая налѣво въ коридоръ,—„это полусабля графа Толстого, и они у насъ въ гостиной ночуютъ. А Иванъ Сергѣевичъ въ кабинетѣ чай кушаютъ“.

Въ продолженіе часа проведеннаго мною у Тургенева, мы говорили вполголоса, изъ боязни разбудить спящаго за дверью графа.—„Вотъ все время такъ“—говорилъ съ усмѣшкой Тургеневъ. — Вернулся изъ Севастополя съ батареи, остановился у меня и пустился во всѣ тяжкія. Кутежи, цыгане и карты во всю ночь; а затѣмъ до двухъ часовъ спитъ, какъ убитый. Старался удерживать его, но теперь махнулъ рукой“.

Въ этотъ же пріѣздъ мы и познакомились съ Толстымъ, но знакомство это было совершенно формальное, такъ какъ я въ то время еще не читалъ ни одной его строки и даже не слыхалъ о немъ, какъ о литературномъ имени, хотя Тургеневъ толковалъ о его разсказахъ изъ „Дѣтства“. Но съ первой минуты я замѣтилъ въ молодомъ Толстомъ невольную оппозицію всему общепринятому въ области сужденій.

Digitized by Google

Въ это короткое время я только однажды видѣлъ его у Некрасова вечеромъ въ нашемъ холостомъ литературномъ кругу и былъ свидѣтелемъ того отчаянія, до котораго доходилъ кипятящійся и задыхающійся отъ спора Тургеневъ на видимо сдержанныя, но тѣмъ болѣе язвительныя, возраженія Толстого.

— Я не могу признать, говорилъ Толстой, чтобы высказанное вами было вашими убѣжденіями. Я стою съ кинжаломъ или саблею въ дверяхъ и говорю: „пока я живъ, никто сюда не войдетъ". Вотъ это убѣжденіе. А вы другъ отъ друга стараетесь скрывать сущность вашихъ мыслей и называете это убѣжденіями.

— Зачѣмъ же вы къ намъ ходите? задыхаясь и голосомъ, переходящимъ въ тонкій фальцетъ (при горячихъ спорахъ это постоянно бывало), говорилъ Тургеневъ. Здѣсь не ваше знамя! Ступайте къ княгинѣ Б-й-Б-й.

— Зачѣмъ мнѣ спрашивать у васъ, куда мнѣ ходить! И праздные разговоры ни отъ какихъ моихъ приходовъ не превратятся въ убѣжденія.

Припоминая теперь это едва ли не единственное столкновеніе Толстого съ Тургеневымъ, которому я въ то время былъ свидѣтелемъ, не могу не сказать, что хотя я понималъ, что дѣло идетъ о политическихъ убѣжденіяхъ, но вопросъ этотъ такъ мало интересовалъ меня, что я не старался вникнуть въ его содержаніе. Скажу болѣе. По всему слышанному мною въ нашемъ кружкѣ, полагаю, что Толстой былъ правъ, и что если бы люди, тяготившіеся современными порядками, были принуждены высказать свой идеалъ, то были бы въ величайшемъ затрудненіи формулировать свои желанія.

Кто изъ насъ въ тѣ времена не зналъ веселаго собесѣдника, товарища всяческихъ проказъ и мастера разсказывать смѣшной анекдотъ, Дмитрія Васильевича Григоровича, славившагося своими повѣстями и романами? Вотъ что между прочимъ передавалъ мнѣ Григоровичъ о столкновеніяхъ

Digitized by Google

И. С. ТУРГЕНЕВЪ

Д. В. ГРИГОРОВИЧЪ

Н. А. НЕКРАСОВЪ

ГР. СОЛОГУБЪ

И. И. ПАНАЕВЪ

ВТОРАЯ ГРУППА ПИСАТЕЛЕЙ ИЗЪ КРУЖКА „СОВРЕМЕННИКА“.

Digitized by Google

Digitized by Google

Толстого съ Тургеневымъ на той же квартирѣ Некрасова: „Голубчикъ, голубчикъ, говорилъ захлебываясь и со слезами смѣха на глазахъ, Григоровичъ, гладя меня по плечу.—Вы себѣ представить не можете, какія тутъ были сцены. Ахъ, Боже мой! Тургеневъ пищитъ, пищитъ, зажметъ рукою горло и съ глазами умирающей газели прошепчетъ: „не могу больше! у меня бронхитъ!“ и громадными шагами начинаетъ ходить вдоль трехъ комнатъ. Бронхитъ, ворчитъ Толстой вслѣдъ, - бронхитъ воображаемая болѣзнь. Бронхитъ это металлъ!“ Конечно у хозяина Некрасова душа замираетъ: онъ боится упустить и Тургенева и Толстого, въ которомъ чуетъ капитальную опору „Современника“ и приходится лавировать. Мы всѣ взволнованы, не знаемъ, что говорить. Толстой въ средней проходной комнатѣ лежитъ на сафьяновомъ диванѣ и дуется, а Тургеневъ, раздвинувъ полы своего короткаго пиджака съ заложенными въ карманы руками, продолжаетъ ходить взадъ и впередъ по всѣмъ тремъ комнатамъ. Въ предупрежденіе катастрофы подхожу къ дивану и говорю: „Голубчикъ Толстой, не волнуйтесь! Вы не знаете, какъ онъ васъ цѣнитъ и любитъ!“

— Я не позволю ему,—говоритъ съ раздувающимися ноздрями Толстой,—ничего дѣлать мнѣ на зло! Это вотъ онъ нарочно теперь ходитъ взадъ и впередъ мимо меня и виляетъ своими демократическими ляшками *).

Д. В. Григоровичъ въ своихъ „литературныхъ воспоминаніяхъ“ разсказываетъ еще одинъ подобный же эпизодъ изъ времени перваго знакомства Льва Николаевича съ петербургскими литераторами.

„Вернувшись изъ Марьинскаго въ Петербургъ, я встрѣтился съ графомъ Л. Н. Толстымъ; знакомство мое съ нимъ началось еще въ Москвѣ, у Сушковыхъ, когда онъ носилъ военную форму. Онъ жилъ въ Петербургѣ, на Офицерской улицѣ, въ нижнемъ этажѣ небольшой квартиры, какъ разъ

*) Мои воспоминанія. А. Фета, ч. I, стр. 105.

Digitized by Google

окно въ окно съ квартирой литератора М. Л. Михайлова. Съ нимъ, кажется, онъ не былъ знакомъ. Наемъ постояннаго жительства въ Петербургѣ былъ необъяснимъ для меня; съ первыхъ же дней Петербургъ не только сдѣлался ему несимпатичнымъ, но все петербургское замѣтно дѣйствовало на него раздражительно.

Узнавъ отъ него въ самый день свиданія, что онъ сегодня званъ обѣдать въ редакцію „Современника", и, не смотря на то, что уже печаталъ въ этомъ журналѣ, никого тамъ близко не знаетъ, я согласился съ нимъ ѣхать. Дорогой я счелъ необходимымъ предупредить его, что тамъ не слѣдуетъ касаться нѣкоторыхъ вопросовъ и преимущественно удерживаться отъ нападокъ на Ж. Зандъ, которую онъ сильно не любилъ, между тѣмъ какъ передъ нею фанатически преклонялись въ то время многіе изъ членовъ редакціи. Обѣдъ прошелъ благополучно; Толстой былъ довольно молчаливъ, но къ концу онъ не выдержалъ. Услышавъ похвалу новому роману Ж. Зандъ, онъ рѣзко объявилъ себя ея ненавистникомъ, прибавивъ, что героинь ея романовъ, если бы онѣ существовали въ дѣйствительности, слѣдовало бы, ради назиданія, привязывать къ позорной колесницѣ и возить по петербургскимъ улицамъ. У него уже тогда выработался тотъ своеобразный взглядъ на женщинъ и женскій вопросъ, который потомъ выразился съ такою яркостью въ романѣ „Анна Каренина".

Сцена въ редакціи могла быть вызвана его раздраженіемъ противъ всего петербургскаго, но скорѣе всего—его склонностью къ противорѣчію. Какое бы мнѣніе ни высказывалось и чѣмъ авторитетнѣе казался ему собесѣдникъ, тѣмъ настойчивѣе подзадоривало его высказать противоположное и начать рѣзаться на словахъ. Глядя, какъ онъ прислушивался, какъ всматривался въ собесѣдника изъ глубины сѣрыхъ, глубоко запрятанныхъ глазъ, и какъ иронически сжимались его губы, можно было подумать, что онъ какъ бы заранѣе обдумывалъ не прямой отвѣтъ, но такое мнѣніе, которое должно

Digitized by Google

было озадачить, сразить своею неожиданностью собесѣдника. Такимъ представлялся мнѣ Толстой въ молодости. Въ спорахъ онъ доходилъ иногда до крайностей. Я находился въ сосѣдней комнатѣ, когда начался у него разъ споръ съ Тургеневымъ; услышавъ крики, я вошелъ къ спорившимъ. Тургеневъ шагалъ изъ угла въ уголъ, выказывая всѣ признаки крайняго смущенія; онъ воспользовался отворенною дверью и тотчасъ же скрылся. Толстой лежалъ на диванѣ, но возбужденіе его настолько было сильно, что стоило не мало трудовъ его успокоить и отвезти домой. Предметъ спора мнѣ до сихъ поръ остался незнакомъ" *).

Это оппозиціонное направленіе Толстого видно еще изъ слѣдующаго эпизода, разсказаннаго въ воспоминаніяхъ Г. П. Данилевскаго:

„Я познакомился съ Толстымъ въ Петербургѣ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ семействѣ одного извѣстнаго скульптора-художника. Тогда авторъ „Севастопольскихъ разсказовъ" только-что пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ молодымъ и статнымъ артиллерійскимъ офицеромъ. Его очень схожій портретъ того времени помѣщенъ въ извѣстной фотографической группѣ Левицкаго, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ изображены: Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Островскій и Дружининъ. Графъ Л. Н. Толстой, какъ теперь помню, вошелъ тогда въ гостиную хозяйки дома во время чтенія вслухъ новаго произведенія Герцена. Тихо ставъ за кресломъ чтеца и дождавшись конца чтенія, онъ сперва мягко и сдержанно, а потомъ съ такою горячностью и смѣлостью напалъ на Герцена и на общее тогдашнее увлеченіе его сочиненіями и говорилъ съ такою искренностью и доказательностью, что въ этомъ семействѣ впослѣдствіи я уже не встрѣчалъ изданій Герцена" **).

---

*) Полн. собр. соч. Д. В. Григоровича, т. XII, стр. 326.

**) Поѣздка въ Ясную поляну. Г. П. Данилевскаго. Историческій Вѣстникъ, мартъ 1886 г., стр. 529.

Digitized by Google

Мы знаемъ, что впослѣдствіи Левъ Николаевичъ измѣнилъ свое мнѣніе о Герценѣ, и мы скажемъ объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Евг. Гаршинъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ, передаетъ слѣдующее интересное мнѣніе Тургенева о Толстомъ, дающее намъ уже заранѣе тотъ элементъ разъединенія, который едва не привелъ ихъ отношенія къ роковому концу:

„У Толстого, разсказывалъ Тургеневъ, рано сказалась черта, которая затѣмъ легла въ основаніе всего его довольно мрачнаго міросозерцанія, мучительнаго прежде всего для него самого. Онъ никогда не вѣрилъ въ искренность людей. Всякое душевное движеніе казалось ему фальшью, и онъ имѣлъ привычку необыкновенно проницательнымъ взглядомъ своихъ глазъ насквозь пронизывать человѣка, когда ему казалось, что тотъ фальшивитъ. Иванъ Сергѣевичъ говорилъ мнѣ, что онъ никогда въ жизни не переживалъ ничего тяжелѣе этого испытующаго взгляда, который, въ соединеніи съ двумя-тремя словами ядовитаго замѣчанія, способенъ былъ привести въ бѣшенство всякаго человѣка, мало владѣющаго собой. Предметомъ своихъ испытаній графъ Толстой избралъ между прочимъ (и почти исключительно) своего друга Тургенева. Ему, какъ разсказывалъ Иванъ Сергѣевичъ, не давало покоя извѣстное самообладаніе нашего писателя и душевная ровность, въ тотъ періодъ блестящаго расцвѣта его литературной дѣятельности, и графъ Толстой, какъ бы, задался цѣлью вывести изъ себя этого спокойнаго, добраго человѣка, работающаго съ увѣренностью, что онъ дѣлаетъ дѣло. Но въ томъ то и заключалась бѣда, что графъ Толстой ни во что это не вѣрилъ, и ему казалось, что люди, которыхъ мы считаемъ добрыми, только притворяются такими, или стараются проявлять въ себѣ такое качество что они напускаютъ на себя увѣренность въ пользѣ взятыхъ на себя задачъ.

Тургеневъ понималъ ясно, какъ относится къ нему графъ

Digitized by Google

Толстой, но хотѣлъ во что бы то ни стало выдержать характеръ и сохранить свое самообладаніе. Онъ сталъ избѣгать Толстого, нарочно ѣхалъ въ Москву и затѣмъ къ себѣ въ деревню, но графъ Толстой слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, „какъ влюбленная женщина“, выразился Иванъ Сергѣевичъ, разсказывая всю эту исторію“ *).

Изъ всѣхъ этихъ указаній на отношенія двухъ писателей можно видѣть, что настоящей, духовной близости между ними не могло быть. Но потокъ освободительнаго теченія несъ ихъ обоихъ по одному направленію и они считали себя товарищами по работѣ. Кромѣ того принадлежность ихъ обоихъ къ высшему привилегированному классу, образованіе, первенство ихъ талантовъ въ ихъ писательскомъ кружкѣ, помимо ихъ воли внѣшнимъ образомъ сближало ихъ. Но какъ увидятъ читатели изъ послѣдующаго разсказа, какъ только они пытались перейти эту товарищескую черту, такъ происходило столкновеніе, порой подвергавшее опасности ихъ дорогія жизни. Надо отдать имъ справедливость, что и тотъ и другой ясно сознавали свое взаимное разстояніе, открыто въ глаза и за глаза высказывали это и, что еще цѣннѣе, употребляли большія нравственныя усилія къ поддержанію если не дружественныхъ, то добрыхъ отношеній, основанныхъ на взаимномъ уваженіи. И въ этомъ отношеніи — они могутъ дать поучительный примѣръ послѣдующимъ поколѣніямъ.

Вотъ еще разсказъ Головачевой-Панаевой, свидѣтельницы первыхъ дней знакомства Тургенева и Толстого, разсказъ, подтверждающій только что высказанную мысль.

„Я должна вернуться назадъ и разсказать о появленіи графа Льва Николаевича въ кружкѣ „Современника“. Онъ былъ тогда еще офицеръ и единственный сотрудникъ „Современника“, носившій военную форму. Его литературный

*) Евг. Гаршинъ. Воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ. Историческій Вѣстникъ, ноябрь 1883 года

Digitized by Google

талантъ настолько уже проявился, что всѣ корифеи литературы должны были признать его за равнаго себѣ. Впрочемъ, графъ Толстой былъ не изъ робкихъ людей, да и самъ сознавалъ силу своего таланта, а потому держалъ себя, какъ мнѣ казалось тогда, съ нѣкоторою даже напускной развязностью.

Я никогда не вступала въ разговоры съ литераторами, когда они собирались у насъ, а только молча слушала и наблюдала за всѣми. Особенно мнѣ интересно было слѣдить за Тургеневымъ и Л. Н. Толстымъ, когда они сходились вмѣстѣ, спорили или дѣлали свои замѣчанія другъ другу, потому что оба они были очень умные и наблюдательные.

Мнѣнія Толстого о Тургеневѣ я не слышала, да и вообще онъ не высказывалъ своихъ мнѣній ни о комъ изъ литераторовъ, по крайней мѣрѣ, при мнѣ. Но Тургеневъ, напротивъ, имѣлъ какую-то потребность изливать о всякомъ свои наблюденія.

Когда Тургеневъ только—что познакомился съ графомъ Толстымъ, то сказалъ о немъ:

— Ни одного слова, ни одного движенія въ немъ нѣтъ естественнаго. Онъ вѣчно рисуется передъ нами, и я затрудняюсь, какъ объяснить въ умномъ человѣкѣ эту глупую кичливость своимъ захудалымъ графствомъ!

— Не замѣтилъ я этого въ Толстомъ,—возразилъ Панаевъ.

— Ну, да ты много чего не замѣчаешь,—отвѣтилъ Тургеневъ.

Черезъ нѣсколько времени Тургеневъ нашелъ, что Толстой имѣетъ претензію на донъ-жуанство. Разъ какъ-то графъ Толстой разсказывалъ нѣкоторые интересные эпизоды, случившіеся съ нимъ на войнѣ. Когда онъ ушелъ, то Тургеневъ произнесъ:

— Хоть въ щелокѣ вари три дня русскаго офицера, а не вываришь изъ него юнкерскаго ухарства, какимъ лакомъ образованности не отполируй такого субъекта, все-таки въ немъ просвѣчиваетъ звѣрство.

Digitized by Google

И Тургеневъ принялся критиковать каждую фразу Толстого, тонъ его голоса, выраженіе лица и закончилъ:

— И все это звѣрство, какъ подумаешь, изъ одного желанія получить отличіе.

— Знаешь ли, Тургеневъ,—замѣтилъ ему Панаевъ,—если бы я тебя не зналъ такъ хорошо, то, слушая всѣ твои нападки на Толстого, подумалъ бы, что ты завидуешь ему.

— Въ чемъ это я могу завидовать ему? Въ чемъ, говори? воскликнулъ Тургеневъ.

— Конечно, въ сущности, не въ чемъ: твой талантъ равенъ его!.. но могутъ подумать...

Тургеневъ засмѣялся и съ какимъ-то сожалѣніемъ въ голосѣ произнесъ:

— Ты, Панаевъ, хорошій наблюдатель, когда дѣло идетъ о хлыщахъ, но не совѣтую тебѣ порываться высказывать свои наблюденія внѣ этой сферы!

Панаевъ обидѣлся:

— Я тебѣ это замѣтилъ для твоей же пользы,—сказалъ онъ и ушелъ.

Тургеневъ продолжалъ капятиться и съ досадой говорилъ:

— Только Панаеву могла притти въ голову нелѣпая мысль, что я могъ завидовать Толстому. Ужъ не его ли графству?

Некрасовъ все это время мало говорилъ, потому что болѣзнь горла совершенно подавляла его. Онъ только замѣтилъ Тургеневу:

— Да брось ты разсуждать о томъ, что вздумалось сказать Панаеву. Точно въ самомъ дѣлѣ можно тебя заподозрить въ такой нелѣпости!“ *).

Тургеневъ, какъ честная, правдивая натура, много разъ заявлялъ передъ публикой свое преклоненіе передъ талантомъ Толстого и даже въ разговорѣ съ однимъ французъ-

*) Воспоминанія А. Головачевой-Панаевой. Стр. 274.

Digitized by Google

скимъ писателемъ употребилъ выраженіе Іоанна Крестителя, обращенное имъ ко Христу: „я не достоинъ развязать ремень у обуви его“. Но тѣмъ не менѣе отношенія ихъ никогда не были сердечно близкими.

Только лежа на смертномъ одрѣ, въ своемъ предсмертномъ письмѣ, онъ съ нѣжностью и умиленіемъ, прося Льва Николаевича вернуться къ литературной дѣятельности, далъ ему имя, котораго не носилъ еще до него ни одинъ русскій писатель—имя „великаго писателя земли русской“. И это славное имя перейдетъ въ вѣчность.

Чтобы дать читателю представленіе объ установившихся отношеніяхъ между Толстымъ и Тургеневымъ въ первое время ихъ знакомства, мы, забѣгая немного впередъ въ нашемъ изложеніи, приведемъ нѣсколько писемъ Тургенева къ Толстому, писанныхъ въ томъ же году.

Л. Н. Толстому. Парижъ. 16 ноября 1856 г.

„Любезнѣйшій Толстой!

Письмо ваше отъ 15 октября ползло ко мнѣ цѣлый мѣсяцъ—я его получилъ только вчера.—Я подумалъ хорошенько о томъ, что вы мнѣ пишете—и мнѣ кажется, что вы неправы. Я точно не могу быть совершенно искрененъ съ вами, потому что не могу быть совершенно откровененъ; мнѣ кажется, мы познакомились неловко и въ неладную минуту, и когда увидимся опять, дѣло пойдетъ гораздо легче и глаже.—Я чувствую, что люблю васъ, какъ человѣка (объ авторѣ и говорить нечего); но многое меня въ васъ коробитъ, и я нашелъ подъ конецъ удобнѣе держаться отъ васъ подальше. При свиданіи попытаемся опять пойти рука объ руку—авось удастся лучше; а въ отдаленіи—(хотя это звучитъ довольно странно) сердце мое къ вамъ лежитъ какъ къ брату—и я даже чувствую нѣжность къ вамъ.—Однимъ словомъ, я васъ люблю—это несомнѣнно; авось изъ этого со временемъ выйдетъ все хорошее,

Digitized by Google

Я слышалъ о вашей болѣзни и огорчился; а теперь прошу васъ выкинуть воспоминаніе о ней изъ головы.—Вѣдь, вы тоже мнительны—и, пожалуй, думаете о чахоткѣ, но, ей Богу, у васъ ея нѣтъ.

Очень жаль мнѣ вашей сестры; кому бы быть здоровой, какъ не ей—то-есть, я хочу сказать—если кто заслуживаетъ быть здоровой, такъ это она; а вмѣсто того она все мучится. Хорошо бы, если бы московское лѣченіе помогло ей. Что вы не выпишите вашего брата? Что ему за охота сидѣть на Кавказѣ? Или онъ хочетъ сдѣлаться великимъ воиномъ? Меня дядя извѣстилъ, что вы всѣ уже выѣхали въ Москву; и потому я это письмо адресую въ Москву на имя Боткина.

Французская фраза мнѣ такъ-же противна какъ вамъ—и никогда Парижъ не казался мнѣ столь прозаически плоскимъ. Довольство не идетъ ему; я видѣлъ его въ другія мгновенія,—и онъ мнѣ тогда больше нравился. Меня удерживаетъ здѣсь старинная, неразрывная связь съ однимъ семействомъ и моя дочка, которая мнѣ очень нравится: милая и умная дѣвушка. Если бы не это, я бы давно уѣхалъ въ Римъ, къ Некрасову. Я отъ него получилъ два письма изъ Рима, онъ скучаетъ слегка, да оно и понятно—все, что въ Римѣ есть великаго, только окружаетъ его; онъ не живетъ съ нимъ; а рѣдкими мгновеніями невольнаго сочувствія и удивленія долго пробавляться нельзя. Впрочемъ ему все-таки легче, чѣмъ въ Петербургѣ—и здоровье его поправляется. Фетъ теперь въ Римѣ съ нимъ; онъ написалъ нѣсколько граціозныхъ стихотвореній и подробныя путевыя записки, гдѣ много дѣтскаго, но также много умныхъ и дѣльныхъ словъ—и какая-то трогательно простодушная искренность впечатлѣній. Онъ, точно, душка, какъ вы его называете.

Теперь о статьяхъ Чернышевскаго. Мнѣ въ нихъ не нравится ихъ безцеремонный и сухой тонъ, выраженіе черствой души; но я радуюсь возможности ихъ появленія, радуюсь воспоминаніямъ о Б., выпискамъ изъ его статей, ра-

Digitized by Google

дуюсь тому, что наконецъ произносится съ уваженіемъ это имя. Впрочемъ вы этой моей радости сочувствовать не можете. Анненковъ пишетъ мнѣ, что на меня это потому дѣйствуетъ, что я за-границей,—а что у нихъ это, молъ, теперь дѣло отсталое; имъ уже теперь не того нужно. Можетъ быть, ему на мѣстѣ виднѣе; а мнѣ все-таки пріятно.

Вы окончили I-ую часть „Юности"—это славно. Какъ мнѣ обидно, что я не могу услыхать ее! Если вы не свихнетесь съ дороги—(и, кажется, нѣтъ причинъ предполагать это) вы очень далеко уйдете. Желаю вамъ здоровья, дѣятельности—и свободы, свободы духовной.

Что касается до моего „Фауста"—не думаю, чтобы онъ вамъ очень понравился. Мои вещи могли вамъ нравиться,—и можетъ быть, имѣли нѣкоторое вліяніе на васъ—только до тѣхъ поръ, пока вы сами сдѣлались самостоятельны. Теперь вамъ меня изучать нечего, вы видите только разность манеры, видите промахи и недомолвки; вамъ остается изучать человѣка, свое сердце—и дѣйствительно великихъ писателей. А я писатель переходаго времени,—и гожусь только для людей, находящихся въ переходномъ состояніи. Ну, прощайте и будьте здоровы. Напишите мнѣ. Мой адресъ теперь Rue de Rivoli, № 206.

Благодарю вашу сестру за два приписанныхъ слова, кланяюсь ей и ея мужу. Спасибо Варенькѣ, что она меня не забываетъ.

Я было хотѣлъ поговорить съ вами о здѣшнихъ литераторахъ,—но до другого разу. Крѣпко жму вамъ руку.

Я не франкирую письма, и вы также поступайте" *).

8-го декабря 1856 г. онъ писалъ Толстому:

„Милый Толстой, вчера мой добрый геній провелъ меня мимо почты, и я вздумалъ зайти справиться, нѣтъ-ли мнѣ писемъ poste-restante, хотя по моему расчету всѣ мои друзья ужъ давно должны знать мой парижскій адресъ—и нашелъ

*) Первое Собр. Писемъ Тургенева. Стр. 27.

Digitized by Google

ваше письмо, гдѣ вы мнѣ говорите о моемъ „Фаустѣ“ — вы легко поймете, какъ мнѣ было весело его читать. Ваше сочувствіе меня искренно и глубоко обрадовало. Да и кромѣ того ото всего письма вѣяло чѣмъ то кроткимъ и яснымъ какой-то дружелюбной тишиной. Мнѣ остается протянуть вамъ руку черезъ „оврагъ“, который уже давно превратился въ едва замѣтную щель, да и о ней упоминать не будемъ— она этого не стоитъ.

Боюсь я говорить вамъ объ одномъ упомянутомъ вами обстоятельствѣ: это вещи нѣжныя,—отъ слова завянуть могутъ, пока не созрѣютъ, а созрѣютъ, такъ ихъ, пожалуй, и молотомъ не раздробишь. Дай Богъ, чтобы все устроилось благополучно и правильно, а вамъ это можетъ принести ту душевную осѣдлость, въ которой вы нуждались, когда я васъ зналъ. Вы, я вижу, теперь очень сошлись съ Дружининымъ — и находитесь подъ его вліяніемъ. Дѣло хорошее, только, смотрите, не объѣштесь и его. Когда я былъ вашихъ лѣтъ, на меня дѣйствовали только энтузіастическія натуры; но вы другой человѣкъ, чѣмъ я, да, можетъ быть, и время теперь настало другое. Съ нетерпѣніемъ ожидаю присылки „Б. для чт.“. Мнѣ хочется прочесть статью о Бѣлинскомъ, хотя, вѣроятно, она меня порадуетъ мало. А что „Современникъ“ въ плохихъ рукахъ — это несомнѣнно. Панаевъ началъ было писать мнѣ часто, увѣрялъ, что не будетъ дѣйствовать „легкомысленно“ и подчеркивалъ это слово, а теперь присмирѣлъ и молчитъ, какъ дитя, которое, сидя за столомъ, наклало въ штаны. Я обо всемъ написалъ подробно Некрасову въ Римъ, и весьма можетъ статься, что это заставитъ его вернуться ранѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Напишите мнѣ, въ которомъ именно № „Современника“ появится ваша „Юность“, да кстати сообщите мнѣ ваше окончательное впечатлѣніе о „Лирѣ“, котораго вы, вѣроятно, прочли хотя бы для—ради Дружинина“.

У насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній о томъ, какого мнѣнія былъ Л. Н—чъ о королѣ Лирѣ въ переводѣ Дружинина; но изъ при-

Digitized by Google

водимаго нами ниже письма Боткина къ Дружинину можно видѣть, что переводъ Дружинина понравился Толстому *).

Вотъ это письмо:

„А каковъ успѣхъ Вашего „Лира“, пишетъ Боткинъ, для меня онъ былъ несомнѣненъ—но какъ увеличивается удовольствіе, когда внутреннее убѣжденіе дѣлается очевидностью. Вотъ и знаменитая антипатія Толстого къ Шекспиру, противъ которой такъ ратовалъ Тургеневъ! Не могу не отдать себѣ справедливости въ томъ, что я убѣжденъ былъ, что эта антипатія исчезнетъ при первомъ же случаѣ;—но я радуюсь, что случаемъ этимъ послужилъ вашъ прекрасный переводъ“ **).

Но намъ кажется, что радость Боткина была преждевременна, такъ какъ Л. Н—чъ еще надолго сохранилъ антипатію къ Шекспиру. Но объ этомъ мы скажемъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Въ декабрѣ 1856 г. Тургеневъ между прочимъ писалъ Дружинину изъ Парижа.

„Вы, говорятъ, очень сошлись съ Толстымъ—и онъ сталъ очень милъ и ясенъ. Очень этому радуюсь. Когда это молодое вино перебродитъ, выйдетъ напитокъ достойный боговъ.—Что его „Юность“, присланная вамъ на судъ? Я ему писалъ два раза, второй разъ въ Москву, на имя Васеньки (Боткина) ***).

„Юность“ дѣйствительно была прислана на судъ Дружинину; онъ ее прочелъ и отвѣтилъ слѣдующимъ интереснымъ письмомъ.

„О „Юности“ надо написать двадцать листовъ. Я читалъ ее съ озлобленіемъ, съ криками и ругательствами—не по случаю литературнаго ея достоинства, а по случаю тетради и почерковъ. Это смѣшеніе двухъ рукъ, знакомой и незна-

*) Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева. Стр. 33.

**) Изъ бумагъ А. В. Дружинина. XXV лѣтъ—сборникъ изд. общ. пос. литерат. и учен. СПБ. 1884 г.

***) Тамъ же. Стр. 32.

Digitized by Google

КАРИКАТУРА (1852 г.), ИЗОБРАЖАЮЩАЯ
ПАНАЕВА, НЕКРАСОВА, ГРИГОРОВИЧА, ТУРГЕНЕВА, ОСТРОВСКАГО И
Л. Н. ТОЛСТОГО

Digitized by Google

Digitized by Google

комой, отвлекало мое вниманіе и мѣшало толковому чтенію. Будто два голоса кричали мнѣ въ ухо и нарочно меня сбивали, и я знаю, что оттого впечатлѣніе не имѣло должной полноты. Однако, скажу вамъ, что смогу. Задача ваша ужасна и вы ее выполнили очень хорошо. Ни одинъ изъ теперешнихъ писателей не могъ бы такъ схватить и очертить волнующійся и безтолковый періодъ юности. Для людей развитыхъ ваша „Юность“ доставляетъ великое наслажденіе, и если кто вамъ скажетъ, что эта вещь хуже „Дѣтства и Отрочества“, тому вы можете плюнуть въ физіономію. Поэзіи въ вашемъ трудѣ бездна — всѣ первыя главы превосходны, только вступленіе сухо, до описанія весны и выставленія рамъ. Потомъ превосходенъ пріѣздъ въ деревню, передъ тѣмъ описаніе семейства Нехлюдовыхъ, объясненіе отца передъ вступленіемъ въ бракъ, глава „Новые товарищи“ и „я проваливаюсь“. Отъ многихъ главъ пахнетъ поэзіей старой Москвы, никѣмъ еще не подсмотрѣнной, какъ должно. Кучеръ у барона З. удивителенъ (я все говорю съ точки зрѣнія понимающихъ людей). Нѣкоторыя главы сухи и длинны, напримѣръ, всѣ договоры съ Дмитріемъ Нехлюдовымъ, изображеніе отношеній къ Варенькѣ и та, гдѣ говорится о семейномъ пониманіи. Длинна также пирушка у Яра и передъ ней визитъ графа съ Иленькой. Рекрутство Семенова не цензурно.

Разсужденій не бойтесь, они всѣ умны и оригинальны. Есть у васъ поползновеніе къ чрезмѣрной тонкости анализа, которое можетъ разростись въ большой недостатокъ. Иногда вы готовы сказать: у такого то ляшка показывала, что онъ желаетъ путешествовать по Индіи. Обуздать эту наклонность вы должны, но гасить ее не надо ни за что на свѣтѣ. Вся ваша работа надъ своимъ анализомъ должна быть въ такомъ родѣ. Каждый вашъ недостатокъ имѣетъ свою часть силы и красоты, — почти каждое ваше достоинство имѣетъ въ себѣ зернышки недостатковъ.

Слогъ вашъ совершенно подходитъ къ этому заключенію.

Digitized by Google

вы сильно безграмотны, иногда безграмотностью нововводителя и сильнаго поэта, передѣлывающаго языкъ на свой ладъ и навсегда, иногда же безграмотностью офицера, пишущаго къ товарищу и сидящаго въ какомъ нибудь блиндажѣ. Навѣрно можно сказать, что всѣ страницы писанныя съ любовью у васъ превосходны,—но чуть вы холодѣете, у васъ слогъ путается и являются адскіе обороты рѣчи. Поэтому мѣста, писанныя съ холодностью, надо бы пересмотрѣть и выправить. Я пробовалъ было выправлять мѣстами и кинулъ, эту работу только вы сами можете и должны сдѣлать. Главное только избѣгайте длинныхъ періодовъ. Дробите ихъ на два и на три, не жалѣйте точекъ... Съ частицами рѣчи поступайте безъ церемоніи, слова: что, который, и, это марайте десятками. При затрудненіи берите фразу и представляйте себѣ, что вы ее кому-нибудь хотите передать гладкимъ разговорнымъ языкомъ.

Пора кончить, а надо бы говорить еще много, много. Для массы читателей, мало развитыхъ, „Юность“ понравится гораздо менѣе, чѣмъ „Дѣтство и Отрочество“. За эти двѣ вещи говоритъ ихъ малый объемъ, и нѣкоторые эпизоды, вродѣ разсказа Карла Ивановича. Самый пустой человѣкъ хранитъ нѣсколько дѣтскихъ воспоминаній и радуется, когда ему истолковываютъ ихъ поэзію, но періодъ юности (той смутной и нескладной юности, обильной щелчками и униженіями, которую вы передъ нами раскрываете) обыкновенно затаивается въ душѣ, а оттого меркнетъ и забывается.

Приблизить вашъ трудъ къ пониманію массъ можно весьма долгимъ трудомъ, двумя, тремя забавными эпизодцами и т. д., но сдѣлать его совершенно по вкусу большинству всему, едва ли кто можетъ.

По замыслу и по сущности труда ваша юность будетъ гастрономическимъ кускомъ лишь для людей мыслящихъ и чующихъ поэзію.

Увѣдомьте, пересылать ли вамъ рукопись или отдать ее Панаеву. Ею вы не сдѣлали огромнаго шага въ какую-ни-

Digitized by Google

будь новую сторону, но показали, что въ Васъ есть и чего еще отъ васъ дождешься".

Ужъ одно то, что Дружининъ могъ такъ писать Толстому, показываетъ, что между ними, дѣйствительно, существовали близкія отношенія и что Дружининъ имѣлъ вліяніе на Толстого.

Пребываніе Л. Н. въ Петербургѣ съ ноября по май было прервано короткой дѣловой поѣздкой въ Орелъ, по семейнымъ дѣламъ.

2-го февраля Л. Н. получилъ извѣстіе о смерти своего брата Дмитрія; личность его ярко изображена Л. Н—чемъ въ его воспоминаніяхъ, приведенныхъ нами въ главѣ „Юность". Здѣсь мы приведемъ 2-ую часть этихъ воспоминаній, касающихся его послѣдующей жизни, болѣзни и смерти.

Когда мы дѣлились, мнѣ, по обычаю, отдали имѣніе, въ которомъ жили, Ясную Поляну. Сережѣ, такъ какъ онъ былъ охотникъ до лошадей, а въ Пироговѣ былъ конный заводъ, отдали Пирогово; онъ и желалъ этого. Митенькѣ и Николенькѣ отдали остальныя два имѣнія: Николенькѣ—Никольское, Митенькѣ—Курское имѣніе Щербачевку, доставшуюся отъ Перовской. У меня теперь есть записка Митеньки о томъ, какъ онъ смотрѣлъ на владѣніе крѣпостными. Мысли о томъ, что этого не должно было быть, что надо было ихъ отпустить, среди нашего круга въ 40-хъ годахъ совсѣмъ не было. Владѣніе крѣпостными по наслѣдству представлялось необходимымъ условіемъ и все, что можно было сдѣлать, чтобы это владѣніе не было дурно, это то, чтобы заботиться не только о матеріальномъ, но и о нравственномъ состояніи крестьянъ. И въ этомъ смыслѣ была написана записка Митеньки очень серьезно, наивно и искренно. Онъ, малый двадцати лѣтъ (когда онъ кончилъ курсъ), бралъ на себя обязанность, считалъ, что не могъ не взять, обязанность руководить нравственность сотенъ крестьянскихъ семей и руководить угрозами наказаній и наказаніями. Такъ какъ написано у Гоголя въ письмѣ къ помѣщику. Я думаю

Digitized by Google

и помнится, что Митенька читалъ эти письма, что на нихъ указалъ ему острожный священникъ. Такъ и началъ Митенька свои помѣщичьи обязанности, но кромѣ этихъ обязанностей помѣщика къ крѣпостнымъ, въ то время была другая обязанность, неисполненіе которой казалось немыслимо, — это служба военная или гражданская. И Митенька, окончивъ курсъ, рѣшилъ служить по гражданской части. Для того же, чтобы рѣшить, какую именно службу избрать, онъ купилъ адресъ-календарь и, разсмотрѣвъ всѣ отрасли гражданской службы, рѣшилъ, что самая важная отрасль это законодательство и, рѣшивъ это, поѣхалъ въ Петербургъ и тамъ поѣхалъ къ статсъ-секретарю второго отдѣленія во время его пріема. Воображаю удивленіе Танѣева, когда въ числѣ просителей онъ остановился передъ высокимъ, сутуловатымъ, плохо одѣтымъ (Митенька всегда одѣвался только для того, чтобы прикрыть тѣло), съ спокойными, прекрасными глазами, лицомъ, и, спросивъ, что ему надо, получилъ отвѣтъ, что онъ русскій дворянинъ, кончилъ курсъ и, желая быть полезенъ отечеству, избралъ своею дѣятельностью законодательство.

— Ваша фамилія?

— Графъ Толстой.

— Вы нигдѣ не служили?

— Я только окончилъ курсъ и мое желаніе только въ томъ, чтобы быть полезнымъ.

— Какое же мѣсто вы желаете имѣть?

— Мнѣ все равно, такое, въ которомъ я могъ бы быть полезенъ.

— Серьезность, искренность такъ поразили Танѣева, что онъ повезъ Митеньку во второе отдѣленіе и тамъ передалъ его чиновнику.

Должно быть отношеніе чиновниковъ къ нему и главное къ дѣлу оттолкнуло Митеньку и онъ не поступилъ во второе отдѣленіе. Знакомыхъ у Митеньки въ Петербургѣ не было никого, кромѣ правовѣда Д. А. Оболенскаго, который, въ

Digitized by Google

наше казанское время, былъ тамъ стряпчимъ. Митенька пришелъ къ Оболенскому на дачу. Оболенскій разсказывалъ мнѣ посмѣиваясь.

Оболенскій былъ очень свѣтскій, съ тактомъ, честолюбивый человѣкъ. Онъ разсказывалъ, какъ въ то время, какъ у него были гости (вѣроятно, изъ высшаго круга, котораго всегда держался Оболенскій), Митенька пришелъ къ нему черезъ садъ въ фуражкѣ, въ нанковомъ пальто. Я сначала не узналъ его, но, когда узналъ, постарался le mettre à son aise, познакомилъ его съ гостями и предложилъ ему снять пальто, но оказалось, что подъ пальто ничего не было. Онъ находилъ это излишнимъ. Онъ сѣлъ и тотчасъ же, не стѣсняясь присутствіемъ гостей, обратился къ Оболенскому съ тѣмъ же вопросомъ, какъ и къ Танѣеву: Гдѣ лучше служить, чтобы принести больше пользы? Оболенскому, вѣроятно, съ его взглядами на службу, представляющую только средство удовлетворенія честолюбія, такой вопросъ, вѣроятно, никогда не представлялся. Но, съ свойственнымъ ему тактомъ и внѣшнимъ добродушіемъ онъ отвѣтилъ, указавъ на различныя мѣста и предложилъ свои услуги. Митенька, очевидно, остался недоволенъ и Оболенскимъ и Танѣевымъ и уѣхалъ изъ Петербурга, не поступивъ тамъ на службу. Онъ уѣхалъ къ себѣ въ деревню и въ Суджѣ, кажется, поступилъ въ какую-то дворянскую должность и занялся хозяйствомъ, преимущественно крестьянскимъ.

Послѣ выхода его да и моего изъ университета я потерялъ его изъ вида, знаю, что онъ жилъ тою же строгою, воздержанною жизнью, не зная ни вина, ни табаку, ни, главное, женщинъ, до 26 лѣтъ, что было большою рѣдкостью въ то время. Знаю, что онъ сходился съ монахами и странниками и очень сблизился съ очень оригинальнымъ человѣкомъ, жившимъ у нашего опекуна Воейкова, происхожденіе котораго никто не зналъ. Звали его отцомъ Лукою. Онъ ходилъ въ подрясникѣ, былъ очень безобразенъ: маленькій ростомъ, косой, черный, но очень чистоплотный и необык-

Digitized by Google

повенно сильный. Онъ жалъ руку, какъ клещами и говорилъ всегда какъ-то значительно и загадочно. Жилъ онъ у Войейкова подлѣ мельницы, гдѣ построилъ маленькій домъ и развелъ необыкновенный цвѣтникъ. Этого отца Луку Митенька и водилъ съ собой. Какъ я слышалъ, онъ водился еще со старикомъ стараго закала, скопидомомъ—помѣщикомъ, сосѣдомъ Самойловымъ.

Кажется, я былъ тогда уже на Кавказѣ, когда съ Митенькой случился необыкновенный переворотъ. Онъ вдругъ сталъ пить, курить, мотать деньги и ѣздить къ женщинамъ. Какъ это съ нимъ случилось, не знаю, я не видалъ его въ это время. Знаю только, что соблазнителемъ его былъ очень внѣшне привлекательный, но глубоко безнравственный человѣкъ, меньшой сынъ Исленева. Про него разскажу послѣ, если успѣю. И въ этой жизни онъ былъ тѣмъ же серьезнымъ, религіознымъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ во всемъ. Ту женщину, проститутку, Машу, которую онъ первую узналъ, онъ выкупилъ и взялъ къ себѣ. Но вообще эта жизнь продолжалась недолго. Думаю, что нестолько дурная, нездоровая жизнь, которую онъ велъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, сколько внутренняя борьба укоровъ еовѣсти, сгубили сразу его могучій организмъ. Онъ заболѣлъ чахоткой, уѣхалъ въ деревню, лѣчился въ городахъ и слегъ въ Орлѣ, гдѣ я въ послѣдній разъ видѣлъ его уже послѣ севастопольской войны. Онъ былъ ужасенъ: огромная кисть его руки была прикрѣплена къ двумъ костямъ локтевой части, лицо было—одни глаза и тѣ же прекрасныя, серьезныя, теперь выпытывающія. Онъ безпрестанно кашлялъ и плевалъ и не хотѣлъ умереть, не хотѣлъ вѣрить, что онъ умиралъ. Рябая, выкупленная имъ Маша, повязанная платочкомъ, была при немъ и ходила за нимъ. При мнѣ, по его желанію, принесли чудотворную икону. Помню, выраженіе его лица, когда онъ молился на нее.

Я былъ особенно отвратителенъ въ эту пору. Я пріѣхалъ въ Орелъ изъ Петербурга, гдѣ я ѣздилъ въ свѣтъ и былъ

Digitized by Google

весь полонъ тщеславія. Мнѣ жалко было Митеньку, но мало. Я повернулся въ Орлѣ и уѣхалъ и онъ умеръ черезъ нѣсколько дней.

Право, мнѣ кажется, мнѣ въ его смерти было самое тяжелое, то, что она помѣшала мнѣ участвовать въ придворномъ спектаклѣ, который тогда устраивался и куда меня приглашали" *).

12-го марта былъ заключенъ миръ и это обстоятельство облегчило возможность Льву Николаевичу получить отпускъ.

Изъ литературныхъ произведеній за эту зиму онъ закончилъ „Метель", „Два гусара", „Встрѣча въ отрядѣ" и „Утро помѣщика". Льву Николаевичу пришлось уже раздѣлять свои произведенія на три журнала; такъ первыя двѣ повѣсти были еще напечатаны въ „Современникѣ", а третья уже въ „Библіотекѣ для чтенія" и четвертая въ „Отечественныхъ запискахъ".

Въ это время Л. Н., между прочимъ, писалъ своей теткѣ Т. А.:

„Я кончилъ своихъ Гусаровъ (повѣсть) и ничего новаго не началъ, да и Тургеневъ уѣхалъ, котораго, я чувствую теперь, я очень полюбилъ, не смотря на то, что мы все ссорились. Такъ что мнѣ бываетъ ужасно скучно".

Изъ этого письма видно, что во Львѣ Н-чѣ происходили постоянныя колебанія по отношенію къ Тургеневу.

Петербургская жизнь, видимо, не удовлетворяла Толстого. Вскорѣ по пріѣздѣ онъ сталъ хлопотать объ отставкѣ и сталъ собираться за-границу.

Въ письмѣ къ брату отъ 25 марта 1856 года онъ, между прочимъ, пишетъ:

„Я тронусь за-границу на 8 мѣсяцевъ; ежели пустятъ, то поѣду. Я писалъ объ этомъ Николенькѣ и звалъ его ѣхать.

*) Изъ доставленныхъ мнѣ и отданныхъ въ мое распоряженіе черновыхъ, неисправленныхъ записокъ Л. Н. Т.

Digitized by Google

Ежели бы мы всѣ трое устроились ѣхать вмѣстѣ, это было бы отлично. Ежели каждый возьметъ по 1000 рублей, то можно съѣздить отлично.—Пиши, пожалуйста, мнѣ. Какъ понравилась тебѣ „Метель“? Я ею недоволенъ — серьезно. А теперь писать многое хочется, но рѣшительно некогда въ этомъ проклятомъ Петербургѣ. Во всякомъ случаѣ, пустятъ ли меня или нѣтъ (за-границу), я въ апрѣлѣ намѣренъ взять отпускъ и быть въ деревнѣ“.

13-го мая, еще находясь въ Петербургѣ, онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ:

„Могучее средство къ истинному счастью въ жизни, это безъ всякихъ законовъ пускать изъ себя во всѣ стороны, какъ паукъ, цѣлую паутину любви и ловить туда все, что попало: и старушку, и ребенка, и женщину, и квартальнаго“.

Можно думать, что дѣла „Современника“, и матеріальныя и литературныя, мало удовлетворяли главныхъ сотрудниковъ „Современника“; причиною этого, надо полагать, была индивидуальная рознь убѣжденій, взглядовъ, привычекъ, воспитанія и среды, всегда такъ мѣшающихъ общему дѣлу, затѣваемому интеллигентными людьми. Очень скоро во всякомъ интеллигентномъ кругу происходитъ дѣленіе на группы: терпимое отношеніе между ними замѣняется вскорѣ равнодушіемъ, затѣмъ возникаетъ соревнованіе, которое переходитъ въ открытую вражду. Такъ было и съ „Современникомъ“.

Уже въ началѣ 1856 года возникаетъ у нѣкоторыхъ сотрудниковъ мысль объ отдѣленіи и основаніи новаго журнала. Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо Дружинина къ Толстому, въ которомъ онъ между прочимъ пишетъ:

„Пользуясь симъ приливомъ энергіи, спѣшу поговорить съ вами о дѣлѣ, которое насъ занимало при послѣднемъ нашемъ свиданіи и которое теперь занимаетъ собой многихъ нашихъ товарищей въ Петербургѣ. Потребность въ чисто литературномъ журналѣ съ критикой, энергически

Digitized by Google

Л. Н. ТОЛСТОЙ
ПЕРЕДЪ ВЫХОДОМЪ ЕГО ВЪ ОТСТАВКУ ВЪ КОНЦѢ 1856 Г.

Digitized by Google

Digitized by Google

противодѣйствующаго всѣмъ теперешнимъ неистовствамъ и безобразіямъ, чувствуется въ сильной степени. Гончаровъ, Ерминъ, Анненковъ, Майковъ, Михайловъ, Авдѣевъ и многіе еще встрѣтили эту мысль съ высшимъ одобреніемъ. Если къ этому сборищу присоединитесь вы, Островскій, Тургеневъ и, пожалуй, нашъ юродивый Григоровичъ (хотя безъ него можно и обойтись), то можно рѣшительно сказать, что вся изящная словесность, наконецъ, соединится въ одномъ журналѣ. Какой будетъ этотъ органъ, новый ли журналъ или Библіотека для чтенія, взятая компаніей на аренду, придумайте и сообщите ваше предложеніе. Здѣсь большая часть клонитъ къ арендѣ и издатель согласенъ за недорогую цѣну. Я съ своей стороны не говорю ни за, ни противъ, но предлагаю себя всего къ услугамъ чисто литературнаго журнала, на какихъ бы основаніяхъ онъ ни составился.

По ученой части можно считать усердными сотрудниками или просто участниками профессоровъ: Горлова, Устрялова, Благовѣщенскаго, Березина, Зернина и теперешнихъ сотрудниковъ (я называю самыхъ даровитыхъ) Лаврова, Льховскаго, Коневича, Водовозова, Думинина. Тургеневъ хотя работникъ не надежный, будетъ драгоцѣннымъ человѣкомъ по своей хлопотливости и вообще по положенію въ литературѣ. Но теперь не до подробностей, главное надо согласиться въ общемъ и рѣшить основные пункты.

Судя по участію, какое вы изъявили во всемъ дѣлѣ я разсчитываю получить отъ васъ предположенія ваши на этотъ счетъ. Между прочимъ, передаю вамъ и слѣдующую просьбу: такъ какъ я все таки остаюсь при моихъ настоящихъ занятіяхъ, а составленіе новаго журнала можетъ протянуться еще на долго, то я en attendant прошу у васъ позволенія включить васъ въ число сотрудниковъ „Библіотеки для чтенія“. Не располагайте всѣми вашими статьями, не оставивши для меня къ осени какой-нибудь вещи, по вашему усмотрѣнію, на условіяхъ, какія вы сами назначите. Надоѣдать

Digitized by Google

же вамъ на этотъ счетъ я нестану, зная, что вы и безъ моихъ упрашиваній сдѣлаете для меня все отъ васъ зависящее.

Черкните мнѣ нѣсколько словъ обо всемъ этомъ и вообще о вашемъ житьѣ, предположеніяхъ и о здоровьи Маріи Николаевны, которой передайте мой низкій и усердный поклонъ. Да сообщите вашъ адресъ. По дѣлу о новомъ журналѣ намъ необходимо списываться, я боюсь, чтобы опять силы не раздробились, а ихъ достаточно только на одно хорошее изданіе. Все равно, на какомъ основаніи предпріятіе будетъ задумано, лишь бы мы всѣ въ немъ собрались. Поэтому лѣтомъ, когда вы будете часто видѣться съ Тургеневымъ, постарайтесь взять надъ нимъ вліяніе и направить сего милѣйшаго, но шаткаго . . . . . къ одной общей цѣли. По всему, что онъ мнѣ говорилъ стократно, его должна занять мысль о журналѣ такого рода, но какъ полагаться на то, что имъ было высказываемо. Пусть онъ сообразитъ, до какой пахабной степени доведены наши журналы раздробленіемъ силъ: одинъ Русскій Вѣстникъ держался хорошо и тотъ вылинялъ съ отдѣленіемъ Атенея, Атеней же все-таки блѣденъ. Про Петербургъ и говоритъ нечего".

17-го мая онъ уѣзжаетъ въ Москву.

26-го мая онъ проводитъ день въ семьѣ доктора Берса, женатаго на подругѣ дѣтства Льва Николаевича, Исленевой, и жившаго тогда на дачѣ подъ Москвой, въ Покровскомъ. Въ дневникѣ Льва Николаевича есть такая краткая фраза объ этомъ посѣщеніи: „Дѣти намъ прислуживали. Что за милыя, веселыя дѣвочки". Одна изъ нихъ, младшая, стала черезъ 6 лѣтъ его женой.

Затѣмъ онъ продолжаетъ путь и 28 мая пріѣзжаетъ въ Ясную Поляну.

На другой день онъ пишетъ брату, Сергѣю, письмо, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Въ Москвѣ я пробылъ 10 дней... чрезвычайно пріятно безъ шампанскаго и цыганъ, а немножко влюбленный—въ кого, разскажу послѣ".

Digitized by Google

По пріѣздѣ въ Ясную онъ, конечно, ѣдетъ здороваться съ сосѣдями, къ сестрѣ Марьѣ Николаевнѣ, къ Тургеневу и другимъ.

По двумъ слѣдующимъ письмамъ къ брату мы видимъ, что въ концѣ лѣта Льва Николаевича постигла серьезная болѣзнь. Онъ пишетъ брату въ началѣ сентября 1856 года:

„Теперь только, въ 9 часовъ вечера, понедѣльникъ, могу дать тебѣ хорошій отвѣтъ, а то все было хуже и хуже; привозили двухъ докторовъ, пускали еще 40 піявокъ, но сію минуту только я заснулъ, и, проснувшись, почувствовалъ себя значительно лучше. Раньше дней 5—6 все-таки и думать нельзя мнѣ ѣхать. Такъ до свиданія, пожалуйста, увѣдомь, когда ты уѣдешь и точно ли есть большія упущенія у тебя въ хозяйствѣ, и не очень безъ меня выбивай мѣста. Собакъ, можетъ быть, пошлю завтра“.

Въ письмѣ отъ 15-го сентября онъ между прочимъ сообщаетъ:

„Любезный другъ Сережа. Здоровье мое и поправилось и нѣтъ. Боли той нѣтъ и воспаленія нѣтъ, но какая-то тяжесть въ груди, покалываетъ и къ вечеру болитъ. Можетъ быть, оно и пройдетъ по немногу само-собой, но я не скоро рѣшусь ѣхать въ Курскъ и ежели не скоро, то и совсѣмъ нечего ѣхать. Скорѣе, ежели недѣли двѣ не будетъ лучше, я съѣзжу въ Москву“.

Вскорѣ онъ снова перебрался въ Петебургъ, откуда писалъ брату 10-го ноября 1856 года:

„Извини, любезный другъ Сережа, что пишу два слова, все некогда. Мнѣ все неудача съ моего отъѣзда, никого нѣтъ здѣсь, кого я люблю. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“, говорятъ, обругали меня за военные разсказы, я еще не читалъ, но, главное, Константиновъ объявилъ мнѣ, только что я пріѣхалъ, что Великій Князь Михаилъ, узнавъ, что я будто бы сочинилъ пѣсню, недоволенъ особенно тѣмъ, что будто бы я училъ ей солдатъ. Это гнусно. Я объяснялся по этому случаю съ начальникомъ штаба. Хорошо только

Digitized by Google

то, что здоровье мое хорошо и что Шипулинскій сказалъ, что у меня грудь здоровешенька".

26-го ноября 1856 года Левъ Николаевичъ вышелъ въ отставку. Мы можемъ упомянуть здѣсь объ одномъ добромъ дѣлѣ, сдѣланномъ имъ въ концѣ своей службы.

Командиръ батареи, въ которой служилъ Левъ Николаевичъ, штабсъ-капитанъ Кореницкій, послѣ войны долженъ былъ быть преданъ суду, но благодаря вліянію и хлопотамъ Льва Николаевича былъ отъ этого избавленъ.

Съ выходомъ Льва Николаевича въ отставку начинается новый періодъ его жизни, литературно-общественный, съ прорывающимся стремленіемъ къ личному счастью.

Не смотря на свою рѣзкость сужденій, на непризнаніе авторитетовъ, Л. Н. Толстой былъ желаннымъ гостемъ и драгоцѣннымъ членомъ литературнаго кружка „Современника".

Но самого Л. Н-ча эта среда далеко не удовлетворяла. И оно не могло быть иначе. Стоитъ прочесть воспоминанія литераторовъ того времени, какъ напр. Герцена, Панаева, Фета и др., самаго разнороднаго направленія, чтобы прійти къ весьма грустнымъ выводамъ о нравственной слабости этихъ людей, мнившихъ себя руководителями человѣчества: вспомните Некрасовскіе обѣды, попойки Герцена, Кетчера и Огарева, Тургеневскую уточенную ѣду; всѣ эти дружескія бесѣды немыслимыя тогда безъ большого количества шампанскаго, охоты, картъ и т. д. И вамъ горько станетъ за праздность и низменность инересовъ этихъ людей, невидавшихъ всего зла этихъ оргій, перемѣшанныхъ съ проповѣдью народолюбія и всяческаго прогресса. Среди всего этого безстыдства, продолжающагося быть можетъ въ иной формѣ и до сего дня, раздался лишь одинъ голосъ обличенія и самобичеванія человѣка, душа котораго не могла вынести этого самообмана. Это былъ голосъ Л. Н-ча Толстого.

Въ своей исповѣди онъ даетъ такую картину нравовъ тогдашняго литературнаго общества, т.-е. общества конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Вотъ его слова:

Digitized by Google

„И не успѣлъ я оглянуться, какъ сословные писательскіе взгляды на жизнь тѣхъ людей, съ которыми я сошелся, усвоились мною и уже совершенно изгладили во мнѣ всѣ мои прежнія попытки сдѣлаться лучше. Взгляды эти подъ распущенность моей жизни подставили теорію, которая ее оправдывала.

Взгляды на жизнь этихъ людей, моихъ сотоварищей по писанію, состояли въ томъ, что жизнь вообще идетъ развиваясь и что въ этомъ развитіи главное участіе принимаемъ мы, люди мысли, а изъ людей мысли главное вліяніе имѣемъ мы—художники, поэты. Наше призваніе—учить людей. Для того же, чтобы не представился тотъ естественный вопросъ самому себѣ: что я знаю и чему мнѣ учить,—въ теоріи этой было выяснено, что этого и не нужно знать, а что художникъ и поэтъ безсознательно учатъ. Я считался чудеснымъ художникомъ и поэтомъ, и потому мнѣ очень естественно было усвоить эту теорію. Я—художникъ, поэтъ—писалъ и училъ, самъ не зная чему. Мнѣ за это платили деньги, у меня было прекрасное кушаніе, помѣщеніе, женщины, общество; у меня была слава. Стало быть то, чему я училъ, было очень хорошо.

Вѣра эта въ значеніе поэзіи и въ развитіе жизни была вѣра, и я былъ однимъ изъ жрецовъ ея. Быть жрецомъ ея было очень пріятно и выгодно. И я довольно долго жилъ въ этой вѣрѣ, не сомнѣваясь въ ея истинности. Но на второй и въ особенности на третій годъ такой жизни я сталъ сомнѣваться въ непогрѣшимости этой вѣры и сталъ ее изслѣдовать. Первымъ поводомъ къ сомнѣнію было то, что я сталъ замѣчать, что жрецы этой вѣры не всѣ были согласны между собою. Одни говорили: мы—самые хорошіе и полезные учители; мы учимъ тому, что нужно, а другіе учатъ неправильно. А другіе говорили: нѣтъ—мы настоящіе, а вы учите неправильно. И они спорили, ссорились, бранились, обманывали, плутовали другъ противъ друга.

Кромѣ того, было много между нами людей и не забо-

Digitized by Google

тящихся о томъ, кто правъ, кто неправъ, а просто достигающихъ своихъ корыстныхъ цѣлей съ помощью этой нашей дѣятельности. Все это заставило меня усомниться въ истинности этой вѣры.

Кромѣ того, усомнившись въ истинности самой вѣры писательской, я сталъ внимательнѣе наблюдать жрецовъ ея и убѣдился, что почти всѣ жрецы этой вѣры, писатели, были люди безнравственные и въ большинствѣ люди плохіе, ничтожные по характерамъ—много ниже тѣхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ въ моей прежней разгульной и военной жизни, но самоувѣренные и довольные собой, какъ только могутъ быть довольны люди совсѣмъ святые или такіе, которые и не знаютъ, что такое святость. Люди эти мнѣ опротивѣли, и самъ себѣ я опротивѣлъ, и я понялъ, что вѣра эта—обманъ.

Но странно то, что, хотя всю эту ложь вѣры я понялъ скоро и отрекся отъ нея, но отъ чина, даннаго мнѣ этими людьми отъ чина художника, поэта, учителя, я не отрекся. Я наивно воображалъ, что я поэтъ, художникъ, и могу учить всѣхъ, самъ не зная, чему я учу. Я такъ и дѣлалъ.

Изъ сближенія съ этими людьми я вынесъ новый порокъ—до болѣзненности развившуюся гордость и сумасшедшую увѣренность въ томъ, что я призванъ учить людей, самъ не зная чему".*)

Тѣмъ не менѣе, живя въ кругу этихъ людей, Толстой проникался ихъ интересами и былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ ихъ товарищескихъ предпріятій. Такъ одно изъ важныхъ литературныхъ учрежденій „общество пособія литераторамъ и ученымъ", такъ называемый „литературный фондъ", во многомъ обязанъ ему своимъ возникновеніемъ. Обыкновенно считаютъ Дружинина основателемъ этого фонда. Въ дневникѣ же Льва Николаевича мы находимъ такую записку:

*) „Исповѣдь" изд. Черткова.

Digitized by Google

2-го января 1857 года: „Писалъ проэктъ фонда у Дружинина“.

Такимъ образомъ къ числу основателей фонда можно съ полнымъ правомъ присоединить имя Толстого.

Къ этому времени слѣдуетъ отнести болѣе основательное знакомство Льва Николаевича съ произведеніями Пушкина и увлеченіе имъ.

По разсказамъ Льва Николаевича, онъ серьезно оцѣнилъ Пушкина, прочтя французскій переводъ, сдѣланный Мериме, „Цыганъ“ Пушкина; чтеніе этого произведенія, изложеннаго въ прозаической формѣ, съ особенною силою показало Л. Н-чу, всю силу поэтическаго генія Пушкина.

Въ дневникѣ Льва Николаевича отъ 4-го января 1857 года находимъ слѣдующую записку:

„Обѣдалъ у Боткина съ однимъ Панаевымъ, онъ читалъ мнѣ Пушкина; я пошелъ въ комнату Боткина, и тамъ написалъ письмо Тургеневу, потомъ сѣлъ на диванъ и зарыдалъ безпричинными, но блаженными, поэтическими слезами. Я рѣшительно счастливъ все это время, упиваясь быстротой моральнаго движенія впередъ“.

И эта „быстрота моральнаго движенія впередъ“ не позволила Льву Николаевичу удовлетвориться этимъ сообществомъ и этою дѣятельностью и онъ сталъ жадно искать изъ этого выхода. И какъ всегда, метущійся духъ проявляетъ безпокойство и во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, такъ и Толстой проявлялъ безпокойную дѣятельность и однимъ изъ актовъ этой дѣятельности была поѣздка его за границу, повидимому, безъ опредѣленной цѣли. Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ въ „Исповѣди“, съ присущей ему искренностью судя себя и окружающую его среду.

„Такъ я жилъ, предаваясь этому безумію еще шесть лѣтъ, до моей женитьбы. Въ это время я поѣхалъ заграницу. Жизнь въ Европѣ и сближеніе мое съ передовыми и учеными европейскими людьми утвердили меня еще больше въ той вѣрѣ совершенствованія вообще, въ которой я жилъ,

Digitized by Google

потому что ту же вѣру я нашелъ и у нихъ. Вѣра эта приняла во мнѣ ту обычную форму, которую она имѣетъ у большинства образованныхъ людей нашего времени. Вѣра эта выражалась словомъ „прогрессъ“. Тогда мнѣ казалось, что этимъ словомъ выражается что-то. Я не понималъ еще того, что, мучимый, какъ всякій живой человѣкъ, вопросами, какъ мнѣ лучше жить, я, отвѣчая: жить сообразно съ прогрессомъ,— отвѣчаю совершенно то-же, что отвѣтитъ человѣкъ, несомый въ лодкѣ по волнамъ и по вѣтру, на главный и единственный для него вопросъ: „куда держаться“, если онъ, не отвѣчая на вопросъ, скажетъ: „насъ несетъ куда-то“*) Но до этой поѣздки заграницу, Л. Н-чу пришлось отдать дань исканію личнаго, семейнаго счастія.

ГЛАВА X.

Романъ.

Въ этой главѣ мнѣ придется вкратцѣ передать читателямъ одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ въ жизни Льва Николаевича, исторію его сердечныхъ отношеній къ одной дѣвушкѣ, отношеній, хотя и не завершившихся бракомъ, но имѣвшихъ, по моему мнѣнію, большое вліяніе на его личную жизнь. Въ этомъ эпизодѣ, какъ и во многихъ другихъ, съ поразительной ясностью выступаютъ нѣкоторыя черты характера Льва Николаевича. Именно: его страстная, увлекающаяся натура, затѣмъ сила его высшаго руководителя—разума, держащаго эту страстную натуру въ повиновеніи у себя и направляющаго ее на благо и, наконецъ, простая, въ высшей степени правдивая и рыцарски благородная душа Льва Николаевича, проявляющаяся, какъ въ выработкѣ высшихъ идеаловъ, такъ и въ ничтожныхъ житейскихъ мелочахъ.

*) Исповѣдь изд. Черткова.

Digitized by Google

Исторія эта поучительна и въ самомъ прямомъ смыслѣ, какъ исторія отношеній мужчины къ женщинѣ, какъ серьезный и мудрый опытъ, могущій уберечь молодыхъ людей отъ многихъ несчастій.

Въ предыдущей жизни его уже были попытки любви, кончившіяся, впрочемъ, ничѣмъ. Самая сильная любовь была дѣтская, къ Соничкѣ Калошиной. Потомъ была любовь въ студенческіе годы къ З. М. Любовь эта была больше въ воображеніи. З. М. едва ли знала что-нибудь про это. Потомъ казачка въ станицѣ, о чемъ мы упоминали въ своемъ мѣстѣ. Потомъ свѣтское увлеченіе Щ., которая тоже, вѣроятно, мало знала про это чувство, такъ какъ Левъ Николаевичъ всегда былъ робокъ, застѣнчивъ въ этихъ дѣлахъ.

Наконецъ еще болѣе сильная и серьезная—это была любовь къ В. А. Отношенія ихъ настолько опредѣлились, что они уже были объявлены въ кругу родныхъ и знакомыхъ женихомъ и невѣстой.

Къ сожалѣнію большая и интересная переписка Л. Н-ча съ этой дѣвушкой, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ не можетъ еще появиться въ печати и я принужденъ ограничиться краткой передачей ея содержанія.

Припомнимъ, какъ въ письмѣ изъ Севастополя Левъ Николаевичъ жаловался брату на недостатокъ женскаго общества, выражая боязнь отвыкнуть отъ него, боязнь лишиться навсегда семейной жизни, которую онъ страстно любилъ.

Съ возвращеніемъ домой мысль о женщинѣ, о семьѣ неотступно преслѣдовала его, и вотъ онъ обращаетъ вниманіе проѣздомъ черезъ Москву, по возвращеніи изъ похода, на миловидную дѣвушку изъ семьи сосѣднихъ помѣщиковъ. И романическая исторія не замедлила разыграться между ними.

Первое письмо Левъ Николаевичъ пишетъ изъ Ясной Поляны въ Москву, куда уѣхала барышня, предметъ его

Digitized by Google

любви. Семья, въ которой она жила, состояла изъ теткн, свѣтской барыни съ придворными вкусами, трехъ сестеръ, ея племянницъ, В. О. и Ж. и француженки V., ихъ компаньонки. Проведя лѣто въ Судаковѣ, недалеко отъ Ясной Поляны, они въ августѣ переѣхали въ Москву, чтобы присутствовать на торжествѣ коронаціи Александра II, бывшей 26 августа 1856 года.

Барышня очень веселилась на коронаціонныхъ торжествахъ и описала восторгъ свой въ письмѣ къ теткѣ Льва Николаевича. Для него это письмо было первымъ разочарованіемъ. Почувствовавъ сердечное влеченіе къ этой барышнѣ, онъ не могъ уже смотрѣть на нее иначе, какъ на будущую подругу своей жизни, и ощутилъ потребность передать ей всѣ свои высшіе идеалы общественной и семейной жизни и сразу натолкнулся на полное непониманіе ихъ, на самое легкомысленное отношеніе къ важнѣйшимъ жизненнымъ вопросамъ. Но его не оставляла надежда повліять на нее, онъ надѣялся на молодую, воспріимчивую натуру и, видя ея взаимное расположеніе къ нему, всѣми силами старался ей внушить серьезный взглядъ на ихъ отношенія, настоящія и будущія. И потому всѣ письма его дышатъ самой нѣжной заботливостью о ея душѣ, наполнены всяческими наставленіями отъ самыхъ мелочныхъ до самыхъ общихъ, философскихъ вопросовъ. Временами, огорченный непониманіемъ, онъ впадаетъ въ горькій, саркастическій тонъ, временами смягчается до самой нѣжной ласки отца къ своему ребенку.

Въ слѣдующемъ письмѣ онъ выражаетъ весь свой ужасъ отчаянія отъ того, что онъ узналъ какъ низменны, по его понятіямъ, интересы предмета его любви.

Онъ зло насмѣхается надъ увлеченіемъ барышни коронаціонными торжествами, балами, парадами и флигель-адъютантами и кончаетъ письмо притворно-вычурной фразой, какъ бы желая поддѣлаться подъ общій тонъ этого несчастнаго письма невѣсты къ его теткѣ.

Digitized by Google

Отвѣтъ на это письмо долго не приходилъ, Л. Н. волновался, писалъ еще, просилъ извиненія и, наконецъ, добился благопріятнаго отвѣта.

По содержанію его писемъ видно, что семья послѣ коронаціи вернулась въ Судаково, что онъ тамъ бывалъ и ихъ взаимное влеченіе опредѣлилось и окрѣпло.

Можно думать, что и тогда въ головѣ Л. Н-ча, столь склонной къ скептическому рефлексу, уже зародилось сомнѣніе. И вотъ онъ не хочетъ слѣпо, очертя голову, отдаться этому чувству. Онъ рѣшается подвергнуть чувство свое и ея испытанію временемъ и на разстояніи и рѣшается уѣхать въ Петербургъ на два мѣсяца.

Съ дороги, изъ Москвы, 2-го ноября онъ пишетъ письмо, которымъ онъ начинаетъ уже воспитывать свою невѣсту и которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, показываетъ, что того, что обыкновенно называютъ „страстной любовью“ между ними не существовало.

Письмо его наполнено глубокими мыслями о значеніи взаимной привязанности мужчины и женщины, о серьезности этихъ отношеній и о необходимости провѣрки ихъ временемъ и разстояніемъ. Конечно, это было не по вкусу влюбленной барышнѣ, но она безпрекословно подчиняется этому рѣшенію и отношенія ихъ уже продолжаются въ перепискѣ.

Вскорѣ Льву Николаевичу представилось новое испытаніе, уже не наложенное имъ самимъ на себя, но пришедшее извнѣ. Онъ узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, уже живя въ Петербургѣ, что его „милая барышня“ допустила ухаживанье за собой учителя музыки и сама влюбилась въ него. И все это произошло на несчастной коронаціи. Видимо, барышня сама боролась съ этимъ чувствомъ, и даже прекратила всякія сношенія съ М., но самый фактъ этого легкомысленнаго увлеченія былъ страшнымъ ударомъ для Л. Н. и, подъ вліяніемъ горькаго чувства, вызваннаго этимъ открытіемъ, онъ пишетъ ей письмо, полное упрековъ, которое даже не рѣшался послать ей, но обѣщалъ показать

Digitized by Google

при свиданіи. Затѣмъ пишетъ другое, которое уже отсылаетъ. Намекъ на эти отношенія есть уже въ предыдущемъ письмѣ, но, очевидно, Л. Н. узналъ новые факты, которые и побудили его вновь поднять этотъ вопросъ.

Конечно, открытіе, сдѣланное Л. Н—чемъ о продолжающихся отношеніяхъ его невѣсты съ М. нанесло неизлѣчимую рану его начавшему крѣпнуть чувству и, если онъ не прекращаетъ съ ней отношеній сразу, то только потому, что хочетъ предоставить природѣ и времени съ меньшей болью произвести эту операцію. Но съ этихъ поръ отношенія ихъ становятся болѣе дружественными и только изрѣдка, и то я думаю больше въ воображеніи, вспыхиваетъ слабое пламя любовной страсти.

Отославъ это обличительное и укорительное письмо, онъ безпокоится, какое дѣйствіе произведетъ оно и на другой день онъ пишетъ еще, уже въ примирительномъ тонѣ.

Не дождавшись отвѣта и, вѣроятно, успокоившись сознаніемъ, что pas de nouvelles—bonnes nouvelles онъ продолжаетъ руководить жизнью своей болѣе воспитанницы, чѣмъ невѣсты, и пишетъ ей обстоятельное письмо объ ихъ возможной будущей совмѣстной жизни, рисуя ей подробный планъ ихъ занятій, обстановки, кругъ знакомыхъ, распредѣленія времени, стараясь навести свою будущую подругу жизни на самые серьезные жизненные вопросы.

Онъ долго не получалъ отвѣта на свои письма, волновался, сомнѣвался, но, наконецъ, онъ былъ награжденъ за свое терпѣніе, получивъ сразу нѣсколько запоздалыхъ писемъ, и между двумя друзьями снова устанавливаются нѣжныя, сердечныя отношенія. Онъ посвящаетъ ее въ свои литературные планы, описываетъ свою петербургскую жизнь и продолжаетъ развивать передъ ней свои чистые, высоконравственные идеалы семейной жизни.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ послѣднихъ письмахъ уже дѣлается болѣе замѣтнымъ зародышъ сомнѣнія, закравшагося въ душу Льва Николаевича. Сквозь продолжающіяся еще

Digitized by Google

чувства нѣжности все чаще и чаше прорывается чувство тягости отъ нѣкоторой искусственности установившихся отношеній. Разумѣется, эта фальшивая нота ихъ отношеній стала замѣтна и В. В., и интенсивность ихъ взаимнаго чувства начинаетъ слабѣть и они начинаютъ искать честнаго исхода.

Въ письмѣ къ своей теткѣ Т. А. Ергольской Левъ Николаевичъ уже сознается въ охлажденіи своего чувства и проситъ совѣта въ трудномъ дѣлѣ. Это письмо уже написано изъ Москвы, куда онъ переѣхалъ въ началѣ декабря и остался до новаго года.

Москва 5 декабря 1856.

„Вы мнѣ пишете про В. опять въ томъ же тонѣ, въ которомъ вы всегда мнѣ говорили про нее, и я отвѣчаю опять такъ же, какъ всегда. Только что я уѣхалъ и недѣлю послѣ этого мнѣ казалось, что я былъ влюбленъ, что называется, но съ моимъ воображеніемъ это не трудно. Теперь же и послѣ этого, особенно какъ я пристально занялся работой, я бы желалъ и очень желалъ мочь сказать, что я влюбленъ или просто люблю ее, но этого нѣтъ. Одно чувство, которое я имѣю къ ней,—это благодарность за ея любовь и еще мысль, что изъ всѣхъ дѣвушекъ, которыхъ я зналъ и знаю, она лучше всѣхъ была бы для меня женой, какъ я думаю о семейной жизни. Вотъ въ этомъ то я и желалъ бы знать ваше откровенное мнѣніе—ошибаюсь ли я или нѣтъ, и желалъ бы слышать ваши совѣты, во первыхъ, потому, что вы знаете и ее и меня, и, главное, потому, что вы меня любите, а люди, которые любятъ, никогда не ошибаются. Правда, я очень дурно поиспытывалъ себя, потому что съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ, велъ жизнь скорѣе уединенную, чѣмъ разсѣянную, и видѣлъ мало женщинъ, но не смотря на это часто мнѣ приходили минуты досады на себя, что я сошелся съ ней, и что я раскаивался въ этомъ. Все таки я говорю, что ежели бы я убѣдился, что она—натура постоянная и будетъ любить меня всегда, хоть не такъ, какъ

Digitized by Google

теперь, а больше чѣмъ всѣхъ, то я бы ни минуты не задумался жениться на ней. Я увѣренъ, что тогда моя бъ любовь къ ней все увеличивалась бы и увеличивалась и что посредствомъ этого чувства изъ нея бы можно было сдѣлать хорошую женщину".

И письма къ В. становятся уже болѣе холодными, разсудочными. Хотя онъ и употребляетъ еще слово „влюбленный", но уже шутя, безъ прежняго увлеченія. Онъ пишетъ ей въ Петербургъ, куда она переѣхала провести зимній сезонъ, о чемъ долго мечтала.

Холодный тонъ писемъ не ускользнулъ отъ нея, она пишетъ ему съ упрекомъ и съ любовью. И вотъ два хорошія письма отъ нея, и въ немъ снова поднимается волна любви, и письмо окрашивается розовымъ цвѣтомъ и дышетъ сердечной теплотой.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ Л. Н. сознается, что онъ опять „преподаетъ" и старается опредѣлить „любовь" именно этимъ взаимнымъ воспитаніемъ. Но, какъ видно, именно въ томъ, что такое любовь, они и не могли сойтись, и чѣмъ искреннѣе и задушевнѣе выражалъ Л. Н. свои мысли и чувства къ ней, тѣмъ менѣе проникали они въ ея душу и тѣмъ сильнѣе вызывали отпоръ. Такой же отпоръ вызвало и послѣднее письмо его, и отвѣтъ на него заставляетъ его уже перемѣнить тонъ, и любовь замѣняется дружбой.

Наконецъ, въ ихъ перепискѣ наступаетъ перерывъ около трехъ недѣль. Очевидно, что отношенія ихъ уже измѣнились и перешли въ дружескія. Л. Н. въ это время переѣхалъ въ Петербургъ изъ за своихъ литературныхъ дѣлъ. Они еще разъ обмѣнялись письмами, но дѣло уже не клеилось и она запретила ему писать ей.

Но онъ еще пишетъ ей, уже каясь въ своей винѣ передъ ней и передъ собой. Въ трогательныхъ выраженіяхъ онъ сумѣлъ совмѣстить полное смиреніе и человѣческое достоинство. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявляетъ ей, что онъ ѣдетъ

Digitized by Google

заграницу и даетъ свой парижскій адресъ, прося еще, въ послѣдній разъ написать туда.

12-го января Л. Н. ѣдетъ въ Москву, оттуда пишетъ своей теткѣ, касаясь своего романа.

„Chère tante! J'ai reçu mon passe-port pour l'étranger et je suis venu à Moscou pour y passer quelques jours avec Marie et puis aller à Ясная arranger mes affaires et prendre congé de vous.

Но теперь я раздумалъ, особенно по совѣту Машеньки, и рѣшился пробыть съ ней здѣсь недѣлю или двѣ и потомъ ѣхать прямо черезъ Варшаву въ Парижъ. Вы, вѣрно, понимаете, chère tante, почему мнѣ не хочется, даже не слѣдуетъ пріѣзжать теперь въ Ясную или скорѣе въ Судаково. Я, кажется, поступилъ очень дурно въ отношеніи В....., но ежели бы я теперь свидѣлся съ ней, я поступилъ бы еще хуже. Какъ я вамъ писалъ, я къ ней болѣе, чѣмъ равнодушенъ, и чувствую, что не могу болѣе обманывать ни себя, ни ее. А пріѣзжай я, можетъ быть, отъ слабости характера и опять сталъ бы надувать себя.

Vous rappellez-vous, chère tante, comme vous vous êtes moquée de moi, quand je vous ai dit que je partais pour P-g pour m'eprouver, et cependant c'est à cette idée que je suis redevable de n'avoir pas fait le malheur de la jeune personne et le mien, car ne croyez pas, que ce soit de l'inconstance ou de l'infidelité, personne ne m'a plu pendant ces deux mois, mais tout bonnement j'ai vu que je me trompais moi-même et que non seulement jamais je n'ai eu, mais jamais je n'aurai pour V. le moindre sentiment d'amour veritable. La seule chose qui me fait beaucoup de peine c'est que j'ai fait du tort—à la demoiselle et que je ne pourrai prendre congé de vous avant de partir. Je compte revenir en Russie au mois de Juillet, mais si vous le desirez, je viendrai à Iasnaia pour vous embrasser, car j'aurai le temps de recevoir votre réponse à Moscou *).

*) Дорогая Тетенька! Я получилъ мой заграничный паспортъ и пріі-

Digitized by Google

Послѣ этого Л. Н., дѣйствительно, уѣхалъ заграницу и изъ Парижа, въ отвѣтъ на полученное тамъ отъ своей бывшей невѣсты письмо, уже написалъ ей послѣднее дружеское письмо, въ которомъ говоритъ о своемъ чувствѣ какъ о чемъ то прошломъ, ошибочномъ, благодаритъ за дружбу и желаетъ всякаго счастья.

Тетушка Льва Н—ча, Татьяна Александровна, повидимому, не была довольна этимъ разрывомъ, давно желая своему племяннику тихаго семейнаго счастья подъ своимъ крылышкомъ. Она дѣлаетъ ему упреки въ непослѣдовательности, даже обвиняетъ его въ неблагородствѣ по отношенію къ той дѣвушкѣ, которую онъ такъ долго и напрасно мучилъ сомнѣніями и ожиданіями. На это Л. Н. отвѣчаетъ Т. А. слѣдующимъ интереснымъ письмомъ:

D'après votre lettre, chère tante, je vois que nous ne nous comprenons pas du tout au sujet de l'affaire de S. Quoique j'avoue que je suis fautif d'avoir été inconséquent et que la chose aurait pu se passer tout autrement, je crois avoir agi tout à fait honnêtement. Je n'ai pas cessé de dire que je ne connais pas le sentiment que j'ai pour la jeune personne, mais que cela n'est pas de l'amour et que je tiens à m'éprouver moi

---

ѣхалъ въ Москву, чтобы провести нѣсколько дней съ Машенькой, потомъ съѣздить въ Ясную, устроить свои дѣла и проститься съ Вами.

. . . . . .

Помните ли, дорогая тетенька, какъ Вы смѣялись надо мной, когда я Вамъ сказалъ, что я уѣзжаю въ Петербургъ, чтобы испытать себя, а между тѣмъ этому рѣшенію я обязанъ тѣмъ. что не сдѣлалъ несчастія молодой особы и себя; не подумайте, чтобы это было непостоянство или невѣрность; никто не понравился мнѣ втеченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, просто я увидѣлъ, что я самъ себя обманывалъ, что у меня не только не было, но и никогда не будетъ по отношенію къ В. малѣйшаго чувства настоящей любви. Единственно, что меня безпокоитъ, это то, что я причинилъ огорченіе дѣвушкѣ и что мнѣ не удается проститься съ вами передъ отъѣздомъ. Я надѣюсь вернуться въ Россію въ іюлѣ, но если вы пожелаете, я пріѣду въ Ясную, чтобы обнять Васъ; еще есть время получить вашъ отвѣтъ въ Москвѣ.

Digitized by Google

même. L'épreuve m'a montré que je me trompais et je l'ai écrit á V. aussi sincèrement que j'ai pu le faire.

Après cela mes relations ont été tellement pures que je suis sûr que le souvenir ne lui sera jamais désagréable si elle se mariait, et c'est pour celá que je lui ai écrit, que je voudrais qu'elle m'écrive. Je ne vois pas pourquoi un jeune homme doit absolument être amoureux d'une jeune personne et l'épouser et ne pas avoir des relations d'amitié, car pour de l'amitié et de l'intérêt, j'en conserverai toujours beaucoup pour elle. Si M-lle V. qui m'a écrit une lettre aussi ridicule, voulait se rappeler toute ma conduite vis-à-vis de V., comment je tâchais de venir le plus rarement possible, comment c'est elle qui m'engageait à venir plus souvent et à entrer dans des relations plus proches. Je comprends qu'elle soit fachée de ce qu'une chose, qu'elle a beaucoup désiré ne s'est pas faite (j'en suis faché peut-être plus qu'elle) mais ce n'est pas une raison pour dire à un homme qui s'est efforcé d'agir le mieux possible, qui a fait des sacrifices de peur de faire le malheur des autres, de lui dire, qu'il est un свинья, et de le faire accroire à tout le monde. Je suis sûr que Toula est convaincu qne je suis le plus grand des monstres *).

---

*) Судя по Вашему письму, дорогая тетенька, я вижу что мы не понимаемъ другъ друга по вопросу о С. Хотя я и признаю что я виновенъ въ непослѣдовательности, и что все могло произойти совсѣмъ иначе, я считаю, что я дѣйствовалъ вполнѣ честно. Я не переставалъ говорить что я не знаю каково то чувство, которое я испытываю къ молодой особѣ, но что это не любовь и что я самъ желаю испытать себя. Испытаніе показало мнѣ, что я ошибался и я написалъ это В., какъ только могъ искренно.

Послѣ этого мои отношенія были настолько чисты, что я увѣренъ, что воспоминаніе о нихъ никогда не будетъ ей непріятно, если она выйдетъ замужъ. Поэтому то я и написалъ ей, что я хотѣлъ бы, чтобъ она мнѣ писала. Я не вижу, почему молодой человѣкъ долженъ быть влюбленнымъ въ молодую особу и жениться на ней, а не имѣть съ ней дружественныхъ отношеній; чтс касается дружбы и интереса, я навсегда сохраню ихъ по отношенію къ ней.

Если бы M-lle V. написавшая мнѣ такое смѣшное письмо, припомнила

Digitized by Google

Судя по этому письму, можно судить о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ этотъ разрывъ на его невѣсту и на окружающихъ ея.

Черезъ нѣсколько времени, узнавъ изъ письма тетушки о томъ, что сестра его бывшей невѣсты выходитъ замужъ, онъ снова возращается къ своему прежнему чувству и пишетъ такъ:

Pour ce qui concerne V. je ne l'ai jamais aimé d'un amour véritable, mais je me suis laissé entraîner au méchant plaisir d'inspirer l'amour, ce qui me procurait une jouissance que je n'avais jamais éprouvée.

Mais le temps que j'ai passé loin d'elle m'a prouvé qne je ne sentais aucun désir de la revoir, non seulement de me marier avec elle. J'avais peur seulement à l'idée des devoirs que je serais obligé de remplir envers elle sans l'aimer, et c'est pour cela que je me suis décidé à partir plus tôt que je ne le pensais. J'ai très mal agi, j'en ai demandé pardon à Dieu et j'en demande à tous ceux auvquels j'ai fait du chagrin, mais réparer la chose est impossible et à présent rien au monde ne pourrait faire que la chose se renouvelle. Je désire beaucoup le bonhenr à O., je suis enchanté de son mariage mais je vous avoue, chère tante, due la chose au monde qui me ferait le plus de plaisir, ce serait d' apprendre que V. se marie à un homme qu'elle aime et qui la vaut, parce que quoique je n'ai au fond du coeur pas un petit brin d'amour pour elle, trouve toujours qu'elle est une très bonne et honnête demoiselle*).

бы мое поведеніе по отношенію къ В., какъ я старался приходить какъ можно рѣже и какъ она звала меня бывать чаще и входить въ болѣе близкія отношенія. Я понимаю, что она сердится, такъ какъ то, чего она такъ желала—не сдѣлалось (я быть можетъ жалѣю объ этомъ больше ея), но это еще не причина говорить человѣку, который старался поступать наилучшимъ образомъ, который пожертвовалъ многимъ изъ страха сдѣлать несчастіе другихъ, говорить ему, что онъ свинья, и стараться увѣрить въ этомъ всѣхъ. Я увѣренъ, что въ Тулѣ убѣждены, что я самое страшное чудовище.

*) Что касается В., я никогда не любилъ ее настоящей любовію; я увлек-

Digitized by Google

Такъ кончился этотъ короткій, трогательный и поучительный по своей искренности романъ, представляющій одну изъ интереснѣйшихъ главъ біографіи Льва Николаевича. Самъ Левъ Николаевичъ переживъ, и такъ сказать, отживъ эти треволненія, воспользовался этимъ эпизодомъ своей жизни и пережитыми чувствами и изобразилъ ихъ въ художественной формѣ въ своемъ романѣ: „Семейное счастье“. Сравнивая художественное произведеніе и самую жизнь, мы можемъ сказать такъ: то, что въ дѣйствительности только могло бы быть, но чего еще не было, въ романѣ стало уже реальнымъ фактомъ. Дѣйствительный романъ былъ началомъ или, лучше сказать, прологомъ романа написаннаго. Въ своемъ художественномъ воображеніи Левъ Николаевичъ проложилъ дѣйствительныя линіи до ихъ воображаемаго пересѣченія и получилась прелестная картина.

ся нехорошимъ желаніемъ внушить любовь. Это доставляло мнѣ никогда еще неиспытанное наслажденіе. Но время, которое я провелъ вдали отъ нея доказало мнѣ, что у меня даже не было желанія увидать ее, а не только жениться на ней. Мнѣ было страшно подумать объ обязанностяхъ, которыя долженъ буду выполнять по отношенію къ ней, не любя ея; и это заставило меня уѣхать раньше чѣмъ я думалъ. Я очень плохо поступилъ, я просилъ Бога простить меня и прошу этого у всѣхъ, кому причинилъ огорченіе; но поправить это дѣло невозможно, и теперь ничто въ мірѣ не можетъ возобновить этого.

Я желаю много счастья О., я въ восторгѣ отъ ея замужества, но я признаюсь вамъ, дорогая тетенька, что если что можетъ мнѣ доставить наибольшую радость, тамъ это узнать, что В. выходитъ замужъ за человѣка, котораго она любитъ и который ея стоитъ; потому что, хотя въ глубинѣ души у меня нѣтъ ни малѣйшей любви къ ней, я всетаки нахожу, что она добрая и достойная дѣвушка.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЧАСТЬ IV.

Литературная и общественная дѣятельность.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА XI.

Первое заграничное путешествіе. Московская жизнь.

Л. Н. выѣхалъ изъ Москвы 29-го января въ „Мальпостѣ“, т.-е. на почтовыхъ, до Варшавы, а изъ Варшавы уже по желѣзной дорогѣ въ Парижъ, куда прибылъ 21-го февраля новаго стиля.

Тамъ его ждалъ Тургеневъ, еще 23-го января писавшій Дружинину:

„Толстой мнѣ пишетъ, что онъ собирается сюда ѣхать, и отсюда весной въ Италію; скажите ему, чтобы онъ спѣшилъ, если хочетъ застать меня. Впрочемъ, я ему самъ напишу. По письмамъ я вижу, что съ нимъ совершаются самыя благодатныя перемѣны, и я радуюсь тому „какъ нянька старая“. Я прочелъ его „Утро помѣщика“, которое чрезвычайно понравилось мнѣ своей искренностью и почти полной свободой воззрѣнія; говорю почти, потому что въ томъ, какъ онъ себѣ задачу поставилъ, скрывается еще (можетъ быть безсознательно для него самого) нѣкоторое предубѣжденіе. Главное нравственное впечатлѣніе этого разсказа (не говорю о художественномъ) состоитъ въ томъ, что пока будетъ существовать крѣпостное состояніе, нѣтъ возможности сближенія и пониманія обѣихъ сторонъ, несмотря на самую безкорыстную и честную готовность сближенія, и это впечатлѣніе хорошо и вѣрно; но при немъ бѣжитъ другое побоч-

Digitized by Google

ное, пристяжное, а именно то, что вообще просвѣщать мужика, улучшать его бытъ—ни къ чему не ведетъ, и это впечатлѣніе непріятно. Но мастерство языка, разсказа, характеристики—великое *).

Уже послѣ свиданія съ Толстымъ, Тургеневъ пишетъ Полонскому:

„Толстой здѣсь. Въ немъ произошла перемѣна къ лучшему, весьма значительная.

Этотъ человѣкъ пойдетъ далеко и оставитъ за собой глубокій слѣдъ“.

Въ письмѣ къ Калбасину отъ 8-го марта изъ Парижа Тургеневъ говоритъ:

„Я здѣсь часто вижу Толстого, а отъ Некрасова получилъ на дняхъ очень милое письмо изъ Рима.

Съ Толстымъ я все таки не могу сблизиться окончательно: слишкомъ мы врозь глядимъ“ **).

А вотъ отзывъ того же времени Толстого о Тургеневѣ и Некрасовѣ, котораго Л. Н. засталъ еще въ Парижѣ, отзывъ, приводимый Боткинымъ въ письмѣ къ Дружинину отъ 8-го марта 1857 года:

.....Вотъ что пишетъ Толстой о свиданіи своемъ съ нимъ:

„...Оба они блуждаютъ въ какомъ то мракѣ, грустятъ, жалуются на жизнь, ничего не дѣлаютъ и тяготятся, какъ кажется, каждый своими респективными отношеніями“. Тургеневъ пишетъ, что Некрасовъ внезапно собрался и уѣхалъ опять въ Римъ. Письмо Толстого всего занимаетъ только одну страничку, но исполнено свѣжести и бодрости. Германія очень заинтересовала его, и онъ хочетъ потомъ поближе узнать ее. Черезъ мѣсяцъ ѣдетъ онъ въ Римъ“ ***).

Изъ всей этой переписки видно, что отношенія Толстого и Тургенева всегда колебались и, несмотря на все ихъ стараніе, они не могли тѣсно сблизиться.

---

*) Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева. Стр. 44 СПБ. 1885 г.

**) Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева. Стр. 50.

***) Изъ бумагъ Дружинина. XXV лѣтъ. Сборникъ. СПБ. 1884 г.

Digitized by Google

Въ мартѣ мѣсяцѣ Толстой съ Тургеневымъ совершили прогулку въ Дижонъ, пробывъ тамъ нѣсколько дней. Въ эти дни Левъ Николаевичъ написалъ разсказъ о музыкантѣ Альбертѣ. Затѣмъ они снова возвращаются въ Парижъ, гдѣ Левъ Николаевичъ, какъ разсказываетъ онъ въ своей „Исповѣди", былъ свидѣтелемъ смертной казни, которая оставила въ немъ неизгладимое впечатлѣніе. Въ его дневникѣ онъ кратко записываетъ это впечатлѣніе:

6-го апрѣля 1857 года: „Всталъ въ 7-омъ часу и поѣхалъ смотрѣть на экзекуцію. Толстая, бѣлая, здоровая шея и грудь, цѣловалъ Евангеліе и потомъ—смерть. Что за безсмыслица. Сильное и не даромъ прошедшее впечатлѣніе. Я не политическій человѣкъ. Мораль и искусство. Я знаю, люблю и могу... Гильотина долго не давала спать и заставляла оглядываться".

Вотъ что онъ пишетъ объ этомъ въ „Исповѣди":

„Въ бытность мою въ Парижѣ, видъ смертной казни обличилъ мнѣ шаткость моего суевѣрія прогресса. Когда я увидалъ, какъ голова отдѣлилась отъ тѣла, и то, и другое въ разъ застучало въ ящикѣ, я понялъ—не умомъ, а всѣмъ существомъ,—что никакія теоріи разумности существующаго прогресса не могутъ оправдать этого поступка, и что если бы всѣ люди въ мірѣ, по какимъ бы то ни было теоріямъ, съ сотворенія міра, находили, что это нужно,—я знаю, что это не нужно, что это дурно и что поэтому судья тому, что хорошо и что дурно не то, что говорятъ и дѣлаютъ люди, и не прогрессъ, а я со своимъ сердцемъ".

Поѣздку въ Римъ Толстой отложилъ до осени, а весной прямо изъ Парижа отправился въ Швейцарію, въ Женеву, откуда пишетъ между прочимъ своей теткѣ Т. А.

„J'ai passé un mois et demi à Paris, et si agréablement, que tous les jours je me suis dit, que j'ai bien fait de venir à l'étranger. Je suis très peu allé ni dans la société, ni dans le monde littéraire, ni dans le monde des cafés et des bals publics, mais malgré cela j'ai trouvé ici tant de choses nou-

Digitized by Google

velles et interessantes pour moi, que tous les jours, en me coùchant je me dis, quel dommage que la journée est passée si vite, je n'ai même pas eu le temps de travailler ce que je me proposais de faire.

Le pauvre Тургеневъ est très malade physiquement et encore plus moralement. Sa malheureuse liaison avec M-me V. et sa fille le retiennent ici dans un climat qui lui est pernicieux et il fait pitié de voir. Je n'aurai jamais cru, qu'il put aimer ainsi" *).

Изъ Женевы Л. Н. совершилъ прогулку въ Пьемонтъ съ пріѣхавшими туда Боткинымъ и Дружининымъ, и затѣмъ поселился на берегу Женевскаго озера, въ мѣстечкѣ Кларанъ, откуда пишетъ своей теткѣ Т. А. восторженное письмо:

18 мая 1857 г.

„Je viens de recevoir votre lettre, chère tante, qui ma trouvée, comme vous devez le savoir d'après ma dernière lettre, aux environs de Genève à Clarens dans ce même village, où a demeuré la Julia de Rousseau... Je n'essaierai pas de vous depeindre la beauté de ce pays, surtout à présent, quand tout est en feuilles et en fleurs, je vous dirai seulement, qu'á la lettre il est impossible de se détacher de ce lac et de ces rivages et que je passe la plus grande partie de mon temps à regarder et à admirer en me promenant ou bien en me mettant seulement à la fenêtre de ma chambre. Je ne cesse

*) Провелъ полтора мѣсяца въ Парижѣ и такъ пріятно, что каждый день я говорилъ себѣ, что я хорошо сдѣлалъ, что поѣхалъ заграницу. Я очень мало посѣщалъ общество и литературный міръ, а также кафэ и публичные балы, но не смотря на это, я здѣсь нашелъ столько интереснаго для меня, что каждый день, ложась спать я говорю себѣ: какая жалость, что день прошелъ такъ скоро, и я не успѣлъ сдѣлать всего того, что хотѣлъ.

Бѣдный Тургеневъ очень боленъ физически и еще болѣе морально. Его несчастная связь съ M-me V. и ея дочерью держатъ его здѣсь въ климатѣ, который вреденъ ему и на него жалко смотрѣть. Я никогда не думалъ, что бы онъ могъ такъ любить.

Digitized by Google

de me feliciter de l'idée que j'ai eu de quitter Paris et de venir passer le printemps ici, quoique cela m'ait mérité de votre part le reproche d'inconstance. Vraiment, je suis heureux и начинаю чувствовать выгоды въ рубашечкѣ родиться".

Il y a ici societé charmante de russes *): les Пущинъ, les Карамзинъ, les Мещерскіе, и всѣ, Богъ знаетъ, за что, меня полюбили, я это чувствую и мнѣ такъ было тутъ мило и хорошо, тепло этотъ мѣсяцъ, что я провелъ, что грустно думать объ отъѣздѣ.

Левъ Николаевичъ прожилъ около двухъ мѣсяцевъ въ Кларанѣ и рѣшилъ дальше продолжать путь пѣшкомъ. Онъ познакомился тамъ съ однимъ русскимъ семействомъ и пригласилъ мальчика Сашу, вѣроятно лѣтъ 10-ти, съ собой пѣшкомъ въ горы. Первоначальное ихъ намѣреніе было дойти пѣшкомъ до Фрибурга, переваливъ черезъ ущелье Jamon. Но, совершивъ перевалъ, они передумали и свернули въ Château d'Oex, откуда уже поѣхали въ Тунъ въ почтовомъ дилижансѣ.

Въ неизданныхъ рукописяхъ Льва Николаевича сохранились его путевыя замѣтки этого путешествія. Мы заимствуемъ оттуда нѣсколько картинъ швейцарской природы.

Сначала Левъ Николаевичъ ѣхалъ на пароходѣ изъ Кларана въ Монтрё.

15/27 мая. „Погода была ясная, голубой, яркосиній Ле-

---

*) Я только что получилъ ваше письмо, дорогая тетушка, которое застало меня, какъ вы должны знать изъ моего послѣдняго письма въ окрестностяхъ Женевы, въ Кларанѣ, въ томъ самомъ мѣстечкѣ, гдѣ жила Юлія Руссо.... Не буду пытаться описывать вамъ всю красоту этого края, особенно теперь, когда все въ зелени и цвѣтахъ. Я вамъ скажу только, что буквально невозможно оторваться отъ этого озера, отъ этихъ береговъ и что я провожу большую часть моего времени въ созерцаніи и восхищеніи, гуляя или просто стоя у окна моей комнаты. Я не перестаю радоваться пришедшей мнѣ мысли оставить Парижъ и пріѣхать сюда провести здѣсь весну, хотя этимъ я и заслужилъ отъ васъ упрекъ въ непостоянствѣ. Право, я счастливъ...

Здѣсь прелестное русское общество.

Digitized by Google

манъ, съ бѣлыми и черными точками парусовъ и лодокъ, почти съ трехъ сторонъ сіялъ передъ глазами; около Женевы, въ дали яркаго озера, дрожалъ и темнѣлъ жаркій воздухъ, на противоположномъ берегу круто поднимались зеленыя савойскія горы съ бѣлыми домиками у подошвы и съ разсѣлинами скалы, имѣющей видъ громадной бѣлой женщины въ старинномъ костюмѣ. Налѣво отчетливо и близко надъ рыжими виноградниками въ темнозеленой гущѣ фруктовыхъ садовъ виднѣлось Montreux съ своей прилѣпившейся на полускатѣ граціозной церковью; Вильневъ на самомъ берегу съ ярко блестящимъ на полуденномъ солнцѣ желѣзомъ домовъ, таинственное ущелье vadais съ нагроможденными другъ на друга горами, бѣлый, холодный Шильонъ надъ самой водой и воспѣтый островокъ, выдуманно, но всетаки прекрасно торчащій противъ Вильнева. Озеро чуть рябило, солнце прямо сверху ударяло на его голубую поверхность и распущенные по озеру паруса, казалось, не двигались".

„Удивительное дѣло, я два мѣсяца прожилъ въ Кларанѣ, но всякій разъ, когда я утромъ или особенно передъ вечеромъ послѣ обѣда отворялъ ставни окна, на которое уже зашла тѣнь, и взглядывалъ на озеро и далѣе синія горы, отражавшіяся въ немъ, красота ослѣпляла меня и мгновенно съ силой неожиданною дѣйствовала на меня. Тотчасъ же мнѣ хотѣлось любить, я даже чувствовалъ въ себѣ любовь къ себѣ и жалѣлъ о прошедшемъ, надѣялся на будущее и жить мнѣ становилось радостно, хотѣлось жить долго, долго и мысль о смерти получала дѣтскій, поэтическій ужасъ. Иногда даже, сидя одинъ въ тѣнистомъ садикѣ и глядя, все глядя на эти берега и это озеро, я чувствовалъ какъ будто физическое впечатлѣніе, какъ красота черезъ глаза вливалась мнѣ въ душу".

Но вотъ они идутъ въ горы.

„... Надъ нами заливались лѣсныя птицы, которыхъ не слышно надъ озеромъ, пахло сыростью, лѣсомъ и рубленой

Digitized by Google

елью. Было такъ хорошо идти, что намъ жалко было проходить скоро. Вдругъ насъ поразилъ необыкновенный, счастливый, бѣлый весенній запахъ. Саша побѣжалъ въ лѣсъ и сорвалъ вишневыхъ цвѣтовъ, но они почти не пахли. Съ обѣихъ сторонъ были видны зеленыя деревья и кусты безъ цвѣта. Сладкій, одуревающій запахъ все усиливался и усиливался. Пройдя сотню шаговъ съ правой стороны, кусты открылись и покатая, огромная бѣлозеленая долина съ нѣсколькими разбросанными на ней домиками открылась передъ глазами.

Саша побѣжалъ на лугъ рвать обѣими руками бѣлые нарцисы и принесъ мнѣ огромный, невыносимо пахучій букетъ, но, со свойственной дѣтямъ разрушительной жадностью, побѣжалъ еще топтать и рвать чудесные, молодые, сочные цвѣты, которые такъ нравились ему".

Въ Аванахъ ночевали. Послѣ восхожденія на вершину, Левъ Николаевичъ записываетъ слѣдующія мысли:

16/28 мая. „Правду мнѣ говорили, что чѣмъ выше идешь въ горы, тѣмъ легче идти, мы шли уже съ часъ и оба не чувствовали ни тяжести мѣшковъ, ни усталости. Хотя мы еще и не видѣли солнца, но оно черезъ насъ, задѣвая нѣсколько утесовъ и сосенъ на горизонтѣ, бросало свои лучи на возвышеніе напротивъ, потоки всѣ слышны были внизу, около насъ только сочилась снѣговая вода и на поворотѣ дороги мы снова стали видѣть озеро и Валэ на ужасной глубинѣ подъ нами. Низъ Савойскихъ горъ былъ совершенно синій, какъ озеро, только темнѣе его, верхъ, освѣщенный солнцемъ, совершенно бѣлорозовый. Снѣговыхъ горъ было больше, онѣ казались выше и разнообразнѣе. Паруса и лодки, какъ чуть замѣтные точки, были видны на озерѣ. Это было что-то красивое, даже необыкновенно красивое, но это не природа, а что-то такое хорошее. Я не люблю этихъ, такъ называемыхъ, величественныхъ и знаменитыхъ видовъ: они холодны какъ-то.

„... Я люблю природу, когда она со всѣхъ сторонъ

Digitized by Google

окружаетъ меня и потомъ развивается безконечно вдаль, но когда я нахожусь въ ней. Я люблю, когда со всѣхъ сторонъ окружаетъ меня жаркій воздухъ и этотъ же воздухъ клубясь уходитъ въ безконечную даль, когда тѣ самые сочные листья травы, которые я раздавилъ сидя на нихъ, дѣлаютъ зелень безконечныхъ луговъ, когда тѣ самыя листья, которые, шевелясь отъ вѣтра, двигаютъ тѣнь по моему лицу, составляютъ синеву далекаго лѣса, когда тотъ самый воздухъ, которымъ вы дышете, дѣлаетъ глубокую голубизну безконечнаго неба, когда вы не одни ликуете и радуетесь природой, когда около васъ жужжатъ и вьются мирріады насѣкомыхъ, сцѣпившись ползаютъ коровки, вездѣ кругомъ заливаются птицы.

А это голая, холодная, пустынная, сѣрая площадка и гдѣ-то тамъ красивое что-то подернуто дымкой дали. Но это что-то такъ далеко, что я не чувствую главнаго наслажденія природы, не чувствую себя частью этого всего беконечнаго и прекраснаго далека. Мнѣ дѣла нѣтъ до этой дали".

Продолжая путь дальше, къ іюлю Левъ Николаевичъ попадаетъ въ Люцернъ, откуда пишетъ своей теткѣ Татьянѣ Александровнѣ.

„Je crois vous avoir écrit, chère tante, que je suis parti de Clarens avec l'intention d'entreprendre un assez grand voyage par le Nord de la Suisse, le Rhin et de la Hollande en Angletterre. De là je compte de nouveau passer par la France et Paris et au mois d'Août passer quelque temps à Rome et Nâples. Si je supporte les trajets sur mer, ce que je verrai à mon passage de la Haye à Londres, je crois revenir par la Méditerranée, Constantinople et la mer Noire et Odessa. Mais tout cela ne sont que des plans, que je ne réaliserai peut être pas, á cause de mon humeur changeante, que vous me reprochez avec raison, chère tante. Je suis arrivé á Luzern— c'est une ville au nord de la Suisse, pas loin du Rhin et déja je retarde mon voyage pour pouvoir passer quelques jours

Digitized by Google

dans cette delicieuse petite ville. Je suis de nouveau tout seul et je vous vous avouerai, que très souvent la solitude m'est pénible, car les connaissances qu'on fait dans les hôtels et en chemin de fer ne sont pas des ressources, mais cet isolement a du moins le bon côte de me pousser au travail. Je travaille un peu, mais cela va mal, comme d'ordinaire en été *).

Въ это то пребываніе Льва Николаевича въ Люцернѣ съ нимъ произошелъ случай, разсказанный имъ въ „Запискахъ князя Нехлюдова". Разсказъ этотъ помѣченъ 57 годомъ и потому долженъ относиться къ этому путешествію.

Въ этомъ разсказѣ, какъ извѣстно, чудное описаніе швейцарской природы смѣняется выраженіемъ негодованія надъ извращеніемъ этой природной гармоніи въ угоду богатымъ туристамъ, по большей части англичанамъ.

Контрастъ между мертвеннымъ приличіемъ табльдота и дикой, но мягкой, живительной красотой озера поражаетъ автора. И чувство это усиливается, когда онъ слышитъ пѣсню уличнаго пѣвца съ гитарой. Эта пѣсня какимъ то волшебствомъ привлекла всеобщее вниманіе и настроила душу въ тонъ невыразимой гармоніи.

---

*) Кажется я писалъ вамъ, дорогая тетушка, что я уѣхалъ изъ Кларана съ намѣреніемъ предпринять довольно большое путешествіе черезъ Сѣверную Швейцарію, Рейнъ, Голландію и оттуда въ Англію. Оттуда я снова разсчитываю проѣхать черезъ Францію и Парижъ и въ августѣ провести нѣсколько времени въ Римѣ и Неаполѣ. Если я буду въ состояніи перенести морскія путешествія, что я увижу на моемъ переѣздѣ изъ Гаги въ Лондонъ, я думаю вернуться черезъ Средиземное море, Константинополь и Одессу. Но все это только планы, которыя я быть можетъ не осуществлю, по причинѣ моего измѣнчиваго настроенія, за которое вы меня справедливо упрекаете, дорогая тетушка. Я пріѣхалъ въ Люцернъ. Это городъ въ Сѣверной Швейцаріи, не далеко отъ Рейна и я уже задерживаюсь въ пути, чтобы провести нѣсколько дней въ этомъ очаровательномъ городкѣ. Я опять совсѣмъ одинъ и признаюсь вамъ, уединеніе часто бываетъ очень тяжело мнѣ, такъ какъ знакомства, которыя дѣлаешь въ отеляхъ и по желѣзной дорогѣ, не удовлетворяютъ. Но въ этомъ уединеніи есть и хорошая сторона, оно заставляетъ меня работать. Я немного работаю, но дѣло идетъ плохо, какъ обыкновенно лѣтомъ.

Digitized by Google

„Всѣ спутанныя, невольныя впечатлѣнія жизни вдругъ получили для меня значеніе и прелесть. Въ душѣ моей какъ будто распустился свѣжій, благоухающій цвѣтокъ. Вмѣсто усталости, разсѣянья, равнодушія ко всему на свѣтѣ, которыя я испытывалъ за минуту передъ этимъ, я вдругъ почувствовалъ потребность любви, полноту надежды и безпричинную радость жизни. Чего хотѣть, чего желать? сказалось мнѣ невольно, вотъ она, со всѣхъ сторонъ обступаетъ тебя красота и поэзія. Вдыхай ее въ себя широкими, полными глотками, насколько у тебя есть силы, наслаждайся, чего тебѣ еще надо! Все твое, все благо“...

И опять мертвые, приличные англичане черной рамкой оттѣняютъ этотъ чудный цвѣтокъ поэзіи.

Пѣвецъ кончилъ и протянулъ руку со шляпой подъ окнами богатаго отеля, на балконѣ котораго стояла толпа разряженныхъ слушателей, но ему никто ничего не далъ.

Толстой, пораженный каменнымъ безчувствіемъ этой толпы, бѣжитъ за музыкантомъ и приглашаетъ его въ ресторанъ выпить бутылку вина. Его вызывающее поведеніе производитъ скандалъ въ отелѣ, но этого-то ему и хочется, ему хочется уязвить самодовольныхъ богачей, хочется выразить свое негодованіе на ихъ безчувственность. Но скандалъ проходитъ почти незамѣтно, и въ авторѣ остается чувство горечи отъ несправедливости людей и неспособности ихъ понять высшее счастье, простое, человѣчное и вмѣстѣ съ тѣмъ гармоничное отношеніе къ природѣ, и онъ обращается къ людямъ съ обличительной рѣчью:

„Какъ вы, дѣти свободнаго, человѣчнаго народа, вы, христіане, вы, просто люди, на чистое наслажденіе, которое вамъ доставилъ несчастный просящій человѣкъ, отвѣтили холодностью и насмѣшкою? Но нѣтъ, въ вашемъ отечествѣ есть пріюты для нищихъ.—Нищихъ нѣтъ, ихъ не должно быть, и не должно быть чувства состраданія, на которомъ основано нищенство.—Но онъ трудился, онъ радовалъ васъ, онъ умолялъ васъ дать ему что-нибудь отъ вашего излишка

Digitized by Google

за свой трудъ, которымъ вы воспользовались. А вы съ холодной улыбкой наблюдали его, какъ рѣдкость, изъ своихъ высокихъ блестящихъ палатъ, и изъ сотни васъ, счастливыхъ, богатыхъ, не нашлось ни одного, ни одной, которая бы бросила ему что-нибудь! Пристыженный, онъ пошелъ прочь отъ васъ, и безсмысленная толпа, смѣясь, преслѣдовала, и оскорбляла не васъ, а его за то, что вы холодны, жестоки и безчестны; за то, что вы украли у него наслажденіе, которое онъ вамъ доставилъ, за это его оскорбляли.

Седьмого іюля 1857 года, въ Люцернѣ передъ отелемъ Швейцергофомъ, въ которомъ останавливаются самые богатые люди, странствующій нищій-пѣвецъ въ продолженіе получаса пѣлъ пѣсни и игралъ на гитарѣ. Около ста человѣкъ слушали его. Пѣвецъ три раза просилъ всѣхъ дать ему что-нибудь. Ни одинъ человѣкъ не далъ ему ничего и многіе смѣялись надъ нимъ.

Это не выдумка, а фактъ, положительный, который могутъ изслѣдовать тѣ, которые хотятъ, у постоянныхъ жителей Швейцергофа, справившись по газетамъ, кто были иностранцы, занимавшіе Швейцергофъ 7 іюля.

Вотъ событіе, которое историки нашего времени должны записать огненными неизгладимыми буквами".

И изъ души его вырывается крикъ удивленія передъ непостижимостью всего этого хаотическаго сцѣпленія фактовъ людскихъ отношеній съ ихъ мелкими чувствами передъ лицомъ гармоничнаго величія могучей природы. Въ патетической художественной формѣ изливаетъ авторъ настроеніе своей души и такъ заканчиваетъ разсказъ:

„Несчастное, жалкое созданіе человѣкъ со своею потребностью положительныхъ рѣшеній, брошенный въ этотъ вѣчно движущійся, безконечный океанъ добра и зла, фактовъ, соображеній, противорѣчій! Вѣками бьются и тру-

Digitized by Google

дятся люди, чтобъ отодвинуть къ одной сторонѣ благо, къ другой неблаго. Проходятъ вѣка, и гдѣ бы, что бы ни прикинулъ безпристрастный умъ на вѣсы добраго и злого, вѣсы не колеблются и на каждой сторонѣ столько же блага, сколько и неблага. Ежели бы только человѣкъ выучился не судить и не мыслить рѣзко и положительно и не давать отвѣты на вопросы, данные ему только для того, чтобы они вѣчно оставались вопросами! Ежели бы только онъ понялъ, что всякая мысль и ложна и справедлива! Ложна односторонностью, по невозможности человѣка обнять всей истины, и справедлива по выраженію одной стороны человѣческихъ стремленій. Сдѣлали себѣ подраздѣленія въ этомъ вѣчно движущемся, безконечномъ, безконечно-перемѣшанномъ хаосѣ добра и зла, провели воображаемыя черты по этому морю, и ждутъ, что море такъ и раздѣлится. Точно нѣтъ милліоновъ другихъ подраздѣленій совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, въ другой плоскости. Правда, вырабатываются эти новыя подраздѣленія вѣками, но и вѣковъ прошли и пройдутъ милліоны. Цивилизація—благо; варварство—зло; свобода—благо; неволя—зло. Вотъ это то воображаемое знаніе уничтожаетъ инстинктивныя, блаженнѣйшія первобытныя потребности добра въ человѣческой натурѣ. И кто опредѣлитъ мнѣ, что свобода, что деспотизмъ, что цивилизація, что варварство? И гдѣ границы одного и другого? У кого въ душѣ такъ непоколебимо это мѣрило добра и зла, чтобъ онъ могъ мѣрить имъ бѣгущіе запутанные факты? У кого такъ великъ умъ, чтобы хоть въ неподвижномъ прошедшемъ обнять всѣ факты и взвѣсить ихъ? И кто видѣлъ такое состояніе, въ которомъ бы не было добра и зла вмѣстѣ? И почему я знаю, что вижу больше одного, чѣмъ другого, не оттого, что стою не на настоящемъ мѣстѣ? И кто въ состояніи такъ совершенно оторваться умомъ хоть на мгновеніе отъ жизни, чтобы независимо сверху—взглянуть на нее? Одинъ, только одинъ есть у насъ непогрѣшимый руководитель, Всемірный Духъ, проникающій насъ всѣхъ вмѣ-

Digitized by Google

стѣ и каждаго, какъ единицу, влагающій въ каждаго стремленіе къ тому, что должно; тотъ самый Духъ, который въ деревѣ велитъ ему расти къ солнцу, въ цвѣткѣ велитъ ему бросить сѣмя къ осени, и въ насъ велитъ намъ безсознательно жаться другъ къ другу.

И этотъ то одинъ непогрѣшимый блаженный голосъ заглушаетъ шумное торопливое развитіе цивилизаціи. Кто больше человѣкъ и кто больше варваръ: тотъ ли лордъ, который, увидавъ затасканное платье пѣвца, съ злобой убѣжалъ изъ-за стола, за его труды не далъ ему милліонной доли своего состоянія, и теперь, сытый, сидя въ свѣтлой покойной комнатѣ, спокойно судитъ о дѣлахъ Китая, находя справедливыми совершаемыя тамъ убійства,—или маленькій пѣвецъ, который, рискуя тюрьмой, съ франкомъ въ карманѣ, двадцать лѣтъ, никому не дѣлая вреда, ходитъ по горамъ и доламъ, утѣшая людей своимъ пѣніемъ, котораго оскорбили, чуть не вытолкали нынче, и который, усталый, голодный, пристыженный, пошелъ спать куда-нибудь на гніющей соломѣ?“

Въ это время изъ города, въ мертвой тишинѣ ночи, Левъ Николаевичъ далеко-далеко услыхалъ гитару маленькаго человѣчка и его голосъ.

„Нѣтъ, казалось мнѣ невольно, продолжаетъ онъ свои мысли, ты не имѣешь права жалѣть о немъ и негодовать на благосостояніе лорда. Кто свѣсилъ внутреннее счастіе, которое лежитъ въ душѣ каждаго изъ этихъ людей? Вонъ онъ сидитъ теперь гдѣ-нибудь на грязномъ порогѣ, смотритъ на блестящее лунное небо и радостно поетъ среди тихой, благоуханной ночи; въ душѣ его нѣтъ ни упрека, ни злобы, ни раскаянія. А кто знаетъ, что дѣлается теперь въ душѣ всѣхъ этихъ людей, за этими богатыми высокими стѣнами? Кто знаетъ, есть ли въ нихъ всѣхъ столько беззаботной, кроткой радости жизни и согласія съ міромъ, сколько ея живетъ въ душѣ этого маленькаго человѣка? Безконечна благость и премудрость Того, Кто позволилъ и велѣлъ су-

Digitized by Google

ществовать всѣмъ этимъ противорѣчіямъ. Только тебѣ, ничтожному червяку, дерзко, беззаконно пытающемуся проникнуть Его законы, Его намѣренія, только тебѣ кажутся противорѣчія. Онъ кротко смотритъ со своей свѣтлой, неизмѣримой высоты и радуется на безконечную гармонію, въ которой вы всѣ противорѣчиво, безконечно движетесь. Въ своей гордости ты думалъ вырваться изъ законовъ общаго. Нѣтъ, и ты съ своимъ маленькимъ, пошленькимъ негодованьицемъ на лакеевъ, и ты тоже отвѣтилъ на гармоническую потребность вѣчнаго и безконечнаго" *)...

Изъ Люцерна Левъ Николаевичъ продолжалъ путь по Рейну, въ Шафгаузенъ, Баденъ, Штутгартъ, Франкфуртъ и Берлинъ.

8-го августа онъ былъ уже въ Штеттинѣ и оттуда на пароходѣ прибылъ 11 августа (30 іюля) въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ онъ пробылъ недѣлю, посѣщалъ кружокъ „Современника", бывалъ у Некрасова и между прочимъ прочелъ ему свой разсказъ „Люцернъ", который былъ напечатанъ въ сентябрской книжкѣ „Современника" въ томъ же 1857 году. 6-го августа онъ выѣхалъ въ Москву и почти не останавливаясь проѣхалъ въ Тулу.

По пріѣздѣ въ Ясную Поляну онъ снова окунулся въ хозяйство.

Въ дневникѣ того времени мы, между прочимъ, находимъ такую запись:

„Вотъ какъ дорогой я ограничилъ свое назначеніе: главное, литературные труды, потомъ семейныя обязанности, потомъ хозяйство; но хозяйство я долженъ оставить на рукахъ старосты, сколько возможно; смягчать его, улучшать и пользоваться только двумя тысячами, остальное употреблять на крестьянъ. Главное—мой камень преткновенія есть тщеславіе либерализма. А такъ жить для себя—по доброму дѣлу въ день и довольно".

*) Полн. Собр. соч. Л. Н. Т., т. II. Люцернъ

Digitized by Google

Немного позже писалъ онъ:

„Самоотверженіе не въ томъ, что берите съ меня, что хотите, а трудись, и думай, и хитри, чтобы отдать себя“.

Августъ мѣсяцъ онъ посвящаетъ чтенію, читалъ двѣ замѣчательныя книги Иліаду и Евангеліе. И та и другая произвели на него сильное впечатлѣніе: „дочелъ невообразимо прелестный конецъ Иліады“, такъ выражается онъ и красота этихъ обѣихъ книгъ заставляетъ его жалѣть, что между ними нѣтъ связи. „Какъ могъ Гомеръ не знать, что добро—любовь“ восклицаетъ онъ, мысленно сравнивая эти двѣ книги. И самъ отвѣчаетъ: „Откровеніе—нѣтъ лучшаго объясненія“.

Въ половинѣ октября Толстой переселяется съ своимъ старшимъ братомъ Николаемъ и сестрой Маріей въ Москву. Его дневникъ доказываетъ намъ, что онъ уже 17-го числа былъ въ Москвѣ. 22-го онъ на нѣсколько дней уѣзжаетъ въ Петербургъ.

Разсказъ Льва Николаевича „Люцернъ“ (изъ записокъ князя Нехлюдова), напечатанный, какъ выше было сказано, въ сентябрской книжкѣ „Современника“ былъ не понятъ критикой и потому прошелъ почти незамѣченнымъ.

Молчаніе критиковъ служитъ прямымъ и рѣзкимъ обличеніемъ ихъ односторонности, узости и близорукости. Вообще съ 1857 по 1861, по замѣчанію Зелинскаго, издавшаго сборникъ критическихъ статей о Толстомъ, несмотря на все его стараніе, онъ за эти года не нашелъ отдѣльныхъ критическихъ статей и рецензій о произведеніяхъ Льва Николаевича Толстого, несмотря на то, что за это время имъ напечатаны такія замѣчательныя произведенія, какъ „Юность“, „Люцернъ“, „Альбертъ“, „Три смерти“, „Семейное счастье“.

Отъ Льва Николаевича не ускользнуло это равнодушіе критиковъ и онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ послѣ поѣздки въ Петербургъ въ октябрѣ 1857 года:

„Петербургъ сначала огорчилъ, потомъ оправилъ меня. Репутація моя пала или чуть скрипитъ, и я внутренно сильно огорчился; но теперь я спокоенъ, я знаю, что у меня есть

Digitized by Google

что сказать и силы сказать сильно; а потомъ что хочешь говори, публика. Но надо работать добросовѣстно, положить всѣ свои силы, тогда... Пусть плюютъ на алтарь“.

30-го октября Левъ Николаевичъ возвращается въ Москву. Въ свое пребываніе въ Москвѣ Левъ Николаевичъ часто посѣщалъ Фета, который такъ разсказываетъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Однажды вечеромъ, во время чая, явился къ намъ неожиданно Л. Н. Толстой и сообщилъ, что они, Толстые, т.-е. онъ, старшій его братъ Николай Николаевичъ и сестра, графиня Марія Николаевна поселились всѣ вмѣстѣ въ меблированныхъ комнатахъ Варгина на Пятницкой. Мы всѣ скоро сблизились“ *).

Московская жизнь Льва Николаевича въ эти годы (конецъ 50-хъ) ничѣмъ особеннымъ не выдѣлялась. Физическая природа его была въ то время въ полной силѣ и блескѣ и влекла его къ честолюбивымъ играмъ, забавамъ и вообще различнымъ свѣтскимъ удовольствіямъ.

Фетъ разсказываетъ, что у нихъ „иногда по вечерамъ составлялись дуэты, на которые пріѣзжала піанистка и любительница музыки графиня М. Н. Толстая, иногда въ сопровожденіи братьевъ—Николая и Льва или же одного Николая, который говорилъ:

— А Левочка опять надѣлъ фракъ и бѣлый галстукъ и отправился на балъ“ **).

О подобномъ препровожденіи времени свидѣтельствуетъ слѣдующій отрывокъ изъ воспоминаній Фета:

„И. П. Борисовъ, бывшій самъ человѣкомъ недюжиннымъ и видавшій Льва Толстого еще на Кавказѣ, не могъ, конечно, съ первой встрѣчи съ нимъ въ нашемъ домѣ не подпасть подъ вліяніе этого богатыря. Но въ то время увле-

*) Мои воспоминанія 1848—1889. А. Фета. Ч. I. стр. 214.

**) Тамъ же, стр. 216.

Digitized by Google

ченіе Льва Толстого щегольствомъ бросалось въ глаза, и, видя его въ новой бекешѣ съ сѣдымъ бобровымъ воротникомъ, съ вьющимися темнорусыми волосами подъ блестящей шляпой, надѣтою на бекрень и съ модною тростью въ рукѣ, выходящаго на прогулку, Борисовъ говорилъ про него словами пѣсни: „Онъ и тросточкой подпирается, онъ калиновой похваляется“.

Въ то время у свѣтской молодежи входили въ моду гимнастическія упражненія, между которыми первое мѣсто занимало прыганіе черезъ деревяннаго коня. Бывало, если нужно захватить Льва Николаевича во второмъ часу дня, надо отправляться въ гимнастическій залъ на Большой Дмитровкѣ. Надо было видѣть, съ какимъ одушевленіемъ онъ, одѣвшись въ трико, старался перепрыгнуть черезъ коня не задѣвши кожаннаго, набитаго шерстью конуса, поставленнаго на спинѣ этого коня. Не удивительно, что подвижная, энергичная натура 29-ти лѣтняго Льва Толстого требовала такого усиленнаго движенія, но довольно странно было видѣть рядомъ съ юношами старцевъ съ обнаженными черепами и выдающимися животами. Одинъ молодой, но женатый человѣкъ, дождавшись очереди, въ своемъ розовомъ трико, каждый разъ съ разбѣгу упирался грудью въ крупъ коня и спокойно отходилъ въ сторону, уступая мѣсто слѣдующему“ *).

Въ началѣ января 1858 года Москву посѣтила графиня Александра Андреевна Толстая, другъ молодости Льва Николаевича. Левъ Николаевичъ проводилъ ее до Клина по Николаевской желѣзной дорогѣ и оттуда поѣхалъ къ княгинѣ Волконской, о которой мы уже упоминали въ главѣ о предкахъ Льва Николаевича со стороны его матери. Эта княгиня Волконская была двоюродная сестра матери Льва Николаевича, жила по долгу съ ней въ Ясной Полянѣ и могла много интереснаго разсказать Льву Николаевичу про его мать и ея отца.

*) Тамъ же.

Digitized by Google

Левъ Николаевичъ сохранилъ самое пріятное воспоминаніе объ этомъ посѣщеніи и живя у ней написалъ разсказъ „Три смерти“.

Какъ видно, мысль о смерти начинала серьезно волновать его и, какъ всегда, возможное рѣшеніе его—въ гармоніи разума съ природой. Отступленіе отъ этого—невыразимое страданіе, слѣдованіе этому—вѣчное благо и „жало“ смерти исчезаетъ.

Въ февралѣ онъ возвращается въ Ясную Поляну. Потомъ опять ѣдетъ въ Москву и въ мартѣ на двѣ недѣли въ Петербургъ. Въ апрѣлѣ онъ снова въ Ясной Полянѣ, гдѣ уже проводитъ все лѣто. За это время Левъ Николаевичъ много времени отдаетъ также музыкѣ и даже основываетъ музыкальное общество въ Москвѣ съ содѣйствіемъ Боткина, Перфильева, Мортье и др. Г-жа Кареевская даетъ свою залу для концертовъ устраиваемыхъ этимъ обществомъ. Изъ этого общества впослѣдствіи образовалась Московская консерваторія. Въ этомъ же году онъ въ Москвѣ близко сошелся съ семьей старика С. Т. Аксакова.

Весна дѣйствовала на Льва Николаевича возбуждающимъ образомъ. И этотъ приливъ энергіи, который онъ ощущалъ, хорошо выраженъ имъ въ письмѣ къ теткѣ, гр. А. А. Толстой, написанномъ именно въ этомъ 1858 году:

„Бабушка! *) Весна!..

Отлично жить на свѣтѣ хорошимъ людямъ; даже и такимъ, какъ я, хорошо бываетъ. Въ природѣ, въ воздухѣ, во всемъ—надежда, будущность и прелестная будущность... Иногда ошибаешься и думаешь, что не одну природу ждетъ будущность и счастье, а и тебя тоже, и хорошо бываетъ. Я теперь въ такомъ состояніи, и съ свойственнымъ мнѣ эгоизмомъ тороплюсь писать вамъ о предметахъ только для

*) Свою тетку, гр. А. А. Толстую, недавно умершую, Левъ Николаевичъ шутя называлъ „бабушкой“.

Digitized by Google

меня интересныхъ. Я очень хорошо знаю, когда обсужу здраво, что я старая, померзлая и еще подъ соусомъ свареная картофелина; но весна такъ дѣйствуетъ на меня, что я иногда застаю себя въ полномъ разгарѣ мечтаній о томъ, что я—растеніе, которое распустилось вотъ только теперь, вмѣстѣ съ другими, и станетъ спокойно, просто и радостно расти на свѣтѣ божіемъ. По этому случаю, къ этому времени идетъ такая внутренняя переборка, очищеніе и порядокъ, какой никто, не испытавшій этого чувства, не можетъ себѣ представить. Все старое — прочь! всѣ условія свѣта, всю лѣнь, весь эгоизмъ, всѣ пороки, всѣ запутанныя, неясныя привязанности, всѣ сожалѣнія, даже раскаянія— все прочь!... Дайте мѣсто необыкновенному цвѣтку, который надуваетъ почки и выростаетъ вмѣстѣ съ весной!...“ И. т. д... Это письмо довольно длинное и столь же интересное. Оно интересно еще и по своему концу, въ которомъ Левъ Николаевичъ выражаетъ слѣдующую просьбу: „Прощайте, милая бабушка, не сердитесь на меня за этотъ вздоръ и отвѣтьте умное и пропитанное добротой—и христіанскою добротой!—словечко. Я давно хотѣлъ написать вамъ, что вамъ удобнѣе писать по-французски, а мнѣ женская мысль понятнѣе по-французски“ *).

Этою же весной, при проѣздѣ изъ Москвы въ свое имѣніе, навѣстили Льва Николаевича въ Ясной Полянѣ Фетъ съ женой.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Фетъ такъ разсказываетъ объ этой поѣздкѣ, давая вмѣстѣ съ тѣмъ интересную характеристику тетушки и воспитательницы Льва Николаевича Татьяны Александровны Ергольской.

„Купивши теплую и укладистую рогожную кибитку, мы съ одною горничною (опоэтизированной Толстымъ Марьюш-

---

*) Ив. Захарьинъ (Якунинъ). Воспоминанія о гр. А. А. Толстой. Вѣстникъ Европы. Іюнь 1904.

Digitized by Google

кой *) отправились на почтовыхъ въ Мценскъ. О желѣзной дорогѣ тогда не было еще и помину, а про поставленные вдоль шоссе телеграфные столбы говорили въ народѣ, что тянутъ эту проволоку, а потомъ по ней и пустятъ изъ Питера волю. Къ этому времени мы уже настолько сошлись со Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, что я счелъ бы для себя большимъ лишеніемъ не заѣхать къ нему передохнуть на денекъ въ Ясную Поляну. Тамъ мы съ женой представились прелестной старушкѣ теткѣ Толстого Татьянѣ Александровнѣ Ергольской, принявшей насъ съ тою старинною привѣтливостью, которая сразу облегчаетъ вступленіе въ чужой домъ. Татьяна Александровна не предавалась воспоминаніямъ о временахъ давно прошедшихъ, а жила всей полнотой окружающаго ее настоящаго.

Она говорила о томъ, что „на-дняхъ проѣхалъ къ себѣ въ Пирогово Сереженька Толстой, а Николенька, пожалуй, еще пробудетъ въ Москвѣ съ Машенькой, но пріятель Левочки Д—ъ былъ на-дняхъ и жаловался на нервныя боли жены своей“. Въ затруднительныхъ вопросахъ Татьяна Александровна обращалась къ Левочкѣ и окончательно успокаивалась его рѣшеніемъ. Такъ, проѣзжая съ нимъ осенью въ Тулу, она, взглянувъ въ окно кареты, вдругъ спросила:

Mon cher Léon, какъ это пишутъ письмо по телеграфу?

„Пришлось, разсказывалъ Толстой, съ возможною простотою объяснять дѣйствіе телеграфнаго снаряда, одинаковаго на обоихъ сторонахъ проволоки,—и подъ конецъ услыхать“: oui, oui je comprends, mon cher!“.

Не спуская вслѣдъ затѣмъ болѣе получаса глазъ съ проволоки, тетушка наконецъ спросила“: mon cher Léon, какъ же это такъ? За цѣлые полчаса я не видала ни одного письма, пробѣжавшаго по телеграфу?“

— Сидимъ мы иногда, разсказывалъ Левъ Николаевичъ,

*) См. „Семейное счастье“.

Digitized by Google

съ тетушкой цѣлый мѣсяцъ, не видя никого, и вдругъ, разливая супъ, тетушка скажетъ": mais savez vous, cher Léon, on dit... *)

Приведемъ здѣсь же вторую часть воспоминаній Льва Николаевича объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, Татьянѣ Александровнѣ, имѣвшей на него такое огромное вліяніе:

„Помню осенніе и зимніе длинные вечера, и эти вечера остались для меня чудеснымъ воспоминаніемъ. Этимъ вечерамъ я обязанъ лучшими своими мыслями, лучшими движеніями души. Сидишь на креслѣ, читаешь, думаешь, изрѣдка слушаешь ея разговоры съ Натальей Петровной или съ Дунечкой горничной, всегда доброй, ласковой, перекинешься съ ней словомъ и опять сидишь читаешь, думаешь. Это чудное кресло и теперь стоитъ у меня, но оно уже не то, и другой диванъ, на которомъ спала добрая старушка Наталья Петровна, жившая съ ней, не для нея, а потому, что ей негдѣ было жить. Между окнами подъ зеркаломъ былъ ея письменный столикъ съ баночками и вазочкой, въ которыхъ были сладости: пряники, финики, которыми она угощала меня. У окна два кресла, и направо отъ двери вышитое, покойное кресло, на которомъ она любила, чтобы я сидѣлъ по вечерамъ.

„Главная прелесть этой жизни была въ отсутствіи всякой матеріальной заботы, въ добрыхъ отношеніяхъ ко всѣмъ, въ твердыхъ, несомнѣнно добрыхъ отношеніяхъ къ ближайшимъ лицамъ, которыя никѣмъ не могли быть нарушены и въ неторопливости, въ несознаваніи убѣгающаго времени.

„Тогда можно было сказать: Wer darauf sitzt, der ist glucklich und der Gluckliche bin ich **).

„И дѣйствительно, я былъ истинно счастливъ, когда сидѣлъ на этомъ креслѣ. Послѣ дурной жизни въ Тулѣ у со-

---

*) Мои воспоминанія. А. Фета стр. 233.

**) Кто на немъ сидитъ, тотъ счастливъ и этотъ счастливецъ—я.

Digitized by Google

сѣдей съ картами, цыганами, охотой, тупымъ тщеславіемъ, вернешься домой, придешь къ ней, по старой привычкѣ поцѣлуешься съ ней рука въ руку, я ея милую энергическую, она мою грязную, порочную руку, поздоровавшись тоже по старой привычкѣ по-французски, пошутишь съ Натальей Петровной и сядешь на покойное кресло. Она знаетъ все, что я дѣлалъ, жалѣетъ объ этомъ, но никогда не упрекнетъ, всегда съ той же лаской, любовью. Сижу на креслѣ, читаю, думаю, прислушиваюсь къ разговору ея съ Натальей Петровной. То вспоминаютъ старину, то раскладываютъ пасьянсъ, то замѣчаютъ предзнаменованія, то шутятъ о чемъ нибудь и обѣ старушки смѣются, особенно тетенька дѣтскимъ, милымъ смѣхомъ, который я сейчасъ слышу. Разсказываю я про то, что жена знакомаго измѣнила мужу и говорю, что мужъ должно быть радъ, что освободился отъ нея. И вдругъ, тетенька, сейчасъ только говорившая съ Натальей Петровной о томъ, что наростъ на свѣчкѣ означаетъ гостя, поднимаетъ брови и говоритъ, какъ дѣло давно рѣшенное въ ея душѣ, что мужъ не долженъ этого дѣлать, потому что погубитъ совсѣмъ жену. Потомъ она разсказываетъ мнѣ про драму на дворнѣ, про которую разсказывала ей Дунечка. Потомъ перечитываетъ письмо отъ сестры Машеньки, которую она любитъ, если не больше, то также, какъ меня и говоритъ про ея мужа, своего родного племянника, не осуждая, но грустя о томъ горѣ, которое онъ сдѣлалъ Машенькѣ. Потомъ я опять читаю, она перебираетъ свои вещицы — все воспоминанія Главное свойство ея жизни, которое невольно заражало меня, была ея удивительная, всеобщая доброта ко всѣмъ безъ исключенія. Я стараюсь вспомнить и не могу ни одного случая, когда бы она разсердилась, сказала рѣзкое слово, осудила бы и не могу вспомнить ни одного случая за 30 лѣтъ жизни. Она говорила добро про другую тетушку родную, которая жестоко огорчила ее, отнявъ насъ у нея, не осуждала и мужа сестры, очень дурно поступившаго

Digitized by Google

съ ней. Про прислугу и говорить нечего. Она выросла въ понятіяхъ, что есть господа и люди, но пользовалась своимъ господствомъ только для того, чтобы служить людямъ. Никогда она не выговаривала мнѣ прямо за мою дурную жизнь, хотя страдала за меня. Брата, Сергѣя, котораго она тоже горячо любила, она также не упрекала и тогда, когда онъ сошелся съ цыганкой. Единственный оттѣнокъ безпокойства за насъ было то, что когда онъ долго не пріѣзжалъ, она говаривала: что-то нашъ Сергейусъ. Только вмѣсто Сережи Сергейусъ. Никогда она не учила тому, какъ надо жить, словами, никогда не читала нравоученій. Вся нравственная работа была переработка въ ней внутри, а наружу выходили только ея дѣла—и не дѣла—дѣлъ не было, а вся ея жизнь спокойная, кроткая, покорная и любящая не тревожной, любующейся на себя, а тихой, незамѣтной любовью.

„Она дѣлала внутреннее дѣло любви и потому ей не нужно было никуда торопиться. И эти два свойства любовность и неторопливость незамѣтно влекли въ общество къ ней и давали особенную прелесть въ этой близости.

„Отъ этого, какъ я не знаю случая, чтобы она обидѣла кого, я не знаю никого, кто бы не любилъ ее. Никогда она не говорила про себя, никогда о религіи, о томъ, какъ надо вѣрить, о томъ, какъ она вѣритъ и молится. Она вѣрила во все, но отвергала только одинъ догматъ—вѣчныхъ мученій. Dieu, qui est la bonté même, ne peut pas vouloir nos souffrances.*).

„И кромѣ какъ на молебнахъ и панихидахъ я никогда не видалъ, какъ она молится. Я только по особенной привѣтливости, съ которой она иногда встрѣчала меня, когда я иногда поздно вечеромъ послѣ прощанія на ночь заходилъ къ ней, догадывался, что я прервалъ ея молитву.—Заходи, заходи, скажетъ она, бывало. А я только что говорю Нат. Пет., что Nicolas зайдетъ еще къ намъ. Она часто называла меня именемъ отца и это мнѣ было особенно пріятно потому,

*) Богъ, который сама доброта, не можетъ хотѣть нашихъ страданій.

Digitized by Google

что показывало, что представленіе о мнѣ и отцѣ соединяется въ ея любви къ обоимъ. По этимъ позднимъ вечерамъ она бывала уже раздѣта, въ ночной рубашкѣ, съ накинутымъ платкомъ, съ цыплячьими ножками въ туфляхъ и въ такомъ же неглиже Нат. Пет.—Садись, садись, говорила она, видя, что мнѣ не хочется спать или тяжело одиночество. И эти незаконныя, позднія сидѣнія мнѣ особенно милы по памяти. Бывало, скажетъ-что-нибудь смѣшное Нат. Пет. или я и она добродушно смѣется, и тотчасъ же разсмѣется Нат. Пет., и обѣ старушки долго смѣются сами не знаютъ чему, а какъ дѣти только тому, что онѣ всѣхъ любятъ и имъ хорошо.

„Не одна любовь ко мнѣ была радостна. Радостна была эта атмосфера любви ко всѣмъ присутствующимъ, отсутствующимъ, живымъ и умершимъ людямъ и даже животнымъ.

„Я еще буду, если придется раскопать мою жизнь, много говорить про нее. Теперь скажу только про отношеніе народа, яснополянскихъ крестьянъ къ ней, выразившееся во время ея похоронъ: когда мы несли ее по деревнѣ, не было ни одного двора изъ 60, изъ котораго не выходили бы люди и не требовали бы остановки и панихиды. „Добрая была барыня, никому зла не сдѣлала“, говорили всѣ. И ее любили и сильно любили за это. Лаодзе говоритъ, что вещи цѣнны тѣмъ, чего въ нихъ нѣтъ. Также и жизнь, главная цѣна ея въ томъ, чтобы не было въ ней дурного. И въ жизни тетушки Татьяны Александровны не было дурного. Это легко сказать, но трудно сдѣлать. И я зналъ только одного такого человѣка.

„Умирала она тихо, постепенно засыпая и умерла, какъ хотѣла, не въ той комнатѣ, гдѣ жила, чтобы не испортить ее для насъ.

„Умирала она, почти никого не узнавая. Меня она узнавала всегда, улыбалась, просіявала, какъ электрическая лампочка, когда нажмешь кнопку и иногда шевелила губами, и стараясь произнесть Nicolas, передъ смертью совсѣмъ уже нераздѣльно соединивъ меня съ тѣмъ, кого она любила всю жизнь

Digitized by Google

„И ей то, ей то я отказывалъ въ той маленькой радости которую ей доставляли финики, шоколадъ и не столько для себя, а чтобы угощать меня же и возможность дать ей немного денегъ тѣмъ, кто просилъ ее. Этого не могу вспомнить безъ мучительнаго укора совѣсти. Милая, милая тетенька, простите меня. Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait не въ смыслѣ того блага, котораго для себя не взялъ въ молодости, а въ смыслѣ того блага, котораго не далъ, и зла, которое сдѣлалъ тѣмъ, которыхъ уже нѣтъ“ *).

Лѣто 1858 года Левъ Николаевичъ хотя и не постоянно живетъ въ Ясной Полянѣ, уѣзжая на время въ Москву, но жизнь народная интересуетъ его все болѣе и болѣе и онъ дѣлаетъ попытки сближенія.

Фетъ въ своихъ воспоминаніяхъ приводитъ разсказъ Ник. Ник. Толстого о своемъ братѣ Львѣ, относящійся къ этому времени и переданный съ тонкимъ юморомъ, свойственнымъ Ник. Ник.

„На распросы наши о Львѣ Николаевичѣ, графъ съ видимымъ наслажденіемъ разсказывалъ о любимомъ братѣ: „Левочка, говорилъ онъ, усердно ищетъ сближенія съ сельскимъ бытомъ и хозяйствомъ, съ которыми, какъ и мы всѣ, до сихъ поръ знакомъ поверхностно. Но ужъ не знаю, какое тутъ выйдетъ сближеніе: Левочка желаетъ все захватить разомъ, не упуская ничего, даже гимнастики. И вотъ у него подъ окномъ кабинета устроенъ баръ. Конечно, если отбросить предразсудки, съ которыми онъ такъ враждуетъ, онъ правъ: гимнастика хозяйству не помѣшаетъ; но староста смотритъ на дѣло нѣсколько иначе: „придешь, говоритъ, къ барину за приказаніемъ, а баринъ, зацѣпившись одною колѣнкой за жердь, виситъ въ красной курткѣ головою внизъ и раскачивается; волосы отвисли и мотаются, лицо кровью налилось, не то приказанія слушать, не то на него дивиться.“

*) Изъ доставленныхъ мнѣ и отданныхъ въ мое распоряженіе черновыхъ неисправленныхъ записокъ Л. Н. Толстого.

Digitized by Google

Понравилось Левочкѣ, какъ работникъ Юфанъ растопыриваетъ руки при пахотѣ. И вотъ Юфанъ для него эмблема сельской силы, вродѣ Микулы Селяниновича. Онъ самъ, широко разставляя локти, берется за соху и юфанствуетъ". *)

Въ маѣ того же года Л. Н. Толстой писалъ Фету изъ Ясной Поляны.

„Драгоцѣнный дяденька!

Пишу два слова, только чтобы сказать, что обнимаю васъ изо всѣхъ силъ, что письмо ваше получилъ, что М. П. цѣлую руки, всѣмъ вашимъ кланяюсь. Тетенька очень благодарна за память и кланяется; и сестра кланяется. Что за весна была и есть чудная! Я въ одиночествѣ смаковалъ ее чудесно! Братъ Николай долженъ быть въ Никольскомъ (Вяземскомъ); поймайте его и не пускайте, я въ этомъ мѣсяцѣ хочу придти къ вамъ. Тургеневъ поѣхалъ въ Винцигъ до августа, лѣчить свой пузырь.

Чортъ его возьми! Надоѣло любить его. Пузыря не вылѣчитъ, а насъ лишитъ.

Затѣмъ прощайте, любезный другъ; ежели до моего прихода не будетъ стихотворенія, ужъ я его изъ васъ выжму.

Вашъ гр. Л. Толстой.

Какой Троицынъ день былъ вчера! Какая обѣдня съ вянущей черемухой, сѣдыми волосами и яркокраснымъ кумачемъ и горячее солнце!"

А затѣмъ онъ же:

„Ау, дяденька! Ауу! Во-первыхъ, сами не отзоветесь ничѣмъ, когда весна, и знаете, что всѣ о васъ думаютъ, и что я, какъ Прометей, прицѣпленъ къ скалѣ и все таки алкаю васъ видѣть и слышать. Или бы пріѣхали или хоть позвали бы къ себѣ хорошенько. А во-вторыхъ, зажилили брата, и очень хорошаго брата, по прозвищу „Фирдуси". Главная

*) „Мои воспоминанія" А. Фета. Стр. 237.

Digitized by Google

тутъ преступница, я думаю, Марія Петровна, которой очень кланяюсь и прошу возвратить собственнаго нашего брата. Безъ шутокъ, онъ велѣлъ сказать, что на той недѣлѣ будетъ; Дружининъ тоже будетъ, пріѣзжайте и вы, голубчикъ дяденька".

Послѣ лѣтнихъ занятій по хозяйству, мы видимъ Льва Николаевича и за общественными дѣлами.

Осенью того же 1858 года въ Тулѣ происходилъ съ 1-го по 4-е сентября съѣздъ дворянъ всей губерніи для избранія депутатовъ въ Тульскій Губернскій Комитетъ улучшенія быта крестьянъ. На этомъ съѣздѣ, на основаніи устава о дворянскихъ выборахъ, дозволяющаго дворянамъ представлять свои соображенія о мѣстныхъ нуждахъ и потребностяхъ своей губерніи, 105 дворянъ подали тульскому губернскому предводителю, для передачи на обсужденіе губернскаго Комитета, слѣдующее мнѣніе:

„Мы нижеподписавшіеся, въ видахъ улучшенія быта крестьянъ, обезпеченія собственности помѣщиковъ и безопасности тѣхъ и другихъ, полагаемъ необходимымъ отпустить крестьянъ на волю не иначе, какъ съ надѣломъ нѣкотораго количества земли въ потомственное владѣніе,—и чтобы помѣщики, за уступаемую ими землю, получили бы полное, добросовѣстное, денежное вознагражденіе, посредствомъ какой либо финансовой мѣры, которая не влекла бы за собою никакихъ обязательныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками, — отношеній, которыя дворянство предполагаетъ необходимымъ прекратить". (Слѣдуютъ подписи 105 тульскихъ дворянъ, въ числѣ которыхъ подписался конечно и: „Крапивинскій помѣщикъ графъ Левъ Толстой").

Переходимъ опять къ воспоминаніямъ Фета:

„Со времени нашего съ женою отъѣзда въ Москву, осенью 1858 г., разсказываетъ онъ, Левъ Николаевичъ Толстой успѣлъ, какъ видно изъ слѣдующаго его письма, присланнаго мнѣ въ Москву изъ Новоселокъ, поохотиться съ Борисовымъ, который и сдалъ ему на время своего доѣзжачаго Прокофія съ лошадью и гончими.

Digitized by Google

24 октября графъ писалъ мнѣ въ Москву:

„Душенька, дяденька, Фетенька! Ей Богу душенька, и я васъ ужасно, ужасно люблю! Вотъ-те и все! Повѣсти писать глупо, стыдно. Стихи писать... Пожалуй пишите; но любить хорошаго человѣка очень пріятно. А можетъ быть противъ моей воли и сознанія не я, а сидящая во мнѣ, еще не назрѣвшая, повѣсть заставляетъ любить васъ. Что-то иногда такъ кажется. Что ни дѣлай, а между навозомъ и коростой нѣтъ-нѣтъ да возьмешь и сочинишь. Спасибо, что еще писать себѣ не позволяю и не позволю. Изо всѣхъ силъ благодарю васъ за хлопоты о ветеринарѣ и пр. Нашелъ я Тульскаго и началъ лѣченіе. Что будетъ не знаю. Да и чертъ съ ними со всѣми. Дружининъ проситъ по дружбѣ сочинить повѣсть. Я право хочу сочинить. Такую сочиню, что ужъ ничего не будетъ. Шахъ персидскій куритъ табакъ, а я тебя люблю. Вотъ она штука-то! Безъ шутокъ, что вашъ Гафизъ? Вѣдь какъ ни вертись, а верхъ мудрости, и твердости для меня, это только радоваться чужою поэзіею, а свою собственную не пускать въ люди въ уродливомъ нарядѣ, а самому ѣсть съ хлѣбомъ насущнымъ. А иногда такъ вдругъ захочется быть великимъ человѣкомъ, и такъ досадно, что до сихъ поръ еще этого не сдѣлалось. Даже поскорѣе торопишься вставать, или доѣдать обѣдъ, чтобы начинать. Всѣхъ такъ называемыхъ глупостей не переговоришь, но пріятно, хотя одну сказать такому дяденькѣ, какъ вы, который живетъ только одними такъ называемыми глупостями „закурдалами“. Пришлите мнѣ одно самое здоровое, переведенное вами стихотвореніе Гафиза me faire venir l'eau à la bouche, а я вамъ пришлю образчикъ пшеницы. Охота надоѣла—смерть. Погода стоитъ прелестная, но я одинъ не ѣзжу.

Тетенька очень благодаритъ за память; и это не фраза, а всякій разъ, какъ я прочту ей вашу приписку, она улыбается, наклонивъ голову и скажетъ: „однако (почему однако?) какой славный человѣкъ этотъ Фетъ“. А я знаю, за что славный

Digitized by Google

за то, что она думаетъ, что онъ меня очень любитъ. Ну-съ прощайте. Пописывайте мнѣ иногда безъ возбудителя ветеринара".

Въ декабрѣ 1858 года *) со Львомъ Николаевичемъ произошелъ на охотѣ случай, едва не стоившій ему жизни. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ Фетъ.

„Не помню, при какихъ обстоятельствахъ братья Толстые—Николай и Левъ—познакомились съ Ст. Ст. Громекой; вѣроятно, это произошло у насъ въ домѣ. Всѣ трое очень скоро сблизились между собою, такъ какъ оказались страстными охотниками.

15 декабря 1858 года Громека писалъ:

„Согласно вашей просьбѣ, спѣшу увѣдомить васъ, милый Аѳанасій Аѳанасьевичъ, что на этихъ дняхъ, около 18 или 20 числа, я ѣду на медвѣдя. Передайте Толстому, что мною куплена медвѣдица съ двумя медвѣжатами (годовыми) и что, если ему угодно участвовать въ нашей охотѣ, то благоволитъ къ 18 или 19 числу пріѣхать въ Волочекъ, прямо ко мнѣ, безъ всякихъ церемоній, и что я буду ждать его съ распростертыми объятіями: для него будетъ приготовлена комната. Если же онъ не пріѣдетъ, то прошу васъ увѣдомить меня къ тому же времени.

Я полагаю, что охота состоится именно 19 числа. Слѣдовательно, всего лучше и даже необходимо пріѣхать 18-го.

Если же Толстой пожелаетъ отложить до 21, то увѣдомьте; дальше ждать невозможно".

Для большей убѣдительности извѣстный вожакъ на медвѣжьихъ охотахъ, Осташковъ, явился на квартиру Толстыхъ. Его появленіе въ средѣ охотниковъ можно только сравнить съ погруженіемъ раскаленнаго желѣза въ воду. Все забурлило и зашумѣло. Въ виду того, что каждому охотнику на медвѣдя рекомендовалось имѣть съ собою два ружья, графъ Левъ Николаевичъ выпросилъ у меня мою нѣмецкую дву-

*) Въ воспоминаніяхъ Фета это происшествіе ошибочно отнесено къ тѣмъ же числамъ января 1858 года.

Digitized by Google

стволку, предназначенную для дроби. Въ условленный день наши охотники (Левъ Николаевичъ и Николай Николаевичъ) отправились на Николаевскій вокзалъ. Добросовѣстно передамъ здѣсь слышанное мною отъ самого Льва Николаевича и сопровождавшихъ его на медвѣжьей охотѣ товарищей.

Когда охотники, каждый съ двумя заряженными ружьями, были разставлены вдоль поляны, проходившей по изборожденному въ шахматномъ порядкѣ просѣками лѣсу, то имъ рекомендовали пошире отоптать вокругъ себя глубокій снѣгъ, чтобы такимъ образомъ получить возможно большую свободу движеній. Но Левъ Николаевичъ, становясь на указанномъ мѣстѣ чуть не по поясъ въ снѣгъ, объявилъ отаптываніе лишнимъ, такъ-какъ дѣло состояло въ стрѣляніи въ медвѣдя, а не въ ратоборствѣ съ нимъ. Въ такомъ соображеніи графъ ограничился поставить свое заряженное ружье къ стволу дерева, такъ, чтобы, выпустивъ своихъ два выстрѣла, бросить свое ружье и, протянувъ руку, схватить мое. Поднятая Осташковымъ съ берлоги громадная медвѣдица не заставила себя долго ждать. Она бросилась къ долинѣ, вдоль которой расположены были стрѣлки, по одной изъ перпендикулярныхъ къ ней продольныхъ просѣкъ, выходившихъ на ближайшаго справа ко Льву Николаевичу стрѣлка, вслѣдствіе чего графъ даже не могъ видѣть приближенія медвѣдицы. Но звѣрь, быть можетъ, учуявъ охотника, на котораго все время шелъ, вдругъ бросился по поперечной просѣкѣ и внезапно очутился въ самомъ недалекомъ разстояніи на просѣкѣ противъ Толстого, на котораго стремительно помчался. Спокойно прицѣлился Левъ Николаевичъ, спустилъ курокъ, но вѣроятно промахнулся, такъ какъ въ клубѣ дыма увидалъ передъ собою набѣгающую массу, по которой выстрѣлилъ почти въ упоръ и попалъ пулею въ зѣвъ, гдѣ она завязла между зубами. Отпрянуть въ сторону графъ не могъ, такъ какъ не отоптанный снѣгъ не давалъ ему простора, а схватить мое ружье не успѣлъ, получивши въ грудь сильный толчекъ; отъ котораго навзничъ повалился на снѣгъ.

Digitized by Google

Медвѣдица съ разбѣга перескочила черезъ него. „Ну, подумалъ графъ, все кончено. Я далъ промахъ и не успѣю выстрѣлить по ней другой разъ“. Но въ ту же минуту онъ увидалъ надъ головою что то темное. Это была медвѣдица, которая, мгновенно вернувшись назадъ, старалась прокусить черепъ ранившему ее охотнику. Лежащій навзничъ, какъ связанный, въ глубокомъ снѣгу Толстой могъ оказывать только пассивное сопротивленіе, стараясь по возможности втягивать голову въ плечи и подставлять лохматую шапку подъ зѣвъ животнаго. Быть можетъ, вслѣдствіе такихъ инстинктивныхъ пріемовъ, звѣрь, промахнувшись зубами раза два, успѣлъ дать только одну значительную хватку, прорвавъ верхними зубами щеку подъ лѣвымъ глазомъ и сорвавъ нижними всю лѣвую половину кожи со лба. Въ эту минуту случившійся по близости Осташковъ, съ небольшой, какъ всегда, хворостиной въ рукѣ, подбѣжалъ къ медвѣдицѣ и, разставивъ руки, закричалъ свое обычное: „куда ты? куда ты?“—услыхавъ это восклицаніе, медвѣдица бросилась прочь со всѣхъ ногъ и ее, какъ помнится, вновь обошли и добили на другой день.

Первымъ словомъ поднявшагося на ноги Толстого, съ отвисшею на лицо кожею со лба, которую тутъ же перевязали платками,—было: „что-то скажетъ Фетъ?“ Этимъ словомъ я горжусь и понынѣ“ *).

Самъ Левъ Николаевичъ, оправившись, спѣшитъ увѣдомить тетку о случившемся и въ письмѣ отъ 25 декабря такъ разсказываетъ этотъ случай:

„Во-первыхъ, поздравляю васъ, во-вторыхъ, я боюсь, что до васъ дойдетъ какъ-нибудь съ прибавленіями мое приключеніе, и потому самъ спѣшу извѣстить васъ о немъ.

„Nous avons été avec Nicolas à la chasse à l'ours, le 21 j'ai tué un ours, le 22 nous somme sallés de nouveau et il m'ést arrivé une chose des plus extraordinaires. L'ours sans me voir s'est jeté sur moi, j'ai tiré sur lui à 6 pas, je l'ai manqué du pre-

*) „Мои воспоминанія“ А. Фета. Ч. I, стр. 226.

Digitized by Google

mier coup, du deuxième coup á 2 pas je l'ai blessé á mort, mais il s'est jeté sur moi, il m'a renversé par terre et pendant. qu'on accourait, il m'a mordu 2 fois au front au dessus et au dessous de l'oeil. Par bonheur cela n'a duré que 10 ou 15 secondes, l'ours s'est enfui et je me suis relevé avec une petite blessure, qui ne me défigure ni ne me fait souffrir. Ni l'os du crâne ni l'œil ne sont endommagés, de sorte que j'en suis quitté pour une petite cicatrice, qui me restera au front. A present je suis à Moscou et je me porte parfaitement bien. Je vous écris la pure verité sans rien cacher, pour que vous ne vous inquiétiez pas. A présent tout est passé et il n'y a qu'a remercier Dieu, qui m'a sauvé d'une manière si extraordinaire" *).

Этотъ эпизодъ послужилъ Льву Николаевичу темой для его разказа „Охота пуще неволи", помѣщеннаго въ „книжкахъ для чтенія". Въ этомъ разсказѣ много художественныхъ подробностей, пропущенныхъ Фетомъ, но такъ какъ въ художественной обработкѣ очень трудно отличить фактическую сторону разсказа отъ добавленій художественной фантазіи, мы предпочли этому разсказу воспоминанія друга Льва Николаевича и его собственное письмо, какъ болѣе соотвѣтствующія нашей цѣли.

*) Мы были съ Николенькой на медвѣжьей охотѣ, 21-го я убилъ медвѣдя, 22-го мы снова пошли и со мной случилось нѣчто самое необыкновенное. Медвѣдь, не видя меня, бросился на меня, я выстрѣлилъ въ него съ 6-ти шаговъ, первый разъ промахнулся, со второго выстрѣла въ 2-хъ шагахъ я его смертельно ранилъ, но онъ бросился на меня, повалилъ на землю и, пока ко мнѣ бѣжали, онъ укусилъ меня 2 раза въ лобъ надъ и подъ глазомъ. По счастью это продолжалось не болѣе 10 или 15 секундъ; медвѣдь убѣжалъ и я поднялся съ небольшой раной, которая не уродуетъ меня и не причиняетъ мнѣ страданій. Ни кость черепа ни глазъ—не повреждены, я отдѣлался небольшимъ шрамомъ, который останется на лбу.

Теперь я въ Москвѣ и чувствую себя совсѣмъ хорошо. Я пишу вамъ чистую правду, ничего не скрывая, чтобы вы не безпокоились. Теперь все прошло и остается только благодарить Бога, который меня спасъ столь необычайнымъ образомъ.

Digitized by Google

Первые мѣсяцы 1859 года Левъ Николаевичъ проводитъ въ Москвѣ, а въ апрѣлѣ ѣдетъ въ Петербугъ, гдѣ проводитъ 10 дней въ обществѣ своего друга, А. А. Толстой. Объ этой поѣздкѣ у него сохранились самыя лучшія воспоминанія.

Въ концѣ апрѣля онъ снова въ Ясной Полянѣ, гдѣ остается все лѣто.

Лѣтомъ Левъ Николаевичъ навѣстилъ Тургенева въ его Спасскомъ.

Въ своемъ стихотвореніи, посланномъ Фету отъ 16-го іюля 1859 года, Тургеневъ пишетъ слѣдующее:

„Толстого Николая поцѣлуйте
И Льву Толстому поклонитесь, также
Сестрѣ его. Онъ правъ въ своей припискѣ:
Мнѣ „не за что“ къ нему писать. Я знаю,
Меня онъ любитъ мало и его люблю я мало—
Слишкомъ въ насъ различны
Стихіи; но дорогъ на свѣтѣ много:
Другъ другу мы мѣшать не захотимъ“ *).

Эти строки показываютъ, что отношенія между ними продолжались взаимно уважительныя, но дружелюбно холодныя.

Тѣмъ не менѣе это свиданіе прошло благополучно. 9-го октября того же года въ письмѣ къ Фету Тургеневъ такъ отзывается объ этомъ свиданіи:

„Дамы наши очень кланяются вамъ всѣмъ. Съ Толстымъ мы бесѣдовали мирно и разстались дружелюбно. Кажется, недоразумѣній между нами быть не можетъ, потому что мы другъ друга понимаемъ ясно, и понимаемъ, что тѣсно сойтись намъ невозможно. Мы изъ разной глины слѣплены“ **).

Въ августѣ Левъ Николаевичъ снова въ Москвѣ, гдѣ проводитъ осень.

---

*) „Мои воспоминанія“ А. Фета. Ч. I, стр. 305.
**) Тамъ же, стр. 311.

Digitized by Google

1860 годъ онъ встрѣчаетъ уже въ душевной тревогѣ.

„Тягота хозяйства, тягота одинокой жизни, всевозможныя сомнѣнія и пессимистическія чувства обуреваютъ душу“.

Хотя зимой 59—60 года онъ еще находитъ отдохновеніе и умиленіе въ школахъ. Въ „Исповѣди“ онъ такъ говоритъ объ этомъ времени:

„Вернувшись изъ за границы, я поселился въ деревнѣ и попалъ на занятіе крестьянскими школами. Занятіе это было мнѣ особенно по сердцу, потому что въ немъ не было той, ставшей для меня очевидной, лжи, которая уже рѣзала мнѣ глаза въ дѣятельности литературнаго учительства. Здѣсь я тоже дѣйствовалъ во имя прогресса, но я уже относился критически къ самому прогрессу. Я говорилъ себѣ, что прогрессъ въ нѣкоторыхъ явленіяхъ своихъ совершался неправильно и что вотъ надо отнестись къ первобытнымъ людямъ, крестьянскимъ дѣтямъ, совершенно свободно, предлагая имъ избрать тотъ путь прогресса, который они захотятъ. Въ сущности же, я вертѣлся все около одной и той же неразрѣшимой задачи, состоящей въ томъ, чтобы учить, не зная чему. Въ высшихъ сферахъ литературной дѣятельности я понялъ, что нельзя учить, не зная чему, потому что я видѣлъ, что всѣ учатъ различному и, споря между собой, скрываютъ только сами отъ себя свое незнаніе; здѣсь же съ крестьянскими дѣтьми я думалъ, что можно обойти эту трудность тѣмъ, чтобы предоставить дѣтямъ учиться, чему они хотятъ. Теперь мнѣ смѣшно вспомнить, какъ я вилялъ, чтобы исполнить свою похоть — учить, хотя очень хорошо зналъ въ глубинѣ души, что я не могу учить ничему такому, что нужно, потому что самъ не знаю, что нужно“.

Это постоянное чувство неудовлетворенія собой, это исканіе смысла жизни было непрестанно дѣйствующей силой, неудержимо влекущей его впередъ на пути его нравственнаго прогресса.

Въ февралѣ 1859 года Левъ Николаевичъ былъ избранъ

Digitized by Google

членомъ Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности.

4-го февраля 1859 года состоялось засѣданіе этого общества подъ предсѣдательствомъ А. С. Хомякова.

На этомъ засѣданіи въ числѣ вновь избранныхъ членовъ присутствовалъ и Левъ Николаевичъ Толстой и по обычаю этого общества произнесъ вступительную рѣчь, въ которой, какъ говорится въ протоколѣ общества, „коснулся вопроса о преимуществѣ художественнаго элемента въ литературѣ надъ всѣми ея временными направленіями". Къ сожалѣнію, эта рѣчь не дошла до насъ. Въ протоколахъ общества значится, что сначала было опредѣлено напечатать эту рѣчь въ трудахъ общества, но потомъ, такъ какъ изданіе этихъ трудовъ не состоялось, было рѣшено возвратить ее ея автору, у котораго она, вѣроятно, и затерялась въ старыхъ, ненужныхъ ему бумагахъ *).

Нѣкоторое представленіе объ этой рѣчи мы можемъ себѣ сдѣлать по прекрасной отвѣтной рѣчи А. С. Хомякова, которую и приводимъ здѣсь цѣликомъ:

„Общество Любителей Россійской Словесности, включивъ васъ, графъ Левъ Николаевичъ, въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ, съ радостью привѣтствуетъ васъ, какъ дѣятеля чисто художественной литературы. Это чисто художественное направленіе защищаете вы въ своей рѣчи, ставя его высоко надъ всѣми другими временными и случайными направленіями словесной дѣятельности. Странно было бы, если бы общество вамъ не сочувствовало въ томъ; но позвольте мнѣ сказать, что правота вашего мнѣнія, вами столь искусно изложенная, далеко не устраняетъ правъ временнаго и случайнаго въ области слова. То, что всегда справедливо, то, что всегда прекрасно, то, что неизмѣнно, какъ самые коренные законы души, — то, безъ сомнѣнія,

*) Моск. Общ. Люб. Росс. Слов. Сборникъ протоколовъ. Рѣдкій экз., хранящійся въ Британскомъ музеѣ.

Digitized by Google

занимаетъ и должно занимать первое мѣсто въ мысляхъ, побужденіяхъ и, слѣдовательно, въ рѣчи человѣка. Оно, и оно одно, передается поколѣніемъ поколѣнію, народъ народу, какъ дорогое наслѣдіе, всегда множимое и никогда не забываемое. Но съ другой стороны, есть, какъ я имѣлъ уже честь сказать, постоянное требованіе самообличенія въ природѣ человѣка и въ природѣ общества; есть минуты, и минуты важныя въ исторіи, когда это самообличеніе получаетъ особенныя, неопровержимыя права и выступаетъ въ общественномъ словѣ съ большею опредѣленностью и съ большею рѣзкостью. Случайное и временное въ историческомъ ходѣ народной жизни получаетъ значеніе всеобщаго, всечеловѣческаго, уже и потому, что всѣ поколѣнія, всѣ народы могутъ понимать и понимаютъ болѣзненные стоны и болѣзненную исповѣдь одного какого-нибудь поколѣнія или народа. Права словесности, служительницы вѣчной красоты, не уничтожаютъ правъ словесности обличительной, всегда сопровождающей общественное несовершенство, а иногда являющейся цѣлительницей общественныхъ язвъ. Есть безконечная красота въ невозмутимой правдѣ и гармоніи души; но есть истинная, высокая красота и въ покаяніи, возстановляющемъ правду и стремящемъ человѣка или общество къ нравственному совершенству. Позвольте мнѣ прибавить, что я не могу раздѣлять мнѣнія, какъ мнѣ кажется, односторонняго, Германской эстетики. Конечно, художество вполнѣ свободно: въ самомъ себѣ оно находитъ оправданіе и цѣль. Но свобода художества, отвлеченно понятаго, нисколько не относится къ внутренней жизни самого художника. Художникъ не теорія, не область мысли и мысленной дѣятельности: онъ человѣкъ, всегда человѣкъ своего времени, обыкновенно лучшій его представитель, весь проникнутый его духомъ и его опредѣлившимися или зарождающимися стремленіями. По самой впечатлительности своей организаціи, безъ которой онъ не могъ бы быть художникомъ, онъ принимаетъ въ себя, и болѣе другихъ людей, всѣ

Digitized by Google

болѣзненныя, также какъ и радостныя, ощущенія общества, въ которомъ онъ родился. Посвящая себя всегда истинному и прекрасному, онъ невольно, словомъ, складомъ мысли и воображенія, отражаетъ современное въ его смѣси правды, радующей душу чистую, и лжи, возмущающей ея гармоническое спокойствіе. Такъ сливаются двѣ области, два отдѣла литературы, объ которыхъ мы говорили; такъ писатель, служитель чистаго художества, дѣлается иногда обличителемъ, даже безъ сознанія, безъ собственной воли и иногда противъ воли. Васъ самихъ, графъ, позволю я привести въ примѣръ. Вы идете вѣрно и неуклонно по сознанному и опредѣленному пути; но неужели вы вполнѣ чужды тому направленію, которое назвали обличительною словесностью? Неужели хоть бы въ картинѣ чахоточнаго ямщика, умирающаго на печкѣ въ толпѣ товарищей, повидимому, равнодушныхъ къ его страданіямъ, вы не обличили какой-нибудь общественной болѣзни, какого-нибудь порока? Описывая эту смерть, неужели вы не страдали отъ этой мозолистой безчувственности добрыхъ, но непробужденныхъ душъ человѣческихъ? Да,—и вы были, и вы будете невольно обличителемъ. Идите съ Богомъ по тому прекрасному пути, который вы избрали. Идите съ тѣмъ же успѣхомъ, которымъ вы увѣнчались до сихъ поръ, или еще съ большимъ, ибо вашъ даръ не есть даръ преходящій и скоро исчерпываемый; но вѣрьте, что въ словесности вѣчное и художественное постоянно принимаетъ въ себя временное и преходящее, превращая и облагороживая его, и что всѣ разнообразныя отрасли человѣческаго слова безпрестанно сливаются въ одно гармоническое цѣлое *)".

Пророчество Хомякова сбылось, не говоря уже объ обличительномъ элементѣ во всѣхъ произведеніяхъ перваго періода, черезъ 20 лѣтъ Левъ Николаевичъ выступилъ самъ

*) Русскій Архивъ 1896 года, II, стр. 491. Статья В. Н. Лясковскаго: А. С. Хомяковъ, его біографія и ученіе.

Digitized by Google

съ покаяніемъ и затѣмъ съ обличеніемъ современнаго зла. И посвятилъ этому дѣлу свои могучія художественныя и нравственныя силы.

ГЛАВА XII.

Второе заграничное путешествіе. Смерть брата.

Въ февралѣ 1860 года Фетъ обратился къ Толстому письменно, прося совѣта по поводу задуманнаго имъ намѣренія купить имѣніе и заняться хозяйствомъ. Левъ Николаевичъ отвѣчалъ ему вполнѣ сочувственно, одобряя намѣреніе, обѣщая содѣйствіе и указывая на разныя продающіяся земли и послѣ этой практической части письма, не имѣющей, по нашему мнѣнію, общаго интереса, онъ высказываетъ слѣдующія значительныя мысли по поводу произведеній Тургенева и Островскаго:

„Прочелъ я „Наканунѣ". Вотъ мое мнѣніе: писать повѣсти вообще напрасно, а еще болѣе такимъ людямъ, которымъ грустно и которые не знаютъ хорошенько, чего они хотятъ отъ жизни. Впрочемъ, „Наканунѣ" много лучше „Дворянскаго Гнѣзда", и есть въ немъ отрицательныя лица превосходныя: художникъ и отецъ. Другія же не только не типы, но даже замыселъ ихъ, положеніе ихъ не типическое, или ужъ они совсѣмъ пошлы. Впрочемъ, это всегдашняя ошибка Тургенева. Дѣвица изъ рукъ вонъ плоха: „Ахъ, какъ я тебя люблю"... у нея рѣсницы были длинныя... Вообще, меня всегда удивляетъ въ Тургеневѣ, какъ онъ со своимъ умомъ и поэтическимъ чутьемъ не умѣетъ удержаться отъ банальности даже до пріемовъ. Больше всего этой банальности въ отрицательныхъ пріемахъ, напоминающихъ Гоголя. Нѣтъ человѣчности и участія къ лицамъ, а представляются уроды, которыхъ онъ бранитъ, а не жалѣетъ. Это какъ то больно жюрируетъ съ тономъ и смысломъ либерализма всего остального. Это хорошо было при царѣ

Digitized by Google

Горохѣ и при Гоголѣ (да еще надо сказать, что ежели не жалѣть своихъ самыхъ ничтожныхъ лицъ, надо ихъ ужъ ругать такъ, чтобы небу жарко было, или смѣяться надъ ними такъ, чтобы животики подвело), а не такъ, какъ одержимый хандрой и диспепсіей Тургеневъ. Вообще же сказать, никому не написать теперь такой повѣсти, несмотря на то, что она успѣха имѣть не будетъ.

„Гроза“ Островскаго есть по моему плачевное сочиненіе, а будетъ имѣть успѣхъ. Не Островскій и не Тургеневъ виноваты, а время; теперь долго не родится тотъ человѣкъ, который бы сдѣлалъ въ поэтическомъ мірѣ то, что сдѣлалъ Булгаринъ. А любителямъ антиковъ, къ которымъ и я принадлежу, никто не мѣшаетъ читать серьезно стихи и повѣсти и серьезно толковать о нихъ. Другое теперь нужно. Не намъ нужно учиться, а намъ нужно Марфутку и Тараску выучить хотя немножко тому, что мы знаемъ. Прощайте, любезный другъ“.

Левъ Николаевичъ дѣйствительно рѣшилъ, что человѣкъ одаренный разумомъ и обогащенный знаніями обязанъ прежде чѣмъ наслаждаться ими, дѣлиться съ тѣми, у кого ихъ нѣтъ и потому онъ посвящаетъ часы свободные отъ хозяйства школѣ. Въ этихъ занятіяхъ проходитъ зима 59-60 года. Въ то же время за чтеніемъ серьезныхъ книгъ ему приходятъ такія мысли:

1-го февраля. „Читалъ: La Dégénéressence de l'esprit humaine“ и о томъ, какъ есть физическая высшая степень развитія ума. Я въ этой степени машинально вспоминалъ молитву. Молиться кому? Что такое Богъ, представляемый себѣ такъ ясно, что можно просить его сообщаться съ нимъ? Ежели я и представляю себѣ такого, то онъ теряетъ для меня всякое величіе.

Богъ, котораго можно просить и которому можно служить—есть выраженіе слабости ума. Тѣмъ то онъ Богъ, что все его существо я не могу представить себѣ. Да онъ и не существо; онъ законъ и сила.

Digitized by Google

Пусть останется эта страничка памятникомъ моего убѣжденія въ силѣ ума".

Затѣмъ онъ читаетъ разсказы Ауэрбаха и „Рейнеке Лисъ" Гете и, наконецъ, около того же времени онъ записываетъ такую мысль:

„Странная религія моя и религія нашего времени, религія прогресса. Это сказали одному человѣку, что прогрессъ хорошо. Это только отсутствіе вѣрованія и потребность созданной дѣятельности, облеченная въ вѣрованіе. Человѣку нуженъ порывъ—Schwung—да".

Эта мысль получила свое полное развитіе въ педагогическихъ сочиненіяхъ, какъ мы увидимъ ниже, а также въ самоанализѣ исповѣди, въ приведенной выше замѣткѣ.

Друзья Толстого съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за его литературною дѣятельностью, относясь снисходительно и полушутливо къ „дури и чудачеству", какъ они называли, большею частью не понимая этихъ проявленій глубокой внутренней работы Льва Николаевича.

Такъ Боткинъ писалъ между прочимъ Фету 6-го марта 1860 года.

„Изъ письма Тургенева я съ радостью узналъ, что Левъ Толстой опять принялся за свой кавказскій романъ. Какъ бы онъ ни дурилъ, а я все скажу, что этотъ человѣкъ съ великимъ талантомъ и для меня всякая дурь его имѣетъ больше достоинства, чѣмъ благоразумнѣйшіе поступки другихъ". *)

Такъ же относился къ нему Тургеневъ. Вотъ отрывокъ изъ его письма къ Фету того же года:

„А Левъ Толстой продолжаетъ чудить. Видно такъ уже написано ему на роду. Когда онъ перекувыркнется въ послѣдній разъ и встанетъ на ноги?" **)

---

*) Мои воспоминанія. А Фета. Стр. 324.

**) Тамъ же Стр. 325.

Digitized by Google

Весной 1860 года супруги Феты по обыкновенію по пути переѣзда изъ города въ деревню заѣхали въ Ясную Поляну.

Фетъ дѣлаетъ слѣдующую краткую замѣтку объ этомъ прибываніи въ Ясной Полянѣ.

„Конечно мы не отказали себѣ въ удовольствіи заѣхать на два дня въ Ясную Поляну, гдѣ къ довершенію радости застали дорогого Н. Н. Толстого, заслужившаго самобытною восточною мудростью прозваніе Фирдуси. Сколько самыхъ отрадныхъ плановъ нашего пребыванія въ Ясно-Полянскомъ флигелѣ со всѣми подробностями возникали между нами въ эти два дня. Никому изъ насъ не приходила въ голову полная несостоятельность этихъ плановъ". *)

Далѣе Фетъ разсказываетъ о пріѣздѣ къ нимъ Николая Николаевича Толстого.

„Однажды пріѣхавшій къ намъ въ половинѣ мая Ник. Ник. Толстой объявилъ, что сестра его графиня М. Н. Толстая вмѣстѣ съ братьями убѣдили его ѣхать за границу отъ несносныхъ приливовъ кашля. Исхудалъ онъ, бѣдный, къ этому времени очень, не взирая на обычную свою худобу; и по временамъ сквозь добродушный смѣхъ прорывалась свойственная чахоточнымъ раздражительность. Помню, какъ онъ разсердился, отдернувъ руку отъ руки пріѣхавшаго за нимъ его кучера, ловившаго ее для лобзанія. Правда, онъ и тутъ ничего не сказалъ въ лицо своему крѣпостному; но когда тотъ ушелъ къ лошадямъ, онъ съ раздраженіемъ въ голосѣ сталъ жаловаться мнѣ и Борисову": „Съ чего вдругъ этотъ скотъ выдумалъ цѣловать руку? отъ роду этого не было". **)

Такъ какъ въ дальнѣйшемъ разсказѣ придется говорить объ отношеніи Льва́ Николаевича къ своему брату во время жизни и при смерти его, то мы считаемъ не лишнимъ привести характеристику этого замѣчательнаго человѣка, сдѣланную Фетомъ.

*) Мои воспоминанія. А. Фета. Стр. 326.

**) Тамъ же, стр. 324.

Digitized by Google

„Графъ Н. Н. Толстой, бывавшій у насъ чуть не каждый вечеръ, приносилъ съ собою нравственный интересъ и оживленіе, которое трудно передать въ немногихъ словахъ. Въ то время онъ ходилъ еще въ своемъ артиллерійскомъ сюртукѣ, и стоило взглянуть на его худыя руки, большіе умные глаза и ввалившіяся щеки, чтобы убѣдиться, что неумолимая чахотка безпощадно вцѣпилась въ грудь этого добродушно-насмѣшливаго человѣка. Къ сожалѣнію, этотъ замѣчательный человѣкъ, про котораго мало сказать, что всѣ знакомые его любили, а слѣдуетъ сказать — обожали, пріобрѣлъ на Кавказѣ столь обычную въ то время между тамошними военными привычку къ горячимъ напиткамъ. Хотя я впослѣдствіи коротко зналъ Николая Толстого и бывалъ съ нимъ въ отъѣзжемъ полѣ на охотѣ, гдѣ конечно ему сподручнѣе было выпить, чѣмъ на какомъ либо вечерѣ, тѣмъ не менѣе, въ теченіе трехлѣтняго знакомства, я ни разу не замѣчалъ въ Николаѣ Толстомъ даже тѣни опьяненія. Сядетъ онъ, бывало, въ кресло, придвинутое къ столу и понемножку прихлебываетъ чай, приправленный коньякомъ. Будучи отъ природы крайне скроменъ, онъ нуждался въ разспросахъ со стороны слушателя. Но наведенный на какую либо тему, онъ вносилъ въ нее всю тонкость и забавность своего добродушнаго юмора. Онъ видимо обожалъ младшаго своего брата Льва. Но надо было слышать, съ какой ироніей онъ отзывался о его великосвѣтскихъ похожденіяхъ. Онъ такъ ясно умѣлъ отличать дѣйствительную сущность жизни отъ ея эфемерной оболочки, что съ одинаковой ироніей смотрѣлъ и на высшій и на низшій слой кавказской жизни. И знаменитый охотникъ, старовѣръ, дядюшка Епишка (въ „Казакахъ“ гр. Л. Толстого—Ерошка), очевидно, подмѣченъ и выщупанъ до окончательной художественности Николаемъ Толстымъ“ *).

Н. Н. мало писалъ; до насъ дошли только его „Записки Охотника“ напечатанныя въ Современникѣ.

*) Тамъ же, стр. 217.

Digitized by Google

Евг. Гаршинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ приводитъ такое мнѣніе Ивана Сергѣевича о Н. Н. Толстомъ:

„То смиреніе передъ жизнью, говорилъ намъ Иванъ Сергѣевичъ, которое Левъ Толстой развивалъ теоретически, братъ его примѣнилъ непосредственно къ своему существованію. Онъ жилъ всегда въ самой невозможной квартирѣ, чуть не въ лачугѣ, гдѣ-нибудь въ отдаленномъ кварталѣ Москвы, и охотно дѣлился всѣмъ съ послѣднимъ бѣднякомъ. Это былъ восхитительный собесѣдникъ и разсказчикъ, но писать было для него почти физически невозможно. Его затруднялъ самый процессъ письма, какъ затрудняетъ простого человѣка, у котораго всегда натружены руки и перо плохо держится въ пальцахъ“ *).

Поѣздка заграницу Николая Николаевича дѣйствительно состоялась къ общей, хотя и недолгой радости его друзей.

Онъ выѣхалъ за границу черезъ Петербургъ съ братомъ Сергѣемъ.

Тургеневъ, любившій его, сильно безпокоился о его здоровьѣ и писалъ Фету такъ отъ 1-го іюня 1860 года изъ Содена:

„То, что вы мнѣ сообщили о болѣзни Николая Толстого, глубоко меня огорчило. Неужели этотъ драгоцѣнный, милый человѣкъ долженъ погибнуть? И какъ можно было запустить такъ болѣзнь? Неужели онъ не рѣшился побѣдить свою лѣнь и поѣхать заграницу полѣчиться? Ѣздилъ онъ на Кавказъ въ тарантасахъ и чортъ знаетъ въ чемъ. Что бы ему пріѣхать въ Соденъ! Здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаешь больныхъ грудью: Соденскія воды едва ли не лучшія для такихъ болѣзней. Я вамъ все это говорю за двѣ тысячи верстъ, какъ будто слова мои могутъ что-нибудь

*) Историческій Вѣстникъ. Ноябрь 1883 г. Евг. Гаршинъ. Воспоминанія о Тургеневѣ.

Digitized by Google

помочь... Если Толстой уже не уѣхалъ, то онъ не уѣдетъ... Вотъ какъ насъ всѣхъ ломаетъ судьба!“ *)

То же самое онъ повторяетъ въ postscriptum того же письма:

„Если Николай Толстой не уѣхалъ, бросьтесь ему въ ноги, а потомъ гоните его въ шею заграницу. Здѣсь, напримѣръ, такой мягкій воздухъ, какого въ Россіи никогда и нигдѣ не бываетъ“ **).

Конечно и Левъ Николаевичъ былъ сильно встревоженъ болѣзнью брата. Къ этому времени относится слѣдующее письмо его къ Фету, въ которомъ, кромѣ заботы о братѣ онъ выражаетъ еще очень интересныя сельско-хозяйственныя соображенія:

„Не только не обрадовался и не возгордился вашимъ письмомъ, любезный другъ Аф. Аф., но ежели бы повѣрилъ ему совсѣмъ, то очень бы огорчился. Это безъ фразы. Писатель вы, писатель и есть, и дай Богъ вамъ и намъ. Но что вы сверхъ того хотите найти мѣсто и на немъ копаться, какъ муравей, эта мысль не только должна была придти къ вамъ, но вы и должны осуществить ее лучше, чѣмъ я. Должны вы это сдѣлать потому, что вы и хорошій, и здраво смотрящій на жизнь человѣкъ. Впрочемъ не мнѣ и теперь докторальнымъ тономъ одобрять или не одобрять васъ: я въ большомъ разладѣ самъ съ собою. Хозяйство въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно ведется у меня, давитъ меня; юфанство ***) гдѣ-то вдали виднѣется только мнѣ; семейныя дѣла, болѣзнь Николеньки, отъ котораго изъ-за границы нѣтъ еще извѣстій, и отъѣздъ сестры (она уѣзжаетъ отъ меня черезъ три дня) — съ другой стороны давятъ и

*) Мои воспоминанія. А. Фета. Часть I, стр. 328

**) Тамъ же, стр. 329.

***) У гр. Л. Толстого въ первую пору вольнонаемнаго труда былъ мускулистый и досужій, но весьма тупой работникъ Юфанъ, котораго пріемы на работѣ графу нравились, такъ-что земледѣліе онъ называлъ „Юфанствомъ“.

Digitized by Google

требуютъ меня. Холостая жизнь, т. е. отсутствіе жены, и мысль, что ужъ становится поздно, — съ третьей стороны мучаетъ. Вообще все мнѣ не складно теперь. По причинѣ безпомощности сестры и желанія видѣть Николая, я завтра на всякій случай беру паспортъ за границу и можетъ быть поѣду съ ними; особенно ежели не получу или получу дурныя вѣсти отъ Николая. Какъ бы я дорого далъ, чтобы видѣть васъ передъ отъѣздомъ, сколько бы хотѣлось вамъ сказать и отъ васъ узнать; но теперь это едва ли возможно. Однако, ежели бы письмо это пришло рано, то знайте, что мы поѣдемъ изъ Ясной въ четвергъ, а скорѣе въ пятницу.— Теперь о хозяйствѣ: цѣна, которую съ васъ просятъ, не дорога, а ежели мѣсто вамъ по душѣ, то надо купить. Одно, зачѣмъ такъ много земли? Я трехлѣтнимъ опытомъ дошелъ, что со всевозможною дѣятельностью невозможно вести хлѣбопашество успѣшно и пріятно болѣе, чѣмъ на 60-ти, 70-ти десятинахъ, т. е. десятинахъ по 10-ти, 15-ти въ полѣ (въ 4-хъ). Только при этихъ условіяхъ можно не дрожать за всякій грѣхъ, потому что вспашешь не два, а три и четыре раза, за всякій пропущенный работникомъ часъ, за лишній рубль въ мѣсяцъ работнику, потому что можно довести 15 десятинъ до того чтобы они давали 30—40% съ капитала основного и оборотнаго, а 80—100 десятинъ— нельзя. Пожалуйста не пропустите этого совѣта мимо ушей, это не „такъ себѣ болтовня“, а выводъ, до котораго я дошелъ „боками“. Кто вамъ скажетъ противное, тотъ или лжетъ, или не знаетъ. Мало того, и съ 15-ю десятинами нужна дѣятельность, поглощающая всего. Но тогда можетъ быть награда, одна изъ самыхъ пріятныхъ въ жизни, а съ 90 десятинами есть трудъ почтовой лошади и не можетъ быть успѣха. Не нахожу словъ обругать себя, что я раньше не написалъ вамъ, тогда бы вы вѣрно пріѣхали.

Теперь прощайте. Душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ и Борисову“ *).

*) „Мои воспоминанія“. А. Фета. Стр. 329.

Digitized by Google

Въ это время въ литературной дѣятельности Льва Николаевича и его друга Фета, слабо, но послѣдовательно отражавшаго въ себѣ процессъ внутренней жизни Толстого—происходитъ затишье.

И вотъ Дружининъ пишетъ Толстому и Фету убѣдительныя письма, ободряя ихъ на литературную работу. Особенно интересно его письмо къ Толстому.

„Тороплюсь отвѣчать на письмо Ваше, любезный другъ Левъ Николаевичъ, и какъ Вы, вѣроятно, догадываетесь, по поводу того, что Вы пишете о Вашемъ отношеніи въ литературѣ. На всякаго писателя набѣгаютъ минуты сомнѣнія и недовольства собою и, какъ ни сильно и ни законно это чувство, никто еще изъ за него не прекращалъ своей связи съ литературой, а всякій писалъ до конца. Но у Васъ всѣ стремленія, добрыя и недобрыя, держатся съ особеннымъ упорствомъ, потому Вамъ нужнѣе, чѣмъ кому другому, подумать о томъ и дружески обсудить все дѣло.

Прежде всего вспомните то, что послѣ поэзіи и трудомысли,—всѣ труды кажутся дрянью. Qui a bu, boira *), и въ 30 лѣтъ оторваться отъ дѣятельности писателя значитъ лишить себя половины всѣхъ интересовъ въ жизни. Но это лишь одна трудность дѣла, есть кое-что еще важнѣе.

На всѣхъ насъ лежитъ отвѣтственность, корень которой въ теперешнемъ огромномъ значеніи литературы посреди русскаго общества. Англичанинъ или американецъ можетъ расхохотаться тому, что въ Россіи не только 30-ти лѣтніе люди, но сѣдовласые помѣщики 2000 душъ потѣютъ надъ повѣстью въ 100 страницъ, которая появилась въ журналѣ, пожирается всѣми и возбуждаетъ на цѣлый день толки въ обществѣ. Какимъ художествомъ ни объясняй этого дѣла, его не объяснишь художествомъ. То, что въ другихъ зем-

*) Кто пилъ, будетъ пить.

Digitized by Google

ляхъ дѣло празднословія, беззаботнаго диллетанизма,- у насъ выходитъ совсѣмъ другимъ. У насъ дѣла сложились такъ, что повѣсть,—эта потѣха и мельчайшій родъ словесности—выходитъ чѣмъ-нибудь изъ двухъ: или дрянью, или голосомъ передового человѣка въ цѣломъ царствѣ. Мы, напримѣръ, всѣ знаемъ слабость Тургенева, но между самой его дрянной повѣстью и самыми лучшими романами госпожи Евгеніи Туръ, съ ея полуталантомъ, цѣлый океанъ. Публика русская по какому-то странному чутью выбрала себѣ изъ толпы писателей четверыхъ или пятерыхъ глашатаевъ и цѣнитъ ихъ какъ передовыхъ людей, не желая знать никакихъ соображеній и выводовъ. Вы частью по талантамъ, частью по свѣтскимъ качествамъ вашего духа, а частью просто по стеченію счастливыхъ обстоятельствъ стали въ такое благопріятное отношеніе къ публикѣ. Стало быть тутъ уходить и прятаться нельзя, а надо работать, хотя бы до истощенія силъ и средствъ. Это одна сторона дѣла, а вотъ другая. Вы членъ литературнаго круга, по возможности честнаго, независимаго и вліятельнаго, который десять лѣтъ при гоненіяхъ и невзгодахъ (и не смотря на свои собственные пороки) твердо держитъ знамя всего, что либерально и просвѣщенно, и выноситъ весь этотъ гнетъ похабства житейскаго, не сдѣлавши ни одной подлости. При всей холодности свѣта и необразованности и смотрѣніи свысока на литературу, этотъ кругъ награжденъ почетомъ и нравственной силой. Слова нѣтъ, что въ немъ есть людишки пустые и даже глуповатые, въ общей связи и они что нибудь значатъ, и они не были безполезны. Въ этомъ кругѣ вы опять таки, несмотря на то, что пришли недавно, имѣете мѣсто и голосъ, какихъ, напримѣръ, не имѣетъ Островскій, огромно-талантливый и въ нравственномъ отношіи столько же почтенный, какъ и вы. Отчего это случилось, было бы слишкомъ долго разбирать, да и не въ томъ дѣло. Оторвавшись отъ круга литературнаго и предавшись бездѣятельности, вы соскучитесь и лишите себя важной

Digitized by Google

роли въ обществѣ. На этомъ мѣстѣ прекращаю мою диссертацію по неимѣнію мѣста въ письмѣ,—если эти мысли васъ займутъ собой, то вы сами ихъ разовьете и пополните".

Съ тѣмъ же дружескимъ совѣтомъ онъ обращается и къ Фету.

„Добрый и многоуважаемый Афан. Афан.

На счетъ вашего намѣренія не писать и не печатать болѣе, скажу вамъ то же, что Толстому: пока не напишется чего нибудь хорошаго, исполняйте ваше намѣреніе, а когда напишется, то сами вы и безъ чужого побужденія измѣните этому намѣренію.

Держать хорошіе стихи и хорошую книгу подъ спудомъ—невозможно, хотя бы вы давали тысячу клятвъ, а потому лучше и не собирайтесь. Эти два или три года и Толстой и вы находитесь въ непоэтическомъ настроеніи, и оба хорошо дѣлаете, что воздерживаетесь; но чуть душа зашевелится и создастся что-нибудь хорошее, оба вы позабудете воздержаніе. Итакъ, не связывайте себя обѣщаніями, тѣмъ болѣе, что ихъ отъ васъ обоихъ никто и не требуетъ. Въ рѣшительности вашей и Толстого, если я не ошибаюсь, нехорошо только то, что она создалась подъ вліяніемъ какого-то раздраженія на литературу и публику. Но если писателю обижаться на всякое проявленіе холодности или бранную статью, то некому будетъ и писать, развѣ кромѣ Тургенева, который какъ-то умѣетъ быть всеобщимъ другомъ. Къ сердцу принимать литературныя дрязги, по моему, то же, что, ѣздя верхомъ, сердиться на то, что ваша лошадь не важничаетъ, въ то время, когда вы, можетъ быть, сидя на ней, находитесь въ поэтическомъ настроеніи мыслей. Про себя могу сказать вамъ, что я бывалъ обругиваемъ и оскорбляемъ, какъ лучше требовать нельзя, однако же не лишался отъ того и частички аппетита, а напротивъ, находилъ особенное наслажденіе въ томъ, чтобы сидѣть крѣпко и двигаться впередъ, и конечно не брошу писать до тѣхъ

Digitized by Google

поръ, пока не скажу всего, что считаю нужнымъ высказать“ *).

Конечно Дружининъ неправильно приписывалъ причину этого молчанія — раздраженію на публику. Если такое раздраженіе и было, то оно исходило изъ одного и того же источника, какъ и рѣшимость не писать, изъ сознанія того, что ни писатели, ни читатели не имѣли прочной духовной основы и связи для взаимнаго пониманія.

Писатели не знали, что писать, а читатели въ лицѣ критиковъ—не знали чего требовать отъ писателей. Такъ продолжалось до того времени, пока какое-нибудь крупное явленіе жизни или исторіи не поражало ума и чувства писателя и не вызывало ихъ къ дѣятельности.

Возвратимся къ болѣзни Н. Н. Толстого.

По дорогѣ за границу онъ писалъ между прочимъ Фету изъ Петербурга:

„Любезные друзья, Афанасій Афанасьевичъ и Иванъ Петровичъ, исполняю обѣщаніе мое даже раньше, чѣмъ обѣщалъ; я хотѣлъ писать изъ-за границы, а пишу изъ Петербурга. Мы уѣзжаемъ въ субботу, т. е. завтра. Я совѣтовался съ Здекауеромъ, онъ петербургскій докторъ, а вовсе не берлинскій, какъ мнѣ показалось, читая письмо Тургенева. Воды, на которыхъ Тургеневъ теперь находится, Соденъ,—насъ туда же посылаютъ. Слѣдовательно, мой адресъ тоже на Франкфуртѣ на Майнѣ, poste—restante“.

Вслѣдъ за этимъ Фетъ получилъ отъ него второе письмо уже изъ Содена:

„Не дождавшись отъ васъ посланія, пишу къ вамъ, чтобы васъ увѣдомить, что я благополучно пріѣхалъ въ Соденъ; впрочемъ при моемъ пріѣздѣ изъ пушекъ не стрѣляли. Въ Соденѣ мы застали Тургенева, который живъ, здоровъ и здоровъ такъ, что самъ признается, что онъ „совершенно“ здоровъ. Нашелъ какую-то нѣмочку и восхищается ею. Мы

*) „Мои воспоминанія“. А. Фета, стр. 332.

Digitized by Google

(это относится къ милѣйшему Ивану Сергѣевичу) поигрываемъ въ шахматы, но какъ-то нейдетъ: онъ думаетъ о своей нѣмочкѣ, а я о своемъ выздоровленіи. Если я нынѣшнею осенью пожертвовалъ, то къ будущей осени я долженъ быть молодцомъ. Соденъ прекрасное мѣсто, нѣтъ еще недѣли, какъ я пріѣхалъ, а я чувствую себя уже очень и очень лучше. Живемъ мы съ братомъ на квартирѣ, три комнаты, двадцать гульденовъ въ недѣлю, table d'hôte—гульденъ, вино запрещено, поэтому вы можете видѣть, какое скромное мѣсто Соденъ, а мнѣ онъ нравится. Противъ оконъ моихъ стоитъ очень неказистое дерево, но на немъ живетъ птичка и поетъ себѣ каждый вечеръ; она мнѣ напоминаетъ флигель въ Новоселкахъ.

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Маріи Петровнѣ и будьте здоровы, друзья мои, да пишите почаще. Я въ Соденѣ кажется надолго, недѣль на шесть по крайней мѣрѣ. Путешествія не описывалъ, потому что все время былъ боленъ. Еще разъ прощайте" *).

28-го іюня 1860 года Л. Н. пишетъ уже изъ Москвы Фету, что рѣшилъ ѣхать за границу съ сестрой и проситъ его сдѣлать нѣкоторыя хозяйственныя распоряженія о лошадяхъ въ связи съ своимъ отъѣздомъ.

3-го іюля Левъ Николаевичъ съ сестрой Маріей Николаевной и съ ея дѣтьми отправился на пароходѣ изъ Петербурга въ Штетинъ и Берлинъ.

Болѣзнь брата была только поводомъ, ускорившимъ выѣздъ Льва Николаевича за границу. Къ этой поѣздкѣ онъ былъ готовъ давно. Цѣлью ея было ознакомленіе съ тѣмъ, что сдѣлано въ Европѣ по народному образованію.

„Послѣ года, проведеннаго въ занятіяхъ школой, говоритъ Левъ Николаевичъ въ своей „Исповѣди", я въ другой разъ поѣхалъ заграницу, чтобы тамъ узнать, какъ бы это такъ сдѣ-

*) Мои воспоминанія. А. Фета, стр. 334.

Digitized by Google

лать, чтобы, самому ничего не зная, умѣть учить другихъ“ *).

Но такую строгую оцѣнку цѣли своей поѣздки Левъ Николаевичъ могъ сдѣлать только черезъ 20 лѣтъ, тогда же онъ отдался со всею страстностью своего темперамента этому изученію.

И болѣзнь, а потомъ смерь брата не прекращаетъ этого изученія, а только дѣлитъ всю поѣздку на двѣ половины.

Постараемся описать эти событія въ ихъ послѣдовательности.

Изъ Штетина Левъ Николаевичъ пріѣхалъ съ сестрой въ Берлинъ, оттуда сестра его продолжаетъ свой путь къ брату въ Соденъ, а Левъ Николаевичъ остался въ Берлинѣ на нѣсколько дней **).

Онъ посѣтилъ университетъ, гдѣ присутствовалъ на лекціяхъ профессора исторіи Дройзена и на лекціяхъ физики и физіологіи Дюбуа-Реймона. Кромѣ того, Левъ Николаевичъ посѣтилъ вечерніе курсы въ собраніи ремесленниковъ, Handswerkverein, гдѣ чрезвычайно заинтересовался популярными лекціями одного выдающагося профессора и особенно „вопроснымъ ящикомъ“. Этотъ способъ народнаго образованія былъ еще неизвѣстенъ Толстому и поразилъ его живостью и свободою обмѣна мыслей между представителемъ науки и народомъ. Къ сожалѣнію съ тѣхъ поръ прошло болѣе сорока лѣтъ, а Россія до сихъ поръ не дожила до этого простого способа народнаго образованія. Полицейская цензура, духовная и свѣтская, дѣлаетъ конечно примѣненіе этого способа у насъ невозможнымъ.

---

*) „Исповѣдь“. Изд. Черткова, стр. 12.

**) Интересныя подробности этого второго заграничнаго путешествія мы заимствуемъ изъ книги Р. Левенфельда. „Графъ Л. Н. Толстой, его жизнь и сочиненія“, гдѣ это путешествіе описано весьма подробно. исправляя нѣкоторыя неточности по частнымъ письмамъ Льва Николаевича къ его роднымъ.

Digitized by Google

Затѣмъ Левъ Николаевичъ посѣтилъ въ Берлинѣ Моабизскую тюрьму, гдѣ была недавно введена новая усовершенствованная наукой система пытки, извѣстная подъ названіемъ одиночнаго заключенія: конечно, это изобрѣтеніе не оставило во Львѣ Николаевичѣ благопріятнаго впечатлѣнія.

14-го іюля онъ покидаетъ Берлинъ.

Останавливается на одинъ день въ Лейпцигѣ для осмотра школъ и 16-го іюля, проѣхавъ поразившую его своей красотой такъ называемую Саксонскую Швейцарію, онъ пріѣзжаетъ въ Дрезденъ, гдѣ видится съ извѣстнымъ писателемъ народникомъ Бертольдомъ Ауэрбахомъ.

Американскій писатель Скайлеръ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Толстомъ, такъ передаетъ разсказъ Л. Н—ча объ этомъ свиданіи, дополняя его потомъ собранными свѣдѣніями:

„Помогая Толстому приводить въ порядокъ его библіотеку, я помню, говоритъ Скайлеръ, что собранію сочиненій Ауэрбаха было дано первое мѣсто на первой полкѣ, и вынувъ два тома „Ein neues Leben“ *), Толстой сказалъ мнѣ, чтобы я прочелъ ихъ, когда лягу спать, какъ весьма замѣчательную книгу и прибавилъ:

— Этому писателю я былъ обязанъ, что открылъ школу для моихъ крестьянъ и заинтересовался народнымъ образованіемъ. Когда я во второй разъ вернулся въ Европу, я посѣтилъ Ауэрбаха, не называя себя. Когда онъ вошелъ въ комнату, я сказалъ только: „я Евгеній Бауманъ“ **) и когда онъ показалъ смущеніе, я поспѣшилъ прибавить: „не дѣйствительно по имени, но по характеру“. И тогда я сказалъ ему, кто я, какъ сочиненія его заставили меня думать, и какъ хорошо они на меня подѣйствовали“.

„Случай привелъ меня, продолжаетъ Скайлеръ, слѣдующей зимой провести нѣсколько дней въ Берлинѣ, гдѣ въ гостепріимномъ домѣ американскаго посланника Банкрофта

*) Новая жизнь.

**) Герой повѣсти Ауэрбаха.

Digitized by Google

я имѣлъ удовольствіе встрѣтить Ауэрбаха, съ которымъ во время моего пребыванія тамъ я хорошо познакомился. Въ разговорѣ о Россіи мы говорили и о Толстомъ и я напомнилъ ему объ этомъ случаѣ.

— Да,—сказалъ онъ,—я всегда вспоминаю, какъ я испугался, когда этотъ странно глядящій господинъ сказалъ мнѣ, что онъ Евгеній Бауманъ, потому что я боялся, что онъ будетъ грозить мнѣ за пасквиль или диффамацію *).

Осмотръ Саксонскихъ школъ не удовлетворилъ Льва Николаевича.

Въ его путевыхъ замѣткахъ мы находимъ слѣдующую краткую характеристику этихъ школъ: „Былъ въ школѣ. Ужасно. Молитва за короля, побои, все наизусть, напуганныя, изуродованныя дѣти“.

19-го іюля онъ поѣхалъ дальше и прибылъ въ Киссингенъ, приблизясь такимъ образомъ къ брату. По дорогѣ онъ читаетъ исторію педагогики.

Оттуда Левъ Николаевичъ писалъ своей теткѣ 5-го августа 1860 года.

„Не писалъ я вамъ такъ долго, chére tante, потому что хотѣлось сообщить вамъ извѣстія не объ одномъ себѣ, но и о всѣхъ нашихъ. Но вотъ уже 10 дней напрасно жду отъ нихъ писемъ. Мы съ Машенькой доѣхали благополучно до Берлина. Покачало и порвало насъ только одинъ день.

Въ Берлинѣ мы съ Машей и Варенькой были у знаменитаго доктора Траубе. Онъ здоровье Маши нашелъ хорошимъ и послалъ ее только для руки въ Соденъ. Варенькѣ велѣлъ морскія купанья и тоже нашелъ, что ея сердце и легкія невредимы. Мнѣ посовѣтовалъ Киссингенъ, гдѣ я нахожусь. Въ Берлинѣ у меня сдѣлалась страшная зубная боль, такъ что Маша, пробывъ 4 дня, поѣхала въ Соденъ, а я остался. Въ Берлинѣ мы имѣли письмо отъ братьевъ, въ которомъ

---

*) Л. Н. Толстой. Воспоминанія Евг. Скайлера. Русская Старина. октябрь 1890 г., стр. 261.

Digitized by Google

Николай пишетъ, что ему Соденъ, кажется, помогъ. Вотъ все, что я о нихъ знаю. Въ Берлинѣ я пробылъ дней 10 очень пріятно и полезно для себя. Зубная боль промучила меня 4 дня. Киссингенъ, какъ можно судить по 9 днямъ, кажется, мнѣ очень поможетъ отъ моихъ мигреней и геморроидальныхъ припадковъ. Здѣсь я нашелъ Ауэрбаха *) съ страшными глазами, которому я очень радъ, и его пискливую жену, которой я не радъ. Адресъ мой En Bovière, Kissengen. Надѣюсь, что вы напишите мнѣ. Прощайте, цѣлую ваши ручки. Старостѣ велите мнѣ наиподробнѣйшимъ образомъ написать о работахъ, уборкѣ и о лошадяхъ и болѣзни. Учителю велите написать о школѣ, сколько учениковъ ходятъ и хорошо ли учатся. Я вернусь осенью непремѣнно и болѣе, чѣмъ когда либо, займусь школой, поэтому желалъ бы, чтобы безъ меня не пропала репутація школы и чтобъ побольше съ разныхъ сторонъ было школьниковъ".

Въ Киссингенѣ онъ продолжаетъ много читать: по естествознанію читаетъ Бэкона, по религіи Лютера, изъ политической области Риля. Вѣроятно, въ это время онъ читалъ и Герцена, такъ какъ объ немъ есть краткая замѣтка въ его дневникѣ:

„Герценъ — разметавшійся умъ, больное самолюбіе, но ширина, ловкость и доброта, изящество—русскія".

Въ Киссингенѣ Толстой познакомился съ нѣмецкимъ соціологомъ Юліемъ Фребелемъ, авторомъ „Системы соціальной политики" и племянникомъ педагога Фребеля, учредителя дѣтскихъ садовъ.

По разсказамъ Фребеля, Толстой удивлялъ его рѣзкостью своихъ воззрѣній. бывшихъ совершенно новыми для нѣмецкаго ученаго и поразившихъ его несоотвѣтствіемъ съ его „системой".

„Прогрессъ въ Россіи, говорилъ Толстой, долженъ исходить изъ народнаго образованія, которое дастъ у насъ лучшіе

*) Сосѣдъ, тульскій помѣщикъ, однофамилецъ писателя.

Digitized by Google

Л. Н. ТОЛСТОЙ
ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ ЗАГРАНИЧНОЙ ПОѢЗДКИ ВЪ 1860 Г.

Digitized by Google

Digitized by Google

результаты, чѣмъ въ Германіи, потому что русскій народъ еще не испорченъ, тогда какъ нѣмцы походятъ на ребенка, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подвергался неправильному воспитанію".

Народное образованіе, по его мнѣнію, не должно быть обязательнымъ: если оно благо,—говорилъ онъ,—то его потребность должна вызываться сама собой, подобно тому какъ потребность въ питаніи вызывается голодомъ.

Онъ съ живымъ интересомъ высказывалъ свой взглядъ на общинное крестьянское землевладѣніе и видѣлъ въ „артели" будущность соціальнаго строя. Фребель часто улыбался, слушая подобныя мнѣнія Толстого о германскомъ народѣ. Толстой былъ пораженъ, что ни въ одномъ нѣмецкомъ крестьянскомъ домѣ не нашелъ онъ ни „Деревенскихъ разсказовъ", ни произведеній Гебеля. Русскіе крестьяне,—говорилъ онъ,—проливали бы слезы надъ подобными книгами.

Впечатлѣнія, полученныя имъ отъ Бертольда Ауэрбаха въ Дрезденѣ и отъ Фребеля во время ихъ совмѣстныхъ прогулокъ, укрѣпили его въ той задачѣ, планъ которой только еще носился передъ его умственнымъ взоромъ. Авторъ „Системы соціальной политики" указалъ ему на родственныя ему по взглядамъ сочиненія Риля, и Толстой, со всѣмъ пыломъ юности, накинулся на „Естественную исторію народа, какъ основаніе нѣмецкой соціальной политики".

Племянникъ Фридриха Фребеля былъ по своему внутреннему призванію тоже педагогъ. Онъ познакомилъ Толстого съ мыслями своего дяди, учредителя дѣтскихъ садовъ.

Въ Киссингенѣ Толстой посѣтилъ всѣ окрестности, богатыя красотами природы и историческими воспоминаніями. Онъ прошелъ Гарцъ, побывалъ въ тюрингенскихъ городахъ и изъ Эйзенаха проѣхалъ въ Вартбургъ.

Личность нѣмецкаго реформатора, чью тяжелую борьбу напоминаетъ собой Вартбургъ, живо интересовала Толстого. Разрывъ съ старыми традиціями, смѣлая и искренняя реформаторская дѣятельность и идеи, воплощеніемъ которыхъ

Digitized by Google

былъ Лютеръ, увлекали Толстого, и онъ, посѣтивъ ту комнату, гдѣ были написаны первыя слова Библіи на нѣмецкомъ языкѣ, записалъ въ свой дневникъ короткую фразу: „Лютеръ великъ“.

Между тѣмъ больной Николай Николаевичъ Толстой писалъ Фету отъ 19 іюля:

„Я бы давно написалъ вамъ, любезные друзья мои, но мнѣ хотѣлось написать вамъ обо всѣхъ, составляющихъ нашу Толстовскую колонію, но тутъ произошла ужасная путаница, которая наконецъ распуталась слѣдующимъ образомъ: сестра съ дѣтьми пріѣхала въ Соденъ и будетъ въ немъ жить и лѣчиться, дядя Леушка остался въ Киссингенѣ, въ пяти часахъ отъ Содена, и не ѣдетъ въ Соденъ, такъ что я его не видалъ. Письмо ваше я отправилъ къ Левочкѣ съ братомъ Сергѣемъ, который будетъ въ Киссингенѣ проѣздомъ въ Россію. Онъ скоро у васъ будетъ и все вамъ подробно разскажетъ. Извините, добрѣйшій Афанасій Афанасьевичъ, что я прочиталъ ваше письмо къ брату, много въ немъ правды, но только гдѣ вы говорите объ общемъ: а гдѣ говорите о самомъ себѣ, тамъ вы не правы, все тотъ же недостатокъ практичности: себя и кругомъ себя ничего не знаешь. Но вѣдь не боги горшки обжигали; бросьтесь въ практичность, окунитесь въ нее съ головой, и я увѣренъ, что она вытѣснитъ изъ васъ байбака, да еще выжметъ изъ васъ какую нибудь лирическую штучку, которую мы съ Тургеневымъ да еще нѣсколько человѣкъ прочтемъ съ удовольствіемъ. А на остальной міръ—плевать! За что я васъ люблю, любезнѣйшій Афан. Афан.,—за то, что все въ васъ правда, все что изъ васъ, то въ васъ, нѣту фразы, какъ, напримѣръ, въ милѣйшемъ и пр. Иванѣ Сергѣевичѣ. А очень стало мнѣ безъ него пусто въ Соденѣ, не говоря уже о томъ, что шахматный клубъ разстроился. Даже аппетитъ у меня сталъ не тотъ, съ тѣхъ поръ какъ не сидитъ подлѣ меня его толстая и здоровая фигура и не требуетъ придачи: то моркови къ говядинѣ, то говядины къ моркови. Мы часто

Digitized by Google

о васъ говорили съ нимъ, особенно послѣднее время: „вотъ Фетъ собирается, вотъ Фетъ ѣдетъ, наконецъ Фетъ стрѣляетъ". „Иванъ Сергѣевичъ купилъ собаку,—черный полукровный понтеръ. Я воды кончилъ; намѣренъ дѣлать разныя экскурсіи; но все таки моя штабъ-квартира въ Соденѣ и адресъ тотъ же".

Отъ Ник. Ник. Толстого осталось такъ мало литературныхъ произведеній, что мы помѣщаемъ еще его нѣсколько писемъ къ общему другу братьевъ Толстыхъ, Дмитрію Алексѣевичу Дьякову. Хотя они не особенно содержательны, но тѣмъ не менѣе отражаютъ на себѣ его добродушіе.

Изъ Содена онъ писалъ Дьяковымъ два раза:

„Любезный Дьяковъ, получилъ ли ты письмо мое изъ Петербурга, если получилъ, то грѣхъ тебѣ не отвѣчать. Что съ вами? Надѣюсь, что всѣ твои здоровы—ради Бога отвѣчай, ѣдетъ ли Дарья Александровна заграницу? Когда, куда, не уѣхала ли уже, еслибъ я зналъ все это, то я бы сейчасъ поѣхалъ къ ней навстрѣчу; воды пить я кончилъ и теперь отдыхаю, сестра тоже въ Соденѣ, пробудетъ въ немъ четыре недѣли.

Здоровье мое поправилось, но не совсѣмъ, мнѣ сдается, что, вѣроятно, тоже можно сказать и про твое хозяйство. Ради Бога пиши, какъ идетъ хозяйство, какіе планы и пр. Левочка въ Киссингенѣ, Сережа былъ со мной въ Соденѣ, профершпилился въ рулетку и уѣхалъ назадъ въ Россію, онъ, вѣроятно, будетъ у тебя.

Весь твой
Гр. Н. Толстой".

19 іюля. нов. штиля.

„Не знаю, какъ благодарить Васъ, Дарья Александровна, за вашу приписку, значитъ, Вы не забыли вашего сосѣда. Какъ ваше здоровье? Какъ здоровье Маши? Надѣюсь, что мы увидимся нынѣшній годъ и думаю объ этомъ съ наслаж-

Digitized by Google

деніемъ, напишите только, когда вы будете заграницей, гдѣ вы, и я сейчасъ явлюсь. Сестра моя тоже въ Соденѣ и проситъ меня напомнить вамъ о себѣ. Мы съ ней вмѣстѣ проклинаемъ погоду—вообразите, что здѣсь лѣта не было—холода, вѣтры и дожди все время, и это не въ одномъ Соденѣ, но во всей Европѣ. Но да не испугаетъ васъ это, пріѣзжайте и привезите намъ хорошую погоду. Съ истиннымъ почтеніемъ и уваженіемъ.

Преданнѣйшій Вашъ Графъ Н. Толстой".

Боюсь, любезный Дмитрій, что письмо это васъ не застанетъ, если ты его получишь, отвѣчай сейчасъ, куда вы ѣдете, гдѣ будете осень.—Вотъ главное. Адресъ мой пока все таки въ Соденъ, потому что я самъ не знаю, куда я отсюда поѣду, мнѣ предписываютъ виноградъ и хорошій климатъ, а ни того, ни другого нынѣшній годъ въ Европѣ нѣтъ. Сестра тебѣ кланяется.

28 августа. Весь твой Н. Толстой".

Но вотъ изъ Содена стали приходить неутѣшительныя извѣстія. Ник. Ник. Толстой пріятно провелъ нѣсколько недѣль въ красивомъ мѣстечкѣ, въ обществѣ сестры, ея дѣтей и брата Сергѣя, но его здоровье не поправлялось. Врачи совѣтовали ему переѣхать въ Италію.

6-го августа Сергѣй Николаевичъ Толстой отправился на родину. Онъ воспользовался случаемъ заѣхать въ Киссингенъ, лежащій въ разстояніи 5-ти часовъ пути, чтобы навѣстить брата Льва и сообщить ему серьезныя опасенія за здоровье Николая. Три дня спустя, именно въ тотъ день, когда Сергѣй Николаевичъ продолжалъ свой путь на родину, пріѣхалъ въ Киссингенъ и братъ Николай. Сестра же съ дѣтьми оставались въ Соденѣ для окончанія лѣченія.

Ник. Ник. не долго пробылъ въ Киссингенѣ и снова вернулся въ Соденъ, а Левъ Николаевичъ пробылъ еще нѣко-

Digitized by Google

торое время въ Гарцѣ, наслаждаясь природой и посвящая свободное время чтенію книгъ.

Наконецъ, 26 августа онъ пріѣхалъ въ Соденъ. Тамъ все было приготовлено къ отъѣзду, и 29 августа Левъ Николаевичъ съ братомъ отправились во Франкфуртъ.

Вѣроятно, сильныя индивидуальныя качества дѣлали Льва Николаевича очень оригинальнымъ даже по внѣшнему виду. Мы уже видѣли, какъ онъ напугалъ Ауэрбаха. Во Франкфуртѣ произошло тоже нѣчто подобное. Вотъ какъ вспоминаетъ объ этомъ его тетушка А. А. Толстая:

„Мы переѣхали во Франкфуртъ. Однажды у меня въ гостяхъ сидѣлъ принцъ Александръ Гессенскій съ супругой. Вдругъ отворяется дверь гостиной и появляется Левъ Николаевичъ въ самомъ странномъ костюмѣ, напоминающемъ тѣ, въ которыхъ изображаютъ на картинахъ испанскихъ разбойниковъ. Я такъ и ахнула отъ изумленія.. Левъ Николаевичъ остался, видимо, недоволенъ моими гостями и въ скорости ушелъ.

— „Qui est donc ce singulier personnage?—спросили мои гости съ удивленіемъ.

— „Mais c'est Léon Tolstoy.

— „Ah, mon Dieu, pourquoi ne l'avez-vous pas nommé? Après avoir lu ses admirables écrits nous mourrions d'envie de le voir *),—упрекнули они меня“ **).

Изъ Франкфурта Толстые всѣ вмѣстѣ переѣхали въ Гіеру, на берегъ Средиземнаго моря, по совѣту врачей. Но бѣдному Николаю это не помогло и онъ тамъ прожилъ не долго.

---

*) Кто эта странная личность?—Да это Толстой.—Ахъ, Боже мой, зачѣмъ Вы его не назвали? Прочитавши его очаровательныя писанья, мы страстно желали его увидать.

**) Ив. Захарьинъ (Якунинъ): Графиня Александра Андреевна Толстая. Вѣстникъ Европы. Іюнь 1904 года.

Digitized by Google

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, Л. Н. пишетъ тетушкѣ Т. А. письмо, въ которомъ еще замѣтна надежда на выздоровленіе Н. Н.

«L'état de la santé de Nicolas est toujours le même, mais ce n'est qu'ici, qu'il faut éspérer une amélioration, parce que le genre de vie qu'il a mené à Soden, le voyage et le mauvais temps ont du, au contraire, lui faire du mal. Ici le temps est admirable ces trois jours et ici on dit, que le temps a été toujours beau. Il y a ici une princesse Galitzine, qui habite le pays depuis 9 ans. Marie a fait sa connaissance et cette princesse dit, qu'elle est venue ici dans un état beaucoup pire, que celui de Nicolas, et à présent c'est une femme forte et tout à fait bien portante *).

Но ему становилось все хуже и хуже. За нѣсколько дней до смерти онъ пишетъ Дьякову, въ Парижъ, и почеркъ его становится слабымъ, дрожащимъ и онъ самъ сознается въ упадкѣ силъ:

„Пишу тебѣ нѣсколько строкъ, чтобы было тебѣ извѣстно, гдѣ я. Я и сестра проводимъ зиму въ Hiêres. Вотъ мой адресъ и Левочки тоже: a Hiêres, dans la maison de Mad. Sénéquier, rue du Midi. Увы, мнѣ пріѣхать въ Парижъ невозможно, эта поѣздка мнѣ не по силамъ, я очень слабъ. Какъ пріѣдешь и найдешь это письмо, пиши, гдѣ остановился, какъ доѣхалъ и прочее. Если нельзя видѣться, будемъ переписываться.

Весь твой Н. Толстой“.

*) Состояніе здоровья Николеньки все то же, но только здѣсь можно ожидать улучшенія, потому что образъ жизни, который онъ велъ въ Соденѣ, путешествіе и плохая погода должны были, напротивъ, принести ему вредъ. Здѣсь погода превосходна въ эти три дня и здѣсь говорятъ, что погода все время была прекрасная. Здѣсь есть княгиня Голицына, которая живетъ здѣсь уже 9 лѣтъ. Машенька познакомилась съ ней и эта княгиня говоритъ, что она пріѣхала сюда въ еще худшемъ состояніи, чѣмъ Николенька, а теперь это сильная женщина и вполнѣ здоровая.

Digitized by Google

20 сентября новаго стиля 1860 года онъ скончался и Л. Н. такъ извѣщаетъ объ этомъ свою тетушку Т. А.

„Chère tante!

Черная печать вамъ все скажетъ. То, чего я ждалъ двѣ недѣли съ часу на часъ, случилось нынче въ 9 часовъ вечера. Только со вчерашняго дня онъ позволилъ мнѣ помочь ему раздѣться, нынче первый день, что онъ рѣшительно легъ и раздѣлся и потребовалъ gardemalade. Все время онъ былъ въ памяти, за четверть часа до смерти онъ выпилъ молока и сказалъ мнѣ, что ему хорошо. Нынче еще онъ шутилъ и интересовался моими дѣлами о воспитаніи. Только за нѣсколько минутъ до смерти онъ прошепталъ нѣсколько разъ: „Боже мой, Боже мой!“ Мнѣ кажется, что онъ чувствовалъ свое положеніе, но обманывалъ насъ и себя. Машенька нынче только часа за четыре уѣхала отъ насъ, т.-е. изъ Hyères, за 4 версты, гдѣ она живетъ. Она никакъ не ожидала этого такъ скоро. Я только что закрылъ ему глаза. Я скоро теперь буду къ вамъ и все разскажу изустно. Тѣло его я не думаю перевозить. Похороны устроитъ княгиня Голицина, которая взялась за все.

Прощайте, chère tante. Утѣшать васъ не могу. Воля Божья—вотъ одно, Сережѣ я теперь не пишу. Онъ, должно быть, на охотѣ, вы знаете, гдѣ. Поэтому и извѣстите его или пошлите это письмо.

На другой день послѣ похоронъ онъ пишетъ о томъ же брату Сергѣю:

„Ты, я думаю, получилъ извѣстіе о смерти Николеньки. Мнѣ жаль тебя, что ты не былъ тутъ, какъ это ни тяжело, мнѣ хорошо, что все это было при мнѣ, и что это подѣйствовало на меня, какъ должно было. Не такъ какъ смерть Митеньки, о которой я узналъ, вовсе не думая о немъ. Впрочемъ, это совсѣмъ другое дѣло. Съ Митенькой были связаны воспоминанія дѣтства и родственное чувство и только: а это былъ положительно человѣкъ для тебя и для меня, котораго мы любили и уважали положительно больше

Digitized by Google

всѣхъ на свѣтѣ. Ты это знаешь, эгоистическое чувство, которое послѣднее время приходило, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; а теперь страшно это писать и вспоминать, что это думалъ. До послѣдняго дня онъ съ своей необычайной силой характера и сосредоточенностью дѣлалъ все, чтобы мнѣ не быть въ тягость. Въ день своей смерти онъ самъ одѣлся и умылся, и утромъ я его засталъ одѣтаго на креслѣ. Это было часовъ за девять до смерти, что онъ покорился болѣзни и попросилъ себя раздѣть. Первое было въ нужникѣ. Я вышелъ внизъ и слышу, дверь его отворилась; я вернулся, его нѣтъ нигдѣ. Сначала я боялся войти, онъ не любилъ, но тутъ онъ мнѣ самъ сказалъ: „помоги мнѣ".

„И онъ покорился и сталъ другой: кроткій, добрый этотъ день; не стоналъ, ни про кого не говорилъ, всѣхъ хвалилъ и мнѣ говорилъ: „благодарствуй, мой другъ". Понимаешь, что это значитъ въ нашихъ отношеніяхъ. Я сказалъ ему, что слышалъ, какъ онъ кашлялъ утромъ, но не вошелъ изъ за fausse honte *). „Напрасно, это бы меня утѣшило". Страдать—онъ страдалъ, но онъ только разъ сказалъ дня за два до смерти: „что за ужасныя ночи безъ сна. Къ утру давитъ кашель, мѣсяцъ! и что грезится—Богъ знаетъ. Еще такія ночи двѣ—это ужасно". Ни разу ясно онъ не сказалъ, что чувствуетъ приближеніе смерти. Но онъ только не говорилъ. Въ день смерти онъ заказалъ комнатное платье и вмѣстѣ съ тѣмъ, когда я сказалъ, что если не будетъ лучше, то мы съ Машенькой не поѣдемъ въ Швейцарію, онъ сказалъ: „развѣ ты думаешь, что мнѣ будетъ лучше?" такимъ голосомъ, что видно онъ чувствовалъ, но для меня не говорилъ, а я для него не показывалъ; однако, съ утра я зналъ какъ будто и все былъ у него. Онъ умеръ совсѣмъ безъ страданій, наружныхъ, по крайней мѣрѣ. Рѣже, рѣже дышалъ, и кончилось. На другой день я сошелъ къ нему и боялся открыть лицо. Мнѣ казалось, что оно будетъ еще

*) Ложный стыдъ.

Digitized by Google

Благодарю за Вашу
и дружескую, любезную
Вы прекрасно. Стихи
и нам создавию. Душевно ра
дуюсь Вы в сестрах, что
Грену твоего случаем не нас
-ранено. Бого дисть я уверен
ее здоровою, а то уже это
слишком бы было скверно.
Я бы подумывал о поездке в
Париж и Лондон, но камень
не пробьешь и задерживать нечем.
Машинька тебе очень благодарит
за здоровье и кланяется поцуе
но едва-ли она приедет в Па
Чего ты хочешь быть не зачем
и что мне хочется сказать тебе
это, что отличным человеком и
что ты только послушайся своего
сердца обратись к нам, а ни
чего бы лучше было выдумать
для нас лучше. Я по-прежнему
к вину и по-прежнему суеверен.
Как ты — и никто в другой
раз мой этого отношения
подлинно нам. — Прощай душа
моя, всегда искренно обнимаю
тебя. — Л. Толстой

АВТОГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОГО 1860 Г.

(ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ЕГО ДРУГУ Д. А. ДЬЯКОВУ).

Digitized by Google

Digitized by Google

страдальческѣе, страшнѣе, чѣмъ во время болѣзни, и ты не можешь вообразить, что это было за прелестное лицо съ его лучшимъ веселымъ и спокойнымъ выраженіемъ.

Вчера его похоронили тутъ. Я одно время думалъ перевезти, телеграфировать тебѣ, да раздумалъ. Нечего ковырять рану. Мнѣ жалко тебя, что тебя извѣстіе это застанетъ на охотѣ, въ разсѣянности и не прохватитъ такъ, какъ насъ. Это здорово. Я чувствую теперь то, что слыхалъ часто, что какъ потеряешь такого человѣка, какъ онъ для насъ, такъ много легче самому становится думать о смерти.

Твое письмо пришло въ самую минуту, какъ его отпѣвали. Да, ужъ не будешь полевать съ нимъ.

Два дня до смерти читалъ онъ мнѣ свои записки объ охотѣ и много говорилъ о тебѣ. Онъ говорилъ о тебѣ, что ты всѣмъ отъ Бога сдѣланъ счастливымъ человѣкомъ и самъ себя мучаешь. Я только на второй день хватился сдѣлать его портретъ и маску. Портретъ уже не засталъ его удивительнаго выраженія, но маска прелестна".

Смерть его произвела сильное впечатлѣніе на Льва Николаевича и сначала она оттолкула его отъ жизни и расшатала его вѣру въ добро. Вотъ какую запись онъ дѣлаетъ въ своемъ дневникѣ:

13 октября 1860 года: „Скоро мѣсяцъ, что Николенька умеръ. Страшно оторвало меня отъ жизни это событіе. Опять вопросъ: зачѣмъ? Ужъ недалеко отъ отправленія туда. Куда? Никуда. Пытаюсь писать, принуждаю себя и не идетъ, только оттого, что не могу приписывать работѣ того значенія, какое нужно приписывать для того, чтобы имѣть силу и терпѣніе работать. Во время самыхъ похоронъ пришла мнѣ мысль написать матерьялистическое евангеліе, жизнь Христа—матерьялиста".

Въ письмѣ отъ 17 октября 1860 года къ Фету, когда уже улеглись первыя впечатлѣнія горя и сознаніе снова взяло верхъ, Левъ Николаевичъ такъ описываетъ кончину брата:

Digitized by Google

„Мнѣ думается, что вы уже знаете то, что случилось. 20 сентября онъ умеръ буквально на моихъ рукахъ. Ничто въ жизни не дѣлало на меня такого впечатлѣнія. Правду онъ говаривалъ, что хуже смерти ничего нѣтъ. А какъ хорошенько подумать, что она все таки конецъ всего, такъ и хуже жизни ничего нѣтъ. Для чего хлопотать, стараться, коли отъ того, что былъ Николай Николаевичъ Толстой, для него ничего не осталось. Онъ не говорилъ, что чувствуетъ приближеніе смерти, но я знаю, что онъ за каждымъ шагомъ ея слѣдилъ и вѣрно зналъ, что еще остается. За нѣсколько минутъ передъ смерью онъ задремалъ и вдругъ очнулся и съ ужасомъ прошепталъ: „да что жъ это такое?“ Это онъ ее увидалъ, это поглощеніе себя въ ничто. А ужъ коли онъ не нашелъ ничего, за что ухватиться, что же я найду? Еще меньше. И ужъ вѣрно ни я и никто такъ не будетъ до послѣдней минуты бороться съ нею, какъ онъ. Дня за два я ему говорилъ: „нужно бы тебѣ удобство въ комнату поставить“.

— „Нѣтъ, говоритъ, я слабъ, но еще не такъ; мы еще поломаемся“.

До послѣдней минуты онъ не отдавался ей, все самъ дѣлалъ, все старался заниматься, писалъ, меня спрашивалъ о моихъ писаніяхъ, совѣтовалъ. Но все это, мнѣ казалось, онъ дѣлалъ уже не по внутреннему стремленію, а по принципу. Одно: природа—это осталось до конца. Наканунѣ онъ пошелъ въ свою спальню и упалъ отъ слабости на постель у открытаго окна. Я пришелъ, онъ говоритъ со слезами на глазахъ: „какъ я наслаждался теперь цѣлый часъ“. Изъ земли взятъ и въ землю пойдешь. Осталось одно—смутная надежда, что тамъ, въ природѣ, которой частью сдѣлаешься въ землѣ, останется и найдется что-нибудь.

Всѣ, кто знали и видѣли его послѣднія минуты, говорятъ: „какъ удивительно спокойно, тихо онъ умеръ“, а я знаю, какъ страшно мучительно, потому что ни одно чувство не ускользнуло отъ меня. Тысячу разъ я говорю себѣ: „оставь-

Digitized by Google

те мертвымъ хоронить мертвыхъ", но надо же куда-нибудь дѣвать силы, которыя еще есть. Нельзя уговаривать камень, чтобы онъ падалъ кверху, а не книзу, куда его тянетъ. Нельзя смѣяться шуткѣ, которая наскучила. Нельзя ѣсть, когда не хочется. Къ чему все, когда завтра начнутся муки смерти со всею мерзостью лжи, самообмана и кончится ничтожествомъ, нулемъ для себя. Забавная штучка. Будь полезенъ, будь добродѣтеленъ, счастливъ, покуда живъ, говорятъ люди другъ другу; а ты, и счастье, и добродѣтель, и польза состоятъ въ правдѣ. А правда, которую я вынесъ изъ тридцати двухъ лѣтъ, есть та, что положеніе, въ которое мы поставлены, ужасно. „Берите жизнь какая она есть; вы сами поставили себя въ это положеніе". Какъ же! я и беру жизнь, какъ она есть. Какъ только дойдетъ человѣкъ до высшей степени развитія, такъ онъ увидитъ ясно, что все дичь, обманъ, и что правда, которую онъ всетаки любитъ лучше всего, что эта правда ужасна. Что, какъ увидишь ее хорошенько, ясно, такъ очнешься и съ ужасомъ скажешь, какъ братъ: „да что жъ это такое?" Но разумѣется, покуда есть желаніе знать и говорить правду, стараешься знать и говорить. Это одно, что осталось у меня изъ моральнаго міра, выше чего я не могу стать. Это одно я и буду дѣлать, только не въ формѣ вашего искусства. Искуство есть ложь, а я уже не могу любить прекрасную ложь....

Я зиму проживу здѣсь по той причинѣ, что все равно жить, гдѣ бы то ни было. Пишите мнѣ, пожалуйста. Я васъ люблю такъ же, какъ братъ васъ любилъ и помнилъ до послѣдней минуты....

Л. Толстой".

Левъ Николаевичъ, жившій въ Севастополѣ среди тысячи смертей, видѣлъ ихъ тогда только тѣлесными очами. Тутъ на смерть любимаго брата онъ въ первый разъ взглянулъ духовными очами и ужаснулся. Какъ искренній человѣкъ, онъ съ необычайною правдивостью призналъ себя побѣж-

Digitized by Google

деннымъ ею, несостоятельнымъ передъ ея могуществомъ. И эта правдивость спасла его. Съ этой минуты, можно сказать, мысль о смерти не покидала его; она приводитъ его къ неизбѣжному духовному кризису и побѣдѣ надъ нею.

Еще черезъ мѣсяцъ по поводу новой смерти онъ пишетъ слѣдующее:

„Умеръ въ мученіяхъ мальчикъ 13 лѣтъ отъ чахотки. За что? Единственное объясненіе даетъ вѣра въ возмездіе будущей жизни. Ежели ея нѣтъ, то нѣтъ и справедливости и не нужно справедливости и потребность справедливости есть суевѣріе.

Справедливость составляетъ существеннѣйшую потребность человѣка къ человѣку. Тоже отношеніе человѣкъ ищетъ въ своемъ отношеніи къ міру. Безъ будущей жизни его нѣтъ. Цѣлесообразность единственный, неизмѣнный законъ природы — скажутъ естественники. Ея нѣтъ въ явленіяхъ души человѣка—любви, поэзіи; въ лучшихъ явленіяхъ ея нѣтъ. Все это было и умерло, часто не выразившись. Природа далеко переступила свою цѣль, давши человѣку потребность поэзіи и любви, ежели одинъ законъ ея—цѣлесообразность“.

Еще позднѣе, въ „Исповѣди“ онъ пишетъ о смерти брата такъ:

„Другой случай сознанія недостаточности для жизни суевѣрія прогресса была смерть моего брата. Умный, добрый, серьезный человѣкъ, онъ заболѣлъ молодымъ, страдалъ болѣе года и мучительно умеръ, не понимая, зачѣмъ онъ жилъ, и еще менѣе понимая, зачѣмъ онъ помираетъ. Никакія теоріи ничего не могли отвѣтить на эти вопросы ни мнѣ, ни ему во время его медленнаго и мучительнаго умиранія“ *).

Наконецъ уже послѣ просвѣтленія своего сознанія онъ пишетъ книгу „О жизни“, которую заключаетъ словами: „Жизнь человѣка есть стремленіе къ благу; къ чему онъ

*) Исповѣдь. Изд. Черткова, стр. 11.

Digitized by Google

стремится, то и дано ему: жизнь, не могущая быть смертью, и благо, не могущее быть зломъ".

Есть интересныя свѣдѣнія о жизни Льва Николаевича съ семьей его сестры въ Гіерѣ послѣ смерти брата, разсказанныя Сергѣемъ Плаксинымъ, бывшимъ тогда еще маленькимъ мальчикомъ и жившимъ съ своею матерью въ томъ же пансіонѣ. Вотъ какъ онъ разсказываетъ о поселеніи и жизни Толстыхъ на виллѣ Тошъ:

„Семейство графа заняло верхній этажъ виллы, при чемъ Левъ Николаевичъ поставилъ свой письменный столъ въ стеклянной галереѣ съ видомъ на море. Левъ Николаевичъ, живя въ Гіерѣ, часто бывалъ у сестры на дачѣ, проводя тамъ цѣлые дни.

Неутомимый ходокъ, Левъ Николаевичъ составлялъ намъ маршрутъ, изобрѣтая все новыя мѣста для прогулокъ. То мы отправлялись смотрѣть на выварку соли на полуостровѣ „Porquerollo", то подымались на священную гору, гдѣ построена каплица съ чудотворной статуей Пресвятой Дѣвы, то ходили къ развалинамъ какого-то замка, почему-то носившаго названіе „Trou des fées" *).

По дорогѣ Левъ Николаевичъ разсказывалъ намъ, дѣтямъ, разныя сказки. Помню я какую-то о золотомъ конѣ и о гигантскомъ деревѣ, съ вершины котораго видны были всѣ моря и города. Зная мою слабую грудь, онъ нерѣдко сажалъ меня на свои плечи, продолжая разсказывать на ходу свои сказки. Надо ли говорить, что мы души въ немъ не чаяли?...

За обѣдомъ, вечеромъ, Левъ Николаевичъ разсказывалъ нашимъ добродушнымъ хозяевамъ всевозможныя забавныя небылицы о Россіи, и тѣ не знали, вѣрить ему или не вѣрить, пока графиня или моя мать не отдѣляли правды отъ вымысла.

*) „Пещера волшебницъ".

Digitized by Google

Сейчасъ же послѣ обѣда мы располагались, смотря по погодѣ, или на обширной террасѣ, или въ залѣ, и начиналась возня. Подъ звуки фортепіано мы изображали балетъ и оперу, немилосердно терзая слухъ нашихъ зрителей: маменекъ, Льва Николаевича и моей бонны Лизы. Балетъ и опера смѣнялись гимнастическими упражненіями, причемъ профессоромъ являлся тотъ же Левъ Николаевичъ, напиравшій главнымъ образомъ на развитіе мускуловъ.

Ляжетъ, бывало, на полъ во всю длину и насъ заставляетъ лечь и подниматься безъ помощи рукъ; онъ же устроилъ намъ въ дверяхъ веревочныя приспособленія и самъ кувыркался съ нами, къ общему нашему удовольствію и веселью.

Когда мы слишкомъ расшалимся и маменьки упросятъ Льва Николаевича насъ унять,—онъ насъ усаживалъ вокругъ стола и приказывалъ принести чернила и перья.

Вотъ образецъ нашихъ занятій со Львомъ Николаевичемъ.

— Слушайте,—сказалъ онъ намъ какъ-то,—я васъ буду учить!

— Чему? — спросила востроглазая Лизанька, предметъ моихъ нѣжныхъ чувствъ.

Не удостоивъ племянницу отвѣтомъ, Левъ Николаевичъ продолжалъ:

— Пишите!..

— Да что писать-то, дядя,—настаивала Лиза.

— А вотъ слушайте: я вамъ дамъ тему!..

— Что дашь?—не унималась Лиза.

— Тему! — твердо повторилъ Левъ Николаевичъ. — Пишите: чѣмъ отличается Россія отъ другихъ государствъ. Пишите тутъ же, при мнѣ, и другъ у друга не списывать! Слышите!—прибавилъ онъ внушительно.

И пошло у насъ писаніе, какъ говорится a qui mieux-mieux.

Коля, бывало, какъ тщательно ни наклоняетъ голову на бокъ, но у него всѣ линейки ползутъ въ правый верхній уголъ бумаги. Пыхтитъ онъ, пыхтитъ, издавая носомъ не-

Digitized by Google

опредѣленные звуки, но ничего бѣднягѣ не помогаетъ, а между тѣмъ Левъ Николаевичъ строго запрещалъ намъ писать по графленымъ линейкамъ, говоря, что это „одно баловство“. „Надо привыкать писать безъ нихъ“. Пока мы такимъ образомъ излагали наши мысли, графиня и моя мать сидѣли на диванѣ и читали вполголоса какое-нибудь новое произведеніе французской литературы, а графъ Левъ Николаевичъ ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, чѣмъ вызывалъ иногда восклицаніе нервной графини:

— Что это ты, Левушка, какъ маятникъ, слоняешься. Хоть бы присѣлъ!..

Черезъ полчаса наши „сочиненія“ были готовы, и мое было первымъ, къ которому прикоснулся нашъ менторъ. Онъ пытался было намъ прочесть его, но тщетно стараясь что-либо разобрать въ спустившихся къ поднебесью линейкахъ, возвратилъ мнѣ мою рукопись, сказавъ:

— Прочти-ка самъ,—и я громогласно сталъ читать, что Россія отличается отъ другихъ государствъ тѣмъ, что въ ней на масленицѣ блины ѣдятъ и съ горъ катаются, а на Пасхѣ яйца красятъ.

— Молодецъ!—похвалилъ Левъ Николаевичъ и сталъ разбирать рукопись Коли, у котораго Россія отличалась „снѣгомъ“, а у Лизы—„тройками“.

Обстоятельнѣе всѣхъ было написано у старшей изъ насъ всѣхъ—Вари.

Въ награду за наши вечернія занятія Левъ Николаевичъ привезъ намъ изъ Марселя, куда онъ почему-то часто ѣздилъ, изъ Іера, акварельныя краски и училъ насъ рисованію.

Левъ Николаевичъ проводилъ почти весь день съ нами,—училъ насъ, участвовалъ въ нашихъ играхъ и вмѣшивался въ наши споры, разбирая и доказывая, кто изъ насъ правъ, кто виноватъ“ *).

*) С. Плаксинъ, гр. Л. Н. Толстой среди дѣтей. Москва 1903 г.

Digitized by Google

Приведемъ еще разсказъ сестры Л. Н., М. Н., объ одномъ эпизодѣ изъ жизни Л. Н—ча въ Гіерѣ:

„Л. Н. всегда отличался оригинальностью, переходившей нерѣдко въ самодурство.

Мы жили въ Гіерѣ послѣ смерти брата. Л. Н. уже тогда былъ извѣстенъ и русское общество въ Гіерѣ и окрестностяхъ искало знакомства съ нимъ. Разъ мы были приглашены на вечеръ къ кн. Дундуковой-Корсаковой. Тамъ собралось все высшее общество и главнымъ clou этого вечера долженъ былъ быть Л. Н. и какъ нарочно онъ долго не приходилъ. Общество стало уже унывать, у хозяйки истощился весь запасъ заниманія общества и она съ грустью думала о своемъ soirée manquée. Но, наконецъ, уже очень поздно, доложили о пріѣздѣ графа Толстого. Хозяйка и гости оживились и каково же было ихъ удивленіе, когда въ гостиную вошелъ Л. Н. въ дорожной одеждѣ и въ деревянныхъ сабо. Онъ совершалъ какую то длинную прогулку, съ этой прогулки, не заходя домой, явился прямо на вечеръ и сталъ всѣхъ увѣрять, что деревянные сабо самая лучшая, самая удобная обувь и что онъ всѣмъ совѣтуетъ ею обзавестись. Ему и тогда уже все прощалось и вечеръ изъ за этого сталъ еще болѣе интереснымъ. Л. Н. былъ очень оживленъ. На вечерѣ много пѣли и заставляли его акомпанировать“.

Въ Гіерѣ, временами, Л. Н—чъ отдавался писательству; тамъ были написаны „Казаки“ и статьи „о нар. образованіи“.

Левъ Николаевичъ остался въ Гіерѣ до начала декабря и затѣмъ отправился черезъ Марсель въ Женеву, разстался тамъ съ своей сестрой, которая также переѣхала туда съ своими дѣтьми, и снова отправился въ путь — сначала въ Италію. Ницца, Ливорно, Флоренція, Римъ, Неаполь—вотъ главные пункты этого путешествія.

Въ Италіи, по его собственнымъ словамъ, онъ описывалъ первое живое впечатлѣніе природы и древности.

Въ Парижъ Толстой снова поѣхалъ черезъ Марсель, куда онъ заѣзжалъ нѣсколько разъ во время своего заграничнаго

Digitized by Google

путешествія. Очевидно, жизнь большого французскаго торговаго города привлекала и интересовала его.

Вотъ какъ описываетъ Левъ Никоваевичъ свое пребываніе въ Марселѣ, въ одной изъ своихъ педагогическихъ статей *):

„Годъ тому назадъ я былъ въ Марселѣ и посѣтилъ всѣ учебныя заведенія для рабочаго народа этого города. Отношеніе учащихся къ населенію такъ велико, что, за малымъ исключеніемъ, всѣ дѣти ходятъ въ школу въ продолженіе трехъ, четырехъ и шести лѣтъ. Программы школъ состоятъ въ изученіи наизусть катехизиса, священной и всеобщей исторіи, четырехъ правилъ арифметики, французской орфографіи и счетоводства. Какимъ образомъ счетоводство можетъ составлять предметъ преподаванія, я никакъ не могъ понять, и ни одинъ учитель не могъ объяснить мнѣ. Единственное объясненіе, которое я сдѣлалъ себѣ, разсмотрѣвъ, какъ ведутся книги учениками, окончившими этотъ курсъ,— есть то, что они не знаютъ и трехъ правилъ арифметики, а выучили наизусть операціи съ цифрами, и потому такъ же наизусть должны выучить tenue des livres. (Кажется, нечего доказывать, что tenue des livres, Buchhaltung преподающееся въ Германіи и въ Англіи. есть наука, требующая четыре часа объясненія для всякаго ученика, знающаго четыре правила арифметики). Ни одинъ мальчикъ въ этихъ школахъ не умѣлъ рѣшить, т. е. постановить самой простой задачи сложенія и вычитанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ отвлеченными числами они дѣлали операціи, помножая тысячи съ ловкостью и быстротой. На вопросы изъ исторіи Франціи отвѣчали наизусть хорошо, но по разбивкѣ я получилъ отвѣтъ, что Генрихъ IV убитъ Юліемъ Цезаремъ“.

„..... Видѣлъ я еще въ Марселѣ одну свѣтскую и одну монашескую школу для взрослыхъ. Изъ 250,000 жителей меньше 1,000 учащихся, и только 200 мужчинъ посѣщаютъ

*) С. Плаксинъ. Гр. Л. Н. Толстой среди дѣтей. Москва 1903 г. Стр. 15—25.

Digitized by Google

эти школы. Преподаваніе то же самое: механическое чтеніе, котораго достигаютъ въ годъ и болѣе, счетоводство безъ знанія арифметики, духовныя поученія и т. п. Видѣлъ я послѣ свѣтской школы ежедневныя поученія въ церквахъ, видѣлъ salles d'asile, въ которыхъ четырехлѣтнія дѣти по свистку, какъ солдаты, дѣлаютъ эволюціи вокругъ лавокъ, по командѣ поднимаютъ и складываютъ руки и дрожащими и странными голосами поютъ хвалебные гимны Богу и своимъ благодѣтелямъ, и убѣдился, что учебныя заведенія города Марселя чрезвычайно плохи. Ежели бы кто-нибудь какимъ-нибудь чудомъ видѣлъ всѣ эти заведенія, не видавъ народа на улицахъ, въ мастерскихъ, кафе, въ домашней жизни, то какое бы мнѣніе онъ себѣ составилъ о народѣ, воспитываемомъ такимъ образомъ? Онъ, вѣрно, подумалъ бы, что это народъ невѣжественный, грубый, лицемѣрный, исполненный предразсудковъ и почти дикій. Но стоитъ войти въ сношеніе, поговорить съ кѣмъ-нибудь изъ простолюдиновъ, чтобы убѣдиться, что, напротивъ, французскій народъ почти такой, какимъ онъ самъ себя считаетъ: понятливый, умный, общительный, вольнодумный и дѣйствительно цивилизованный. Посмотрите на городского работника лѣтъ тридцати: онъ уже напишетъ письмо не съ такими ошибками, какъ въ школѣ, иногда совершенно правильное; онъ имѣетъ понятіе о политикѣ, слѣдовательно, о новѣйшей исторіи и географіи: онъ знаетъ уже нѣсколько исторію изъ романовъ; онъ имѣетъ нѣсколько свѣдѣній изъ естественныхъ наукъ; онъ очень часто рисуетъ и прилагаетъ математическія формулы къ своему ремеслу. Гдѣ же онъ пріобрѣлъ все это?

Я невольно нашелъ этотъ отвѣтъ въ Марселѣ, начавъ послѣ школъ бродить по улицамъ, гингетамъ, кафе-шантанамъ, музеумамъ, мастерскимъ, пристанямъ и книжнымъ лавкамъ. Тотъ самый мальчикъ, который отвѣчалъ мнѣ, что Генрихъ IV убитъ Юліемъ Цезаремъ, зналъ очень хорошо исторію „Четырехъ мускатеровъ“ и „Монте-Кристо“. Въ Марселѣ я нашелъ 28 дешевыхъ изданій, отъ пяти до де-

Digitized by Google

сяти сантимовъ, иллюстрированныхъ. На 250,000 жителей ихъ расходится до 30,000,—слѣдовательно, если положить, что 10 человѣкъ читаютъ и слушаютъ одинъ нумеръ, то всѣ ихъ читаютъ. Кромѣ того,—музей, публичныя библіотеки, театры, кафе, два большіе кафе-шантана, въ которые, за потребленіе 50 сантимовъ, имѣетъ право войти всякій и въ которыхъ перебываетъ ежедневно до 25,000 человѣкъ, не считая маленькихъ кафе, имѣющихъ столько же; въ каждомъ изъ этихъ кафе даются комедійки, сцены, декламируются стихи. Вотъ уже, по самому бѣдному расчету, пятая часть населенія, которая изустно поучается ежедневно, какъ поучались греки и римляне въ своихъ амфитеатрахъ. Хорошо или дурно это образованіе — это другое дѣло; но вотъ оно безсознательное образованіе, во сколько разъ сильнѣйшее принудительнаго; вотъ она безсознательная школа, подкопавшаяся подъ принудительную школу и сдѣлавшая содержаніе ея почти ничѣмъ. Осталась только одна деспотическая форма почти безъ содержанія. Я говорю „почти“— исключая одно механическое умѣнье складывать буквы и выводить слова, единственное знаніе, пріобрѣтаемое пяти или шестилѣтнимъ ученьемъ“ *).

Въ январѣ 1861 года Толстой былъ уже въ Парижѣ. Какъ и вездѣ, онъ старался тамъ наблюдать уличные нравы.

„Когда я былъ въ Парижѣ, разсказывалъ онъ Скайлеру, я обыкновенно проводилъ половину дней въ омнибусахъ, забавляясь просто наблюденіемъ народа; и могу васъ увѣрить, что каждаго изъ пассажировъ я находилъ въ одномъ изъ романовъ Поль-де-Кока“.

Левъ Николаевичъ въ разговорѣ въ Скайлеромъ совершенно отрицалъ такъ называемую безнравственность Поль-де-Кока.

„Во французской литературѣ, говорилъ онъ Скайлеру, я высоко цѣню романы Александра Дюма и Поль-де-Кока“.

---

*) Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого, т. IV, стр. 24.

Digitized by Google

На изумленіе, выраженное Скайлеромъ, онъ продолжалъ:

„Нѣтъ, не говорите мнѣ ничего о той безсмыслицѣ, что Поль-де-Кокъ безнравственнъ. Онъ, по англійскимъ понятіямъ, нѣсколько неприличенъ. Онъ болѣе или менѣе то. что французы называютъ beste и gaulois, но никогда не безнравственность. Чтобы онъ ни говорилъ въ своихъ сочиненіяхъ и вопреки его маленькимъ вольнымъ шуткамъ, направленіе его совершенно нравственное. Онъ — французскій Диккенсъ. Характеры его всѣ заимствованы изъ жизни и также совершенны.

А что касается Дюма, каждый романистъ долженъ знать его сердцемъ. Интриги у него чудесныя, не говоря объ отдѣлкѣ: я могу его читать и перечитывать, но завязки и интриги составляютъ его главную цѣль“.

Въ Парижѣ Левъ Николаевичъ видѣлся съ Тургеневымъ и это свиданіе нѣсколько сблизило ихъ.

Затѣмъ Левъ Николаевичъ поѣхалъ въ Лондонъ и видѣлся тамъ съ Герценомъ. Онъ прожилъ въ Лондонѣ полтора мѣсяца и видался съ Герценомъ почти каждый день. Они много бесѣдовали и касались въ своей бесѣдѣ самыхъ интересныхъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, ни у Герцена, ни у Льва Николаевича ничего не осталось записаннымъ изъ этихъ бесѣдъ.

Въ воспоминаніяхъ Тучковой-Огаревой есть нѣсколько строкъ, посвященныхъ этому свиданію:

„Посѣтилъ Герцена и Левъ Николаевичъ Толстой, котораго Д. О. и Ю. гремѣли въ читающемъ мірѣ. Герценъ восхищался этими вещами; особенно удивлялся Гер. смѣлости Т. говорить о такихъ тонкихъ, глубоко затаенныхъ чувствахъ, которыя, быть можетъ, испытываются многими, но которыя никѣмъ высказаны не были. Что касается до его философскихъ воззрѣній, Герценъ находилъ ихъ слабыми, туманными, часто бездоказательными“ *).

*) Русская Старина. 1894 года.

Digitized by Google

Кромѣ того, мы можемъ передать изустный разсказъ дочери Герцена, Натальи Александровны, смутно помнящей это свиданіе. Она была тогда маленькой дѣвочкой и уже читала первыя произведенія Толстого и восхищалась ими. Узнавъ отъ отца, что Толстой будетъ у него, она выпросила позволеніе присутствовать при этомъ свиданіи... Въ назначенный день и часъ она забралась къ отцу въ кабинетъ и сѣла въ кресло въ самомъ дальнемъ углу, стараясь быть незамѣченной. Вскорѣ лакей доложилъ о пріѣздѣ графа Толстого. Она съ замираніемъ сердца ждала его появленія и каково же было ея разочарованіе, когда увидала франтовато, по послѣдней англійской модѣ одѣтаго человѣка, съ свѣтскими манерами, вошедшаго къ отцу и начавшаго съ увлеченіемъ разсказывать ему о пѣтушиныхъ бояхъ и о состязаніи боксеровъ, которыхъ онъ уже насмотрѣлся въ Лондонѣ, ни одного задушевнаго слова, которое бы соотвѣтствовало ея ожиданію, ей не удалось услышать въ это единственное свиданіе Льва Николаевича съ ея отцомъ, при которомъ ей удалось присутствовать.

Однако, надо полагать, что разговоры двухъ великихъ русскихъ писателей не ограничились этимъ предметомъ спорта, такъ какъ при разставаніи Герценъ снабдилъ Толстого рекомендательнымъ письмомъ къ Прудону.

Кромѣ того, въ Англіи, какъ и вездѣ, Левъ Николаевичъ посѣщалъ школы и былъ въ парламентѣ, гдѣ слышалъ рѣчь Пальмерстона, говорившаго подрядъ три часа.

Тамъ же онъ узналъ о своемъ назначеніи на должность мирового посредника и въ день объявленія воли, т. е. 19-го февраля 1861 г. по русскому стилю или 3-го марта по новому, Левъ Николаевичъ выѣхалъ изъ Лондона въ Россію черезъ Бельгію, Брюссель, гдѣ съ письмомъ Герцена посѣтилъ Прудона. Этотъ энергичный, самостоятельный мыслитель, вышедшій изъ народа, произвелъ на Льва Николаевича сильное впечатлѣніе и, вѣроятно, имѣлъ вліяніе на выработку его міросозерцанія. Какъ-то въ разговорѣ Левъ Николаевичъ сказалъ мнѣ, что Прудонъ оставилъ въ немъ впе-

Digitized by Google

чатлѣніе сильнаго человѣка, у котораго есть „le courage de son opinion“ *). Извѣстный афоризмъ Прудона la propriété c'est le vol“ **), можетъ быть поставленъ эпиграфомъ любого экономическаго этюда Толстого.

Въ Брюсселѣ Левъ Николаевичъ посѣтилъ также польскаго историка и политическаго дѣятеля Лелевеля, который жилъ въ Брюсселѣ уже дряхлымъ старикомъ и въ большой бѣдности. Въ Брюсселѣ же была Львомъ Николаевичемъ написана повѣсть „Поликушка“. 13-го апрѣля Левъ Николаевичъ выѣхалъ изъ Брюсселя и направился черезъ Германію въ Россію.

Первымъ городомъ, который онъ посѣтилъ въ Германіи, былъ Веймаръ. Тамъ онъ былъ гостемъ русскаго посланника, фонъ-Мальтица, тотъ познакомилъ его съ гофъ-маршаломъ Болье-Морконэ; а этотъ въ свою очередь представилъ его великому герцогу Карлу Александру. Мальтицъ далъ ему также возможность 16-го апрѣля посѣтить жилище Гете, которое было тогда закрыто для простыхъ смертныхъ. Но Толстого больше интересовали дѣтскіе фребелевскіе сады, которые тогда велись подъ руководствомъ Минны Шельгорнъ, непосредственной ученицы Фребеля и она съ радостью разсказывала любознательному русскому графу о своемъ учителѣ и показывала ему занятія и игры дѣтей.

Докторъ фонъ-Бодэ недавно помѣстилъ въ Веймарскомъ педагогическомъ журналѣ Der Säemann (сѣятель) интересную статью подъ заглавіемъ: „Толстой въ Веймарѣ“, гдѣ онъ, кромѣ уже общеизвѣстныхъ фактовъ, передаетъ разсказъ только въ этомъ году умершаго Юлія Штецера, лично знавшаго Л. Н., который посѣтилъ въ Веймарѣ его школу. Вотъ этотъ разсказъ:

„Въ пятницу на Пасхѣ, когда началось ученье, въ часъ дня я былъ во второмъ классѣ и хотѣлъ начинать ученье,

*) Смѣлость своего мнѣнія.

**) Собственность—кража.

Digitized by Google

когда ученикъ семинаріи отворилъ дверь и, просунувъ голову, сказалъ: „Васъ хочетъ посѣтить какой-то господинъ“.

За нимъ вошелъ господинъ, не называя себя, и я принялъ его за нѣмца, потому что онъ говорилъ по-нѣмецки такъ же хорошо, какъ и мы. „Какой урокъ у васъ сегодня послѣ обѣда?“—спросилъ онъ.—Сначала исторія, потомъ нѣмецкій языкъ,—отвѣчалъ я.

„Очень радъ. Я посѣтилъ уже школы Южной Германіи, Франціи и Англіи и хотѣлъ бы также познакомиться и съ сѣверо-германскими. Сколько классовъ въ вашей школѣ?“

— Семь. Это второй. Но я еще не знакомъ съ моими учениками, такъ какъ мы только что начинаемъ. И потому я не могу удовлетворить вашему любопытству.

— „Это мнѣ все равно. Мнѣ важенъ планъ и методъ обученія. Скажите же, пожалуйста, какого плана держитесь вы для обученія исторіи?“

— Я самъ выработалъ себѣ планъ преподаванія исторіи и изложилъ его передъ иностраннымъ школьнымъ учителемъ, за какого я принялъ своего гостя.

Онъ вынулъ изъ кармана записную книжку и сталъ въ ней быстро записывать. Вдругъ онъ сказалъ:

„Въ этомъ столь обдуманномъ планѣ, мнѣ кажется, не хватаетъ одного—отечествовѣдѣнія“.

— Нѣтъ, оно не забыто. Родиновѣдѣнію посвященъ слѣдующій классъ.

Мнѣ нужно было начинать урокъ и я сталъ разсказывать о четырехъ степеняхъ культуры. Иностранецъ продолжалъ записывать. Когда урокъ кончился, онъ спросилъ: „а теперь что будетъ?“

— Нѣмецкій языкъ. Я хотѣлъ, собственно говоря, начать чтеніе, но если Вы желаете что-нибудь другое, то можно перемѣнить.

„Мнѣ это очень пріятно. Видите ли, я много думалъ объ томъ, какъ сдѣлать болѣе свободнымъ теченіе мысли“ (по-нѣмецки буквально: сдѣлать мысли текучими, flüssig).

Digitized by Google

Этого выраженія его я никогда не забуду. Я постарался удовлетворить его желанію, и задалъ имъ небольшое изложеніе. Я назвалъ какой-то предметъ и дѣти должны были написать объ этомъ письмо въ своей тетради. Это очень заинтересовало иностранца, онъ сталъ ходить между скамейками, брать по-очереди тетради учениковъ и смотрѣть, какъ и что они пишутъ.

Я оставался на кафедрѣ, чтобы не развлекать дѣтей; когда работа приходила къ концу, иностранецъ сказалъ:

„Теперь могу я взять эти работы съ собой? Они меня очень интересуютъ?

— Но это уже слишкомъ (Das ist doch stark), подумалъ я, но отвѣтилъ ему вѣжливо, что этого нельзя сдѣлать. Дѣти купили себѣ тетради, каждая стоитъ шесть грошей. Веймаръ бѣдный городъ и родители разсердятся, если имъ придется покупать новыя тетради.

„Этому можно помочь“, сказалъ онъ и вышелъ вонъ.

Мнѣ было не по себѣ и я послалъ ученика за моимъ другомъ, директоромъ Монгауптомъ, чтобы пришелъ въ классъ, такъ какъ у насъ происходитъ что-то необыкновенное. Монгауптъ пришелъ. „Ты мнѣ славную штуку устроилъ, сказалъ я ему, прислалъ мнѣ какого-то чудака и онъ хочетъ отнять у учениковъ ихъ тетради.—Я тебѣ никого не посылалъ—сказалъ Монгауптъ. „Но вѣдь ты же директоръ семинаріи, а его привелъ семинаристъ“. Тогда вспомнилъ Монгауптъ, что въ его отсутствіе приходилъ къ нему какой-то важный чиновникъ, который сказалъ его женѣ, что сопровождавшему его господину нужно оказать всякое содѣйствіе и все показать.

Между тѣмъ иностранецъ вернулся и въ рукахъ у него была большая пачка писчей бумаги, которую онъ купилъ въ ближайшей лавкѣ. Такъ какъ онъ былъ на лицо, я долженъ былъ представить его директору и они обмѣнялись рекомендаціями:

— Директоръ Монгауптъ.

Digitized by Google

— Графъ Толстой изъ Россіи.“

И такъ это былъ графъ, а не учитель. И былъ русскій, такъ свободно говорившій по-нѣмецки.

Мы велѣли дѣтямъ переписать написанное ими на листы принесенной бумаги. И Толстой, собравъ всѣ листы и свернувъ ихъ, отдалъ ихъ дожидавшемуся его на дворѣ слугѣ.

Отъ меня онъ пошелъ къ директору реальнаго училища Требсту, съ которымъ былъ знакомъ, такъ какъ Требстъ былъ въ Россіи.

Докторъ Бодэ заканчиваетъ свою статью слѣдующими словами, посвященными памяти стараго учителя.

„Еще одно слово о старикѣ Юліи Штецерѣ. Въ Свѣтлое Воскресеніе 1905 г. онъ умеръ почти девяноста трехъ лѣтъ. Для меня онъ былъ очень замѣчательнымъ человѣкомъ, такъ какъ онъ зналъ тѣхъ двухъ людей, изъ чьихъ книгъ я прочелъ и научился самому лучшему, что я знаю. Онъ зналъ Толстого и Гете. Да, Штецеръ бесѣдовалъ и съ Гете. Въ 1828 году онъ былъ гимназистомъ въ Веймарѣ и жилъ съ своимъ школьнымъ товарищемъ въ одномъ домѣ съ Экерманомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома Гете. И оба мальчика часто видали старика, сидящимъ у окна. Но имъ очень хотѣлось его увидать поближе и они просили добраго Экермана доставить имъ такой случай.

И вотъ разъ лѣтомъ, 1828 года, Экерманъ впустилъ обоихъ мальчиковъ въ гетевскій садъ черезъ заднія ворота. Поэтъ, въ свѣтломъ домашнемъ сюртукѣ, прогуливался по саду; увидѣвъ гимназистовъ, онъ подошелъ къ нимъ, спросилъ какъ ихъ зовутъ, чѣмъ они хотятъ быть, велѣлъ имъ прилежно учиться и пошелъ дальше.

Ничего замѣчательнаго въ ихъ разговорѣ не было, но Штецеръ, который, какъ прекрасный учитель и человѣкъ, видѣлъ на своемъ вѣку много почета, ничего не встрѣтилъ въ своей жизни такого, что бы ему доставило столь продолжительную радость, какъ разговоръ съ своимъ величайшимъ современникомъ“.

Digitized by Google

Продолжая путь черезъ Германію, Л. Н. посѣтилъ Готту, побывалъ въ тамошнихъ фребелевскихъ дѣтскихъ садахъ, знакомясь съ выдающимися педагогами. Въ Іенѣ Толстой познакомился съ молодымъ математикомъ Келлеромъ и уговорилъ его ѣхать съ нимъ въ Россію, чтобы помогать ему въ его педагогической дѣятельности. Заѣхалъ не надолго въ Дрезденъ, гдѣ снова видѣлся съ Ауэрбахомъ. Объ немъ онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ такой краткій, отрывочный отзывъ:

„21 апрѣля, Дрезденъ. Ауэрбахъ прелестнѣйшій человѣкъ. Ein Licht mir eingefangen *). Его разсказы: „О присяжномъ". „О первомъ впечатлѣніи природы", Versöhung" „Abend" **) „О Клаузерѣ-пасторѣ".

Христіанство—какъ духъ человѣчества, выше котораго нѣтъ ничего. Читаетъ стихи восхитительно. О музыкѣ, какъ „Pflichtloser genuss" ***). Поворотъ, по его мнѣнію, къ развращенію. Разсказъ изъ „Schaz kästlein" ****). Ему 49 лѣтъ. Онъ прямъ, молодъ, вѣрующъ, не ноетъ отрицанія".

Изъ Дрездена онъ пишетъ своей тектѣ Т. А. между прочимъ слѣдующее:

„Je me porte bien et brule d' envie de retourner en Russie. Mais une fois en Europe et ne sachant quand j' y retournerai, vous comprenez, que j'ai voulu profiter autant, que possible de mon voyage. Et je crois l'avoir fait. Je rapporte une si grande quantité d'imprèssions, de connaissances, que je devrai travailler longtemps, avant de pouvoir mettre tout cela en ordre dans ma tête. Je compte rester a Dresde jusqu' au 10/22 et pour Pâques dans tous les cas je me propose d'être à Ясная D' ici, si vers le 25 la navigation n' aura pas commencée, je vais par Varsovie à P-g, où il faut que je sois pour obtenir la permission pour le journal, que je compte rédiger a l' ècole

*) Свѣтъ охватилъ меня.—**) „Примиреніе" „Вечеръ".—***) Наслажденіе противное долгу.—****) Цѣнная шкатулка.

Digitized by Google

de Ясная *). Я везу съ собой нѣмца изъ университета—учителя и приказчика, очень милаго и образованнаго, но еще очень молодого и непрактическаго человѣка".

22 апрѣля онъ былъ уже въ Берлинѣ и познакомился съ сыномъ знаменитаго педагога Дистервега, директора учительской симинаріи. Онъ думалъ найти въ немъ просвѣщеннаго человѣка, свободнаго отъ всякихъ предразсудковъ и вынесшаго изъ своей многолѣтней практики самостоятельные педагогическіе взгляды, а нашелъ, по его собственному выраженію, холоднаго, бездушнаго педанта, который думалъ правилами и предписаніями развивать и руководить дѣтскія души.

Въ этотъ часъ, который они оба употребили на обсужденіе школьныхъ и воспитательныхъ вопросовъ, темой ихъ разговора служило главнымъ образомъ различіе между понятіями: воспитаніе, образованіе и преподаваніе. „Дистервегъ съ злой ироніей отзывался о людяхъ, подраздѣляющихъ то и другое,—въ его понятіяхъ то и другое сливается. А вмѣстѣ съ тѣмъ мы говорили о воспитаніи, образованіи и преподаваніи и ясно понимали другъ друга" **). Мы позднѣе увидимъ, что Толстой былъ недоволенъ не только воззрѣніями этого педагога, но и всѣми методами, съ которыми онъ познакомился въ западно-европейскихъ школахъ, и что онъ пользовался въ своихъ школьныхъ занятіяхъ въ Ясной Полянѣ опытами, пріобрѣтенными имъ во Франціи, Англіи

*) Я здоровъ и горю желаніемъ вернуться въ Россію. Но разъ я въ Европѣ и не зная когда снова попаду сюда, вы понимаете, что я хотѣлъ какъ можно больше воспользоваться моимъ путешествіемъ. И кажется я это сдѣлалъ. Я везу такое количество впечатлѣній, знаній, что я долженъ бы долго работать, прежде чѣмъ уложить все это въ моей головѣ. Я разсчитываю остаться въ Дрезденѣ до $^{10}/_{22}$ и къ Пасхѣ во всякомъ случаѣ предполагаю быть въ Ясной. Отсюда, если къ 25-ому не откроется навигація, я ѣду чрезъ Варшаву въ Петербургъ, гдѣ мнѣ нужно быть, чтобы получить разрѣшеніе на журналъ, который я намѣренъ издавать при Яснополянской школѣ.

**) Полн. Собр. Л. Н. Толстого. стр. 112 т. IV. Изд. 10-е, Москва 1897 г.

Digitized by Google

и Германіи только для того, чтобы идти еще болѣе самостоятельнымъ путемъ.

Берлинъ былъ послѣднимъ городомъ за границей, гдѣ остановился Толстой. 23-го апрѣля 1861 года, послѣ 9-ти мѣсячнаго отсутствія, онъ переѣхалъ русскую границу.

Какъ и слѣдовало ожидать, тяжеловѣсная нѣмецкая наука не удовлетворила Толстого, не смотря на то, что онъ приложилъ всѣ силы своего таланта и энтузіазма къ ея изученію, какъ теоретическому, такъ и практическому, дополняя и разъясняя все недосказанное въ трактатахъ личною бесѣдою съ самыми выдающимися ея представителями и наблюденіями въ школахъ за практическимъ приложеніемъ ихъ методовъ.

Изученіе этой науки укрѣпило во Львѣ Николаевичѣ мысль о необходимости начать все сначала, т. е. самому вполнѣ самостоятельно приняться за дѣло народнаго образованія, и онъ отдается ему со всей свойственной ему беззавѣтностью.

Нѣмецкая наука не помогла Льву Николаевичу, потому что требованія, предъявляемыя имъ этой наукѣ, были очень высоки, а онъ, какъ искренній человѣкъ, не могъ ихъ понизить и не могъ потерпѣть ихъ лицемѣрнаго полупризнанія.

Не смотря на рѣдкую добросовѣстность нѣмецкихъ ученыхъ, дѣятельность ихъ была не истинна въ своемъ основаніи.

Въ основѣ этой, какъ почти всякой европейской науки, лежитъ рѣдко признаваемое открыто стремленіе прежде всего добыть себѣ привиллегированное положеніе и связанный съ нимъ досугъ, чтобы потомъ, въ лучшемъ случаѣ, употребить этотъ досугъ на служеніе народу, который уже претерпѣлъ во время добыванія этого досуга, неисчислимыя и неизлѣчимыя страданія, вслѣдствіе чего общеніе съ народомъ становится невозможнымъ. Онъ, озлобленный, или, въ лучшемъ случаѣ, кротко терпящій—чуждается этихъ служителей, а эти служители, не понимая и снисходительно оскорбляя его, въ лучшемъ случаѣ могутъ только раз-

Digitized by Google

личными палліативами залѣчить нанесенныя ему ими самими жестокія физическія и моральныя раны.

Какого рода новый толчекъ далъ Толстой педагогической наукѣ, мы постараемся разъяснить въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

— — — —

ГЛАВА XIII.

Толстой и Тургеневъ. Освобожденіе крестьянъ. Посредничество.

Возвратившись изъ-за границы, Левъ Николаевичъ проѣхалъ черезъ Петербургъ и въ началѣ мая былъ уже въ Москвѣ и вскорѣ потомъ въ Ясной Полянѣ.

Россія праздновала наступленіе новой эры, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Все, что было въ Россіи передового, интеллигентнаго, честнаго, бросилось въ общественную дѣятельность. Однимъ изъ первыхъ пошелъ туда и Левъ Николаевичъ.

Однако мы должны оговориться, чтобы не ввести читателя въ заблужденіе, Л. Н. не былъ увлеченъ общимъ потокомъ возбужденнной общественной жизни. Его самобытная, непокорная природа не позволяла ему идти по теченію и заставляла его выбирать новые, особые пути.

Боясь ошибиться въ этой трудной оцѣнкѣ отношенія Льва Николаевича къ такъ называемой „эпохѣ 60-хъ годовъ“ и проводя параллель съ теперешнимъ общественнымъ настроеніемъ, мы запросили объ этомъ Льва Николаевича и получили слѣдующій отвѣтъ:

„Что касается до моего отношенія тогда къ возбужденному состоянію всего общества, то долженъ сказать (и эта моя хорошая или дурная черта, но всегда мнѣ бывшая свойственной), что я всегда противился невольно вліяніямъ извнѣ, эпидемическимъ, и что если тогда я былъ возбужденъ и радостенъ, то своими особенными, личными, вну-

Digitized by Google

тренними мотивами, тѣми, которые привели меня къ школѣ и общенію съ народомъ.

Вообще я теперь узнаю въ себѣ тоже чувство отпора противъ всеобщаго увлеченія, которое было и тогда, но проявлялось въ робкихъ формахъ".

Со вступленіемъ его въ общественную дѣятельность. жизнь его становится столь многосторонней, что намъ приходится нѣсколько уклониться отъ принятаго нами строго хронологическаго порядка изложенія и перейти къ параллельному описанію главнѣйшихъ родовъ его одновременной дѣятельности. Каждый родъ общественной дѣятельности переплетается, конечно, съ фактами его личной и семейной жизни.

Общественная дѣятельность Льва Николаевича проявлялась въ началѣ 60-хъ годовъ главнымъ образомъ въ двухъ сферахъ: въ сферѣ административной, въ должности мирового посредника, и въ сферѣ педагогической, какъ учителя. устроителя народныхъ школъ и педагога-писателя.

Мы намѣрены разсказать отдѣльно о каждой изъ этихъ дѣятельностей, но прежде приведемъ нѣкоторые факты изъ его личной жизни.

По пріѣздѣ домой Левъ Николаевичъ поспѣшилъ навѣстить своихъ добрыхъ сосѣдей, Фета и Тургенева. По этому поводу у нихъ завязалась переписка. Тургеневъ писалъ Фету изъ Спасскаго:

„Fetti carissime! Посылаю вамъ записку отъ Толстого. которому я сегодня же написалъ, чтобы онъ непремѣнно пріѣхалъ сюда въ началѣ будущей недѣли для того, чтобы совокупными силами ударить на васъ въ вашей Степановкѣ. пока еще поютъ соловьи и весна улыбается „свѣтла, блаженно-равнодушна". Надѣюсь, что онъ услышитъ мой зовъ и прибудетъ сюда. Во всякомъ случаѣ ждите меня въ концѣ будущей недѣли, а до тѣхъ поръ будьте здоровы, не слишкомъ волнуйтесь, памятуя слова Гете: „Ohne Hast, Ohne Rast". и хотя однимъ глазомъ поглядывайте на вашу осиротѣлую Музу".

Digitized by Google

Въ письмо была вложена слѣдующая записка Л. Толстого:

„Обнимаю васъ отъ души, любезный другъ Афан. Афан., за ваше письмо и за вашу дружбу и за то, что вы есть Фетъ. Ивана Сергѣевича мнѣ хочется видѣть, а васъ въ десять разъ больше. Такъ давно мы не видались, и такъ много съ нами обоими случилось съ тѣхъ поръ. Вашей хозяйственной дѣятельности я не нарадуюсь, когда слышу и думаю про нее. И немножко горжусь, что и я хоть немного содѣйствовалъ ей. Не мнѣ бы говорить, не вамъ бы слушать. Другъ — хорошо; но онъ умретъ, онъ уйдетъ какъ-нибудь, не поспѣешь какъ-нибудь за нимъ; а природа, на которой женился посредствомъ купчей крѣпости, или отъ которой родился по наслѣдству, еще лучше. Своя собственная природа. И холодная она и несговорчивая, и важная и требовательная, да за то ужъ это такой другъ, котораго не потеряешь до смерти, а и умрешь все въ нее же уйдешь. Я впрочемъ теперь меньше предаюсь этому другу, у меня другія дѣла, втянувшія меня; но все, безъ этого сознанія, что она тутъ, какъ повихнулся, есть за кого ухватиться— плохо бы было жить. Дай вамъ Богъ успѣха, успѣха, чтобы радовала васъ ваша Степановка. Что вы пишете и будете писать, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Марьѣ Петровнѣ жму руку и прошу меня не забывать. Особенное будетъ несчастье, ежели я не побываю у васъ нынче лѣтомъ, а когда, не знаю“.

„Не взирая на любезныя обѣщанія, разсказываетъ Фетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, показавшаяся изъ за рощи коляска, быстро повернувшая съ проселка къ намъ подъ крыльцо, была для насъ неожиданностью; и мы несказанно обрадовались, обнимая Тургенева и Толстого. Неудивительно, что при тогдашней скудости хозяйственныхъ строеній, Тургеневъ съ изумленіемъ, раскидывая свои громадныя ладони, восклицалъ: „все мы смотримъ, гдѣ же это Степановка и оказывается, что есть только жирный блинъ и на немъ шишъ, и это и есть Степановка“.

Digitized by Google

Когда гости оправились отъ дороги, и хозяйка воспользовалась двумя часами, оставшимися до обѣда, чтобы придать послѣднему болѣе основательный и привѣтливый видъ, мы пустились въ самую оживленную бесѣду, на какую способны бываютъ только люди еще не утомленные жизнью... *)! Въ это посѣщеніе Толстымъ и Тургеневымъ Фета произошло печальное событіе, ссора между Тургеневымъ и Толстымъ. Описаніе этого событія довольно подробно изложено въ воспоминаніяхъ Фета, мы заимствуемъ оттуда большую часть этого описанія, дополняя нѣкоторые пробѣлы и исправляя точности по другимъ собраннымъ нами матеріаламъ.

„Утромъ, въ наше обыкновенное время, разсказываетъ Фетъ, т. е. въ восемь часовъ, гости наши вышли въ столовую, въ которой жена моя занимала верхній конецъ стола за самоваромъ, а я, въ ожиданіи кофея, помѣстился на другомъ концѣ. Тургеневъ сѣлъ по правую руку хозяйки, а Толстой по лѣвую. Зная важность, которую въ это время Тургеневъ придавалъ воспитанію своей дочери, жена моя спросила его, доволенъ ли онъ своею англійскою гувернанткой. Тургеневъ сталъ изливаться въ похвалахъ гувернанткѣ и, между прочимъ, разсказалъ, что гувернантка съ англійскою пунктуальностью просила Тургенева опредѣлить сумму, которою дочь его можетъ располагать для благотворительныхъ цѣлей. „Теперь, сказалъ Тургеневъ, англичанка требуетъ, чтобы моя дочь забирала на руки худую одежду бѣдняковъ и, собственноручно вычинивъ оную, возвращала по принадлежности“.

— И вы это считаете хорошимъ?—спросилъ Толстой.

— Конечно, это сближаетъ благотворительницу съ насущною нуждою.

— А я считаю, что разряженная дѣвушка, держащая на колѣняхъ грязные и зловонные лохмотья, играетъ неискреннюю театральную сцену.

*) Мои воспоминанія. А. Фетъ. Ч. I, стр. 368.

Digitized by Google

— Я васъ прошу этого не говорить—воскликнулъ Тургеневъ съ раздувающимися ноздрями.

— Отчего же мнѣ не говорить того, въ чемъ я убѣжденъ,—отвѣчалъ Толстой *).

Тургеневъ сказалъ: „стало быть вы находите, что я дурно воспитываю дочь“?

Левъ Николаевичъ отвѣчалъ на это, что онъ думаетъ то, что говоритъ и что, не касаясь личностей, просто выражаетъ свою мысль“ **).

Не успѣлъ Фетъ крикнуть Тургеневу: перестаньте,—какъ блѣдный отъ злобы онъ сказалъ: „а если вы будете такъ говорить, я вамъ дамъ въ рожу“. Съ этими словами онъ вскочилъ изъ за стола и схватившись руками за голову взволнованно зашагалъ въ другую комнату. Черезъ секунду онъ вернулся и сказалъ, обращаясь къ женѣ Фета: „ради Бога извините мой безобразный поступокъ, въ которомъ я глубоко раскаиваюсь“. Съ этимъ вмѣстѣ онъ снова ушелъ. Послѣ этого гости разъѣхались.

Толстой, отъѣхавъ станцію, изъ имѣнія П. Н. Бортова, Новоселокъ, написалъ Тургеневу письмо съ требованіемъ удовлетворенія. Затѣмъ поѣхалъ дальше въ Богуславъ, на станцію, находившуюся на полдорогѣ между имѣніемъ Фета и имѣніемъ Толстого, Никольскимъ. Оттуда онъ послалъ въ Никольское за ружьями и пулями, а Тургеневу, не дождавшись отвѣта на первое письмо, послалъ второе ужъ съ вызовомъ за оскорбленіе.

Въ письмѣ этомъ онъ писалъ Тургеневу, что не желаетъ стрѣляться пошлымъ образомъ, т. е. чтобы два литератора пріѣхали съ третьимъ литераторомъ, съ пистолетами и дуэль бы кончилась шампанскимъ, а желаетъ стрѣляться по настоящему и просилъ Тургенева пріѣхать въ Богуславъ къ опушкѣ лѣса съ ружьями.

---

*) Фетъ. Мои воспоминанія.

**) Записки графини С. А. Толстой.

Digitized by Google

Всю ночь Левъ Николаевичъ не спалъ и ждалъ. Наконецъ пришло письмо, отвѣтъ отъ Тургенева на первое письмо. Тургеневъ писалъ:

„Милостивый государь, Левъ Николаевичъ!

Въ отвѣтъ на ваше письмо я могу повторить только то, что я самъ своею обязанностью почелъ объявить вамъ у Фета: увлеченный чувствомъ невольной непріязни, въ причины которой теперь входить не мѣсто, я оскорбилъ васъ безъ всякаго положительнаго повода съ вашей стороны и попросилъ у васъ извиненія. Происшедшее сегодня утромъ доказало ясно, что всякія попытки сближенія между такими противоположными натурами, каковы ваша и моя, не могутъ повести ни къ чему хорошему; а потому тѣмъ охотнѣе исполняю мой долгъ передъ вами, что настоящее письмо есть, вѣроятно, послѣднее проявленіе какихъ бы то ни было отношеній между нами. Отъ души желаю, чтобы оно васъ удовлетворило, и заранѣе объявляю согласіе на употленіе, которое вамъ заблагоразсудится сдѣлать изъ него.

Съ совершеннымъ уваженіемъ имѣю честь оставаться, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга.

Ив. Тургеневъ

27 мая 1861 г. Спасское.“

Тутъ же слѣдуетъ приписка:

10 ½ час. ноч.

„Иванъ Петровичъ сейчасъ привезъ мнѣ мое письмо, которое мой человѣкъ по глупости отправилъ въ Новоселки, вмѣсто того, чтобы отослать его въ Богуславъ. Покорнѣйше прошу васъ извинить эту нечаянную непріятную оплошность, надѣюсь что мой посланный застанетъ васъ еще въ Богуславѣ“.

Вѣроятно въ тотъ же день Толстой писалъ Фету:

„Я не удержался, распечаталъ еще письмо отъ г. Тургенева въ отвѣтъ на мое. Желаю вамъ всего лучшаго въ

Digitized by Google

отношеніи съ этимъ человѣкомъ, но я его презираю, я ему написалъ и тѣмъ прекратилъ всѣ сношенія, исключая, ежели онъ захочетъ, удовлетворенія. Несмотря на все мое видимое спокойствіе, въ душѣ у меня было неладно, и я чувствовалъ, что мнѣ нужно было потребовать болѣе положительнаго извиненія отъ г. Тургенева, что я и сдѣлалъ въ письмѣ изъ Новоселокъ. Вотъ его отвѣтъ, которымъ я удовлетворился, отвѣтивъ только, что причины, по которымъ я извиняю его, не противоположности натуръ, а такія, которыя онъ самъ понять можетъ.

Кромѣ того, по промедленію, я послалъ другое письмо довольно жесткое и съ вызовомъ, на которое не получилъ отвѣта; но ежели и получу, не распечатавъ возвращу назадъ. Итакъ, вотъ конецъ грустной исторіи, которая, ежели перейдетъ порогъ вашего дома, то пусть перейдетъ и съ этимъ дополненіемъ.

Л. Толстой".

А между тѣмъ Тургеневъ такъ отвѣчалъ на вызовъ:

„Вашъ человѣкъ говоритъ, что вы желаете получить отвѣтъ на ваше письмо; но я не вижу, чтобы я могъ прибавить къ тому, что я написалъ. Развѣ то, что я признаю за вами право потребовать отъ меня удовлетворенія вооруженною рукою: вы предпочли удовольствоваться высказаннымъ и повтореннымъ моимъ извиненіемъ. Это было въ вашей волѣ. Скажу безъ фразы, что охотно бы выдержалъ вашъ огонь, чтобы тѣмъ загладить мое дѣйствительно безумное слово. То, что я его высказалъ, такъ далеко отъ привычекъ всей моей жизни, что я могу приписать это ничему иному, какъ раздраженію, вызванному крайнимъ и постояннымъ антагонизмомъ нашихъ воззрѣній. Это не извиненіе, я хочу сказать не оправданіе, а объясненіе. И потому, разставаясь съ вами навсегда, подобныя происшествія неизгладимы, невозвратимы, считаю долгомъ повторить еще разъ, что въ этомъ дѣлѣ правы были вы, а виноватъ я. Прибавляю, что

Digitized by Google

тутъ вопросъ не въ храбрости, которую я хочу или не хочу показывать, а въ признаніи за вами права привести меня на поединокъ, разумѣется, въ принятыхъ формахъ (съ секундантами), такъ и права меня извинить. Вы избрали, что вамъ было угодно, и мнѣ остается покориться вашему рѣшенію.

Снова прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

Ив. Тургеневъ".

Вѣроятно Фетъ, отъ души желая примиренія своихъ друзей, дѣлалъ къ этому какія нибудь попытки, такъ какъ въ своихъ воспоминаніяхъ онъ разсказываетъ слѣдующее:

„Л. Толстой прислалъ мнѣ слѣдующую записку.

„Тургеневъ....., что я прошу васъ передать ему такъ же аккуратно, какъ вы передаете мнѣ его милыя изрѣченія, не смотря на мои неоднократныя просьбы о немъ не говорить.

Гр. Л. Толстой.

„И прошу васъ, не писать ко мнѣ больше, ибо я вашихъ, такъ же какъ и Тургенева, писемъ распечатывать не буду".

„Нечего говорить, что отправившись въ Спасское, я употребилъ всѣ усилія привести дѣло, возникшее къ несчастью въ нашемъ домѣ, къ какому бы то ни было ясному исходу.

Помню, въ какое неописанно-ироническое раздраженіе пришелъ незабвенный здравомыслъ Ник. Ник. Тургеневъ. „Что за неслыханное баловство восклицаетъ онъ: требовать, чтобы всѣ были нашего мнѣнія. А попался, такъ доводи дѣло до конца, съ пистолетами въ рукахъ требуй формальнаго извиненія". Такъ говорилъ дядя мнѣ, а что онъ говорилъ Ивану Сергѣевичу—мнѣ неизвѣстно. Всѣ же мои попытки уладить дѣло кончились, какъ видно, формальнымъ моимъ разрывомъ съ Толстымъ, и въ настоящую минуту я даже

Digitized by Google

не могу припомнить, какимъ образомъ возобновились наши дружескія отношенія". *).

„Прошло нѣсколько времени, разсказываетъ графиня С. А. Толстая, Левъ Николаевичъ, живя въ Москвѣ, какъ то разъ пришелъ въ одно изъ тѣхъ прелестныхъ расположеній духа, которыя въ жизни его находили на него иногда—смиренія, любви, желанія и стремленія къ добру и всему высокому. И въ этомъ расположеніи ему стало невыносимо имѣть врага. И вотъ 25 сентября онъ написалъ Тургеневу письмо, въ которомъ жалѣлъ, что ихъ отношенія враждебны. писалъ, „что если я оскорбилъ васъ, простите меня, мнѣ невыносимо грустно думать, что я имѣю врага". Письмо было послано въ Петербургъ, книгопродавцу Давыдову, у котораго были дѣла съ Тургеневымъ. Письмо это почему то не тотчасъ же было переслано Тургеневу, а онъ тѣмъ временемъ былъ встревоженъ какими то нелѣпыми слухами, о чемъ такъ разсказываетъ въ своемъ письмѣ къ Фету отъ 8-го ноября изъ Парижа:

„Кстати, „еще одно послѣднее сказаніе" о несчастной исторіи съ Толстымъ. Проѣзжая черезъ Петербургъ, я узналъ отъ „вѣрныхъ людей" (охъ, ужъ эти мнѣ вѣрные люди), что по Москвѣ ходятъ списки съ послѣдняго письма Толстого ко мнѣ (того письма, гдѣ онъ меня „презираетъ") списки, будто бы распущенные самимъ Толстымъ. Это меня взбѣсило, и я послалъ ему отсюда вызовъ на время моего возвращенія въ Россію. Толстой отвѣчалъ мнѣ, что это распространеніе списковъ—чистая выдумка, и тутъ же прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ, повторивъ, что и какъ я его оскорбилъ проситъ у меня извиненія и отказывается отъ вызова. Разумѣется, на этомъ дѣло и должно покончиться, и я только прошу васъ сообщить ему (такъ какъ онъ пишетъ мнѣ, что всякое новое обращеніе къ нему отъ моего лица онъ сочтетъ за оскорбленіе), что

*) Мои воспоминанія А. Фетъ. Т. I, стр. 368.

Digitized by Google

я самъ отказываюсь отъ всякаго вызова и т. п. и надѣюсь, что все это похоронено на вѣкъ. Письмо его (извинительное) я уничтожилъ, а другое письмо, которое, по его словамъ, было послано ко мнѣ черезъ книгопродавца Давыдова, я не получилъ вовсе. А теперь всему этому дѣлу de profundis" *).

Объ этомъ письмѣ къ Толстому, упоминаемомъ въ письмѣ къ Фету, мы находимъ такую записку въ дневникѣ Льва Николаевича.

Октябрь. „Вчера получилъ письмо отъ Тургенева, въ которомъ онъ обвиняетъ меня въ томъ, что я разсказываю, что онъ трусъ и распространяю копіи съ моего письма. Написалъ ему, что это вздоръ и послалъ сверхъ того письмо: „Вы называете мой поступокъ безчестнымъ, вы прежде хотѣли мнѣ дать въ рожу, а я считаю себя виноватымъ, прошу извиненія и отъ вызова отказываюсь".

„Письмо это, прибавляетъ гр. Толстая въ своихъ запискахъ, было написано подъ вліяніемъ чувства, что если у Тургенева нѣтъ личной настоящей чести, а нужна честь для публики, то вотъ ему для этого это письмо; но что Левъ Николаевичъ стоитъ выше этого и мнѣніе публики презираетъ. И на это Тургеневъ съ умѣлъ быть слабъ; онъ отвѣчалъ, что считаетъ себя удовлетвореннымъ".

Въ другомъ письмѣ къ Фету отъ 7-го января 1862 года Тургеневъ снова пишетъ о томъ же.

„А теперь безъ пунктовъ: видѣли ли вы Толстого? Я сегодня только получилъ письмо, посланное имъ въ сентябрѣ черезъ книжный магазинъ Давыдова (хороша исправность гг. купцовъ русскихъ) ко мнѣ. Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ о своемъ намѣреніи оскорбить меня, извиняется и т. д. А я почти въ то самое время, вслѣдствіе другихъ сплетенъ, о которыхъ я, кажется, писалъ вамъ, послалъ ему вызовъ и т. д. Изо всего этого должно вывести заключеніе, что наши созвѣздія рѣшительно враждебно двигаются въ эфирѣ.

---

*) Мои воспоминанія. Фетъ, стр. 381.

Digitized by Google

и потому намъ лучше всего, какъ онъ самъ предлагаетъ, избѣгать свиданія. Но вы можете написать ему или сказать (если вы увидите), что я (безо всякихъ фразъ и каламбуровъ) и з д а л и его очень люблю, уважаю и съ участіемъ слѣжу за его судьбой, но что вблизи все принимаетъ другой оборотъ. Что дѣлать! намъ слѣдуетъ жить, какъ будто мы существуемъ на различныхъ планетахъ или въ различныхъ столѣтіяхъ“ *).

Вѣроятно, Фетъ что-нибудь говорилъ Толстому по порученію Тургенева и вызвалъ въ немъ снова раздраженіе даже противъ себя, о чемъ и сообщилъ Тургеневу, потому что тотъ писалъ ему между прочимъ слѣдующее:

14 января 1862 года. Парижъ.

„Любезнѣйшій Афанасій Афанасьевичъ, прежде всего я чувствую потребность извиниться передъ вами въ той совершенно неожиданной черепицѣ (tuile, какъ говорятъ французы), которая вамъ свалилась на голову, по милости моего письма. Одно, что меня утѣшаетъ нѣсколько, это то, что я никакъ не могъ предвидѣть подобную выходку Толстого и думалъ все устроить къ лучшему; оказывается, что это такая рана, до которой уже лучше не прикасаться. Еще разъ прошу у васъ извиненія въ моемъ невольномъ грѣхѣ“ **).

Этимъ мы и закончимъ разсказъ о печальномъ событіи, которое подобно грозовому удару разрядило напряженную атмосферу между двумя великими людьми и потомъ быть можетъ послужило къ ихъ болѣе искреннему и болѣе правдивому сближенію.

Прибавимъ къ этому, что разсказъ объ этомъ же событіи, помѣщенный въ воспоминаніяхъ Е. Гаршина о Тургеневѣ, напечатанный въ Историческомъ Вѣстникѣ за ноябрь

---

*) Тамъ же, стр. 384.
**) Тамъ же, стр. 384.

Digitized by Google

1883 года, изобилуетъ искаженіями и мѣста и времени и, вѣроятно, былъ слышанъ имъ не изъ первыхъ рукъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсказу о дѣятельности Льва Николаевича Толстого какъ мирового посредника, скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи Льва Николаевича къ крестьянамъ до освобожденія. На нашъ запросъ Льву Николаевичу, были ли имъ приняты какія-либо мѣры по облегченію участи его крестьянъ до освобожденія и во время надѣла землей, мы получили отъ него слѣдующій отвѣтъ:

„До освобожденія, года за четыре или за три, я отпустилъ крестьянъ на оброкъ. При составленіи уставной грамоты я оставилъ у крестьянъ, какъ слѣдовало по положенію, ту землю, которая была въ ихъ пользованіи—это было нѣсколько менѣе трехъ десятинъ на душу, и, къ стыду своему, ничего не прибавилъ. Одно, что я сдѣлалъ, или не сдѣлалъ дурного, это то, что не переселялъ крестьянъ, какъ мнѣ совѣтывали, и оставилъ въ ихъ пользованіи выгонъ; вообще не проявилъ тогда никакихъ безкорыстныхъ чувствъ на дѣлѣ“.

Въ 1861 и 1862 гг. Левъ Николаевичъ Толстой состоялъ мировымъ посредникомъ четвертаго участка Крапивенскаго уѣзда. Дѣятельность Толстого въ должности мирового посредника мало извѣстна въ литературѣ; къ счастью, память о ней еще жива среди нѣкоторыхъ старожиловъ, близко стоявшихъ въ то время къ Толстому. Отзывы этихъ лицъ, несомнѣнно, представляютъ собою значительный интересъ.

Репутація Толстого, какъ человѣка, ведущаго хозяйство на новыхъ началахъ, т. е. по просту не угнетающаго и не обирающаго своихъ крестьянъ, чуть было не стала сразу препятствіемъ къ назначенію его мировымъ посредникомъ. Возникла переписка и доносы на него по этому дѣлу. Мы помѣщаемъ здѣсь наиболѣе характерныя выдержки изъ доставленнаго намъ по этому дѣлу матеріала.

Digitized by Google

Губернскій предводитель дворянства, В. П. Мининъ, писалъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ Валуеву, жалуясь на тульскаго губернатора Ланского на назначеніе мировымъ посредникомъ Л. Н. Толстого, въ такихъ выраженіяхъ:

„Зная несочувствіе къ нему Крапивенскаго дворянства за распоряженія его въ своемъ собственномъ хозяйствѣ, г. предводитель опасается, чтобы при вступленіи графа въ эту должность не встрѣтились какія либо непріятныя столкновенія, могущія повредить мирному устройству столь важнаго дѣла“.

Затѣмъ онъ указываетъ на нарушеніе губернаторомъ нѣкоторыхъ формальностей процесса назначенія, желая тѣмъ самымъ кассировать это назначеніе.

Министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣчалъ предводителю дворянства, что тутъ, вѣроятно, есть какое-нибудь недоразумѣніе и что онъ напишетъ объ этомъ губернатору.

На запросъ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторъ отвѣчалъ слѣдующимъ интереснымъ конфиденціальнымъ донесеніемъ, показывающимъ, что въ то время высшія правительственныя сферы шли впереди еще не проснувшагося средняго русскаго общества:

Конфиденціально.

„Къ этому считаю долгомъ присовокупить, что поводомъ къ возбужденію настоящей переписки можетъ служить назначеніе въ мировые посредники Крапивенскаго уѣзда отставного поручика графа Льва Николаевича Толстого, вопреки мнѣнію какъ губернскаго, такъ и уѣзднаго предводителя дворянства, которые отстраняли его подъ предлогомъ несочувствія къ нему мѣстныхъ дворянъ.

Зная лично графа Толстого, какъ человѣка образованнаго и горячо сочувствующаго настоящему дѣлу, и, принявъ въ соображеніе изъявленное мнѣ нѣкоторыми помѣщиками Крапивенскаго уѣзда желаніе имѣть графа Толстого посредникомъ, я не могъ замѣнить его другимъ, мнѣ не-

Digitized by Google

извѣстнымъ лицомъ. Тѣмъ болѣе, что графъ Толстой былъ указанъ мнѣ и предмѣстникомъ вашего высокопревосходительства *) въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ лицъ, пользующихся лучшею извѣстностью.

Генералъ-лейтенантъ Дараганъ".

Затѣмъ послѣдовало утвержденіе сенатомъ Льва Николаевича Толстого въ должности мирового посредника.

Недавно опубликованы интересные матеріалы, касающіеся дѣятельности Льва Николаевича Толстого, какъ мирового посредника.

Эти матеріалы бросаютъ новый свѣтъ на характеръ личности Льва Николаевича, который во всѣхъ дѣлахъ, копіи съ которыхъ приводятся въ матеріалахъ, является истиннымъ народнымъ заступникомъ отъ грубаго произвола помѣщиковъ и полицейскихъ чиновъ, и позволяютъ думать, что опасенія предводителя дворянства были не безосновательны.

Изъ 15 дѣлъ, приведенныхъ въ этихъ матеріалахъ, мы выбираемъ наиболѣе характерныя.

Такъ, напримѣръ, помѣщица Артюхова жаловалась на своего бывшаго двороваго, Марка Григорьева, что онъ ушелъ отъ нея, считая себя человѣкомъ „совершенно свободнымъ".

Толстой, между прочимъ, писалъ помѣщицѣ:

„Маркъ немедленно, по моему приказанію, уйдетъ съ женою, куда ему угодно, васъ же я покорнѣйше прошу: 1) удовлетворить его за прослуженные у васъ противозаконно со времени объявленія положеній три мѣсяца съ половиной и 2) за побои, нанесенные его женѣ, еще болѣе противозаконно. Ежели вамъ не нравится мое рѣшеніе, то вы имѣете право жаловаться въ мировой съѣздъ и въ губернское присутствіе. Я же по этому предмету болѣе объясняться не буду. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашъ покорный слуга гр. Л. Толстой".

---

*) Ланской.

Digitized by Google

Помѣщица жаловалась въ съѣздъ; такъ какъ съѣздъ состоялъ изъ мировыхъ посредниковъ, которымъ не по нутру была дѣятельность Толстого, то въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, рѣшеніе Толстого отмѣнялось, съѣздъ бралъ сторону помѣщицы и затѣмъ дѣло переносилось въ губернское присутствіе. Къ счастью въ губернскомъ присутствіи къ дѣятельности Толстого относились сочувственно и во многихъ случаяхъ, какъ и въ этомъ, оно утвердило постановленное Толстымъ рѣшеніе.

Такимъ образомъ Маркъ Григорьевъ былъ освобожденъ и жена его получила удовлетвореніе за нанесенные ей Артюховой побои.

Интересное дѣло о потравѣ луга крестьянами у помѣщика Михайловскаго.

Крестьяне пахали помѣщичье поле и во время отдыха потравили своими лошадьми сосѣдній помѣщичій лугъ. Помѣщикъ пожаловался Толстому. Толстой прежде всего предложилъ помѣщику простить крестьянамъ этотъ проступокъ, надѣясь вѣроятно этимъ самымъ нѣсколько уладить отношенія между помѣщикомъ и крестьянами, имѣвшими поводъ быть имъ очень недовольными. Помѣщикъ не соглашался простить и требовалъ оцѣнки потравы и взысканія штрафа. И самъ назначилъ цѣну штрафа 80 рублей.

По этому дѣлу возникла цѣлая литература. Помѣщикъ Михайловскій, жалуясь въ съѣздъ, такъ описывалъ дѣйствія Толстого.

„Вслѣдъ за симъ гр. Толстой прибылъ въ село Панино, собралъ трехъ крестьянъ ближайшаго села Бородина въ качествѣ добросовѣстныхъ и съ ними отправился на мѣсто потравленнаго луга. Добросовѣстные, коимъ гр. Толстой предложилъ оцѣнить лугъ, объявили, что потравленнаго луга должно быть десятины 3 и что цѣну потравы они полагаютъ назначить за каждую десятину по 10 рублей серебромъ. Гр. Толстой съ оцѣнкою этою не согласился и предложилъ добросовѣстнымъ цѣнить десятину въ 5 руб.,

Digitized by Google

не болѣе. Добросовѣстные гр. Толстому не противорѣчили въ этомъ. Такимъ образомъ дѣло о набѣгѣ крестьянъ села Панино на господскіе луга порѣшилось гр. Толстымъ тѣмъ, что крестьяне должны заплатить помѣщицѣ, г-жѣ Михайловской, за 3 десятины по 5 руб. за каждую".

Признавая это и другія дѣйствія гр. Толстого незаконными, Михайловскій говоритъ: „Смѣло увѣренъ въ томъ, что правосудное правительство, озабоченное улучшеніемъ быта крестьянъ, не потерпитъ, чтобы улучшеніе это, обогащеніе крестьянъ, шло путемъ, указываемымъ мировымъ посредникомъ гр. Толстымъ".

Уѣздный мировой съѣздъ по прошенію Михаловскаго потребовалъ было отъ гр. Толстого свѣдѣнія, но Толстой, отъ 16 сентября 1861 года № 323, отвѣтилъ съѣзду, что „не считаетъ нужнымъ давать никакихъ свѣдѣній по жалобѣ г. Михайловскаго на основаніи ст. 29, 31 и 32 Полож. о губернс. и уѣздн. по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ". Послѣдовавшее за симъ по настоящему дѣлу представленіе уѣзднаго съѣзда въ губернское присутствіе—послѣднимъ, безъ всякаго письменнаго доклада, помѣчено: „къ дѣлу".

Еще одно, хотя и незначительное, дѣло ясно показываетъ намъ насколько чуждъ былъ Л. Н—чъ въ этихъ дѣлахъ всякаго честолюбія, готовый всегда признать свою ошибку, руководясь въ своихъ поступкахъ только самымъ искреннимъ желаніемъ справедливости.

Помѣщица Заслонина пожаловалась въ съѣздъ на Толстого за его незаконную выдачу увольнительнаго паспорта ея дворовому человѣку. Толстой, присутствуя на съѣздѣ при разборѣ этого дѣла, сознался въ сдѣланной имъ ошибкѣ и предложилъ вознаградить помѣщицу за понесенные убытки.

Но не всѣ дѣла кончались такъ благополучно. Толстому, отстаивавшему права народа, приходилось вести борьбу съ цѣлой компаніей крѣпостниковъ, всѣми силами отстаивавшихъ свои старые права и произволы. Такъ между помѣщикомъ Осиповичемъ и его бывшими крестьянами возникло

Digitized by Google

слѣдующее дѣло: часть деревни сгорѣла и помѣщикъ не позволялъ крестьянамъ строиться на прежнихъ мѣстахъ, требовалъ перенесенія ихъ усадебъ, не давалъ имъ достаточно пособія на постройку и не освобождалъ ихъ отъ обязательныхъ работъ на время возстановленія ихъ раззоренныхъ хозяйствъ.

Толстой съ одной стороны находилъ законными требованія крестьянъ, съ другой стороны видѣлъ бѣдственное положеніе раззорившагося мелкаго помѣщика и не считалъ его въ состояніи удовлетворить всѣ требованія крестьянъ. Тогда онъ обратился къ дворянамъ съ просьбою помочь своему раззорившемуся собрату, чтобы онъ могъ выручить изъ бѣды крестьянъ или просто оказать пособіе крестьянамъ помимо помѣщика. И въ томъ и другомъ ему было отказано, а крестьянъ стали принуждать выполнить всѣ требованія помѣщика.

Долго тянулось дѣло, переходя изъ одной инстанціи въ другую. Толстой замѣтилъ, что дѣло клонится не въ пользу крестьянъ и что его мнѣніемъ хотятъ пренебречь. Тогда онъ заявилъ снова свой протестъ и на засѣданіи съѣзда, когда снова разбиралось это дѣло, онъ, видя, что члены съѣзда намѣренно извращаютъ дѣло и что онъ уже не имѣетъ силы дать дѣлу надлежащій ходъ, демонстративно оставляетъ засѣданіе, не подписавъ постановленія по дѣламъ, которыя слушались въ его присутствіи. Съѣздъ жаловался на него въ губернское присутствіе, но жалоба эта была оставлена безъ послѣдствій.

Далѣе видимъ, какъ помѣщикъ Костомаровъ оттягалъ у крестьянъ надѣлы, переименовывая ихъ изъ крестьянъ въ дворовыхъ, т.-е. безземельныхъ; Толстой заступился за нихъ и, послѣ многихъ мытарствъ, настоялъ на томъ, чтобы крестьяне остались при землѣ.

Помѣщики, стѣсненные въ средствахъ, придумывали всякія хитрости, чтобы дать крестьянамъ земли какъ можно меньше и какъ можно хуже. Какъ только Толстой замѣчалъ

Digitized by Google

подобныя стремленія, онъ не утверждалъ уставныхъ грамотъ и добивался ихъ уничтоженія.

Конечно, симпатіи Толстого къ крестьянамъ были крайне непріятны для помѣщиковъ. Помѣщики заявляли, что Толстой бросилъ между крестьянами и помѣщиками „сѣмя раздора“ и окончательно разрушилъ „патріархальныя“ отношенія между ними,—что онъ производитъ волненія среди крестьянъ, которые допускаютъ массу незаконныхъ дѣйствій по его внушенію и приказанію; будто бы и должностныя лица крестьянскаго управленія, съ цѣлью пріобрѣсти благоволеніе Толстого, не исполняютъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ закономъ,—и поэтому въ деревнѣ воцаряется совершенное безначаліе и развитіе безпорядковъ въ видѣ воровства, своеволія и т. д.

Конечно, подобное поведеніе мирового посредника вызывало въ народѣ большое довѣріе къ нему и это отношеніе къ нему народа еще больше злило дворянъ помѣщиковъ и Толстому становилось все труднѣе и труднѣе вести свою линію и вскорѣ онъ долженъ былъ сложить оружіе въ этой непосильной борьбѣ.

И самъ Толстой чувствовалъ крайнее неудовлетвореніе. Еще въ іюлѣ 1861 года онъ уже писалъ въ своемъ дневникѣ:

„Посредничество дало мало матерьяла и поссорило меня со всѣми помѣщиками окончательно и разстроило здоровье“.

Отъ 12 февраля 1862 г. Толстой писалъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе:

„Такъ какъ представленныя на меня въ губернское присутствіе жалобы: г. Костомарова о перечисленіи его людей въ крестьяне, г. Заслонина о невведеніи въ дѣйствіе его уставныхъ грамотъ, г. Бандъ и г-жи Артюховой о магазейномъ хлѣбѣ и купца Борхунова о проданномъ быкѣ и другія—не имѣютъ никакого законнаго основанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣла эти и многія другія продолжаютъ быть рѣшенными противно моимъ постановленіямъ, такъ что почти каждое постановленіе во ввѣренномъ мнѣ участкѣ отмѣняется

Digitized by Google

и даже старшины смѣняются мировымъ съѣздомъ,—и такъ какъ, при такихъ условіяхъ, возбуждающихъ недовѣріе къ мировому посреднику какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ, дѣятельность мирового посредника не только не можетъ быть успѣшна, но становится невозможна, я покорно прошу губернское присутствіе поспѣшить произведеніемъ дознанія чрезъ одного изъ своихъ членовъ о вышеупомянутыхъ жалобахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ считаю нужнымъ увѣдомить губернское присутствіе, что до произведенія такого дознанія я не считаю удобнымъ вступать въ исправленіе сданной старшему кандидату должности".

Девятаго марта хотя Толстой и вступилъ въ исправленіе должности, но исправлялъ таковую лишь до 30 апрѣля, когда онъ, подъ предлогомъ своей болѣзни, передалъ исправленіе должности старшему кандидату мирового посредника по 4-му участку. Наконецъ, правительствующій сенатъ отъ 26 мая, за № 24124, далъ знать тульскому губернатору, что „онъ опредѣлилъ артиллеріи поручика графа Льва Толстого по болѣзни уволить отъ представленной ему по утвержденіи правительствующаго сената должности мироваго посредника Крапивенскаго уѣзда" *).

Какъ неосновательны были заявленія помѣщиковъ о несправедливомъ пристрастіи Л. Н—ча къ крестьянамъ, мы видимъ изъ слѣдующаго разсказа, приводимаго біографомъ Лёвенфельдомъ. Изъ этого разсказа видно, что Л. Н—чъ съ одинаковой добросовѣстностью защищалъ и требованія помѣщиковъ, если находилъ ихъ справедливыми:

„Очевидецъ дѣятельности Толстого въ качествѣ мирового посредника, управляющій одного помѣщика Тульской губерніи, балтійскій нѣмецъ рисуетъ намъ нагляднымъ образомъ его обхожденіе съ людьми. Г. Т., въ качествѣ представителя своего патрона, навѣстилъ по дѣлу Льва Никола-

*) Д. П. Успенскій. Архивные матеріалы для біографіи Л. Н. Толстого. Русск. Мысль 1903 г., кн. IX.

Digitized by Google

евича въ его Ясной Полянѣ. Причиной этого визита послужили спорные вопросы о надѣлѣ крестьянъ землей. Этотъ дѣловой вопросъ могъ разрѣшиться только на мѣстѣ; и поэтому мировой посредникъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отправился въ имѣніе своего сосѣда, въ сопровожденіи 12-лѣтняго крестьянскаго мальчика, его маленькаго землемѣра, какъ называлъ его въ шутку графъ, потому что онъ всюду возилъ съ собою межевую цѣпь. Толстой принялъ крестьянскую депутацію, состоявшую изъ двухъ волостныхъ старшинъ и одного члена схода. Всѣ они пришли къ мировому посреднику переговорить съ нимъ о крестьянскомъ надѣлѣ землей.

— Ну, ребята, что же вы хотите?—привѣтствовалъ ихъ графъ.

Выборный изложилъ просьбу сельскаго схода. Они хотѣли, вмѣсто предназначеннаго для нихъ выгона, получить другой клочекъ земли для увеличенія ихъ надѣла.

— Мнѣ очень жалко, что я не могу исполнить вашей просьбы,—сказалъ графъ,—если бы я такъ сдѣлалъ, то причинилъ бы большой ущербъ вашему помѣщику, и тутъ началъ онъ ясно излагать имъ сущность дѣла.

— Ну, какъ-нибудь сдѣлайте, батюшка, сказалъ выборный.

— Нѣтъ, я сдѣлать ничего не могу, подтверждалъ графъ.

Мужики переглянулись, почесали затылки и упрямо твердили свое: „ужъ какъ-нибудь, батюшка!“

— Если захочешь, батюшка,—снова заговорилъ выборный, то уже непремѣнно сдѣлаешь!

Остальные депутаты въ знакъ одобренія закивали головами.

Графъ перекрестился и сказалъ: „какъ Богъ святъ, клянусь вамъ, что я ни въ чемъ вамъ помочь не могу“.

Но когда и послѣ этого мужики твердили свое: „ужъ какъ-нибудь сдѣлай, батюшка, смилуйся!“ — графъ гнѣвно обернулся къ управляющему и сказалъ ему:—„Можно быть Амфіономъ и скорѣе двинуть горы и лѣса, чѣмъ убѣдить въ чемъ-нибудь крестьянъ“.

Digitized by Google

„Въ продолженіе всей бесѣды, тянувшейся почти часъ, говоритъ разсказчикъ, графъ былъ воплощеніемъ терпѣнія и дружественной ласки. Упорство крестьянъ не вызвало у него ни одного жесткаго слова“ *).

Къ этому же времени относятся и воспоминанія пріятеля и родственника Л. Н., кн. Димитрія Димитріевича Оболенскаго.

„Въ 1861 г. въ Тулѣ были вновь выборы и состоялся большой обѣдъ въ честь мировыхъ посредниковъ, находившихся на выборахъ. И вотъ, въ той же залѣ, гдѣ такъ недавно Волоцкой и князь Черкасскій поссорились и должны были стрѣляться изъ-за крестьянскаго вопроса, первый Волоцкой выразилъ сочувствіе князю Черкасскому, какъ собрату по службѣ, тоже мировому посреднику... Обѣдъ этотъ мнѣ былъ очень памятенъ. Мой дядя И. А. Раевскій, какъ старшій, предсѣдательствовалъ. На обѣдъ подписались нѣкоторые изъ помѣщиковъ и я, конечно, въ томъ числѣ. Пришлось мнѣ сидѣть возлѣ графа Льва Николаевича Толстого, тогда мирового посредника, съ которымъ уже въ то время я былъ близко знакомъ. Первый тостъ былъ, конечно, за Царя-Освободителя и принятъ съ большимъ энтузіазмомъ.

— Пью этотъ тостъ съ особеннымъ удовольствіемъ, сказалъ мнѣ графъ Левъ Николаевичъ. Больше бы и не нужно, такъ какъ въ сущности Государю одному мы обязаны эмансипаціей...

Но пошли и другіе тосты. Особенно былъ удаченъ тостъ, предложенный П. Ф. Самаринымъ, за Русскій народъ,— вопросъ тогда весьма щекотливый; но Петръ Федоровичъ провелъ очень ловко въ своей рѣчи то положеніе, что почти всюду, въ нашей Тульской губерніи, отношенія къ крестьянамъ установились добровольно и хорошо, потому что помѣщики умѣренно пользовались своею властью, такъ что

*) Гр. Л. Н. Толстой, его письма и сочиненія Г. Лёвенфельда. Стр. 228.

Digitized by Google

отношенія были добрыя, а теперь сдѣлались еще лучше. И это вѣрно: сравнительно съ другими губерніями, у насъ реформа прошла благополучно".

„Въ годъ освобожденія крестьянъ Левъ Николаевичъ завелъ у себя Яснополянскую школу, которая меня очень интересовала, продолжаетъ Оболенскій. Я сталъ часто посѣщать графа, а затѣмъ иногда осенью ѣздилъ съ нимъ и на охоту, и въ отъѣзжее поле. Чудное время я проводилъ тогда! Кто бы узналъ теперь въ маститомъ философѣ лихого охотника, которому было ни по чемъ перескакивать рвы и канавы и съ которымъ приходилось полевать цѣлыми днями? Такого собесѣдника представить себѣ трудно... Но мировымъ посредникомъ графъ, думается мнѣ, былъ плохимъ, именно по своей разсѣянности. Я, какъ теперь, помню первую уставную грамоту, поступившую отъ него. Подпись на ней буквально была слѣдующая:

„Къ сей уставной грамотѣ, по просьбѣ такихъ то, за безграмотностью ихъ, такой то дворовый человѣкъ руку приложилъ". Ни единаго имени!.. Какъ графъ диктовалъ, что, молъ, пиши—за такихъ то руку приложилъ,—такъ дворовый человѣкъ дословно и написалъ, не обозначивъ именъ ни крестьянъ, ни своего собственнаго. А графъ и не прочелъ, что тамъ написалъ дворовый человѣкъ и отослалъ грамоту, скрѣпивъ ее, въ тульское губернское присутствіе. Грамоту эту получилъ мой вотчимъ, который былъ членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и у котораго я жилъ; онъ только пожималъ плечами, получая такія бумаги" *).

Л. Н. оказался неспособнымъ къ канцелярской работѣ, но сердце и разумъ его въ дѣлѣ посредничества работали превосходно и потому дѣятельность его и въ этой области оставила по себѣ добрую память. Съ большимъ успѣхомъ, хотя и съ неменьшими препятствіями, Л. Н. подвизался на

*) Кн. Дм. Дм. Оболенскій. Воспоминанія. Русск. Архивъ, 1894 г.

Digitized by Google

поприщѣ педагогическомъ, къ описанію котораго мы приступаемъ въ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА XIV.

Педагогическая дѣятельность Л. Н. Толстого. Теоріи.

Педагогическая дѣятельность Льва Николаевича подробно описана имъ самимъ въ его педагогическихъ статьяхъ, собранныхъ и напечатанныхъ въ 4-мъ томѣ полнаго собранія его сочиненій. И намъ остается только резюмировать содержаніе этихъ статей, дополнивъ наше изложеніе нѣсколькими извѣстными намъ фактами, заимствованными нами изъ другихъ источниковъ.

Мы начнемъ съ изложенія теоретическихъ взглядовъ Льва Николаевича на педагогику, поражающихъ читателя своей смѣлостью, оригинальностью и народностью, и положенныхъ Л. Н — чемъ въ основу своей педагогической дѣятельности.

Главныя основанія своихъ педагогическихъ воззрѣній Левъ Николаевичъ развиваетъ преимущественно въ четырехъ своихъ статьяхъ: 1) „О народномъ образованіи", 2) „О методахъ обученія грамотѣ", 3) „Воспитаніе и Образованіе" и 4) „Прогрессъ и опредѣленіе образованія".

Постараемся изложить вкратцѣ сущность этихъ теорій.

„Народное образованіе всегда и вездѣ представляло и представляетъ одно непонятное для меня явленіе,—такъ начинаетъ Левъ Николаевичъ свою первую статью. Народъ хочетъ образованія, и каждая отдѣльная личность безсознательно стремится къ образованію. Болѣе образованный классъ людей—общества, правительства—стремится передать свои знанія и образовать менѣе образованный классъ народа. Казалось, такое совпаденіе потребностей должно было бы

Digitized by Google

удовлетворить, какъ образовывающій, такъ и образовывающійся классъ. Но выходитъ наоборотъ. Народъ постоянно противодѣйствуетъ тѣмъ усиліямъ, которыя употребляетъ для его образованія общество или правительство, какъ представители болѣе образованнаго сословія, и усилія эти большею частью, остаются безуспѣшными“ *).

Однимъ изъ проявленій этого противорѣчія служитъ законъ обязательнаго начальнаго образованія, существующій теперь въ большей части европейскихъ государствъ, т.-е. принудительное обученіе народа грамотѣ. Законъ, который, къ сожалѣнію, стремятся ввести и у насъ въ Россіи.

Если есть принужденіе, стало быть, есть сопротивленіе. Почему же существуетъ это сопротивленіе, если въ народѣ, несомнѣнно, существуетъ потребность образованія и онъ самъ собой вездѣ учится и считаетъ образованіе благомъ?

„Какъ при каждомъ столкновеніи, продолжаетъ Левъ Николаевичъ, такъ и при этомъ нужно было рѣшить вопросъ: что болѣе законно—противодѣйствіе или самое дѣйствіе? нужно ли сломить противодѣйствіе или измѣнить дѣйствіе?“ **).

И вопросъ почему то всегда рѣшался въ пользу насилія. Но для совершенія этого насилія нужны какія-нибудь разумныя основанія. Какія же они? На этотъ вопросъ Левъ Николаевичъ отвѣчаетъ такъ. Основанія могутъ быть: религіозныя, философскія, опытныя и историческія, и затѣмъ онъ разбираетъ каждое изъ этихъ основаній отдѣльно.

„Въ наше время, когда образованіе религіозное составляетъ только малую часть образованія, вопросъ о томъ, какое имѣетъ основаніе школа принуждать учиться молодое поколѣніе извѣстнымъ образомъ, остается нерѣшеннымъ съ религіозной точки зрѣнія“ ***).

---

*) „О народномъ образованіи“. Полн. Собр. соч. Л. Н. Толстого, т. IV. стр. 5. Изд. 10-е. Москва 1897 года.

**) Тамъ же, стр. 7.

***) Тамъ же, стр. 11.

Digitized by Google

Философскіе доводы также не могутъ служить основаніемъ къ принужденію.

„Всѣ философы, говоритъ Левъ Николаевичъ, начиная отъ Платона и до Канта, стремятся къ одному—освободить школу отъ историческихъ узъ, тяготѣющихъ надъ нею, хотятъ угадать то, что нужно человѣку, и на этихъ, болѣе или менѣе вѣрно угаданныхъ, потребностяхъ строятъ свою новую школу. Лютеръ заставляетъ учить въ подлинникѣ Священное Писаніе, а не по комментаріямъ святыхъ отцовъ. Бэконъ заставляетъ изучать природу изъ самой природы, а не изъ книгъ Аристотеля. Руссо хочетъ учить жизни изъ самой жизни, какъ онъ ее понимаетъ, а не изъ прежде бывшихъ опытовъ. Каждый шагъ философіи педагогики впередъ состоитъ только въ томъ, чтобъ освобождать школу отъ мысли обученія молодыхъ поколѣній тому, что старыя поколѣнія считали наукою, къ мысли обученія тому, что лежитъ въ потребностяхъ молодыхъ поколѣній. Одна эта общая и вмѣстѣ съ тѣмъ противорѣчащая сама себѣ мысль чувствуется во всей исторіи педагогики: общая потому, что всѣ требуютъ большей мѣры свободы школъ, противорѣчащая потому, что каждый предписываетъ законы, основанные на своей теоріи, и тѣмъ самымъ стѣсняетъ свободу“ *).

Педагогическій опытъ еще менѣе можетъ насъ убѣдить въ законности педагогическаго насилія. Кромѣ того, что самый опытъ плачевенъ, школа одуряетъ дѣтей, искажая умственныя способности, отрываетъ ребенка отъ семьи въ самое драгоцѣнное время его развитія, лишаетъ его жизнерадостной свободы и превращаетъ его въ „измученное, сжавшееся существо, съ выраженіемъ усталости, страха и скуки, повторяющее одними губами чужія слова на чужомъ языкѣ“,—кромѣ всего этого опытъ школьнаго дѣла, въ сущности, не даетъ ничего, такъ какъ онъ совершается въ несвободныхъ условіяхъ, уничтожающихъ самую возможность опыта.

---

*) Тамъ же, стр. 13.

Digitized by Google

„Школа, намъ бы казалось, говоритъ Левъ Николаевичъ, должна быть и орудіемъ образованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ опытомъ надъ молодымъ поколѣніемъ, дающимъ постоянно новые выводы. Только когда опытъ будетъ основаніемъ школы, только тогда, когда каждая школа будетъ, такъ сказать, педагогической лабораторіей,—только тогда школа не отстанетъ отъ всеобщаго прогресса, и опытъ будетъ въ состояніи положить твердыя основанія для науки образованія“ *).

Историческія основанія не менѣе шатки. Прогрессъ жизни, техники, науки совершается быстрѣе прогресса школы, и потому школа отстаетъ все болѣе и болѣе отъ общественной жизни и потому дѣлается все хуже и хуже.

На возраженіе о томъ, что школы существовали и существуютъ, и потому хороши, Левъ Николаевичъ отвѣчаетъ описаніемъ своего личнаго опыта, изслѣдованія школьнаго дѣла въ Марселѣ, Парижѣ и другихъ западно-европейскихъ городахъ, приведшаго его къ заключенію, что главная часть образованія народа пріобрѣтается не изъ школы, а изъ жизни, и что уличное, свободное образованіе, путемъ публичныхъ лекцій, зрѣлищъ, собраній, книжекъ, выставокъ и т. д., побѣждаетъ образованіе школьное.

Наконецъ, Левъ Николаевичъ обращается спеціально къ русскимъ педагогамъ, говоря, что, если даже признать, не смотря на всѣ ихъ недостатки, что существованіе, напримѣръ, нѣмецкихъ народныхъ школъ желательно, какъ имѣющихъ историческій опытъ, то всетаки остается вопросъ: на какомъ основаніи намъ, русскимъ, защищать народную школу, которой у насъ нѣтъ? Какое мы имѣемъ историческое право говорить, что наши школы должны быть такія же, какъ европейскія школы?

„Что же намъ, русскимъ, дѣлать въ настоящую минуту? Сговориться ли всѣмъ и взять за основаніе англійскій, французскій, нѣмецкій или сѣверо-американскій взглядъ на обра-

---

*) Тамъ же, стр. 21.

Digitized by Google

зованіе и какой-нибудь изъ ихъ методовъ? Или, углубившись въ философію и психологію, открыть, что вообще нужно для развитія души человѣка и для приготовленія изъ молодыхъ поколѣній наилучшихъ людей, по нашимъ понятіямъ? Или воспользоваться опытомъ исторіи—не въ смыслѣ подражанія тѣмъ формамъ, которыя выработала исторія, а въ смыслѣ уразумѣнія тѣхъ законовъ, которыя страданіями выработало человѣчество,—сказать себѣ прямо и честно, что мы не знаемъ и не можемъ знать того, что нужно будущимъ поколѣніямъ, но что мы чувствуемъ себя обязанными и хотимъ изучить эти потребности, не хотимъ обвинять въ невѣжествѣ народъ, не принимающій нашего образованія, а будемъ себя обвинять въ невѣжествѣ и гордости, ежели вздумаемъ образовать народъ по своему. Перестанемъ же смотрѣть на противодѣйствіе народа нашему образованію, какъ на враждебный элементъ педагогики, а, напротивъ, будемъ видѣть въ немъ выраженіе воли народа, которою одной должна руководиться наша дѣятельность. Сознаемъ, наконецъ, тотъ законъ, который такъ ясно говоритъ намъ изъ исторіи педагогики и изъ исторіи всего образованія, что для того, чтобы образовывающему знать, что хорошо и что дурно, образовывающійся долженъ имѣть полную власть выразить свое неудовольствіе или, по крайней мѣрѣ уклониться отъ того образованія, которое по инстинкту не удовлетворяетъ его, что критеріумъ педагогики есть только одинъ—свобода“ *).

Статья заключается слѣдующимъ признаніемъ:

„Мы знаемъ, что доводы наши убѣдятъ немногихъ. Мы знаемъ, что основныя убѣжденія наши въ томъ, что единственный методъ образованія есть опытъ, а единственный критеріумъ его есть свобода, для однихъ прозвучитъ избитою пошлостью, для другихъ—неясною отвлеченностью, для третьихъ—мечтою и невозможностью. Мы бы не дерзнули

*) Тамъ же, стр. 32.

Digitized by Google

нарушать спокойствіе педагоговъ-теоретиковъ и высказать столь противныя всему свѣту убѣжденія, ежели бы должны были ограничиться разсужденіями этой статьи, но мы чувствуемъ возможность, шагъ за шагомъ и фактъ за фактомъ доказать приложимость и законность нашихъ столь дикихъ убѣжденій, и только этой цѣли посвящаемъ изданіе журнала „Ясная Поляна“.

Этотъ журналъ „Ясная Поляна“, представляющій также интересный педагогическій опытъ, существовалъ одинъ годъ. Вышло двѣнадцать книжекъ.

Первая книжка начиналась слѣдующимъ обращеніемъ къ публикѣ.

„Къ публикѣ.

Выступая на новое для меня поприще, мнѣ становится страшно и за себя, и за тѣ мысли, которыя годами вырабатывались во мнѣ и которыя я считаю за истинныя. Я напередъ убѣжденъ, что многія изъ этихъ мыслей окажутся ошибочными. Какъ бы я ни старался изучать предметъ, я невольно смотрѣлъ на него съ одной стороны. Надѣюсь, что мои мысли вызовутъ противныя мнѣнія. Всѣмъ мнѣніямъ я съ удовольствіемъ дамъ мѣсто въ своемъ журналѣ. Одного я боюсь, чтобы мнѣнія эти не выражались желчно, чтобъ обсужденіе столь дорогого и важнаго для всѣхъ предмета, какъ народное образованіе, не перешло въ насмѣшки, въ личности, въ журнальную полемику. Я не скажу, что насмѣшки и личности не могутъ меня затронуть, что я надѣюсь стоять выше ихъ. Напротивъ, я признаюсь, что боюсь за себя одинаково, какъ боюсь и за самое дѣло; боюсь увлеченія полемикой личной, вмѣсто спокойной и упорной работы надъ своимъ дѣломъ.

Поэтому я прошу всѣхъ будущихъ противниковъ моихъ мнѣній выражать свои мысли такъ, чтобы я могъ объясняться и приводить доказательства тамъ, гдѣ несогласіе будетъ за

Digitized by Google

висѣть отъ недоразумѣній, и могъ бы соглашаться тамъ, гдѣ мнѣ будетъ доказана несостоятельность моихъ мнѣній.

Гр. Л. Н. Толстой".

Въ каждой книжкѣ помѣщалась одна или двѣ теоретическія статьи, затѣмъ отчеты о дѣятельности школъ, находившихся подъ ближайшимъ руководствомъ Льва Николаевича, библіографія, описанія школьныхъ библіотекъ, отчеты о пожертвованіяхъ и въ приложеніяхъ давались книжки для чтенія.

Эпиграфомъ журнала было изрѣченіе: „Glaubst zu schieben und wirst geschoben", т.-е. „Думаешь подвинуть, а тебя самого толкаютъ впередъ", афоризмъ, принадлежащій, кажется Гете.

Журналъ этотъ уже давно составляетъ библіографическую рѣдкость. Хотя главныя статьи Льва Николаевича, помѣщавшіяся тамъ, и включены въ 4-й томъ полнаго собранія сочиненій, но, кромѣ этихъ статей, въ журналѣ было много разныхъ мелкихъ замѣтокъ, описаній и отчетовъ, представляющихъ огромный интересъ для учителей, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ смыслѣ.

Прилагавшіяся къ каждому № журнала книжки для чтенія были впослѣдствіи изданы отдѣльной серіей подъ общимъ заглавіемъ „Изъ Ясной Поляны", эти книжки могутъ служить прекраснымъ образцомъ народной литературы.

Въ своей статьѣ; „О методахъ обученія грамотѣ" Левъ Николаевичъ прежде всего проводитъ ту мысль, что грамотность не есть первая ступень образованія, а лишь одна изъ посредствующихъ.

А если она не первая, то и не самая главная.

„Ежели мы хотимъ отыскать, говоритъ Левъ Николаевичъ, начало, первую ступень образованія, то почему намъ отыскивать ее непремѣнно въ грамотѣ, а не гораздо глубже? Почему останавливаться на одномъ изъ безконечнаго числа

Digitized by Google

орудій образованія и видѣть въ немъ альфу и омегу образованія, тогда какъ это только одно изъ случайныхъ, мало значащихъ обстоятельствъ образованія?“ *).

„Понятіе „образованіе“ не совпадаетъ съ понятіемъ „грамотность“.

„Мы видимъ людей, хорошо знающихъ всѣ факты, необходимые для агрономіи, и большое число отношеній этихъ фактовъ, не знающихъ грамоты; или прекрасныхъ военныхъ распорядителей, прекрасныхъ торговцевъ, управляющихъ, смотрителей работъ, мастеровъ, ремесленниковъ, подрядчиковъ и просто образованныхъ жизнью людей съ большими знаніями и здравымъ сужденіемъ, основаннымъ на этихъ знаніяхъ, не знающихъ грамоты, и, наоборотъ, видимъ знающихъ грамоту и не пріобрѣтшихъ вслѣдствіе этого искусства никакихъ новыхъ знаній“ **).

Какъ на одну изъ причинъ противорѣчія между жизненными потребностями народа и навязываемой ему интеллигенціей грамотности, Толстой указываетъ на историческій ходъ развитія учебныхъ заведеній:

„Прежде основались не низшія, а высшія школы: сначала монастырскія, потомъ среднія, потомъ народныя...

Грамота есть послѣдняя ступень образованія въ этой организованной іерархіи заведеній, или первая ступень съ конца, и потому низшая школа отвѣчала при теперешнемъ порядкѣ только на тѣ потребности, которыя заявляетъ высшая школа. Но есть другая точка зрѣнія, съ которой народная школа представляется самостоятельнымъ учрежденіемъ, не обязаннымъ нести на себѣ недостатки устройства высшаго учебнаго заведенія, но имѣющимъ свою независимую цѣль народнаго образованія“ ***).

Школа грамоты существуетъ въ народѣ, какъ мастер-

---

*) „О методахъ обученія грамотѣ“. Полн. Собр. Соч. Л. Н. Толстого, т. IV, стр. 41. Изд. 10-е. Москва 1897 года.

**) Тамъ же, стр. 43.

***) Тамъ же, стр. 39.

Digitized by Google

ская, и удовлетворяетъ своей ограниченной потребности, и потому грамотность для него есть особаго рода ремесло или искусство.

Выяснивъ эту сущность грамотности и указавъ присущее ей мѣсто въ народной жизни, Левъ Николаевичъ переходитъ къ разсмотрѣнію различныхъ методъ обученія грамотности.

Разобравъ достоинства и недостатки старинной методы буки-азъ-ба, методъ гласныхъ и методъ звуковой, остановившись нѣсколько дольше на комизмѣ нѣмецкой педантической Lautieranchauungsunterrichtsmethode, онъ выводитъ заключеніе, что всѣ методы хороши и всѣ дурны, что искусство и талантъ учителя есть основаніе всякой методы, и наконецъ обращается къ учителю съ слѣдующимъ совѣтомъ:

„Всякій учитель грамоты долженъ твердо знать и опытомъ своимъ провѣрить одну, выработанную въ народѣ методу; долженъ стараться узнавать наибольшее число методъ, принимая ихъ, какъ вспомогательныя средства; долженъ, принимая всякое затрудненіе пониманія ученика не за недостатокъ ученика, а за недостатокъ своего ученія, стараться развивать въ себѣ способность изобрѣтать новые пріемы. Всякій учитель долженъ знать, что каждая изобрѣтенная метода есть ступень, на которую должно становиться для того, чтобы идти дальше; долженъ знать, что ежели онъ самъ того не сдѣлаетъ, то другой, усвоивъ себѣ эту методу, на основаніи ея пойдетъ дальше, и что, такъ какъ дѣло преподаванія есть искусство, то оконченность и совершенство недостижимы, а развитіе и совершенствованіе безконечны“ *).

Еще болѣе подробно и ясно развиваетъ Левъ Николаевичъ свои педагогическія понятія въ своей статьѣ: „Воспитаніе и Образованіе“.

---

*) Тамъ же, стр. 63.

Digitized by Google

Прежде всего Толстой констатируетъ фактъ смѣшенія этихъ двухъ понятій у большей части педагоговъ, какъ русскихъ, такъ и европейскихъ. И затѣмъ онъ старается возстановить разницу этихъ понятій, давая свои опредѣленія тремъ главнымъ педагогическимъ терминамъ: образованіе, воспитаніе и преподаваніе.

„Образованіе въ обширномъ смыслѣ, по нашему убѣжденію, составляетъ совокупность всѣхъ тѣхъ вліяній, которыя развиваютъ человѣка, даютъ ему болѣе обширное міросозерцаніе, даютъ ему новыя свѣдѣнія. Дѣтскія игры, страданія, наказанія родителей, книги, работы, ученіе, насильственное или свободное, искусства, науки, жизнь—все образовываетъ“.

„Воспитаніе есть воздѣйствіе одного человѣка на другого съ цѣлью заставить воспитываемаго усвоить извѣстныя нравственныя привычки“.

„Преподаваніе есть передача свѣдѣній одного человѣка другому (преподавать можно шахматную игру, исторію. сапожное мастерство). Ученіе, оттѣнокъ преподаванія, есть воздѣйствіе одного человѣка на другого съ цѣлью заставить ученика усвоить извѣстныя физическія привычки (учить пѣть, плотничать, танцовать, грести веслами, говорить наизусть). Преподаваніе и ученіе суть средства образованія, когда они свободны, и средства воспитанія, когда ученіе насильственно и когда преподаваніе ведется исключительно, то есть преподаются только тѣ предметы, которые воспитатель считаетъ нужными“ *).

Воспитаніе насильственно, образованіе свободно. Но гдѣ же право на это насиліе?

„Право воспитанія не существуетъ. Я не признаю его говоритъ Толстой, не признаетъ, не признавало и не будетъ признавать его все воспитываемое молодое поколѣніе, все-

*) „Воспитаніе и Образованіе“. Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого, т. IV, стр. 115. Изд. 10-е. Москва, 1897 года.

Digitized by Google

гда и вездѣ возмущающееся противъ насилія воспитанія“ *).

Гдѣ же причины такого не признаваемаго человѣчествомъ насилія? На этотъ вопросъ Левъ Николаевичъ отвѣчаетъ такъ:

„Если существуетъ вѣками такое ненормальное явленіе, какъ насиліе въ образованіи,—воспитаніе, то причины этого явленія должны корениться въ человѣческой природѣ. Причины эти я вижу: 1) въ семействѣ, 2) въ религіи, 3) въ государствѣ и 4) въ обществѣ (въ тѣсномъ смѣслѣ — у насъ, въ кругу чиновниковъ и дворянства)“ **).

Не оправдывая первыхъ трехъ причинъ насилія, Толстой говоритъ, что онѣ понятны. Трудно воспрепятствовать родителямъ стараться воспитывать дѣтей такими, каковы они сами, трудно вѣрующему человѣку не стремиться къ тому, чтобы ребенокъ росъ въ вѣрѣ его руководителя, наконецъ, трудно требовать отъ правительства, чтобы оно не воспитывало нужныхъ ему чиновниковъ.

Но какое право имѣетъ привиллегированное, либеральное общество воспитывать чуждый ему народъ по своему шаблону—этого нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ грубымъ, эгоистическимъ заблужденіемъ.

Отчего же происходитъ это заблужденіе?

„Я думаю, говоритъ Толстой, только оттого, что мы не слышимъ голоса того, кто нападаетъ на насъ, не слышимъ потому, что онъ говоритъ не въ печати и не съ кафедры. А это могучій голосъ народа, — надо прислушиваться къ нему.“ ***)

И вотъ Толстой приступаетъ къ разсмотрѣнію орудій этого воспитательнаго насилія, т. е. учебныхъ заведеній, отъ низшихъ до высшихъ, и не видитъ въ нихъ ничего от-

---

*) Тамъ же, стр, 118.
**) Тамъ же стр. 121.
***) Тамъ же, стр. 123.

Digitized by Google

раднаго. Особенной критикѣ подвергаетъ онъ устройство нашихъ университетовъ.

Не отвергая въ принципѣ университетскаго образованія, Толстой говоритъ:

„Понятенъ университетъ, соотвѣтствующій своему названію и своей основной идеѣ — собранію людей съ цѣлью взаимнаго образованія. Такіе университеты, неизвѣстные намъ, возникаютъ и существуютъ въ разныхъ уголкахъ Россіи; въ самыхъ университетахъ, въ кружкахъ студентовъ, собираются люди, читаютъ, толкуютъ между собой и, наконецъ, постановляется правило, какъ собираться и толковать между собой. Вотъ настоящій университетъ. Наши же университеты, не смотря на всѣ пустые толки о мнимой либеральности ихъ устройства, суть заведенія, ничѣмъ не отличающіяся по своей организаціи отъ женскихъ учебныхъ заведеній и кадетскихъ корпусовъ“ *).

Кромѣ отсутствія свободы, самостоятельности, одинъ изъ главныхъ недостатковъ нашихъ университетовъ — это оторванность ихъ отъ жизни:

„Посмотрите, какъ сынъ крестьянина пріучается быть хозяиномъ, сынъ дьячка, читая на клиросѣ, быть дьячкомъ, сынъ киргизца-скотовода быть скотоводомъ: онъ смолоду уже становится въ прямыя отношенія съ жизнью, съ природой, съ людьми, смолоду учится, плодотворно работая, и учится, обезпеченный съ матеріальной стороны жизни, т. е. обезпеченный кускомъ хлѣба, одеждой и помѣщеніемъ; и посмотрите на студента, оторваннаго отъ дома, отъ семьи, брошеннаго въ чужой городъ, наполненный искушеніями для его молодости, безъ средствъ къ жизни (потому что средства разсчитываются родителями только на необходимое, а всѣ уходятъ на увлеченіе), въ кругу товарищей, своимъ обществомъ только усливающимъ его недостатки, безъ руководителей, безъ цѣли, отставъ отъ стараго и не при-

*) Тамъ же, стр. 135.

Digitized by Google

ставъ къ новому. Вотъ положеніе студентовъ за малыми исключеніями. Изъ нихъ выходитъ то, что должно выходить: или чиновники, только удобные для правительства, или чиновники - профессора, или чиновники - литераторы, удобные для общества, или люди, безцѣльно оторванные отъ прежней среды, съ испорченною молодостью, и не находящіе себѣ мѣста въ жизни, такъ называемые люди университетскаго образованія, развитые, т. е. раздраженные, больные либералы. Университетъ есть первое и главное наше воспитательное заведеніе. Онъ первый присвоиваетъ себѣ право воспитанія и первый по результатамъ, которыхъ достигаетъ, доказываетъ незаконность и невозможность воспитанія. Только съ точки зрѣнія общественной можно оправдывать плоды университета. Университетъ готовитъ не такихъ людей, какихъ нужно человѣчеству, а какихъ нужно испорченному обществу" *).

На эту радикальную постановку вопроса Толстой предвидитъ робкое возраженіе людей, боящихся перемѣны, и тутъ же отвѣчаетъ на это возраженіе, заключая этимъ отвѣтомъ свою статью:

„Но что же намъ дѣлать? Неужели такъ и не будетъ уѣздныхъ училищъ, такъ и не будетъ гимназій, не будетъ кафедры исторіи римскаго права? Что же станется съ человѣчествомъ? слышу я. Такъ и не будетъ, коли ихъ не понадобится ученикамъ и вы не сумѣете ихъ сдѣлать хорошими. Но, вѣдь, дѣти не всегда знаютъ, что имъ нужно, дѣти ошибаются и т. д.,—слышу я. Я не вхожу въ такой споръ. Этотъ споръ привелъ бы насъ къ вопросу: права ли передъ судомъ человѣка природа человѣка и проч. Я этого не знаю и на это поприще не становлюсь; я только говорю, что, если мы можемъ знать, чему учить, то не мѣшайте мнѣ учить насильно русскихъ дѣтей французскому языку, средневѣковой генеалогіи и искусству красть. Я все дока-

*) Тамъ же, стр. 145.

Digitized by Google

жу такъ же, какъ и вы. Такъ и не будетъ гимназій и латинскаго языка? Что же я буду дѣлать? опять слышу я.

Не бойтесь, будетъ и латынь и риторика, будутъ еще сотни лѣтъ, и будутъ только потому, что „лекарство куплено—надо его выпить“ (какъ говорилъ одинъ больной). Едва ли еще черезъ сто лѣтъ мысль, которую я, можетъ быть, неясно, неловко, неубѣдительно выражаю, сдѣлается общимъ достояніемъ: едва ли черезъ сто лѣтъ отживутъ всѣ готовыя заведенія: училища, гимназіи, университеты, и вырастутъ свободно сложившіяся заведенія, имѣющія своимъ основаніемъ свободу учащагося поколѣнія“ *).

Конечно, такія дерзкія мысли не могли быть приняты педагогами, руководившими въ 60-хъ годахъ въ Россіи общественнымъ и народнымъ образованіемъ. Оскорбленная наука даже не удостоила этихъ мыслей серьезнымъ возраженіемъ. Въ „Сборникѣ критической литературы о Толстомъ“ Зелинскаго, составленномъ очень тщательно, находятся только двѣ серьезныя статьи, посвященныя журналу „Ясная Поляна“ и Ясно-Полянской школѣ, помѣщенныя въ „Современникѣ“ въ 1862 году. **)

На одну изъ нихъ, статью Е. Маркова, Левъ Николаевичъ отвѣтилъ въ своемъ журналѣ статьей: „Прогрессъ и опредѣленіе образованія“.

Сущность возраженія Маркова, резюмированная имъ въ концѣ его статьи, заключается въ томъ, что Марковъ открыто признаетъ за обществомъ право педагогическаго насилія и, стало быть, отрицаетъ свободное образованіе, затѣмъ онъ признаетъ современныя системы образованія удовлетворительными, въ практикѣ же Ясно-Полянской школы, къ которой онъ относился съ восторгомъ, видитъ противорѣ-

*) Тамъ же, стр. 160.

*) Впослѣдствіе, въ 70 и 80-хъ годахъ, по возобновленіи педагогической дѣятельности Л. Н-ча, о ней было много писано и обсужденіе ея продолжается и до сихъ поръ. Прим. П. Б.

Digitized by Google

чіе съ теоріями ея основателя и руководителя Л. Н. Толстого.

Толстой, возражая Маркову и повторяя и разъясняя сказанное ужъ имъ въ предыдущихъ статьяхъ, приходитъ къ заключенію, что главное разногласіе его съ Марковымъ основано на томъ, что Марковъ вѣритъ въ прогрессъ, а у него этой вѣры нѣтъ.

И объясняя свое отрицаніе прогресса, онъ говоритъ слѣдующее:

„Во всемъ человѣчествѣ, съ незапамятныхъ временъ, происходитъ процессъ прогресса, говоритъ историкъ, вѣрующій въ прогрессъ, и доказываетъ это положеніе, сравнивая, положимъ Англію 1685 года съ Англіей нашего времени. Но если бы даже и можно было доказать, сравнивая Россію, Францію и Италію нашего времени съ древнимъ Римомъ, Греціею, Карфагеномъ и т. д., что благосостояніе новыхъ народовъ болѣе благосостоянія древнихъ, меня при этомъ всегда поражаетъ одно непонятное явленіе: выводятъ общій законъ для всего человѣчества изъ сравненія одной малой части человѣчества Европы въ прошедшемъ и настоящемъ. Прогрессъ есть общій законъ для человѣчества, говорятъ они, только кромѣ Азіи, Африки, Америки, Австраліи, кромѣ милліарда людей. Нами замѣченъ законъ прогресса въ герцогствѣ Гогенцоллернъ-Зигмарингенскомъ, имѣющемъ 3.000 жителей. Намъ извѣстенъ Китай, имѣющій 200 милліоновъ жителей, опровергающій всю нашу теорію прогресса, и мы ни минуту не сомнѣваемся, что прогрессъ есть общій законъ всего человѣчества, и что мы, вѣрующіе въ прогрессъ, правы, а невѣрующіе въ него виноваты, и мы съ пушками и ружьями идемъ внушать китайцамъ идею прогресса. Здравый смыслъ говоритъ мнѣ, что, ежели большая часть человѣчества, весь такъ называемый Востокъ, не подтверждаетъ закона прогресса, а, напротивъ, опровергаетъ его, то закона этого не существуетъ для всего человѣчества, а существуетъ только вѣрованіе въ него извѣстной части человѣ-

Digitized by Google

чества. Я, какъ и всѣ люди, свободные отъ суевѣрія прогресса, вижу только, что человѣчество живетъ, что воспоминанія прошедшаго также увеличиваются, какъ и изчезаютъ; что труды прошедшаго часто служатъ основой для новыхъ трудовъ настоящаго, часто служатъ и преградой для нихъ; что благосостояніе людей то увеличивается въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ слоѣ и въ одномъ смыслѣ, то уменьшается; что, какъ бы мнѣ ни желательно было, я не могу найти никакого общаго закона въ жизни человѣчества, а что подвести исторію подъ идею прогресса такъ же легко, какъ подвести ее подъ идею прогресса или подъ какую хотите историческую фантазію. Скажу болѣе: я не вижу никакой необходимости отыскивать общіе законы въ исторіи, не говоря уже о невозможности этого. Общій вѣчный законъ написанъ въ душѣ каждаго человѣка. Законъ прогресса или совершенствованія, написанъ въ душѣ каждаго человѣка, и только вслѣдствіе заблужденія переносится въ исторію. Оставаясь личнымъ, этотъ законъ плодотворенъ и доступенъ каждому; перенесенный въ исторію, онъ дѣлается пустою, праздною болтовнею, ведущею къ оправданію каждой безсмыслицы и фатализма. Прогрессъ вообще въ человѣчествѣ есть фактъ недоказанный и несуществующій для всѣхъ восточныхъ народовъ, и потому сказать, что прогрессъ есть законъ человѣчества, столь же неосновательно, какъ сказать, что всѣ люди бываютъ бѣлокурые, за исключеніемъ черноволосыхъ“ *).

Положенія, высказанныя въ этой цитатѣ, подробно развиваются Львомъ Николаевичемъ въ его статьѣ, но это уже выходитъ нѣсколько изъ рамокъ нашего обозрѣнія.

Мы закончимъ наше изложеніе, упомянувъ еще объ одной статьѣ, подъ названіемъ: „Проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ“. Статья эта представляетъ остро-

---

*) Прогрессъ и опредѣленіе образованія“. Полн. собр. сочиненій Л. Н. Толстого, т. IV, стр. 172. Изд. 10-е. Москва. 1897 года.

Digitized by Google

умную критику и бѣглый обзоръ вышедшаго въ 1862 году новаго правительственнаго положенія объ училищахъ.

Общія критическія замѣчанія Льва Николаевича на это положеніе можно резюмировать въ слѣдующихъ пунктахъ: 1). Въ основу этого положенія легла американская система, обложеніе народа школьною податью и содержаніе правительствомъ всѣхъ школъ на эту собранную подать. Но то, что хорошо въ демократической республикѣ, то можетъ быть очень плохо въ деспотическомъ государствѣ, гдѣ законъ, выражающій „волю народа", обращается въ грубое насиліе надъ нимъ. 2). Общая несостоятельность проекта— это неприспособленность его къ народнымъ потребностямъ, основанная на полномъ незнаніи русской народной жизни его составителями, и наконецъ 3) Регламентація народнаго образованія, утверждаемая этимъ положеніемъ, послужитъ тормазомъ уже существующаго и распространяющагося свободнаго народнаго образованія.

Заканчивая этимъ бѣглый обзоръ педагогическихъ взглядовъ Льва Николаевича, мы выскажемъ наше заключеніе, совершенно противоположное заключенію г-на Маркова, а именно, что практика Ясно-Полянской школы нисколько не является противорѣчіемъ этихъ взглядовъ, а, напротивъ, ихъ непосредственнымъ приложеніемъ, проведеннымъ съ неподражаемымъ и блестящимъ успѣхомъ. Мы воспользуемся описаніями сдѣланными самимъ Львомъ Николаевичемъ, какъ автобіографическимъ матеріаломъ.

ГЛАВА XV.

Устройство и практика Яснополянской школы.

Левъ Николаевичъ нѣсколько разъ принимался за педагогическую дѣятельность.

Еще въ 1849 году, когда онъ возвратился въ Ясную Поляну изъ Петербурга, онъ завелъ народную школу, вмѣстѣ

Digitized by Google

съ другими учрежденіями и реформами, посредствомъ которыхъ онъ пытался сблизиться съ народомъ. Мы знаемъ изъ его „Утра помѣщика“, какъ неудачно кончилась эта первая попытка. Съ его отъѣздомъ на Кавказъ, школа, конечно, закрылась. Онъ возобновилъ ее, возвратясь въ Ясную Поляну по выходѣ въ отставку и послѣ первой заграничной поѣздки. Мы упоминали объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Возобновивъ свои педагогическія занятія, Левъ Николаевичъ почувствовалъ недостатокъ теоретическихъ знаній и поспѣшилъ пополнить этотъ пробѣлъ своего образованія чтеніемъ, заграничной поѣздкой, личными сношеніями съ выдающимися педагогами и практическими занятіями въ разныхъ школахъ. Почувствовавъ себя въ силахъ, онъ съ новымъ рвеніемъ въ третій разъ принялся за школьное дѣло и довелъ его до небывалой высоты.

Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ въ одной изъ педагогическихъ статей объ этихъ своихъ попыткахъ и подготовкѣ къ школьному дѣлу:

„15 лѣтъ тому назадъ, *) когда я взялся за дѣло народнаго образованія безъ всякихъ предвзятыхъ теорій и взглядовъ на дѣло, съ однимъ только желаніемъ прямо, непосредственно содѣйствовать этому дѣлу, будучи учителемъ въ своей школѣ, я тотчасъ же столкнулся съ двумя вопросами: 1) чему нужно учить? и 2) какъ нужно учить?

... Во всей массѣ людей, заинтересованныхъ образованіемъ, существуетъ, какъ и прежде существовало, величайшее разнорѣчіе. Въ то время, какъ и теперь, одни, отвѣчая на вопросъ: чему надо учить? говорили, что, кромѣ грамоты, самыя полезныя для первоначальной школы знанія суть знанія естественныя; другіе, какъ и теперь, говорили, что это не нужно и даже вредно; такъ же, какъ и теперь, одни предлагали исторію, географію, другіе отри-

*) Статья, изъ которой мы цитируемъ, написана въ 1875 году, и потому время, о которомъ онъ говоритъ, относится къ 1860 г. Прим. П. Б.

Digitized by Google

цали ихъ необходимость; одни предлагали славянскій языкъ и грамматику, законъ Божій, другіе находили и это излишнимъ и приписывали главную важность развитію. По вопросу: какъ учить?—было и есть еще большее разногласіе. Предлагались и предлагаются самые противоположные одинъ другому пріемы обученія грамотѣ и ариѳметикѣ.

Встрѣтившись съ этими вопросами и не найдя на нихъ никакого отвѣта въ русской литературѣ, я обратился къ европейской. Прочтя то, что было писано объ этомъ предметѣ, познакомившись лично съ такъ называемымн лучшими представителями педагогической науки въ Европѣ, я нигдѣ не только не нашелъ какого-нибудь отвѣта на занимавшій меня вопросъ, но убѣдился, что вопроса этого для педагогіи, какъ науки, даже и не существуетъ, что каждый педагогъ извѣстной школы твердо вѣритъ, что тѣ пріемы, которые онъ употребляетъ, суть наилучшіе, потому что они основаны на абсолютной истинѣ, и что относиться къ нимъ критически было бы безполезно. Между прочимъ, потому ли, что, какъ я сказалъ, я взялся за дѣло народнаго образованія безъ всякихъ предвзятыхъ теорій, или потому, что я взялся за это дѣло, не издалека предписывая законы какъ надо учить, а самъ сталъ школьнымъ учителемъ въ глухой деревенской народной школѣ,—я не могъ отказаться отъ мысли, что необходимо долженъ существовать критеріумъ, по которому рѣшается вопросъ, чему и какъ лучше учить: учить ли наизусть Псалтирь или классификацію организмовъ, учить ли по звуковой, переведенной съ нѣмецкаго азбукѣ, или по Часовнику? Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ мнѣ помогли: нѣкоторый педагогическій тактъ, которымъ я одаренъ, и въ особенности то близкое и страстное отношеніе, въ которое я сталъ къ дѣлу. Вступивъ сразу въ самыя близкія, непосредственныя отношенія съ тѣми 40 маленькими мужичками, которые составляли мою школу (я ихъ называю маленькими мужичками потому, что я нашелъ въ нихъ тѣ самыя черты сметливости, огромнаго

Digitized by Google

запаса свѣдѣній изъ практической жизни, шутливости, простоты, отвращенія отъ всего фальшиваго, которыми вообще отличается русскій мужикъ), увидавъ эту воспріимчивость, открытость къ пріобрѣтенію тѣхъ знаній, въ которыхъ они нуждались, я тотчасъ же почувствовалъ, что старинный церковный способъ обученія уже отжилъ свой вѣкъ и не годится для нихъ. И я сталъ испытывать другіе предлагаемые методы обученія; но такъ какъ принужденіе при обученіи, и по убѣжденію моему и по характеру, мнѣ противно, я не принуждалъ и, какъ скоро замѣчалъ, что что-нибудь неохотно принимается, я не насиловалъ и отыскивалъ другое. Изъ этихъ опытовъ оказалось для меня и тѣхъ учителей, которые вмѣстѣ со мною въ Ясной Полянѣ и другихъ школахъ, на тѣхъ же основаніяхъ свободы, занимались преподаваніемъ, что почти все то, что пишется въ педагогическомъ мірѣ для школъ, отдѣляется неизмѣримою пучиною отъ дѣйствительности, и что изъ предлагаемыхъ методовъ многіе пріемы, какъ, напримѣръ, наглядное обученіе, естественныя науки, звуковые пріемы и другіе, вызываютъ отвращеніе и насмѣшку и не принимаются учениками. Мы стали отыскивать то содержаніе и тѣ пріемы, которые охотно воспринимались учениками, и напали на то, что составляетъ мой методъ обученія. Но этотъ методъ становился наряду со всѣми другими методами, и вопросъ о томъ, почему онъ лучше другихъ, оставался точно такъ же нерѣшеннымъ.

... Въ то время я не нашелъ въ педагогической литературѣ не только сочувствія, не нашелъ даже и противорѣчій, но совершеннѣйшее равнодушіе къ поставленному мною вопросу. Были нападки на нѣкоторыя подробности, мелочи, но самый вопросъ, очевидно, никого не интересовалъ. Я тогда былъ молодъ, и это равнодушіе огорчало меня. Я не понималъ, что я съ своимъ вопросомъ: почемъ вы знаете, чему и какъ учить? — былъ подобенъ тому человѣку, который бы, положимъ, хоть въ собраніи турецкихъ пашей,

Digitized by Google

обсуждающихъ вопросъ о томъ, какъ бы побольше съ народа собрать податей, предложилъ бы имъ слѣдующее: гг., чтобы знать, съ кого сколько податей, надо разобрать вопросъ: на чемъ основано наше право взиманія? Очевидно, всѣ паши продолжали бы свое обсужденіе о мѣрахъ взысканія и только молчаніемъ отозвались бы на неумѣстный вопросъ" *).

Мы видимъ изъ заграничныхъ писемъ Льва Николаевича, какъ онъ заботится о состояніи своей школы въ его отсутствіе. За все это время занятія въ школѣ не прекращались. Съ большей правильностью они начались по его возвращеніи въ Ясную Поляну весной 1861 года, а въ 1862 году, какъ говоритъ Левъ Николаевичъ въ той же статьѣ: „въ участкѣ въ 10,000 душъ, когда я былъ посредникомъ, было уже открыто 14 школъ; кромѣ того, существовало школъ 10 въ томъ же участкѣ у причетниковъ и въ дворахъ между дворниками. Въ другихъ трехъ участкахъ уѣзда, сколько мнѣ извѣстно, существовало школъ 15 большихъ и 30 мелкихъ у причетниковъ и дворниковъ.

... Школы всѣ тогда, за самымъ малымъ исключеніемъ, были основаны на свободномъ договорѣ учителя или съ родителями учениковъ, платившими помѣсячно за ученіе, или на уговорѣ учителя со всѣмъ обществомъ крестьянъ, платившихъ огульно за всѣхъ... Всякій согласится, что оставивъ въ сторонѣ вопросъ о качествѣ ученія, такое отношеніе учителя къ родителямъ и крестьянамъ есть самое справедливое, натуральное и желательное" **).

Здѣсь кстати сообщить дошедшія до насъ имена учителей десяти подвѣдомственныхъ Льву Николаевичу школъ, въ которыхъ болѣе или менѣе проводились взгляды Льва Николаевича на народное образованіе: въ Головеньковскомъ

---

*) „О народномъ образованіи" 1875 г. Полн. Собр. Соч. Л. Н. Толстого, томъ IV, стр. 416. Изд. 10-ое. Москва, 1897 года.

**) Тамъ же, стр. 431.

Digitized by Google

училищѣ учителемъ былъ воспитанникъ казанской гимназіи Александръ Сердобольскій, въ Трасненскомъ—воспитанникъ пензенской гимназіи Иванъ Аксентьевъ, въ Ломинцевскомъ—воспитанникъ калужской гимназіи Алексѣй Шумилинъ, въ Богучаровскомъ—воспитанникъ тульской духовной семинаріи Петръ Морозовъ, въ Кобелевскомъ—воспитанникъ тульской духовной семинаріи Борисъ Головинъ, въ Бабуринскомъ—воспитанникъ кишиневской гимназіи Альфонсъ Эрленвейнъ и въ Ясенскомъ—воспитанникъ кишиневской гимназіи Митрофанъ Бутовичъ, въ Колпенскомъ — окончившій курсъ въ саратовской гимназіи Анатолій Томашевскій, въ Городненскомъ—окончившій курсъ въ пензенской гимназіи Владимиръ Токашевичъ, въ Плехановскомъ — окончившій курсъ въ пензенскомъ дворянскомъ институтѣ Николай Петерсонъ; Богучаровское же сельское общество въ свое училище, вмѣсто прежняго учителя Морозова, приняло бывшаго студента казанскаго университета Сергѣя Гудима *).

Быть можетъ, кому-нибудь изъ этихъ людей попадетъ въ руки составленная нами біографія, и чтеніе ея вызоветъ въ нихъ желаніе записать свои воспоминанія о ихъ сотрудничествѣ великому педагогу.

Объ устройствѣ своей Ясно-Полянской школы Левъ Николаевичъ самъ подробно разсказываетъ въ одной изъ педагогическихъ статей:

„Школа помѣщается въ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ. Двѣ комнаты заняты школой, одна—кабинетомъ, двѣ—учителями. На крыльцѣ, подъ навѣсомъ, виситъ колокольчикъ съ привѣшенною за язычекъ веревочкою, въ сѣняхъ внизу стоятъ бары и рекъ (гимнастика), наверху—въ сѣняхъ—верстакъ. Лѣстница и сѣни истоптаны снѣгомъ или грязью; тутъ же виситъ расписаніе. Порядокъ ученія слѣдующій: часовъ въ восемь учитель, живущій въ школѣ, любитель

*) Д. И. Успенскій. Архивные матеріалы къ біографіи Л. Н. Толстого. Русская Мысль 1903 года, кн. IX.

Digitized by Google

домъ въ ясной полянѣ, гдѣ помѣщалась школа, 1860—62 гг.

Digitized by Google

Digitized by Google

внѣшняго порядка и администраторъ школы, посылаетъ одного изъ мальчиковъ, которые почти всегда ночуютъ у него, звонить.

На деревнѣ встаютъ съ огнемъ. Уже давно виднѣются изъ школы огни въ окнахъ, и черезъ полчаса послѣ звонка, въ туманѣ, въ дождѣ или въ косыхъ лучахъ осенняго солнца, появляются на буграхъ (деревня отдѣлена отъ школы оврагомъ) темныя фигурки по двѣ, по три и по одиночкѣ. Табунное чувство уже давно исчезло въ ученикахъ. Уже нѣтъ необходимости ему дожидаться и кричать: „эй, ребята, въ училищу“! Онъ уже знаетъ, что училище средняго рода, многое кое-чего другого знаетъ и, странно, вслѣдствіе этого не нуждается въ толпѣ. Съ собой никто ничего не несетъ— ни книгъ, ни тетрадокъ. Уроковъ на домъ не задаютъ.

Мало того, что въ рукахъ ничего не несутъ, имъ нечего и въ головѣ нести. Никакого урока, ничего, сдѣланнаго вчера, онъ не обязанъ помнить нынче. Его не мучаетъ мысль о предстоящемъ урокѣ. Онъ несетъ только себя, свою воспріимчивую натуру и увѣренность въ томъ, что въ школѣ нынче будетъ весело такъ же, какъ вчера. Онъ не думаетъ о классѣ до тѣхъ поръ, пока классъ не начался. Никогда никому не дѣлаютъ выговоровъ за опозданіе и никогда не опаздываютъ, нешто старшіе, которыхъ отцы другой разъ задержатъ дома какою-нибудь работой. И тогда этотъ большой, рысью, запыхавшись, прибѣгаетъ въ школу. Пока учитель еще не пришелъ, они собираются кто около крыльца, толкаясь со ступенекъ или катаясь на ногахъ по ледочку раскатанной дорожки, кто въ школьныхъ комнатахъ. Когда холодно, ожидая учителя, читаютъ, пишутъ или возятся. Дѣвочки не мѣшаются съ ребятами. Когда ребята затѣваютъ что-нибудь съ дѣвочками, то никогда не обращаются къ одной изъ нихъ, а всегда ко всѣмъ вмѣстѣ: „эй, дѣвки, что не катаетесь?“ или: „дѣвки то, вишь, замерзли“, или: „ну, дѣвки, выходи всѣ на меня одного“. Только одна изъ дѣвочекъ, дворовая, съ огромными и всесторонними способ-

Digitized by Google

ностями, лѣтъ десяти, начинаетъ выходить изъ табуна дѣвокъ. И съ этою только ученики обращаются, какъ съ равною, какъ съ мальчикомъ, только съ тонкимъ оттѣнкомъ учтивости, снисходительности и сдержанности *).

Въ своихъ педагогическихъ статьяхъ практическаго характера Левъ Николаевичъ даетъ художественное изображеніе нѣсколькихъ моментовъ школьной жизни, въ которой онъ принималъ такое искреннее и горячее участіе, не какъ строгій учитель-педантъ, требующій себѣ повиновенія, а какъ большое дитя, жившее одними радостями и горестями со своими товарищами школьниками, отдавая имъ всю свою душу и дѣлясь съ ними всѣмъ своимъ несмѣтнымъ духовнымъ богатствомъ.

Если сопоставить эти нѣсколько изображенныхъ имъ моментовъ, то гигантская фигура геніальнаго педагога предстанетъ передъ нами во всемъ своемъ величіи.

I. Вечерняя прогулка.

„На дворѣ было не холодно — зимняя безмѣсячная ночь съ тучами на небѣ. На перекресткѣ мы остановились; старшіе, трехлѣтніе школьники остановились около меня, приглашая проводить ихъ еще; маленькіе поглядѣли и закатились подъ гору. Младшіе начали учиться при новомъ учителѣ и между мною и ими уже нѣтъ того довѣрія, какъ между мной и старшими. „Ну, такъ пойдемъ въ Заказъ“ (небольшой лѣсъ, шагахъ въ 200 отъ жилья), сказалъ одинъ изъ нихъ. Больше всѣхъ просилъ Федька, мальчикъ лѣтъ 10, нѣжная, воспріимчивая, поэтическая и лихая натура. Опасность для него составляетъ, кажется, самое главное условіе удовольствія. Теперь онъ зналъ, что въ лѣсу есть волки, поэтому ему хотѣлось въ Заказъ. Всѣ подхватили, и мы

*) Ясно-Полянск. шк. за ноябрь и декабрь 1861 г. Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого, т. IV, стр. 239.

Digitized by Google

вчетверомъ пошли въ лѣсъ. Другой—я назову его Семка—здоровенный и физически и морально, малый лѣтъ 12, прозванный Вавило, шелъ впереди и все кричалъ и аукался съ кѣмъ-то заливистымъ голосомъ. Пронька—болѣзненный, кроткій и чрезвычайно даровитый мальчикъ, сынъ бѣдной семьи, болѣзненный, кажется, больше всего отъ недостатка пищи—шелъ рядомъ со мной. Федька шелъ между мной и Семкой и все заговаривалъ особенно мягкимъ голосомъ, то разсказывая, какъ онъ лѣтомъ стерегъ здѣсь лошадей, то говоря, что ничего не страшно, а то спрашивая, „что ежели какой-нибудь выскочитъ?“ и непремѣнно требуя, чтобъ я что-нибудь сказалъ на это. Мы не вышли въ средину лѣса; это было бы уже слишкомъ страшно, но и около лѣса стало темнѣе: дорожка чуть виднѣлась, огни деревни скрылись изъ виду. Семка остановился и сталъ прислушиваться. „Стой, ребята! Что такое?“ вдругъ сказалъ онъ. Мы замолкли, но ничего не было слышно; все-таки страху еще прибавилось. „Ну, что же мы станемъ дѣлать, какъ онъ выскочитъ... да за нами?“ спросилъ Федька. Мы разговорились о кавказскихъ разбойникахъ. Они вспомнили кавказскую исторію, которую я имъ разсказывалъ давно, и я сталъ опять разсказывать объ абрекахъ, о казакахъ, о Хаджи-Муратѣ. Семка шелъ впереди, широко ступая своими большими сапогами и мѣрно раскачивая здоровой спиной. Пронька попытался было идти рядомъ со мной, но Федька сбилъ его съ дорожки, и Пронька, должно быть по своей бѣдности, всегда всѣмъ покоряющійся, только въ самыхъ интересныхъ мѣстахъ забѣгалъ сбоку, хотя и по колѣно утопая въ снѣгу.

Всякій замѣчалъ, кто немного знаетъ крестьянскихъ дѣтей, что они не привыкли и терпѣть не могутъ всякихъ ласкъ—нѣжныхъ словъ, поцѣлуевъ, трогаиій рукой и т. п. Потому то меня особенно поразило, когда Федька, шедшій рядомъ со мной, въ самомъ страшномъ мѣстѣ разсказа, вдругъ дотронулся до меня слегка рукавомъ, потомъ всею рукою ухватилъ меня за два пальца и уже не выпускалъ ихъ. Только

Digitized by Google

что я замолкалъ, Федька уже требовалъ, чтобъ я говорилъ еще, и такимъ умоляющимъ взволнованнымъ голосомъ, что нельзя было не исполнить его желанія. „Ну, ты суйся подъ ноги!“ сказалъ онъ разъ сердито Пронькѣ, забѣжавшему впередъ; онъ былъ увлеченъ до жестокости, — ему было такъ жутко и хорошо, держась за мой палецъ, и никто не долженъ былъ смѣть нарушать его удовольствіе. „Ну, еще, еще! Вотъ хорошо то!“ Мы прошли лѣсъ и стали съ другого конца подходить къ деревнѣ. „Пойдемъ еще, заговорили всѣ, когда уже стали видны огни,—еще пройдемся“. Мы молча шли, кое-гдѣ проваливаясь по рыхлой, плохо наѣзженной дорожкѣ; бѣлая темнота какъ будто качалась передъ глазами; тучи были низкія, какъ будто на насъ что-то наваливало ихъ; конца не было этому бѣлому, въ которомъ только мы одни хрустѣли по снѣгу; вѣтеръ шумѣлъ по голымъ макушкамъ осинъ, а намъ было тихо за лѣсомъ. Я кончилъ разсказъ тѣмъ, кто окруженный абрекъ запѣлъ пѣсню и потомъ самъ бросился на кинжалъ. Всѣ молчали. „Зачѣмъ же онъ пѣсню запѣлъ, когда его окружили?“ спросилъ Семка. — „Вѣдь, тебѣ сказывали, умирать собрался!“ отвѣчалъ огорченно Федька. „Я думаю, что молитву онъ запѣлъ!“ прибавилъ Пронька. Всѣ согласились. Мы остановились въ рощѣ за гумнами, подъ самымъ краемъ деревни. Семка поднялъ хворостинку изъ снѣга и билъ ею по морозному стволу липы. Иней сыпался съ сучьевъ на шапку и звукъ одиноко раздавался по лѣсу. „Левъ Николаевичъ, сказалъ Федька, для чего учиться пѣнію? Я часто думаю, право, зачѣмъ пѣть?“...

.....Мнѣ странно повторить, что мы говорили тогда, но, я помню, мы переговорили, какъ мнѣ кажется, все, что сказать можно о пользѣ, о красотѣ пластической и нравственной“ *).

---

*) „Ясно-Полянская школа за ноябрь и декабрь“. Полн. Собр. Соч. Л. Н. Толстого, т. IV, стр. 259. Изд. 10-е. Москва, 1897 года.

Digitized by Google

Пишущему эти строки выпало на долю рѣдкое счастье. Подобно Федькѣ, державшемуся за пальцы Льва Николаевича и замиравшему отъ восторга, приходилось и мнѣ не разъ гулять со Львомъ Николаевичемъ по этому самому „Заказу". Слушая его разсказы, я испытывалъ чувство, которое нельзя выразить лучше, чѣмъ его выразилъ Федька словами: „Ну, еще, еще, вотъ хорошо то!"

2. Урокъ сочинительства.

Одинъ разъ, прошлою зимою, я зачитался послѣ обѣда книгой Снегирева (сборникъ пословицъ) и съ книгой же пришелъ въ школу. Былъ классъ русскаго языка.

— Ну-ка, напишите кто на пословицу,—сказалъ я.

Лучшіе ученики—Федька, Семка и другіе—навострили уши.

— Какъ на пословицу: что такое, скажите намъ?—посыпались вопросы.

Открылась пословица: ложкой кормитъ, стеблемъ глазъ колетъ

— Вотъ вообрази себѣ,—сказалъ я,—что мужикъ взялъ къ себѣ какого-нибудь нищаго, а потомъ, за свое добро, его попрекать сталъ, и выйдетъ къ тому, что „ложкой кормитъ, стеблемъ глаза колетъ".

— Да какъ ее напишешь?—сказалъ Федька и всѣ другіе, навострившіе было уши, но вдругъ отшатнувшись, убѣдившись, что это дѣло не по ихъ силамъ, и принялись за свои, прежде начатыя работы.

— Ты самъ напиши,—сказалъ мнѣ кто-то.

Всѣ были заняты дѣломъ; я взялъ перо и чернильницу и сталъ писать.

— Ну,—сказалъ я,—кто лучше напишетъ? и я съ вами.

Я началъ повѣсть, напечатанную въ 4-ой книжкѣ Ясной Поляны, и написалъ первую страницу. Всякій, не предупрежденный человѣкъ, имѣющій чувство художественности

Digitized by Google

и народности, прочтя эту первую, писанную мною, и слѣдующія страницы повѣсти, писанныя самими учениками, отличитъ эту страницу отъ другихъ, какъ муху въ молокѣ,— такъ она фальшива, искусственна и написана такимъ плохимъ языкомъ. Надо замѣтить, что въ первоначальномъ видѣ она была еще уродливѣе и много исправлена, благодаря указанію учениковъ.

Федька изъ своей тетрадки все поглядывалъ на меня и, встрѣтившись съ моими глазами, улыбаясь, подмигивалъ и говорилъ: „пиши, пиши, я тѣ задамъ". Его, видимо, занимало, какъ большой тоже сочиняетъ. Кончивъ свое писаніе хуже и скорѣе обыкновеннаго, онъ взлѣзъ на спинку моего кресла и сталъ читать изъ-за плеча. Я не могъ уже продолжать. Другіе подошли къ намъ, и я прочелъ имъ вслухъ написанное: имъ не понравилось, никто не похвалилъ. Мнѣ было совѣстно и, чтобы успокоить свое литературное самолюбіе, я сталъ разсказывать имъ свой планъ послѣдующаго. По мѣрѣ того, какъ я разсказывалъ, я увлекался, поправлялся, и они стали подсказывать мнѣ: кто говорилъ, что старикъ этотъ будетъ колдунъ; кто говорилъ: нѣтъ, не надо, онъ будетъ просто солдатъ; нѣтъ, лучше пускай онъ ихъ обокрадетъ; нѣтъ, это будетъ не къ пословицѣ и т. п., говорили они.

Всѣ были чрезвычайно заинтересованы. Для нихъ, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессѣ сочинительства и участвовать въ немъ. Сужденія ихъ были большей частью одинаковы и вѣрны, какъ въ самой постройкѣ повѣсти, такъ и въ самыхъ подробностяхъ и характеристикахъ лицъ. Всѣ принимали участіе въ сочинительствѣ; но съ самаго начала въ особенности рѣзко выдѣлились положительный Семка—рѣзкою художественностью описанія—и Федька—вѣрностью поэтическихъ представленій и въ особенности пылкостью и поспѣшностью воображенія. Требованія ихъ были до такой степени не случайны и опредѣленны, что не разъ я начиналъ съ ними спорить и долженъ

Digitized by Google

былъ уступать. У меня крѣпко сидѣли въ головѣ требованія правильности постройки и вѣрности отношенія мысли пословицы къ повѣсти; у нихъ, напротивъ, были только требованія художественной правды. Я хотѣлъ, напримѣръ, чтобы мужикъ, взявшій въ домъ старика, самъ бы раскаялся въ своемъ добромъ дѣлѣ,—они считали это невозможнымъ и создали сварливую бабу. Я говорилъ: мужику стало сначала жалко старика, а потомъ хлѣба жалко стало. Федька отвѣчалъ: что это будетъ нескладно: „онъ съ перваго начала бабы не послушался и послѣ ужъ не покорится". Да какой онъ по твоему человѣкъ?—спросилъ я. „Онъ какъ дядя Тимофей,—сказалъ Федька, улыбаясь,—такъ, бородка рѣденькая, въ церковь ходитъ и пчелы у него есть".—Добрый, но упрямый,—сказалъ я. „Да,—сказалъ Федька,—ужъ онъ не станетъ бабы слушать". Съ того мѣста, какъ старика внесли въ избу, началась одушевленная работа. Тутъ, очевидно, они въ первый разъ почувствовали прелесть запечатлѣнія словомъ художественной подробности. Въ этомъ отношеніи особенно отличался Семка: подробности самыя вѣрныя сыпались одна за другою. Единственный упрекъ, который можно было ему сдѣлать, былъ тотъ, что подробности эти обрисовывали только минуту настоящаго безъ связи къ общему чувству повѣсти. Я не успѣвалъ записывать и только просилъ ихъ подождать и не забывать сказаннаго. Семка, казалось, видѣлъ и описывалъ находящееся передъ его глазами: закоченѣлые, замерзлые лапти и грязь, которая стекла съ нихъ, когда они растаяли, и сухари, въ которые они превратились, когда баба бросила ихъ въ печку; Федька, напротивъ, видѣлъ только тѣ подробности, которыя вызывали въ немъ то чувство, съ которымъ онъ смотрѣлъ на извѣстное лицо. Федька видѣлъ снѣгъ, засыпавшійся старику за онучи, чувство сожалѣнія, съ которымъ мужикъ сказалъ: Господи, какъ онъ шелъ! (Федька даже въ лицахъ представилъ, какъ это сказалъ мужикъ, размахнувши руками и покачавши головой). Онъ видѣлъ изъ лоскутьевъ собранную

Digitized by Google

шинелишку и прорванную рубашку, изъ-подъ которой виднѣлось худое, омоченное растаявшимъ снѣгомъ тѣло старика; онъ придумалъ бабу, которая ворчливо, по приказанію мужа, сняла съ него лапти, и жалобный стонъ старика, сквозь зубы говорящаго: тише, матушка, у меня тутъ раны. Семкѣ нужны были преимущественно объективные образы: лапти, шинелишка, старикъ, баба, почти безъ связи между собой. Федькѣ нужно было вызвать чувство жалости, которымъ онъ самъ былъ проникнутъ.

Онъ забѣгалъ впередъ, говорилъ о томъ: какъ будутъ кормить старика, какъ онъ упадетъ ночью, какъ будетъ потомъ въ полѣ учить грамотѣ мальчика, такъ что я долженъ былъ просить его не торопиться и не забывать того, что онъ сказалъ. Глаза у него блестѣли почти слезами; черныя, худенькія ручки судорожно корчились; онъ сердился на меня и безпрестанно понукалъ: написалъ, написалъ?—все спрашивалъ онъ меня. Онъ деспотически-сердито обращался со всѣми другими, ему хотѣлось говорить только одному, и не говорить, какъ разсказываютъ, а говорить, какъ пишутъ, т. е. художественно запечатлѣвать словомъ образы чувства; онъ не позволялъ, напримѣръ, перестанавливать слова,— скажетъ: у меня на ногахъ раны, то ужъ не позволяетъ сказать: у меня раны на ногахъ. Размягченная и раздраженная его въ это время душа чувствомъ жалости, т. е. любви, облекала всякій образъ въ художественную форму и отрицала все, что не соотвѣтствовало идеѣ вѣчной красоты и гармоніи. Какъ только Семка увлекался высказываніемъ непропорціональныхъ подробностей о ягнятахъ въ коникѣ и т. п., Федька сердился и говорилъ: ну тебя, ужъ наладилъ. Стоило мнѣ только намекнуть о томъ, напримѣръ, что дѣлалъ мужикъ, когда жена убѣжала къ куму, и въ воображеніи Федьки тотчасъ же возникала картина съ ягнятами, бякующими въ коникѣ, со вздохами старика и бредомъ мальчика Сережки; стоило мнѣ только намекнуть на картину искусственную и ложную, какъ онъ тотчасъ же

Digitized by Google

Л. Н. ТОЛСТОЙ
ВО ВРЕМЯ СВОЕЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ, ВЪ 1862 Г.

Digitized by Google

Digitized by Google

сердито говорилъ, что этого не надо. Я предложилъ, напримѣръ, описать наружность мужика, онъ согласился; но на предложеніе описать то, что думалъ мужикъ, когда жена бѣгала къ куму, ему тотчасъ же представился оборотъ мысли: эхъ, напала бы ты на Савоську покойника, тотъ бы тѣ космы то повыдергалъ. И онъ сказалъ это такимъ усталымъ и спокойно привычно-серьезнымъ и вмѣстѣ добродушнымъ тономъ, облокотивъ голову на руку, что ребята покатились со смѣху. Главное свойство во всякомъ искусствѣ—чувство мѣры—было развито въ немъ необычайно. Его коробило отъ всякой лишней черты, подсказываемой кѣмъ-нибудь изъ мальчиковъ. Онъ такъ деспотически и съ правомъ на этотъ деспотизмъ распоряжался постройкою повѣсти, что скоро мальчики ушли домой, и остался только онъ съ Семкою, который не уступалъ ему, хотя и работалъ въ другомъ родѣ. Мы работали съ 7 до 11 часовъ; они не чувствовали ни голода, ни усталости, и еще разсердились на меня, когда я пересталъ писать; взялись сами писать поперемѣнкамъ, но скоро бросили; дѣло не пошло. Тутъ только Федька спросилъ у меня, какъ меня звать. Мы засмѣялись, что онъ не знаетъ. „Я знаю,—сказалъ онъ,—какъ васъ звать, да дворъ то вашъ какъ зовутъ? Вотъ у насъ Фоканычевы, Зябревы, Ермилины“. Я сказалъ ему. „А печатывать будемъ?“—спросилъ онъ.—Да.—„Такъ и напечатывать надо: сочиненія Макарова, Морозова и Толстова“. Онъ долго былъ въ волненіи и не могъ заснуть, и я не могу передать того чувства волненія, радости, страха и почти раскаянія, которыя я испытывалъ въ продолженіе этого вечера. Я чувствовалъ, что съ этого дня для него раскрылся цѣлый міръ наслажденій и страданій—міръ искусства; мнѣ казалось, что я подсмотрѣлъ то, что никто никогда не имѣетъ право видѣть—зарожденіе таинственнаго цвѣтка поэзіи. Мнѣ и страшно и радостно было, какъ искателю клада, который увидалъ бы цвѣтъ папоротника,—радостно мнѣ было потому, что вдругъ, совершенно неожиданно, открылся тотъ фило-

Digitized by Google

Ученикъ. Тульская губернія на 17 верстъ отъ насъ; гдѣ же она губернія—губернія и есть.
софскій камень, котораго я тщетно искалъ два года,—искусство учить выраженію мыслей; страшно потому, что это искусство вызывало новыя требованія, цѣлый міръ желаній, несоотвѣтственный средѣ, въ которой жили ученики, какъ мнѣ казалось въ первую минуту. Ошибиться нельзя было. Это была не случайность, но сознательное творчество.

.... Я оставилъ урокъ, потому что былъ сильно взволнованъ.

„Что съ вами, отчего вы такъ блѣдны, вы, вѣрно, нездоровы?“ спросилъ меня мой товарищъ. Дѣйствительно, я два-три раза въ жизни испытывалъ столь сильное впечатлѣніе, какъ въ этотъ вечеръ, и долго не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что я испытывалъ. Мнѣ смутно казалось, что я преступно подсмотрѣлъ въ стеклянный улей работу пчелъ, закрытую для взора смертнаго; мнѣ казалось, что я развратилъ чистую, первобытную душу крестьянскаго ребенка. Я смутно чувствовалъ въ себѣ раскаяніе въ какомъ-то святотатствѣ.... и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было радостно, какъ радостно должно быть человѣку, увидавшему то, чего никто не видалъ прежде его„. *)

3. Первый урокъ исторіи.

„Я имѣлъ намѣреніе въ первомъ урокѣ объяснить, чѣмъ Россія отличается отъ другихъ земель, ея границы, характеристику государственнаго устройства, сказать, кто царствуетъ теперь, какъ и когда императоръ взошелъ на престолъ.

Учитель. Гдѣ мы живемъ, въ какой землѣ?

Одинъ ученикъ. Въ Ясной Полянѣ.

Другой ученикъ. Въ полѣ.

Учитель. Нѣтъ, въ какой землѣ и Ясная Поляна, и Тульская губернія?

*) „Кому у кого учиться писать?“. Полн. Собр. Соч. Л. Н. Толстого. т. IV, стр. 204. Изд. 10-е Москва. 1897 года,

Digitized by Google

Учитель. Нѣтъ. Это городъ губернскій, а губернія другое. Ну, какая же земля?

Ученикъ (слушавшій прежде географію). Земля круглая, какъ шаръ.

Посредствомъ вопросовъ о томъ, въ какой землѣ прежде жилъ знакомый ихъ нѣмецъ, и о томъ, что ежели ѣхать все въ одну сторону, куда пріѣдешь?—ученики были наведены на отвѣтъ, что они живутъ въ Россіи. Нѣкоторые сказали однако, на вопросъ, что ежели ѣхать все впередъ, въ одну сторону, то куда пріѣдешь?—никуда не пріѣдешь. Другіе сказали, что пріѣдешь на конецъ свѣта.

Учитель (повторяя отвѣтъ ученика). Ты сказалъ, что пріѣдешь въ другія земли; когда же кончится Россія и начнутся другія земли?

Ученикъ. Когда нѣмцы пойдутъ.

Учитель. Что жъ, ежели ты встрѣтишь въ Тулѣ Густава Ивановича и Карла Ѳедоровича, ты скажешь, что пошли нѣмцы и, стало-быть, другая земля?

Ученикъ. Нѣтъ, когда сплошные нѣмцы пойдутъ.

Учитель. Нѣтъ и въ Россіи есть такія земли, гдѣ сплошные нѣмцы. Вотъ Иванъ Фомичъ оттуда, а земли эти все таки Россія. Отчего же такъ?

(Молчаніе).

Учитель. Оттого, что они одного закона съ русскими слушаются.

Ученикъ Какъ же одного закона? Нѣмцы въ нашу церковь не ходятъ и скоромное ѣдятъ.

Учитель. Не того закона, а одного царя слушаются.

Ученикъ (скептикъ Семка). Чудно!.. Отчего жъ они другого закона, а нашего царя слушаются?

Учитель чувствуетъ необходимость объяснить, что такое законъ, и спрашиваетъ, что такое значитъ: закона слушаться, быть подъ однимъ закономъ?

Ученица (самостоятельная дворовая дѣ-

Digitized by Google

вочка, торопливо и робко). Законъ принять—значитъ жениться.

Ученики вопросительно смотрятъ на учителя, такъ-ли?

Учитель начинаетъ объяснять, что законъ въ томъ, что ежели кто украдетъ или убьетъ, такъ его сажаютъ въ острогъ и наказываютъ.

Скептикъ Семка. А развѣ у нѣмцевъ этого нѣтъ?

Учитель. Законъ въ томъ еще состоитъ, что у насъ есть дворяне, мужики, купцы, духовенство (слово „духовенство" порождаетъ недоумѣніе.

Скептикъ Семка. А тамъ нѣту!

Учитель. Въ иныхъ земляхъ есть, а въ иныхъ нѣтъ. У насъ русскій царь, а въ нѣмецкихъ земляхъ другой—нѣмецкій царь.

Отвѣтъ этотъ удовлетворяетъ всѣхъ учениковъ и даже скептика Семку.

Учитель, видя необходимость перейти къ объясненію сословій, спрашиваетъ, какія они знаютъ сословія. Ученики начинаютъ пересчитывать: дворяне, мужики, попы, солдаты.—Еще?—спрашиваетъ учитель.—Дворовые, козюки *), самоварщики.

Учитель спрашиваетъ о различіи этихъ сословій.

Ученики. Крестьяне пашутъ, дворовые господамъ служатъ, купцы торгуютъ, солдаты служатъ, самоварщики самовары дѣлаютъ, попы обѣдни служатъ, дворяне ничего не дѣлаютъ. Затѣмъ такимъ же порядкомъ и съ такими же затрудненіями слѣдуетъ объясненіе понятій сословіе, границы, и другихъ государственныхъ терминовъ.

Урокъ продолжается часа два; учитель увѣренъ, что дѣти удержали много изъ сказаннаго, и въ такомъ же родѣ продолжаетъ въ слѣдующіе уроки, но только впослѣдствіи убѣждается, что пріемы эти были невѣрны и что все, что онъ дѣлалъ, былъ совершенный вздоръ".

---

*) Тамъ же стр. 335.

Digitized by Google

4. Второй урокъ исторіи.

„Этотъ классъ остался памятнымъ часомъ въ нашей жизни. Я никогда не забуду его. Давно было обѣщано дѣтямъ, что я буду имъ разсказывать съ конца, а другой учитель съ начала, что такъ мы и сойдемся. Мои вечерніе ученики разбрелись; я пришелъ въ классъ русской исторіи, гдѣ разсказывалось о Святославѣ. Имъ было скучно. На высокой лавкѣ, какъ всегда, рядомъ сидѣли три крестьянскія дѣвочки, обвязанныя платками. Одна заснула. Мишка толкнулъ меня: „глянь-ка, кукушки наши сидятъ, одна заснула“.—И точно, кукушка. „Разскажи лучше съ конца“, — сказалъ кто-то, и всѣ привстали.

Я сѣлъ и сталъ разсказывать. Какъ всегда, минуты двѣ продолжалась возня, стоны, толкотня. Кто лѣзъ подъ столъ, кто на столъ, кто подъ лавки, кто на плечи и на колѣни другому, и все затихло. Я началъ съ Александра I, разсказалъ о французской революціи, объ успѣхахъ Наполеона, о завладѣніи имъ властью и о войнѣ, окончившейся Тильзитскимъ миромъ. Какъ только дѣло дошло до насъ, со всѣхъ сторонъ послышались звуки и слова живого участія: „Что жъ, онъ и насъ завоюетъ?“—„Небось, Александръ ему задастъ“,—сказалъ кто-то, знавшій про Александра, но я долженъ былъ ихъ разочаровать — не пришло еще время — и ихъ очень обидѣло то, что хотѣли за него отдать царскую сестру и что съ нимъ, какъ съ равнымъ, Александръ говорилъ на мосту. „Погоди же ты!“ проговорилъ Петька съ угрожающимъ жестомъ.—„Ну, ну, разсказывай!“ Когда не покорился ему Александръ, т. е. объявилъ войну, всѣ выразили одобреніе. Когда Наполеонъ съ двѣнадцатью языками пошелъ на насъ, взбунтовалъ нѣмцевъ, Польшу — всѣ замерли отъ волненія.

Нѣмецъ, мой товарищъ, стоялъ въ комнатѣ. „А, и вы на насъ!“—сказалъ ему Петька (лучшій разсказчикъ).—„Ну, молчи!“ закричали другіе. Отступленіе нашихъ войскъ му-

Digitized by Google

чило слушателей такъ, что со всѣхъ сторонъ спрашивали объясненій: зачѣмъ? и ругали Кутузова и Барклая. „Плохъ твой Кутузовъ“.—„Ты погоди“, говорилъ другой.—„Да что жъ, онъ сдался?“ спрашивалъ третій. Когда пришла Бородинская битва и когда въ концѣ ея я долженъ былъ сказать, что мы все-таки не побѣдили, мнѣ жалко было ихъ; видно было, что я страшный ударъ наношу всѣмъ. „Хоть и не наша, да и не ихняя взяла!“ Какъ пришелъ Наполеонъ въ Москву и ждалъ ключей и поклоновъ, все загрохотало отъ сознанія непокоримости. Пожаръ Москвы, разумѣется, одобренъ. Наконецъ, наступило торжество — отступленіе. „Какъ онъ вышелъ изъ Москвы, тутъ Кутузовъ погналъ его и пошелъ бить“, сказалъ я. — „Окарячилъ его!“, поправилъ меня Федька, который, весь красный, сидѣлъ противъ меня и отъ волненія корчилъ свои тоненькіе черные пальцы. Это его привычка. Какъ только онъ сказалъ это, такъ вся комната застонала отъ гордаго восторга. Какого то маленькаго придушили сзади, и никто этого не замѣчалъ. „Такъ то лучше! Вотъ те и ключи!“ и т. п. Потомъ я продолжалъ, какъ мы погнали француза. Больно было ученикамъ слышать, что кто-то опоздалъ на Березинѣ, и мы упустили его. Петька даже крикнулъ: „Я-бъ его разстрѣлялъ, зачѣмъ онъ опоздалъ!“ Потомъ немножко мы пожалѣли даже мерзлыхъ французовъ. Потомъ, какъ перешли мы границу, и нѣмцы, что противъ насъ были, повернули за насъ, кто-то вспомнилъ нѣмца, стоявшаго въ комнатѣ. „А, вы такъ то: то на насъ, а какъ сила не беретъ, такъ съ нами?“ и вдругъ всѣ поднялись и начали ухать на нѣмца, такъ что гулъ на улицѣ былъ слышенъ. Когда они успокоились, я продолжалъ, какъ мы проводили Наполеона до Парижа, посадили настоящаго короля, торжествовали, пировали, только воспоминаніе крымской войны испортило намъ все дѣло. „Погоди же ты!“ прогорилъ Петька, потрясая кулаками: „дай, я вырасту, я же имъ задамъ“. Попался бы намъ теперь Шевардинскій редутъ или Малаховъ курганъ, мы бы его отбили.

Digitized by Google

Ужъ было поздно, когда я кончилъ. Обыкновенно дѣти спятъ въ это время. Никто не спалъ, даже у кукушекъ глазенки горѣли. Только что я всталъ, изъ-подъ моего кресла, къ величайшему удивленію, вылѣзъ Тараска и оживленно и вмѣстѣ серьезно посмотрѣлъ на меня. „Какъ ты сюда залѣзъ?"—„Онъ съ самаго начала", сказалъ кто-то. Нечего было и спрашивать, понялъ ли онъ — видно было по лицу. „Что ты разскажешь?" спросилъ я. — Я-то? онъ подумалъ: всю разскажу". — „Я дома разскажу". — „И я тоже". — „И я".—„Больше не будетъ?" — „Нѣтъ". И всѣ полетѣли подъ лѣстницу, кто обѣщалъ задать французу, кто укоряя нѣмца, кто повторяя, какъ Кутузовъ его окарячилъ. Sie haben ganz Russisch erzählt (вы совершенно порусски разсказывали), сказалъ мнѣ вечеромъ нѣмецъ, на котораго ухали. Вы бы послушали, какъ у насъ разсказываютъ эту исторію. Вы ничего не сказали о нѣмецкихъ битвахъ за свободу. Sie haben nichts gesagt von den deutschen Freiheitskämfen.

Я совершенно согласился съ нимъ, что мой разсказъ— не была исторія, а сказка, возбуждающая народное чувство.

Стало быть, какъ преподаваніе исторіи, и эта попытка была неудачна еще болѣе, чѣмъ первыя" *).

Прибавимъ теперь для полноты педагогической картины мнѣніе Льва Николаевича о преподаваніи музыки. Онъ резюмируетъ свои выводы въ 5 пунктахъ:

„Изъ того небольшого опыта, говоритъ онъ, который я имѣлъ въ преподаваніи музыки народу, я убѣдился въ слѣдующемъ:

1) что способъ писанія звуковъ цифрами есть самый удобный способъ;

2) что преподаваніе такта отдѣльно отъ звуковъ есть самый удобный способъ;

3) что для того, чтобы преподаваніе музыки оставило

*) Тамъ же, стр. 340.

Digitized by Google

слѣды и воспринималось охотно, необходимо учить съ перваго начала искусству, а не умѣнью пѣть или играть. Барышенъ можно учить играть экзерсизы Бургмюллера, но народныхъ дѣтей лучше не учить вовсе, чѣмъ учить механически;

4) что ничто такъ не вредно въ преподаваніи музыки, какъ-то, что похоже на знаніе музыки—исполненіе хоровъ на экзаменахъ, актахъ и въ церквахъ;

5) что цѣль преподаванія музыки народу должна состоять только въ томъ, чтобы передать ему тѣ знанія объ общихъ законахъ музыки, которыя мы имѣемъ, но отнюдь не въ передачѣ ему того ложнаго вкуса, который развитъ въ насъ".

Рисованію также отводилось не мало мѣста, но этимъ занимался не самъ Левъ Николаевичъ, не чувствовавшій въ себѣ достаточной подготовки къ этому и умѣнья, а его товарищъ учитель.

Весной 1862 года Левъ Николаевичъ, утомленный усиленной дѣятельностью по посредничеству и по школамъ, почувствовалъ серьезное нездоровье и, опасаясь чахотки, рѣшилъ отправиться лѣчиться на кумысъ.

Онъ взялъ съ собою слугу своего Алексѣя и двухъ школьниковъ и отправился въ Самарскую губернію въ половинѣ мая.

Изъ Москвы онъ писалъ тетушкѣ Татьянѣ Александровнѣ, извѣщая ее, что всѣ ѣдущіе здоровы и давалъ нѣкоторые совѣты и порученія по управленію школой.

Они поѣхали по желѣзной дорогѣ до Твери, и тамъ сѣли на пароходъ, чтобы спуститься внизъ по Волгѣ до Самары.

Вѣроятно, на пароходѣ Льва Николаевича охватило то радостное настроеніе, которое знакомо каждому путешественнику по Волгѣ. Великая рѣка въ весеннемъ разливѣ, плавный шумъ парохода, чудныя весеннія ночи съ опрокинутымъ звѣзднымъ небомъ въ зеркальной рѣкѣ и съ береговыми и пароходными огнями, на пароходѣ пестрыя толпы

Digitized by Google

рабочихъ, странниковъ, татаръ, монаховъ и другихъ пассажировъ, несмотря на все разнообразіе типовъ, сословій, національностей и исповѣданій — носящая особый чисто великорусскій отпечатокъ, быть можетъ, мысли объ историческомъ прошломъ этой рѣки и орошаемыхъ ею мѣстностей— все это производитъ неописуемое, радостное, умилительное впечатлѣніе и наводитъ на многія мысли и грезы.

Вѣроятно, нѣчто подобное испыталъ и Левъ Николаевичъ, потому что 20 мая записалъ въ своемъ дневникѣ:

„На пароходѣ. Какъ будто опять возрождаюсь къ жизни и къ знанію ея. Мысль о нелѣпости прогресса преслѣдуетъ. Съ умнымъ и глупымъ, съ старикомъ и ребенкомъ — бесѣдую объ одномъ“.

По дорогѣ Левъ Николаевичъ остановился въ Казани у своего родственника, Владиміра Ивановича Юшкова.

Затѣмъ, уже изъ Самары онъ пишетъ теткѣ:

27 мая 1862.

„Я нынче ѣду изъ Самары за 130 верстъ въ Каралыкъ— Николаевскаго уѣзда. Адресъ мой—въ Самару, Юрію Федоровичу Самарину для передачи Л. Н. Т.

Путешествіе я сдѣлалъ прекрасное, мѣсто мнѣ очень нравится, здоровье лучше, т. е. меньше кашляю. Алексѣй и ребята живы и здоровы, что можете сообщить ихъ роднымъ. Пожалуйста, напишите мнѣ о Сережѣ или онъ самъ. Всѣмъ дорогимъ товарищамъ поклонъ и прошу ихъ писать мнѣ, что и какъ у нихъ дѣлается и живется. Влад. Ив. Юшковъ молодцомъ еще. Съ мѣста напишу подробнѣе. Цѣлую ваши руки“.

Затѣмъ онъ пишетъ уже съ мѣста своего лѣченія:

28 іюня 1862.

„Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я безъ всякихъ свѣдѣній о васъ и изъ дома, пожалуйста, напишите мнѣ о всѣхъ, во 1) родныхъ, во 2) студентахъ и т. д. Мы съ Алексѣемъ потол-

Digitized by Google

стѣли, въ особенности онъ, но кашляемъ немного, тоже въ особенности онъ. Живемъ мы въ кибиткѣ, погода прекрасная, я нашелъ пріятеля Столыпина — атаманомъ въ Уральскѣ и ѣздилъ къ нему и привезъ оттуда писаря, но диктую и пишу мало. Лѣнь одолѣваетъ при кумысѣ. Черезъ двѣ недѣли я намѣренъ отсюда выѣхать и потому къ Ильину дню думаю быть дома. Меня мучаетъ неизвѣстность въ этой глуши и еще мысль о томъ, что я безобразно отсталъ въ изданіи журнала. Цѣлую ваши ручки. Пожалуйста, пишите подробно о Сережѣ, Машѣ, студентахъ, которымъ кланяюсь.

При семъ письма ребятъ родителямъ".

Между тѣмъ во время его столь благодушнаго пребыванія на кумысѣ въ башкирскихъ степяхъ, въ Ясно-Полянской школѣ произошло неожиданное событіе.

Весьма понятно, что сильная проповѣдь свободы словомъ и дѣломъ, въ школьныхъ занятіяхъ не могла не обратить вниманія подлежащаго начальства, и на Ясную Поляну было кому слѣдуетъ указано, какъ на источникъ преступной пропаганды. И лѣтомъ 1862 года туда нагрянули жандармы съ обыскомъ.

Подробный разсказъ объ этомъ мы находимъ въ воспоминаніяхъ Евг. Маркова, въ его статьѣ, напечатанной въ Вѣстникѣ Европы.

„Не могу не привести, говоритъ Марковъ, здѣсь кстати характернаго эпизода, который очень мало кому извѣстенъ, но который послужилъ причиною прекращенія педагогической дѣятельности гр. Л. Н. Толстого. Какъ мировой посредникъ перваго призыва, горячо сочувствовавшій дѣлу освобожденія крестьянъ, гр. Л. Толстой дѣйствовалъ, разумѣется, въ такомъ духѣ, который страшно ожесточилъ противъ него огромное большинство помѣщиковъ. Онъ получалъ множество писемъ съ угрозами всякаго рода: его собирались и побить и застрѣлить на дуэли; на него писались доносы. Какъ нарочно, въ то самое время, когда онъ

Digitized by Google

сталъ издавать журналъ „Ясная Поляна“, въ Петербургѣ появились прокламаціи разныхъ тайныхъ противогосударственныхъ партій, и тогдашняя полиція дѣятельно разыскивала, гдѣ скрывается печатающая ихъ типографія. Кто-то изъ озлобленныхъ на Толстого мѣстныхъ обывателей тонко сообразилъ, что гдѣ же и печататься тайнымъ листкамъ и подметнымъ воззваніямъ, какъ не въ типографіи журнала, издаваемаго — horribile dictu! — не въ городѣ, какъ у всѣхъ честныхъ людей, а въ деревнѣ, позабывъ однако взглянуть на обертку журнала, гдѣ достаточно четкимъ шрифтомъ было изображено, что журналъ печатается вовсе не въ деревнѣ, а въ самой благонамѣренной типографіи М. Н. Каткова въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе доносъ произвелъ цѣлую бурю.

Въ отсутствіе Льва Николаевича въ домѣ его проживала хозяйкой старушка тетка, да гостила съ дѣтьми родная сестра графа, Марія Николаевна, по мужу тоже графиня Толстая. Я и нашъ общій пріятель, Г. А. Ауэрбахъ—проводили это лѣто съ своими семьями верстахъ въ пяти отъ Ясной Поляны, снявъ внаймы домъ одного помѣщика въ той же Малиновой Засѣкѣ, среди которой была и Ясная Поляна. Вдругъ рано утромъ къ намъ верховой изъ Ясной Поляны. Насъ просятъ поскорѣе пріѣхать по важному дѣлу. Мы съ Ауэрбахомъ садимся въ шарабанъ и катимъ, что есть духу. Въѣзжаемъ на дворъ, смотримъ — тамъ цѣлое нашествіе! Почтовыя тройки съ колокольчиками, обывательскія подводы, исправникъ, становые, сотскіе, понятые и въ довершеніе всего—жандармы. Жандармскій полковникъ во главѣ этой грозной экспедиціи, со звономъ, шумомъ и трескомъ подкатившей вдругъ къ мирному дому Льва Николаевича, къ безконечному изумленію деревенскаго люда. Насъ едва пропустили въ домъ. Бѣдныя дамы лежатъ чуть не въ обморокѣ. Вездѣ кругомъ сторожа, все разрыто, раскрыто, перевернуто, ящики столовъ, шкапы, комоды, сундуки, шкатулки. Въ конюшнѣ поднимаютъ ломомъ полы; въ прудкахъ парка стараются выловить сѣтью преступный типографскій

Digitized by Google

станокъ, вмѣсто котораго попадаются только одни невинные караси да раки. Понятно, что злополучную школу и подавно вывернули вверхъ дномъ, но, не найдя ничего, отправились такимъ же людным и шумнымъ свадебнымъ поѣздомъ, гремя колоколами и гремушками, по всѣмъ, кажется, 17-ти школамъ мирового участка, перевертывая столы и шкапы, забирая тетради и книги, арестовывая учителей и поселяя, конечно, въ темной мужицкой толпѣ, безъ того не особенно дружелюбной къ школѣ и ученію, — самыя нелѣпыя предположенія" *).

Объ этомъ эпизодѣ вспоминаетъ также въ своихъ воспоминаніяхъ кн. Д. Д. Оболенскій, дополняя нѣкоторыми интересными подробностями.

„Ясно-Полянская школа шла великолѣпно. Но такъ какъ въ ней учили все студенты, то свыше не особенно благопріятно смотрѣли на нее и полагали, что непремѣнно есть что-нибудь политически-неблагонадежное въ Ясной Полянѣ. Туда являлся даже жандармскій офицеръ но, конечно, ничего не нашелъ, такъ какъ ничего и не было. Только въ одной изъ комнатъ Ясно-Полянскаго дома, обращеннаго въ школу, вниманіе жандармскаго офицера остановилось на фотографическомъ аппаратѣ. Въ 1862 году это было еще рѣдкостью, особенно въ провинціи,—въ деревнѣ. „Что это такое? строго спросилъ офицеръ,—кого тутъ снимаютъ?" Студенты, конечно, не были довольны незванному гостю и одинъ шутникъ быстро отвѣчалъ: „Герцена въ натурѣ".—„Какъ Герцена?... переспросилъ офицеръ. Но смѣхъ объяснилъ ему шутку и, кусая губы, офицеръ уѣхалъ **).

Захарьинъ-Якунинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о графинѣ А. А. Толстой разсказываетъ еще слѣдующее:

---

*) Евг. Марковъ. Живая душа въ школѣ. Мысли и воспоминанія стараго педагога. Вѣстникъ Европы. Февраль, 1900 года. Стр. 584.

**) Наброски и воспоминанія кн. Д. Д. Оболенскаго. Русскій Архивъ. кн. 10, 1894 года.

Digitized by Google

„Передавая объ этомъ оскорбительномъ событіи графинѣ А. А. Толстой, Левъ Николаевичъ добавлялъ: „Я часто говорю себѣ: какое огромное счастье, что меня не было дома!—Ежели бы я былъ, то теперь, навѣрно бы, ужъ судился, какъ убійца“. Эту рѣзкую фразу Льва Николаевича, сказанную 42 года тому назадъ, легко объяснить себѣ, если припомнить всѣ оскорбительныя перипетіи, которымъ подверглись самыя близкія къ нему въ то время лица — его родная тетушка и родная сестра. Достаточно сказать, что частный приставъ города Тулы Кобеляцкій позволилъ выйти изъ кабинета въ гостиную и позволилъ лечь спать сестрѣ Льва Николаевича только тогда, когда перечиталъ вслухъ, въ ея и двухъ жандармовъ присутствіи, всѣ тѣ интимныя письма, о которыхъ упоминалось выше, а также дневникъ и все то, что писалъ—и тщательно хранилъ отъ всѣхъ—самъ Левъ Николаевичъ съ 16-лѣтняго своего возраста...

Яснополянскій хозяинъ не пожелалъ оставить безнаказаннымъ такое тяжкое, нанесенное ему безъ всякаго повода, оскорбленіе, эту ненужную относительно его жестокость, заставившую его уѣхать съ кумыса, не долѣчившись до конца. Онъ обратился тотчасъ же по полученіи извѣстія о бывшемъ у него въ домѣ погромѣ къ покойной графинѣ А. А. и просилъ ее сообщить всѣ обстоятельства дѣла тѣмъ лицамъ, власть имущимъ, которые хорошо его знали и на заступничество которыхъ онъ могъ разсчитывать, — графу В. А. Перовскому, гр. Н. Д. Блудовой и др.; главное—Левъ Николаевичъ просилъ не о наказаніи своихъ оскорбителей, а лишь о возстановленіи своего добраго имени въ глазахъ окружающихъ его крестьянъ и объ огражденіи себя отъ подобныхъ событій на будущее время. „Дѣла этого оставить я никакъ не хочу и не могу,—писалъ онъ:—Вся моя дѣятельность, въ которой я нашелъ счастье и успокоеніе, испорчена. Тетенька отъ испуга такъ больна, что, вѣроятно, не встанетъ. Народъ смотритъ на меня уже не какъ на чеснаго человѣка — мнѣніе, которое я заслуживалъ годами,—

Digitized by Google

а какъ на преступника, поджигателя, или дѣлателя фальшивой монеты, который только по плутоватости увернулся...

— Что, братъ, попался!.. Будетъ тебѣ толковать намъ о честности, справедливости,—самого чуть не заковали.

О помѣщикахъ что и говорить: это стонъ восторга. Напишите мнѣ, пожалуйста, поскорѣе, посовѣтовавшись съ Перовскимъ или Алексѣемъ Толстымъ, или съ кѣмъ хотите,—какъ мнѣ написать и какъ передать письмо Государю? Выхода мнѣ нѣтъ другого — какъ получить такое же гласное удовлетвореніе, какъ и оскорбленіе (поправить дѣло уже невозможно), или экспатріироваться, на что я твердо рѣшился. Къ Герцену я не поѣду; Герценъ самъ по себѣ—и я самъ по себѣ. Я и прятаться не стану, а громко объявлю, что продаю имѣніе, чтобы ѣхать изъ Россіи, гдѣ нельзя узнать минутой впередъ, что тебя ожидаетъ"...

Письмо это очень длинно, на восьми большихъ страницахъ. Въ концѣ сообщая о томъ, что жандармскій полковникъ, уѣзжая, пригрозилъ новымъ обыскомъ, пока не найдутъ, „ежели что спрятано",—Левъ Николаевичъ добавляетъ: „У меня въ комнатѣ заряжены пистолеты, и я жду, чѣмъ все это разрѣшится"... *)

Мнѣ помнится также, Левъ Николаевичъ разсказывалъ мнѣ, что онъ чувствовалъ себя чрезвычайно оскорбленнымъ этимъ вмѣшательствомъ полиціи въ его дѣла, тѣмъ болѣе, что это посѣщеніе полиціи и обыскъ, который она произвела, былъ сдѣланъ въ его отсутствіе. Левъ Николаевичъ рѣшилъ жаловаться, и въ Москвѣ во время пріѣзда туда государя Александра II, лично подалъ ему просьбу объ удовлетвореніи, встрѣтивъ его гуляющимъ въ Александровскомъ саду. Государь принялъ просьбу и потомъ, кажется, прислалъ ко Льву Николаевичу флигель-адъютанта съ извиненіемъ.

---

*) Ив. Захарьинъ-Якунинъ. Воспоминанія о гр. А. А. Толстой. Вѣстникъ Европы. Іюнь 1904 года. Стр. 458.

Digitized by Google

Но власти не успокоились, и вотъ осенью того же года возникаетъ комичная переписка между двумя министерствами—внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о журналѣ „Ясной Полянѣ“. Приводимъ выдержки изъ этой переписки, напечатанной въ воспоминаніяхъ профессора Усова.

„Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія 3 октября 1862 года:

„Внимательное чтеніе педагогическаго журнала „Ясная Поляна“, издаваемаго графомъ Толстымъ, приводитъ къ убѣжденію, что этотъ журналъ, проповѣдующій совершенно новые пріемы преподаванія и основныя начала народныхъ школъ, нерѣдко распространяетъ такія идеи, которыя, независимо отъ ихъ неправильности, по самому направленію своему оказываются вредными. Не входя въ подробный разборъ доктрины этого журнала и не указывая на отдѣльныя статьи и выраженія, что впрочемъ не представило бы затрудненій, я считаю нужнымъ обратить вниманіе Вашего Превосходительства на общее направленіе и духъ этого журнала, нерѣдко низвергающія основныя правила религіи и нравственности. Продолженіе журнала въ томъ же духѣ, по моему мнѣнію, должно было признано тѣмъ болѣе вреднымъ, что издатель, обладая замѣчательнымъ и, можно сказать, увлекательнымъ литературнымъ дарованіемъ, не можетъ быть заподозрѣнъ ни въ злоумышленности, въ въ недобросовѣстности своихъ убѣжденій. Зло заключается именно въ ложности и, такъ сказать, въ эксцентричности этихъ убѣжденій, которыя, будучи изложены съ особеннымъ краснорѣчіемъ, могутъ увлечь на этотъ путь неопытныхъ педагоговъ и сообщить неправильное направленіе дѣлу народнаго образованія. Имѣю честь сообщить о семъ Вамъ, Милостивый Государь, въ томъ предположеніи, что не изволите ли Вы признать полезнымъ обратить особое вниманіе цензора на это изданіе“.

Получивъ это отношеніе, Министръ народнаго просвѣщенія поручилъ разсмотрѣть всѣ вышедшія книги журнала

Digitized by Google

„Ясная Поляна“ и сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 24 октября того же года, что, какъ по собственному наблюденію министерства, такъ и по содержанію представленнаго ему, министру, отчета о „Ясной Полянѣ“, въ направленіи помянутаго журнала нѣтъ ничего вреднаго и противнаго религіи, но встрѣчаются крайности педагогическихъ воззрѣній, которыя подлежатъ критикѣ въ ученыхъ педагогическихъ журналахъ, а никакъ не запрещенію со стороны цензуры.

„Вообще, писалъ далѣе министръ народнаго просвѣщенія, я долженъ сказать, что дѣятельность графа Толстого по педагогической части заслуживаетъ полнаго уваженія и министерство народнаго просвѣщенія обязано помогать ему и оказывать содѣйствіе, хотя не можетъ раздѣлить всѣхъ его мыслей, отъ которыхъ, послѣ многосторонняго обсужденія, онъ и самъ, вѣроятно, откажется“. *)

Но либеральное министерство народнаго просвѣщенія ошиблось,—Толстой не отказался отъ своихъ мыслей, хотя всѣ эти нападки и остановили дальнѣйшее развитіе школьнаго дѣла въ Ясной Полянѣ.

ГЛАВА XVI.

Женитьба, краткій обзоръ произведеній.

Не смотря на видимый успѣхъ своего педагогическаго дѣла, Левъ Николаевичъ не могъ быть вполнѣ удовлетворенъ имъ; не смотря на величественность зданія, столь искусно построеннаго, онъ не былъ увѣренъ въ прочности его основанія. Для него этого основанія вовсе не существовало. Его аналитическій умъ не позволялъ ему успокоиться на основаніяхъ эфемерныхъ, а прочнаго онъ не находилъ.

*) П. Усовъ. Изъ моихъ воспоминаній. Историческій Вѣстникъ 1884. III.

Digitized by Google

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА БЕРСЪ ВЪ 1860 Г.
БУДУЩАЯ СУПРУГА Л. Н—ЧА

Digitized by Google

Digitized by Google

И вотъ это то неудовлетвореніе онъ и выразилъ въ словахъ своей „Исповѣди“, относящихся къ этому періоду:

„Мнѣ казалось, что я этому выучился за границей, и, вооруженный всей этой премудростью, я въ годъ освобожденія крестьянъ вернулся въ Россію и, занявъ мѣсто посредника, сталъ учить и необразованный народъ въ школахъ и образованныхъ людей въ журналѣ, который я началъ издавать. Дѣло, казалось, шло хорошо, но я чувствовалъ, что я не совсѣмъ умственно здоровъ и долго это не можетъ продолжаться. И я бы тогда, можетъ быть, пришелъ къ тому отчаянію, къ которому я пришелъ черезъ пятнадцать лѣтъ, если бы у меня не было еще одной стороны жизни, неизвѣданной еще мною и обѣщавшей мнѣ спасеніе — это была семейная жизнь.

Въ продолженіе года я занимался посредничествомъ, школами и журналомъ и такъ измучился, отъ того особенно, что запутался, такъ мнѣ тяжела стала борьба по посредничеству, такъ смутно проявлялась моя дѣятельность въ школахъ, такъ противно стало мое виляніе въ журналѣ, состоящее все въ одномъ и томъ же — въ желаніи учить всѣхъ и скрыть то, что я не знаю, чему учить, что я заболѣлъ болѣе духовно, чѣмъ физически,—бросилъ все и поѣхалъ въ степь къ башкирамъ — дышать воздухомъ, пить кумысъ и жить животною жизнью.

Вернувшись оттуда, я женился“ *).

Къ этому же времени относится слѣдующее происшествіе въ жизни Льва Николаевича.

Все еще страстный игрокъ, онъ часто дѣлался жертвой своего увлеченія; и вотъ, въ началѣ 1862 году Левъ Николаевичъ проигралъ на китайскомъ билльярдѣ извѣстному публицисту, издателю „Московскихъ Вѣдомостей“ Каткову 1000 рублей.

---

*) „Исповѣдь“. Изд. Черткова.

Digitized by Google

Онъ не могъ заплатить этого долга и въ уплату его отдалъ Каткову для напечатанія въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, также издававшемся Катковымъ, свою не оконченную повѣсть „Казаки“. Она появилась въ январѣ 1863 года въ неоконченномъ видѣ и послѣ, вслѣдствіе непріятнаго воспоминанія, связаннаго съ нею, Левъ Николаевичъ бросилъ ее и больше не писалъ.

Тургеневъ, сообщая объ этомъ событіи Фету, со словъ Боткина, писалъ:

„Толстой написалъ Боткину, что онъ въ Москвѣ проигрался и взялъ у Каткова 1000 р. въ задатокъ своего кавказскаго романа. Дай то Богъ, чтобы онъ хоть эдакимъ путемъ возвратился къ своему настоящему дѣлу. Его „Дѣтство и Юность“ появились въ англійскомъ переводѣ и, сколько слышно, нравятся. Я попросилъ одного знакомаго написать объ этомъ статью для „Revue des deux Mondes“. Знаться съ народомъ необходимо, но истерически льнуть къ нему, какъ беременная женщина, безсмысленно“.

Въ это время Левъ Николаевичъ усердно посѣщалъ семейство доктора Берса, съ которымъ вскорѣ пришлось ему соединиться семейными узами.

„Мы были еще дѣвочками, разсказывала графиня Толстая біографу Левенфельду, когда Толстой сталъ бывать въ нашемъ домѣ. Онъ былъ уже извѣстнымъ писателемъ, и велъ въ Москвѣ веселый шумный образъ жизни. Однажды Левъ Николаевичъ вбѣжалъ въ нашу комнату и радостно сообщилъ намъ, что только что продалъ Каткову своихъ „Казаковъ“ за тысячу рублей. Мы нашли цѣну очень низкой. Тогда онъ объявилъ намъ, что его заставила нужда; онъ наканунѣ проигралъ какъ разъ эту сумму въ „китайскій билліардъ“, и для него было дѣломъ чести немедленно же погасить этотъ долгъ. Онъ намѣревался написать вторую часть „Казаковъ“, но никогда не выполнилъ этого. Его сообщеніе такъ разстроило насъ, дѣвочекъ, что мы ходили по комнатѣ и плакали“.

Digitized by Google

Къ этому времени Левъ Николаевичъ снова сошелся съ Фетомъ, размолвка съ которымъ была уже слѣдствіемъ ссоры съ Тургеневымъ. О возобновленіи съ нимъ дружескихъ отношеній Фетъ разсказываетъ такъ:

„Если память моя, такъ вѣрно хранящая не только событія важныя по отношенію къ дальнѣйшему теченію моей жизни, но даже тѣ или другія слова, въ данное время сказанныя, тѣмъ не менѣе не удержала обстоятельствъ, возобновившихъ мои дружескія съ Толстымъ отношенія послѣ его раздражительной приписки, то это только доказываетъ, что его гнѣвъ по отношенію ко мнѣ явился крупной градиной въ іюлѣ, которая должна была сама растаять, хотя предполагаю, что дѣло произошло не безъ помощи Борисова. Какъ бы то ни было, но Левъ Николаевичъ снова появился на нашемъ горизонтѣ и со свойственнымъ ему увлеченіемъ сталъ говорить мнѣ о своемъ знакомствѣ въ домѣ доктора Берса.

Воспользовавшись предложеніемъ графа представить меня семейству Берса, я нашелъ любезнаго и свѣтски обходительнаго старика доктора и красивую величавую брюнетку, жену его, которая, очевидно, главенствовала въ домѣ. Воздерживаюсь отъ описанія трехъ молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ младшая обладала прекраснымъ контральто. Всѣ онѣ, не смотря на бдительный надзоръ матери и безукоризненную скромность, обладали тѣмъ привлекательнымъ оттѣнкомъ, который французы обозначаютъ словомъ „du chien“. Сервировка стола и самый обѣдъ повелительной хозяйки дома были безукоризнены“ *).

Объ отношеніи Льва Николаевича къ семейству Берсъ и о постепенномъ подготовленіи его къ женитьбѣ мы приводимъ разсказъ свояченницы Льва Николаевича, сообщенный намъ въ частномъ письмѣ.

---

*) А. Фетъ. „Мои воспоминанія“, т. I.

Digitized by Google

„Его отношенія къ нашему дому идутъ издавна: дѣдъ нашъ Исленевъ и отецъ Льва Николаевича были сосѣди по имѣнію и дружны. Семьи ихъ постоянно видѣлись, и потому мать моя со Львомъ Николаевичемъ въ дѣтствѣ была на „ты“. Онъ ѣздилъ къ намъ, еще бывши офицеромъ. Мать моя была уже замужемъ и дружна очень съ Маріей Николаевной, сестрой Льва Николаевича, и у Маріи Николаевны я, бывши ребенкомъ, видала часто Льва Николаевича. Онъ затѣвалъ всякія игры съ племянницами и со мною. Мнѣ было лѣтъ 10, и я его мало помню. Затѣмъ нѣсколько лѣтъ онъ не бывалъ у насъ и, возвратившись изъ заграницы и пріѣхавши къ намъ на дачу въ Покровское (подъ Москвою), онъ нашелъ двухъ старшихъ сестеръ моихъ взрослыми. Изъ-за границы онъ привезъ учителя Келлера и призывалъ еще другихъ въ Москвѣ для своей школы, которой онъ очень увлекался.

Въ Покровское онъ ходилъ къ намъ всегда почти пѣшкомъ (12 верстъ). Мы дѣлали съ нимъ большія прогулки. Онъ очень вникалъ въ нашу жизнь и сталъ намъ близкимъ человѣкомъ. Затѣмъ мы въ августѣ поѣхали въ Тульскую губернію, въ имѣніе дѣда, на 2 недѣли,—мать и мы, три сестры, на лошадяхъ, конечно. Онъ тоже поѣхалъ съ нами. Мы заѣхали дорогою въ Ясную Поляну. Жилъ онъ со своей тетушкой, Татьяной Александровной Ергольской, и съ сестрой, Маріей Николаевной. И вотъ къ нимъ то и заѣхала моя мать. Въ Ясной Полянѣ устроили на другой день пикъникъ въ засѣку съ семьею Ауэрбахъ и Марковымъ. Въ засѣкѣ убирали сѣно, и мы влѣзли всѣ на стогъ. Затѣмъ онъ вслѣдъ за нами отправился въ „Ивицы“, имѣніе дѣда, и тамъ произошло объясненіе за ломбернымъ столомъ первоначальными буквами, какъ описано въ Аннѣ Карениной. Въ сентябрѣ мы переѣхали въ Москву, куда и онъ пріѣхалъ, и 17-го сентября объявили его свадьбу въ Москвѣ. Во все время его пребыванія въ Москвѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, онъ бывалъ оживленъ, веселъ, остроуменъ—отъ него, какъ отъ

Digitized by Google

вулкана, летѣли во всѣ стороны божіи искры и исходилъ священный огонь. Помню его часто за роялью. Онъ привозилъ намъ ноты, разучивалъ Херувимскую Бортнянскаго съ нами и многое другое, аккомпанировалъ мнѣ ежедневно и называлъ мадамъ Віардо заставляя пѣть безъ конца".

А вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ событіи сама графиня Толстая въ разговорѣ съ Левенфельдомъ, мы дополняемъ и исправляемъ этотъ разсказъ лично слышанный отъ графини.

„Графъ тогда постоянно бывалъ въ нашемъ домѣ. Мы думали, что онъ интересовался нашей старшей сестрой, и отецъ мой былъ въ этомъ вполнѣ увѣренъ до самой той минуты, когда Левъ Николаевичъ попросилъ у него моей руки. Это было въ 1862 году. Мы поѣхали съ матерью въ августѣ мѣсяцѣ черезъ Ясную Поляну къ нашему дѣду. Мать наша хотѣла навѣстить сестру графа, и поэтому мы, три сестры, и нашъ меньшой братъ, пробыли нѣсколько дней здѣсь. Никого не удивило, что графъ былъ необыкновенно привѣтливъ съ нами; наше знакомство, какъ я вамъ уже сказала, было очень старое, и графъ всегда былъ чрезвычайно милъ съ нами. Ивицы, имѣніе нашего дѣда, отстояло въ 50 верстахъ отъ Ясной Поляны. Черезъ нѣсколько дней туда пріѣхалъ вслѣдъ за нами и Левъ Николаевичъ и, однимъ словомъ, здѣсь разыгралась сцена, подобная той, которая описана въ „Аннѣ Карениной", когда Левинъ пишетъ на столѣ свое объясненіе въ любви одними только начальными буквами и Китти сразу угадываетъ его. И до сихъ поръ еще, замѣтила графиня съ улыбкой, изъ которой можно было видѣть, что одно только воспоминаніе объ этомъ доставляло ей искреннее удовольствіе, я не могу понять, какъ я разобрала тогда эти буквы. Должно быть правда, что одинаково настроенныя души даютъ одинъ и тотъ же тонъ, подобно одинаково настроеннымъ струнамъ" *).

---

*) R. Loewenfeld. Gespräche mit und über Tolstoi. Leipzig.

Digitized by Google

Фразы, которыми обмѣнялись Левъ Николаевичъ и Софья Андреевна и которыя были написаны одними начальными буквами, были слѣдующія:

В. В. с. с. л. в. н. м. и н. В. с. Л. р. е. В. с. Т.

Это означало: Въ вашемъ семействѣ существуетъ ложный взглядъ на меня и на вашу сестру Лизу, разрушьте его Вы съ Таничкой.

Софья Андреевна отгадала эту фразу и дала утвердительный знакъ.

Тогда онъ написалъ еще:

В. м. и п. с. с. ж. н. н. м. м. с. и н. с.

Что означало: Ваша молодость и потребность счастья слишкомъ живо напоминаютъ нынче мнѣ мою старость и невозможность счастья.

Больше между ними ничего не было сказано, они понимали и были увѣрены другъ въ другѣ.

Они поѣхали въ Москву, Левъ Николаевичъ и туда пріѣхалъ вслѣдъ за ними. Онъ жилъ въ городѣ, а Берсы проводили время на дачѣ, въ Покровскомъ-Глѣбовѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Москвы. Семья ихъ ужъ 20 лѣтъ жила тамъ каждое лѣто. Левъ Николаевичъ былъ ежедневно ихъ гостемъ. Всѣ въ домѣ были твердо увѣрены, что онъ въ самое короткое время посватается къ старшей дочери.

Но вотъ 17-го сентября, въ день имянинъ Софьи Андреевны, Левъ Николаевичъ передалъ ей письмо, въ которомъ дѣлалъ ей предложеніе. Конечно, въ ней онъ встрѣтилъ только радостное согласіе; но старикъ отецъ былъ не доволенъ, ему, по старымъ обычаямъ, не хотѣлось отдавать младшую дочь раньше старшей и сначала онъ отказалъ. Но настойчивость Льва Николаевича и твердость Софьи Андреевны заставили старика согласиться.

Въ дневникѣ Льва Николаевича мы находимъ такое яркое отраженіе этихъ событій.

Послѣ одного изъ посѣщеній Берсовъ, 23 августа, онъ записалъ:

Digitized by Google

„Я боюсь себя; что ежели и это желаніе любви, а не любовь? Я стараюсь глядѣть только на ея слабыя стороны и все таки люблю“.

Въ тоже время онъ чувствуетъ одиночество въ общественной жизни.

„Всталъ здоровъ, съ особенно свѣтлой головой, писалось хорошо, но содержаніе бѣдно. Потомъ такъ грустно, какъ давно не было. Нѣтъ у меня друзей, нѣтъ. Я одинъ. Были друзья, когда я служилъ Мамону, и нѣтъ, когда я служу правдѣ“.

Наконецъ, 26-го августа онъ пишетъ:

„Пошелъ къ Берсамъ въ Покровское пѣшкомъ. Покойно, уютно. Соня дала прочесть повѣсть. Что за энергія правды и простоты. Ее мучаетъ неясность. Все я читалъ безъ замиранія, безъ признаковъ ревности или зависти, но „необычайно непривлекательной наружности и перемѣнчивость сужденій“ задѣли славно. Я успокоился; все это не про меня“.

Къ сожалѣнію эта повѣсть не дошла до насъ: она уничтожена была самимъ авторомъ.

28-го августа, въ день своего рожденія, когда ему минуло 34 года, въ его записи видно снова колебаніе—самоосужденіе и борьба; онъ пишетъ:

„Всталъ съ привычной грустью. Придумалъ общество для учениковъ мастерскихъ. Сладкая, успокоительная ночь. Скверная рожа, не думай о бракѣ, твое призваніе другое и дано за то много“.

Но потребность семейнаго счастья взяла вверхъ и желаніе любви перешло наконецъ въ настоящую, страстную любовь, которая уже не знала никакихъ преградъ. И все таки, не смотря на силу этой страсти, Левъ Николаевилъ и тутъ сумѣлъ проявить свою честность, свою любовь къ правдѣ. Уже сдѣлавъ предложеніе и получивъ согласіе, онъ далъ своей невѣстѣ прочесть свои дневники холостой жизни, въ которыхъ съ самообличеніемъ и голою искренностью опи-

Digitized by Google

саны были всѣ увлеченія молодости, всѣ паденія и всѣ душевныя бури, пережитыя Львомъ Николаевичемъ.

Чтеніе этого дневника было ударомъ и невыразимымъ страданіемъ для молодой дѣвушки, видѣвшей въ своемъ героѣ идеалъ всѣхъ добродѣтелей. Страданіе это было такъ сильно и борьба пережитая была такъ трудна, что она минутами колебалась не порвать ли уже установившуюся связь. Но любовь разрушила всѣ эти колебанія и она, выплакавъ ночами свои страданія, отдала Льву Николаевичу дневникъ и онъ прочелъ въ ея взорѣ прощеніе и еще болѣе сильную, уже закаленную любовь.

Свадьба была назначена очень скоро, черезъ недѣлю послѣ формальнаго предложенія, 23-го сентября.

Вѣнчались въ Кремлѣ, въ придворной церкви, а послѣ вѣнца на лошадяхъ въ дормезѣ уѣхали въ Ясную Поляну, гдѣ ихъ встрѣтилъ братъ, Сергѣй Николаевичъ, и тетка, Татьяна Александровна.

Братъ графини Толстой, С. А. Берсъ, въ своихъ воспоминаніяхъ такъ характеризуетъ свою сестру.

„Мой покойный отецъ отрицалъ воспитаніе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ; поэтому жена Льва Николаевича получила воспитаніе и образованіе дома, но подверглась экзамену и удостоена диплома, дающаго право домашней учительницы. Въ дѣвушкахъ она вела дневникъ, пыталась писать повѣсти и обнаруживала способность къ живописи“ *).

Вскорѣ послѣ женитьбы Левъ Николаевичъ писалъ Фету:

„Фетушка, дяденька и просто милый другъ Афанасій Афанасьевичъ. Я двѣ недѣли женатъ и счастливъ, и новый, совсѣмъ новый человѣкъ. Хотѣлъ я самъ быть у васъ, но не удается. Когда я васъ увижу? Опомнившись, я дорожу вами очень и очень, и между нами слишкомъ много близкаго,

*) С. А. Берсъ. Воспоминанія о гр. Л. Н. Толстомъ. Стр. 13.

Digitized by Google

незабываемаго — Николенька, да и кромѣ того. Заѣзжайте познакомиться со мной. Цѣлую руку Марьи Петровны. Прощайте, милый другъ. Обнимаю васъ отъ души" *).

Женившись, Левъ Николаевичъ вступилъ въ новый фазисъ жизни, семейный, „еще имъ неизвѣданный и обѣщавшій спасеніе", какъ говоритъ онъ въ „Исповѣди". Мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, насколько ожиданія Льва Николаевича оправдались. Духъ анализа не пощадилъ и этой спасительной пристани, разрушилъ и эту иллюзію. А всесильный разумъ поднялъ его на высшую ступень. Мы надѣемся заглянуть въ этотъ таинственный процессъ, насколько онъ намъ доступенъ, въ слѣдующемъ томѣ нашего изложенія.

За этотъ періодъ, кромѣ упомянутыхъ въ своемъ мѣстѣ, были написаны Львомъ Николаевичемъ слѣдующія произведенія:

„Метель", „Записки маркера", „Два гусара", „Семейное счастіе", „Поликушка" и начата повѣсть: „Холстомѣръ".

„Метель"—это зимній пейзажъ, читая его, вы не только видите самую метель, занесенную дорогу, заблудившихся ямщиковъ, со своими тройками, но слышите всѣ звуки этой метели и чувствуете какую-то тихую, замирающую стихійную жизнь...

Въ „Запискахъ маркера" изображена погибающая въ городскомъ развратѣ чистая, кроткая человѣческая душа.

Въ „Двухъ гусарахъ" изображено два поколѣнія: старое, кутящее напропалую, но цѣльное, искреннее и потому живое и стихійно гармоничное, и рядомъ поколѣніе молодое—развратное въ своей сдержанности, разсчетливости и лицемѣріи. Стихійная гармонія нарушена, а гармонія сознательная еще не найдена, и звучитъ страшный диссонансъ души, испорченной порокомъ.

---

*) „Мои воспоминанія". А. Фета. ч. I, стр. 405.

Digitized by Google

„Семейное счастіе“ это тихая, граціозная исторія любви, отраженіе пережитого авторомъ романа.

„Поликушка“ — трагедія крѣпостного права, издѣвательство чувствительнаго барства надъ мужицкой душой, скрывающей подъ грубой оболочкой самыя тонкія нравственныя черты, ломающіяся при одномъ прикосновеніи къ нимъ изуродованнаго, изолгавшагося барства.

Критики 60-хъ годовъ мало занимались этими замѣчательными произведеніями.

Они искали шаблонной общественности и не были достаточно чутки въ высшей, нравственной красотѣ, которой проникнуты эти произведенія.

Это молчаніе критиковъ заставило одного изъ нихъ написать статью, озаглавленную такъ: „Явленія современной литературы, пропущенныя нашей критикой. Графъ Левъ Толстой и его сочиненія“.

Мы не считаемъ умѣстнымъ вдаваться въ подробную критическую оцѣнку этихъ произведеній и говоримъ объ нихъ только, какъ о жизненныхъ фактахъ, свидѣтельствующихъ о неустанной внутренней и творческой работѣ Толстого.

Digitized by Google

Заключеніе къ 1-му тому біографіи Льва Николаевича Толстого.

Передъ нами въ этомъ бѣгломъ описаніи прошла почти половина жизни Льва Николаевича Толстого.

Опасаясь неумѣлою рукой исказить оригинальныя мысли и свидѣтельства, мы старались вездѣ, гдѣ только возможно, дать слово самому Льву Николаевичу или его близкимъ, роднымъ и друзьямъ, знакомымъ и товарищамъ, излагать эти мысли и свидѣтельства, ограничивая свою роль лишь показываніемъ этого интереснаго ряда картинъ.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на сырость этого матеріала, мы полагаемъ, что характеръ личности Льва Николаевича за эту половину его жизни долженъ ярко выступить передъ глазами читателя. И мы намѣрены указать здѣсь, въ заключеніи, на нѣкоторыя выдающіяся черты этого характера, которыя бросились намъ въ глаза и которыя, по нашему мнѣнію, обусловили его дальнѣйшее развитіе.

Одна изъ такихъ выдающихся чертъ есть необыкновенно страстное увлеченіе всякимъ предметомъ, который попадалъ въ область его вліянія. Было ли то псовая охота, или картежная игра, музыка, чтеніе, педагогика, хозяйство — онъ исчерпывалъ до конца каждый взятый сосудъ новыхъ впечатлѣній, перерабатывалъ его въ своей художественной лабораторіи и давалъ его міру въ прекрасныхъ формахъ, проникнутыхъ высокимъ морально-философскимъ смысломъ.

Съ тою же страстностью онъ шелъ и въ исканіи истины, смысла человѣческой жизни, и съ тою же силой своего

Digitized by Google

генія переработалъ и далъ міру въ прекраснѣйшей формѣ добытый имъ результатъ.

Другой чертой его характера была правдивость, искренность, ничего не боящаяся, часто приводившая его въ непріятныя столкновенія, но еще чаще и окончательно приведшая его къ тому Богу Истины, которому онъ служилъ, часто безсознательно для себя затемняя его разными временными увлеченіями.

Наконецъ третьей чертой характера была любовь добра, наслажденіе имъ и неустанная работа надъ собой съ цѣлью расширенія этой области добра, завлеченія другихъ на путь добра, стремленіе показать другимъ красоту его.

Мы видимъ, что уже этихъ трехъ указанныхъ чертъ, при его природныхъ дарованіяхъ, вполнѣ достаточно для достиженія того мірового вліянія, которое ему свойственно теперь.

Но, обозрѣвая первую половину жизни, мы замѣчаемъ еще одну замѣчательную черту—это постоянное неудовлетвореніе самимъ собой, своей дѣятельностью, своей литературной работой. Эта неудовлетворенность поддерживалась въ немъ постояннымъ самоанализомъ, не дававшимъ ему успокоиться ни на одной изъ представлявшихся ему красивыхъ иллюзій.

И эта неудовлетворенность не была болѣзненнымъ, безпричиннымъ нытьемъ. У нея были глубокія реальныя причины. При всѣхъ огромныхъ средствахъ его духовнаго разразвитія, ему не хватало прочнаго основанія, синтеза всѣхъ волновавшихъ его идей. Часто онъ близко подходилъ къ рѣшенію великой задачи, но не могъ ухватить ее, проходилъ мимо и снова глубоко и сильно страдалъ.

Эти колебанія его около одного, единственно возможнаго, необходимаго и достаточнаго (какъ говорятъ математики) рѣшенія объясняютъ всѣ кажущіяся противорѣчія его—сужденій и самоосужденій.

Въ слѣдующемъ томѣ мы надѣемся изложить ходъ собы-

Digitized by Google

тій въ жизни Льва Николаевича, приведшій его къ тому моменту, когда жажда истины и страданія отъ ненахожденія ея достигли высшей степени и въ силу неизбѣжности привели его къ единому рѣшенію, къ единой основѣ жизни и къ единому руководству въ дальнѣйшей дѣятельности, къ религіи.

П. Бирюковъ.

6-го ноября 1904 года.
Onex près Genève, Villa Russe.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ I-го ТОМА

БІОГРАФІИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО,

составленной **П. Бирюковымъ.**

Стр.

Посвященіе 3

Введеніе къ 1-му тому біографіи Л. Н. Толстого 5

Поводъ написанія біографіи. Собираніе матеріала. Распредѣленіе источниковъ по ихъ важности на разряды. Переписка со Львомъ Николаевичемъ. Неблагопріятныя обстоятельства работы. Конспектъ біографіи по 7-лѣтнимъ періодамъ. Распредѣленіе всей біографіи на три тома. Добавленіе.

Списокъ использованныхъ источниковъ къ I-му тому. 15

Введеніе Льва Николаевича къ своимъ воспоминаніямъ. 18

Часть I.

Происхожденіе Л. Н. Толстого.

Глава I. Предки Льва Николаевича со стороны его отца 25

Графы Толстые: Индрисъ. Первый графъ П. А. Толстой. Его возвышеніе, служебная дѣятельность и паденіе. Возвращеніе графскаго титула его внуку Андрею Ивановичу Толстому. Эпизодъ изъ жизни А. И. — Воспоминанія Льва Николаевича о своей бабушкѣ и дѣдѣ. Мыльные пузыри. Сборъ орѣховъ. Сказочникъ Левъ Степановичъ.

Родословная таблица. Важнѣйшіе представители фамиліи Толстыхъ.

Глава 2. Предки Льва Николаевича со стороны его матери 35

Digitized by Google

Стр.

Князья Волконскіе: Происхожденіе рода. Важнѣйшіе представители Кн. Сергѣй Федоровичъ Волконскій. Легенда объ образкѣ. Воспоминанія Льва Николаевича о своемъ дѣдѣ Волконскомъ. Предложеніе Потемкина. Воеводство въ Архангельскѣ. Николай Сергѣевичъ, какъ хозяинъ, помѣщикъ и человѣкъ. Семья Голицыныхъ.

Княжна В. А. Волконская. Воспоминаніе о ней Льва Николаевича. Кн. Сергѣй Григорьевичъ Волконскій — декабристъ. Кн. Николай Григорьевичъ Волконскій-Рѣпнинъ.

Глава 3. Родители Льва Николаевича 43

Свѣдѣнія о матери въ воспоминаніяхъ Льва Николаевича. Ея нравственный обликъ. Подруги. Любовь къ дѣтямъ. Общій характеръ семьи при жизни матери. Воспоминанія объ отцѣ. Военная служба, плѣнъ. Юношеская связь. Гражданская служба. Женитьба. Хозяйство. Общій характеръ и наружность отца.

Послужной списокъ. Эпизодъ изъ жизни отца. Автобіографическое значеніе „Дѣтства, Отрочества и Юности“ и „Войны и Мира“.

Часть II.

Дѣтство, Отрочество и Юность.

(1828—1850).

Глава 4. Дѣтство 61

Ясная Поляна. Домъ, гдѣ родился Левъ Николаевичъ. Метрическая запись. Первыя воспоминанія Льва Николаевича: пеленанье, корыто. Безсознательность перваго дѣтства. Періоды безконечности. Природа и ребенокъ — одно. Еремеевна. Федоръ Ивановичъ и прачки. Игра въ „милашки“. Переходъ изъ женскихъ въ мужскія руки.

Татьяна Александровна Ергольская. Воспоминаніе о ней Льва Николаевича. Муцій Сцевола. Отношеніе Т. А. къ отцу Л. Н-ча. Атмосфера любви, окружавшая Татьян. Алекс. Вліяніе Т. А. на Льва Николаевича. Другія лица, окружавшія въ дѣтствѣ Л. Н. – Ф. И. Мауеръ. Юродивые. Дунечка и Темешева.

Воспоминаніе о прислугѣ. Прасковья Исаевна. Анна Ивановна, Татьяна Филипповна, ея братъ Николай Филипповичъ, Василій Трубецкой.

Digitized by Google

Стран.

Братъ Николенька. Фанфаронова гора, муравейные братья, зеленая палочка, братъ Сережа. Еще нѣсколько дѣтскихъ воспоминаній. Заключеніе (изъ повѣсти „Дѣтство").

Глава 5. Отрочество 92

Переѣздъ въ Москву. Смерть отца. Смерть бабушки. Prosper St. Thomas. Раздѣленіе семьи. Опекунша графиня А. И. Остенъ-Сакенъ. Воспоминаніе о ней Льва Н-ча. Ея несчастная судьба и высокій нравственный обликъ. Смерть А. И. въ Оптиной пустыни. Эпизодъ съ собачкой. Вторая опекунша, Пелагея Ильинишна Юшкова. Переѣздъ въ Казань. Мужъ Пелагеи Ильинишны, Владимиръ Ивановичъ Юшковъ. Воспоминанія Скайлера о Юшковыхъ.

Внутреннее развитіе и характеръ Льва Николаевича въ отрочествѣ. Философскіе опыты. Дружба съ Нехлюдовымъ-Дьяковымъ. Обаяніе добродѣтели. Религіозное воспитаніе. Списокъ литературныхъ произведеній, имѣвшихъ вліяніе на Льва Н-ча. Нѣсколько эпизодовъ изъ отрочества, по разсказамъ Льва Н-ча и его родныхъ. Автобіографическіе разсказы изъ книгъ для чтенія.

Глава 6. Юность 120

Казанскій университетъ. Прохожденіе курса братьями Льва Н-ча. Поступленіе въ университетъ Льва Н-ча. Неудачи. Казанское общество. Переходъ на другой факультетъ. Интересъ, возбужденный бесѣдами Фогеля и лекціями Мейера. Переходъ на второй курсъ. Наказаніе. Выходъ изъ университета. Аттестатъ, выданный университетомъ. Отъѣздъ изъ Казани. Причины оставленія университета.

Воспоминанія о братѣ Дмитріи. Внѣшній обликъ. Особенности его. Раздражительность. Пренебреженіе людскимъ мнѣніемъ. Религіозность. Товарищъ Полубояриновъ. Любовь Сергѣевна. Безсмертіе Митеньки.

Очеркъ внутренняго развитія Льва Н-ча за этотъ періодъ. Критическій возрастъ. Идеальныя стремленія. Любовь. Руководящій голосъ. Созерцаніе природы. Вліяніе литературы и среды. Университетская работа. Дневникъ. Мечты и философскіе опыты. Религіозное состояніе его души. Церковная вѣра и невѣріе. Покаяніе.

Начало хозяйства въ деревнѣ. Письмо къ тетенькѣ. Неудача. Петербургъ. Проигрышъ, долги. Кандидатскій экзаменъ. Возвращеніе въ Ясную поляну. Бурный періодъ. Дневникъ. Жизнь въ Москвѣ. Литературные опыты.

Digitized by Google

Часть III.

Военная служба

(1851—1856).

Стран.

Глава 7. Кавказъ 205

Отъѣздъ изъ Ясной. Москва. Казань. Волга. Астрахань. Историческія свѣдѣнія о Кавказѣ. Станица Старогладовская. Аулъ Старый Юртъ. Ночная молитва. Горы. Въ чемъ счастье? Любовь къ казачкѣ. Начало писательства. Поступленіе на службу. Тифлисъ. Отношеніе къ Т. А-нѣ. Эпизодъ съ молитвой и проигрышемъ. Дружба съ Садо. Возвращеніе въ Старогладовскую. Мечты о семейной жизни. Три страсти: игра, сладострастіе и тщеславіе. Сознаніе своего призванія. Пятигорскъ. Мысли изъ дневника. Окончаніе „Дѣтства“ и отсылка его въ „Современникъ“. Возвращеніе въ Старогладовскую.

Письма Некрасова. Впечатлѣніе, произведенное „Дѣтствомъ“ на семейныхъ и на кружокъ писателей. Отношеніе критиковъ. Планъ „романа русскаго помѣщика“. Неудачи по службѣ. Походъ. Опасность 18 февраля 1853 года. Цензура. Опасность плѣна 13 іюня 1853 года. Записи въ дневникъ. Продолженіе литературныхъ занятій. Георгіевскій крестъ. Воспоминанія Янжула. Офицерскій экзаменъ. Отъѣздъ въ Россію.

Глава 8. Дунай и Севастополь 229

Краткій очеркъ политическихъ событій. Отраженіе ихъ на произведеніяхъ Л. Н. Отъѣздъ Л. Н. въ Дунайскую армію. Силистрія. Картинка изъ румынскихъ воспоминаній.

Переходъ въ Крымскую армію. Письмо къ брату Сергѣю. Патріотическое настроеніе. Проектъ военно-популярнаго журнала. 4-ый бастіонъ. Письмо къ брату Сергѣю съ перечнемъ фактовъ военной жизни.

Пророчество о самомъ себѣ. Письмо къ Некрасову о военныхъ сотрудникахъ „Современника“. Впечатлѣніе, произведенное на Александра II Севастопольскими разсказами. Цензурные нападки. Отзывъ товарища по службѣ. Севастопольскія пѣсни. Воспоминанія участника въ составленіи севастопольской пѣсни. Отзывы литераторовъ о Севастопольскихъ разсказахъ.

Сдача Севастополя. Отчетъ. Петербургъ. Воспоминанія П. А. Крылова.

Digitized by Google

Стран.

Глава 9. Петербургъ 266

Переѣздъ въ Петербургъ Кружекъ „Современника.“ Бѣлинскій и Толстой. Литературное воспитаніе Толстого. Руссо и Стендаль и др. Тургеневъ и Толстой. Оппозиція и скептицизмъ. Письма Тургенева къ Толстому изъ Парижа. Письмо Боткина къ Дружинину о „Королѣ Лирѣ“. Отзывъ Дружинина о „Юности“. Смерть брата Дмитрія. Воспоминаніе о немъ Л. Н-ча. Паутина любви. Дѣла „Современника“. Ясная Поляна. Выходъ въ отставку. Неудовлетвореніе писательской средой. Воспоминаніе объ этомъ изъ исповѣди. Оцѣнка Пушкина. Вѣра въ прогрессъ.

Глава 10. Романъ 300

Значеніе этого событія въ жизни Л. Н-ча. Перечень подобныхъ фактовъ изъ прежней жизни. Знакомство съ семьей А. Увлеченіе и первое разочарованіе. Отъѣздъ Л. Н-ча въ Петербургъ для испытанія силы чувства временемъ и разстояніемъ. Новое разочарованіе.

Сомнѣнія и колебанія. Охлажденіе. Перерывъ въ перепискѣ. Отъѣздъ Л. Н-ча заграницу. Послѣднее письмо. Переписка Л. Н-ча съ Т. А.-ной Ергольской объ его отношеніяхъ къ В. А. Конець романа. Связь этого романа съ „Семейнымъ счастіемъ“.

Часть IV.

Литературная и общественная дѣятельность.

(1857 — 1862).

Глава 11. Первое заграничное путешествіе. Московская жизнь. Медвѣжья охота 315

Отъѣздъ за границу. Парижъ. Тургеневъ и Некрасовъ. Дижонъ. Смертная казнь. Переѣздъ въ Швейцарію. Женева, Пьемонъ, Кларанъ. Путешествіе пѣшкомъ въ Шато д'Эксъ. Люцернъ. Исторія съ музыкантомъ. Возвращеніе въ Россію. Петербургъ. Некрасовъ. Ясная Поляна. Пліяда и Евангеліе. Молчаніе критиковъ. Москва. Свѣтская жизнь и гимнастика. Поѣздка Л. Н-ча къ княгинѣ Волконской. Возвращеніе въ Ясную. Основаніе музыкальнаго общества въ Москвѣ. Посѣщеніе Фетами Ясной Поляны. Т. А. Ергольская. Воспоминаніе о ней Л. Н-ча. Увлеченіе хозяйствомъ. Мнѣніе Тульскаго дворянства объ освобожденіи крестьянъ. Медвѣжья охота. Разсказъ Фета. Письмо Л. Н-ча къ Т. А. Ергольской. Толстой у Тургенева въ Спасскомъ. Избраніе Л. Н-ча въ члены Московскаго общества любителей Россійской словесности. Рѣчь Хомякова.

Digitized by Google

Стран.

Глава 12. Второе заграничное путешествіе. Смерть брата 352

Н. Н. Толстой. Отзывъ о немъ Фета и Тургенева. Отъѣздъ Н. Н. Толстого за границу. Письма Дружинина къ Толстому и Фету по поводу ослабленія ихъ литературной дѣятельности. Письма Н. Н. Толстого. Отъѣздъ Л. Н-ча Толстого съ сестрой и ея дѣтьми заграницу. Берлинъ. Саксонская Швейцарія. Дрезденъ. Встрѣча съ Ауэрбахомъ. Киссингенъ. Чтеніе философскихъ произведеній. Прогулки по окрестностямъ. Гарцъ, Тюрингенъ, Вартбургъ. Л. Н. о Лютерѣ. Письма Н. Н. Толстого. Л. Н. въ Соденѣ. Отъѣздъ Толстыхъ въ Гіеру. Смерть Н. Н. Толстого. Письма Л. Н. и его отношеніе къ смерти. Воспоминанія Пласкина о жизни въ Гіерѣ со Л. Н-чемъ. Поѣздка въ Италію. Марсель и его школы. Парижъ. Мнѣніе Л. Н-ча о французскихъ писателяхъ того времени. Лондонъ. Посѣщеніе Герцена. Брюссель. Знакомство съ Прудономъ и Лелевелемъ. Л. Н. въ Веймарѣ. Жилище Гете. Фребелевскіе сады. Воспоминанія школьнаго учителя. Іена, Гота, Дрезденъ. 2-е посѣщеніе Ауербаха. Берлинъ. Споръ съ Дистервегомъ о воспитаніи и образованіи. Возвращеніе въ Россію. Отношеніе Л. Н. къ нѣмецкимъ педагогическимъ теоріямъ.

Глава 13. Толстой и Тургеневъ. Посредничество . 397

Освобожденіе крестьянъ. Толстой и Тургеневъ у Фета. Ссора. Переписка Толстого съ Тургеневымъ объ удовлетвореніи. Попытки примиренія. Л. Н.—мировой посредникъ. Интриги дворянъ. Характерныя рѣшенія Л. Н-чемъ различныхъ дѣлъ. Столкновеніе съ съѣздомъ. Отставка. Разсказъ управляющаго объ отношеніи Л. Н-ча къ своимъ обязанностямъ. Воспоминанія князя Оболенскаго.

Глава 14. Педагогическая дѣятельность Л. Н-ча Толстого. Теоріи. 419

О народномъ образованіи. Журналъ „Ясная Поляна". О методахъ обученія грамотѣ. Воспитаніе и образованіе. Отношеніе критиковъ. Возраженіе Маркова и отвѣтъ ему Л. Н-ча. Прогрессъ и опредѣленіе образованія. Критика министерскаго проекта. Заключеніе.

Глава 15. Устройство и практика Яснополянской школы 435

Первые педагогическіе опыты въ 1849 г. Возобновленіе школьныхъ занятій въ 1859—60 году. Исканіе отвѣта на вопросъ: чему учить? какъ учить? Устройство Яснополянской школы. Вечерняя прогулка. Урокъ сочинительства. „Ложкой кормитъ, стеблемъ глазъ колетъ".

Digitized by Google